

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ ВСЕОБЩЕЙ ИСТОРИИ

СЕРИЯ

ВИЗАНТИЙСКАЯ
БИБЛИОТЕКА

ИССЛЕДОВАНИЯ

ВИЗАНТИЯ
между
Западом и Востоком

Опыт
исторической
характеристики

УТВЕРЖДЕНО К ПЕЧАТИ
ИНСТИТУТОМ ВСЕОБЩЕЙ ИСТОРИИ
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК

СЕРИЯ

ВИЗАНТИЙСКАЯ
БИБЛИОТЕКА

ИССЛЕДОВАНИЯ

Редколлегия серии «Византийская библиотека»:

*Г. Г. Литаврин (председатель), О. Л. Абышко
(сопредседатель), И. А. Савкин (сопредседатель),
С. С. Аверинцев, М. В. Бибииков, С. П. Карпов,
Г. Л. Курбатов, Г. Е. Лебедева, Я. Н. Любарский,
И. П. Медведев, Г. М. Прохоров, И. С. Чичуров,
А. А. Чекалова, И. И. Шевченко*

ВИЗАНТИЯ

между Западом и Востоком

Опыт
исторической
характеристики

Ответственный редактор:
академик Г. Г. Литаврин

Рецензенты: д. и. н. Л. Е. Семенова
д. и. н. Е. С. Голубцова

Издание второе

Издательство
«АЛЕТЕЙЯ»
Санкт-Петербург
2001

ББК ТЗ(0)44

УДК 949.5

Византия между Западом и Востоком. Опыт исторической характеристики. — СПб.: Алетейя, 2001. — 544 с. — (Византийская библиотека. Исследования).

ISBN 5-89329-068-2

Данная книга представляет собой впервые предпринятую в российском византиноведении попытку осветить коллективными усилиями ряд аспектов одной из наиболее сложных и актуальных проблем мировой историографии — вопрос о месте Византийской империи во всемирно-историческом процессе.

Для историков и филологов и для самых широких кругов читателей, интересующихся вопросами истории и культурологии.

Редколлегия сборника:

академик РАН Г. Г. Литаврин (ответственный редактор)
кандидат ист. наук З. Г. Самодурова (ответственный секретарь)

доктор ист. наук В. И. Уколова

доктор ист. наук Б. Н. Флоря

доктор ист. наук Б. Л. Фонкич

доктор ист. наук А. А. Чекалова

член-корреспондент РАН Я. Н. Шапов

На форзацах:

слева — Христос. Вторая четверть XII века. Собор Св. Софии, Константинополь. Мозаика в южной галерее;

справа — Богоматерь. Вторая четверть XII века. Собор Св. Софии, Константинополь. Мозаика в южной галерее.

ISBN 5-89329-068-2

© Издательство «Алетейя» (СПб.), 2001 г.

© Институт всеобщей истории РАН, коллектив авторов, 1999 г.

ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ

«Византия между Востоком и Западом» — поистине вечная тема в исторической науке, и такой она, видимо, останется надолго, так как ставит перед исследователями одну из сложнейших проблем медиевистики — проблему исторической роли Византийской империи в средневековой истории Европы и стран Ближнего Востока. Работы, посвященные этой теме, появляются в мировой историографии практически ежегодно.¹ Оправдана поэтому еще одна попытка (на этот раз византинистов России) внести свой вклад в рассмотрение ряда сторон проблемы, для адекватного решения которой потребуются, может быть, усилия не одного поколения ученых.

Огромная империя, расположенная на границе между Европой и Азией, в течение по крайней мере семи столетий (с VI до начала XIII) играла важную, порой ведущую роль в экономической, политической и культурной жизни народов средневековой Европы и стран Ближнего Востока. От позиции империи, ее побед или поражений зависели судьбы многих народов, как ближних, так и дальних. Союзы с императорами искали почти все христианские государи и мусульманские правители. Товары и изделия из Византии пользовались повышенным спросом на рынках всего цивилизованного мира. Духовное влияние империи простиралось от Балтийского моря до Красного, от Сирии и Армении до Атлантики.

Обычно проблема «Византия между Востоком и Западом» рассматривалась и рассматривается либо в аспекте типологии социаль-

¹ La notion de l'autorité en Moyen Ages: Islam, Byzance, Occident. Colloques internationaux de la Napoule. Oct. 1978. Paris, 1982; La notion de la liberté au Moyen Ages: Islam, Byzance, Occident. Penn-Paris-Dumbarton Oaks Colloquia. Oct. 1982. Paris, 1985; Byzantium. A World Civilization, ed. by A. Laiou and H. Meguire. Washington, 1992; Byzantium and the West c. 850 — c. 1200. Proceedings of the XVIII Spring Symposium of Byzantine Studies, ed. by J. D. Howard-Johnston. Amsterdam, 1988; Byzantine Diplomacy, ed. by S. Shepard and S. Franklin. Verona, 1992; Byzance et ses voisins. Mélanges à la mémoire de Gy. Moravcsik. Szeged. 1994. Ряд существенных аспектов трактуемой в данной книге проблемы нашел отражение в докладах и сообщениях на последнем (XIX) Международном конгрессе византиноведческих исследований, состоявшемся в Копенгагене: Byzantium. Identity, Image, Influence. XIX International Congress of Byzantine Studies. University of Copenhagen, 18—24 August, 1996. Major Papers. Copenhagen, 1996; Ibidem. Abstracts of Communications. Copenhagen, 1996.

ной структуры и государственной системы основных стран Европы и Ближнего Востока, либо в аспекте конфессионального противостояния христианского и мусульманского миров, либо, наконец, в аспекте культурного взаимодействия с Западом и Востоком восточнохристианской империи, оказавшейся в эпицентре важнейших коммуникаций средневековья и служившей одновременно и барьером и мостом между двумя цивилизациями, доминировавшими в Европе и на Ближнем Востоке в то время.

Главное внимание в науке уделяется при этом последнему из названных аспектов (нередко объединяемому со вторым). Именно его изучение позволяет особенно ярко и убедительно уяснить всемирно-историческое значение Византии в современном ей мире — она не только «надеяла» своими культурными достижениями иноземцев, но и являлась для многих из них наставницей, давшей им представление о совершенстве (идеале), а вместе с тем — и о критериях, ориентация на которые необходима при создании шедевров своими собственными творческими усилиями.

Однако не столь давно российские византилисты, учитывая опыт современной мировой историографии для написания очерков византийской культуры,² убедились в том, сколь много еще остается невыясненного как в процессах становления самой византийской культуры, так и в конкретных проявлениях ее взаимодействия с культурами других народов.³

В частности, нет еще убедительного решения очевидного исторического парадокса, касающегося путей формирования византийской культуры и ее главных особенностей. С одной стороны, именно Византия сравнительно с другими странами Европы и Ближнего Востока исторически сложилась как самое полиэтничное государство. Кроме того, ни одна другая страна Европы не была в VI–XII вв. местом столь частой и интенсивной иммиграции, каким была империя: из века в век в ее пределы вливались и с Востока и с Запада мелкие и крупные иноэтничные контингенты, приносившие с собою элементы собственной самобытной культуры. И напротив, исключая эпоху иконоборчества и последнее столетие существования империи (когда,

² Культура Византии. IV—первая половина VII в. М., 1984; Культура Византии. Вторая половина VII—XII вв. М., 1989; Культура Византии. XIII—первая половина XV в. М., 1991.

³ См.: Культура Византии. IV—первая половина VII в. С. 5–13, 668–684; Культура Византии. Вторая половина VII—XII вв. С. 5–10, 617–635; Культура Византии. XIII—первая половина XV в. С. 5–10, 585–607.

избегая репрессий на конфессиональной почве, империю покинула часть ее подданных), нет примеров эмиграции за ее пределы сколько-нибудь значительных групп ее жителей. В соответствии с этим именно византийскую культуру (до XII в. наиболее развитую среди всех европейских культур) следует рассматривать в значительно большей мере, чем любую другую, ей современную, как результат творчества многих народов, а не одних политически и этнически доминировавших в империи греков.⁴ Изначально открытая к усвоению иноземных культурных феноменов, сама культура Византии оформлялась как сложный синтез христианства с богатейшим языческим полиэтническим наследием не только классической античной, но и других древнейших цивилизаций Восточного Средиземноморья.

С другой стороны, иноплеменники (негреки), как являвшиеся с рождения полноправными подданными императора, так и иммигранты, обретавшие этот статус постепенно, проникались — и путями, еще не совсем изведенными, — главными ценностями византийской цивилизации как всеобщим культурным достоянием всего населения Византии. Ее культура стала к IX в. по преимуществу грекоязычной и сравнительно более однородной среди других средневековых культур Европы.

Естественно поэтому, что подавляющее большинство авторов данной книги концентрируют в своих очерках внимание (в рамках общей темы) именно на проблемах культурных взаимосвязей империи, которые рассматриваются при этом как обоюдосторонний процесс: Византия не только влияла на культуры других стран и народов — она сама испытывала ответное культурное влияние.

Однако историческая роль Византии отнюдь не ограничивалась, как уже было замечено, ее вкладом в процесс становления и развития европейской и ближневосточной цивилизации. Взаимодействие империи «ромеев» с окружающим миром налагало существенный отпечаток не только на культурную, но и на экономическую, политическую, социальную и общественную жизнь обеих сторон. Поэтому ряд авторов предлагаемого на суд читателя труда (по крайней мере семеро из двадцати) включили и эти вопросы в круг аспектов, требующих изучения в рамках поставленной проблемы.

Итак, новое в подходе к поднятой в труде проблеме сравнительно с существующими работами состоит в том, что в нем поставлена цель выявить и интерпретировать по возможности исчерпывающим обра-

⁴ *Obolensky D. The Byzantine Commonwealth. Eastern Europe. 500–1453. London, 1971. P. 278 sq., 315.*

зом весь наличный материал письменных источников, имеющих отношение к самым разным аспектам взаимодействия империи с современным ей миром на протяжении одиннадцати столетий. Задача такого рода в указанном масштабе ставилась в мировой историографии только в плане внешнеполитических отношений Византии с окружающими ее странами и народами. 15 лет назад, во время работы над трехтомной «Культурой Византии», отечественные византинисты предусматривали возможность создания такого труда в качестве 4-го тома, но по не зависящим от авторов причинам проект не был осуществлен. В данном труде российские византинисты приступают к реализации этого замысла, рассматривая свой труд в качестве первого этапа предстоящих исследований.

В связи с этим необходимо обратить внимание читателя на три особенности данного сборника. Во-первых, его композиция лишена той соразмерности, которую следовало бы соблюдать в труде на избранную тему. Дело в том, что при разработке проекта труда предусматривалось включение в него ряда очерков, посвященных специально вопросам взаимоотношений империи со странами восточнохристианского круга, которые обычно обозначаются в историографии термином, введенным в науку Д. Оболенским, — «Византийское сообщество государств». В частности, к этому аспекту проблемы принадлежат очерки М. В. Бибикова, В. А. Арутюновой-Фиданян, отчасти — З. Г. Самодуровой и С. А. Иванова. К сожалению, ряд авторов, обещавших рассмотреть связи империи с христианскими странами Восточной и Юго-Восточной Европы, по разным, чисто субъективным причинам не успели выполнить свои обещания.

Именно поэтому я позволил себе в своем очерке о геополитическом положении Византии остановиться специально более подробно на отношениях империи с Болгарией и Русью и на вопросе об условиях формирования и функциональной роли «Византийского сообщества».

Имеется в композиции данного труда и другой существенный, на мой взгляд, недостаток. Было бы естественным, наряду с крупным разделом о византийско-славянских отношениях, обеспечить в труде преобладание материалов, посвященных связям империи с народами и странами Востока, так как Византийская империя в ходе всей своей многовековой истории была теснее, чем с Западом, связана мирными и враждебными контактами именно с Востоком. К сожалению, раздел об отношениях Византии с народами Востока значительно уступает первому — о связях с Западом. Причины этого в данном случае объективны: они отражают состояние современного российско-византиноведения — восточное направление внешнеполитических

связей империи долго не пользовалось должным вниманием в российской византистике и стало возрождаться лишь в самые последние годы. Поэтому такая обширная и важная тема, как византийско-арабские отношения, насчитывающие почти полутысячелетие, представлена в труде лишь кратким очерком крупного российского арабиста О. Г. Большакова, доведшего свое повествование до X в. К сожалению, остался не реализованным замысел об отношениях империи с Кордовским халифатом и с Фатимидами Египта, как и последствия длительных контактов и конфронтации подданных империи с арабами на Сицилии и в Южной Италии.

Во-вторых, авторы, опираясь на сохранившиеся от данного региона и данной эпохи источники, не считали возможным подчинить свои поиски некоей общей для всех структуре, с обязательным для всех освещением определенной группы вопросов. Они сами отбирали те аспекты, которые представлялось возможным осветить на имеющемся у каждого материале. Поэтому и композиция труда была определена лишь после того, как работа была завершена. В целом составляющие труд очерки разделены на две части. В первой освещаются отношения Византии со странами и народами Запада (очерки А. А. Чекаловой, В. И. Уколовой — О. Р. Бородина, А. В. Бармина, З. Г. Самодуровой, М. В. Бибилова, П. И. Жаворонкова, С. П. Карпова, В. Г. Ченцовой, Е. М. Ломизе, Б. Л. Фонкича, И. П. Медведева, С. А. Иванова). Второй раздел посвящен отношениям империи с народами Востока (очерки О. Г. Большакова, В. А. Арутюновой-Фиданян, Р. М. Шукурова, Д. А. Коробейникова, С. Ф. Орешковой). Внутри каждого из двух разделов очерки расположены по преимуществу в хронологическом (отчасти — тематическом) порядке. Наконец, два очерка (Г. Г. Литаврина и О. В. Ивановой) — о геополитическом положении Византии и об этнической ситуации в ее пределах в центральный период истории империи — помещены в качестве вступительных статей ко всему труду, так как в них идет речь об условиях, в которых совершались контакты Византии с окружающим миром, и об этнокультурной политике ее властей в отношении своих иноплеменных подданных.

Разумеется, предлагаемое расположение очерков в труде в небольшой степени условно: авторы ряда очерков рассматривают взаимоотношения империи с народами и Западом и Востоком (А. А. Чекалова, С. А. Иванов, П. И. Жаворонков). Их очерки включены в первый раздел только ввиду преобладания соответствующего («западного») материала. К первому разделу отнесен (также в известной мере условно) и очерк М. В. Бибилова, затрагивающий главным образом связи со странами славянского мира, поскольку эти страны являются, как и государства Запада, христианскими.

В-третьих, ни авторы, ни редколлегия не считали необходимым на данном этапе разработки темы ставить перед собой цель создания некоей общей концепции по изучаемой проблеме. Они рассматривают свой труд как предварительный, претендующий не столько на решение проблемы, сколько на определение путей ее дальнейшего изучения. В качестве предварительной следует расценивать и нашу попытку осмысления ряда содержащихся в труде выводов и наблюдений.

Авторы отдают себе полный отчет в том, что предпринятая в данном труде попытка по-новому рассмотреть и отчасти пересмотреть множество частных и крупных вопросов многоаспектной и безбрежно широкой проблемы не может не вызвать весьма критических и, возможно, взаимоисключающих оценок. Надеемся, что они будут конструктивными и позволят авторам более четко определить свои задачи на следующих этапах исследования.

Пользуюсь возможностью выразить благодарность от имени всех коллег за научно-организационную работу по подготовке труда к печати З. Г. Самодуровой, М. И. Леньшиной и Т. В. Блаватской.

Г. Г. Литаврин

Г. Г. Литаврин

ГЕОПОЛИТИЧЕСКОЕ ПОЛОЖЕНИЕ ВИЗАНТИИ В СРЕДНЕВЕКОВОМ МИРЕ В VII–XII вв.

Поскольку данная книга рассчитана на внимание не только специалистов, но также (по давней традиции российского византиноведения ¹) широкой культурной общественности, интересующейся историей, следует специально остановиться на некоторых общих особенностях геополитического положения Византии, так как оно во многом определяло характер ее внешних контактов с окружающим миром (причем не только с Востоком и с Западом, но также с Севером, которому здесь будет уделено особое место потому, что он остался в основном за пределами внимания других авторов данного труда).

Границы империи претерпели в ходе ее тысячелетней истории существенные изменения, подробно перечислить которые здесь невозможно. Поэтому ограничимся центральной эпохой в жизни империи, т. е. серединой VII–XII в. Как известно, большая часть владений империи располагалась тогда географически на стыке между Европой и Азией (соприкасавшихся друг с другом там, где находилась византийская столица — Константинополь) и сводилась в основном к двум полуостровам (Балканскому и Малоазийскому) и островам Эгейского моря. На Западе к началу VII в. Византия удерживала лишь

© Г. Г. Литаврин.

¹ *Басаргина Е. Ю.* Успенский Ф. И.: Обзор личного фонда // Архив русских византинистов в Санкт-Петербурге. Под. ред. *И. П. Медведева*. СПб., 1995. С. 46, 54; *Она же.* Русский археологический институт в Константинополе: архивные фонды // Там же. С. 75 и др.

Равеннский экзархат, юг Италии и Сицилию. На Востоке в 30–60-х годах этого века арабы отняли у нее Сирию, Палестину и африканские владения. Крайне важно, однако, учитывать, что не менее частые контакты (включая длительные военные конфликты) империя имела не только с Востоком и Западом, но также с Севером (лежащим за ее балканскими границами) и с Югом (совпадавшим в основном в расцветающую эпоху с просторами Средиземного моря).

Существенными с географической точки зрения сравнительно с другими странами Европы были также такие особенности византийских владений, как чрезвычайное многообразие рельефа и климата в разных районах империи (от средневропейского на севере Балкан до субтропического в Юго-Восточном Средиземноморье), а также многократное (а с учетом островных владений — десятикратное) преобладание морских границ над сухопутными.

Ни одно другое крупное европейское и ближневосточное средневековое государство того времени не имело непосредственных контактов, мирных и враждебных, с таким количеством стран и народов, как Византия. Практически по периметру ее границ не было ни одной стороны, надежно защищенной природой, на которую империя в случае нужды могла бы «опереться спиной», чтобы встретить врага лицом к лицу, не боясь нападения с тыла.

К тому же море ни для одной другой страны Европы (даже в столетие норманнских набегов) не было в течение многих веков постоянным источником столь серьезных опасностей, как для империи в VII–XII вв., прежде всего для ее прибрежных провинций и островов Эгейского моря. Безраздельному господству византийцев на море пришел конец уже в середине VII в., когда арабы создали свой собственный военный флот. В последующем империи временами удавалось добиваться превосходства своих морских сил над арабскими, но о прежней неоспоримой гегемонии на море, вопреки гордому заявлению Никифора II Фоки «Могущество флота — у меня одного»,² уже не могло быть и речи, а с конца XI в. преобладание на море стало переходить в бассейне Средиземного моря к флотам городов-республик Италии.

Ни одно западноевропейское государство, имевшее в VII–XII вв. выход к морю (кроме Венеции и Генуи начиная с XI в.), не тратило таких средств на строительство и поддержание военного флота, как Византия («Флот — слава Романии, — внушал Кекавмен василевсу, — ...если флот придет в негодность, то и ты сам ...па-

² *Liutprand von Cremona. Relatio de Legatione Constantinopolitana.* Ed. by B. Scott. London, 1993. P. 5.

дешь»⁸).⁸ Действительно, упадок империи всегда совпадал с упадком ее флота. Византийский флот не только сражался с врагами на море — он также быстро перебрасывал из конца в конец империи (а большинство ее провинций выходило к морю или лежало близ него) конницу, пехоту и воинское снаряжение. Впрочем, внезапность нападения с моря на чрезвычайно растянутые морские рубежи не была исключена и при наличии сильного флота. Видимо, не случайно крупные средиземноморские державы упорно стремились овладеть всем побережьем, «окольцевать» море своими владениями, сделать внутренним озером. Это удалось римлянам, затем Юстиниану I, на две трети периметра сначала — арабам, а позже османам.

Огромная протяженность морских границ предполагала, естественно, ограниченность рубежей сухопутных. Возлагая главные заботы по защите морских границ на военный флот, империя получала возможность в случае вторжения врагов на суше концентрировать большие сухопутные силы на относительно коротких по протяженности участках. Крупные реки (Дунай и речная система Месопотамии) и горы на границах империи являлись, однако, как защитой, так и источником повышенной опасности (они были все-таки доступны для преодоления врагу, который нередко скрытно концентрировал за ними войска для внезапного вторжения).

Дунай во время существования независимых болгарских царств терял роль естественно укрепленного рубежа империи. Эту роль выполнял Балканский хребет. Однако условием извлечения стратегических выгод от этих рубежей было размещение на Дунае пограничных войск (а нередко и военного флота), а у каждого из горных проходов сильных сторожевых постов. В Малой Азии протяженность сухопутной границы сильно сократилась в VII в. под напором арабов, а в XI в. — турок-сельджуков. Частичные отвоевания Комнинов были, конечно, благом для подданных империи на полуострове, но они осложнили стратегическое положение малоазийских владений: отвоевав только прибрежные черноморские и средиземноморские районы, Византия уже не могла эффективно защищать восточные необычайно растянутые границы.

Чрезвычайно важно в связи с этим, как сам император Константин VII Багрянородный оценивал в середине X в. геополитическое положение империи, защита которой была одной из его важнейших забот. Во-первых, он ставит империю в центр известного ему населен-

⁸ Советы и рассказы Кекавмена. Изд. Г. Г. Литаврина. М., 1972. С. 292. 19, 296.7-8.

ного мира. Император последовательно характеризует соседей Византии и формы отношений империи с ними, следуя при этом по часовой стрелке: начав со стран и народов севера, он переходит поочередно к соседям с востока, юга и запада и, завершив оборот в 360 градусов, вновь возвращается к соседям с севера и (частично) с востока. Во-вторых, весьма знаменательно, что Константин начинает свое описание именно с севера. Учитывая дидактические цели труда «Об управлении империей» (поучение адресовано наследнику на троне с целью научить его править и беречь империю от внешних врагов), следует признать, что указанная деталь композиции свидетельствует об одном из важнейших принципов внешней политики Константина. Император-отец с первых страниц поучения обращает сына-наследника лицом к тем границам империи, за которыми для нее в то время таилась главная опасность. Избранная Константином последовательность рассказа «по ходу часовой стрелки» осмыслена как «шкала» убывания опасности для державы от ее ближних и дальних соседей. В-третьих, в полном соответствии с действительностью, как минувшей (в целом известной Константину), так и ему современной, автор рассматривает окружающий империю мир в основном как реально или потенциально ей враждебный. А ведь международное положение империи при Константине VII (913–959) было относительно благополучным.⁴ В качестве союзников империи, которым, однако, нельзя доверять всецело (предусматривалось, кого следует толкнуть против них в случае измены), Константин называет в Северном и Восточном Причерноморье печенегов и аланов, на Балканах — сербов и хорватов, а на Востоке — вассальные грузинские и армянские княжества.

В задачи данного очерка не входит подробная характеристика последствий политических отношений империи с окружающим миром. Обозначим лишь их наиболее общие тенденции. Яркой чертой контактов империи в торговой и военно-политической сферах является традиционная в VII–XII вв. пассивность империи. Иноземцы, как правило, шли к ней сами — то с товарами, то с обнаженным мечом. Византийские купцы вели обычно торг с чужестранцами дома, на своих имперских рынках, несравненно реже пускаясь сами в дальние торговые экспедиции, а императоры были склонны скорее принимать, чем отправлять посольства. Отстаивая свои интересы и свои владения, империя редко нападала на врагов сама — она предпочитала обороняться. Об очевидном миролюбии Византии написано особенно

⁴ Литаврин Г. Г. Введение // Константин Багрянородный. Об управлении империей. М., 1991. С. 10–30.

много в новейшей литературе. Сделаны попытки объяснить этот феномен политики империи идеологическими принципами, которые соблюдались ее государственными деятелями как религиозные заповеди.⁵ Однако главной причиной миролюбия являлась, видимо, прозаическая реальность: империи было не до наступательных войн с целью возвращения своих былых владений (для этого у нее не хватало ни войск, ни средств). Чаще всего ее усилия были направлены на выживание, на сохранение хотя бы того, что она еще имела. Уже смертельно больной Михаил IV (1034–1041), отправляясь в поход против болгар, поднявших восстание против византийского господства, заявил, что было бы «ужасным, если бы он, не добавив ничего сам к царству ромеев, допустил потерю какой-либо его части».⁶ Идею же обоснование миролюбивой политики возвышенными соображениями и христианскими догматами вольно или невольно явилось по сути дела оправданием позиции, продиктованной трезво сознаваемой слабостью (или недостатком) сил.⁷ Провозглашенный около 860 г. патриархом Фотием во введении к «Исагоге» в качестве священного долг императора своими добродетелями сохранять имеющиеся блага, неусыпной деятельностью возвращать утраченные и усердием и рвением добывать отсутствующие пытались исполнять в конце IX—XII в. лишь 7 венценосцев из 28-ми.⁸ Для внешней политики Византии остались наиболее характерными две ярко выраженные и остро противоречащие друг другу тенденции: непомерные претензии, опиравшиеся на теорию (данные Богом права «избранному народу»)^{8а}, и глубокий реализм,

⁵ *Viscuso P.* Christian Participation in Warfare. A Byzantine View // Peace and War in Byzantium. Essays in Honor of George T. Dennis. Washington, 1995. P. 34–40; *Muntitz J. A. S. J.* War and Peace Reflected in some Byzantine Mirrors of Princes // Ibid. P. 52–59; *Oikonomidès N.* The Concept of «Holy War» and Two Tenth-Century Byzantine Ivories // Ibid. P. 62–68.

⁶ *Michel Psellos.* Chronographie. Texte établi et traduit par E. Renaud. T. I. Paris, 1967. P. 78, 9–11.

⁷ *Kazhdan A.* The Notion of Byzantine Diplomacy // Byzantine Diplomacy. P. 10–12; *Shepard J.* Byzantine Diplomacy. A. D. 800–1204 // Byzantine Diplomacy. P. 44.

⁸ *Ahrweiler H.* L'Idéologie politique de l'empire byzantin. Paris, 1975. P. 41–42, 64–65.

^{8а} *Курбатов Г. Л.* Политическая теория в ранней Византии. Идеология императорской власти и аристократическая оппозиция // Культура Византии. М., 1984. С. 98–118; *Литаврин Г. Г.* Политическая теория в Византии с середины VII до начала XIII в. // Культура Византии. М. 1989. С. 59–88; *Поляковская М. А., Медведев И. П.* Развитие политической мысли

диктуемый практикой (мобилизация всех сил, дабы уцелеть в изнуряющей борьбе).⁹

Еще М. Я. Сюзюмов говорил, что при поиске причин сравнительно медленного прогресса в общественном развитии Византии нужно учитывать внешнеполитический фактор: империя, писал он, из века в век находилась в состоянии перманентной войны, пожирившей почти ежегодно колоссальные людские и материальные ресурсы. Сплошь и рядом Византии приходилось вести войны одновременно с несколькими врагами. В условиях в сущности постоянного чрезвычайного положения власти империи были вынуждены любой ценой сохранять стабильность, консервировать существующие порядки. Крупные социальные реформы могли нарушить равновесие. Внешний фактор, обретая гипертрофированную роль, становился также могущественным внутренним фактором.¹⁰ В последние годы, наконец, весьма убедительно показано, что военные расходы империи составляли от половины до 70% ее годового бюджета.¹¹ Будучи централизованным, государство содержало военные силы за счет казны, которая наполнялась в основном из налоговых поступлений. Любая война отзывалась на материальном положении всего населения империи. Константин VII в труде «О церемониях императорского двора» дает дополнительно к обычным налогам длинный перечень материальных взносов на военный поход (в деньгах, продовольствии, боевых конях, оружии, снаряжении и т. п.), которые должны были предоставить любой носитель титула, духовное лицо и рядовые жители фем.¹² Алексей III Ангел взыскивал с подданных огромные сум-

в поздней Византии // Культура Византии (1991). С. 255–279; Караγιαννόπουλος 'Ι. Η πολιτική θεωρία τῶν βυζαντινῶν. Θεσσαλονίκη, 1988. Σ. 7–18.

⁹ *Zakythinos D.* Byzance et les peuple de l'Europe du Sud-Est. La synthèse byzantine // Actes du Premier Congrès International des études Balkaniques et Sud-Est Européennes, v. I. Sofia, 1969. P. 21–22.

¹⁰ *Сюзюмов М. Я.* Некоторые проблемы истории Византии // ВИ, 1969, № 3. С. 15–16; *Он же.* Историческая роль Византии и ее место во всемирной истории // ВВ, 29, 1968. С. 39, 44; *Miller T. S.* Introduction // Peace and War. P. 2–4.

¹¹ *Nlavis P. E.* The Reign of the Byzantine Emperor Nicephoros I. Athens, 1987. P. 49, 111; *Treatgold W.* The Byzantine State Finances in the Eighth and Ninth Centuries. New York, 1982. P. 37–90; *Idem.* The Army in the Works of Konstantine Porphyrogenitas // Rivista di Studi bizantini e neoellenici, N. S. 29, 1992. P. 84–93, tabl.

¹² *Constantini Porphyrogeniti* De cerimoniis aulae Byzantinae libri duo. I. Bonnae, 1829. P. 673–678.

мы на уплату контрибуции немцам («аламанскую подать»).¹³ Кекавмен рекомендовал императору мирный курс внешней политики как наиболее выгодный для империи.¹⁴

Особенность стратегического положения империи обусловила также ожесточение и тяжесть войн, которые она вела. Все современные ей государства Европы и Ближнего Востока воевали, как правило, со своими соседями, чаще всего — один на один, зная заранее потенциал врага, его возможных союзников и излюбленные им приемы борьбы. Помимо «традиционных» врагов (арабы, болгары), имела Византия и таких, с которыми ранее никогда не сталкивалась и которые обрушивались на ее границы совершенно неожиданно. Поэтому империя всегда придавала огромное значение разведывательной службе. Поскольку большинство кочевых племен являлись к Дунаю из степей Северного Причерноморья, исключительная роль как источника информации и исходного пункта дипломатических акций отводилась Херсону, отдаленному форпосту империи, который сам по себе не имел серьезного военного значения.

Приверженность доктрине «божественной империи», ее неоспоримой гегемонии в ойкумене, стала, как сказано, второй натурой ромеев. Отказ от нее был бы равнозначен для них отказу от христианства и от заветов равноапостольного Константина. Примечательно, однако, что даже в тех случаях, когда Византия предпринимала явно завоевательные походы (подчинение Болгарии, захват армянских и грузинских княжеств), она ни разу за всю свою одиннадцативековую историю не вышла за пределы старых границ Римской империи, т. е., с точки зрения политиков и идеологов Византии, она всегда вела лишь справедливые войны — за восстановление своих прав, некогда погрязших варварами. Несмотря на господство среди подданных империи этой претенциозной доктрины, объективно оценивая внешнюю политику Византии в VII—XII вв., следует констатировать, что обычно отнюдь не империя была виновна в преобладании ситуаций противостояния, приводившего к вооруженным столкновениям с другими странами и народами. Инициатива войн исходила, как правило, от ее соседей. Языческие народы и христиане-неофиты Центральной и Восточной Европы нападали на Византию с севера, западноевропейцы атаковали ее с запада, а страны ислама вели наступление с востока и юга.

¹³ Nicetae Choniatae Historia, ed. I. A. van Dieten. P. I. Berolini et Novi Eboraci, 1975. P. 477—479.

¹⁴ Советы и рассказы... С. 150.14—20.

Что касается стран Запада, то со времен Юстиниана империя практически не сталкивалась с ними на почве экономических или территориальных споров. Эпизодически возникавшие трения престижного характера и идеологические расхождения не повлекли за собой сколько-нибудь серьезных, а тем более военных конфликтов. Настороженное (как оказалось, оправданно) отношение византийцев к представителям *Rex Latina* усиливалось век от веку. Известным уважение к франкам, выраженное Константином Багрянородным,¹⁵ сочеталось с недоверием к ним и подозрительностью. Поговорка «Имей франка другом, но не имей соседом» была распространена в империи уже в IX в.¹⁶ Латиняне проявляли постепенно возрастающий и недобрый интерес к империи, тогда как империя в своей гордыне не желала об этом знать. Прямое военное столкновение с вторгнувшимися на рубеже X–XI вв. в Южную Италию норманнами еще не воспринималось, однако, ни тут, ни там как война с Западом. «Схизма» 1054 г. также не затронула интересов общества и государства ни на Западе, ни на Востоке и еще не служила идеологическим оправданием вражды — конфликт еще не вышел за пределы сугубо клерикальных кругов.^{16a} Вместе с тем не было отмечено это время также какими-либо важными дружественными союзами со странами Запада, если не считать кратких эпизодов сотрудничества в борьбе с африканскими арабами в IX в. Подлинно военный союз с Венецией имел место только в 1081/82 г. в совместных действиях против высадившихся в Далмации норманнов: республика не желала допустить их господства (в случае победы над империей) на обоих берегах Адриатики.

Эту войну, инициаторами которой были норманны, следует считать первым вооруженным столкновением Византии с силами Запада, так как норманны, прочно обосновавшись в Италии, уже интегрировались в систему западноевропейских стран. Их поддержало папство, и этот фактор оказал немалое влияние на формирование общей пози-

¹⁵ *Константин Багрянородный*. Об управлении... С. 58–60, 114–122.

¹⁶ *Ронин В. К.* Византия в системе внешнеполитических представлений раннекаролинских писателей // ВВ, 47, 1986. С. 85–94.

^{16a} См.: *Бармин А. В.* Греко-латинская полемика XI–XII вв. в контексте культурного отчуждения между Западом и Востоком христианской ойкумены. Автореферат кандид. дисс. М., 1995. С. 3–33. См. также очерк Бармина в данном труде. Cf.: *Smythe Dion C.* Byzantine Identity and Labelling Theory // *Byzantium. Identity, Image, Influence. XIX International Congress of Byzantine Studies. 18–24 August 1996. Major Papers.* Copenhagen. 1996. P. 27–28.

ции Запада по отношению к Византии. Впервые от вызывающих негодование при константинопольском дворе, но мирных акций отрицания исключительных прав византийского императора на роль гегемона христианской ойкумены (коронации в Риме Карла I в 800 г. и Оттона I в 962 г.) один из государей стран Запада (Роберт Гвискар) перешел к опирающимся на силу посягательствам на трон императора ромеев.

Идеологические принципы, утверждавшие высший авторитет византийского («римского») императора в семье христианских государей Европы, все чаще считали на Западе далеко не бесспорными. Сама римская идея содержала в себе аргументацию, способную поставить под вопрос права василевса на Босфоре в качестве «императора римлян». Ибо и добрая часть Западной Европы составляла некогда часть Римской империи, ибо на Западе находился и самый Первый Рим, ибо и сами правители сформировавшихся там государств сознавали себя генетически непосредственными преемниками власти «римского» (во всяком случае западноримского) императора.¹⁷ В звании «римского» василевсу на Западе обычно отказывали, именуя его «константинопольским императором». Универсальность доктрины, ее конфессиональное обоснование, тезис о равноправии христиан перед Богом и светским законом, независимо от их социального статуса и этнического происхождения, неконституционность права наследования престола и, напротив, признаваемая конституционной санкция на воцарение со стороны синклита (сената), народа и войска, сближавшая власть повелителя империи с магистратом, — все это обеспечивало в принципе возможность и другим государям христианской ойкумены претендовать на «харизму» римского императора.

Роберт Гвискар притязал на трон именно константинопольского (восточноримского) императора, как многие до него (включая удачливых) наместники провинций Византии (а Роберт и владел ее бывшей провинцией). Для успеха дела, в том числе для легимитизации высшей власти, захваченной силой, необходимо было овладеть Константинополем (только там «сидящий» повелитель, считал Кекамен, оказывается всегда победителем),¹⁸ к чему Роберт и стремился. Любопытно в связи с этим, что Анна Комнина, рассказавшая об амбициях Роберта Гвискара, сочла необходимым найти дополнительные

¹⁷ *Kazhdan A.* The Notion of Byzantine Diplomacy. P. 5; *Laiou A. E.* Byzantium and the West // *Byzantium. A World...* P. 62 squ.; *Ронин В. К.* Указ. соч. С. 88–91.

¹⁸ *Советы и рассказы...* С. 268.12–13.

аргументы для того, чтобы сделать очевидной беспочвенность претензий норманна. Она выдвигает два взаимосвязанных довода: Роберт — варвар, и народ империи никогда не признает его власть законной.¹⁹ Аргументы Анны весьма специфичны: менее всего считался с «конституционным» правом народа ее отец (узурпатор Алексей I Комнин).

Сомнительно и «варварство» Роберта, христианина, законного правителя, образованного, по-видимому, ничуть не меньше, чем иные василевсы, среди которых бывали и неграмотные. Роберт, по представлениям Анны, варвар потому, что он — чужак, из латинян, которым (включая самого папу Григория VII, поддержавшего Роберта) неведомы истинные нормы морали — им присущи безрассудство, наглость, жадность, свирепость, а главное — неумение себя вести, незнание порядка — «таксиса» (конечно, «римского»), что несовместимо со статусом «василевса ромеев».²⁰ Однако подлинно ли Роберт мечтал о константинопольском троне? Ведь официально он выступал как защитник прав законного императора — свергнутого с престола и постриженного в монахи Михаила VII Дуки и как оскорбленный отец: его дочь Олимпия была обручена с сыном Михаила Константином (помолвка, естественно, была расторгнута). Роберт будто бы хотел вернуть трон Михаилу, найдя на его роль некоего бывшего монаха по имени Ректор (якобы бежавшего к нему самого Михаила VII). Анна пишет, что свою роль временной марионетки понимал и Ректор, но таил надежду, что дело обернется для него счастливо, стоит только войти в столицу, так как ромеи не примут Роберта как василевса (выше приведенные причины, по которым ромеи отвергнут норманна, Анна изложила как размышления Ректора). Но беспочвенность мечтаний Ректора Анна даже не считает нужным оговаривать специально, и ее позиция понятна — Михаил VII правил до свержения 7 лет, его знали в лицо не только все придворные, но и константинопольцы. Тем более что тогда были живы и он сам, и его бывшая жена (императрица Мария), и его сын, так что подмена одного монаха другим стала бы очевидной немедленно (не говоря уже о том, что прецедентов смены монашеской схимы на царскую мантию Византия не знала). Посол самого Роберта, вернувшись из Константинопо-

¹⁹ *Anne Comnène. Alexiade*, ed. B. Leib. T. I. Paris, 1967. P. 55.33–56.13.

²⁰ *Ibid.* T. I. P. 49.27–32; T. II (1967). P. 57.4–6, 211.18–21; T. III (1945). P. 11.13–19. Cf.: *Lillie R.-J. Anna Comnene und die Lateiner // Byzantium and its Neighbours. From the Mid. 9th till the 12th Centuries.* Prague, 1993. P. 169–182.

ля, доложил, что сам видел в столице империи монаха Михаила (VII), что Ректор — самозванец. (Роберт в ответ обрушил на честного посла свой гнев). Да и жители осажденного Робертом Диррахия, увидев со стен показанного им Лжемихаила, подняли его на смех.²¹

Папа Николай I (858–867) выражал крайнее возмущение тем, что византийцы называли латынь «варварским языком».²² «Варварами» именовали латинян также Иоанн Киннам и Никита Хониат. Дружественные отношения между латинянами и византийцами были исключены уже во время Первого крестового похода. Западные рыцари демонстрировали неуважение к империи «схизматиков», венецианцы открыто высмеивали и Мануила I Комнина, и придворный церемониал константинопольского двора. Несмотря на латинофильство этого императора, пропасть между Византией и Западом быстро увеличивалась с середины XII в. Боясь объединения его сил против империи, Мануил тщетно искал себе друзей среди государей Западной Европы. Ответную неприязнь византийцев к латинянам Никита объясняет, как и Анна, не религиозными противоречиями, а опять-таки моральными мотивами: они грубы и невежественны, не знают хороших манер, не почитают священных мест, гомонят во время литургии, садятся на алтарь; норманны же, овладев Фессалоникой в 1185 г., врывались в церкви, топтали иконы, убивали людей, искавших там спасения.²³

Норманны первыми перевели накапливавшееся столетиями в отношениях между Западом и Востоком культурно-мировоззренческое отчуждение в вооруженное противостояние. Однако только после погрома Фессалоники норманнами (а оттуда они двинулись на Константинополь и были остановлены лишь на полпути к нему) опасность для империи с Запада стала выявляться в конце XII в. как главная для самого существования Византии, хотя и не сознавалась

²¹ *Anne Comnène*. Т. I. P. 55.30–56.19; 144.18–30. Мы не видим оснований сомневаться в достоверности оценки Аяной подлинных замыслов Роберта. Так расценивают ее известия и Г. Острогорский (*Ostrogorsky G. Geschichte des Byzantinischen Staates*. München, 1963. S. 294), и А. П. Каздан (Провинциальная аристократия у власти. Внутренняя политика первых Комнинов // История Византии. Т. I. М., 1967. С. 295). Допускает, что на трон Константинополя рассчитывал сесть Роберт himself и Ч. М. Бранд (*Ch. M. Brand. Robert Guiscard // The Oxford Dictionary of Byzantium*. New York—Oxford. 1991. Vol. 3. P. 1799).

²² *Zakynthinos D. Byzance et les peuple...* P. 21.

²³ См. об этом: *Rakova S. Eastern and Western Man in Nicetas Choniates // Études byzantines*, 1993, № 4. P. 55–63.

«ромеями» в полной мере вплоть до начала штурма Константинополя крестоносцами в апреле 1204 г. Что же до западных сеньоров, то они к этому моменту, напротив, уже были готовы, еще до овладения столицей империи, приступить к разделу ее территории между собой и к выборам из своей среды императора на трон Константинополя.

Латиняне бредили воображаемыми богатствами Византии, поражались величиим ее столицы, однако мало данных о том, что они уважали ученость византийцев и восхищались достижениями их культуры (их интересовало главным образом сохраненное Византией античное наследие)^{28a}.

Парадоксально, но глубокое почтение к творческому гению «ромеев» проявляли не христиане Запада, а иноверцы-мусульмане, оставшиеся с 30-х гг. VII в. до конца истории империи несравненно более опасным врагом Византии, чем латиняне. До середины IX в. это были арабы — виновники самых крупных территориальных потерь империи. Лишь со 2-й половины этого столетия империи в целом удавалось не только отражать натиск арабов, но и местами оттеснить их от своих границ. Отступление перед исламом возобновилось в 1030-х гг., когда в Малую Азию вторглись турки-сельджуки. Именно они дважды (в 1071 и 1176 гг.) наголову разбили армию империи, навсегда подорвав ее позиции в Азии.

За немногими исключениями наступающей стороной до второй трети XI в. оставались мусульмане. В отличие от стран ислама в Византии не было доктрины, оправдывающей войны, ведущиеся ради обретения идеологического господства. Попытка Никифора II Фоки вдохновить воинов на защиту отечества лозунгом священной войны за веру встретила решительное противодействие церкви;²⁴ были приняты лишь чрезвычайные меры по пропаганде культов святых: Георгия как крестителя мусульман и Константина — как крестителя евреев.²⁵

Впрочем, едва ли можно говорить о специфически антивизантийской позиции арабов. Вдохновляемые джихадом, они стремились к торжеству ислама всюду и везде, где жили «неверные», расширяя свои владения и разоряя в стремительных набегах земли непокорных врагов (будь то персы, армяне, грузины, хазары, греки или испанцы).

^{28a} Cf.: *Speck P.* Die byzantinische Renaissance und das klassische Altertum // *Byzantium*. P. 24–25.

²⁴ *Oikonomides N.* The Concept... P. 65; *Munitiz A. A. S. J.* War and Peace... P. 57–58.

²⁵ *Vryonis Sp. Jr.* The Decline of Medieval Hellenism in Asia Minor and the Process of Islamization from the Eleventh through the Fifteenth Century. London, 1971. P. 39.

Почти в течение столетия, с середины VII до середины VIII в., арабская агрессия была серьезной общеевропейской опасностью. Правители стран Запада плохо сознавали, что Византия являлась форпостом христианского мира в борьбе с исламом.

Противостоявший империи на Востоке враг был идеологически непримиримым: мир с ним можно было добыть, либо победив в бою, либо купив посредством даней и контрибуций. Союзниками Византии в Малой Азии могли быть только единоверцы или инаковерцы-немусульмане (военный союз с мусульманами против мусульман был тогда мало реален). Однако иных христиан (кроме самих «ромеев», грузин и армян) и язычников не было на полуострове. Недаром в VIII—IX вв. империя искала себе соратников против арабов так далеко от своих границ, у языческой Хазарии. «Разделяя», империя старалась спастись от врагов в Малой Азии, внося раздоры в их среду.

Позиции имперских властей в Малой Азии быстро слабели в XI в. Даже перед лицом смертельной угрозы традиционная вражда между населением малоазийских и балканских провинций не только не утихла, но еще более обострилась накануне нашествия сельджуков. Особенно опасными были трения между войсками европейских и восточных более богатых фем (восточные пользовались большим благоволением императоров). Ранее (в VIII—середине XI в.) имперские власти переселяли отсюда на Балканы нестойкие элементы (монофизитов, павликиан), удаляя их от соблазна искать защиты у арабов и одновременно укрепляя переселенцами военные контингенты в европейских провинциях.²⁶ Меры эти представлялись тем более необходимыми, что рядовые подданные империи до IX в. имели крайне смутные понятия о враждебности ислама христианству, принимая арабов за монофизитов, испокон веков проживавших здесь среди православных. Не приравнивали поначалу подданные к правоверным мусульманам и турок-сельджуков (они приняли ислам совсем недавно), с приходом которых процесс эрозии ортодоксального христианского самосознания византийцев в Малой Азии стал быстро прогрессировать.²⁷ Во второй половине XI в. империя уже не проводила политики переселения жителей Малой Азии на Балканы либо из боязни еще более обескровить восточные провинции, либо из опасения обострить и без того сложные отношения с мно-

²⁶ *Fertuga J.* Untersuchungen zur byzantinischen Ansiedlungspolitik auf dem Balkan von der Mitte des 7. bis zur Mitte des 9. Jahrhunderts // ЗРВИ, 1984. Т. 23. С. 49–61.

²⁷ *Vryonis Sp. Jr.* Byzantine Attitudes towards Islam during the Late Middle Ages // Greek, Roman and Byzantine Studies. 1971, № 12. P. 265.

гочисленными в восточных провинциях монофизитами, либо потому, что поток переселенцев с Востока усиливался и без вмешательства властей.

Имела также значение и пестрота этнического состава населения Малой Азии. Этот фактор не играл большой роли в эпоху войн с арабами, так как они в своих набегах на полуостров (вплоть до Босфора) не устанавливали здесь своей власти (они делали это только в армянских и грузинских землях). Хотя греческий язык доминировал в Малой Азии как средство общения, греки не составляли здесь большинства, особенно в Каппадокии. Наиболее многочисленными были здесь армяне, в том числе в войсках империи и в их командном составе, где они преобладали и над самими греками, и над наемниками-иноплемениками. Поэтому арабы именовали иногда всех воинов Византии «армянами». ²⁸ Прежде всего именно армяне (в том числе халкидониты) и проявили склонность к унии с латинянами, стремление к основанию (в Киликии) собственных государств, а порой и к прямому переходу на сторону врагов (крестоносцев или сельджуков). Система вассальных отношений с полуавтономными армянскими и грузинскими княжествами стала давать все меньший эффект. Недаром в 20–50-х гг. XI в. империя пошла на их инкорпорацию в свой состав, чтобы расширить пограничный буфер и поставить материальные и людские ресурсы этих регионов под свой непосредственный контроль. ²⁹

Впрочем, и местные греки все чаще смотрели на Константинополь как средоточие не столько благочестия, сколько греха. Часть их оказалась уже вполне лояльной к сельджукам. Население окрестностей Смирны помогло непримиримому врагу Алексея I пирату Чахе выстроить военный флот. ³⁰ И все-таки особенно быстро сепаратистские тенденции в Малой Азии нарастали среди подданных негреческого происхождения. Процесс становился необратимым с упадком местной церковной организации. ³¹ Приходило понимание различий этнических интересов в среде самих «ромеев». Собственно греческая

²⁸ *Grégoire H. Les Arméniens entre byzance et l'Islam // Byz., 1935, X. P. 665.*

²⁹ *Арутюнова-Фиданян В. А. Армяне-халкидониты на восточных границах Византийской империи (XI в.). Ереван, 1980. С. 106–168, 188–191; Она же. Армяно-византийская контактная зона (X–XI вв.). М., 1994. С. 37 сл., 93 сл.; Юзбашян К. Н. Армянские государства эпохи Багратидов и Византия. IX–XI вв. М., 1988. С. 135–174.*

³⁰ *Anne Comnène... II. P. 110.7–16.*

³¹ *Vryonis Sp. Jr. The Decline... P. 43 squ.*

патриотическая идея представлялась уже необходимой как воздух. «Эллинизм» терял значение символа язычества, принадлежность к греческой («эллинской») культуре воспринималась как залог верноподданства.³²

По справедливому замечанию Дж. Хэлдона, неизвестно, чего больше³³ пролила империя в борьбе с врагами — чернил или крови. Особенно активной византийская дипломатия на Востоке была в X—XI вв., когда Арабский халифат распался на независимые эмираты, а в Малой Азии появилась новая сила — турки-сельджуки. Возникли новые возможности сеять среди врагов раздоры, а при удобном случае наносить им собственные удары. Однако прежде всего византийские дипломаты стремились создать у своих потенциальных врагов образ империи как принципиальной сторонницы мира. Послов халифа, эмиров и султанов всячески ублажали в столице империи, им оказывали должный почет при церемониальных приемах во дворце, богато одаривали (в арабских архивах сохранились списки императорских даров),³⁴ приглашали на пышные пиршества (даже арабских пленников выводили ради этого из тюрьмы) и к участию в царской охоте, водили в лучшие бани. Константин IX Мономах слыл истинным другом фатимидского халифа. Арабские авторы с удивлением повествуют о веротерпимости «ромеев», о действующих мечетях в Константинополе и Атталии, о колонии мусульман в Эфесе с собственной мечетью и о колонии евреев в Никее. По словам арабского автора рубежа XI—XII вв. Марвази, мусульманские купцы имели постоянные места для проживания в Константинополе и пользовались там почетом, так как весьма велик был доход казны от пошлин, взимаемых с них.³⁵ Даже в периоды обострения отношений с империей арабы питали уважение к учености византийцев, и сам халиф переманивал к себе византийских ученых, которые в страхе отдавали его письма представителям своих властей.³⁶

³² *Ahrweiler H.* L'Idéologie... P. 26–27, 33–34; *Nicol D.* The Byzantine View of Western Europe // *Greek, Roman and Byzantine Studies*, 1967, 8. P. 315–323.

³³ *Haldon J.* «Blood and Ink»: some Observentions on Byzantine Attitudes towards Warfare and Diplomacy // *Byzantine Diplomacy*. P. 281–294.

³⁴ *Canar M.* Les sources arabes de l'histoire byzantine aux confins des Xe et XIe siècles // *REB*, 1961, 19. P. 289.

³⁵ *Minor sky V.* Marvazi on the Byzantines // *Mélanges H. Grégoire*, v. II. 1950. P. 462.

³⁶ *Theophanes Continuatus.* Bonnae, 1838. P. 188.12–189.12.

Несколько ироническую симпатию и снисходительное почтение проявляет к византийцам Ибн-Хаукаль (2-я половина X в.). Упомянув об их образованности, об умеренных налогах в империи, о благо-разумной таможенной политике и о рвении ромеев в бою, он походя замечает, что император засылает под видом купцов шпионов в мир мусульман, которые знают об этом, но не устаивают их внимания. Многие мусульмане, продолжает этот автор, переоценивают величие и силы византийцев, тогда как империя влачит жалкое существование: доходы ее незначительны, население невелико и живет в дурных условиях, финансы казначейства скромны, богатых людей мало — империя «ромеев» не идет ни в какое сравнение с Магрибом (владениями арабов в Африке), и только внутренние раздоры среди мусульман дают возможность византийцам проявлять те амбиции, на которые они не решались ранее.³⁷

Широкомасштабные походы арабов, упорство, с которым они стремились сокрушить византийский барьер уже в середине VII в., не оставляли сомнений в грандиозных завоевательных целях арабов в отношении не только империи, но и Западной Европы. Едва за полстолетие с небольшим дойдя до Гибралтарского пролива, арабы уже в 711–714 гг. заняли почти всю Испанию. Охватывая Средиземное море с востока (арабы в своих набегах достигали берегов Мраморного моря, где в 672 г. овладели портом-крепостью Кизик), с юга и запада, они намеревались «взять в клещи» Европу от Балкан до Атлантики. Первую попытку прорваться через Босфор они предприняли в 674–678 гг., осадив Константинополь, запиравший арабам путь в Европу. Ежегодно, в течение четырех лет с весны до осени, они штурмовали город с суши и с моря. Исход осады определило поражение арабского флота, сожженного примененным тогда впервые «греческим огнем». Вторично арабы осадили Константинополь в 717–718 гг. В предвидении осады империя заключила (в 716 г.) военный союз с болгарами, удар которых в тыл арабам на суше содействовал крушению их планов. Возможно, имели значение также одновременно открытые против арабов военные действия союзных империи хазар.³⁸

Только после провала второй попытки захватить Константинополь арабы предприняли натиск на страны Европы с пиренейского плацдарма. В 732 г. их войско было остановлено в 340 километрах от

³⁷ *Muhammad ibn Hauqal*. Configuration de la terre (Kitab surat al-ard). Introduction et traduction, avec index par J. H. Kramers et G. Wiet, t. I. Paris, 1964. P. 8–15, 192–195.

³⁸ *Артамонов М. И.* История хазар. Л., 1962. С. 205.

Парижа и разгромлено под Пуатье франкским королем Карлом Мартеллом. Повторных попыток наступления на Европу с названных двух направлений арабы более не делали. Оставались, однако, еще два направления их экспансии, которые в случае успеха обещали достижение ими прежних стратегических целей. Это, во-первых, путь через Кавказ, из захваченных арабами армянских и грузинских земель. Плацдарм для движения на север (через Дербент) они обеспечили себе еще в середине VII—начале VIII в. Но и на этом пути их ожидало отчаянное сопротивление союзной Византии Хазарии. В 728—733 гг. арабы нанесли хазарам несколько поражений, и Византия поспешила укрепить традиционный военный союз с Хазарией браком сына Льва III, наследника престола Константина (V), с хазарской принцессой (733). Всячески поддерживала империя и освободительные движения против арабов армян и грузин. В 737 г. в результате похода на Волгу арабам удалось навязать Хазарии зависимость от халифата, а хагану — принятие мусульманства. Однако с уходом арабских войск Хазария снова обрела независимость. В 40-х гг. VIII в. арабы, завершив подчинение Дагестана, отказались от дальнейшего продвижения на север. (Смуты в халифате и освобождение от арабской власти армянских и грузинских княжеств сделали бесперспективным путь экспансии арабов и через Кавказ.)³⁹ Только через восемь веков мусульманам удалось овладеть всем побережьем Черного моря: османы окружили его — от Кавказа до Дуная — цепью вассальных ханств и княжеств, получив возможность с их помощью терроризировать в набегах народы Восточной Европы.

Последнее направление, на котором арабы надеялись продолжать борьбу за овладение Европой, представляли земли Византии в Южной Италии. Империя отстаивала здесь свои владения от арабов более 200 лет (с 20-х гг. IX в. вплоть до вторжения в этот регион норманнов, которые в 1030—1071 гг. вытеснили отсюда и византийцев и арабов). Наступательный порыв арабов слабел. Происходили стабилизация и упрочение христианских стран (в том числе Византии). К середине IX в. арабы остались фактором постоянного беспокойства на границах, разорения местного населения и затяжных военных кампаний. Но они уже не составляли смертельной угрозы для Византии, а тем более — для Запада.

Отношения Запада и Востока в эпоху нашествия турок-сельджуков значительно отличались от этих отношений в эпоху экспансии

³⁹ *Новосельцев А. П.* Хазарское государство и его роль в истории Восточной Европы и Кавказа. М., 1990. С. 81—91.

арабов. Византия перестала быть только буфером между ними: западные рыцари сами вторглись во владения мусульман. Папство и страны Западной Европы организовали последовательно несколько кампаний (крестовых походов) с целью завоевания Ближнего Востока. Но специфичными были и сами византийско-арабские отношения в отличие от византийско-аравских. Во-первых, турки-сельджуки не преследовали целей ни захвата Константинополя, ни вторжения в Европу, т. е. не представляли общеевропейской угрозы. Во-вторых, они, хотя и не осаждали столицу империи, основали собственное государство в непосредственной близости от нее, на ее коренных землях, в течение веков являвшихся главной материальной базой военного могущества Византии. В-третьих, наконец, перипетии борьбы именно с турками-сельджуками повлекли за собой особенно серьезные этнические сдвиги в Малой Азии, выразившиеся в значительном оттоке коренного греческого населения и в увеличении численности прежде всего завоевателей, а также арабов, армян, грузин, персов. Комнины лишь затормозили процесс вытеснения византийцев из Малой Азии. Однако попытки отвоевать центр полуострова закончились катастрофой при Мириокефале (1176). Границы здесь временно стабилизировались, в основном в силу междоусобий в Иконийском султанате, но империя уже не имела сил не только на реконквисту, но и на действенный контроль над своими наместниками в восточных провинциях.

Несомненно, овладение мусульманами центрами древних цивилизаций в Азии и Африке, отнятыми у Византии, с их издавна освоенными плодородными землями, с развитой городами и с плотным населением, обладавшим глубокими традициями в производственной и общественной жизни, послужило могущественным импульсом к расцвету в IX—XII вв. культуры мусульманских народов, носившей отчетливые следы византийского влияния. Двухвековое соперничество с Византией уже в IX в. распространилось и на культурную сферу: светские и духовные правители арабов и высшие круги арабского общества проводили сознательную политику активного взаимодействия у империи ее культурных ценностей — они ревностно стремились стать с ней вровень по уровню развития образования, литературы и искусства.

Константин Багрянородный считал, однако, как было сказано выше, опасность с севера главной в его время (и не только в его). Позиция императора вполне понятна. Во-первых, ни с одной другой стороны в империю не вторгалось в VII—XII вв. так много враждебных народов (славян, аваров, протоболгар, венгров, русов, печенегов, узов, половцев), с особыми для каждого методами ведения войны и характе-

ром поведения по отношению к мирному населению. Полководцы и политики империи стояли всякий раз перед необходимостью быстро найти наиболее действенные для данного случая военные и мирные средства избавления от нашествия врага. Во-вторых, нападения с севера были, как правило, совершенно неожиданными. В своем большинстве это были кочевники (протоболгары, венгры, печенеги, узы, половцы). Они обычно не старались завладеть землями империи, но их набеги понижали уровень жизни населения, а значит, и экономический потенциал империи в целом. Их рейды сопровождались повальным грабеджом, массовыми убийствами и захватом пленных. В-третьих, наконец, столицу империи осаждали чаще всего враги, пришедшие именно с севера.

Зыбкое потенциальное преимущество империи состояло здесь в том, что язычники (а ими до 2-й половины IX в. были все «северные варвары»), в отличие от мусульман, легче соблазнялись материальными ценностями, дарами, престижными титулами. Менее враждебными они были и к христианским миссионерам, а со времен некоторые из них (прежде всего славяне) — и более доступными для христианской проповеди. В сущности только в северном направлении от границ империи были вообще возможны церковные христианские миссии: на мусульманском востоке они были бессмысленны, на Западе — излишни.⁴⁰ Спектр возможных политических и дипломатических акций против неприятелей-северян был здесь более широким. Утверждаемое «ромеями» за собой право возвращать потерянные земли и приводить к правой вере иноверцев и язычников, конечно, не было повседневным мотивом конкретных политических действий. Как важный довод его выдвигали лишь тогда, когда нужно было отразить претензии врага на земли или престиж империи. Старались воплотить эту идею в жизнь с помощью насилия и те василевсы, которыми овладевало убеждение в достаточности у них для этого сил. Впрочем, в фундаменте отношений империи с соседями, жившими на некогда принадлежавших Римской империи территориях (с Болгарией, Сербией, Хорватией, Венгрией), эта доктрина подспудно или открыто присутствовала всегда.⁴¹ Грандиозный и печальный урок политики Юстиниана, располагавшего ресурсами, о которых не мог

⁴⁰ *Kazhdan A. The Notion of Byzantine Diplomacy. P. 8–10.*

⁴¹ См. напр.: *Théodore Daphnopates. Correspondance*, ed. et trad. par J. Darrouzès et L. G. Westerink. Paris, 1978. P. 66.122–124; *Nicolas I Patriarch of Constantinople. Lettres*, ed. by R. J. H. Jenkins and L. G. Westerink. Washington, 1973. P. 48.65–70. См. также: *Божилев И. Цар Симеон Велики (893–927). Златният век на средновековна България.*

и мечтать потом ни один император, не помешал сначала Василию II повторить попытку «соединить воедино разделенное»,⁴² завоевав Болгарию и поставив в зависимость Сербию и Хорватию (1018), а затем и Мануилу I, упрочившему на время свою власть на севере Балкан и утвердившему в 60-х гг. XII в. влияние империи в Венгрии.

Принципы внешней политики империи были ориентированы и на стратегические (порой весьма отдаленные хронологически) цели, и на тактические задачи, отвечающие злобе дня. Вступая в контакты даже с дикими племенами, империя старалась в дальнейшем не упускать их из виду, следить за процессами, происходившими в недрах каждого народа, и — соразмерно возможному на данном этапе — упрочивать на него свое влияние. Христианизацию при этом всегда подразумевали как высшую цель из всех, достижимых мирными средствами и обещавших империи замирение врага. Однако не было ни одного случая крещения усилиями империи хотя бы одного племени кочевников. Христианство принимали только оседлые или обретающие оседлость (венгры) языческие народы.

В 30–50-х и в 80–начале 90-х гг. XI в. бичом балканских провинций были печенеги, затем в 40-х гг. XII в. — половцы, хотя главные свои удары они наносили по Руси. Попытки союза и мира с «хищными нравам», по выражению Константина Багрянородного, кочевниками были краткими и непрочными. Единственным крупным успехом Византии была решающая (может быть, спасительная) помощь половцев в разгроме печенегов весной 1091 г. близ столицы (печенеги готовились к ее штурму вместе с их союзником — эмиром Смирны Чахой, осадившим город с моря).

Буквально все стадии постепенной интеграции в состав империи пережили в VII–X вв. славяне, расселившиеся к югу от Северной Фракии и Средней Македонии и ставшие вторым по численности после греков этносом в балканских провинциях Византии. Около двух веков они опустошали земли империи, нередко (с 60-х гг. VI в. до 20-х гг. VII в.) во главе (или в союзе) с аvaraми, основавшими в Паннонии во 2-й половине VI в. сильное политическое объедине-

София, 1983. С. 17–32, 151–190; *Малахов С. Н.* Концепция мира в политической идеологии Византии первой половины X в.: Николай Мистик и Феодор Дафнопат // Византия и средневековый Крым. Симферополь, 1996. С. 19–31; *Stmeonova L.* Power in Nicholas Mysticus' Letters in Symeon of Bulgaria // Byzantium and its Neighbours. From the Mid-9th till the 12th Centuries. Prague, 1993. P. 89–94.

⁴² Из хрисовула Василия II (см.: *Иванов Й.* Български старини из Македония. София, 1970. С. 556).

ние — Аварский каганат. После разгрома под Константинополем в 626 г. аваров, осадивших город вместе со славянами и персами, они перестали серьезно угрожать империи. Опасность со стороны славян, однако, не исчезла: они заняли значительные территории не только во Фракии и Македонии, но и в Эпире, Фессалии, на Пелопоннесе и островах Эгейды. Многократные военные походы против них в середине VII — начале IX в. не дали решительных результатов. Лишь к середине IX в. возросший уровень общественного развития славян сделал возможным их окончательный переход к христианству. Постепенно они интегрировались в состав подданных империи, становясь ромеями и по самосознанию. Вторжения славян ослабили империю, но они же вернули к жизни запустевшие земли, укрепив мелкое крестьянское землевладение, ставшее в VIII—IX вв. основой возрождения империи.⁴³

Полагают, что попытки Восточнофранкского королевства в конце 50-х гг. IX в. подчинить своему влиянию Великую Моравию и упрочить союз с Болгарией, направленный против Византии, стали главной причиной последовавшей активизации миссионерской деятельности византийцев среди народов Центральной, Юго-Восточной и Восточной Европы, положившей начало созданию «Византийского сообщества государств» в противовес западному «политическому блоку».⁴⁴ Однако во-первых, усиление этой деятельности приходится на начало IX в. и распространялась она прежде всего на славян, живших в пределах империи (в частности, на Пелопоннесе). Иначе говоря, империя расширяла ареал восточного христианства на славян (а вместе с тем и свое влияние) в направлении не с севера на юг, а с юга на север, из глубины собственной территории. Во-вторых, инициатива союза с империей против франков и Болгарии исходила от Моравии. Михаил III и Фотий послали туда в 863 г. славяноязычных миссионеров Кирилла (Константина) и Мефодия

⁴³ Подробно об интеграции славян см. в данном томе очерк О. В. Ивановой. См. также: *Лутаверин Г. Г.* Византия и славяне до и после принятия ими крещения // *Byzantium. Identity, Image, Influence. XIX International Congress of Byzantine Studies. Major Papers.* P. 88–96.

⁴⁴ См. критику подобных суждений: *Kazhdan A.* The Notion of Byzantine Diplomacy. P. 7–8. Cf.: Λουγγής Τ. Η ιδεολογία της βυζαντινής ιστοριογραφίας. Αθήνα. 1993. Υ. 71–109; *Lounghis T.* Die byzantinische Ideologie der «begrenzten Ökumene» und die römische Frage im ausgehenden 10. Jahrhundert // ΣΤΕΦΑΝΟΣ. *Studia byzantina ac slavica Vladimiro Vavřinek... dedicata.* Prague, 1995. S. 117 ff.

(«солунских братьев-просветителей славян») потому, что об этом просил Ростислав. В отличие от своей политики в отношении славян, подчиняемых власти империи в ее пределах, в данном случае она содействовала введению в далекой Моравии литургии на славянском языке, так как у нее не было иных мирных средств упрочить здесь свое влияние. Позиция Великой Моравии резко изменилась через 20 лет. Миссия Кирилла и Мефодия утратила в глазах имперских политиков прежнюю важность. К тому же вскоре, в начале X в., Великая Моравия была разгромлена венграми. Несмотря на длительное сохранение кирилло-мефодиевских традиций на землях бывшей Великой Моравии, прямое церковно-политическое влияние Византии в этом регионе стало невозможным. Чехия как наследница части моравских территорий руководствовалась совершенно иными приоритетами во внешней политике и осталась вне внимания дипломатии Византии. Однако византийская миссия в Моравию (как и изобретение культурными деятелями империи славянской азбуки) имела всемирно-историческое значение, положив начало новой эпохе в общественно-культурном развитии южных и восточных славян.

Немало забот византийской дипломатии доставили венгры, занявшие бывшие южноморавские земли. На рубеже IX–X вв., перед поселением в Паннонии, они стали на короткий срок союзниками империи в войне против болгар, а с 30-х до 60-х гг. неоднократно разоряли земли империи на Балканах. Около середины X в. двое из венгерских вождей приняли от империи крещение, но к началу XII в. церковь Венгерского королевства ориентировалась уже всецело на западнохристианские центры. К 1167 г. Мануил I с помощью войск и династического брака утвердил свое влияние в Венгрии. Однако противоречия между Венгрией и Византией постепенно нарастали (венгры упрочивали свою власть в Хорватии и Далмации и пытались распространить ее на Северную Македонию). Хотя торговые и культурные связи империи с венграми не прекращались до XIII в., она не извлекла от навязанного ей венграм вассалитета реальных выгод. Напротив, династические связи с имперским двором, которые по расчетам Мануила I (он и сам был полувенгром) должны были привести к «воссоединению» Венгрии с империей, стали в конце XII в., в свою очередь, основанием для притязаний венгерских королей на византийский престол.⁴⁵

Главную опасность империи с севера представляли, однако, болгары и древние русы. С 680 г. до начала XIII в. болгары были тра-

⁴⁵ *Moravcsik Gy.* Byzantium and the Magyars. Budapest, 1970. P. 95.

диционным врагом Византии на Балканах, более трех столетий в общей сложности находясь с ней в состоянии войны. Именно с болгарами в VII—XII вв. связаны четыре крупнейших события, оставивших глубокий след в истории и сознании византийцев. Во-первых, именно протоболгары (хан Аспарух) в союзе с местными славянскими вождями основали Болгарское царство, явившееся первым независимым государством, возникшим на территории империи в непосредственной близости от ее столицы. Империя была вынуждена не только признать новое государство, но и выплачивать ему дань — «к стыду ромеев».⁴⁶ Во-вторых, Болгария была первой страной из принявших христианство от империи, которая подняла вооруженную руку на свою «крестную мать». Византийцы в связи с этим второй раз пережили психологический шок, оказавшись перед необходимостью впервые в своей истории проливать кровь своих единоверцев — приверженцев восточного христианства. Византийские богословы, обосновывая теоретически этот казус, объявили империю высшим благом для всех «православных», а Симеона (царя болгар) — тираном, который незаконно владеет землями, принадлежащими державе «ромеев», и осмелился к тому же на преступную войну против своего духовного отца. В-третьих, неслышанным нарушением всеобщего порядка и истинной веры представлялся византийцам тот факт, что государь — приверженец восточного христианства, получивший образование в Константинополе, дерзнул присвоить себе титул «императора болгар и ромеев» и домогаться престола империи с помощью военной силы. В-четвертых, наконец, благодаря деятельности болгарских книжников, всецело поддержанных государями Болгарии (Борисом и Симеоном), был изобретен новый вариант славянской азбуки (кириллица, которой было суждено великое будущее), освоено в переводах на старославянский язык богатое духовное наследие Византии и создана оригинальная славяноязычная литература, церковная и светская. Но это же событие навсегда похоронило надежды империи на прочную интеграцию «болгарских славян» в состав империи как своих верноподданных и последующую их ассимиляцию.

Крещение Болгарии было подготовлено и ее внутренним развитием, и потребностями правящего дома, стоявшего перед необходимостью ликвидации этно-конфессионального дуализма и усиления центральной власти, и деятельностью византийских миссионеров, особенно успешной среди славянских подданных хана (составлявших огромное большинство населения государства), а также стремле-

⁴⁶ Theophanis Chronographia, ed. C. de Boor, v. I. Lipsiae, 1883. P. 359.21.

нием укрепить международный авторитет страны. Крещение было ускорено и давлением Византии, и действиями самих ханов, как самого Бориса, так и его предшественников, того не желавших: расширяя свои владения к югу, на земли, населенные славянами, уже принявшими христианство, они включали в число подданных все более крупные их контингенты и таким образом сами содействовали распространению религии, несовместимой с языческими традициями и протоболгар и славян. Принимая крещение в 864–865 гг. и колеблясь, какому из мировых центров христианства (Риму или Константинополю) подчинить Болгарскую церковь, Борис I (852–889) отдал предпочтение системе, обеспечивавшей примат светской власти в отношениях с церковью, и склонился, наконец, к Константинополю. Усилия папства поставить Болгарскую церковь под свою супрематию оказались тщетными.⁴⁷

Казалось бы, опасность для империи со стороны болгар была устранена. Но различия в трактовке политического значения акта крещения при константинопольском дворе и при дворе в Плиске обнаружились очень скоро. Поставленные империей цели христианизации Болгарии и объективные результаты этого события разошлись. Результаты крещения славян в пределах империи и славян, уже обладавших прочными государственными традициями, не могли иметь одинаковых последствий. Согласно Продолжателю Феофана, Борис будто бы писал императрице Феодоре, что отныне (с крещения болгар) у двух стран не два, а как бы один государь, так как связаны оба народа верой и нерушимой дружбой, обещал ей повиновение и соблюдение вечного мира, попросив лишь уступить болгарам, страдающим от тесноты, Загору, якобы тогда пустовавшую.⁴⁸ В действительности, однако, Борис сохранил полную независимость, значительную и в церковных делах, как это явствовало уже из дебатов с патриархией в 865–880 гг. по вопросу о статусе Болгарской церкви. В итоге Болгарская церковь оказалась на положении автокефальной архиепископии, хотя патриархия уклонилась от юридического оформления этого статуса.

⁴⁷ Литаврин Г. Г. Религия и политика в Болгарии накануне и в период утверждения христианства (VIII–конец IX в.) // X Международный съезд славистов. История, культура, этнография и фольклор славянских народов. Доклады советской делегации. М., 1988. С. 82–100; *Он же*. Введение христианства в Болгарию (IX–начало X в.) // Принятие христианства народами Центральной и Юго-Восточной Европы и крещение Руси. М., 1988. С. 30–67.

⁴⁸ Theophanes Continuatus. Bonnae, 1838. P. 164.21–165.3.

Создав славянскую азбуку и содействовав введению в Моравии литургии на славянском языке, византийцы уготовили себе сами историческую ловушку. Сам организатор моравской миссии, патриарх Фотий, вряд ли ожидал, что частный (моравский) случай обретет более крупные масштабы. В 70–80-х гг. солунским братьям пришлось во многом действовать в Моравии на свой страх и риск, без эффективной поддержки патриархии. Конечно, не случайно, что Фотий, автор тезиса о законности любых средств ради возвращения бывших имперских земель («утраченных благ») и безусловный сторонник подчинения власти империи ее «крестников», ни словом не обмолвился в переписке с Борисом о возможности (хотя бы в перспективе — после создания кадров славяноязычного духовенства) перевода литургии на славянский язык и в Болгарии. А ведь Фотий был патриархом и в 858–867 и в 877–886 гг., когда (к 886 г.) с крещения болгар прошло четверть века, а с изобретения славянской азбуки (чему ранее Фотий сам содействовал) — более 30 лет. Инициатором приглашения в 886 г. учеников Кирилла и Мефодия, изгнанных из Великой Моравии, был князь Борис, самостоятельно и целенаправленно взявший курс на замену богослужения с греческого на славянский язык.

По справедливому замечанию Д. Оболенского, стремление империи поставить Болгарию в подчиненное положение и действия князя Бориса, направленные на формирование отечественного клира как необходимого условия создания независимой Болгарской церкви, породили в последующем серьезные конфликты между двумя странами.⁴⁹ Видимо, Борису-Михаилу, в соответствии с «имперским таксисом», полагалось, как сателлиту, спросить у патриархии позволения на сделанный им шаг. Но ни каноны, ни светский закон не обязывали Бориса к этому. Служение своему народу, защита его политических и экономических интересов были высшим приоритетом для Бориса. Заботу о своих подданных как долг государя внушал ему в письме и Фотий, хотя и подчеркивал всюду нравственно-религиозный аспект своих наставлений. Так или иначе, но еще в правление Бориса стало ясно, что Болгария ускользает от византийской опеки. Именно отношения с Болгарией уже в первую четверть века после ее крещения внесли существенные коррективы к политическим претензиям Византии на господство над принявшими от нее христианство славянскими странами, определили границы компетенции императора и патриархии Константино-

⁴⁹ *Obolensky D. The Byzantine Commonwealth. P. 85–95.*

поля в пределах того «сообщества, или содружества, восточнохристианских народов», которое, как показал Д. Оболенский в своем фундаментальном труде, было создано к началу XI в. благодаря усилиям Византийской церкви и активности имперской светской власти.

С воцарением сына Бориса Симеона (893–927) христианская Болгария оказалась значительно более опасной для империи, чем языческая: Симеон жаждал не территориальных уступок и даней — он стремился овладеть самим троним империи, объединить ее с Болгарией под собственным скипетром. Неожиданная смерть Симеона прервала подготовку к решительному штурму Константинополя.

Византия пустила в ход весь арсенал своей дипломатии, чтобы упрочить свое влияние на преемника Симеона Петра (927–969): ему персонально, на срок жизни, пожаловали титул «императора болгар», за него выдали дочь наследника престола империи (династический брак политики империи всегда рассматривали как факт подчинения правящего дома страны, породнившегося с имперским); Болгарии аккуратно выплачивали дань. Когда и Петр оказался не во всем послушным, Византия толкнула на него князя Руси Святослава, создав, впрочем, на Балканах еще более опасную для себя ситуацию. С трудом вытеснив русов из Болгарии, империя начала войну за ее подчинение, длившуюся 40 лет. Но и после завоевания страны (1018) в течение 170 лет иноземного господства ее жители не утратили болгарского этно-политического самосознания.⁶⁰ Болгары неоднократно восставали с целью возрождения своего независимого государства. В 1185–1186 гг. в результате очередного вооруженного восстания болгары основали Второе Болгарское царство. Демонстрируя его преемственность с Первым царством, правители нового государства возобновили и претензии не только на все некогда подвластные Болгарии земли, но и на самый константинопольский престол (Иван II Асень). В многовековом противостоянии Болгарии и Византии коренились причины и последующей неспособности сторон договориться о единении сил перед общей опасностью (османами). Болгары, особенно их образованные слои, глубоко почитали византийскую культуру. Но именно они еще более чтити государственную независимость своей страны, будучи главными носителями этнополи-

⁶⁰ Литаврин Г. Г. Особенности развития самосознания болгарской народности со второй четверти X до конца XIV в. // Развитие этнического самосознания славянских народов в эпоху зрелого феодализма. М., 1989. С. 3–70.

тического сознания народа, пониманию которым своей этнической идентичности в значительной мере содействовала сама Византия, составившая славянскую азбуку и приобщившая элиту болгар к вершинам своей образованности.

Итак, почти все те народы, которые принимали крещение от Византии (болгары, сербы, часть венгров), так или иначе испытали на себе политические акции Константинополя, направленные на их инкорпорацию в состав империи. Эти акции, однако, оказались возможными в отношении только тех стран и народов, которые обитали по соседству или близ границ Византии. «Крестники»-соседи, конечно, знали о конечных целях империи по отношению к ним, и поэтому были весьма чувствительными ко всему, что было способно подкрепить эти подозрения. Д. Оболенский указывает на тот «парадокс», что «сообщество» было менее всего прочным именно там, где его члены (Болгария, Сербия) находились ближе всего к его центру.⁶¹ Но именно на эти страны чаще всего и посягала империя, именно эти страны в их более интенсивных контактах с «центром» чаще и сталкивались с оскорбительной надменностью греков (часто мало оправданной). Кстати говоря, устанавливаемая Д. Оболенским дата оформления «сообщества» (к 1000 г.) совпадает с завоеванием империей Северо-Восточной Болгарии — колыбели болгарской государственности. В свою очередь, именно ближайшие соседи-«крестники» Византии притязали и на ее трон.

Византийская дипломатия хорошо умела «разделять», но ей плохо удавалось «соединять». С IX до конца XII в. можно пересчитать по пальцам число нападений на империю врагов, объединившихся с этой целью. Но еще реже ее войска воевали плечом к плечу с войсками союзников. Принятие христианства от Византии, видимо, не могло не отражаться на политике правящих кругов страны — «крестницы» по отношению к империи. Но чрезвычайно трудно обнаружить воздействие этого факта на контакты единоверных стран за пределами сферы культуры и морали. Для IX—XII вв. нет убедительных примеров того, что он оказывался когда-либо в рамках «сообщества» сильнее политических и экономических расчетов. В самом деле: до крещения болгар имели место и длительные ожесточенные войны с ними, но вместе с тем — и военные союзы 705, 716—718 и 863 гг. и 30-летний мир, заключенный в 815 г. После крещения болгар империя также вступала с ними в договорные отношения (в 865, 893 и 1187 гг.), имел место и династический брак (927), но случались

⁶¹ *Obolensky D. The Byzantine Commonwealth. P. 348.*

и не менее жестокие войны с болгарами (894–896, 913, 918–923, 927, 976–1018, 1186–1187).

«Сообщество» складывалось постепенно, во многом стихийно. Оно не создавалось целенаправленно как особая политическая система, противостоящая «западному блоку». Варвары крестились тогда, когда решение об этом уже было принято светскими властями их государства. Крещению предшествовал обычно более или менее продолжительный период общения с языческим вождем, уже связанным с императором разными формами отношений (дань, союз, титул, руга, дары). Варвар-неофит принимался в лоно «царской» фамилии и получал там определенный ему ранг. Однако в «табели престижей» империя никогда не предусматривала и не устанавливала каких-либо форм отношений между членами самого «сообщества». Не только о сравнительной важности полученных от империи титулов, но и друг о друге не все члены «сообщества» имели ясное представление. Их реальные интересы были весьма далеки друг от друга. Члены «сообщества» в разной степени в разное время осознавали его как конфессионально-культурное единство. В качестве политического его пытались трактовать лишь Византия. Иерархия престижей внутри «сообщества» нашла четкое отражение только в церемониальном этикете императорского дворца.⁵² Жаждали титулов от императора в основном язычники и неофиты. Государи крупных христианских стран с ходом времени либо становились к ним равнодушными вообще, либо оспаривали высший титул («василевса») у самого повелителя ойкумены. Не случайно универсалистская идея формирования под эгидой императора Византии «сообщества» восточно-христианских стран особенно ярко отразилась не в политической, а в конфессиональной сфере — в создании в X–XII вв. на Афоне «ойкуменской семьи» монастырей, принадлежавших монахам из разных единоверных стран и находившихся под протекторатом главной афонской обители — Лавры св. Афанасия и протата, состоявшего в основном из игуменов-греков.⁵³ Данное «сообщество» оказалось более прочным именно потому, что было гораздо меньше связано с политикой.

Единство вероисповедания означало лишь потенциальную возможность солидарности единоверных стран. Для ее реализации в конк-

⁵² *Chrysos Ev.* «Was Old Russia a Vassal State of Byzantium?» // *The Legacy of Saints Cyril and Methodius to Kiev and Moscow.* Thessaloniki, 1922. P. 244.

⁵³ *Nastase D.* Les début de la communauté oecumenique du Mont Athos // *Сбщникта*, 1985, 6. P. 251–314.

ретные акты были необходимы, как и во времена, когда «сообщества» не существовало, обоюдовыгодные договоры. Без этого условия вообще трудно было порой сохранить среди членов «сообщества» не только дружбу, но даже отношения добрососедства. Наиболее эффективными узлами («скрепами», по выражению Оболенского)⁶⁴ были, конечно, материальные выгоды: допуск на рынок, особенно на мировое торжище — в Константинополь, торговые льготы, денежные выплаты, регулярные дары, а также политические — престижные титулы, династические связи, включение в «семью» императора и систему стран, связанных с Византией отношениями дружбы, ценившимися на международной арене. Империя предусматривала и военное давление на «сына» или «брата», заключая за его спиной союзы с его врагами (против Болгарии — с венграми, печенегами и русами; против Руси — с печенегами).

Надежды на инкорпорацию в состав империи Древней Руси были абсолютно исключены уже по географическим причинам. Напротив, акты агрессии против империи совершала Русь. Самое большее, что Византия могла в ответ предпринять против нее, — это организовать нападение на русов кочевников Северного Причерноморья. Русы четырежды атаковали Константинополь (в 860, 907, 941 и 1043 гг.). (О первом их нашествии ромей не забывали более двухсот лет.)⁶⁵

В своих отношениях с Русью и Аланией Византия искала такие формы, которые, максимально соответствуя ее интересам, не вызывали бы раздражения партнеров. Понятие «вассалитет» здесь было бы весьма условным: «сюзерен» не мог ни наказать «вассала» за неверность, ни предоставить ему реальный «лен» в обеспечение его службы. Отношения в таких случаях принимали форму обычного межгосударственного договора с политически независимым государством, хотя Византия и оформляла документ по типу дарственной грамоты от императора.

Ев. Хрисос недавно еще раз показал, что отношения Руси и Византии с начала и до конца не имели ничего общего с вассальной или какой-либо иной политической зависимостью, резко ограничив в этом смысле и значение «Византийского сообщества государств» и с особой силой подчеркнув, что сама империя никогда никакой экспансией русам не угрожала.⁶⁶ Весьма редко Византия и обращалась к хри-

⁶⁴ *Obolensky D.* The Byzantine Commonwealth. P. 266 squ.

⁶⁵ *Gautter P.* Diatribes de Jean l'Oxite contre Alexis Ier Comnène // REB. 1970, XXVIII. P. 39.

⁶⁶ *Chrysos Ev.* «Was Old Russia a Vassal State of Byzantium?» // The Legacy... P. 233–245. Странным образом Ев. Хрисос (*ibid.*, p. 243) при-

стианской Руси с просьбой об экстраординарной военной помощи, тогда как у языческой Руси империя просила ее неоднократно. Походы Руси на печенегов и половцев были выгодны империи, но нет сведений о том, что она сама зывала об этом к русам. Единственный (упомянутый под 1200 г.) пример такого рода — удар по половцам, теснившим империю в союзе с болгарами, нанесенный по просьбе Алексея III Ангела Романом Мстиславичем Галицким («христианнейшей Русью», по выражению Никиты Хониата).⁵⁷

На первый взгляд, как и в случае с Болгарией, крещение Руси не внесло коренных перемен в ее политические отношения с империей. В самом деле: языческая Русь ходила походами на Константинополь в 911, 941, 971 гг., сохраняя длительные периоды мира и помогая империи войсками. Именно языческая Русь в 989 г. разгромила узурпатора Варду Фоку и спасла Василию II, будущему шурина Владимира, жизнь и трон. Даже после этого внук Константина VII (Василий II) не захотел нарушить завет деда (ни за кого, кроме повелителей франков, не выдавать порфирородных принцесс), и Владимир был вынужден заставить императора, взяв Херсон штурмом, выполнить условия соглашения (выдать за него под условием его крещения свою порфирородную сестру Анну).⁵⁸

Брак состоялся. Херсон был возвращен империи. На Афоне возник русский монастырь. Установились дружественные связи. Но едва

писывает мне со ссылкой на мою главу в «Истории Византии» (П. М., 1967. С. 236) утверждение, что «византийская дипломатия всегда старалась, хотя и безуспешно, инкорпорировать Русь в состав империи как зависимый народ» (в действительности там сказано: «Политика христианизации в руках византийских дипломатов являлась испытанным средством политической экспансии. Болгария, сперва принявшая христианство от греков, была в дальнейшем подчинена Византией. В отношениях с Русью планы империи не могли простирались столь далеко. Однако византийское правительство, несомненно, рассчитывало на политическое верховенство. Но возможность этого не стала действительностью»).

⁵⁷ *Nic. Con.* P. 522.28. См. также: Путешествие новгородского архиепископа Антония в Царьград в конце XII ст. СПб., 1872. С. 25.

⁵⁸ А. Поппэ выдвинул гипотезу, согласно которой Владимир взял Херсон по просьбе императора, чтобы подавить поднятое херсонитами восстание против империи в пользу узурпатора Варды Фоки (*Poppe A. The Political Background to the Baptism of Rus': Byzantine-Russian Relations between 986–89 // DOP, 1976, № 30. P. 195–224*). Нам представляется убедительной критика этой гипотезы Д. Оболенским (Херсон и крещение Руси: против пересмотра традиционной точки зрения) // ВВ, 1994. 55(80). С. 53–61.

через полвека христианская Русь организовала поход на Константинополь (1043), затем оказала помощь мятежнику Лжедиогену в 1116 г., а в середине XII в. ряд русских княжеств участвовал во враждебных империи военных коалициях. Причем христианская Русь (как ранее христианская Болгария) была потенциально опаснее для империи, чем болгары и кочевники черноморских степей. В IX—X вв. языческая Русь, обустривая столицу государства, обнаружила тенденцию переносить ее все дальше на юг: Олег ушел из Новгорода и утвердился в Киеве, Святослав покинул Киев, предпочитая ему Переяславец на Дунае; угрожал он и самому Константинополю. Трудно сказать, какую в конечном счете роль сыграл в XI—XII вв. печенежско-половецкий барьер: затруднил ли он оказание Русью помощи империи или воспрепятствовал наступлению русов на юг, на ее черноморские владения. Ведь уже Святослав хотел удержать Подунавье, а вскоре возникло и русское Тмутараканское княжество на Таманском полуострове, в опасной близости к крымским владениям империи.

Однако отношения Византии с Русью после принятия ею крещения характеризовались двумя коренными отличиями, сравнительно с отношениями империи с Болгарией и Сербией в христианскую эпоху их истории. Во-первых, только крещеная Русь из всех других членов «сообщества» никогда не пыталась овладеть Константинополем. Перед походом 1043 г. не ставилось такой цели. Русы могли преследовать задачу добиться изменения политики империи по отношению к Руси, может быть — даже перемен на престоле империи (А. Поппэ полагает, что русы шли на помощь мятежнику Маниаку),⁵⁹ но отнюдь не завоевания столицы Византии. Это была скорее демонстрация силы, чем спланированная заранее и ставящая далеко идущие цели кампании Древней Руси против империи.⁶⁰ Во-вторых, князья Руси вплоть до падения империи никогда не оспаривали высшего авторитета василевса в христианском мире, хотя и сохраняли полную политическую независимость. Справедливо заключение Д. Оболенского, что наиболее тесными в «сообществе» были узы между Византией и Русью.⁶¹

⁵⁹ *Poppe A. Państwo I kościół na Rusi w XI wieku. Warszawa, 1968. S. 75 squ.* Впрочем, мы не разделяем эту гипотезу — см. след. прим.; *Idem. La dernière expedition russe contre Constantinople // BS, 1971, 32. P. 14 squ.*

⁶⁰ *Литаврин Г. Г. Война Руси против Византии в 1043 г. // Исследования по истории славянских и балканских народов. Киевская Русь и ее славянское окружение. М., 1972. С. 221.*

⁶¹ *Obolensky D. The Byzantine Commonwealth. P. 201, 226, 232, 286–266.*

Более того. Мы полагаем, что по-особому обстояло дело в данном случае и с военной помощью империи. По нашему мнению, в действительности именно христианская Русь (и только она) оказывала ее стабильно в течение почти столетия, с 988 г. до 70-х гг. XI в. Шеститысячный отряд, присланный с Руси по договору Владимира с Василием II Болгаробойцей для борьбы с узурпатором, был, вероятно, по дополнительному соглашению сторон (после благополучного завершения истории с династическим браком и крещением Владимира) оставлен на службе в империи как постоянное подразделение византийского войска, систематически пополняемое выходцами с Руси и из Скандинавии. Отряд как особая воинская часть участвовал во всех крупных кампаниях империи (от Сирии до Южной Италии). Обычно в империю прибывали (скорее всего одновременно с торговыми флотилиями) организовавшиеся еще на Руси значительные по численности отряды воинов: некий Хрисохир вел морем с Руси в 1024 г. на службу в империю сразу 800 человек,⁶² а Гаральд Гардрад (приятель и будущий зять Ярослава Мудрого) привел с собой 500 воинов, во главе которых и прослужил 7 лет.⁶³ Когда ему пришлось бежать из империи, большинство его соратников остались на службе у императора. Значит, русско-варяжский отряд (включая воинов Гардрада) не был втянут в его ссору с Константином IX Мономахом: воины были обязаны служить далее, связанные или договором с империей или обязательствами перед киевским князем, или тем и другим.

Со времен крещения Руси само правительство империи не рассматривало наемников-русов как совершенно частных лиц: они были представителями дружественного (союзного) Древнерусского государства, служба которых и ее условия были оговорены специальным договором. Доказательство этого — единовременный арест по всем фемам империи всех русов (прежде всего воинов-наемников и прежде всего в Константинополе) при известии о подходе к нему русского военного флота Владимира Ярославича в июле 1043 г.⁶⁴ Если бы отряд находился вне официальных политических связей с Русью и не составлял определенного этнического целого, не было бы и опасений императорского двора, что отряд может стать при столкновении с русами «пятой колонной» внутри столицы или около ее стен. В 1018 г. наемники-русы были брошены против вторгнувшихся в Южную Италию норманнов и разгромили их — в данном случае военачальники

⁶² *Ioannis Scylitzae Synopsis historiarum*, ed. J. Thurn. Berlin, New York, 1973. P. 368.75–76.

⁶³ *Советы и рассказы...* С. 282.12–27.

⁶⁴ См.: *Литаврин Г. Г. Война Руси...* С. 188, 220.

не питали никаких опасений, что возможен переход русов на сторону врага, хотя в их отрядах находились и скандинавы, ибо противостоявшие им норманны не представляли страну, из которой прибыли русские воины, названные западным (как и византийским) хронистом «союзниками» ромеев.⁶⁵

Ясно, что ссора на рынке в 1042 г., когда был убит знатный рус, была следствием уже резко ухудшихся отношений Руси и империи, а не причиной войны 1043 г. Что-то более серьезное омрачило в 1040-х гг. отношения двух стран, отразившись и на союзниках-русах: инцидент следовал за инцидентом. Придя к власти в 1042 г., Константин IX ущемлял интересы крупных торговцев столицы, выражая вместе с тем неприязнь к «скифам» («тавроскифам»), которым благоволили Михаил IV и Михаил V.⁶⁶ Летом 1042 г. происходит упомянутая ссора на рынке. В октябре 1042 г. тайно, вопреки воле императора, Гаральд бежит из Константинополя. Осенью 1042-весной 1043 г. отряды русов, год назад помогавшие Михаилу IV (в том числе и Гаральд) подавить восстание в Болгарии,⁶⁷ приняли участие в мятеже Маниака. Далее, как упоминалось, следуют поход на Константинополь Владимира и одновременно — арест русских купцов и воинов, а также ухудшение положения русского монастыря Ксилургу на Афоне.⁶⁸ Отношения были улажены к 1046–1047 гг. Был заключен брак дочери Мономаха с сыном Ярослава Всеволодом. И тогда же русы помогали императору против очередного узурпатора.⁶⁹ Но чувство неприязни к русам у византийской элиты, видимо, осталось. Кекавмен, суммируя свой жизненный опыт, накопленный в 40–70-х гг. (а Гаральда он знал лично), советовал императору не

⁶⁵ *Ionh. Scyl.* P. 336.89; 355.23; *Gay J.* L'Italie méridionale et l'empire byzantin depuis l'avènement de Basil Ier jusqu'à la prise de Bari par les Normands, I. New York, s. a. P. 410; *Wolff R. L.* How the News was brought from Byzantium to Angouleme; or. The Pursuit of a Hare in an Ox Cart // *Byzantine and Modern Greek Studies*, 1978, v. 4. P. 143–147.

⁶⁶ *Литаврин Г. Г.* Песелл о причинах последнего похода русских на Константинополь в 1043 г. // ВВ, XXVII, 1967. С. 78, 85–86; *Он же.* Война Руси... С. 210–212.

⁶⁷ Советы и рассказы... С. 282.23–29.

⁶⁸ Акты русского на св. Афоне монастыря святого великомученика и святителя Пантелеимона. Киев, 1873. С. 18; *Мошин В.* Русские на Афоне и русско-византийские отношения в XI–XII вв. // BS, 9 (1), 1947. С. 70–72.

⁶⁹ *Каждан А. П.* Иоанн Мавропод, печенеги и русские // ЗРВИ, 1963, 8. С. 183–184.

жаловать почетных титулов иноземцам и не платить им щедро, нанимая их на службу, если надо, только «за хлеб и одежду». ⁷⁰ Несомненно, верхушка наемников (и союзников)-русов рассчитывала на определенные доходы и награды от императора, а обманувшись в ожиданиях, не скрывала своего недовольства. Византия проявляла и заинтересованность в службе русов, и естественное стремление платить им как можно меньше, и известные сомнения в их лояльности в отношении империи в критические моменты. Не исключено, что постепенное ухудшение условий службы русов было следствием ухудшения положения военных вообще в правление царей-эпигонов («бюрократов») в 30–70-х гг. XI в.

Русский отряд не покинул империю после похода 1043 г., но новые осложнения с Русью возникли снова едва через 20 лет. В 1066 г. катепан Херсона, позванный в гости князем Тмутаракани Ростиславом, отравил его во время обеда ⁷¹ (вряд ли здесь имела место самостоятельность катепана: ведь посягательства империи на Тмутаракань скоро повторились). Обстановка накалилась настолько, что в 1079–1080 гг. вспыхнул настоящий бунт русско-варяжского отряда, и имя воинов-русов в войсках империи исчезло со страниц византийских хроник. ⁷² В. Г. Васильевский уматривал причину этих перемен в том факте, что после битвы при Гастингсе в сентябре 1066 г., в которой англосаксы были разгромлены Вильгельмом Норманским, множество побежденных рыцарей оказались не у дел и без куска хлеба: они-то как наемники и пришли на смену русам в империи. ⁷³ Но и эти факты, скорее всего, — не причина перемен в русско-византийских отношениях, а следствие. Решающее значение имели, по всей вероятности, внутренние процессы в самой Руси, обусловленные междоусобиями и необходимостью противостоять половцам на поле брани. И киевский и другие князья Руси впредь не столько содействовали, сколько препятствовали отливу воинов за рубеж.

В отличие от мусульман и христиан Запада, жадно протягивавших руки к сохраненным Византией сокровищам античного знания, Русь не испытывала в них большой нужды, как и в светском

⁷⁰ Советы и рассказы... С. 278.21–23.

⁷¹ ПСРЛ, I, 1. Л., 1926. С. 166.

⁷² Литаврин Г. Г., Каждан А. П., Удальцова З. В. Отношения Древней Руси и Византии в XI–первой половине XIII в. // Proceedings of the XIIIth International Congress of Byzantine Studies. London, 1967. P. 76.

⁷³ Васильевский В. Г. Варяго-русская и варяго-английская дружина в Константинополе XI и XII вв. // Труды, 1. СПб., 1908. С. 355 сл., 378–401.

знании вообще, — она традиционно и постоянно заимствовала у византийцев духовные ценности восточнохристианского исповедания веры. Такого рода интерес на Руси не иссякал веками, вопреки постепенно гаснущему вниманию русского общества к внутренней жизни империи и к ее внешнеполитическому положению.

Между тем с последней четверти XI в. Византия остро нуждалась в военной помощи. Алексей I Комнин, воззавший в отчаянии в 1090—1091 гг. к Западу о помощи практически на любых условиях, не попросил ее у единоверной Руси, возможно, потому, что знал о неспособности русов оказать помощь в этот период или об их решительном нежелании сделать это. Так или иначе, но Русь (самый сильный в военном отношении член «сообщества») никак не проявила себя при Алексее I в качестве реального союзника империи. Напротив, есть основания полагать, что в начале и конце правления Алексея I имело место прямое противостояние между Русью и Византией: Алексей I вернул к политической деятельности на Руси, освободив из ссылки в империи (по летописи — в 1083 г.) смертельного врага киевского князя — Олега Черниговского, получив от него взамен Тмутараканское княжество с его источниками нефти, необходимой для производства «греческого огня». ⁷⁴ Известное пренебрежение проявил Алексей I и к выборам для Киева в 1090 г. нового митрополита: был послан старец-скопец (а он был «не книжен и умом простъ и просторекъ» да и умер всего через год). ⁷⁵ А в 1116 г., как уже было упомянуто, Русь, поддержав поход Лжедиогена, пыталась сохранить за собой города на Дунае, перешедшие, было, на сторону вскоре погибшего узурпатора. ⁷⁶

И тем не менее все члены «сообщества» признавали хотя бы в теории политический авторитет императора, и это признание стало фактором сознания их правящей элиты, а следовательно, реальностью, которая не могла не проявляться в их внешней политике. Дружественные отношения с Византией возвышали авторитет страны на международной арене. На Руси сохранение и укрепление связей с Византией стало многовековой традицией, питаемой исторической памятью не только о том, что именно Византия избавила русов «от бесязычства и идолопоклонства», но и о том, что она тогда же, одновременно вступила с Русью в кровное родство через брак князя-крестителя с порфирородной царевной.

⁷⁴ *Литаврин Г. Г.* Русь и Византия в XII в. //ВИ, 1972. № 7. С. 40.

⁷⁵ ПСРЛ, т. IX (Патриаршая, или Никоновская, летопись). М., 1965. С. 116.

⁷⁶ ПСРЛ, I. С. 291.

Древняя империя (особенно ее блистательная столица) влекла к себе как гигантский магнит чужеземцев-современников, и она же отвращала их своей надменностью, неискренностью и скрытым коварством своей дипломатии. Ее история была овеяна легендами, а культура пользовалась всеобщим признанием. Ее могли ненавидеть, но не могли в то же время не уважать ее и не восхищаться ею. Крестоносцы громили ее, но они же поражались ее величием, мусульмане в течение веков были ее лютыми врагами, но они же чтили ее как источник знания. Двойственность позиции современников по отношению к ней отразили и западные хронисты и путешественники, и русские летописцы (греки — «льстивы», но их столица, дворцы, храмы, их убранство и литургия исполнены неземного великолепия). Однако иностранцев в Византии должны были удивлять не только высокие стандарты городского быта и иные внешние атрибуты непривычной для них цивилизации: не могли не поражать их и нормы жизни, по которым жили ромеи, — полное бессилие личности перед властью василевса и его чиновников причудливо соединялось здесь с официально признаваемым (и иногда реализуемым) равенством всех подданных перед законом, с равенством прав наследования детей (старших и младших, сыновей и дочерей), с существованием опекаемых государством благотворительных заведений для сирот и старцев, больниц и странноприимных домов для бедных и т. п. По словам П. Дила, конституционная и демократическая реальность в Византии более различима, чем в абсолютной монархии.⁷⁷ Высокое искусство и миролюбие внешней политики империи увенчались созданием особой системы отношений между странами, связанными единоверием и близостью культур. Эту особую систему международных связей Д. Оболенский, определивший ее как «Византийское сообщество государств», предлагает рассматривать в качестве первого в истории Европы интернационального культурно-конфессионального объединения народов, которые тяготели к Византии как к его центру; Д. Закинос был склонен признавать «сообщество» своего рода прообразом «объединенной Европы».⁷⁸

⁷⁷ *Diehl Ch.* Le sénat et le peuple byzantin aux VIIe et VIIIe siècles. // *Byz.*, 1924, 1. P. 212.

⁷⁸ *Obolensky D.* The Byzantine Commonwealth. P. 69, 85, 163, 277; *Idem.* Six Byzantine Portraits. Oxford, 1988. P. 1–7; *Zakythinos D.* État national ou multi-national? // *Δελτίον τῆς ἀρχαιολογικῆς χριστιανικῆς Ἐταιρείας*, περ. Δ, 10. 1980, 1981. Σ. 52; *Argyropoulos Roxane D.* La réhabilitation de Byzance par les intellectuels Grecs (1860—1912) // *Byzantium. Identity, Image, Influence.*

Как мы пытались показать, и Д. Оболенский и Д. Закитинос несколько преувеличивают идейно-политическое значение и функциональную роль «Византийского сообщества государств». Взаимная солидарность на почве единства вероисповедания восточнохристианских стран не нашла до конца истории Византии эффективного проявления в крупных политических и военных акциях на международной арене, исключая культурно-конфессиональную сферу. Однако здесь не исключена другая крайность. Сам автор концепции «сообщества», датируя полное затухание влияния духовного наследия Византии на русское общество началом XVIII в., счел неуместным восстанавливаться в своем труде на общественном и политическом воздействии православно-христианской традиции на последующую историю стран бывшего «сообщества».⁷⁹ Но эти традиции никогда не иссякали полностью и дожили до наших дней. Важную роль в запоздалом осознании греками, болгарами, сербами и русскими взаимосвязи своих судеб сыграли уже такие всколыхнувшие православный мир события, как Флорентийская уния 1439 г. и взятие Константинополя османами в 1453 г. Идея взаимопомощи стала утверждаться (и особенно как раз в XVIII в.) в качестве важного фактора в сознании политиков и идеологов стран «византийского круга», когда давно уже не было ни «сообщества восточнохристианских государств», ни самой Византии.

Историки обычно тщательно изучают причины падения Византии, тогда как не менее (если не более) важно уяснить, из каких источников она черпала силы для столь длительного существования в сохранявшихся столетиями экстремальных условиях.

XIX International Congress of Byzantine Studies. Major Papers. P. 336–351.

⁷⁹ *Obolensky D. The Byzantine Commonwealth. P. 367.*

О. В. Иванова

О ПУТЯХ ИНТЕГРАЦИИ ИНОПЛЕМЕННИКОВ В ВИЗАНТИЙСКОЙ ИМПЕРИИ В VII–X вв. (преимущественно на примере славян)

Византийская империя, территория которой в начальный период ее истории охватывала обширные земли в трех частях света, всегда была полиэтничным государством. Находясь на перекрестке магистральных путей между Востоком и Западом, империя стала местом, где сходились миграционные потоки народов, перемещавшихся во всех направлениях — с востока на запад, с севера на юг и т. д. Множество племен и народов видела Византия как у своих пределов, так и внутри их: одни, не преодолев линии обороны империи, двигались дальше мимо, другие проходили через ее территорию, не оставив почти никаких следов, третьи оседали в Византии большими или малыми группами. С востока и с запада, с севера и с юга в империю вливались народы, принадлежавшие к совершенно разным типам культуры, они перемешивались в условиях господства греко-римской культурной традиции и таким образом участвовали в создании общности людей, называвших себя «ромеями», — общности единой в конфессионально-политическом смысле, но многоликой по своему этническому происхождению. Опыт этнической политики империи (со всеми ее плюсами и минусами) имеет огромную познавательную ценность и для современности, когда рушатся крупные государственные образования и с новой силой вспыхивают давно погашие этнические конфликты.

Этническая карта Византии неоднократно менялась, однако любые изменения в составе ее населения трудно сравнимы по своему

масштабу с теми, которые произошли в конце VI–VII в. Одолев двух своих врагов, Персидское царство и Аварский каганат, империя ослабела в долгой и изнурительной борьбе с ними и не смогла остановить ни расселения славян на Балканском полуострове, ни победоносного шествия арабов, отобравших у нее обширные территории в Азии и Африке. Последствия вторжения в империю этих двух народов видны и на современной карте мира. Для Византии же той эпохи эти перемены означали необходимость строительства своей политики с учетом ее новых границ, с признанием де-факто расселения массы варваров на ее землях.

Научный вызов, сделанный в прошлом столетии немецким ученым Я. Фалльмерайером, заявившим о значительной роли славян в этногенезе современных греков, породил незатухающую дискуссию о том, когда и в каких масштабах славяне расселились в южной части Балкан и когда они были ассимилированы. Дискуссия в наши дни зашла в тупик, но не столько, на наш взгляд, из-за недостатка источников, сколько из-за ограниченности аспектов, в которых они рассматриваются. История славян в империи не может быть сведена к упомянутым двум большим вопросам — поселению славян в империи и их ассимиляции. Не менее интересным представляется, например, и вопрос о механизмах и этапах интеграции славян в состав империи, рассмотрение которого и является задачей данной статьи. При этом, опираясь на собственные исследования¹ и важнейшую литературу,² мы исходим из того, что славяне в конце VI–начале VII в., сильно потеснив коренных жителей, поселились компактными массами в Северной Фракии, Македонии, Греции и на Пелопоннесе. Процесс их интеграции был длительным, и если мы доводим его рассмотрение только до X в., то объясняется это тем, что, во-первых, к этому времени жизнь славян в империи приобретает определенные

¹ *Иванова О. В.* Славяне и Византия в VII–нач. IX в. (Славинии на территории Македонии, Фессалии и Эпира). Диссертация на соискание ученой степени к. и. н. М., 1985; *Иванова О. В., Литаврин Г. Г.* Славяне и Византия // Раннефеодальные государства на Балканах (VII–XII вв.). М., 1985. С. 34–98.

² *Тяпкива-Заимова В.* Нашествия и этнически промени на Балканите през VI–VII в. София, 1966; *Ditten H.* Zur Bedeutung der Einwanderung der Slawen // Byzanz im 7. Jahrhundert. Berlin, 1978; *Welthmann M. W.* Die slavische Bevölkerung auf der griechischen Halbinsel. München, 1978; *Lemerle P.* Les plus anciens Recueils des Miracles de saint Démétrius et la pénétration des Slaves dans les Balkans. T. II. Commentaire. P., 1981.

и стабильные формы после решающего перелома во взаимоотношениях с Византией, достигнутого в IX в.; теперь они перестали беспокоить империю как злободневная большая проблема. К этому же времени относятся и попытки византийских авторов осмыслить «славянский вопрос». Во-вторых, в конце X–XI вв. в этнической истории империи произошли новые большие перемены, которые выразились в крупных «подвижках населения», поставивших новые проблемы перед византийской политикой по отношению к иноплеменникам. Мы имеем в виду инкорпорацию массы славяноязычного населения на Балканах после завоевания Болгарии, как и армянского и грузинского населения в Малой Азии, давление и инфильтрацию тюркского элемента со стороны Дуная (печенеги, половцы, узы) и со стороны восточных границ (турки-сельджуки), утрату восточных и центральных малоазийских провинций после битвы при Манцикерте в 1071 г. и, наконец, окончательную потерю империей италийских провинций.³

Поставив славян в центре своего исследования, мы, однако, намерены привлекать материалы и по другим народам, населявшим империю в этот период, крайне необходимые для выявления общего и особенного в византийской политике по отношению к иноплеменникам и для сравнения путей интеграции разных народов в состав империи.

Этническая структура империи в рассматриваемый период в общих чертах выглядит следующим образом. Самым многочисленным было грекоязычное население, которое, по замечанию П. Хараниса, не имело абсолютного большинства, но было самым крупным среди всех прочих этнических групп.⁴ В VI–начале VII в., когда балканские провинции империи подвергались почти непрерывным нападениям варваров (кутригуров, болгар, аваров, славян), коренные жители были сильно оттеснены к югу; они сосредоточились в прибрежных районах, в крупных городах, бежали на острова и в Италию или ушли в гористые труднодоступные области. Со временем, однако, когда Византия окрепла и начала восстанавливать свою власть на захваченной славянами территории, греки возвращались в свои селения, поднимали разрушенные города, и к IX в. демографический баланс в пользу греческого населения восстановился на большей части территории за исключением Македонии, где славяне преобладали

³ *Литаэрин Г. Г.* Византийское общество и государство в X–XI вв. М., 1977. С. 162.

⁴ *Charanis P.* Observations on the Demography of the Byzantine Empire // *Charanis P. Studies on the Demography of the Byzantine Empire.* L., 1972. P. 19.

и в последующий период. После утраты Сирии и Египта грекоязычный элемент стал господствующим и в восточных провинциях, где в оставшейся за Византией Малой Азии коренное население было практически эллинизировано.

Вторым по численности народом в балканских провинциях империи в рассматриваемый период были, видимо, славяне. Движение их на византийские земли было лавинообразным, они занимали преимущественно долины рек и равнины, необходимые им для ведения традиционного образа жизни и хозяйственных занятий. Однако и горные области не избежали славянской оккупации.⁵ Нет известий о том, что славяне селились в городах, так как городские формы были, видимо, им еще чужды в этот период. В источниках приводятся названия более двадцати племен; упомянем наиболее крупные из них: в районах Стримона, Вардара, Бистрицы и их притоков поселились стримонцы, ринхины, другувиты, сагудаты и берзиты, по течению Месты — смоляне, в Фессалии — велегезиты, в Эпире — вайюниты, на Пелопоннесе милинги и эзериты. Данные источников X–XV вв. свидетельствуют о чрезвычайной устойчивости географических и административных наименований, образованных от этнонимов этих племен.⁶ Согласно Монеувасийской хронике, славяне заняли весь Пелопоннес, кроме его восточной части от Коринфа до Малеи.⁷ Они совершали опустошительные набеги на острова и побережье Малой Азии, однако первые их поселения здесь возникли только в середине и конце VII в., когда империя начала переселять славян все более значительными группами с Балкан в Вифинию, древнюю провинцию на южном берегу Черного моря. В середине следующего столетия Константин V пополнил славянские поселения в этом районе перебежчиками из Болгарии, расположив их у реки Артана.⁸

⁵ Koder J. Zur Frage der slavischen Siedlungsgebiete in mittelalterlichen Griechenland // BZ. 1978, Bd. 71/2, S. 315–331.

⁶ Мы не можем здесь привести всю обширную литературу о славянских племенах в южной части Балкан, материал источников же обобщен среди других работ в кн.: ВИИИ. Т. I, 1955. С. 186–189; Свод древнейших письменных известий о славянах. Т. 2. М., 1995. С. 520–554.

⁷ Cronica di Monemvasia. Introduzione, testo critico, traduzione e note a cura di I. Dujčev. Palermo, 1976. P. 18.

⁸ *Vryonis Sp. St. Ioannicius the Great and the «Slavs» of Bythinia* // Byz. 1961. V. 31/1. P. 245–248; *Charanis P. On the Ethnic Composition of Byzantine Asia Minor in the Thirteenth Century* // Charanis P. Studies... P. 141–142.

Другой крупнейшей и наиболее влиятельной среди иноэтничного населения империи группой были армяне. До первой половины VII в., когда Византия контролировала большую часть Армении, они находились преимущественно на ее восточных рубежах. Под натиском арабов началось переселение армян в глубь империи, где наибольшее их число постепенно сосредоточивалось на севере Малой Азии — в фемах Армения и Халдия, однако их колонии были и в других малоазиатских фемах. В этот же период империя начинает переселять армян на Балканский полуостров, преимущественно во Фракию, в район Филиппополя. Переселения армян на Запад продолжались в VIII–IX и особенно в X в. и не только во Фракию, но и в Македонию, Грецию, на Пелопоннес, на острова, а также в Калабрию и Сицилию. Армянские колонии были во всех крупных византийских городах.⁹ Армянская знать, приходившая в империю, принималась с большими почестями и наделялась плодородными землями. Начиная с Юстиниана I, армяне играли большую роль в византийской армии, и они ее сохранили в последующие столетия. В IX–X вв. в период правления Македонской династии влияние лиц армянского происхождения на политическую и военную структуру империи было первостепенным.¹⁰

Из других групп иноэтничного населения в рассматриваемый период в Малой Азии источники упоминают потомков готов, поселенных Юстинианом I в Вифинии и уже сильно эллинизированных к VIII в., так что их уже называли гото-греками.¹¹ В горных районах Тавра и Амана жили мардаиты, о которых известно, что они были христианами и хорошими воинами, находились на службе у империи, однако не всегда были лояльны к ней. Этническое происхождение мардаитов остается неясным. По требованию арабов, которым они причинили много неприятностей, совершая набеги на Ливан, мардаиты, разделенные на небольшие группы, в конце VII в. были переселены Юстинианом II в Атталию, Эпир, на Кефалинию и Пелопоннес. Как моряки в византийской армии мардаиты упоминаются в начале X в., однако катепан, возглавлявший их, теперь назначался императором и не из их среды.¹²

⁹ *Ditten H.* Ethnische Verschiebungen zwischen der Balkanhalbinsel und Kleinasien von Ende des 6. bis zur zweiten Hälfte des 9. Jahrhunderts. В. 1993. S. 72–82.

¹⁰ *Charanis P.* The Armenians in the Byzantine Empire // *Charanis P. Studies...* P. 196–240.

¹¹ *Charanis P.* On the Ethnic Composition... P. 140–147.

¹² *The Oxford Dictionary of Byzantium.* New York — Oxford, 1991. V. 2. P. 1297; *Ditten H.* Ethnische Verschiebungen... S. 138–158; *Charanis P.*

Небольшими компактными группами во Фригии и Ликаонии проживали исповедовавшие ересь иудаистского толка афинганы (*Ἀβιγγανοί*) (позже их ошибочно отождествляли с цыганами). Они неоднократно подвергались гонениям за свою религию и наконец в начале IX в. были переселены на Эгину.¹³ В X в. в юго-западном углу Малой Азии существовала колония мавров, о которых известно, что они служили на флоте и находились в сложных отношениях с местными жителями. Полагают, что они были арабами из Африки.¹⁴ Кроме того, в VII–X вв. в византийской части Азии проживало множество народов, которые, однако, не составляли значительных или компактных групп.

В Южной Италии и на Сицилии грекоязычный элемент в сравнении с латиноязычным был усилен в результате эмиграции коренного населения с Балкан в период славянского нашествия, а затем во времена иконоборчества, когда здесь находило приют гонимое монашество.¹⁵

К важным этническим переменам в европейских провинциях империи относится и элиминация латиноязычного элемента, которая связана прежде всего с фактической потерей Иллирика, где он был в основном сосредоточен. Романизованные потомки древних иллирийцев и дако-фракийцев в других областях скрылись под натиском славян в горных областях и пребывали там более четырех столетий вне внимания византийских историков. Подчинение их византийским законам и принадлежность к Православной Церкви в этот период очень сомнительны. Только в конце X в. они появляются на исторической арене напористой силой под именами влахов и албанцев и начинают играть важную роль в Македонии, Фессалии, Эпире, на Халкидике, в районе Балканского хребта и в других областях.¹⁶ Есть, однако, основания полагать, что их контакт со славянским населением начался значительно раньше,¹⁷ а о результатах их длительного

The Transfer of Population as a Policy in the Byzantine Empire // Charanis P. Studies... P. 142.

¹³ *Ditten H.* Ethnische Verschiebungen... S. 199–203.

¹⁴ *Charanis P.* How Greek was the Byzantine Empire? // Charanis P. Studies... P. 113.

¹⁵ *Charanis P.* On the Question of the Hellenization of Sicily and Southern Italy during the Middle Age // Charanis P. Studies... P. 74–86.

¹⁶ *Литаэрин Г. Г.* Власти византийских источников. X–XIII вв. // Юго-Восточная Европа в средние века. Кишинев, 1972. С. 91–138.

¹⁷ *Иванова О. В.* Афонские легенды о славянах в Византии // XVIII Международный конгресс византинистов. Резюме сообщений. Т. 1. М., 1991. С. 477.

симбиоза с греками и славянами, например, в Фессалии в IX в. свидетельствует Кекавмен. Непростой была и этническая ситуация на Пелопоннесе. В источниках упоминаются не христианизированные до IX в. жители Майны, сомнителен и этнический характер цаконов, которые, возможно, были местным населением, смешавшимся со славянами.¹⁸ Переселенцы с Востока разбавили остававшееся относительно однородным население Фракии. Как уже упоминалось, армяне составили заметную колонию в районе Филиппополя, которая неоднократно пополнялась новыми переселенцами, в IX–X вв. преимущественно армянами-павликианами. Армяне имелись и в других районах Балкан (на Пелопоннесе, островах, в Македонии), однако они уступали по численности и влиянию фракийской колонии. Во Фракию были также перемещены монофизиты и яковиты из Сирии, захваченные в результате удачных походов армии империи при Константине V (741–775) и Льве IV (775–780).¹⁹

Кроме того, в источниках упоминаются народы, находившиеся в определенные периоды в балканских провинциях, этническое происхождение которых остается неясным. Стабильной и игравшей заметную роль в Центральной Македонии была колония «турок-вардариотов», существовавшая здесь по крайней мере с IX в. (первое упоминание в списках церковных епархий в начале X в.). Относительно их этнической принадлежности высказывались разные предположения. Это могли быть персидские хуррамиты, перешедшие на сторону Византии при императоре Феофиле (829–842), которые, согласно источникам, были расселены в разных провинциях империи и составили особые турмы в византийской армии. Это могли быть и пленные венгры, поселенные на Вардаре после понесенного ими поражения в X в. Каждое из двух предложенных объяснений имеет свои слабые стороны. Венгры действительно упоминаются в Македонии в X в., однако поселены они здесь могли быть не ранее 60-х гг. Мы же склонны согласиться с мнением, согласно которому колония вардариотов имела смешанный в этническом отношении характер, а ее обособленность от других жителей региона объясняется особыми военными функциями, которые исполняли вардарио-

¹⁸ *Bon A. Le Péloponnèse Byzantin jusqu'en 1204. P., 1951. P. 71–74.*

¹⁹ *Grégoire H. Précisions géographiques et chronologiques sur les Pauliciens // Académie royale de Belgique: Bulletin de la Classe des Lettres et des Sciences Morales et Politiques. 5e Ser., 33. Brussels, 1947. P. 289–324; Charanis P. Ethnic Changes in Seventh-Century Byzantium // Charanis. P. Studies... P. 30–31.*

ты.²⁰ Не менее темным остается происхождение «скифов», которых Юстиниан II поселил в ущельях Стримона, согласно сообщению Константина Багрянородного.²¹ Большинство исследователей видят в них славян или протоболгар Кувера.²² Благодаря «Чудесам св. Димитрия», известно о поселении в 80-х гг. VII в. на Керамисийском поле (локализуется в районе совр. Прилепа) ушедших из аварского каганата людей Кувера. Это были потомки плененных в 10–20-х гг. этого века византийцев, смешавшихся с аварами и другими жителями каганата. Во главе их были поставлены протоболгары, которые и побудили их к восстанию и бегству от аваров. Впоследствии они больше не упоминались в этом регионе, так как, видимо, быстро растворились среди местных жителей либо были переселены.²³

Колебания в составе этнического населения на Балканах были связаны и с неоднократным изменением болгаро-византийских границ, и со стихийными переселениями подданных Болгарии на византийскую территорию. Во время походов хана Крума на империю наблюдалось массовое бегство населения из Фракии и Македонии. А при болгарских царях Симеоне и Самуиле болгары далеко проникали в глубь византийской территории, уводили пленных и селились в Македонии и Северной Греции.²⁴ Как правило, византийские власти сами определяли места для поселений пришедших в империю болгарских славян, опасаясь их большой концентрации именно в Македонии и Греции, но бывало и так, что болгары сами захватывали византийские земли. В 930 г. после неудавшегося восстания против царя Петра его брата Михаила участники бунта самовольно и реши-

²⁰ *Laurant V.* 'Ο Βαρδαριστῶν ἤτοι Τοῦρκων. Perses, Turcs asiatiques ou Turcs Hongrois? // Сб. в память на проф. Петъръ Никовъ. София, 1940. С. 275; *Oikonomidès N.* Vardariotes-w. 1nd. r.-V. n. nd. r. Hongrois installés dans la vallée du Vardar en 934 // *Südost-Forschungen.* 1973. V. 32. P. 1–8; *Лутаврин Г. Г.* Народы Балканского полуострова в составе Византийской империи в XI–XII вв. // *Формирование раннефеодальных славянских государств и народностей.* М., 1981. С. 177.

²¹ *Constantine Porphyrogenitus.* De thematibus. Ed. F. Pertusi. Rome, 1952. P. 88.

²² *Ditten H.* Ethnische Verschiebungen... S. 163–176.

²³ *Иванова О. В.* К вопросу об этнополитической ситуации в районе Фессалоники в 80-х гг. VII в. // *Античная балканистика.* М., 1987. С. 42–48.

²⁴ *Božilov I.* Les bulgares dans l'empire Byzantin // ГСУ. Истоп. фак-т. Т. 69. 1978. С. 141–193.

тельно прошли по территории империи и обосновались в районе Никополя в Эпире.²⁵

В основном в городах, в особых кварталах, проживали евреи, пребывавшие в империи по крайней мере с IV в.²⁶ Несмотря на дискриминационные статьи в византийском законодательстве в отношении евреев и отдельные периоды преследования, они в целом находились в благоприятных условиях в империи по сравнению с западными странами и мусульманским миром, поэтому их диаспора постоянно пополнялась за счет иммигрантов с запада и с востока. Вениамин Тудельский, посетивший еврейские общины в империи в XII в., насчитал в них 9 тыс. человек, однако современные исследователи считают, что на самом деле евреев было гораздо больше (от 15 тыс. до 100 тыс.²⁷).

Чрезвычайная этническая неоднородность подданных империи, как показал даже краткий обзор, объясняется среди прочего и тем, что Византия сама охотно принимала разного рода перебежчиков, знатных иммигрантов и даже целые группы населения, перешедшие на ее сторону. Империя всегда находила также место для поселения пленных, потому что умела использовать иноплеменников в своих интересах — для покрытия демографического дефицита или подъема экономики запущенных районов, для пополнения армии или регулирования этнического состава населения в отдельных областях. Находившиеся на службе у империи иноземцы играли важную роль и в ее сложных взаимоотношениях с соседями — Ираном, Болгарией, арабским миром, тюркскими народами и т. д. Причины, по которым народы стремились осесть в Византии, различны. Сюда бежали христиане или представители религиозных меньшинств, подвергавшиеся преследованиям у себя на родине, здесь скрывались восставшие из соседних стран и спасавшиеся от экономического или политического гнета, наконец, в империю прибывали племена, просто искавшие места для поселения. Многочисленные этнические группы находили приют в Византии еще и потому, что она была «открытым» государством, ее официальная доктрина не знала этнических предрассудков, ее правители не проводили насильственной эллинизации и редко

²⁵ *Иванова О. В.* Восстание 930 г. в Болгарии и болгаро-византийские отношения // Славяне и их соседи. Международные отношения в эпоху феодализма. М., 1989. С. 34–44.

²⁶ Сведения о евреях в Византии собраны в книге: *Starr J.* The Jews in the Byzantine Empire. 641–1204. Athen, 1939.

²⁷ The Oxford Dictionary... V. 2. P. 1040–1041.

прибегали к принудительной христианизации. Главным условием для иноплеменников было принятие подданства империи и соблюдение ее законов. Согласно официальной концепции, все «ромеи» были равноправны, независимо от этнического происхождения.

Дискриминации византийский закон подвергал лишь инаковерующих и еретиков. В главных сборниках права рассматриваемого периода — Эклоге, Исагоге, Василиках — последовательно закрепляется положение о том, что евреи, язычники и еретики не могут быть приняты ни на гражданскую, ни на военную службу.²⁸ Кроме того, они содержат ряд специальных статей, касающихся евреев. Легальный статус евреев и их религии был зафиксирован еще в корпусе законов Юстиниана I, основные положения которого переходили затем в другие сборники права с добавлением отдельных статей. Еврею запрещалось владеть рабом-христианином, заключать браки с христианами, свидетельствовать в суде против христианина, тяжелые наказания вплоть до смертной казни ожидали еврея за распространение иудаизма. Одновременно с этим его жизнь и имущество защищались законом. Евреи могли сохранять многие свои обычаи, кроме полигамии, запрещалось размещать солдат в синагогах и вообще наносить им какой-либо ущерб. (Однако строительство новых синагог запрещалось, так как это рассматривалось, видимо, как экспансия иудаизма.)²⁹ Не было для евреев ограничений на владение имуществом и на занятия, а отдельные попытки ввести запрет на профессию (например, врачебную практику) оказались безуспешными. Даже при запрете на занятия должностей на гражданской службе на практике допускались исключения. Были, видимо, какие-то ограничения местного характера, не отраженные в законодательстве. Так, Вениамин Тудельский пишет, что евреям в Константинополе запрещалось ездить верхом.³⁰ Евреи были объединены в общины с автономией в региональных и социальных делах. Жили они в особых кварталах, расположенных, как правило, у рынков, занимались ремеслом и торговлей. Такое их отделение было добровольным и принудительным одновременно, проникновение их в христианские кварталы считалось нежелательным. Евреи платили специальный налог, однако налоговое бремя для них было не большим, чем для христиан.

²⁸ *Starr J. The Jews...* P. 97–98 (Эклога); P. 138–139 (Исагора); P. 144–147 (Василики).

²⁹ *Ibid.* P. 18–26.

³⁰ *The Itinerary of Benjamin of Tudela. Critical text, translation and commentary* by M. N. Adler. L., 1907. P. 14.

Среди них было много состоятельных людей, а еврейский квартал в Константинополе, по свидетельству современников, отличался красотой и богатством.³¹ При переходе еврея в христианство с него снимались все ограничения и запрещалось третировать его за прежнюю веру. В большинстве своем евреи были грекоговорящими, вполне отождествляли себя с византийской культурой и уже давно были прочно интегрированной частью византийского населения. Маргинализация же евреев в политической и общественной жизни империи, с одной стороны, и устойчивость их религиозно-культурной традиции — с другой, препятствовали полной этно-культурной интеграции.

Отношение византийцев к евреям, как, впрочем, и к другим иноплеменникам, было амбивалентным. Вспышки враждебности, конечно, имели место, однако империя не проводила «этнических чисток», и гонения на евреев, павликиан и других еретиков, насильственное их обращение в христианство были скорее исключением, чем правилом, ибо они расходились с византийским гражданским и церковным законодательством. Опасения вызывали скорее скрытые мотивы крещения.³² Политика преследования евреев проводилась при Ираклии (610–641), особенно ожесточенными были гонения (вплоть до смертной казни и насильственного крещения) на евреев, монтеистов и манихеев при Льве III (717–741). В IX в. при Василии I (867–886), когда Византия проявляла особое миссионерское рвение, сурово преследовались павликиане, однако вполне терпимо относились к евреям, мягко склоняя их всяческими льготами к переходу в христианство. Были случаи и насильственного крещения в этот период, однако Лев VI (886–912) разрешил им вернуться к старой вере. Евреи, павликиане и другие конфессиональные меньшинства преследовались при Романе I Лакапине (920–944) и некоторое время при его ближайших преемниках. Именно в этот период много евреев бежало из Византийской империи и нашло приют у казар.³³ Затем наступил 250-летний период веротерпимости, длившийся до 1204 г., когда

³¹ *Starr J. The Jews...* P. 11–17.

³² Соответствующая статья есть в Василиках, а Григорий Асбест написал специальный трактат о том, чтобы евреи не принимались в православие без предварительного тщательного испытания. (*Starr J. The Jews...* P. 136–138, 145).

³³ *Alexander P. J. Religious persecution and resistance in the Byzantine Empire of the eighth and ninth centuries: methods and justification // Speculum. 1977. V. 52. P. 238–264.*

латиняне предприняли новые попытки искоренения иудаизма. Внутренние мотивы преследований религиозных меньшинств в VII–X вв. были различными, и мы не будем здесь на них останавливаться. Нам важно лишь показать, что насильственное обращение в православие являлось скорее исключением и не было тем средством, с помощью которого иноверцы, как правило иноплеменники, успешно интегрировались бы в состав империи. Воздерживалась Византия и от религиозного давления на пленных мусульман, так как арабы сразу отвечали репрессиями против христианских подданных халифата.³⁴ Не известны и случаи принудительного крещения славян-язычников. Феофан и Никифор, сочинения которых являются основными источниками сведений о покорении славян в Македонии и Греции, пишут, что во время походов против славян в 658, 688, 759 и 783 гг. они были подчинены, стали данниками империи, захваченные пленные переселялись в Малую Азию, однако оба автора ни словом не обмолвились о крещении славян. В Монеувасийской хронике, правда, говорится, что Никифор I в начале IX в., восстанавливая власть империи на полуострове, отстроил заново церкви и «крестил варваров». Монеувасийская хроника отдалена от описываемых в ней событий больше чем на сто лет, и ее данные заслуживают, конечно, меньшего доверия, чем информация Феофана и Никифора. Возможно, однако, что в начале IX в. крещение славян на Пелопоннесе было уже актуальным, и Никифор I лишь официально оформил уже далеко зашедший процесс христианизации славян.³⁵ В целом же обращение славян в христианство на территории империи и включение их в византийскую церковную организацию было завершено лишь во 2-й половине IX в., т. е. более чем через два с половиной столетия после их обоснования на балканских землях. Официальное принятие христианства было не начальным, а завершающим этапом интеграции славян в состав империи и мощным фактором их этно-культурной абсорбции. Легкость, с которой, как кажется, славяне перешли в новую веру, на самом деле обусловлена длительным и постепенным процессом «низовой» христианизации (т. е. идущей не по официальным каналам, а через повседневное общение с коренным населением).³⁶

³⁴ *Jenkins R.* The Emperor Alexander and the Saracen Prisoners // *Studies on Byzantine History of the 9th and 10th Centuries.* L., 1970. P. 389–393.

³⁵ *Иванова О. В.* Распространение христианства у славян в Византии (VII–X вв.) // *Принятие христианства народами Центральной и Юго-Восточной Европы и крещение Руси.* М., 1988. С. 13–15.

³⁶ Там же. С. 20–29.

Принятие христианства открывало путь для поступления на византийскую службу и для браков с ромеями, поэтому многие иноземцы, приходившие в империю, крестились добровольно. И так поступали не только отдельные личности, искавшие службы в империи, но и целые группы пленных или иммигрантов, оказавшихся в Византии. Крещение становилось для них, в отличие, скажем, от славян, первоначальным механизмом их интеграции в империю. Знатные протоболгары, члены ханского рода и даже сами ханы, находившие в VIII в. убежище в Византии, принимали христианство, получали в жены родственниц императора и почетные титулы (Сабин в 766 г., Телериг в 777 г.). Единичные случаи крещения знатных протоболгар, конечно, не показательны в данном контексте, тем более что Византия собиралась их использовать прежде всего для установления своего влияния в Болгарии. Путь в византийское общество для армян, как народа христианского, был, конечно, облегчен. Известно, что значительный слой византийской аристократии составляли лица армянского происхождения. Нет нужды перечислять здесь императоров и членов их семей, знаменитых военачальников и влиятельных чиновников, имевших армянское происхождение. По оценкам исследователей, в определенные периоды они составляли 10–15% византийской знати. Особенно велико было их влияние, как мы уже говорили, в период правления Македонской династии. Все они были, конечно, православными, сильно эллинизированными и полностью отождествлявшими себя с византийскими интересами и культурой. Они и сами внесли большой вклад в развитие византийской (греческой) культуры, так как ромеи армянского происхождения занимали важное место и в интеллектуальной жизни империи.³⁷ И это отличало армянскую аристократию, занявшую свое место в высоких слоях византийского общества, от основной массы армян-нехалкидонитов, живших в империи, которые стойко сохраняли свою религию, язык и народные традиции. Они никогда не были полностью эллинизированы, как другие народы. Не были ассимилированы даже их небольшие группы, расселенные во Фракии, Македонии и Греции.

Другим ярким примером (относящимся, правда, к XI–XII вв.) интеграции иноплеменников в состав византийского господствующего класса является пример с турками-сельджуками. Столкнувшись с ними на своих восточных границах и оценив их высокие воинские качества, Византия начала подарками и различными обещаниями привлекать к себе на службу представителей тюркской знати, приглашать

³⁷ Charanis P. The Armenians... P. 238–239.

отдельные племена в качестве воинов-наемников. Особенно много турок-сельджуков появилось в империи при Алексее I и Иоанне II Комнинах. Некоторые из них стали сподвижниками императоров, известными военачальниками и даже церковными деятелями (например, основатель Кутлумушского монастыря на Афоне). Первым и необходимым шагом для их интеграции в господствующий класс империи было принятие христианства, на что они охотно шли, так как мусульманство еще не пустило в их среде глубоких корней. Крестившись, турки вступали в браки с христианками, получали титулы, должности и дарения, а для попавших в империю в детстве открывалась возможность получить образование. Принимали крещение, видимо, пленные турки-сельджуки и бывшие наемники, оставшиеся в империи. Аккультурация турок-сельджуков в империи происходила очень быстро, так как они обычно не приводили с собой своих семей.³⁸

Хуррамиты из Ирана, перешедшие на сторону Византии при императоре Феофиле (829–842), о которых мы уже упоминали, были крещены и получили разрешение жениться на византийках. Их предводителю Феофобу император даже отдал в жены свою сестру. Они были поселены группами в разных провинциях и должны были составлять особые отряды под властью своих военачальников в составе византийского войска.³⁹ Так же поступила империя с 12 тыс. арабских всадников, пришедших из Нисибиса в 941 г. вместе с семьями, рабами, скотом и имуществом. Они приняли христианство, получили земли для поселения и были включены в византийскую армию.⁴⁰ Однако далеко не все иноплеменники в византийской армии, число которых было всегда значительным, принимали христианство и вообще интегрировались в состав империи. Нельзя ответить на вопрос, сколько осело в империи и сколько вернулось на родину после окончания службы русских и варягов, англо-саксов, турок и других, служивших в империи в X–XI вв.⁴¹ Неясен и вопрос с печенегами, которых империя попыталась поселить в Македонии в 1-й половине XI в., — были ли они частично ассимилированы или ушли все

³⁸ *Brand Ch.* The Turkish Element un the Byzantium Eleventh-Twelth Centuries // *DOP*. 1989. V. 43. P. 1–25.

³⁹ *Ditten H.* Ethnische Verschiebungen... S. 93–110.

⁴⁰ *Charanis P.* The Transfer... P. 148.

⁴¹ *Васильевский В. Г.* Варяго-русская и варяго-английская дружина в Константинополе. XI–XII вв. // *Труды*. Т. 1. М., 1908. С. 176–377; *Brand Ch.* The Turkish Element... P. 12–13.

с выделенных им для обоснования мест, так как верности василевсу не хранили.

Интересен в связи с вопросом о том, как Византия принимала новых иноплеменников, сюжет «Чудес св. Димитрия» о группе Кувера и Мавра, поселившейся под Фессалоникой. Рассказ агиографа не отличается высокой точностью, однако можно надеяться, что в его основе лежат подлинные события, что подтверждают и другие источники. Исследователи датируют эти события 80-ми гг. VII в.⁴² В этой истории для нас интересны следующие детали. Протоболгары Кувер, Мавр и другие, возглавившие большую группу потомков пленных византийцев, «смешавшихся с варварами», ушли с боем из Аварского каганата и самовольно расположились в Македонии по соседству со славянами. Они отдавали себе отчет в том, что находятся на землях империи, поэтому, несмотря на коварные планы по захвату Фессалоники, отправили послов к императору с просьбой разрешить остаться на занятых землях, а соседним славянам приказать снабжать их продовольствием. Первоначальную мысль явиться самому к императору Кувер отверг, так как опасался, что будет лишен власти над своими людьми и взят в заложники. Просьба протоболгар была удовлетворена. На каких условиях они остались, автор не говорит. Видимо, в обмен на формальное признание подданства, чему империя всегда придавала большое значение. Затем немалая часть людей Кувера во главе с одним из его советников Мавром бежала в город и отдалась под власть василевса. Император принял их очень благосклонно, приказав назначить Мавра «на должность и дать ему титул ипата и знамя в качестве милости», а из перебежчиков организовать войско во главе с Мавром и преданными ему людьми. Византия, видимо, учла огромный военный опыт Мавра, о котором упоминается в источнике, но позаботилась об удалении его от опасной близости к Куверу, перебросив войско Мавра во Фракию. Впоследствии он стал «архонтом» и получил проаствий во фракийских землях. Ни словом автор «Чудес св. Димитрия» не обмолвился о том, что Мавр или Кувер стали христианами, напротив — он всячески подчеркивает, что они оставались язычниками. Сообщает он и о том, что Мавр знал славянский, греческий и латинский языки.⁴³ Это каче-

⁴² *Lemerle P. Les plus anciens Recueils... Т. I. 1979. P. 222–234; Т. II. 1981. P. 137–166.*

⁴³ *Γρηγορίου-Ίωαννίδου Μ. Τὸ ἐλεῖσόδιον τοῦ Κοῦβερ στα Θαύματα τοῦ Ἁγίου Διμητρίου // BYZANTIACA. 1981. Т. 1. S. 67–87; Иванова О. В. К вопросу об этнополитической ситуации... С. 42–48. // BYZANTIACA. 1981.*

ство, вероятно, очень ценилось при приеме на византийскую службу. Так же, как и сейчас, знание или незнание языка тогда было первым условием или основным препятствием к интеграции в чужое общество. Свободное владение греческим языком славянским князем Первудом, возглавлявшим славянские племена под Фессалоникией в 70-х гг. VII в., также подчеркивается автором «Чудес св. Димитрия». ⁴⁴ Это давало Первуду возможность свободно общаться с жителями Фессалоникии и оставаться незамеченным в Константинополе. Возможно, в условиях тесного контакта славян с греками в регионе это обстоятельство имело значение для выбора его князем.

Важным моментом в интеграции и ассимиляции иноплеменников в империи было не только определение византийской властью по своему усмотрению мест для поселения новых народов, но и насильственное перемещение населения, уже обосновавшегося в империи. ⁴⁵ Переселение осуществлялось, как правило, в двух диаметрально противоположных направлениях: из Малой Азии на запад, в балканские провинции, и с Балканского полуострова в Малую Азию. Выше мы уже касались этого вопроса. В VII в. Юстиниан II переселил мардаитов с Тавра в Малой Азии на о-в Кефалинию, в Эпир и на Пелопоннес, армян во Фракию и Македонию, славян из Македонии в Вифинию, киприотов — в район Мраморного моря, где была острая нужда в людях, способных нести морскую службу, неких «скифов» на Стримон. В VIII в. переселение народов занимало особенно большое место в политике Константина V (741–775): монофизиты из Северной Сирии были им перемещены во Фракию, в район Месемврии, поблизости с болгарской границей, армяне из Мелитины и Феодосиуполя были также поселены во Фракии, греки с островов и из фемы Эллада — в Константинополе, сильно обезлюдившем после чумы в 747 г.; 208 тыс. славян, которые холодной зимой 763 г. ушли из Болгарии, осели в районе у р. Артана на северо-западе Малой Азии. Крупная акция по переселению была предпринята Львом IV (775–780), который подверг депортации во Фракию 150 тыс. яковитов из Сирии и Киликии, среди которых было также много армян. При его преемнике Константине VI (780–787) в наказание за измену из фемы Армениак

Т. 1. С. 67–87; *Иванова О. В.* К вопросу об этнополитической ситуации... С. 42–48.

⁴⁴ *Lemerte P.* Les plus anciens Recueils... Т. I. 1979. P. 209. § 235.

⁴⁵ *Ferluga J.* Untersuchungen zur byzantinischen Ansiedlungspolitik auf dem Balkan von der Mitte des 7. bis zur Mitte des 9. Jahrhunderts // ЗРВИ. Т. 23, 1984. С. 49–61; *Charanis P.* The Transfer... P. 140–154.

были высланы на Сицилию и другие острова 1000 армян. В IX в. активную переселенческую политику вел Никифор I (802–810). Восстанавливая византийскую власть на Пелопоннесе, он, согласно Моммвасийской хронике, вернул греков из Калабрии, а также поселил на полуострове армян, фракисийцев (грекоговорящих жителей одноименной фемы) и неких кафиров, этническое происхождение которых неясно. Кроме того, по сообщению Феофана, он поселил христиан из разных фем в Славиниях, т. е. в населенных славянами областях Македонии.⁴⁶ При Михаиле I (811–813) из Фригии и Ликаонии в европейские провинции, в том числе на о-в Эгина, были перемещены афингане. Примерно в этот же период неизвестное число болгар бежало от хана Крума. По всей видимости, им были выделены места для поселения. Вторжения болгар имели место, как мы уже упоминали, и в X в., однако византийские власти сгоняли их с самовольно занятых земель и переводили в другие районы.⁴⁷ Крупная акция против павликиан в Малой Азии была проведена Василием I, разгромившим их цитадель и вынудившим еретиков перебраться в европейские провинции. При Иоанне Цимисхий также немалое число павликиан было направлено в район Филиппополя во Фракии.

Применяя практику насильственного переселения народов, унаследованную от Римской империи, Византия руководствовалась важными политическими соображениями. Среди них были и укрепление границы (из-за болгарской опасности во Фракию перемещались армяне), и ликвидация очагов напряженности и нестабильности в империи (славян из сильно славянизированной Македонии переселяли во Фракию, мардантов, провоцировавших столкновения с арабами, удаляли с восточной границы), и пресечение распространения ересей, охвативших целые районы в Малой Азии, и восполнение демографического дефицита или восстановление этнического баланса в пользу греческого элемента (например, возвращение коренных жителей на Пелопоннес или переселение греков в столицу). Характерно, однако, что, начав борьбу за возвращение своих земель, захваченных славянами, империя явно не ставила своей целью очистить их от варваров, так как поселять туда было некого. Славяне же, в основной своей массе мирные земледельцы, быстро освоили новые земли и наладили на них сельскохозяйственное производство. Это также учитывалось

⁴⁶ Charanis P. Nicephorus I, the Savior of Greece from the Slavs (810 A. D.) // Charanis P. Studies... P. 85; Ditten H. Ethnische Verschiebungen... S. 331–360.

⁴⁷ Božilov I. Les bulgares... P. 141–193.

империей. Часто одним переселением византийские власти решали сразу несколько проблем: ликвидировался очаг напряженности в одном районе и восполнялся демографический дефицит в другом. Косвенным же результатом таких этнических перемещений была более полная интеграция отдельных групп иноплеменников в империю. Славяне, переселенные Юстинианом II из Македонии, где их племена жили независимо, в Вифинию, были отделены и отдалены от крупного массива своих единоплеменников и оказались в совершенно новых условиях: они получили землю от императора на условиях несения военной службы и уплаты налогов, войско их было организовано по византийскому образцу, хотя во главе его и был поставлен представитель знатного рода славян, получивший титул и должность. Теперь они должны были регламентировать свою жизнь по имперским законам, что не могло не повлечь быстрых изменений в социальной структуре. Протест славян против насильственного переселения выразился в том, что часть их предала в первом же бою, перейдя на сторону арабов. Однако после карательных мер против их колонии славяне смирились, и процесс их интеграции и последующей ассимиляции пошел очень быстро. Потомок этих славян св. Иоанникий Воила, живший примерно столетие спустя после их переселения, был уже христианином не в первом поколении и византийцем по самосознанию, только его родовое имя напоминало о его этническом происхождении.⁴⁸

Вопрос об эффективности византийской этнической политики с точки зрения интересов империи требует, видимо, утвердительного ответа. С помощью иноплеменников империи удавалось восстанавливать свою экономику, военный и демографический потенциал, а гибкость и терпимость по отношению к ним позволяли удерживать как единое целое такой сложный в этническом отношении организм, каким была Византия, не давая ему распасться. Имели место, конечно, и крупные просчеты в византийской этнической политике. Так, переселяя армян-павликиан и других еретиков во Фракию и допустив их большую концентрацию в определенных районах, византийские власти не предусмотрели серьезных отрицательных последствий этой акции: павликиане не только не стали заслоном от врагов с севера и не были элиминированы как религиозная секта, напротив — они укрепились в своей вере и создали очаг напряженности и распространения ереси на Балканах. Они неоднократно предавали империю, то понуждая кочевников нападать на ее земли, то поддерживая

⁴⁸ *Vryonis S. St. Ioannicius...* P. 245–248.

крестоносцев или болгар. Недальновидным считают многие исследователи и переселение армян в глубь империи, так как тем самым Византия не только обнажила свои восточные рубежи, которые теперь некому стало защищать от натиска турок-сельджуков, но и создала новые очаги нестабильности на своей территории, ибо в целом армяне не приняли православия и их отношения с местными греками и Православной Церковью были враждебными.⁴⁹

Византийская этническая политика при ее общей тенденции наиболее полно приобрести иноплеменников к жизни в империи была разной в применении к разным народам. Для каждого нового этноса, включенного в состав империи, как бы создавалась особая модель интеграции, поскольку изначальные условия для нее также были различными. Мы уже говорили об особом положении евреев, издана обосновавшихся в греческих городах, затрагивали вопрос об армянах, которые никогда не были полностью интегрированы в византийское общество и эллинизированы, за исключением той их части, которая вошла в господствующий класс Византии. Приводили мы и несколько примеров с народами (группой Кувера, персидскими хуррами, арабами, турками-сельджуками), которые относительно небольшими группами добровольно приходили в империю. Византийские власти сами определяли места для их поселения и их статус на новых землях. Путь их постепенной интеграции в состав империи определялся сразу же через принятие пришельцами ряда условий: обязательно служить в армии, платить налоги, принять крещение и пр. Процесс их адаптации в империи шел с разной степенью интенсивности, многие из иноплеменных колоний надолго оставались обособленными группами в византийских провинциях. Устойчивость колонии вардариотов, как уже упоминалось, могла быть обусловлена тем, что она пополнялась представителями новых этносов, но неизменным оставался ее особый военно-политический статус, и даже сам термин «вардариот», утратив постепенно этно-географическую окраску, стал чисто военным.⁵⁰

Изначально самым тяжелым для империи, казалось, был именно «славянский вопрос», и тем удивительнее практически полная абсорб-

⁴⁹ *Charanis P.* The Transfer... P. 151–154; *Vryonis S.* Byzantium: The Social Basis of Decline in the Eleventh Century // *Idem.* Byzantium: its internal history and relations with the Muslim world. Collected Studies. L., 1971. P. 170–175.

⁵⁰ *Литаврин Г. Г.* Болгария и Византия в XI–XII вв. М., 1960. С. 338–340, 353.

ция славян в большинстве районов Византии, за исключением значительной части Македонии, где империи так и не удалось полностью интегрировать славянское население в свой состав: численное превосходство славян над греками в этом районе, их тесный контакт с основной массой соседних родственных им племен, экспансия Болгарии, неоднократное изменение границ и как результат — подвижка населения к югу — все это отнюдь не способствовало полной византинизации славян в этом регионе. В отличие от других народов славяне завоевали полуостров, поселились там большими компактными массами и долго не признавали власть империи. Византии пришлось фактически отвоевывать свои земли, поэтому крупные военные кампании и карательные экспедиции, целью которых было подчинение славян и определение их официального статуса как зависимого населения, занимали важное место в византийской политике по отношению к славянам. Чего добивалась империя в результате каждого похода, очень нечетко освещено в источниках, однако окончательное восстановление византийской власти в южной части Балкан большинство исследователей вслед за Г. Острогорским⁵¹ связывают с созданием фем. Начатая Ираклием административная реформа медленно распространялась на всю империю. Первая фема на Балканах, Фракия, создана около 680 г., следующая, Эллада, очертания которой неясны, между 678 и 695 гг. Только столетие спустя возникают новые фемы, но процесс их создания развивается очень быстро, и уже в середине—второй половине IX в. вся славянская территория была включена в фемы Македония, Фессалоника, Дирахий, Никополь, Стримон.⁵² Дальнейшее дробление этих крупных фем уже имело в своей основе другие причины.

Походы против славян известны преимущественно из сочинений Феофана и Никифора, а также из «Чудес св. Димитрия». Первый поход был предпринят Константином II, который в 658 г. выступил против Славиний, «пленил многих и подчинил». Об этом походе сообщают и сирийские источники под 659–660 гг. Вопрос о том, против каких славян был направлен поход и какими были его результаты, трактуется в литературе по-разному. Под «подчинением», видимо,

⁵¹ *Ostrogorsky G. The Byzantine Empire in the World of the Seventh Century // DOP. 1959. Т. 13. P. 7.*

⁵² *Lemertle P. Philippes et la Macédoine orientale à l'époque chrétienne et byzantine. P., 1945. P. 122–129; Острогорски Г. Постанак тема Хелада и Пелопонеа // ЗРВИ. 1952. Т. 1. С. 67–68; Wasilewski T. Bizancjum I slowianie w IX wieku. Warszawa, 1972. S. 26 и сл.*

следует понимать признание славянами власти Византии с обязательством платить дань. Пленные же скорее всего были переброшены в Малую Азию, так как уже под 668–669 гг. Феофан сообщает о славянах в этом регионе, которые переходили из армии империи на сторону врагов.⁵³ Следующий поход, предпринятый, как полагают, в 678 г. императором Константином IV, был направлен против стримонцев, принявших участие в блокаде Фессалоники и занимавшихся морским разбоем. Побужденные славяне, как сказано в «Чудесах св. Димитрия», бежали в горы, а затем просили мира у императора. Через несколько лет, как известно из этого же источника, подчинившиеся властям империи славяне из Западной Македонии снабжали продуктами людей Кувера по приказу императора.⁵⁴ Следующий поход против славян был уже в 688 г. О нем сообщают Феофан и Никифор, известен он и более поздним византийским и западным авторам, о нем свидетельствует также надпись в храме св. Димитрия в Фессалонике.⁵⁵ Есть основания полагать, что это была крупная кампания против «византийских» славян с серьезными для них последствиями. Император воспользовался благоприятной обстановкой на Востоке, перебросил армию во Фракию и, дойдя до Фессалоники, «захватил множество славян», причем некоторые из них оказали ожесточенное сопротивление, а другие сами перешли на сторону императора. Большое число пленных было морем переправлено в Малую Азию. О конкретных результатах похода, кроме захвата пленных и разорения славянских земель, опять-таки ничего не говорится. Уже в который раз Византия добивалась формального признания ее авторитета, но вряд ли и в этом случае покорение славян было окончательным, несмотря на всю грандиозность предприятия. И на этот раз империи, видимо, не удалось поставить их под власть византийских законов, а все те обязательства, которые принимались славянами после каждого похода, выполнялись ими плохо. Необратимые последствия этот поход имел только для славян, переброшенных в Малую Азию, о чем мы уже говорили. В конце VII–начале VIII в. они уже были поставлены под власть византийского чиновника, а не своего вожда, как это было перво-

⁵³ О походах см.: Theoph. P. 347.6–7, 18–20; P. 364.8–9. Комментарий в кн.: ВИНН, I. С. 221.

⁵⁴ *Lemerle P.* Les plus anciens Recueils... I. P. 220–221; II. P. 126.

⁵⁵ *Spieser J. M.* Inscriptions de Thessalonique. — ТМ. P., 1973. Т. 5. P. 156–159; *Γρηγορίου-Ίωαννίδου Μ.* Ἡ ἐκστρατεία τοῦ Ἰουστινιανοῦ Β' κατὰ τῶν Βουλγάρων καὶ Σκλάβων // BYZANTIAKA. 1982. Т. 2. P. 113–124.

начально.⁵⁶ О походе 759 г. Феофан сообщает очень кратко: Константин V Копроним «пленил Славинии, а остальных подчинил». ⁵⁷ Причины похода заключались, возможно, в том, что славяне ослабили свою зависимость от империи, воспользовавшись тяжелой внутренней и внешней ситуацией для Византии в конце VII–первой четверти VIII в.: агрессия арабов, ожесточенная борьба за престол, заговоры и восстания, развитие широких социальных и религиозных движений и пр. Подтвердить же свою власть над славянами в это время было очень важно, так как они могли стать союзниками Болгарии. Борьба за македонские Славинии с Болгарией обострялась. В 774 г. византийской армии удалось предотвратить захват болгарскими Берзитии, и эта победа была отмечена триумфальным вступлением возвратившихся из похода войск в Константинополь. ⁵⁸ В договор 815 г. с Болгарией были специально включены пункты, касающиеся славянского населения, как зависимого от империи, так и находившегося вне ее пределов до начала военных действий (договор устанавливал границу между Болгарией и империей в заселенном славянами регионе). К кому же в этот период тяготели сами македонские славяне — к Болгарии или Византии — трудно сказать однозначно, возможно, в это время они еще не определили своей позиции. Переломным моментом в отношениях славян с империей можно считать поход логофета Ставракия в 783 г. по приказу императрицы Ирины. К нему тщательно готовились, заключив предварительно мир с арабами. С «большим войском» Ставракий был отправлен против «славянских племен». Пройдя к Фессалонике, а затем через Элладу, он «подчинил всех и сделал данниками империи». А затем он вступил на Пелопоннес и, взяв множество пленных и большую добычу, доставил их «державе ромеев». Когда Ставракий вернулся из похода, его победа была пышно отпразднована на ипподроме в столице. ⁵⁹ Поход имел, видимо, два неравнозначных по своим последствиям этапа: славяне в Македонии и Центральной Греции были поставлены, наконец, под власть империи, а на Пелопоннесе Ставракий провел скорее кампанию устрашения, которая не повлекла за

⁵⁶ Сохранилась печать апоипата Георгия из эпархии Вифиния, который стоял у главе *ἡνδραλόων τῶν Σκλαβῶων*. Это выражение переводят по-разному: славян-рабов, славян-пленников или славян-наемников. *Zacos J., Vegler A. Byzantine Lead Seals. Basel, 1972. I/1. P. 165, 186.*

⁵⁷ Theoph. P. 430.21–22.

⁵⁸ Theoph. P. 447.22–24.

⁵⁹ Theoph. P. 456.27–29, 457.1–11.

собой их окончательного подчинения.⁶⁰ Завершено же оно было Никифором I в самом начале IX в. С этого момента начинается организация византийской власти в славянских областях и интенсификация процесса интеграции славян в состав империи. О ее механизмах мы можем судить лишь предположительно, опираясь на «внешние», слабо, к сожалению, отраженные в источниках проявления этого процесса и слабо освещенные в специальных научных исследованиях.

Империя почти два столетия вела борьбу за покорение славян, разоряя их земли, разбивая их войско, захватывая пленных, заключая с ними разного рода союзы и соглашения, добиваясь признания византийской власти. Длительность этого процесса объясняется не только внутренними и внешними трудностями, испытываемыми империей в этот период, которые не позволяли ей бросить все силы на подчинение славян. Славяне переселились в империю не аморфной массой, а целыми племенами, сохраняя на новых землях свою социально-политическую организацию. Это позволило им быстро освоиться на бывшей территории империи и успешно сопротивляться ее наступлению. Византийские авторы называли их земли «Славиниями», имея в виду не только географический ареал расселения славян, но и особый тип их племенных организаций, во главе которых стояли вожди, или князья.⁶¹ Славяне в сущности имели резерв времени для того, чтобы объединиться, создать племенной союз или государственное объединение по типу Болгарии, однако этого не произошло. «Чудеса св. Димитрия», содержащие наиболее полные сведения о славянах в Македонии и Греции, показывают, что в VII в. славянские племена неоднократно объединялись для захвата Фессалоники. Казалось, что от успеха этих кампаний зависело будущее формировавшихся союзов. Однако после неудачных осад города славянские племена опять возвращались в места своих поселений и жили каждое своей жизнью. Им никогда не удавалось создать единый фронт против наступления византийской армии. В «Чудесах

⁶⁰ *Lemerle P. Les plus anciens Recueils... II. P. 190.*

⁶¹ *Литаверин Г. Г. Славинии VII–IX вв. — социально-политические организации славян // Этногенез народов Балкан и Северного Причерноморья. Лингвистика, история, археология. М., 1984. С. 193–203; Иванова О. В. Формы политической организации славянского общества в центральной и южной частях Балканского полуострова в VII–VIII вв. // Этносоциальная и политическая структура раннефеодальных славянских государств и народностей. М., 1987. С. 56–65.*

св. Димитрия» отмечается, что среди славян не было единства, они нередко враждовали друг с другом, часть их переходила на сторону византийцев.⁶² Примечательно, что в 10-х гг. VII в. в осаде Фессалоники участвовало больше славянских племен, чем в 70-х гг. этого же столетия. Внутренняя незрелость славянского общества предопределила их неспособность к политическому объединению и в конечном итоге их включение в византийскую государственную организацию. Кроме того, к моменту начала наступления Византии на славян уже совершался подспудно процесс их интеграции в жизнь тех провинций, где они осели, помимо каких-либо усилий со стороны имперских властей. Славяне заняли хорошие земли, быстро наладили свои хозяйства (грабить уже было почти некого), вступили в контакт с непокинувшими свои земли сельскими жителями и горожанами, ибо экономическая жизнь регионов не прекратилась с их приходом даже при отсутствии реальной византийской власти. Славяне перенимали у местных жителей навыки ведения хозяйства в новых условиях и возделывания тех культур, которые были типичны для данного региона и незнакомы славянам. Даже в условиях противостояния, в силу жизненной необходимости, сложился *modus vivendi* славянского и греческого сельского населения, налаживался торговый обмен с уцелевшими городами. Завоевание далекой Фессалоники и ее подчинение вождям наиболее сильных славянских племен уже не казались массе славян столь привлекательными, как получаемая ими выгода от хороших отношений с византийским населением. Велегезиты из Фессалии, как известно, во время осады Фессалоники стримонцами и ринжинами продавали городу хлеб и другие продукты.⁶³ Ф. Малингудис справедливо акцентирует внимание на том, что по технологическому уровню славянское пашенное земледелие мало отличалось от греческого. Еще в период длительного пребывания на Левобережье Дуная, в контактной зоне, славяне усвоили некоторые производственные традиции этого региона в области земледелия и ремесла. Оказавшись на византийских землях, славяне постепенно отказались от некоторых своих обычаев, не подходящих к местным условиям: например, от строительства землянок. Именно поэтому славяно-греческий симбиоз оказался возможным и успешно развивался. Он

⁶² *Lemerte P. Les plus anciens Recueils... I. P. 217.21; II. P. 135.*

⁶³ *Иванова О. В. Некоторые вопросы экономического развития славян в долинах Струмы и Вардара в VII–VIII вв. // Формирование раннефеодальных славянских народностей. М., 1981. С. 215–230.*

отразился, среди прочего, и в проникновении в греческий язык славянской сельскохозяйственной терминологии.⁶⁴

Экономические связи были первым и наиболее действенным средством постепенной интеграции славян в состав Византии, и когда империя начала свое наступление на славянские племена, они уже составляли неотъемлемую часть населения Македонии и Греции. Как уже отмечали исследователи, отношения славян с Фессалоникикой развивались независимо от их отношений с центральной властью.⁶⁵ В условиях тесного взаимодействия двух народов пришли в действие и механизмы культурной интеграции. Билингвизм стал насущной потребностью и, видимо, быстро получил широкое распространение. Можно предположить и эмоциональные моменты, способствовавшие интеграции и последующей этно-культурной абсорбции славян. Мы имеем в виду привлекательность для славян, находившихся на более низкой ступени культурного развития, византийской цивилизации — красивых городов, более утонченного быта, невиданной ими ранее роскоши, образованности греков и пр. Понятно, что при всем этом им не хотелось добровольно становиться под ярмо византийской власти, поэтому они и сопротивлялись давлению империи. Однако Византия использовала не только силовые методы по отношению к славянам, ее этническая политика всегда отличалась гибкостью. Так уже не раз бывало в ее истории, что, инкорпорируя массы новых подданных на своих границах, империя допускала на какое-то время действие местных норм права и обычаев или предоставляла некоторым группам иноплеменников, даже в центре своей территории, особый статус, когда внутренняя жизнь колонии регулировалась самими ее жителями, а не властями империи.⁶⁶ Ответственность за лояльность такой автономии полностью ложилась на возглавлявшего ее знатного иноплеменника, который удостоивался византийских титулов и почестей, но и мог быть смещен императором. Доходы от такой колонии казна получала в виде дани, а не регулярных налогов. Предоставление автономии в решении внутренних вопросов могло, конечно, иметь разные последствия для иноплеменников — могло стать лишь переходным состоянием к их полной интеграции или способствовать закреплению их этнической обособленности. В начале IX в. в рамках новых фем продолжали существовать славянские земли с автономным

⁶⁴ *Μαλιγκούδης Φ. Σλάβοι στὴ μεσαιωνικὴ Ελλάδα. Θεσσαλονίκη, 1988. Σ. 13–32.*

⁶⁵ *Lemerle P. Les plus anciens Recueils... II. P. 135.*

⁶⁶ *Литаврин Г. Г. Византийское общество и государство... С. 163–165.*

управлением, которые назывались теперь уже не «Славиниями», а «архонтиями». В славянском Житии Мефодия одна из них названа «славянским княжением». Создание архонтии еще не означало полного административного и юридического уравнивания славян с остальным населением империи, однако оно становилось важным политическим средством интеграции славян в состав Византии. Возглавлявший архонтию славянский князь занимал соответствующее место в византийской иерархической системе и утверждался в должности императором, постепенно он переходил в подчинение стратига фемы, а затем заменялся византийским чиновником.⁶⁷ Однако еще до образования полувластной архонтии славяне могли пройти ряд промежуточных форм зависимости от империи. Уже после похода 688 г. славяне могли стать данниками империи или ее федератами, точнее симмахами,⁶⁸ в обязанность которых входило оказывать военную помощь империи. Причем разные племена славян могли получать различный статус — одни должны были платить дань и выполнять разные виды работ для казны, другие — нести воинскую повинность. Как мы уже упоминали, другувиты снабжали продовольствием Кувера по приказу императора. Нет данных об использовании славян в борьбе против главного противника Византии на Балканах — болгар, однако в начале X в. славяне из-под Фессалоники, другувиты и сагудаты, должны были прийти на помощь городу во время арабского нападения, и Иоанн Камениата характеризует их и стримонцев, которых он называет симмахами, как опытных воинов. Важным фактором в механизме интеграции славян в империю было распространение на них в каком бы то ни было виде византийской налоговой системы, однако невозможно сказать, когда это произошло. После похода Ставракия они стали *υλοφοροι*, однако этот термин в византийских источниках не имел точного юридического значения, поэтому неясно, какой смысл в данном случае в него вложил Феофан.⁶⁹

⁶⁷ *Wasilewski T. Bizancjum...* P. 173–179.

⁶⁸ Термином «симмахи», более подходящим для рассматриваемого периода, в византийских источниках обозначались как свободные союзники империи, так и разные категории зависимого населения, выступавшего в составе византийского войска. О формах зависимости славян в Византии см.: *Tǎpkova-Zaimova V. Sur quelques aspects de la colonisation slave en Macédoine et en Grèce // EB. 1964. № 1. P. 118–122; Eadem. La ville de Salonique et son hinterland Slave (jusqu'au Xe siècle) // Actes du IIe Congrès International des Etudes du sud-est européen. II. Athènes, 1972. P. 358–362.*

⁶⁹ Ср.: ГИБИ. Т. III. С. 276; ВИНН. Т. I. С. 234.

Интересный материал для изучения вопроса об интеграции пелопоннесских славян содержится в гл. 49 и 50 труда Константина Багрянородного «Об управлении империей». Поход логофета Ставратия против славян в 783 г., как мы уже упоминали, не был переломным моментом в подчинении славян Пелопоннеса, хотя они, видимо, и признали власть империи. В 805 г. славяне подняли восстание, при этом «захватили сначала дома соседних греков и учинили грабеж», а потом осадили Патры, вступив в союз с «африканскими сарацинами». Откровенное противопоставление себя не только византийской власти, но и местному греческому населению, поиски союзников среди врагов империи свидетельствуют скорее в пользу паритетных отношений на полуострове, чем о далеко зашедшем процессе интеграции славян. После подавления восстания славяне из ближайшей округи Патр вместе со всем их имуществом были переданы митрополии города как зависимые поселяне. Таким образом митрополия получила в собственность прежде всего землю славян, которую они раньше обрабатывали как свободные земледельцы, а теперь должны были платить взнос за ее держание и налог в пользу митрополии. Кроме того, славяне должны были в качестве государственной повинности содержать ксенодохию (постоялый двор, обязанный в данном случае обслуживать прежде всего стратигов и прочих чиновных лиц при их разъездах). При этом сохранялась общинная структура славян, так как, по словам Константина Багрянородного, обязательства по выполнению этих повинностей распределялись внутри славянской общины самими ее членами. Очевидно, что выполнение славянами повинностей, наложенных империей после подавления восстания, начинает действовать как экономический механизм интеграции славян в византийскую систему. Однако сказанное касается только славян Ахайи. Крупное поражение от империи потерпели другие группы славян на Пелопоннесе, по свидетельству Константина Багрянородного, в 40-х гг. IX в. при императорах Феофиле и его сыне Михаиле III, но и тогда милингам и эзеритам, жившим в труднодоступных областях на склонах Тайгета, удалось сохранить относительную свободу, приняв обязательство выплачивать пакты в пользу империи в размере соответственно 60 и 300 номисм. Эти пакты, суммы которых могли произвольно уменьшаться или увеличиваться византийскими властями, соответствовали скорее дани, которую империя брала с соседних народов, чем ее регулярным налогам. В X в. при Романе I Лакапине (920–944) милинги и эзериты вновь поднимают восстание, становятся «автономными и самоуправляющимися», отказываются не только платить пакты, но и выполнять другие обязательства, которые, видимо, постепенно увеличились за прошедшее

столетие, а именно: выполнять царские повеления, слушаться стра- тига, ходить с ним в военные походы, принимать от него архонта, «исполнять иные службы для казны».⁷⁰ Потерпевшим поражение милингам и эзеритам и на этот раз, однако, удалось сохранить свои привилегии, так как византийские власти испугались, что в случае ужесточения условий славяне соединятся со «слависианами», кото- рые в тот момент вторглись в фему Пелопоннес. Таким образом, рас- сказ Константина Багрянородного о славянах Пелопоннеса дает, на наш взгляд, основание говорить о поздней интеграции славян на по- луострове в целом и о неодновременности процесса для отдельных их групп даже в пределах относительно некрутного региона.

В связи с вопросом о разных стадиях интеграции славян в раз- ных регионах империи в один тот же период, может быть, уместно кратко сказать об уже упомянутых слависианах. Этим термином, явно неравнозначным этнониму «славяне», византийские авторы X в. обозначали какую-то часть славян в империи, стоявшую особняком по отношению к основной массе своих соплеменников. Они могли быть участниками военных экспедиций империи или проявлять к ней иногда враждебность, однако во всех случаях упоминания слависиан в источниках речь идет о войске, поэтому можно предполагать и во- енный характер самого термина. Высказывались разные предполо- жения относительно того, кто составлял основу войска слависиан: это могли быть или потомки славян из фемы Опсикий, уже сильно «византинизированные» в X в. (эта версия, правда, мало вяжется с со- общением об их нападении на Пелопоннес), или славяне Греции и Ма- кедонии, активности которых дали импульс походы Симеона, или подданные Болгарского государства, самовольно поселившиеся в импе- рии в 930 г.⁷¹

Если процесс подчинения славян, как насильственный метод ин- теграции, шел тяжело и долго, и до IX в. они, строго говоря, не могут считаться, так сказать, «узаконенным» меньшинством в составе им- перии,⁷² то нерегулируемое властями сближение интересов славян с интересами местного греческого населения усиливалось все более

⁷⁰ *Константин Багрянородный*. Об управлении империей. Текст, пере- вод, комментарий / Под ред. Г. Г. Литаврина и А. П. Новосельцева. М., 1989. С. 217–224, 427–440.

⁷¹ Там же. С. 439–440; *Ditten H.* Ethnische Verschiebungen... S. 263–289.

⁷² *Yannopoulos P. A.* La société profane dans l'Empire byzantin des VIIe, VIIIe et IXe siècles. Louvain, 1975. P. 253.

и более. Ведь наряду с военным подавлением славян империя заботилась и о восстановлении и укреплении византийских городов на этой территории, об увеличении численности греческого населения, распространении церковной системы и условиях развития эллинской культуры, создавая тем самым благоприятные предпосылки для аккультурации славян. Под византийским влиянием шло быстрое разложение структуры славянского общества, характерной для доклассового периода, славянская знать превращалась в земельных собственников, переставала выступать как самостоятельная политическая сила, а ориентировалась на те византийские круги, которые были ей социально близки. Именно этим следует, видимо, объяснять участие славян во внутренних распрях империи. Полагают, что славяне из Южной Македонии приняли участие в заговоре Артемия (бывшего императора Анастасия II) против Льва III в 718–719 гг.⁷³ Князь Велзитии Акамир в 799 г. поддержал заговор жителей Эллады с целью возведения на престол находившихся в заточении в Греции сыновей Константина V, за что и был смещен императором.

Особенно важным средством этно-культурной интеграции славян было распространение среди них христианства. Мы уже говорили о том, что империя не проводила насильственного крещения варваров. Создание церковной организации на их землях относится только ко второй половине IX в., когда в списках церковных епархий появляется много новых единиц в балканских провинциях Византии, причем некоторые из них носят славянские наименования. Однако еще до официального причисления славян к православным подданным империи они более двухсот лет испытывали культурное и идеологическое воздействие греческого населения. Они жили среди христиан, знакомились с основами их вероучения и обрядовой стороной религии, перенимали культы местных святых. Корни популярности среди славян св. Димитрия, Тивериупольских мучеников и других уходят, видимо, в период до их официального крещения. Постепенное и длительное распространение христианства среди славян объясняет, видимо, отсутствие в источниках известий о языческих бунтах, а археологами почти не найдены славянские захоронения от VIII–IX вв. по языческому обряду. Нет сомнений в том, что многие отдельные личности или даже группы славян становились христианами в более ранний период. Известны лица «из славян»,

⁷³ *Литаврин Г. Г.* Формирование этнического самосознания болгарской народности (VII–первая четверть X в.) // Развитие этнического самосознания славянских народов в эпоху раннего средневековья. М., 1982. С. 64.

которые не только были христианами, но и делали светскую и даже духовную карьеру, достигая на этом поприще больших высот. В 766–780 гг. патриарший престол занимал Никита Славянин. В 40-х гг. IX в. Дамян Славянин, бывший прежде паракимоменом при дворе императора, основал монастырь в Константинополе, а упоминавшийся Иоанникий, происходивший из вифинских славян, даже прославился как святой подвижник. Неизвестно, было ли принятие христианства обязательным условием для славянских вождей, становившихся во главе архонтий в VIII–IX вв., получавших титул от империи и занимавших определенное место в имперской иерархической системе. Положение их в этом смысле было, видимо, щекотливым, так как принять новую веру они должны были вместе с основной массой своих подданных. Но те из славян, которые поступали на службу к империи, переселялись в города, женились на христианках, конечно, охотно шли на этот шаг.

Распространение христианства среди славян сопровождалось овладением ими и другими элементами византийской культуры, прежде всего языком, и не только на бытовом, устном уровне, но и греческой письменностью. Святые подвижники, отправлявшиеся в VIII — середине IX в. преимущественно из Малой Азии проповедовать среди варваров, вряд ли все хорошо знали славянский язык, а обучать славян чтению божественных книг они могли только по-гречески. Лишь в середине IX в. империя стала специально готовить миссионеров для славянских государств из людей, стоявших близко к славяно-греческой среде в империи и знавших два языка, а возможно — и две грамоты. При отсутствии необходимых данных нельзя полностью исключать того, что проповедь среди славян в Византии во времена Кирилла и Мефодия велась и на славянском языке, а не только на греческом.⁷⁴ Расцвет славянской письменности в Болгарской Македонии при Клименте Охридском и его последователях должен был оказать воздействие на пограничных славян, однако неизвестно, насколько это воздействие выходило далеко за пределы Македонии.

Сами византийские власти — в эпоху правления Македонской династии — считали, что «славянский вопрос» в империи был решен при Василии I (867–886). Его сын император Лев VI (886–912) в своей «Тактике» пишет, что Василий I «убедил [славян] отказаться от древних обычаев и, грецизовав, подчинив архонтам по ромейскому образцу и удостоив крещения, он освободил их от служения собственным архонтам и научил воевать с враждебными ромеям

⁷⁴ Wasilewski T. Byzancjum... S. 187.

народами...». ⁷⁶ Таким образом, согласно представлениям византийских властей, славяне стали полноправными жителями империи, т. е. были полностью интегрированы в ее состав. Они отказались от норм своего права, приняли законы империи, стали под власть византийских чиновников, вступили в византийское войско и приняли христианство. Затруднение в понимании приведенного свидетельства вызывает только интерпретация слова «грецизировав». ⁷⁶ Для культурной ассимиляции славян в этот период оно употреблено, пожалуй, слишком рано, поэтому его скорее следует рассматривать как пояснение к предыдущим словам, т. е. что славяне приняли христианство, византийские законы и византийский образ жизни. Константин Багрянородный, сделавший в середине X в. попытку обозреть историю некоторых славянских племен на Балканах, различал обязательства, принимаемые сербскими и хорватскими племенами по отношению к империи, с одной стороны, и славянами на Пелопоннесе — с другой. Для первых было достаточным признание суверенитета Византии, принятие христианства и соблюдение лояльности со стороны славянских вождей, которые награждались византийскими титулами. Славяне же, жившие непосредственно в пределах имперских границ, должны были принимать архонта от стратига, платить налоги в казну, ходить в военные походы и исполнять иные службы.

До сих пор мы говорили главным образом о факторах интеграции компактных масс славянского населения, однако этот процесс сопровождался размыванием единства славянского общества. Славяне начали вливаться в различные группы византийской социальной структуры задолго до окончания процесса их интеграции. Уже в VII–VIII вв. в византийских источниках появляются известия о «выходцах из славян» среди церковников и монахов, военных, чиновников и даже лиц, выдвинувшихся при дворе. Были они, конечно, и среди простых солдат, купцов и ремесленников. ⁷⁷ Византийское общество, как уже было сказано, не ставило преград для возвышения иноплеменников, если они принимали христианство. Быстрое продвижение по службе отдельных славян вызвало неудовольствие византийцев, упрекавших их в варварском происхождении. «Многолик ославя-

⁷⁶ ГИВИ. Т. IV. С. 173.

⁷⁶ *Τάραξ Γ. Τό νόημα τῶν «γρακώσας» στό Τακτικά Λέοντος ΣΤ' τοῦ Σοφοῦ //* BYZANTINA. 1969. Т. 1. Р. 137–157.

⁷⁷ *Ditten H. Prominente Slawen und Bulgaren in byzantinischen Diensten (Ende des 7. bis Anfang des 10. Jahrhunderts) // Studien zum 8. und 9. Jahrhundert in Byzanz. В., 1983. S. 95–120.*

нившийся образ», — говорит Константин Багрянородный, высмеивая некоего Никиту с Пелопоннеса. В темном происхождении упрекали и Фому Славянина, поднявшего восстание в 820–825 гг. Славянское происхождение других было забыто современниками, выдавало его только этимология родового имени. Показательна дискуссия исследователей вокруг фамилии Рендакий, представители нескольких поколений которой играли заметную роль в истории Византии в VIII–XV вв. Первый из них, Сисиний Рендакий, упоминается в связи с событиями 717–718 гг. как посол в Болгарию и участник заговора. Если принять тезис о его славянском происхождении, то очень важно, что имперский двор использовал его на дипломатической службе и именно в отношении с Болгарией (верхи болгарского общества в это время уже владели, надо полагать, славянским языком). Он, видимо, был выходцем из знатного славянского рода и христианином уже не в первом поколении. Немаловажно также, что его род сохранил за собой крупную земельную собственность на Пелопоннесе, т. е. в местах первоначального расселения тех славян, из которых он выделился. Даже те исследователи, которые не видят оснований для признания славянского происхождения Сисиния, соглашаются с тем, что само по себе возвышение славянина до патрикия и доверие ему со стороны императора выполнить высокую функцию были бы совершенно нормальным явлением для византийского общества.⁷⁸ В середине IX в. обширными владениями на Пелопоннесе обладала также Даниэлида, которая, по предположению большинства исследователей, имела славянское происхождение. Роль славянского элемента в византийском господствующем классе в XI–XII вв. возрастала, однако среди лиц славянского происхождения очень трудно отделить потомков византийских славян от выходцев из Болгарии.⁷⁹

Завершая рассмотрение «славянской модели» интеграции иноплеменников в состав Византийской империи, хотелось бы обратить внимание на следующие моменты. Славяне были воинственны и многочисленны, когда они появились на византийской территории, в отличие от многих других народов, просивших у империи разрешения остаться на ее землях. Славяне сами захватили понравившиеся им области,

⁷⁸ *Μαλλυκούδης Φ. Σλάβοι... Σ. 79–89; Yannopoulos P. Études de personnalités byzantines. Qui était Sissinnios Rendakis. // BSI. LII (I). (1991). P. 61–69.*

⁷⁹ *Каждан А. П. Славяне в составе господствующего класса Византийской империи в XI–XII вв. // Славяне и Россия. К 70-летию со дня рождения С. А. Никитина. М., 1972. С. 32–40.*

сильно потеснив при этом местное греческое население. Сопrotивление их империи было упорным, однако они быстро освоились на новых землях и не хотели их покидать. Особенность же политики империи по отношению к славянам в южной части Балкан заключалась в том, что здесь ставилась цель отнюдь не их частичной интеграции, а полного и безусловного их подчинения на исконно греческой территории. Особый статус славянских племен империя допускала здесь лишь как промежуточный этап в постепенной интеграции. Разложение родо-племенной структуры славянского общества в период расселения славян на Балканах было ускорено в условиях симбиоза с греческим населением. Однако при замедленности объединительных процессов у славян, неразвитости чувства самосознания и кризисе славянских идеологических институтов, в условиях быстрого восстановления в регионе этно-культурных устоев жизни местного греческого населения Славинии постепенно теряли возможность для собственного самостоятельного развития. Не имея ни письменности, ни прочных культурных традиций, которые могли бы объединить их на новой родине, славяне попали под сильное культурное влияние Византии. Факторы их мирного, стихийного приобщения к жизни византийской провинции действовали более успешно, чем официальные мероприятия властей, направленные на интеграцию славян в состав империи. Их быстрая и более полная, чем у других народов, этно-культурная абсорбция стала в IX–X вв. закономерным итогом эволюции славянского общества в течение двух с половиной предшествующих столетий.

ВИЗАНТИЯ И ЗАПАД

А. А. Чекалова

ВИЗАНТИЯ МЕЖДУ ДЕРЖАВОЙ САСАНИДОВ И ВАРВАРСКИМИ КОРОЛЕВСТВАМИ ЗАПАДА В IV—ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ VII в.

ВИЗАНТИЯ И ИРАН В IV – ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ VII в.

В IV–первой половине VII в. главным соседом и соперником Византии являлась мощная держава Сасанидов, во главе которой в иные времена оказывались такие видные государственные деятели, как шахи Шапур II, Кавад, Хосров I Ануширван. Яблоком раздора, приводившим к длительным, изнурительным войнам между двумя государствами, служили Армения, Лазика, Месопотамия. Обе державы к тому же имели под своим контролем соседствующих с ними арабов и стремились включить в сферу своего влияния области Красного моря и Абиссинию.

И все же не только военные конфликты, какими бы глубокими и длительными они ни были, определяли отношения между Византией и Ираном. Два государства часто пребывали в добрососедских отношениях, что находило свое выражение в давно сложившихся дипломатических связях с тщательно разработанным этикетом. В книге «О церемониях византийского двора» описан один из многочисленных приемов, оказанный византийским императором персидским послан и имевший место в эпоху Юстиниана I. Из этого описания известно, что византийские придворные, которым полагалось присутствовать на церемонии, были одеты соответственно чину в специально предназначенные для этого одежды и размещены в зависи-

мости от цвета и рисунка своих пышных одеяний, создавая таким образом определенную цветовую гамму и служа своего рода декорацией к сложному и запутанному спектаклю, именуемому дипломатическим искусством.

Послы, возглавлявшие дипломатические миссии, выполняли одновременно функцию проводников влияния своей культуры. В VI в., например, в роли посла византийского императора к персидскому двору не раз оказывался Руфин, сын Сильвана. Он являлся, по свидетельству Захарии Ритора, другом самого Кавада I и находился в приятельских отношениях с одной из жен шаха, ибо советовал Каваду оставить трон именно ее сыну — Хосрову.¹ С Руфином предпочитал вести переговоры и сам Хосров, занявший престол после смерти отца.

Со стороны персов важную роль в византийско-иранских отношениях в VI в., особенно во второй его половине, играл Йазд-Гушнасп из рода Зикхов. Ему довелось однажды быть принятым с особым почетом императором Юстинианом, который пошел ради него на неслыханное в глазах современников нарушение этикета, позволив толмачу Йазд-Гушнаспа Вradукию возлежать на одном ложе с собой.² Особым вниманием Юстиниана и его супруги пользовался также другой персидский вельможа — Заверган. В «Тайной истории» Прокопия сохранилось одно из посланий, которое отправила этому персу императрица Феодора. Послание гласило: «О том, что я, считая тебя преданным нашим интересам, благосклонна к тебе, о Заверган, ты знаешь, ибо ты недавно являлся к нам с посольством. Итак, ты поступишь согласно моему мнению о тебе, если убедишь царя Хосрова придерживаться мира в отношении нашего государства. За это я обещаю тебе многие блага...»³ Оставив в стороне изощренные закулисные интриги, столь характерные при дворах древних держав, отметим, что близость послов к венценосным особам, с которыми они вели переговоры, не могла не сказаться на многих сторонах взаимоотношений Византии и Ирана, а также на вкусах и моде в том и другом государстве.

Существенное значение в усилении взаимных влияний Византии и Ирана имела практика усыновления главой одной из держав наследника государя другой. В 408 г. иранский шах Йездигерд I (399–421) усыновил по просьбе умирающего императора Аркадия его малолет-

¹ *Zacharias Rhetor. Die sogenannte Kirchengeschichte* / Ed. K. Ahrens, G. Krüger. Lpz. 1889. IX. 7.

² *Procopii Caesariensis Opera omnia* / Rec. J. Haury, G. Wirth. 1962. Vol. 1: De bello persico (далее — *Procop. B. P.*). II.28, 41–42.

³ *Ibid.* Vol. 3: *Historia arcana*. II. 32–34.

него сына — императора Феодосия II. В воспитатели Феодосию был дан перс Антик, по имени которого стал называться один из кварталов Константинополя — τὰ Ἀντιχού.⁴ Именно потому, что существовала подобная практика, умирающий шах Кавад обратился в 531 г. с просьбой к императору Юстину I (518–527) усыновить его младшего сына Хосрова, которому он мечтал оставить шахский престол. Юстин внял просьбе Кавада, однако соглашался совершить полагающийся при этом обряд не с оформлением грамот, а с вручением оружия и доспехов, как было принято в общении с варварами.⁵ И старик-шах и юный Хосров почувствовали себя смертельно оскорбленными, что отнюдь не способствовало добрососедским отношениям Византии и Ирана. Внук Хосрова I, Хосров II Парвиз, был усыновлен в конце VI в. императором Маврикием. Тогда судьбы Византии и Ирана переплетались особенно тесно, и Хосров даже был женат на христианке Ширий. Одной из жен Хосрова II была, вероятно, и дочь Маврикия Мария.⁶

Практика усыновления главой одной державы наследника на престол другой основывалась на теории братских отношений между двумя государствами. Эти отношения были впервые установлены официально в 283 г. между Ираном и Римом, наследницей которого являлась Византия.⁷ Братом Юстиниана называл посол Руфин шаха Кавада.⁸ В свою очередь, шах Хосров I Анушйрван, согласно сообщению Менаандра Протиктора, обращался, как к брату, к византийскому василевсу.⁹ Итак, отражая реально соотношение сил двух могучих держав,

⁴ Это был не единственный квартал в Константинополе, носивший имя перса. Другим был квартал спасшегося бегством в Византию сына шаха Хормизда II — также Хормизда. Квартал и дворец Хормизда в Константинополе в VI в. достались во владение Юстиниану, в то время еще просто сановнику при правящем дяде — императоре Юстине I. Уже тогда Юстиниан пышно отделал дворец Хормизда, а став императором, включил его в комплекс Большого императорского дворца. Таким образом среди построек «святой святых» Константинополя оказалось здание, первоначально созданное согласно вкусам персидского царевича.

⁵ *Procop. B. P. I.* 11.22.

⁶ *Tabari. Geschichte der Perser und Araber zur Zeit der Sasaniden / Übers. von Th. Nöldeke. Leyden, 1879* (далее — *Tabari*). P. 283.

⁷ *Dölger F. Die Familie der Könige im Mittelalter // Byzanz und die europäische Staatenwelt. Ettal, 1953. S. 60.; Utas B. Byzantium seen from Sasanian Iran // Aspects of Late Antiquity and Early Byzantium / ed. Z. Rydén, J. O. Rosenquist. Stockholm, 1993. P. 23.*

⁸ *Procop. B. P. I.* 16.1; II, 10.13.

⁹ *Menandri Protectoris Fragmenta // HGM. Vol. 2. Fr. 11.*

принцип равенства утвердился в практике их дипломатических связей и вошел в политическую идеологию обоих государств.

Именно как два равных по статусу государства представляли Иран и Византия в глазах современников, в том числе — самих правителей этих держав. В послании к императору Маврикию Хосров II Парвиз писал: «Как два глаза, освещающие мир, так по извечному божественному установлению существует могущественная держава римлян [т. е. византийцев] и земли персидского государства, управляемые разумнейшими скипетроносцами. В этих величайших державах племена непокорные и склонные к войне превращаются в прах, и жизнь людей все время идет в порядке под надлежащим руководством». ¹⁰

Находясь в постоянном и длительном общении, все время проявляя живейший интерес друг к другу, пристально следя за всем, что происходит на земле соседа, вникая и даже вмешиваясь в дела друг друга, зная обо всех интригах в сопредельной стране, а то и создавая их, Константинополь и Ктесифон жили каждый своей, но вместе с тем и какой-то общей жизнью, как это бывает при давнем и тесном соседстве. В результате интенсивного общения и многосторонних связей Византия и Иран постоянно оказывали друг на друга разнообразное и глубокое влияние. Даже их армии, часто воюя между собой, не только хорошо изучили друг друга, но имели и черты сходства. И в той, и в другой, при общей слабости пехоты, главная роль отводилась кавалерии. Известная близость наблюдалась и в стратегии ведения войны, и в тактике отдельных сражений. Любопытно, что сохранившееся в арабском переводе персидское руководство по военному искусству Аин-наме («Книга установлений») находится в поразительном согласии с современными ему византийскими военными трактатами («Анонимным военным трактатом» и «Стратегиконом» Маврикия) и с византийской практикой ведения военных действий, какой она представлена, например, в сочинениях Прокопия Кесарийского. ¹¹ В поисках причин подобных совпадений нельзя исключить, конечно, возможность литературного заимствования, однако, учитывая практическую значимость военных трактатов, их сходство лучше относить на счет известной близости военных организаций Византии и Ирана. Видимо, этим объясняется и та легкость, с которой плененные взаимно византийцы и персы, как и перебежав-

¹⁰ Theophilacti Simocattae Historia (далее — *Theoph. Sim.*) / Ed. C. de Boor. Lipsiae, 1883. Vol. 1. IV. 11.2–3; ср.: *Utaz B.* Op. cit. P. 30.

¹¹ *Иностранцев А. К.* Сасанидские этюды. СПб., 1909. С. 65.

шие на другую сторону, служили затем в войске своего бывшего врага. Так, выходцы из Персармении, братья Нарсес и Аратий, в ходе одного из сражений перешли на сторону Византии и затем не раз принимали участие в походах против персов.¹² Случалось, что воины переходили на сторону врага целыми отрядами.

Безусловно, именно войны грозили особенно большим ущербом обоим государствам, и поэтому каждая из противоборствующих сторон стремилась досконально вызнать военные тайны соперника. Неожиданности в тактике врага воспринимались почти как курьез, достойный упоминания историка или летописца. Когда в битве при Даре тогда еще молодой полководец Велисарий необычным образом выстроил войско византийцев, персы, по словам Прокопия, пришли в страшное замешательство, совершенно не зная, что им предпринять. Как правило же, благодаря хорошо налаженной разведке и активной деятельности шпионов, персы и византийцы обычно заранее знали о подготовке друг друга к военным действиям. В конечном счете для тех же целей византийцы брали себе на службу персов, порой в весьма малом возрасте, а персы — византийцев. В 504 г., например, византийцы взяли в плен мальчика-перса по имени Петр, родом из Арзанены. Его вырастил Юстин, дал ему образование и сделал своим секретарем. Затем Петр, уже в качестве военачальника, не раз участвовал в военных кампаниях против Ирана.¹³

Следами взаимных влияний отмечены и иные стороны государственной жизни Византии и Ирана. Так, проводя податную реформу, Хосров I, один из злейших врагов Византии, ввел тем не менее в своем государстве систему податей по византийскому образцу. Были составлены кадастры, подати стали взysкивать трижды в год, они стали носить смешанный характер (уплачивались деньгами и натурой). Письменным источником, на который при этом опирались в Иране, являлся «Сирийский законник» — памятник византийского права, составленный на сирийском языке в последней четверти V в. и широко распространенный на всем Ближнем Востоке. Порядок взимания налогов, принятый при Хосрове I, просуществовал до конца правления Сасанидов,¹⁴ а затем был воспринят арабами.

Со своей стороны византийцы также проявляли большой интерес к государственному устройству Ирана, его придворному церемониалу

¹² *Procop. B. P.* I. 12.21, 22; 15.31.

¹³ *Ibid.* II. 15.7; 16.16; 18.16–26 etc.

¹⁴ *Пигулевская Н. В.* К вопросу о податной реформе Хосроя Анушерована // ВДИ. 1937. № 1. С. 141–153.

(сильно повлиявшему на византийскую обрядность), его геополитическому положению, взаимоотношениям с другими странами и народами, в частности, с кочевыми племенами, обитавшими к северу от Ирана, его истории, даже достаточно отдаленной от времен, в которые жили поведавшие о них сочинители. Так, Прокопий Кесарийский с большой долей достоверности описывает ирано-армянские войны эпохи Шапура II, как и взаимоотношения Ирана с гуннами-эфталитами при Фирузе II. А особенно подробно он повествует об Иране времен Кавада, хотя это была лишь предыстория к его собственному времени, т. е. к эпохе Юстиниана. Не обошлось здесь, правда, без некоторых ошибок хронологии отдельных событий и порядке правления шахов, однако эти неточности были следствием не небрежности или невежества самого историка, а тем, что он опирался на одну из персидских историографических традиций, нашедшую отражение в «Книге государей».¹⁵

Уже сам по себе этот факт предполагал знание персидского языка и устной персидской традиции. В самом деле, многие византийские авторы да и просто жители империи, особенно в пограничных областях, владели в той или иной степени персидским языком. Во всяком случае без византийских источников наши представления об Иране были бы куда скуднее, в том числе о его административном устройстве и системе должностей. Византийские авторы приводят персидские термины, обозначающие чины и звания, стараясь понять их содержание и объяснить их в доходчивой форме своему читателю. Правда, порой и здесь не обходилось без курьезов. Так, имя одного из знатных родов (Мирран) Прокопий воспринял как военную должность, соответствующую посту «главнокомандующего действующей армией». Впрочем, его ошибка и здесь была в какой-то мере оправданной. Известно, что в Иране семь главных родов сохраняли в своих руках ведущие должности в государственном управлении, что, несомненно, предполагало наследственность в занятии одних и тех же постов.

Благодаря огромному интересу византийских авторов к Ирану известны многие факты его истории и обычаи персов. К числу таких обычаев относятся обряд принесения клятвы на соли, проявление шахского гнева в форме приказа попавшему в немилость вельможе, даже самому высокому, отправиться к треножнику, где несчастный должен был сидеть дни и ночи, тогда как все остальные могли делать

¹⁵ *Christensen A. Le règne du roi Kawadh et le communisme mazdakite. København, 1925. P. 113, n. 2.*

с ним все, что им заблагорассудится: бросать ему оскорбления, плевать в лицо, пинать ногами.¹⁶ Любопытный обычай со стрелами описан Прокопием Кесарийским: перед отправлением в поход воины проходили перед шахом и бросали в поставленную возле шаха корзину по стреле. Затем корзина запечатывалась и тщательно хранилась до окончания военных действий. После возвращения из похода воины опять проходили перед шахом и снова бросали стрелы, но уже в другую корзину. Специальные чиновники производили подсчет стрел в обеих корзинах и таким образом определяли число погибших.¹⁷

Конечно, при всем интересе к истории Ирана она не была для византийцев «своей» историей и, может быть, поэтому нередко служила для них своего рода материалом для развлекательного чтения. Прокопий Кесарийский, например, в «Войне с персами» влетает в свое повествование серию красивых персидских легенд (о шахе Каваде, о Замке забвения, куда этот шах был заключен, о жемчужине, подаренной неким рыбаком шаху Фирузу, и многие другие). Колоритные, нередко окутанные романтической дымкой образы персидских шахов (Шапура II, Фируза, Кавада) служили той же цели. Особой популярностью пользовался у византийцев шах Варахран V, рассказы об охотничьих подвигах и любовных похождениях которого стали одной из любимых тем фольклора, литературы и изобразительно-го искусства многих народов Ближнего Востока.

Порой сюжеты персидской истории использовались византийскими авторами как факты, призванные обогатить канву их литературного или исторического повествования. Так, заговор в Ктесифоне при Хосрове I (531) используется Прокопием Кесарийским как параллель к восстанию Ника в Константинополе,¹⁸ хотя, несомненно, события эти произошли не одновременно и были совершенно различны по своему масштабу, характеру и последствиям. Важная смысловая нагрузка в сочинениях Прокопия отведена образу шаха Хосрова. В то время как восточная традиция прославляет этого шаха Хосрова как мудрого и справедливого правителя, Прокопий рисует его исключительно в черных красках как злого гения и Ирана и Византии. Конечно, историк пережил войну, которую вел с Византией Хосров, и видел ужасные разрушения, нанесенные армией шаха византийским городам, в частности, столице Востока — красавице Антиохии, которую Хосров сравнивал с землей, но все же как большой художник он

¹⁶ *Procop. B. P. I.* 23.27–28.

¹⁷ *Ibid. I.* 18. 52–56.

¹⁸ *Ibid. I.* 23; 24.

придал образу Хосрова более обобщенный характер, с одной стороны, изобразив его в качестве антипода своему любимому герою Велисарю, а с другой стороны, уподобив его императору Юстиниану, который в представлении историка был не чем иным, как воплощением дьявола.¹⁹

Весьма очевидным образом отразилось персидское влияние на дорогих изделиях ремесла и предметах искусства, украшавших жизнь византийцев в будни и праздники. Такими изделиями были, например, ткани с крупными изображениями птиц, животных и фантастических существ.²⁰ Их использовали в качестве драпировок, изготавливали из них порой и одежду, хотя чаще при этом использовали материи с мелким рисунком, также имевшим восточное происхождение.²¹ К одному из видов такой одежды принадлежало, в частности, кафтанообразное одеяние скарамангий, который носили кочевники и который через Иран пришел в Византию.²² Персидский колорит присущ и серебряным блюдам, изготавливавшимся в ранней Византии. Наконец, обилие пряностей в пище византийцев свидетельствует о несомненном влиянии Востока. Заимствованы из Ирана были и некоторые развлечения, например, конная игра в мяч.²³

¹⁹ Подробнее см.: *Чекалова А. А.* Прокопий Кесарийский: личность и творчество // *Прокопий Кесарийский*. Война с персами. Война с вандалами. Тайная история. Пер., ст., коммент. А. А. Чекаловой. М., 1993. С. 433–434, 455.

²⁰ *Grabar A.* L'art profane à Byzance // XIVe Congrès international des études byzantines: Rapports. Т. 3. Bucarest, 1971. P. 31; *Beckwith J. G.* Byzantine tissues // *Ibid.* P. 36–44.

²¹ *Thiel E.* Geschichte des Köstumes. В., 1960. S. 26, 34.

²² *Kondakov N. P.* Les costumes orientaux à la cour byzantine // *Byz.* 1924. Т. 1. P. 12–13. Этот костюм был известен византийцам уже в IV в. Именно в нем изображен император Констанций II (337–361) на известном серебряном блюде, найденном при раскопках, ведшихся в Керчи в 1891 г., и хранящемся в Эрмитаже. См.: *Zaseckaja I.* Katalog der ausgeschellten Silbergefäße Kat. — № 1–16. // *Effenberger A., Maršak B., Zalesskaja V., Zaseckaja I.* Spätantike und frühbyzantinische Silbergefäße aus Staatlichen Ermitage Leningrad. В., 1978. S. 78–81 und Taf. 1, Abb. 1. О влиянии персов на византийский ритуал и на общие представления византийцев о мире, в частности, распространении в их среде дуалистических учений см.: *Winkelmann F., Gomolka-Fuchs G.* Frühbyzantinische Kultur. Leipzig, 1987. S. 40–41.

²³ Это развлечение сохранилось в Византии по меньшей мере до XII в. См.: *Анна Комнина*. Алексиада. Пер., ст., коммент. Я. Н. Любарского. М., 1965. XIV. 4. (С. 383).

В свою очередь, влияние византийцев на персов было также значительным, глубоким и разнообразным. В 540 г. шах Хосров увел тысячи пленных антиохийцев, для которых построил недалеко от своей столицы особый город — «Антохию Хосрова», в обиходном языке называвшийся Румаган («город греков») или «Сад Хосрова». Город был построен по образцу «Афин Востока» (как нередко величали Антиохию), с использованием мрамора и мозаик, доставленных из Сирии.²⁴ И город, воздвигнутый в самом сердце Ирана, и трудившиеся в нем ремесленники, мастера и художники, несомненно внесли свой вклад в распространение в Иране изделий византийского образца, а вместе с тем и художественного вкуса Византии.

Большой популярностью пользовались в Иране византийские врачи, которые выступали не только в роли лекарей, но нередко и в роли посредников при ведении переговоров с византийцами. Однажды одним из условий заключения очередного договора Хосров I поставил присылку к нему врача по имени Трибун. Этот врач пользовался большой благосклонностью шаха, отличавшегося от природы слабым здоровьем. Как-то после того как Трибун избавил его от болезни, Хосров стал предлагать врачу любые дары, а тот, отказавшись от сокровищ, попросил отпустить пленных византийцев, что шах и исполнил.²⁵ Заступником за византийцев перед шахом выступил и врач Стефан.²⁶

Изучали в Иране и теоретическую медицину, которой уделяли большое внимание в Византии. Так, в созданной в Гунди-Шапуре медицинской академии штудировались сочинения Галена и Гиппократа.²⁷

В Византии было принято считать персов гордецами, тогда как эти же гордецы, хотя и являлись сами носителями высокой древней культуры, охотно проявляли интерес ко всему византийскому. Во время похода 540 г. Хосров I, после взятия Антиохии, посетил ее

²⁴ *Procop. B. P.* II. 14.1. *Tabari.* P. 165f.; *Christensen A.* L'Iran sous les Sassanides. Copenhagen, 1944. P. 386–387.

²⁵ *Procopii Caesariensis Opera omnia.* 1963. Vol. 2: *De Bello Gothico* (далее — *Procop. B. G.*) IV. 10. 11–16.

²⁶ *Procop. B. P.* II. 26. 31–38.

²⁷ Медицинская академия была основана при непосредственном участии сирийцев, которые обычно служили переводчиками с греческого на среднеперсидский. См.: *Пигулевская Н. В.* Сирийская культура средних веков и ее историческое значение // *Пигулевская Н. В.* Ближний Восток. Византия. Славяне. Л., 1976. С. 170.

пригород Дафну, осмотрел знаменитую ее роццу, полюбопытствовал, как работают источники. Затем, уже в близлежащем городе Апамее иранский шах повелел организовать столь популярные в Византии конные ристания, сам на них присутствовал и вел себя, как византийский василевс.²⁸

У себя в Иране Хосров был окружен греческими юристами, изучал греческий язык, читал Платона, интересовался медицинскими сочинениями греков. Конечно, как Хосров, так и его отец Кавад, приютивший язычников-греков из опальной Афинской академии, руководствовался отнюдь не только бескорыстным интересом. Покровительствуя оказавшимся в Иране инаковерцам-византийцам, иранские шахи вели себя, несомненно, и в этих случаях как соперники византийских императоров: они стремились подготовить внутреннюю оппозицию для страны-соседа и таким образом ослабить ее изнутри. Именно по этой причине Хосров не брал выкупа с тех византийских селений, в которых преобладало языческое население,²⁹ явно демонстрируя религиозную терпимость в противовес нетерпимости Юстиниана, подвергавшего язычников гонениям. Ту же цель преследовал иранский шах, с большой помпой совершая жертвоприношение нимфам в Дафне.³⁰ Но какими бы ни были намерения иранских владык, покровительствовавших, в частности, языческим философам, результатом их действий оказывалось содействие привнесению греками элементов знаний классической эллинской культуры в образованные круги собственной страны.

Особенно глубокое влияние, однако, на культуру и идеологию персов (в частности, на их религию) оказало распространявшееся в Иране христианство. Первоначально христиане как адепты религии соперничающей с Ираном державы жестоко преследовались. Гонения продолжались около двух столетий, однако полностью искоренить христианство в Иране не удавалось. Тогда шах Фируз (459–484), выбирая, видимо, из двух зол меньшее, решил пойти на мудрый, с его точки зрения (и действительно — дальновидный), шаг: воспользовавшись догматическими спорами между христианами, он поддержал гонимых в Византии несториан. С тех пор несторианство стало господствующим течением среди христиан Ирана и Средней Азии.³¹

²⁸ *Procop. B. P.* II. 11.31–35.

²⁹ *Ibid.* II. 13.7.

³⁰ *Ibid.* II. 11.6.

³¹ *Christensen A. L'Iran...* P. 291–292; Ср.: *Utas B. Op. cit.* P. 28.

Хосров I, хотя и являлся горячим приверженцем зороастризма, испытывал известное почтение к христианскому культу. При нем христианские епископы получили возможность обращаться непосредственно к самому шаху. Влияние христианских священнослужителей, преодолевавших огромные расстояния и трудности общения с иноверцами, стало особенно заметным в VI в. Именно тогда христианские епископы выступали в роли посредников в переговорах между Византией и Ираном, именно они зачастую оказывались главными представителями Византии при встречах с шахом, являлись самыми искренними и горячими заступниками плененного шахом населения византийских городов. Известно, что епископ Мега обратился к Хосрову с просьбой помиловать население города Верои, и шах внял его мольбам.³²

О большой терпимости Хосрова к христианству свидетельствует также то обстоятельство, что ставшую одной из жен великого шаха плененную им византийку-христианку не заставили отречься от своей веры. Он проникся к ней такой горячей любовью, что даровал свободу оставшимся в живых жителям ее родного города — Суруна.³³ А сын Хосрова, Хормизд IV (579—590), когда к нему обратились маги с жалобами на усиливавшееся влияние христианских священнослужителей, заявил, что как его престол не может держаться на одних только передних ножках, так и его держава не может опираться на одних только исповедующих зороастризм.³⁴ Хормизд разрешил христианские (несторинские) соборы, и в благодарность епископы в решении собора 585 г. прославляют шаха «за обилие милосердия и множество любви к нашему народу христиан».³⁵

При Хосрове II положение христиан в Иране еще более укрепилось. Сам шах, как уже упоминалось, был женат на христианке Ширин, «проповедовавшей Евангелие во дворце», а другой его женой являлась, возможно, дочь византийского императора Маврикия (разумеется, христианка) Мария.³⁶ Христиане получили привилегию благословлять трапезу шаха. Сам же шах однажды надел на пир присланные ему в дар от Маврикия одежды, украшенные крестом. Вряд ли, конечно,

³² *Procop. B. P.* II. 7.19—35.

³³ *Ibid.* II. 5.28.

³⁴ *Tabari.* P. 268.

³⁵ *Synodicon orientale ou recueil des synodes nestoriens* / Ed. J. B. Chabot. P., 1902. P. 130—131.

³⁶ *Пигулевская Н. В.* Византия и Иран на рубеже VI и VII вв. М.; Л., 1946. С. 240—241.

отношение Хосрова к христианству было продиктовано глубоким и серьезным интересом к этому вероисповеданию; хотя он слал дары в христианские храмы, это не помешало ему однажды въехать верхом на коне в одну из церквей Дары.³⁷

Но как бы то ни было, несторианская церковь в Иране во второй половине VI в. заметно усилилась, став достаточно мощной в экономическом отношении организацией. Возводились храмы, строились монастыри. Церковь стала обладательницей крупных богатств в виде движимого и недвижимого имущества. Христианство было довольно широко распространено в торгово-ремесленной среде и даже в военных кругах. Во всяком случае, под актами одного из соборов стояли подписи двух персидских военачальников.³⁸

При самом сасанидском дворе увлечение христианством достигло такой степени, что здесь стали устраиваться (наподобие состязаний афинских риториков) публичные споры о религиях.³⁹ Известно, например, что при Хосрове II в его присутствии состоялся догматический спор между несторианами и монофиситами.⁴⁰

Отношение к христианству в разных слоях населения Ирана было, конечно, различным. Для самих шахов их политика по отношению к христианству определялась характером взаимоотношений с Византией и использовалась нередко как ставка в дипломатической игре. Показательно, например, что Хосров II в то время, когда нуждался в помощи своего сильного соседа, всячески покровительствовал христианам и даже издал указ, запрещающий гонения на христиан. Когда же необходимость в союзе с Византией для него отпала, он стал проявлять гораздо меньше терпимости к христианам и даже преследовать их. Тем не менее очевидным остался факт, что христианство пустило в Иране достаточно глубокие корни, и хотя оно не могло стать здесь господствующим вероисповеданием, его историческая роль была велика. Способствуя упадку зороастризма, христиан-

³⁷ *Theoph. Sim.* V. 3.

³⁸ *Пугулевская Н. В.* Византия... С. 236–239. Нельзя не отметить вместе с тем, что при всей толерантности по отношению к христианству в самом Иране, Сасаниды и мысли не допускали о том, чтобы оно распространялось в других государственных образованиях, входивших в их сферу влияния, в частности, среди арабов-лахмидов. См.: *Shahid I.* Byzantium and the Arabs in the Sixth Century. Wash., 1995. P. 722–724.

³⁹ *Bratke I.* Das sogenannte Religionsgespräch am Hofe der Sassaniden // *Texte und Untersuchungen.* N. F. 1899. Bd. 4. H. 3. S. 268–269.

⁴⁰ *Пугулевская Н. В.* Византия... С. 240.

ство как монотеистическая религия проложила в Иране путь для другой монотеистической религии — исламу.

ВИЗАНТИЯ И ЗАПАД В IV—ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ VII в.

Возникшая на территории восточной части римского мира, Византия поначалу и в теории, и на практике составляла с Западом единое целое. При всем том, что попытки разделить империю делались не раз, а также при всем том, что обеими половинами государства часто управляли уже разные императоры, государственный язык (латинский) продолжал оставаться общим и для Запада, и для Востока. Общим было и законодательство независимо от того, где издавался закон — в Риме или Константинополе. Одни и те же государственные деятели попеременно отправляли должности то при восточном, то при западном государе. Известный временщик Руфин, например, будучи выходцем из Галлии, начал свою карьеру на Западе, затем последовал за Феодосием I в Константинополь, где добился должности префекта претория Востока при императоре Аркадии.⁴¹ В свою очередь выходец с Востока Тавр, послуживший вместе со своими сыновьями прототипом героев сочинения Синесия «Египетские рассказы, или О провидении», после того как побывал какое-то время в ближайшем окружении Констанция II (337–361) при его антиохийском дворе (он являлся одним из его комитов), был отправлен на Запад в качестве префекта претория Италии и Африки. Прослуживший на этом посту в течение шести лет (355–361), Тавр был удостоен установления его статуи на форуме Траяна в Риме.⁴² На Востоке особенно много видных государственных деятелей, выходцев с Запада, в частности из Испании, оказалось в правление Феодосия I.

Между тем отношения Запада и Востока были в этот период весьма напряженными. Основание новой столицы на берегу Босфора и появление здесь императорского двора означало для Востока начало романизации и этатизации. Создавался разветвленный государственный аппарат, множилось число чиновников и военных. Все чаще стала звучать на Востоке, особенно в Константинополе, латинская речь, являвшаяся языком двора, администрации, армии. Поскольку же

⁴¹ Jones A. H. M., Morris J. R., Martindale J. The Prosopography of the Later Roman Empire. Vol. 1. Cambridge, 1971 (далее — PLRE. I). P. 778–781: Flavius Rufinus 18.

⁴² Ibid. P. 879–880: Flavius Taurus 3.

чиновники и военные, и действительные и находившиеся в отставке, составляли основную часть константинопольского сената, постольку еще в IV в. в этом собрании главным языком был латинский. Ливаний как-то посетовал, что константинопольские сенаторы не понимали ни слова из того, что он говорил, и являлись лишь странными зрителями жестов, которыми он сопровождал свою речь.⁴³

И все же Восток оказался в состоянии противостоять новым веяниям и традициям. Местная аристократия, гордившаяся своими предками, утонченностью своей культуры, ничуть не уступавшая римской родовитой знати и в том и в другом, а также близкие к ней по своему отношению к античной системе ценностей, а нередко и социальному происхождению представители свободных профессий направили все свои усилия на то, чтобы положить предел романизации и бюрократизации греческого Востока.

Поначалу они пытались устроить обструкцию новому центру, однако поняв, что одолеть «возникшее зло» невозможно, поплы навстречу императорской власти. Немало представителей интеллектуальной элиты (правда, не столько аристократов, сколько тех, для которых интеллектуальные занятия были смыслом существования) оказались в самом ближайшем окружении императора. Воспитанные в античных традициях, эти люди отнюдь не служили бессловесными исполнителями его воли, и часто именно они играли определяющую роль в законодательной деятельности, внутренней и внешней политике верховного правителя империи.⁴⁴

Кроме того, представители свободных профессий устремились не только к тем высоким постам, которые приближали их к вершинам власти. Многие из них, в данном случае вкупе с куриалами, не считали для себя зазорным оказаться на среднем уровне административного аппарата империи, получив должность асессора, адвоката или *agens in rebus* какого-либо высокого должностного лица. И здесь их роль была огромна, ибо они являлись влиятельными и знающими советниками своих патронов в самых различных делах, в том числе и в вопросах назначения тех или иных лиц на должности разного уровня (включая и те, которые влекли за собой получение сенаторского титула), а также и в том, каким мерам в политике следует отдать предпочтение и какие идеалы будут особенно цениться.

Таким образом, родовитым аристократам и интеллектуалам Востока удалось опутать невидимыми нитями громоздкую бюрократиче-

⁴³ Libanii orationes / Ed. R. Foerster. Lipsiae, 1903. Vol. I. 1. 76.

⁴⁴ Более подробно см.: Чекалова А. А. Константинопольский сенат и сословие куриалов в IV в. // ВВ. 1992. Т. 53. С. 20–35.

скую машину империи и в значительной степени поставить ее под собственный контроль. Именно эти люди помогли сохранению многих традиционных культурных ценностей греческого Востока. Особенно опутимо влияние этой культурной элиты испытало ранневизантийское общество в отношении к образованию как к одному из наиболее важных качеств обладателя должности в административном аппарате империи и носителя сенаторского звания. Именно вследствие их влияния чиновники отдавали своих детей в обучение риторам.

Наличие представителей духовной элиты полисов греческого Востока в верхних слоях ранневизантийского общества определенно способствовало некоему «облагораживанию» новой, по преимуществу чиновной и военной знати. Борясь за сохранение своих идеалов, эти деятельные и энергичные люди сыграли огромную роль в том, что Византия не превратилась в сугубо бюрократическое государство. Ее служилая знать, изучая римское право, никогда не забывала также Гомера, Платона, Демосфена, и ее нравственные идеалы вобрали в себя немало черт этики родовитой аристократии греческих полисов. Именно благодаря полисной духовной элите в среде высшей знати ранней Византии процветали меценатство, энергетическая деятельность, любовь к традиционному риторическому образованию, что, в свою очередь, привело к тому, что свободные науки и искусство, образно и стройно составленная речь стали цениться здесь не меньше, чем глубокое знание сухих законов.

Более того: ораторское искусство отодвинуло на второй план юриспруденцию, как это и было на Востоке до появления римской чиновной знати. Нередко тот или иной претендент получал свой пост благодаря умению прекрасно составлять и произносить речи. Высшие константинопольские сановники, следуя моде, оказывали покровительство поэтам, риторам, философам, брали их к себе в советники, способствовали созданию интеллектуальных кружков. Так, вокруг одного из крупнейших государственных деятелей ранней Византии, предки которого были выходцами из низов, префекта претория Востока 405–414 гг. Анфимия группировались философы и поэты. В их число входили выдающийся поэт своего времени Теотим⁴⁵ и советник и друг Анфимия софист Троил.⁴⁶

⁴⁵ Synesii Ptolemaidis episcopi epistolae // PG. T. 66. (далее — *Syn. Ep.*) 47, 49, 99. Об Анфимии см.: *Martindale R. The Prosopography of the Later Roman Empire. Cambridge, 1980. Vol. II* (далее — PLRE, II). P. 93–95: Anthemius 1.

⁴⁶ PLRE. II. P. 1128: Troilus 1. Современники сравнивали политическое искусство Троила с мастерством самого Анфимия. См.: *Syn. Ep.* 73, 79, 118.

Разаумеется, оказавшись в имперских канцеляриях, куриалы и представители свободных профессий не избегли обратного влияния со стороны военно-административного аппарата империи. Происходила постепенно усиливавшаяся этатизация мышления культурной элиты общества. Тогда как в IV в. главной ценностью для родовитой аристократии Востока являлся «гражданский дух» служения родному полису, то позже, в VI в., даже для такого потомственного аристократа, каким был, например, Иоанн Лид, главным стало продвижение по службе.⁴⁷ Еще в первой половине IV в. куриал гордился тщательным исполнением своей службы и понесенными им большими расходами на украшение родного города, а в VI в. гордость аристократа заключалась уже в высоком жалованье, получаемом им от императора.⁴⁸

Элита общества, независимо от происхождения, начинала признавать и важность юридического образования, давно столь необходимого в глазах римлянина. Теперь и на Востоке этому стали придавать огромное значение. В одном из своих писем Ливаний говорит: «Я готов дивиться, как сам-то я не окажусь среди тех, кто спешит в Бейрут, ибо дети, мужи, старики спешат туда по суше, морю и воздуху из-за того, что преобладает мнение, будто плох тот адвокат, который не приплывет оттуда».⁴⁹ Сам же ритор, как немалое число его единомышленников, придерживался еще не умершего пока окончательно в его среде мнения, что знание юриспруденции не обязательно для адвоката, так как «с Демосфеном легче победить, чем с увесистыми томами законов».⁵⁰ С течением времени, однако, юридическая образованность стала неотъемлемым качеством ранневизантийского интеллектуала, даже такого яркого ее представителя, каким являлся подражатель Геродота и Фукидида Прокопий Кесарийский. Дело дошло до того, что самое понятие «ритор» предполагало уже в начале V в. в качестве весьма существенного компонента знание законов. И все же юридические познания не смогли ни умалить, ни затмить традиционной греческой παιδεία. Недаром греческий язык приходил на смену латинскому даже в сфере самой юриспруденции.

⁴⁷ Ioannis Lydi De magistratibus populi Romani libri tres / Ed. R. Wünsch. Lipsiae, 1903 (далее — *Ioan. Lyd. De mag.*). III. 28–30.

⁴⁸ Ibid. III. 27, 29.

⁴⁹ Libanii Epistolae // Libanii Opera / Ed. R. Förster. Vol. 10–11 (далее — *Lib. Ep.*). Ep. 1203.

⁵⁰ Ibid.

В 395 г. после смерти Феодосия I Римская империя была разделена между его сыновьями — Аркадием и Гонорием, и с тех пор между Западом и Востоком никогда больше не восстанавливалось прежнее единство. Отныне обе части империи, а точнее сказать, оба государства жили то в согласии, то во вражде между собою, но все более и более обособлялись друг от друга. Недаром такие крупные события, как взятие Рима Аларихом в 410 г. и падение западной половины империи в 476 г., оказались практически незамеченными на Востоке.⁵¹

Когда Западная Римская империя мало-помалу распалась и на ее территории образовались варварские королевства (франков в Галлии, вандалов в Северной Африке, вестготов в Испании и остготов в Италии), престиж Восточноримской империи (Византии) на Западе, как это ни покажется странным, заметно возрос. Вместо двух римских империй осталась одна — Восточная. Не сломленная, опиравшаяся на две идеи, имперскую и христианскую, она оказывала глубокое воздействие на умы обитателей всего тогдашнего средневекового мира. Составляя для византийского государства неистощимый источник нравственной силы, эти идеи постоянно руководили ее политикой и внушали ее правителями не соответствующие их силам честолюбивые устремления.

Одним из принципов политики Византии было не признавать понесенных империей территориальных потерь. Считая себя законными наследниками римских цезарей, византийские императоры отнюдь не смотрели на варварские королевства как на вполне самостоятельные государственные образования. Они твердо придерживались принципа нерушимости исторических прав империи на утраченные области и воспринимали варварских королей как своего рода уполномоченных императора и как орудие своей политики. Эта мысль достаточно четко выражена главным историографом эпохи Юстиниана I Прокопием Кесарийским. В «Войне с готами» устами полководца Велисария он говорит: «Василевс Зинов послал Теодориха на войну с Одоакром совсем не для того, чтобы отдать ему Италию в полное владение. Да и, в самом деле, к чему ему было бы менять одного тирана на другого? Он просто возложил на него поручение вернуть [этой области] свободу и сделать подданной василевсу. Он же [Теодорих], расправившись, как полагалось, с тираном, в остальном проявил безграничное безрассудство, ибо он отнюдь не думал возвращать эту страну ее хозяину. Я считаю его

⁵¹ *Kaegi W. E. Byzantium and the Decline of Rome. Princeton, 1968.*

захватчиком и человеком, равным тому, кто не хочет возвращать принадлежащее ближнему. Что до меня, то я землю василевса никому другому не отдам». ⁶² Иными словами, ни историк Прокопий, ни его патрон Велисарий, ни, конечно же, сам император Юстиниан, направивший войска в Италию, не считали поход против остготов завоевательной войной. С их точки зрения, это было не что иное, как предприятие по возвращению своих законных прав. В своем послании Теодату византийский император прямо заявляет, что он намерен вернуть себе «свою Италию»; он уверен, что настало время вернуть готов в лоно монархии и убежден, что варвары должны быть этим довольны. ⁶³ Константинопольский василевс вел себя не как государь-сосед, а как истинный верховный владыка всего средиземноморского мира.

Не удивляло современников и то, что сами варварские короли беспрекословно признавали справедливость честолюбивых притязаний Византии. Грозные предводители племен, могущественные вожди, основатели королевств питали глубокое и искреннее благоговение к империи, обломки которой они делили между собой, и готовы были твердить слова известного вестготского государя: «Да, император это — земной бог, и всякий, кто поднимет на него руку, должен заплатить за свое преступление кровью». ⁶⁴ Не считая унижением собственного королевского достоинства пиетет перед византийским императором, они домогались от него званий и должностей, хвастаясь титулами консула и патрикия. Они гордились, что правят своими народами в качестве слуг и подопечных великого василевса. Обращаясь к нему с посланиями, короли варварских государств называли его своим повелителем и писали ему не иначе, как в уничижительном тоне. Даже франкские короли, несмотря на значительную удаленность их государства от Константинополя, признавали верховную власть Византии. Когда Теодеберт отправлял послания василевсу, он обращался к нему следующим образом: «Знаменитому и достославному повелителю, победоносному и вечно августейшему императору Юстиниану», а по временам добавлял к этим эпитетам и выражение «отец». ⁶⁵

⁶² *Procop. B. G.* II, 6, 23–25.

⁶³ *Procop. B. G.* I, 7, 23.

⁶⁴ *Iordanis Getica / Rec. Th. Mommsen // MGH Auctores antiquissimi. T. 5. P. 1. B., 1988, 28.*

⁶⁵ *Epistolae Merovingici et Karoli Aevi. / Ed. E. Dümmler. T. 1. // MGH Epistolae. T. 3. B., 1892. P. 131–133.*

Варвары действительно смотрели на себя как на подданных императора и чеканили его изображение на своих золотых монетах, ибо, как утверждает Прокопий Кесарийский, деньги с изображением варварских королей не принимали бы в торговых сделках сами варвары.⁵⁶

Византия умело пользовалась доверчивостью неискушенных варварских душ. В ее утонченном аппарате власти, где изощренные интриги, более свойственные восточному миру, стали своего рода нормой политической жизни, сложилась целая наука управления варварским миром. Одной из постоянных забот византийских императоров и государственных мужей стало доскональное изучение варваров, их нравов, обычаев, традиций. Тщательно собирались сведения и делались подробные записи о каждом из племен, его силах и возможностях, о его слабостях и разделяющих его внутренних разногласиях, о способах, которыми можно было на него воздействовать, о торговых отношениях, которые можно было с ними вести и поддерживать, о пользе, которую можно было извлечь из общения с ними.

Видимо, по этой причине тема варваров стала одной из главных в сочинениях ранневизантийских историков и хронистов, которые и сами нередко общались с варварами. Автор одного из таких трудов Приск Панийский был секретарем посольства, отправившегося из Константинополя в ставку державшего в страхе всю Европу грозного вождя гуннов — Атиллы. Приск оставил весьма любопытные заметки о мире гуннов, их нравах и обычаях. Тонкий наблюдатель и талантливый литератор, он создал необычайно колоритный портрет самого Атиллы, который в его изображении предстает не столько грозным завоевателем, сколько умелым правителем.⁵⁷ Продиктованный практическими интересами, но вместе с тем искренний интерес византийцев к варварам помог им воссоздать и сохранить на века облик пестрого, разнообразного, яркого и сложного варварского мира, представители которого еще не умели тогда писать собственную историю.

В Константинополе знали, как следовало поступать, чтобы противопоставить эти народы один другому, знали, какие семьи в каждом племени пользовались наибольшим влиянием; какие подарки и кому более всего нравились, на каких чувствах и на каких интересах сле-

⁵⁶ *Просоп. В. Г.* III. 33. 6.

⁵⁷ *Удальцова З. В.* Дипломатия ранней Византии в изображении современников // *Культура Византии.* М., 1984. Т. 1. С. 371–374.

довало больше всего играть. Иными словами, в ходу были все тонкости гибкого и изобретательного дипломатического искусства, которым так славилась Византия.

Когда варвары прибывали в Константинополь, который благодаря своему великолепию, пышности и богатству пользовался у них совершенно неоспоримым престижем, для них специально устраивались необыкновенные приемы, дабы поразить их воображение и внушить преданность Византии в их непостоянные души, а вместе с тем и для того, чтобы усыпить их бдительность и создать отнюдь не соответствующее действительности представление о силах империи. Их осыпали ласками, знаками внимания, подарками, украшениями, а затем провожали с большой пышностью, в сопровождении блестящих всадников с развевающимися знаменами и трубными звуками.⁵⁸

Далее, чтобы окончательно привлечь к себе варваров, императоры делали вид, что включают их в свой мир — мир высокой культуры, богатый и цветущий. С этой целью королям варваров и их вождям жаловали должности и титулы имперской придворной иерархии, сопровождая этот акт церемониальным вручением соответствующих знаков достоинства. Этим, казалось бы, весьма незамысловатым, но действенным в то время способом византийцам удавалось достигать многого, ибо даже у обитавших в Африке весьма далеких от цивилизации мавров сложился обычай признавать право управлять ими только у того, кому константинопольский василевс присылал знаки его власти. Таковыми, по словам Прокопия, являлись: украшенный вышивкой белый хитон, белая хламида, застегивающаяся золотой пряжкой на правом плече наподобие фессалийского плаща, серебряный с позолотой жезл, серебряная диадема, поддерживаемая серебряными пластинками, и, наконец, золоченая обувь.⁵⁹ Лицу, которое представлялось византийцам особо важным, вручались белый хитон, украшенный изображением императора и золотыми, подобающими императорскому платью нашивками (клавами), белая шелковая хламида с золотым императорским ромбом-тавлионом (вместо предназначенного для иных лиц пурпурного), в центре которого также красовалось изображение василевса, золотая, украшенная драго-

⁵⁸ *Agathiae Myrinaei Historiarum libri quinque* / Rec. R. Keydell // CFHB. В. 1967. Vol. 2 (далее — *Agath.*).

⁵⁹ *Procop. B. V. I.* 25, 5–7.

ценными камнями диадема, золотая пряжка, отделанный жемчугами пояс, а иногда — и пурпурные сапожки.⁶⁰

Возвращаясь в родные пределы, варвары, ослепленные императорским величием и пышностью оказанных им приемов, считали за счастье служить верой и правдой василевсу, который так тепло их принимал и так щедро одаривал. Другой способ воздействия на варварские народы заключался в унаследованном от Рима умении разделять и стаскивать одни варварские народы с другими — способ, который Византия практиковала, пожалуй, с еще большим искусством. В «Истории» Агафия Миринейского приведен любопытный пример применения подобного метода: своим последним вождю гуннов-утригуров Сандилху Юстиниан I преследовал цель натравить гуннов-утригуров против гуннов-кутригуров. Император писал: «Если ты, ведая о замысле кутригуров, сознательно бездействовал, то я, естественно, даюсь диву как твоему вероломству, так и самому себе, поскольку недостаточно хорошо распознал твои замыслы и ошибся в своем суждении о тебе. Если же ты в самом деле ничего не знал, это простительно. Однако ты докажешь нам незнание прошлого единственно тем, что не проявишь небрежности в будущем. Ибо они пришли сюда не для того, чтобы опустошать мои владения (хотя, возможно, это и было побочной целью их набега), но для того, чтобы доказать нам, что мы обманулись, пренебрегая ими, предпочтя оказать доверие тебе, хотя они владеют преимуществом и более храбры. Им нестерпимо больно, если кто-либо считает себя равным или соперничающим с кутригурами или хотя бы немного их превосходящими. С трудом признают они даже незначительное превосходство над ними. По этой причине они прекратили опустошение Фракии лишь тогда, когда унесли золото, которое мы ежегодно жаловали тебе. Нам легко было бы их уничтожить или, по крайней мере, оставить неудовлетворенными их домогательства. Но мы не совершили ни того, ни другого, дабы испытать тебя. Если ты человек разумный, действительно более храбрый, чем они, и не уступишь тем, кто похищает твое добро, то хотя бы теперь не будь недостойным себя. Тебе предоставляется благоприятная возможность призвать врага к ответу и, одержав над ним победу, получить предназначенное тебе вознаграждение, как бы доставленное тебе им. Если же ты предпочтешь спокойствие, снеся подобное оскорбление, как

⁶⁰ Ioannis Malalae Chronographia / Ed. L. Dindorf. Bonnae, 1831. P. 413; Theophanis Chronographia / Ed. C. de Boor. Lipsiae, 1882. P. 168–169.

я полагаю, из-за страха, или будешь предаваться постыдному бездействию, то ты, милый человек, будешь лишен награды. Мы будем вручать ее ему, а ты наперед отложи свои надежды и научись уступать тому, кто храбрее тебя. Да будет тебе известно, что договоры, заключенные с тобой и с твоим народом, будут перезаключены с ним. Было бы безрассудным вступать в постыдный союз с побежденным, в то время как подобает сближаться с победителем».⁶¹

Послания императора оказалось вполне достаточно, чтобы вспаленить уязвленное самолюбие Сандилха и пробудить в нем страшную ярость. Не в силах сдерживать свой гнев, он в тот же день «бросился мстить кутригурам за нанесенное ему оскорбление». «Да и каким образом, — заключает Агафий, — заносчивая душа варвара, всегда стремящегося к наживе, могла отнестись равнодушно к подобным словам?»⁶² Так, не прибегая к оружию, византийская дипломатия ловко устраняла угрожавшие империи опасности.

Приведенное послание Юстиниана, однако, интересно и в другом отношении. Оно показывает, что, несмотря на любые клятвы, варвары нарушали свои слова и с готовностью совершали опустошительные набеги на византийские территории. В самом деле, по свидетельству Прокопия, единожды «отведав римского [т. е. византийского] богатства, варвары были уже не в силах забыть сюда дорогу».⁶³

Из всего выше сказанного, однако, отнюдь не следует, что византийцы смотрели на варваров исключительно как на врагов и что в культурном и повседневном взаимодействии византийского и варварского миров первенство всегда принадлежало только Византии. Уже в IV в. часть варваров довольно успешно интегрировалась в византийское общество, причем в самые его верхи. Женой императора Аркадия была Евдоксия — дочь франка Бауто.⁶⁴ Потомком Евдоксии была одна из первых дам при византийском дворе — Юлиана Аниция, принадлежавшая по своему отцу к старинной римской аристократии. Император Зинон не без дальнего прицела прочил Юлиану в жены Теодориху, основавшему впоследствии королевство остготов на территории Италии. Теодорих отказался, и Юлиана стала супругой консула Ареовинда, в жилах которого смешалась кровь двух

⁶¹ *Agath.* V. 24.

⁶² *Ibid.* V. 25.

⁶³ *Procop.* H. a. VIII, 6.

⁶⁴ PLRE. II. P. 410: Aelia Eudoxia 1.

видных военачальников варварского происхождения — могущественного полководца алана Аспара и магистра милитум 434–449 гг. гота Ареовинда.⁶⁵ Смешанных браков в Византии того времени было множество.

Следствием интенсивного проникновения варваров в византийскую среду явилось распространение варварских вкусов и обычаев среди жителей империи. От варваров византийцы восприняли штаны и сапоги. В VI в. у золотой византийской молодежи вошло в моду носить гуннские плащи и обувь с загнутыми вверх носами.⁶⁶ Перенимали и гуннскую прическу: волосы стригли спереди у висков, позволяя им свободно свисать сзади.⁶⁷

Варварской внешностью и манерами обладал, по словам Прокопия, император Юстиниан. Возможно, в этих словах сквозит больше ненависть, чем истина, однако известно, что Юстиниан воспитывался у дяди Юстина, женой которого была бывшая рабыня варварского происхождения, купленная им и сначала являвшаяся его наложницей.⁶⁸

Влияние варварской, в частности германской (лангобардской и кельтской), орнаментики сказалось при отделке дорогой византийской мебели, которую украшали стилизацией вьющихся растений, фризами из ленточного сплетения, а также звериными мотивами.⁶⁹

Варваризации подвергся даже язык византийцев (греческий): он изменялся в сторону упрощения и огрубления. Образованные византийцы называли подобный язык «варварским»,⁷⁰ не замечая, однако, что и сами стали все чаще допускать в своих произведениях некоторые варваризмы, не входившие в классический лексикон.

Таким образом, рассмотренный выше хронологически и тематически ограниченный материал дает право на вывод, что синкретическая с самого своего возникновения византийская цивилизация не

⁶⁵ PLRE. II. PP. 635–636: Anicia Juliana 3; *Capizzi C.* Anicia Guliana (462 ca — 530 ca): Ricerche sulla sua familia e la sua vita // RSBN. 1968. N. S. 5(15). P. 191–226; *Harrison M. A.* A Temple for Byzantium: The Discovery and Excavation of Anicia Juliana' Palace — Church in Istanbul. Austin (Texas). 1989.

⁶⁶ *Procop.* H. a. VII, 14.

⁶⁷ *Ibid.* VII, 10.

⁶⁸ *Ibid.* VI, 17.

⁶⁹ *Кес Д.* Стили мебели. Будапешт, 1979. С. 60.

⁷⁰ *Procop.* H. a. XIV, 2.

только оказывала серьезное влияние на соседствующие с ней народы и государства, но и сама вбирала в себя немало элементов других культур. Вполне справедливым поэтому представляется утверждение А. Тойнби о том, что византийское общество, которое он называл православно-христианским, являлось универсальной цивилизацией.⁷¹

⁷¹ Тойнби А. Дж. Постигание истории. М., 1991. Идея А. Тойнби была развита и конкретизирована в сборнике, изданном А. Лайу и Г. Магвайером и приуроченном к пятидесятилетию центра по изучению истории Византии — Дамбартон Оукса (Вашингтон). См.: *Byzantium: A World Civilization* / Ed. A. E. Laiou and H. Maguire. Wash., 1992.

В. И. Уколова, О. Р. Бородин

ВИЗАНТИЯ И ЗАПАД: КУЛЬТУРНЫЕ ОТНОШЕНИЯ В VII–XII вв.

С раннего средневековья начинается история сложнейших и сизобиловавших острыми моментами отношений между византийским Востоком и Западом. «Одной из трагедий средневековой эпохи, отдельные следствия которой еще до сих пор полностью не изжиты, было исключительно острое разделение христианского сообщества на два в корне отличных и в высшей степени враждебных мира — византийский Восток и латинский Запад»,¹ — писал известный византинист Дино Джинакопос. Однако, как представляется, абсолютизация противостояния Востока и Запада в средние века не отражает гораздо более многокрасочной реальной картины их отношений. Очевидно, что культурные взаимодействия Запада и Востока в средневековую эпоху развивались на основе широкого спектра отношений — в сферах политики, экономики, религии и искусства.² Такого рода взаимодействия не должны отождествляться лишь с прямыми

© В. И. Уколова, О. Р. Бородин.

¹ *Geanakoplos D. J. Byzantine East and Latin West: Two Worlds of Christendom in Middle Ages and Renaissance. Oxford, 1966. P. 1.*

² Взаимоотношения между средневековой Европой и византийским миром как одна из важнейших проблем современной компаративной истории рассматривались в рамках специального «круглого стола» на XIII Международном конгрессе исторических наук в Монреале. См. доклад координаторов: *Arnaldi G., Cavallo G. Europe médiévale et monde byzantin: rapports effectifs et possibilités d'études d'histoire comparée // Actes / Proceedings of the 18th International Congress of Historical Sciences. Montreal, 1995. P. 465–466.*

или косвенными контактами. Это гораздо более широкое понятие, охватывающее непосредственное и опосредованное взаимовлияние и взаимоотталкивание, ибо значение и того и другого для культурного развития Европы в целом было огромно. Несмотря на политическое и религиозное отчуждение, исторические судьбы европейского мира все-таки были едиными, Запад и Восток были связаны сетью объективных зависимостей, и происходящее на Западе неизбежно вызывало ту или иную реакцию на Востоке и наоборот.

Проблема усложняется еще и тем, что она отнюдь не сводится к выявлению влияния собственно греко-византийской культуры на западную. Ведь в течение многих веков Византийская империя являлась главным каналом связи Запада с Востоком вообще, была тем историческим горнилом, в котором образовывался драгоценный сплав античного наследия (с естественным преобладанием в нем эллинистических элементов) и культур многих других народов, населявших ее территорию. Наконец, через Византию проходила граница тогдашнего европейского христианского мира с богатейшими в культурном отношении восточными цивилизациями.

Сложность и напряженность культурных взаимодействий Востока и Запада в немалой степени определялось тем, что, с одной стороны, в глазах всей Европы Византия была преемницей Римской империи, идеал и образ которой вдохновляли европейское политическое сознание в течение всего средневековья. Отсюда — особый пиетет перед Византией. С другой стороны — она являлась соперницей некоторых западноевропейских государств в реализации их попыток восстановить Римскую империю. «Незыблемая» Византия подчеркивала эфемерность этих притязаний, как бы «дразнила» недостижимостью идеала.

Следует помнить и о религиозной разобщенности, нарастание которой с конца IV в. становится одной из определяющих реалий европейского мира. Возникшее в античное время единое христианское учение по мере своего развития и институализации церкви все больше обнаруживало тенденцию к распаду, в конце концов вылившуюся в разделение церквей на «православную» (восточную) и «католическую» (западную). Идеал единого мира, единой общности, провозглашавшийся христианством, на практике никогда не был достигнут. Две различные ветви христианства стали основанием духовной и культурной самоидентификации Востока и Запада. В глазах западноевропейцев византийцы были схизматиками и наоборот. Эта религиозная рознь в конце концов превратилась в идейное оправдание того разгрома, которому подвергли Византию крестоносцы. Недоверие и враждебность как модусы взаимного поведения порой

преобладали с обеих сторон, хотя и не привели к полному разрыву связей между средневековой Западной Европой и византийским миром.

Еще в конце V–VI в. культурные связи с Восточной Римской империей обогатили духовную жизнь Западной Европы, завоеванной варварами. Феномен творчества крупнейшего мыслителя того времени Боэция (ок. 480–525), повлиявшего на весь дальнейший ход развития западноевропейской средневековой культуры; деятельность Вивария — интеллектуального центра, созданного Кассиодором (ок. 490–585) и послужившего образцом для организации культурной жизни в последующую эпоху; наконец, оживление наук и искусства в Равеннском экзархате и в Вестготской Испании не могут быть правильно поняты и оценены без учета византийского влияния.³

Известно, что в VII–XII вв. византийская цивилизация по большинству параметров превосходила западноевропейскую. Философия, общественная и политическая мысль, наука, образование, искусство — это области, где Византия в то время безусловно «задавала тон». Наконец, Византия не пережила столь трагического и болезненного разрыва с античностью, как Запад. Она в течение всего средневековья оставалась хранительницей античного наследия, источником, откуда шли на Запад мощные импульсы культурного влияния, что и позволило назвать ее «главным европейским учителем».⁴

На протяжении всего средневековья наиболее тесные связи с Византией — политические, экономические, культурные — поддерживала Италия. Этому способствовали объективные обстоятельства: наряду с Грецией Италия являлась колыбелью великой античной цивилизации, наследницей которой в средние века выступала Византия. Если для византийских политиков вся христианская ойкумена воспринималась как *orbis Romanus*, как законное наследие восточных василевсов, то Италия с «вечным» городом Римом все же оставалась в их глазах главным средоточием имперских реалий и традиций вне собственно византийских границ. Оправдываемая универсалистской идеологией военная и политическая экспансия Византии на Западе была в первую очередь устремлена на Италию. Итогом Юстиниановых завоеваний явилось ее покорение, и хотя с 60-х гг. VI в. лангобарды лишили Византию значительной части ее владе-

³ См. подробнее: *Уколова В. И.* Античное наследие и культура раннего средневековья. М., 1989.

⁴ *Demus O.* Die Rolle der byzantinischen Kunst in Europa // *Jahrbuch der Österreichischen Byzantinischen Gesellschaft.* XIV, 1965. S. 140.

ний на Апеннингах, все же она сохранила под своей властью Равеннский экзархат (будущую Эмилию-Романью) и Пентаполь (Марке) — до 751 г., Лигурию — до 641 г., Венето и Неаполь — примерно до 30-х гг. VIII в., Сицилию — до ее завоевания арабами (878), Апулию, Калабрию, Луканию — до захвата норманнами Бари (1071). Наконец, вплоть до издания иконоборческих эдиктов Льва III Исавра (20–30-е гг. VIII в.) власть Византии реально ощущалась и в Риме. Вхождение значительной части Апеннинского полуострова в состав Восточной империи, общие культурные традиции, господствующие идеологические доктрины делали Италию особенно восприимчивой к византийской культуре. К этим факторам добавлялись конфессиональные взаимосвязи, этнические взаимовлияния и просто географическая близость двух цивилизаций.

В изучаемую эпоху в Италии произошли значительные демографические изменения.⁵ В годы византийского господства здесь поселилось немало выходцев с Востока, т. е. византийцев в прямом смысле слова. Они селились преимущественно в городах и вливались в привилегированные слои городского населения: это были чиновники и военные, духовенство и представители свободных профессий — юристы, врачи, художники и довольно многочисленное греческое купечество. Несмотря на то что их удельный вес в демографической характеристике страны был не столь уж велик, их влияние на культурное развитие Италии было значительным.

Многие греки играли заметную роль в политической и церковной истории византийской Италии. В VII–VIII вв. папский престол занимали греки-папы Феодор, Конон, Сергей I, Иоанн VI, Иоанн VII, Сисиний, Константин I и др. С VII в. в стране распространяются греческие монастыри и церкви, где служат византийскую литургию. Некоторые из них достигают большого влияния. Судьба ряда крупных деятелей византийской культуры связана с Италией. Здесь провел свои последние дни выдающийся агиограф и неутомимый путешественник Иоанн Мосх (умер в 619 г.). Знаменитый врач Александр Тралльский умер в Риме в 605 г. В 40-е гг. VII в. в Италии подолгу жил в эмиграции Константинопольский патриарх Пирр. В свою очередь, уроженцами Италии были Константинопольский патриарх Мефодий I и знаменитый византийский философ XI в., ученик и соперник Михаила Пселла Иоанн Итал.

⁵ *Guillou A. Demography and Culture in the Exarchat of Ravenna // Studies on Byzantine Italy. London, 1970; Бородин О. Греко-восточная диаспора в Равенском экзархате и Пентаполе // Античная древность и средние века. Византия и сопредельный мир. Свердловск, 1990. С. 39–50.*

В то же время на протяжении всего средневековья знание греческого языка в Италии было характерно, главным образом, для греков и выходцев с Востока. Даже папа Григорий Великий, один из культурнейших римлян, признавался в своих письмах, что не знает греческого (Ер. VI, 29). Обиходным языком для всех слоев населения оставалась вульгарная латынь, постепенно трансформировавшаяся в итальянский. Показательно, что при фиксации юридических актов в равеннской курии многие жившие здесь византийцы писали греческими литерами по-латыни: не владея латинской письменностью, они, разумеется, знали язык.⁶ Аналогичное явление наблюдается в Неаполе уже в период автономии Неаполитанского дуката.⁷ Интересный эпизод приводит хронист IX в. Агнелл из Равенны. В 80-е гг. VII в. равеннский экзарх Феодор подыскивал себе грамотного нотариуса. Он совсем было отчаялся найти подходящего человека среди местных жителей, когда ему порекомендовали молодого равеница по имени Иоанниций. Пригласив его к себе, экзарх вручил ему послание, пришедшее из Константинополя, и приказал: «Читай!» Иоанниций же спросил: «Велишь ли, господин, читать по-гречески, как писано, или по-латыни?» Экзарх удивился такому ответу и, чтобы испытать юношу, предложил ему другой, латинский текст и велел сразу читать по-гречески. Иоанниций с блеском справился с переводом. Радости экзарха, нашедшего такого блестящего нотариуса, не было границ. Вскоре уже в Константинополе удивились тому, что из Равенны внезапно пошла грамотно написанная корреспонденция, и Иоанниций был вызван для работы в столицу.⁸ Эпизод с Иоанницием помогает историку избежать крайностей при оценке уровня знакомства итальянцев с греческим языком. Ясно, что в Северной и Средней Италии встречались люди местного происхождения, блестяще им владевшие. Но бесспорно и то, что их было очень немного.

В этих условиях естественно, что главным препятствием на пути распространения византийской культуры в Италии, как и на всем Западе, был языковый барьер. Перевод на латынь, а в позднее средне-

⁶ *Tjäder J.-O.* Die nichtliterarischen lateinischen Papyri Italiens aus der Zeit 445–700. Bd. I. Lund, 1955. Pap. 6, 16, 18–19, 20, 24.

⁷ *Gay J.* L'Italie méridionale et l'Empire Byzantin. Depuis l'avènement de Basile Ier jusqu'à la prise de Bari par les normands (867–1071). Paris, 1904. P. 253.

⁸ *Agnelli Liber Pontificalis Ecclesiae Ravennatis // Scriptores rerum langobardicarum et italicarum / Ed. O. Holder-Egger. Hannoverae, 1878. P. 356–357.*

вековье и на новые языки, был обязательной предпосылкой включения в западноевропейский культурный круг любого памятника византийской письменной культуры. Италия, имевшая тесные связи с империей и ставшая второй родиной для многих греков, располагала квалифицированными кадрами переводчиков с греческого. В Риме главную роль в подготовке таких переводов играли василианские монахи. С VII в. иноки монастыря св. Анастасия готовили для папской канцелярии большинство переводов официальных документов с латыни на греческий и с греческого на латынь. При греческой церкви св. Марии in Cosmedin в Риме существовала *schola graeca* — учреждение, занимавшееся подготовкой переводчиков, перепиской и переводом греческих книг.⁹ Монахи-греки готовили материалы для проведения различных богословских собраний, в частности Латеранского собора 649 г., отвергнувшего монофелитский символ веры.

В Италии были переведены на латынь многие богословские и литературные произведения византийцев. В середине VI в. римский субдиакон Иоанн (будущий папа Иоанн III) перевел «Увещения святых отцов». Во второй половине VII или в начале VIII в. были переведены «Откровения» Псевдомефодия. Выдержки из этого перевода дошли до нас во многих более поздних манускриптах.¹⁰ На латынь была переведена «Θεραλειτικά» Александра Тралльского. В IX в. библиотекарь римской курии Анастасий перевел «Хронографию» Феофана Исповедника. Характерно, что еще раньше, в VIII в., ее использовал в качестве источника автор латинской «Палатинской хроники».¹¹ В Италии были переложены на латынь многие византийские жития святых (Анастасия Перса, Сергия и Вакха, Вонифатия Тарского и др.).¹² Через Италию пришла в Европу наиболее популярная в будущем версия «Романа об Александре Великом»: в середине X в. неаполитанский священник Лев, будучи в Константинополе, купил греческую рукопись романа для библиотеки герцогини Феодоры. Вскоре, по распоряжению герцога Иоанна, она была переведена на

⁹ *Stegmund A.* Die Überlieferung der griechischen christlichen Literatur in der lateinischen Kirche bis zum zwölften Jahrhundert. München, 1949. S. 172 ff.

¹⁰ См., напр.: *Ladomersky N.* L'influsso del monachismo basiliano greco sulla vita culturale dell'Italia Meridionale // Atti del VIII Congresso internazionale di studi bizantini. Vol. I. Roma, 1953. P. 395–396.

¹¹ MGH, Auctores antiquissimi. T. 13. Berlin, 1898. P. 427 sqq.

¹² *Berschin W.* Griechisch-lateinischen Mittelalter von Hieronimus zu Nikolaus von Kues. München, 1980. S. 116–117.

латынь. Интересно, что в личной библиотеке герцога имелись и другие греческие книги, в частности труды Псевдо-Дионисия Ареопагита.¹³ В виде исключения появлялись и переводы с латыни на греческий. В VIII в. монах Захария перевел на греческий язык «Диалоги» Григория Великого. Таким образом Италия, наиболее близкая к Византии в политическом, культурном и географическом смысле часть Западной Европы, явилась своеобразным мостом, по которому осуществлялся литературный обмен Византии и Запада.

В 800 г. Карл Великий (768–814), под чьей властью находилась большая часть Западной Европы, был коронован в Риме императорской короной. Это был прямой вызов Византии, претендовавшей на то, чтобы быть единственной наследницей императорского Рима. Лишь через двенадцать лет после коронации Карла византийский император Михаил I, скрепя сердце, признал законность титула Карла как императора франков.

Культурный подъем, происходивший в государстве Карла Великого, принято называть Каролингским возрождением. Ведущую роль в нем сыграли ученые — выходцы из Британии и Ирландии, особенно англо-сакс Алкуин — глава придворной Ахенской академии. Они принесли с собой на континент уважительное отношение к греческой культуре, как древней, так и современной им. В произведениях Алкуина, его ученика Рабана Мавра, историка Павла Диакона, эрудита гота Теодульфа и ряда других авторов Каролингского возрождения встречаются греческие слова и даже фразы. Одно время в Ахене преподавал прибывший из Византии евнух Елисей. У него учились не только принцесса Ротруда, предназначавшаяся в супруги будущему византийскому императору Константину V (741–775), но и несколько придворных интеллектуалов, жаждавших овладеть языком «древней мудрости».

Ученый и писатель Валафрид Страбон (IX в.) в монастыре Рейхенау также обучался у своего наставника Ветина читать и писать по-гречески. Он сообщает, что все, приступившие вместе с ним к труднейшему процессу обучения, не достигли желаемой цели, отступив перед сложностями греческой грамматики. Страбону, однако, удалось одолеть учебник Досифея, а затем начать чтение «сладкозвучного» Гомера, поразившего его могучей силой своего поэтического дара.

¹³ См.: *Der Alexanderroman des Archipresbyters Leo*. Hrsg. von F. Pfister. Heidelberg, 1913; *Pfister F. Untersuchungen zum Alexanderroman des Archipresbyter's Leo*. Heidelberg, 1912.

Знание греческого языка также сохранялось в монастырских центрах западноевропейской образованности — Туре, Сен-Галене, Корби и некоторых других. Каролингское возрождение связано с оживлением деятельности скрипториев. Манускрипты того времени порой представляют собой великолепные произведения искусства. В 783 г. писцом Годескальком для Карла Великого был сделан список евангельских текстов на пурпурном пергаменте, в котором ощущается влияние византийских образцов с характерным для них доминированием изобразительной традиции над декоративной. Эта тенденция затем возобладала и в рукописях «группы Ады», названной так по имени аббатисы, для которой они переписывались. Рукописи, созданные в королевских скрипториях в Туре, в мастерской письма Карла Лысого (ее местонахождение точно не установлено), в скрипториях в Ахене и Меце, несут отпечаток знакомства их создателей с книжной и изобразительной византийскими традициями.

Следует напомнить, что Каролингское возрождение отчасти совпало по времени с иконоборческим движением в Византии, не принятым Карлом Великим в его крайних позициях. Его указы, собранные в «Карловы книги» (*Libri Carolini*) (они стали выражением определенной реакции на постановления Никейского собора 787 г., осудившего иконоборцев), свидетельствуют об отказе упразднить изображения в церквах, однако в качестве компромиссного жеста в них отмечалось, что в этих изображениях не следует искать глубинного сакрального смысла, а нужно в основном довольствоваться их дидактическим назначением. Слову в данном случае отдавалось предпочтение перед изображением. Аналогичную мысль развивал и Рабан Мавр: «Изображение радуется лишь одно мгновение, обращается лишь к одному чувству и не является достойным веры, ибо искажает истинный смысл вещей, только написанное может служить пуговочной нитью».¹⁴

Переосмысленные отголоски иконоборческих споров можно проследить в дошедшей до нашего времени мозаике в Жерминьи де Пре (около 806 г., Франция), которая украшала личный ораторий Теодульфа — видного деятеля Каролингского возрождения. Ее сюжет «Ковчег Завета» уникален в западноевропейском и византийском искусстве и является «по всей видимости, собственным иносказатель-

¹⁴ *Bologna F.* Die Anfänge der italienischen Malerei. Dresden, 1964. S. 16.

ным сочинением орлеанского епископа». ¹⁵ Архитектурные сооружения каролингского времени (дворцовые и культовые постройки) возводились по образцу константинопольских, латеранских. Капелла в Ахене подражала церкви Сан-Витале в Равенне. Мелкая пластика, рельефы и украшения алтарей, в особенности Золотого алтаря в Сан-Амброджо в Милане, выполненного мастером Вольвием по заказу епископа Ангильберта (824–889), обнаруживают знакомство с аналогичными произведениями византийского искусства.

В связи с реформой литургии при Карле Великом оживился интерес к восточной литургической литературе, в особенности к гимнографии. Центром перевода греческих литургических текстов на латынь становится Сен-Гален. Здесь было переведено одно из самых великолепных произведений византийской поэзии — «Акафист Богородице». Соединение метрической поэзии и многоголосной музыки в богослужении Восточной церкви оказало влияние и на литургию на Западе.

Однако, как это ни парадоксально, наиболее сильное и плодотворное влияние византийская культура начинает оказывать на Западную Европу в период обострения религиозной конфронтации между латинской и греческой церквями, с новой силой вспыхнувшей при папе Николае I (858–867). Усиление притязаний папства на обладание неограниченной церковной властью и стремление возвысить престол св. Петра над восточными патриархами не могли не вызвать резко отрицательного отношения со стороны византийских императоров и восточного духовенства, поскольку речь шла не только о религиозном, но и о политическом противостоянии Рима и Константинополя. Рим угрожал распространить свое духовное влияние на народы Восточной Европы. Конфронтация между Западной и Восточными церквями усугублялась догматическими, теологическими, обрядовыми и организационно-дисциплинарными разногласиями.

В IX в., на первый взгляд, в странном противоречии с этой тенденцией, на Западе начинается процесс отождествления св. Дионисия — небесного патрона государства франков — с византийским мыслителем Псевдо-Дионисием Ареопагитом. Еще в середине VIII в. Пипину Короткому (751–768) была подарена папой Павлом рукопись сочинения «О небесных иерархиях», приписывавшегося Дионисию Ареопагиту. Тогда, однако, она никого не заинтересовала, ибо при

¹⁵ *Тяжелов В. Н.* Искусство средних веков в Западной и Центральной Европе. М., 1981. С. 60.

дворе Пипина не нашлось людей, в достаточной мере знающих греческий язык. Во второй раз это сочинение было прислано папой Адрианом VIII (772–795) аббату Фульраду. В 827 г. королю франков Людовику Благочестивому снова был вручен византийским посольством ценный дар — рукопись Псевдо-Дионисия Ареопагита «О небесных иерархиях». Король поручил в 863 г. перевести сочинение Псевдо-Дионисия на латинский язык настоятелю Сен-Дени Гильдуину, однако поручение осталось невыполненным. Наследовавший Людовику Благочестивому Карл Лысый передал рукопись греческого мыслителя в руки прославившегося своей ученостью ирландца Иоанна Скотта Эриугены (ок. 810 — ок. 877), который завершил свой гигантский труд по переводу этого сочинения в конце 50-х гг. IX в. Кроме того, ирландец перевел и другие произведения, входившие в корпус «Ареопагитик», представляющий собой высший синтез христианского неоплатонизма. Для того чтобы сделать перевод «Ареопагитик» более точным и понятным, Эриугена также перевел на латинский язык комментарии к ним византийского теолога Максима Исповедника, а затем, доискиваясь истоков, углубился в изучение и перевод произведений одного из отцов Восточной церкви — Григория Нисского. Возможно, Эриугене принадлежал и перевод сочинения «Решения недоумений (о некоторых предметах) персидского царя Хосроя» Присциана Лидийского, одного из последних афинских неоплатоников языческого толка, удалившегося в Персию в 529 г. после закрытия Афинской академии. С основательностью и последовательностью ученого Эриугена разрабатывает и переводит основной круг христианских неоплатонических сочинений, примыкающих к корпусу «Ареопагитик». Он сделал все, чтобы вычерпать до самых потаенных глубин мудрость «светлейших источников греков» и представить эти сокровища человеческого духа и мысли латиноязычному миру.

Во времена Карла Лысого греческий язык не был забыт в подвластных ему землях. Есть даже сведения о существовании специальных школ с преподаванием греческого языка в Зальцбурге и Регенсбурге. Ему обучали педагоги Вергилий, Дольдан и Апполон.¹⁶ К этому времени относится составление греко-латинского глоссария.

¹⁶ *Преображенский В.* Восточные и западные школы во времена Карла Великого. СПб., 1881. С. 103–106. Об интересе к греческой культуре в эпоху Каролингов см.: *Петров В. В.* Accessus Iohannis Scotti // Иоанн Скотт Эриугена. Гомилия на Пролог Евангелия от Иоанна. М., 1995. С. 96–106.

Не случайно Эриугена усматривал мудрость не только в сочинениях выдающихся греков, но и в самом греческом языке, которому, по его мнению, свойственно более глубокое и точное отражение сути вещей, чем латинскому. Скорбя об упадке латинской культуры, ирландец сочувственно цитирует тех, кто противопоставлял Рим Константинополю: «Некогда знаменитыми мужами был воздвигнут ты, Рим, а ныне, увы, злая судьба тебя, подчинившегося рабам, обрекла на разрушение... Теперь цветущий Константинополь носит имя нового Рима, а в тебе, древнем городе, падают и нравы, и стены...».¹⁷ Тем не менее даже образованнейшему Эриугене не удалось создать перевод, который был бы полностью понятен латиноязычному читателю. Ирландец не смог найти эквиваленты многим греческим терминам и сохранил их в неприкосновенности, снабдив пояснениями, нередко весьма запутанными. Это, однако, не препятствовало активному использованию перевода Эриугены в средние века и даже в эпоху Возрождения. К нему, в частности, прибегали Фома Аквинский, Николай Кузанский и другие крупнейшие философы.

С Эриугены начинается устойчивое влияние учения Псевдо-Дионисия Ареопагита на развитие западноевропейской мысли и отчасти на искусство и литературу. Неоплатоническая онтология, иерархически проинтерпретированная Псевдо-Дионисием Ареопагитом в духе христианского символизма и обретшая своеобразное социальное истолкование, оставила неизгладимый след в учении самого Эриугены. Ирландский философ, последовательно развивая положения Псевдо-Ареопагита, по существу отказался от личностной концепции Бога и интерпретировал его как запредельное, но в то же время и пребывающее во всем мировое начало. По аналогии с Псевдо-дионисиевыми небесными иерархиями Эриугена выстраивал и свою иерархию природы, вершиной которой являлась природа «творящая и несотворенная», т. е. первопричина сущего — Бог, затем следовала природа «сотворенная и творящая», аналогичная миру идей; природа «сотворенная и не творящая», т. е. собственно мир. Все природы замыкаются снова в «природу не сотворенную и не творящую», т. е. в Бога как в конечную цель всего сущего, образуя великое мировое круговращение. По существу, Эриугена приходит к пантеизму, отождествляя творца и творение — и это логически вытекает из неоплатонических посылок его философии, почерпнутых у Псевдо-Дионисия Ареопагита, которым ирландский философ придал большую последовательность. В области гносеологии Эриугена пришел к мистическим выводам

¹⁷ PL. T. 122. Col. 1194.

о возможности слияния в процессе самосовершенствования постигающего и постигаемого, т. е. человека и Бога, в чем ощущается сильное влияние не только Псевдо-Дионисия Ареопагита, но и его комментатора Максима Исповедника. Итак, Эриугена, как последовательный неоплатоник, по существу, утверждал, что общие понятия существуют в божественном уме (т. е. обладают подлинно реальным существованием), а затем облакаются акцидентными (случайными) признаками, в результате чего возникают единичные вещи.

Таким образом, благодаря Эриугене греко-византийский неоплатонизм стал одним из важнейших источников трех отличных между собой направлений средневековой интеллектуальной жизни и философии на Западе: 1) реализма, получившего наиболее полное выражение в ортодоксальной схоластике от Гильома из Шампо (учителя Абельяра) до Ансельма Кентерберийского, Альберта Великого и Фомы Аквинского; 2) пантеизма, являвшегося оппозицией ортодоксальному мировоззрению и питавшего наиболее радикальные еретические течения, в частности учения Амальрика Бенского и Давида Динанского (конец XII—начало XIII в.), осужденных католической церковью (на этой же линии философского пантеизма находятся воззрения ренессансных мыслителей Николая Кузанского и даже Джордано Бруно); 3) и, наконец, мистицизма, принимавшего в средние века различные облики; прямой путь от Эриугены здесь лежал к немецкому мистикам XIV в. Майстеру Экхарту.

Конечно, значение переводов Эриугены, как и его деятельности в целом, не было вполне оценено в его не столь уж просвещенное время. Однако о его переводческой работе было известно современникам. Она была неодобрительно встречена папой Николаем I, человеком очень властным и чрезвычайно ревниво относившимся к тому, что, как ему представлялось, затрагивало его авторитет. Римский первосвященник сделал «строгое внушение» Карлу Лысому и затребовал перевод «Ареопагитик» в Рим для проверки на предмет того, нет ли в нем еретических заблуждений и несоответствий оригиналу. Проверка была произведена Анастасием Библиотекарем (ум. в 897 г.), известным эрудитом того времени, который действительно дал более или менее объективную оценку труда ирландца, однако нашел, что Эриугена слишком близко следовал греческому тексту. Буквализм переводчика, по мнению Анастасия, повредил точности передачи смысла. Анастасий полагал, что перевод должен соответствовать не букве, а духу переводимого произведения.¹⁸

¹⁸ *Голенищев-Кутузов И. Н.* Средневековая латинская литература Италии. М., 1972. С. 162.

Этот первый в средние века спор о задачах и методах перевода любопытен тем, что в ходе его были сформулированы позиции, ставшие традиционными для всей последующей переводческой деятельности. Эриугена выступил как сторонник буквального, максимально точного перевода, а Анастасий — как поборник перевода-интерпретации. Однако Анастасий не ограничился критикой. Он решил усовершенствовать работу ирландца. Произведя филологические сопоставления различных списков сочинения Псевдо-Дионисия Ареопагита «О небесных иерархиях», сверку перевода Эриугены, он отредактировал и дополнил его. Именно эта отредактированная Анастасием версия получила наибольшее распространение в Западной Европе. Однако в дальнейшем при переводе сочинений других греческих авторов, в частности «Мученичества Дионисия Ареопагита» Мефодия Константинопольского, проповеди Феодора Студита об апостоле Варфоломее и др., Анастасий не смог удержаться на высоте своих переводческих требований: он пошел по стопам Эриугены, перелагая буквально или даже вовсе опуская сложные места, далеко не всегда заботясь о передаче точного смысла. Иначе говоря, практика перевода с греческого на латинский язык несомненно отставала от провозглашаемых теоретических принципов перевода.

Примерно в то же самое время в Византии переводятся на греческий язык «Диалоги» папы Григория Великого, очень «современное» для той эпохи сочинение как по содержанию, так и по форме, отвечавшее прежде всего запросам массового сознания. Это рассказы о чудесах, бесхитростные, красочные, учитывающие психологию широких народных слоев. Переводы сочинений Псевдо-Дионисия Ареопагита на Западе и Григория Великого на Востоке обнаруживали, как представляется, определенное стремление двух частей христианского мира познать друг друга в наиболее типичных культурных проявлениях.

Имперские притязания германских монархов заставляли их обращать взоры к Византии, искать более тесных контактов с нею. Вторая половина X в. в империи Оттонов проходит под знаком усиления византийского культурного влияния.

При Оттоне II (955–983), женившемся на византийской царевне Феофано (правда, в историографии ее чаще называют племянницей Иоанна I Цимисхия), к германскому императорскому двору были привлечены учителя-греки. Сюда прибыл из Кампании Иоанн Филагат, будущий антипапа Иоанн XVI (997–998), снискавший себе немалую славу как изысканный каллиграф. Выходцем из Византии Григорием был основан важный культурный центр в Германии — монастырь Буртшайд. Греческие учителя и переписчики прочно обоснова-

лись в Рейхенау.¹⁹ Сам император Оттон II обнаружил живое тяготение к греческой культуре. Он писал своему учителю: «Сердце мое болит, потому что я не могу еще отогнать саксонскую грубость и привить себе греческое просвещение».²⁰

Наставником Оттона III, сына Оттона II и Феофано, был известный ученый Герберт (будущий папа Сильвестр II), прославившийся своими математическими штудиями, знаток греческой и арабской науки о числах. Его воспитанник, этот «романтический император», грезивший о мировой монархии, был большим поклонником греческой культуры и византийского этикета. В рукописи «Регистр св. Георгия», относящейся примерно к 983 г. (ныне одна ее часть хранится в Шантийи, в музее Конде, а другая — в Трире), имеется великолепное изображение этого императора (по некоторым предположениям не исключается, что это могло быть и изображение его отца Оттона II).²¹ Император восседает на троне в пурпурном византийском одеянии и принимает поклонение земель, ему подвластных. В ахенском «Евангелии Оттона III» император изображен как властелин мира, взирающий с высоты на свои владения. Книжная миниатюра оттоновского периода очень близка византийскому изобразительному искусству. Византийское влияние явственно прослеживается и в архитектуре, ювелирном искусстве, отчасти скульптуре оттоновского периода. Однако восточные традиции переосмысливаются в соответствии с местными художественными устремлениями, обретают своеобразное художественное воплощение.

Большую роль в XI в. в распространении греческой культуры на Западе играл главный бенедиктинский монастырь Монте-Кассино, поддерживавший постоянные связи как с василианскими монастырями Кампании, так и непосредственно с Константинополем. В ходе богословских споров, завершившихся «схизмой» 1054 г., монте-кассинские монахи переводили на греческий официальные документы папской курии для отправки в Византию. Здесь переводились и обширные полемические трактаты латинских богословов, такие как «Диалог», написанный кардиналом Гумбертом и посвященный проблеме признания верховенства римских пап в христианском мире. В 60-е гг. XI в. аббатом Монте-Кассино был видный ученый-энциклопедист Альфан, ставший затем архиепископом Салернским. Великолепный знаток греческого языка, лично бывавший в Константи-

¹⁹ *Runciman S.* Byzantine civilization. New York, 1956. P. 236.

²⁰ *Успенский Ф. И.* История Византийской империи. Т. I. С. 43.

²¹ *Тяжелов В. Н.* Указ. соч. С. 100.

нополе, по образованию врач, выпускник Салернской медицинской школы, Альфан написал ряд известных в средневековье медицинских трактатов. Один из них («De pulsu») был написан под влиянием книги византийского врача VII в. Филарета «Liber pulsuum». Альфан перевел с греческого на латынь трактат Немесия Эмесского «О природе людей». Вскоре этот труд был переведен также на грузинский язык Иоанном Петрици и вторично на латынь — Бургундием из Пизы. Альфан привлек в Салерно из Карфагена выдающегося арабского медика Константина Афра, благодаря усилиям которого врачи Запада познакомились в переводах с арабского с произведениями классиков античной медицины — Гиппократа, Галена и др. Вся деятельность Альфана в Монте-Кассино и в Салерно была направлена на то, чтобы ученые Италии овладели мудростью тех, «кого воспитала мать Греция» (как он сам писал в посвящении к переводу трактата Немесия).²² В Монте-Кассино жил хронист Амаций, написавший по-гречески «Историю норманнов». Видимо, здесь же монах Герольд сделал латинский перевод одного из греческих мучеников IX в., посвятив его папе Виктору III (бывшему настоятелю монте-кассинского монастыря Дезидерию).²³

Наконец, в самой Византии, на Афоне, итальянские монахи создают собственные латинские монастыри, ставшие проводниками византийского влияния на западное монашество: такие как Амальфийский монастырь (с конца X в.). Монахи этих обителей так же, как и их коллеги на Западе, занимались переводческой деятельностью. Отсюда же поступали в Италию и греческие рукописи. В XI в. появились сначала греческий, а затем — латинский и грузинский переводы индийской «Легенды о Варлааме и Иосафе» (в подлиннике — «Каллила и Димна»). Латинский переводчик, итальянский монах, находясь в Константинополе, получил греческий текст легенды из рук Льва, бенедиктинского монаха с Афона.

Византийские области юга Италии — Калабрия, Апулия, Лукания и Сицилия — представляли собой особый исторический феномен. Как известно, во времена классической античности эти территории были эллинизированы и составляли так называемую Великую Грецию.²⁴

²² Bloch H. Monte Cassino, Byzantium and the West in the Earlier Middle Ages // DOP, 3, 1946. P. 163–224.

²³ Délehaye H. Mélanges d'hagiographie grecque et latin. Bruxelles, 1966. P. 179–188.

²⁴ Berard J. La colonisation grèque de l'Italie méridionale et de la Sicile dans l'antiquité. L'histoire et légende. Paris, 1957.

В Сицилии данного положения фактически не изменили и столетия римского владычества. Ко времени установления византийского господства ее городское население состояло в основном из греков и выходцев с Востока. Господствующим языком был греческий.²⁵ В первые два столетия византийской власти эллинизация сделала большой шаг вперед, захватив и материковый регион. С VII в. в городах итальянского юга служат греческую литургию. Местные латинские монастыри начинают жить по василианскому уставу. Немало греков проживало в городах Калабрии (Бруттия) и Апулии (особенно в Региуме) уже в первые века нашей эры, хотя к середине VI в. это были территории с преобладанием романского населения.²⁶ К VIII в. Калабрия и Южная Апулия — области преимущественно греческие. Южная Италия с меньшей заинтересованностью, чем Северная и Средняя, относилась к конфликтам папства с Константинополем. Ей практически был чужд антивизантийский сепаратизм.

В VIII–X вв. греческое население Южной Италии сильно выросло за счет иммиграции, как добровольной, так и осуществляемой искусственно. Под первой следует подразумевать массовое бегство в сравнительно спокойные в конфессиональном плане области итальянского Юга лиц, преследовавшихся при императорах-иконоборцах, или просто убежденных иконопочитателей. Огромное большинство из них составляли священники и монахи. Искусственная иммиграция направлялась византийским правительством главным образом на земли, отвоеванные у лангобардов (2-я половина IX в.). Так, Василий I при закладке г. Галлиполи в Апулии поселил там выходцев из Ираклии Понтийской. Лев VI направил в Италию 3000 освобожденных рабов умершей византийской аристократки Даниэлис.²⁷ В колонизационном движении в Италию участвовали не только греки, но и армяне. Многие из них были поселены в Калабрии стратигом Никифором Фокой. Существовала армянская колония в Бари.²⁸ Немало жителей Сирии и Палестины, бежавших от арабов, также осело в Южной Италии. С VII в. на юге полуострова проживало много

²⁵ *Gay J.* Op. cit. P. 10.

²⁶ *Borsari S.* Il monachesimo bizantino nella Sicilia e nell' Italia meridionale prenormana. Napoli, 1963. P. 13–22.

²⁷ *Theophanus Continuatius* / Ed. I. Bekker. Bonnae. 1838. P. 321.

²⁸ *Guillou A.* Italie Méridionale Byzantine ou Byzantins en Italie Méridionale // *Idem.* Culture et Societé en Italie Byzantine (VIe–XIe siècles). L., 1978. P. 152–156.

славян.²⁹ Наконец, сохранялась часть местного романского, а в Сицилии, возможно, более древнего населения; в Апулии и Калабрии жили также и лангобарды. Таким образом, этнически население Южной Италии в годы владычества Византии являло достаточно пеструю картину. Но преобладающим ее элементом на протяжении большей части рассматриваемого периода были греки.

В IX–XI вв. в Италии появляется значительное число греческих монастырей,³⁰ причем, большинство из них — на Юге. Среди них — знаменитый Меркурион в Калабрии (на северо-западе от Кастровиллари), основанный около 991 г. и ставший ведущим на итальянском Юге центром греческой религиозной культуры. Распространяется отшельничество. В окружении каждого монастыря располагаются кельи многочисленных отшельников-анахоретов, пещерников-спелеотов и т. п. Южная Италия становится обетованной землей монахов, «Новой Фиваидой». Как показывают современные исследования, в отдельных случаях целые области (как, например, внутренняя Апулия) были населены монахами.³¹ Для сложившейся здесь специфической духовной среды характерной является мощная и мрачная фигура Нила из Россано (910–1005), наиболее известного из местных подвижников и аскетов. Подвизавшийся как в Южной, так и в Средней Италии, основавший несколько монастырей (в том числе известный монастырь Гроттаферрата в предместье Рима), Нил оказал огромное влияние на греческое монашество в Италии, главным образом, в силу своего крайнего, доходившего до патологии аскетизма.³² Дни Нила и его многочисленных учеников были посвящены молитвам и умерщвлению плоти. Последователи Нила отказывались от вина и от еды, приготовленной на огне, обычно питаясь только хлебом и водой. Сам Нил ел один раз в сутки, после захода солнца, питаясь, как правило, хлебом и водой, иногда — горохом или сырыми фруктами. Часто он отвергал и хлеб, ограничиваясь лесными ягодами, кореньями и стручками бобовых растений, и, лишь доведя себя до крайней степени истощения, снова некоторое время питался хлебом. Столом Нилу служил большой камень, а посудой — черепок разбитой глиняной бутылки. Одевался Нил во власяницу и никогда

²⁹ *Бородин О. П.* Славяне в Италии и в Истрии в VI–VIII вв. // ВВ, 44. С. 57–156.

³⁰ *Foti M. B.* Cultura e Scrittura nelle Chiese e nei Monasteri Italo-Greci // Quaderni di Messina. 2. 1992.

³¹ *Guillou A.* Italie Méridionale... P. 175.

³² *Anonymi Vita S. Nili Junioris* // PG, t. 120. P. 1864. Col. 9–166.

не мылся. По установленному Нилом распорядку дня он вместе с учениками молился, кроме обычных молитв по пробуждении и перед трапезой, три часа подряд в течение дня и столько же перед сном. Каждый раз он отбивал до тысячи земных поклонов. Нил запрещал монахам видеть женщин, сам в нарочито грубой форме отказывал женщинам даже в благословении. Он говорил: «Если я увижу женщину, сразу же придет дьявол и пожрет меня» (*Vita Nili. Col. 147*). За ничтожные проступки и даже беспричинно, «во испытание», Нил налагал на учеников тяжелейшие, часто издевательские, эпитимьи. Однажды его ученик, молодой уже монах Стефан, на вопрос Нила: «О чем ты думаешь?», ответил: «Ни о чем! Просто хочу спать». Нил быстро сделал для него скамью с одной ножкой и велел сидеть на ней не слезая. Измученный Стефан многократно засыпал даже на этой одноногой скамье и тут же падал, разбивая себе то руки, то лицо. В политической области религиозный ригоризм Нила привел его к убеждению, что не следует заботиться о защите Калабрии от врагов и выкупать пленных христиан, так как телесные страдания, в том числе от бедствий войны — полезны, ибо спасают души людей от греха. В «Житии Нила» сообщается, что он, предвосхищая иезуитский кодекс морали, сформулировал тезис: «Все, что делается во имя Бога, — есть благо и не подлежит осуждению, даже убийство человека». Гнев Нила в монастыре, где он в данный момент находился, обращался трагедией для виновного. Известен случай, когда монах, родной племянник Нила, позволивший себе в жаркий день напиться из церковной чаши, был затравлен до смерти фанатичными последователями грозного аскета (*Ibidem. Col. 138–139*).³³

Разумеется, даже в Южной Италии аскетизм Нила являлся, в своем роде, предельным, но это был предел, к которому стремились многие монахи. И до, и после Нила из Россано здесь подвизались знаменитые анахореты: Илья Новый, Илья Регийский (Спелеот), Христофор и Савва, Лука Арментский и др.³⁴ Особенно много мелких обителей и отдельных монахов-отшельников было в конце IX — начале X в. на крайнем юге полуострова, в районе Региума (следствие бегства греков из Сицилии, от арабской опасности), а со второй половины X в. — на севере Калабрии у границ Лукании (здесь скрылись от бедствий германо-византийских войн). Монахи колонизи-

³³ *Брун М.* Византийцы в Южной Италии в IX и X вв. Очерк из истории византийской культуры. Одесса, 1883. С. 53–62.

³⁴ *Протасов Н. Г.* Греческое монашество в Южной Италии и его церковное искусство. Сергиев Посад, 1915. С. 28–41.

вали и значительную часть Лукании (получившую название «Базиликата»).³⁶

Таким образом, в X–XI вв., до прихода норманнов, культурный облик Южной Италии в известной мере определяли обитатели монастырей. Здесь широко распространился культ святых, преимущественно греческих. Об этом свидетельствуют, в частности, два местных церковных календаря XI в., включающие многих святых из византийских синаксарей. Еще в значительно более позднее время подавляющая масса святых, чтимых в Италии, была греческого происхождения.³⁶ Почитание византийских святых распространилось отсюда в лангобардские герцогства, и герцоги Беневента, не жалея средств, перевозили в свою столицу мощи греческих подвижников: Меркурия, Гелиана, Варфоломея и др.

В монастырях Южной Италии процветал единственный, но исключительно важный для эпохи средневековья вид культурной деятельности — переписывание книг. Для монахов василианских монастырей переписка греческих рукописей была обязательной и ежедневной работой. Сам Нил из Россано занимался копированием книг не менее трех часов в день и дал обет исписывать за день не менее кватерниона бумаги (*Vita Nili. Col. 42*). В собрании аббатства Гроттаферрата до сих пор сохранились манускрипты, переписанные Нилом, — «Лавсаик» Палладия Еленопольского, «Поучения» Дорофея, проповеди Марка и др. Опытным и квалифицированным писцом был другой организатор италийского монашества — Варфоломей из Симери. Знаменитыми переписчиками стали ученики Нила — Павел, Климент, Кирилл, Арсений, Неофит, Феогност и др. Монастыри располагали крупными библиотеками, насчитывавшими сотни книг. Уже на заре нового времени, в XVI в., монастырь Богородицы Одигитрии в Россано сохранял около 160 греческих манускриптов.³⁷ Предвидя неизбежное нападение сарацин на Меркурион, св. Фантин заранее оплакивал вероятную гибель его прославленной библиотеки. До нас дошли три обширных каталога библиотек итало-византийских монастырей.³⁸ В их составе преобладала литургическая литература, но кроме нее имелись список «Диалогов» Григория Великого

³⁶ *Gay J. L'Italie Méridionale...* P. 255 sqq.

³⁶ *Guillou A. Art et religion dans l'Italie grec méridionale // Idem. Culture e société...* P. 749.

³⁷ *Devreesse K. Les manuscrits grecs de l'Italie Méridionale. (Histoire, classement, paléographie).* Città del Vaticano, 1955. P. 21.

³⁸ *Borsari S. Op. cit.* P. 80–81.

и манускрипт «Церковной истории» Феодорита Кирского. Книги религиозного содержания составляли, разумеется, большую часть продукции монастырских писцов. Сохранившиеся рукописи позволяют составить представление о богословских интересах италийских монахов.

В XII в. местом встречи византийской, западноевропейской и арабской цивилизаций стало Сицилийское норманнское королевство.³⁹ В нем было этнически разнообразное население, мирно сосуществовали различные наречия, латинский, греческий и арабский языки, западное и восточное христианство и мусульманство. Воинственные правители государства в то время были обуреваемы жаждой познания и покровительства наукам и искусствам. При сицилийском дворе и в ряде городов и монастырей были собраны богатейшие библиотеки ценнейших греческих, арабских и латинских рукописей. Долгое время бывший частью Восточной Римской империи, этот регион имел многочисленное грекоязычное население и прочно сохранял традиции византийской культуры и даже быта. Здесь работали первоклассные переводчики с греческого на латынь, некоторые из них были членами королевской администрации, как, например, Генрих Аристипп и Евгений Эмир.

В Сицилийском королевстве впервые был переведен на латинский язык «Альмагест» — знаменитое сочинение греческого астронома II в. Клавдия Птолемея. Перевод, правда, был сделан не с греческого, а с арабского языка Герардом из Кремоны в 1175 г. Однако в королевской библиотеке имелся и греческий оригинал, подаренный византийским императором. С него также впоследствии был сделан перевод. Вероятно, именно из Сицилии проникли в Западную Европу переведенные на латинский язык сочинения Евклида, трактат «О движении» Прокла, научные произведения философов александрийской школы. Здесь же переводились с греческого медицинские и алхимические трактаты.

Особое значение для развития западноевропейской философской мысли имели сделанные Аристиппом в Сицилийском королевстве переводы диалогов Платона «Менон» и «Федон», а также сочинений Аристотеля, в частности его «Метафизики» и логических трактатов. Через Сицилию в Западную Европу проникали не только научные сочинения греков, но и поэтические легенды Византии и Востока, художественные традиции и ремесленные навыки.

³⁹ Высшего расцвета культура Сицилийского королевства достигла в первой половине XIII в. См.: *De Stefano A. La cultura alla corte di Federico II imperatore. Milano, 1990.*

Крупными переводческими центрами в этот период были и некоторые города Северной и Средней Италии. В XII в. наиболее известными переводчиками являлись Моисей из Бергамо, Яков из Венеции, Бургундий из Пизы.⁴⁰ Моисей из Бергамо поставил своей задачей сделать доступными на латинском языке сочинения великих греческих авторов. Однако его основные переводы не сохранились. Проведший некоторое время в Константинополе, Моисей из Бергамо был блестящим знатоком древнегреческой поэзии, особенно Гомера. Его философские штудии предвворяли ренессанскую увлеченность «*studia humanitatis*».

Якову из Венеции принадлежат переводы аристотелевских «Топики» и Первой и Второй «Аналитик». Бургундий из Пизы несколько раз бывал в Константинополе. Он перевел сочинения Василия Великого, Иоанна Златоуста, Иоанна Дамаскина, а также выборочно сельскохозяйственную энциклопедию «Геопоники», трактаты Гиппократ и Галена.

Вся эта огромная переводческая работа подготовила почву для западноевропейского интеллектуального синтеза XIII в., а в Италии — для начала Возрождения. Рост интереса к философскому и позитивному знанию, стимулировавшийся в числе других факторов и культурным взаимодействием Западной Европы и Византии, дал импульс созданию высших школ нового типа — университетов и расцвету схоластики. Схоластика как особый тип философии, неразрывно соединенной с теологией, абсолютизирующая роль формально логических методов в обосновании догматических положений, на Западе восходит к деятельности Боэция, а на Востоке — к последнему великому неоплатонику Проклу (412–485). Прокл не только выстроил иерархию наук со стремлением ко всеобщему энциклопедическому охвату знания, но и придал особую значимость извлечению ответов на все познавательные вопросы из текстов Авторитета (в его случае — из текстов Платона), а также соединил мистические и рационалистические (логические) подходы к познанию. По этому же пути пошел и крупнейший византийский мыслитель Иоанн Дамаскин (конец VII — ок. 754 г.), предпринявший попытку философско-богословского синтеза, в котором он опередил Запад более чем на четыре столетия. В XII–XIII вв. по его стопам пойдут ученик Абелияра Петр Ломбардский (конец XI — 1160 г.), автор «Сентенций», сначала осужденных церковью, а затем ставших одним из авторитетных учебников

⁴⁰ *Haskins Ch. H. Studies in the History of Mediaeval Science. N. Y., 1960. Ch. VIII.*

в университетах и школах Запада, и Фома Аквинский, автор всеохватывающих «Суммы теологии» и «Суммы против язычников».

Для схоластики, стремившейся подтвердить высшую истину, данную в Откровении, и в то же время придать некоторую самостоятельность исследовательским поискам человеческого разума, особое значение имела логика как главный путь решения познавательных проблем с помощью правильно построенных умозаключений. Схоластическое мышление было преимущественно логически дедуктивным. Почва для его успешного развития, как уже отмечалось, была подготовлена Боэцием, переведшим на латинский язык значительную часть логических сочинений Аристотеля и прокомментировавшим их. Эти переводы составили корпус так называемой «старой логики», господствовавшей в Западной Европе до появления новых переводов сочинений Аристотеля, преимущественно с арабских версий, но отчасти и с греческих оригиналов. В последнем случае особенно важной была роль Византии и Южной Италии.

Следует особо отметить влияние на западноевропейскую логику византийского писателя и ученого-энциклопедиста Михаила Пселла. Его сочинение «Синописис», или «Общий обзор логики Аристотеля», имело в XIII в. широкое хождение на Западе. Этому способствовало и то, что «Синописис» был переведен или чрезвычайно детально «усвоен» Петром Испанским, будущим папой Иоанном XXI. Существуют различные точки зрения на степень логической и философской самостоятельности Петра Испанского в его сочинении «Summulae». Видный историк логики Прантль⁴¹ считает, что «Summulae» — это просто перевод «Синописиса» Пселла с некоторыми дополнениями. Другими исследователями это мнение оспаривается.⁴² Однако как бы ни соотносились между собой сочинения Михаила Пселла и Петра Испанского, влияние византийского философа на западноевропейскую средневековую логику нельзя отрицать. Пселловские реминисценции в ней слишком очевидны. Кроме версии Петра Испанского, и даже несколько ранее ее, были сделаны попытки перевода и использования «Синописиса» Пселла в Англии Уильямом Шервудом и Лансбертом Оксеррским. Осуществленная Пселлом систематизация логики Аристотеля, развитие им ее формально-

⁴¹ Prantl C. Geschichte der Logik im Abendlande. 2. Band. Leipzig, 1927. S. 263 ff.

⁴² Grabmann M. Handschriftliche Forschungen und Funde zu den philosophischen Schriften der Petrus Hispanus, des späteren Papstes Johannes XXI. München, 1936.

логических аспектов, декларация синтеза античных и христианских воззрений пустили жизнеспособные ростки на западноевропейской почве. Торжество аристотелизма на Западе в XIII в., как представляется, было подготовлено не только притоком сочинений Стагирита и комментариев к нему через каналы связи с арабским миром. Этому способствовали и культурные связи Запада с Византией, общие тенденции и параллелизм в духовном и интеллектуальном развитии Запада и Востока.

Особенно сильно византийское влияние в Европе, и в первую очередь — в Италии, проявилось в области права. На протяжении конца VI — начала VIII в. в Италии был создан ряд сводов и эпитом различных частей *Corpus juris civilis* — новелл («Эпитама Юлиана», «Authenticum»), институций («Туринская глосса»), кодекса Юстиниана («Перуджийская сумма»).⁴³

От X–XI столетий имеется ряд свидетельств использования римскими юристами статей Кодекса Юстиниана в редакции, предлагаемой «Перуджийской суммой». Особый научный интерес памятнику придает то обстоятельство, что во многих случаях своеобразные формулировки общеимперских законов, замена терминов, разнообразные отклонения от буквы и духа Кодекса Юстиниана в «Перуджийской сумме» отчетливо отражают итальянскую правовую и социальную специфику.⁴⁴

Парафразы *Corpus juris civilis* составлялись и в лангобардских областях Италии. К их числу относится, например, дошедшая до нашего времени Эпитама Кодекса Юстиниана, обнаруженная в Пистойе в рукописи X в. и обнимающая в сокращенном, конспективном виде первые 9 книг кодекса. Она, видимо, была написана в VII–VIII вв., но использовалась итальянскими юристами и в X–XII вв.⁴⁵

Более поздние византийские законодательные своды: Эклога, Прохирон, Василики — также были хорошо известны в Италии. Так, Эклога была переведена в IX в. на латинский язык под характерным названием «Закон, данный в сокращении святейшим папой Львом и мудрейшим и благочестивейшим императором Константином».

⁴³ См. подробнее: *Бородин О. Р.* Памятники права в Равеннском экзархате // Византийские очерки. М., 1991. С. 45–59.

⁴⁴ *Tamassia N.* Bologna e scuole imperiale di diritto // Archivio giuridico «Filippo Serafini», 40, fasc. 3–4. Pisa, 1888. P. 265–268.

⁴⁵ *Chiapelli L.* Nuovo esame del manoscritto pistoiese del Codice Giustiniano // Studi e documenti di storia e diritto. Potificium institutum utriusque juris. VI. Roma, 1885.

Итальянский переписчик ничего не знал об императоре Льве III Исавре и приписал Эклогу одноименному римскому папе. Таким образом, он считал Эклогу местным, итальянским законодательным памятником, что, несомненно, свидетельствует о ее актуальности для Италии.⁴⁶ Здесь же, в Средней Италии, она, видимо, и была переведена.

Появление ряда важных памятников византийского права непосредственно связано с Южной Италией. Так, весьма вероятно, что отсюда происходит «Частная распространенная Эклога». Не вызывает сомнения южно-итальянское происхождение «Эклоги, измененной по Прохирону», а позднее и «Малого Синописа к Василикам».⁴⁷ Кроме того, к Южной Италии относятся ряд манускриптов и особая версия Земледельческого закона, измененного применительно к местным правовым обычаям, отмеченная диалектными особенностями, присутствующими греческому языку Калабрии.⁴⁸ Наконец, на рубеже X–XI вв. в Калабрии был создан своеобразный юридический труд «Prochiron legum». Это — пособие для изучения византийского права, составленное на базе Эклоги, Прохирона, Эпанагоги (Исагоги), ряда византийских юридических эпитом. Текст состоит из 40 глав, в которых последовательно приводятся excerpts из законов о браке, о дарениях, о завещаниях, об отпуске рабов на волю, об аренде и эмфитевсисе, о наказаниях за преступления и т. д. Итальянский правовед И. Брандилеоне, первооткрыватель и издатель памятника, отметил, что многие византийские законоположения в «Prochiron legum» изменены согласно нормам местного обычного права.⁴⁹ В южноитальянских юридических сборниках часто соседствуют произведения византийского и германского права. Эпитомы византийского законодательства были распространены в Южной Италии и в эпоху господства норманнов.⁵⁰ Высокий уровень правового сознания южноитальянских юристов и их правотворческая активность заставляют предполагать наличие в Южной Италии собственной системы подготовки юриди-

⁴⁶ См.: Della Spada G. F. La legislazione dell'Impero d'Oriente in Italia // Italia e Grecia. Saggi su le due civiltà e i loro rapporti attraverso i secoli. Firenze, 1939. P. 236–237.

⁴⁷ Лупшиц Е. Э. Законодательство и юриспруденция в Византии в IX–XI вв. Историко-юридические этюды. Л., 1981. С. 55, 65.

⁴⁸ Медведев И. П. Греческая версия Земледельческого закона. — В кн.: Византийский Земледельческий закон. Л., 1984. С. 23–25, 26–35, 179–183.

⁴⁹ Prochiron Legum publicato il Codice Vaticano greco 845. A cura di F. Brandileone e V. Puatoni. Roma, 1895.

⁵⁰ Della Spada G. F. Op. cit. P. 249.

ческих кадров. Факт создания «Prochiron legum» (учебника права) прямо указывает на функционирование в регионе юридической школы (например, в Таренте, где, видимо, и была написана эта книга). Общая высокая рукописная культура Южной Италии, конечно, благотворно сказалась и на подготовке юридических рукописей, активизировала их переписку. Но вряд ли правильно считать, что сотни юридических манускриптов, созданных на юге Италии, представляют собой продукцию монастырских рукописных мастерских. Скорее всего, большая их часть выходила из-под пера светских писцов-канцеляристов, и мы вправе предполагать наличие в Южной Италии сети специальных юридических скрипториев. В целом обилие юридических актов, составленных по принципам *jus graeco-romanum*, огромное количество рукописей юридического содержания (и в первую очередь, труды правоведов-жителей Южной Италии) позволяют сделать вывод, что области итальянского Юга не просто находились под влиянием имперской юрисдикции, но и сыграли определенную самостоятельную роль в развитии византийского права.⁵¹ Специалисты не без основания считают, что юридическая практика Южной Италии оказала влияние и на деятельность правоведов центральной и северной части страны.

Однако здесь, как и на всем Западе, исключительное значение для изучения римского и византийского права имело открытие около 1080 г. полного латинского манускрипта *Corpus juris civilis*. Размноженный в течение нескольких лет во многих десятках экземпляров, Корпус Юстиниана, как удивительная юридическая новинка, штудировался и обсуждался в кружках («societates») итальянских правоведов. Наиболее авторитетным и популярным толкователем Юстинианова законодательства стал болонский юрист Ирнерий, открывший здесь свою юридическую школу в 1087 г. Четкая, продуманная программа занятий, высокая квалификация и талант педагогов сделали Болонскую школу Ирнерия главным центром юридической образованности в Европе. Уже после смерти ее основателя, в XII–XIII вв. в ней одновременно обучалось от 1000 до 10 000 студентов. Есть основания считать, что прототипом школы в Болонье Ирнерию послужила высшая юридическая школа в Константинополе.⁵² В 1158 г.

⁵¹ *Brandileone F.* Italia Bizantina: la sua importanza nella storia del diritto italiano. Roma, 1931.

⁵² *Patetta F.* La scuola giuridica Constantinopolitana del secolo XI° e la scuola giuridica di Bologna // Volume in onore di F. Schupfer. Torino, 1898. P. II.

Болонский центр правоведческих штудий получил официальный статус университета.⁵³ Болонский университет в XII–XV вв. стал образцом для других юридических школ и заложил основы изучения римского и византийского права в высших учебных заведениях Европы. Таким образом, с конца XI в. в Италии освоение византийской правовой традиции окончательно было поставлено на солидную организационную и материальную почву.

За пределами Италии, в других странах Западной Европы, собственно византийское право было известно хуже. Но следует подчеркнуть, что и здесь классические византийские юридические своды, особенно латиноязычный *Cogrus juris civilis*, оказывали определенное воздействие на правовую мысль. Римское право в полном объеме изучалось в далекой Британии, в Кентерберийском аббатстве.⁵⁴ Нормы византийского законодательства, особенно в области уголовного права, вошли с XI–XII вв. в юридическую практику в Венгрии. В частности, членовредительские наказания за преступления применялись здесь в соответствии с Эклогой Льва III Исавра. Высшим наказанием, как правило, считалось ослепление, что также характерно в первую очередь для Византии.⁵⁵ Во Франции работали знатоки римского и ранневизантийского права: в VI в. Андархий, в VII в. — Боне, епископ Клермонский. Юридический сборник, содержащий изложение римских и византийских законов («*Petri excerptiones legum Romanum*»), был составлен во Франции на рубеже XI–XII вв. Этот памятник, основанный преимущественно на Кодексе Юстиниана, был создан в Провансе или в Дофине и был хорошо известен юристам Прованса, Лангедока, Каталонии. Несколько позже в Южной Франции появилась еще одна парафраза римско-византийского права (так называемый «*Codi*»), известная ныне по провансальским, французским, каталонским и латинским манускриптам.⁵⁶ В целом же на Западе, за пределами Италии, изучение Юстинианова права становится обычным занятием лишь с конца XII — начала XIII в., в эпоху возникновения университетов.

⁵³ *Berman H. J. Law and Revolution. The Formation of the Western Legal Tradition.* Cambridge (Mass), 1983. P. 123–131.

⁵⁴ *Lindsay J. Byzantium into Europe. The Story of Byzantium as the First Europe (326–1204 A. D.) and its further Contribution till 1453 A. D. L.,* 1952. P. 292.

⁵⁵ *Moravcsik Gy. Byzantium and the Maggiars.* Budapest, 1970. P. 121 sqq.

⁵⁶ *Carlin M.-L. La Pénétration du droit romain dans les actes de la Pratique Provançale (XIe–XIIIe siècles).* P., 1967. P. 39–40.

Культурное взаимодействие Западной Европы и Византии было весьма плодотворным и в области литературы. XII столетие иногда называют веком средневекового гуманизма. Это один из наиболее светлых и творчески плодотворных периодов западного средневековья. Рос интерес к человеку, земной жизни, набирали силу светские элементы в культуре, более пристальным становилось внимание к античному наследию. Это был век рождения рыцарского романа в Западной Европе, имеющего типологические аналоги на Дальнем и Ближнем Востоке, в Закавказье и, конечно, в Византии.⁵⁷ Рыцарский роман занимает центральное место в светской средневековой литературе. Исторически его прототипом является эллинистический роман. Он находит прямое продолжение в византийском романе, который, в свою очередь, становится одним из источников, правда, периферийных, рыцарского романа на Западе. Иногда в научной литературе даже говорится о византийском цикле французского рыцарского романа.⁵⁸ Несомненно наличие византийских источников таких сочинений, как романы о Флуаре и Бланшефлер (70-е гг. XII в.), об Окассене и Николетт (начало XII в.), «Ипомедон» и «Протесилая» Гуона де Ротеланда (80-е гг. XII в.). Великолепная эпическая поэма о страже византийских рубежей богатыре Дигенисе Акрите в XII–XIII вв. через Италию проникает в Западную Европу, где ее отголоски слышатся в различных литературных произведениях и, в частности, во фландрской поэзии.⁵⁹

Проблема греко-византийского влияния тесно связана с кругом вопросов об использовании античного наследия в рыцарском романе. Не чужды византийскому влиянию «Роман о Фивах», «Роман об Энее», «Роман о Трое», представляющие собой обработку греческих сказаний. Греко-византийские мотивы звучат в творчестве крупнейшего автора рыцарских романов XII в. Кретьена де Труа. Известно, что Прованс XI–XII вв. имел прочные связи с Византией. На юге Франции существовали многочисленные греческие общины, византийское влияние проникло в культуру и поэзию. Особенно этот процесс усилился после Второго крестового похода (1142–1149), когда цвет европейского рыцарства вочию увидел Византию и Константинополь, познал соблазны и прелести восточной роскоши и придворной

⁵⁷ История всемирной литературы. Т. 2. М., 1984. С. 18–19.

⁵⁸ Мелетинский Е. М. Средневековый роман. Происхождение и классические формы. М., 1983. С. 20.

⁵⁹ История всемирной литературы. Т. 2. С. 354.

жизни. Алиенора Аквитанская, сопровождавшая в походе своего мужа, французского короля Людовика VI, возвратившись в Прованс и будучи главной вдохновительницей куртуазной поэзии и культуры, перенесла на благодатную южнофранцузскую почву некоторые элементы греко-византийского быта и поэзии.

Не осталась чуждой византийскому влиянию и музыка средневековой Западной Европы. Католическая литургия содержала отдельные греческие слова и фразы. Сходство католической и православной литургии, конечно, прежде всего объясняется общностью раннехристианских корней. Однако нельзя забывать о роли в этом связи с Византией. До сих пор в римских соборах можно услышать песнопения, начинающиеся греческими словами: «*Hagios athanatos eleison hemaz*» («Святой, бессмертный, помилуй нас»).⁶⁰ Реформа литургии и церковной музыки, осуществленная папой Григорием Великим, также обнаруживала некоторую связь с тем, что происходило с литургией на Востоке. Восточная гимнодия вдохновляла лучшие песнопения Западной церкви, такие, например, как «*Ave Maria, gratia plena*».⁶¹

Воздействие связей с Византией сказывалось не только на развитии высокой официальной культуры западноевропейского средневековья. Быть может, даже в большей степени эти связи влияли на народную религиозность, на сознание низких социальных слоев в Западной Европе, преимущественно на европейском юге. Это особенно ярко проявилось в распространении таких еретических движений, как павликанство, богомилство, зародившихся в Византии, а затем проникших в Италию и Южную Францию. В Лангедоке, во владениях графа Тулузского, богомилы стали называться катарами (чистыми), а в Италии — патаренами. Пришедшие с греческого Востока ереси нашли благоприятную почву в Западной Европе. В XI–XII вв. они захватили весь юг Франции и значительную часть Италии. В их основе лежало древнее восточное учение — манихейство, абсолютизовавшее борьбу света и тьмы, добра и зла как двух мировых начал. Патарены и катары выступали против социального неравенства, проповедовали общность имущества и требовали неукоснительного выполнения установлений евангельской чистой жизни. Эти идеи в XI–XII вв. вдохновляли и народную религиозность, а затем отчасти были поддержаны Францисканским Ассизским и его последователями. Чтобы не оттолкнуть от себя массы верую-

⁶⁰ *Wellesz E.* Eastern Elements in Western Chant. Oxford, 1947. P. 201.

⁶¹ *Geanakoplos D. J.* Op. cit. P. 42.

щих, Западная церковь вынуждена была в какой-то мере ассимилировать явно неортодоксальные идеи Франциска и даже объявить его святым.

Определенный вклад византийская традиция внесла и в постепенную трансформацию и усиление культа девы Марии в Западной Европе. В раннесредневековом христианстве Западной Европы господствовал грозный Бог-вседержитель. С XI в. средневековое христианство несколько «гуманизировалось», на первый план выдвинулась фигура Христа, Спасителя, своими страданиями искупившего человеческие грехи. Одновременно (и, пожалуй, еще более стремительно) распространяется культ Мадонны — всеобщей заступницы. Происходило то, против чего некогда предостерегал ересиарх Несторий, призывавший не превращать Деву в богиню. Мария заняла место рядом с Христом, стала «первой дамой» христианского пантеона святых. Это еще раньше произошло в Византии. Богоматерь считалась покровительницей Константинополя, ее образ был любимой темой византийского искусства. С раннего средневековья на Востоке цикл сказаний о чудесах Богоматери пользовался широчайшей известностью и все время обогащался. С ней были связаны наиболее почитаемые на Востоке священные реликвии. Проникновение византийской мариалогической традиции на Запад совпало с теми новыми духовными потребностями, которые вызревали в недрах народной религиозности, народного сознания, что способствовало более интенсивному развитию культа Марии.

Довольно рано в латинскую агиографию, бывшую излюбленным литературным жанром народа, проникают восточные герои и сюжеты. Еще в раннем средневековье получают распространение латинские версии житий восточных отцов церкви и святых. Особенной популярностью на Западе пользовались жития Дионисия Ареопагита, «Чудеса Девы Марии», легенда о Варлааме и Иосафе. В свою очередь, на греческий язык переводятся жития западных святых, например Бенедикта Нурсийского. О распространенности византийских агиографических сюжетов на Западе свидетельствует хотя бы тот факт, что они представлены в «Золотой легенде» Якопо Ворагине (1230–1298), которая соперничала по популярности с Библией и рыцарским романом. В ней были собраны наиболее известные на Западе рассказы о святых и чудесах. В определенном смысле предшественником Якопо Ворагине можно считать византийского агиографа Симеона Метафраста, собирателя житийной литературы. Однако ориентация произведений Ворагине и Метафраста была различной. Византийский писатель осуществил литературную обработку житий, предназначая их образованному читателю. «Золотая легенда»

собирала жития и рассказы о чудесах практически в первоизданном виде, была рассчитана на людей простых, больше отвечала потребностям народного сознания.

На протяжении всего средневековья Византийская империя располагала самым совершенным в Европе государственным аппаратом, самой развитой бюрократической машиной, сложившейся государственной символикой, тщательно разработанным и продуманным придворным церемониалом. Для западноевропейских стран она играла роль неисчерпаемого хранилища опыта государственного управления. Как и в раннее средневековье, в VII–XII вв. многочисленные европейские владетели носили византийские титулы и звания, иногда с благодарностью получая их от восточных императоров, иногда — с вызовом присваивая их себе. Титул *πατριςκος τῶν Ῥωμαίων* носил с 754 г. франкский король Пипин Короткий. После падения лангобардского королевства (787) этот титул узурпировал Карл Великий. Стать патрикиями стремились лангобардские герцоги Беневента и Сполето. В 787 г., например, герцог Беневента получил его за участие в военном союзе против Карла Великого. Обособившись от Византии, сохранили имперский титул *dux* владетели Неаполя и Венеции. Те же *duces* (дожи) Венеции с гордостью носили титулы ипатов (консулов), патрикиев, проэдров, протосебастов, протоспафариев.⁶² Патриархи Венеции именовали себя ипертимами. Римско-византийские должности и звания *centurio*, *tribunus*, *comes* сохранялись в войске Меровингов. Меровингские «ленивые короли» добавляли к своему титулу «король франков» византийский предикат *vir illustre* и жаловали подвластным им герцогам звание *patricius*.⁶³ Наконец, латинским производным от византийского царского титула *βασιλεὺς τῶν Ῥωμαίων* являлся титул германских императоров «*Romanorum imperator augustus*».⁶⁴

Дворы европейских монархов копировали византийские ритуалы. С VI в. им подражали короли вестготов. Формулы обращения к венецианским дожам повторяли обращения к равенским эзар-

⁶² *Ganshof F. L.* Histoire des relations internationales. Le Moyen Âge. P., 1953. P. 45; *Armingaud J.* Venise et le Bas-Empire. Histoire des relations de Venise avec l'empire d'Orient. P., 1868. P. 135.

⁶³ *Brunner H.* Deutsche Rechtsgeschichte. Bd. II. München—Leipzig, 1928. S. 214–216.

⁶⁴ *Beumann H.* Der Deutsche König als «Romanorum Rex». Wiesbaden, 1981. S. 44 flg.

хам и к византийским василевсам. Карл Великий вводил византийские церемонии при франкском дворе. Особенно сильное влияние византийской обрядности сказывалось в обиходе германских императоров. Их одеяния создавались в Германии по византийским образцам.⁶⁶ Корона императоров Священной Римской империи представляла собой комбинацию двух византийских парадных головных уборов — диадемы, возлагавшейся на восточных императоров у алтаря патриархами Константинополя, и короны, впервые возложенной Константином I Великим на голову его сына Константина II.⁶⁶ Коронация германских (а прежде — франкских) императоров, как и в Византии, предвлялась помазанием на царство.⁶⁷ Церемония коронации Оттона II и его жены, византийской царевны Феофано, была организована в строгом соответствии с традициями константинопольского двора. В Музее Клюни в Париже хранится резная табличка из слоновой кости, посвященная этому событию. Характерно, что сюжет и стиль изображения полностью отвечают византийским прототипам — картинам коронации византийских императоров Иисусом Христом. Византийские элементы присутствуют в знаменитой национальной реликвии венгров — «короне Святого Стефана». Она сложилась как сочетание двух корон: первой, подаренной папой Сильвестром II королю Иштвану I (1000–1033), и второй, византийской, полученной из Константинополя королем Гезой I (1074–1077) в ознаменование его женитьбы на дочери византийского вельможи Феодула Синадина.⁶⁸

Приемы работы византийской императорской канцелярии активно внедрялись в практику западноевропейских нотариусов. Карл Великий ввел в обиход скрепление официальных документов металлическими вислыми печатями в соответствии с византийской традицией.⁶⁹ Колоссальное впечатление на западных императоров производили получаемые ими из Византии хрисовулы василевсов:

⁶⁶ *Eichmann E.* Von der Königsgewandung im Mittelalter // *Historisches Jahrbuch*, 58, 1938. S. 268–304.

⁶⁶ *Deer J.* Der Ursprung der Kaiserkrone // *Schweizer Beiträge zur allgemeine Geschichte*, 8, 1950. S. 51–87.

⁶⁷ *Brunner H.* Op. cit. S. 26.

⁶⁸ *Moravcsik Gy.* Op. cit. P. 65–66.

⁶⁹ *Ohnsorge W.* Der Beitrag der Abendländischen Überlieferung zur byzantinischen Sphragistik // *Idem.* Konstantinopel und der Okzident. Darmstadt, 1966. S. 285; См. также: *Bonenfant D.* L'influence byzantine

грамоты с золотыми печатями, написанные золотистыми чернилами на роскошном пурпурном пергаменте. В 1049 г. германский император Генрих III, получив такое послание от Константина IX Мономаха, торжественно пожертвовал его в качестве алтарного покрывала в церковь Симона и Иуды в Госларе, а массивную золотую печать разрешил переплавить, чтобы сделать из нее дароносицу.⁷⁰ Но еще раньше, со времен Генриха II (1002–1024), германские владыки стали рассылать собственные хрисовулы: значительно более скромные, но также пурпурные и с золотыми сигиллиями.⁷¹

Византийская монета оказала колоссальное влияние на денежную чеканку стран Европы. Монеты варварских королей: остготских, вестготских (до Леувигильда, 573–589), лангобардских (до Ротари, 636–652), бургундских и франкских (до конца VI в.) были простыми и несовершенными копиями византийских оригиналов. Если в дальнейшем короли варваров начинают чеканить монеты со своими собственными изображениями и именами, то иконографический тип, расположение надписей, а часто и символика еще надолго остаются византийскими. Не вызывают сомнений византийские прототипы монет итальянских государств в IX–XII вв.: Венеции, Беневента, Салерно, Неаполя, Амальфи, Гаэты и даже Папской области.⁷² Венгерские монеты со времен Иштвана IV представляли собой имитации византийских и, видимо, чеканились греческими мастерами.⁷³

Следы византийского воздействия обнаруживаются в самых различных сферах культуры стран Запада. Распространившаяся во всей Европе литургическая драма пришла на Запад из Византии. Ее главный элемент — процессия пророков — почти в неизменном виде заимствована с Востока.⁷⁴ Комплекс венгерских легенд о святом короле Ласло несет на себе печать византийского происхождения и связан с циклом агиографических сказаний о Димитрии Солунском.

sur les diplomes des Carolingiens // *Mélanges H. Gregoire, III, Annuaire de l'Institut de Philol. et d'Hist. Orient et Slaves*, 11, 1953. P. 61–77.

⁷⁰ *Ohnsorge W.* Op. cit. S. 282.

⁷¹ *Dölger F.* Byzanz und das Abendland vor den Kreuzezugen; *Idem* // ПАРАСПОРА. 30 Aufsätze zur Geschichte, Kultur und Sprach der byzantinischen Reiches. Ettal, 1961. S. 268–304.

⁷² *Engel A., Serrone R.* Traité de numismatique du Moyen Âge. Bologna, 1964. P. 30–42, 55, 283–296.

⁷³ *Moravcsik Gy.* Op. cit. P. 121.

⁷⁴ *Lindsay J.* Op. cit. P. 319–320.

Здесь, в Венгрии, греческие книги имелись во многих библиотеках. Не случайно венгерский епископ Геллерт использовал греческие источники для написания своих богословских трактатов, а клирик Цербан перевел ряд фрагментов из сочинений Максима и Иоанна Исповедников для библиотеки аббатства Паннонхальма (ок. 1120 г.).⁷⁶ Столь важный для католической литургии музыкальный инструмент, как орган, был изобретен в Византии и использовался там во время пиров, дворцовых приемов и цирковых процессий. На Западе он первоначально появился в Италии и впервые был применен во время мессы в Риме при папе Виталиане (657–672).⁷⁶ Император Константин V (741–775) подарил большой орган франкскому королю Пипину Короткому и вместе с ним направил во Францию группу монахов-музыкантов для обучения местных мастеров игре на инструменте. С IX в. на органах уже играют музыканты ряда стран Запада. Изготавливаются собственные инструменты и среди них — такие гиганты, как орган Винчестерского собора (980). В отличие от Византии, где орган был сугубо светским инструментом, в Западной Европе он стал неременным «участником» христианских религиозных церемоний.⁷⁷

Византийская культовая практика также оказывала определенное влияние на духовную жизнь Европы. Именно из Византии распространяется в странах Запада почитание священных реликвий и мощей.⁷⁸ Один из римских пап-греков Сергий I (687–701) вводит в Западной церкви торжественное празднование Благовещения, Успения и Рождества Богородицы. Известно, что до перевода необходимых для этой цели литургических текстов на латынь в Риме в дни названных празднеств служили смешанную греческо-латинскую литургию.⁷⁹

Византийская культура питала на Западе не только религиозную духовность — она входила и в светский быт. Например, для Италии, особенно для Венеции, Византия вплоть до XII в. была законодатель-

⁷⁶ *Moravcsik Gy.* Op. cit. P. 121.

⁷⁸ *Flick A. C.* The Rise of the Medieval Church and Influence on the Civilization of the Western Europe from the First to the Thirteenth Century. New York, 1909. P. 371.

⁷⁷ *Lindsay J.* Op. cit. P. 328–329.

⁷⁸ *Herrmann-Mascard N.* Les reliques des Saints. Formation coutumière d'un droit. P., 1975. P. 49–63.

⁷⁹ *Berschlin W.* Op. cit. S. 116–117.

ницей моды в одежде. При дворе дожей дамы носили длинные шелковые платья до пола, легкие золотые чепцы на пышных прическах, мужчины — роскошные плащи-гиматии с пряжками византийского типа.⁸⁰ Не только в Италии, но и во всей Юго-Западной Европе скарамангий — парадное византийское одеяние — стал прототипом костюма знатного всадника-рыцаря.⁸¹ Дома аристократов в итальянских городах Адриатического побережья имели женские половины — гинекеи. Из Византии пришли сюда обычаи затворничества женщин и использования евнухов (собственных итальянских, а не привозных).⁸² Благодаря влиянию Византии, в среде итальянской знати поддерживалось обыкновение регулярно мыться в бане. Напротив, в Германии византийская принцесса Феофано сначала шокировала придворных своего жениха Оттона II привычкой принимать ванну.⁸³ Однако и у нее вскоре появились последователи. В целом, если говорить о быте народов Западной Европы, следует признать, что лишь узкий круг аристократов испытал здесь в какой-то степени воздействие византийской цивилизации. Показательно, однако, что какую бы конкретную область быта мы ни взяли, почти наверняка обнаружим в ней византийские реминисценции.

Культурное взаимодействие Западной Европы и Византии, принимавшее самые различные формы и переживавшее периоды подъемов и спадов, в раннем и развитом средневековье было тем не менее постоянно действующим и творческим фактором развития европейской культуры. Роль этого фактора, конечно, особенно велика в трансляции на Запад достижений античности. По сути дела, в изучаемый период можно говорить о двух потоках или лучах античного влияния на культуру Запада: через Византию и через арабов. Представляется, что сопоставление значимости этих двух потоков, их специфики и ареалов их преимущественного воздействия могло бы стать предметом интереснейшего специального исследования. Но одновременно западноевропейская культура находилась под сильным влиянием собственно византийской, восточно-христианской, цивилизации. Возвращаясь к вынесенной в начало данной статьи мысли Д. Джинакопласа о двух христианских мирах, хотелось бы подчеркнуть, что исследуемый материал подводит

⁸⁰ *Armingaud J.* Op. cit. P. 113.

⁸¹ *Haussig H.-W.* Kulturgeschichte von Byzanz. Stuttgart, 1959. S. 445.

⁸² *Armingaud J.* Op. cit. P. 135.

⁸³ *Runciman S.* Op. cit. P. 237.

и к некоторым иным дефинициям. При всей сложности культурных, конфессиональных и в особенности политических взаимоотношений византийского Востока и латинского Запада они существовали, обогащая друг друга, как две подсистемы одной структуры — христианской средневековой цивилизации.

А. В. Бармин

СТОЛКНОВЕНИЕ 1053–1054 гг.

XI в. ознаменовался существенными изменениями в разных областях жизни Византийской империи.¹ Он оказался переходным и для богословской грекоязычной литературы, занятой до сих пор преодолением «внутренних» противников, языковая и культурная инаковость которых никак изначально не подчеркивалась.² Теперь основное внимание греческих полемистов сосредоточивается на западных соседях империи и некоторых их религиозных обычаях. Одновременно меняется и обозначение уже привычных противников: вместо «несторианства» или «монофизитства» речь идет о ересь «сирийской» или «армянской».³

Этот сдвиг в византийской религиозной полемике происходил при вполне определенном политическом небосклоне. К середине XI столетия появились предпосылки военно-политического союза между

© А. В. Бармин.

¹ *Lemerle P. Le premier humanisme byzantin. P., 1971. P. 7, n. 2; Idem. Cinq études sur le XIe siècle byzantin. P., 1977. P. 252.*

² О некоторых культурно-языковых предпосылках для появления богословских расхождений между греческим и сирийским христианством см. в частности: *Brock S. The Christology of the Church of the East // Традиции и наследие христианского Востока. М., 1996. С. 159–179.* Бывшая во многом отвлеченной, византийская религиозная полемика не принимала во внимание подобные корни этих различий.

³ *Dagron G. Contemporary Image and Influence of Byzantium // XIX International Congress of Byzantine Studies. Copenhagen, 1996. Major Papers. P. 64.*

Римом и Константинополем. Обосновавшиеся на юге Апеннинского полуострова норманны представляли немалую опасность для объединенных в «катепанат Италии» владений Византии; в не меньшей степени такая угроза нависла и над «уделом св. Петра». Об остроте положения достаточно говорит то обстоятельство, что главный начинатель и руководитель коренных преобразований Западной церкви папа Лев IX с лета 1053 г. удерживался норманнами в некоем подобии плена, от которого он освободился лишь незадолго до смерти (19 апреля 1054 г.).⁴ Однако политические вопросы, бывшие важной причиной для отправки западного посольства в 1054 г., оказались отодвинутыми на второй план переговоров и в конечном счете так и не получили тогда своего решения в Константинополе. Первоочередное внимание было уделено проблемам религиозного порядка; прения в конечном счете привели к взаимным отлучениям между папскими легатами и константинопольским патриархом Михаилом Кируларием.

В течение долгого времени анафемы 1054 г. отмечали в глазах историков начало раскола между Западной и Восточной церквами. Такое воззрение появилось далеко не сразу после этих событий: в течение XI–XII вв. никто из принимавших участие в споре не вспоминал имен кардинала Гумберта и патриарха Кирулария. Есть основания полагать, что как латинские, так и греческие полемисты этого времени в своем подавляющем большинстве вообще не верили в существование церковного разрыва. Утверждения обратного рода встречаются лишь изредка. Так, Ансельм Хавельбергский в 1135 г. однажды заметил, что Восточная церковь «сама себя уязвляет кощунством собственной схизмы».⁵ Согласно Иоанну Иерусалимскому (начало XII в.), римский папа «отсек себя» (ἐξέκοπῃ) от прочих патриархов.⁶ Никита Сеид в 1113 г. утверждал, что латиняне «отрезали себя» (ἀλετμήθητε) от остальных четырех церквей (патриархатов).⁷

⁴ О церковно-политических отношениях между Римом и Константинополем в середине XI в. см.: *Скабаланович Н.* Разделение Церквей при патриархе Михаиле Керулларии // *Христианское чтение*, 1884. С. 626–656; Там же, 1885. С. 95–145; *Kaplan M.* La place du schisme de 1054 dans les relations entre Byzance, Rome et l'Italie // *BS*, 1993. P. 29–37.

⁵ PL, 188. Col. 1211.

⁶ Par. gr. 1295. F. 26r.

⁷ См. его «Импровизированное слово к римлянам», опубликованное P. Габауэром: *Gahbauer R.* Gegen den Primat des Papstes. Studien zu Niketas Seides. München, 1975. S. 3.

По его же мнению, три главных прегрешения римской кафедры («Filioque», опресноки и именование Богородицы просто Марией) ведут не только к схизме и разделению, но и к явной ереси.⁸ Однако же прочие восточные полемисты не использовали подобные понятия, сколь остро они сами ни воспринимали бы особенности западной практики. Соответственно перед ними не стояла и проблема хронологического определения церковного раскола. Тем не менее в их сочинениях часто можно обнаружить указания на исторические предпосылки возникшего между Церквями непонимания.

Западная сторона могла легко помещать его в общую историю всех зародившихся на Востоке ересей и расколов. В 968 г. Константинополь посетил посол императора Оттона I епископ Кремоны Лиутпранд. Возмущенный плохим приемом, он при подходящем случае указал своим собеседникам: «Все ереси произошли от вас и почти что вас одолели; а от нас, т. е. западных [христиан], они были уничтожены и истреблены».⁹ В XI–XII столетиях об этом вспоминали кардинал Гумберт¹⁰ и епископ Ансельм Хавельбергский.¹¹ На греческом Востоке создатели противолатинских полемических сочинений не были едины в определении главных виновников удаления Запада от византийского православия. Никита Никейский (конец XI в. ?) и Симеон Иерусалимский (начало XII в.) приводили по этому поводу имя антипапы Феликса II (355–365).¹² Михаил Кируларий возлагал ответственность на папу Вигилия (535–555).¹³ Это его заявление было опровергнуто уже Петром Антиохийским¹⁴, что не помешало Никите Сеиду вновь его использовать, сделав необходимые исправления с оглядкой на возражения антиохийского патриарха.¹⁵ Во введении недопустимых новшеств обвинялись также папа Формоза (891–896)^{16а}

⁸ *Gahbauer R.* Gegen den Primat des Papstes... S. 5.

⁹ Liudprandi relatio de legatione constantinopolitana // MGH SS, 3. P. 351.

¹⁰ *Will C.* Acta et scripta quae de controversiis Ecclesiae graecae et latinae saeculo undecimo composita extant. Lipsiae et Marburgi, 1861. P. 68–70.

¹¹ PL, 188. Col. 1213–1216.

¹² См. публикации их сочинений, осуществленные А. С. Павловым и В. Лейбом: *Павлов А. С.* Критические опыты по истории древнейшей греко-русской полемики против латинян. СПб., 1878. С. 143–144; *Leib B.* Deux inédits byzantins sur les azymes au début du XII siècle. Rome, 1924. P. 220.

¹³ *Will C.* Op. cit. P. 178.

¹⁴ PG, 120. Col. 797.

¹⁵ *Gahbauer R.* Op. cit. S. 3.

^{16а} См. об этом: *Karltin-Hayter P.* Commentary // *Vita Euthymii patriarchae CP.* Bruxelles, 1970. P. 184–188.

и император Карл Великий (768–814).¹⁶ Иоанн Иерусалимский в до сих пор не изданном сочинении «О латинских новшествах и папском имени» отнес разрыв ко времени, последовавшему за патриаршим правлением Сергия Константинопольского (1001–1019).^{16a} О произошедшей тогда схизме довольно глухо упоминается и в историческом обзоре разделений между Римом и Константинополем хартофилакса Никиты.¹⁷ Однако молчанием обходились не только имена Гумберта и Кирулария. Столь же примечательно, что ни в 1053–1054 гг., ни в позднейших греко-латинских спорах почти не вспоминали о патриархе Фотии, «Окружное послание» которого на деле являлось беспримерным доселе выступлением против некоторых обычаев Западной церкви. Тем не менее Ж. Даррузес отмечал влияние «Послания» на сочинения Никиты Стифата, Никиты Никейского, Льва Охридского, Иоанна Русского.¹⁸

Если средневековые писатели молчали об анафемах 1054 г., то в новейшее время было выражено пожелание изъять их из церковной памяти и предать забвению.¹⁹ Однако хотя ими и нельзя определять действительное начало схизмы между церквами, многие высказанные в те годы доводы не раз повторились в позднейших спорах. Выразившаяся тогда разница подходов к обсуждавшимся вопросам сохранялась и впоследствии: если Рим настаивал на иерархической стороне дела, то Восток был склонен помещать на первое место богословские и обрядовые расхождения. Эти события отмечают собой важнейшую веху в истории религиозных споров, переживших саму Византийскую империю.

Тогда, в 1053–1054 гг., «первый шаг к борьбе был сделан со стороны церкви Константинопольской».²⁰ Л. Брейе видел главную тому

¹⁶ Такова была точка зрения Никиты Никомидийского в 1135 г. (PL, 188. Col. 1231).

^{16a} См. рукопись Par. gr. 1295. F. 26.

¹⁷ PG, 120. Col. 719–720. Об этом сочинении см.: *L'Huillier P. Le schisme de 1054 // Вестник русского западноевропейского экзархата. П., 1954. № 19. С. 155–156.*

¹⁸ *Darrouzès J. Le mémoire de Constantin Stilbès contre les latins // REB, 21. 1963. P. 51.*

¹⁹ Совместное заявление от 7.12.1965 папы Павла VI и патриарха Афинагора (*Клеман О. Беседы с патриархом Афинагором. Брюссель, 1993. С. 477–479.*)

²⁰ *Лебедев А. П. История разделения церквей в IX, X и XI вв. СПб., 1905. С. 327.* Речь идет об открывшем религиозный спор письме Льва Охридского Иоанну Транийскому.

причину во властолюбивых устремлениях Кирулария; по мнению исследователя, патриарх при этом «желал показать, что речь отныне шла не о временной схизме вроде Фотиевой, но об окончательном разрыве».²¹ Так же рассуждал и В. Лоран, согласно которому Кируларий и его сторонники выступали против древней вселенской юрисдикции римского папы.²² Полное отсутствие в греческих сочинениях того времени прямых выпадов против Рима историк предлагал рассматривать как следствие расчета Кирулария. Такой замысел, полагал исследователь, при «публичном признании необходимости высшей юрисдикции в Христовой церкви должен был дать ему возможность завладеть ею, когда обстоятельство позволили бы ему объявить отмененной эту насущную прерогативу Святого Престола».²³ Так объяснял В. Лоран молчание современников, которое, по его мнению, «добровольное ли, вынужденное ли, было бесспорно сознательным».²⁴ Подобным образом объяснял он и упоминание двумя позднейшими византийскими авторами, Матфеем Властарем (XIV в.) и Георгием Сфрандзи (XV в.), некоего собора, якобы состоявшегося в Константинополе в 1057 или 1058 гг. и объявившего анафему латинянам вместе с папой. По мысли В. Лорана, Кируларий делал все ради достижения двух целей: полного разрыва «навсегда» с Римом и окончательного подчинения Константинополю трех патриархатов (Антиохии, Александрии и Иерусалима), «вплоть до того момента обращенных к центру католичества».²⁵ Очевидно, что такой взгляд исключает мнение М. Э. Поснова, согласно которому «... уже к половине VII в. ...на Востоке Константинопольский патриарх подчинил себе поработенные мусульманами патриархии».²⁶ Впрочем, В. Лоран осознавал гипотетичность собственных идей, поскольку это видно из его оговорки, что их «обоснованность или беспочвенность про-

²¹ *Bréhier L.* The Greek Church: its relations with the West up to 1054 // *The Cambridge medieval history.* Cambridge, 1927. Vol. 4. P. 271–272.

²² *Laurent V.* Le schisme de Michel Cérulaire // *Echos d'Orient*, 165. 1932. P. 97.

²³ *Ibid.* P. 104–105.

²⁴ *Ibid.* P. 103.

²⁵ *Ibidem.* Схожим образом рассуждал и Н. Суворов, по мнению которого, «фактическое положение главы всей восточной иерархии Кируларий закрепил путем разрыва с Римом» (*Суворов Н.* Византийский папа. М., 1902. С. 79).

²⁶ *Поснов М. Э.* История христианской церкви. Киев, 1991. С. 562.

явится лишь после строгого и тщательного изучения всех текстов и свидетельств, относящихся к личности и эпохе Кирулария». ²⁷

В самом деле, согласно переписке Кирулария, имя римского папы поминалось тогда (в 1054 г.) на литургиях как в Антиохии, так и в Александрии. ²⁸ Но говорило ли это об их большей связи с Римом, чем с Константинополем? Языковая, географическая и культурная общность существенно сближала их, напротив, с Константинопольской церковью. Предположение о том, что главной целью Михаила Кирулария была переориентация восточных патриархов с Рима на Константинополь, осталось без доказательств.

Гипотеза французского исследователя о состоявшемся будто бы в 1057–1058 гг. Константинопольском антилатинском соборе находит косвенное опровержение в сведениях некоторых позднейших византийских источников. Уже в 1089 г. император Алексей I Комнин в письме Урбану II высказал предположение, что имя папы не поминается на службе не в силу какого-либо синодального решения, а просто из-за непонятно когда установившегося обычая. ²⁹ В 1160-х гг. Фессалоникский митрополит Никита Маронейский писал, что проблема исхождения Святого Духа никогда прежде не была рассмотрена и решена соборным образом. ³⁰ Напрямую об отсутствии направленной против Рима и принятой на соборе анафемы говорится в «Диалоге», приписанном патриарху Михаилу III Анхимальцу и Мануилу I Комнину. ³¹ Поэтому совершенно верно высказался о тогдаш-

²⁷ *Laurent*. Op. cit. P. 103.

²⁸ *Will C.* Op. cit. P. 178; PG, 120. Col. 787–790. См. также соответствующие места в письмах Петра Антиохийского: PG, 120. Col. 800; *Michel A. Humbert und Kerullarios*. Paderborn, 1930. S. 450–457.

²⁹ Письмо было издано В. Хольцманном: *Holtzmann W.* Die Unionsverhandlungen zwischen Kaiser Alexius I und Papst Urban II im Jahre 1089 // BZ, 28. 1928. S. 60–61.

³⁰ PG, 139. Col. 169: τῆς ὑποθέσεως μὴ πω πρότερον ἐξετασθείσης τε καὶ τμηθείσης συνδικῶς.

³¹ ВВ, 14. 1907. С. 354. По словам патриарха, итальянцы не были официально уличены в ереси, так как не был созван собор (ὅτι μὴ συγκεκρότηται σὺνδος). Подлинность этого диалога была поставлена под сомнение на разных основаниях (см.: *Darrouzès J.* Les documents byzantins du XIIe siècle sur la primauté romaine // REB, 23. 1965. P. 80–81). Был ли он написан в XII или XIII в., очевидно, что антилатински настроенному автору этого произведения была бы лишь на руку провозглашенная собором в Константинополе анафема. Неведение В. Лорана о «Диалоге» представляется

нем положении М. Жюжи: «Ничто не позволяет утверждать, что в этот момент и вплоть до конца XI в. было что-то, напоминающее официальное провозглашение схизмы по отношению к римской церкви». ³²

Происхождение раскола В. Лоран склонен был связать с ростом «национального» самосознания с IX по XI в. ³³ По его мнению, в то же время развивалось и учение пентархии, ³⁴ «отрицающей древнюю все-ленскую юрисдикцию папы, сведенного до ранга простого руководителя (chef) церкви». «Этот схизматический тезис, — продолжал французский ученый, — достиг своего полного выражения в XI в. в сочинениях Кирулария и, по его подстрекательству, в произведениях его современников». ³⁵ Подобного взгляда придерживался и Я. Пеликан, по словам которого учение о пентархии «сфокусировалось в схизме XI в.» ³⁶

Противоположное толкование «пятиначалия» дал Ф. Дворник. В числе прочего, по его мнению, это учение выражало успех римского принципа апостольского преемства перед принципом соответствия церковной структуры государственной. ³⁷ Уже в силу этого взгляд на пентархию как на явление, однозначно направленное против Рима, должен быть поставлен под сомнение. С другой стороны (что в данном случае важнее), связь между бытовавшим на христианском Востоке со времен Юстиниана I учением о «пятиначалии» и событиями 1054 г. не находит никакой опоры в источниках. В сочинениях самого Кирулария нет даже намека на теорию пяти первоверховных престолов, а тем более — на ее противопоставление римскому пер-

понятным, так как его разыскания тогда не распространялись на более позднее время, чем XI столетие (*Laurent V. Op. cit. P. 103, note 3*).

³² *Jugie M. Le schisme byzantin. P., 1941. P. 234.*

³³ *Laurent V. Op. cit. P. 97.* Любопытным выглядит вопрос о возможности как-либо проверить справедливость этого соображения.

³⁴ В переводе на русский — «пятиначалие». Согласно этому воззрению, признаются особые права и преимущества у пяти церковных кафедр (а именно Рима, Константинополя, Александрии, Антиохии и Иерусалима) перед всеми другими поместными церквами.

³⁵ *Ibidem.*

³⁶ *Pelikan J. The spirit of Eastern Christendom (600–1700). Chicago—London, 1974. P. 164.*

³⁷ *Dvornik F. Byzance et la primauté romaine. P., 1964. P. 91.* Другими сторонами этого учения, согласно Ф. Дворнику, были несводимость универсальности Церкви к Империи, права церковной иерархии («sacerdotium») перед лицом имперской власти («imperium») и идея непогрешимости Церкви.

венству. Единственным участником споров этого времени,³⁸ выдвигавшим это воззрение, являлся посредничавший между Кируларием и латинянами Петр Антиохийский, однако он использовал ее для критики вовсе не римского первенства, а патриаршего достоинства у церковного предстоятеля Аквилеи.³⁹ О пятиначалии на рубеже XI и XII столетий вспоминал Иоанн Иерусалимский.⁴⁰ Несколько позже (в 1113 г.) на нее ссылался Никита Сеид.⁴¹ Его символическое объяснение пентархии в конце XII в. повторил Феодор Вальсамон.⁴²

Мнение Л. Брейе, Н. Суворова и В. Лорана об отрицательной роли Кирулария в истории разрыва по сути разделялось и М. Жюжи, согласно которому, «истинной причиной провозглашенной в XI в. схизмы была неукротимая воля византийского патриарха сохранить свою полную автономию по отношению к римскому понтифику».⁴³ Однако при этом ученый резко отзывался и о действиях кардинала Гумберта,⁴⁴ что несколько сближало его взгляд с точкой зрения тех ученых, которые были склонны возлагать одинаковую ответственность на обе «стороны» за произошедшее. Примерно так рассуждал С. Рансимэн, связывавший поведение Михаила Кирулария с его осведомленностью о недавних еще беспорядках на римском престоле, обусловивших презрительное отношение патриарха к папству. Закрывание латинских церквей в Константинополе историк объяснял сходными действиями со стороны Рима, якобы стремившегося заменить греческий обряд в Италии латинским.⁴⁵ С. Рансимэн не сомневался в том, что патриарх искренне верил в подделку папских грамот и всего посольства византийским наместником Южной Италии Аргиром.⁴⁶

³⁸ Р. Габауэр называет еще одного автора XI в., упоминавшего систему пентархии, — Михаила Пселла (*Gahbauer R. Op. cit. S. 113*).

³⁹ PG, 120. Col. 757.

⁴⁰ Τόμος ἀγάλης Δοσιθέου τῶν Ἱεροσολύμων. Ἰάσαι, 1698. Σ. 531.

⁴¹ См. его «Импровизированное слово к римлянам» (*Gahbauer R. Op. cit. S. 71–76*).

⁴² PG, 138. Col. 1016.

⁴³ *Jugie M. Op. cit. P. 232*. Говоря о «провозглашении схизмы» в XI в., историк явно противоречил своим собственным словам, приведенным выше. См. также: *Ibid. P. 187–189*.

⁴⁴ *Ibid. P. 230*.

⁴⁵ *Runciman S. The Eastern Schism. Oxford, 1955. P. 41*.

⁴⁶ *Runciman S. Op. cit. P. 45*. Такую возможность допускал и Х.-Г. Бек (*Beck H.-G. Geschichte der orthodoxen Kirche im byzantinischen Reich. Göttingen, 1980. S. 147*).

Однако греческие источники (письма самого Кирулария) не дают оснований утверждать, что Константинопольский архиепископ и в самом деле хорошо представлял себе политическое положение, предшествовавшее понтификату папы Льва IX. В письмах не встречается указаний на какие-либо важные события церковной жизни на Западе того времени.⁴⁷ Согласно большому посланию Льва IX Кируларию, итальянские греки не только продолжали служить по собственному обряду, но их даже всячески побуждали к его дальнейшему соблюдению.⁴⁸ Несколько сложнее обстоит вопрос об участии Аргири в произошедшем тогда столкновении. В хитрости и обмане его обвинял не один только Кируларий; историк Вильгельм Апулийский видел в кознях Аргири причину вооруженного столкновения Льва IX с норманнами.⁴⁹ По мнению О. Клемана, катепан Италии осознанно стремился противопоставить патриарха легатам.⁵⁰ Однако заявление Кирулария относительно «черных дел» Аргири оставило в недоумении Петра Антиохийского: «Великое изумление охватило нас, не могущих понять, чем был движим или чего желал италиец Аргир, который впал в такое безрассудство».⁵¹ С другой стороны, если бы неблагоприятное поведение наместника Южной Италии можно было бы хоть как-то подтвердить, то вряд ли он отправился бы в Константинополь в 1055 и 1058 гг.⁵² По представлению О. Клема-

⁴⁷ Помимо того, патриарх неточно представлял себе, каким временем следует определять отказ от поминания папы на литургии в Константинополе. Он связывал это событие с нежеланием папы Вигилия (537–555) присоединиться к анафемам Второго Константинопольского собора (553) против Феодорита Кирского и Ивы Эдесского, ошибочно называя его Шестым Вселенским (на самом деле — Пятым). См.: *Will C. Op. cit. P. 178.*

⁴⁸ *Will C. Op. cit. P. 81.* Уже в своем пересказе переписки 1089 г. между Римом и Константинополем С. Рансимэн приписал патриарху Николаю III заверения в том, что латинские церкви имперской столицы были заново открыты (*Runciman S. Op. cit. P. 62*). В действительности же в соответствующем месте послания говорится, что латинскому населению не чинились препятствия в отправлении собственного богослужения (*Holtzmann W. Op. cit. S. 63*).

⁴⁹ *Barontus C. Annales ecclesiastici. Lucae, 1745. T. 17. P. 76–77.*

⁵⁰ *Клеман О. Указ. соч. С. 468.*

⁵¹ PG, 120. Col. 796.

⁵² *Muratorl. Rerum Italicarum scriptores, 5. An. 1055, 1058. См.: Kaplan M. Op. cit. P. 33.*

на, содержащийся в норманнском плену папа был лишен права подписывать официальные бумаги, а потому вся переписка с Константинополем велась Гумбертом. Отказ Кирулария идти на прямые переговоры с легатами ученый связал с получением в Константинополе известия о кончине папы Льва IX, что привело к дипломатическому обесцениванию посольства.⁵³ В итоге у О. Клемана, как и у С. Рансимэна, получилась картина, изображающая Кирулария в более благоприятном свете, чем то принято в историографии.⁵⁴ Так, «амбициозным и высокомерным человеком» называл Кирулария Ф. Дворник;⁵⁵ о «тираничности» патриарха вслед за Пселлом пишет Ж.-К. Шейне.⁵⁶

Обострение отношений между Римом и Константинополем произошло как раз в то мгновение, когда появилась насущная необходимость возобновить сношения между ними, бывшие до того в неопределенном состоянии. Угроза со стороны норманнов сделала весьма желательным военный и политический союз папства и Византийской империи для обеих сторон. От существовавшего до сих пор положения, сводившегося к отсутствию каких-либо ответственных взаимодействий, следовало отказаться. Такой поворот событий мог поставить под вопрос «папистские» устремления Константинопольского патриарха, который самовольно стал именовать себя «вселенским».⁵⁷ Заявки на подобный титул делались из Константинополя и раньше, а именно при понтификатах св. Григория I (590–604) и Иоанна XIX (1024–1032). Как и тогда, византийский иерарх столкнулся с прямым несогласием Рима: в своих письмах Кируларию папа Лев IX отказался признавать его за «вселенского патри-

⁵³ Подобный мотив вполне мог иметь место, хотя и странным выглядит то, что никто из очевидцев константинопольских переговоров (будь то Кируларий, будь то Гумберт) не упомянул о столь важном известии.

⁵⁴ Ср., например: *Laurent V. Op. cit. P. 104–105.*

⁵⁵ *Dvornik F. Op. cit. P. 119.*

⁵⁶ *Cheyne J.-C. Le patriarche «tyrannos»: le cas Cérulaire // Ordnung und Aufruhr im Mittelalter. Frankfurt a. M., 1995. P. 15.*

⁵⁷ Источникам известны его печати с такой титулатурой. См.: *Лихачев Н. П. Моливдовулы греческого Востока. М., 1991. С. 128–129.* Вопреки мнениям В. С. Шандровской и В. Лорана (там же), они вовсе не обязательно должны определяться временем после 1054 г.: уже в предшествующем году Лев IX писал о том, что патриарх незаконно именуется «вселенским». О каком-либо синодальном решении, утвердившем бы столь существенное изменение титулатуры, ничего не известно.

арха». ⁵⁸ Устремления константинопольского владыки вступали в прямое противоречие с недавним заявлением Реймского собора 1049 г., согласно которому только понтифик римского престола являлся примасом Вселенской церкви. ⁵⁹ Папа мог отправлять свои послания «архиепископу Константинополя от епископа Рима», ⁶⁰ но признать за восточным соседом права на всю ойкумену ему было трудно. Преимики Кирулария, по всей видимости, не использовали этот оспариваемый Львом IX титул; похоже, вновь он вошел в употребление лишь к исходу XII в. Так, в собрании Н. П. Лихачева сохранилась печать владыки Леонтия (1189), на которой тот назван «вселенским патриархом». ⁶¹ Право на такое именование Константинопольского архиепископа признавал и Феодор Вальсамон. ⁶²

Если отвлечься от вопроса о титулатуре и связанных с ней (довольно неясных) преимуществ, то сложно сказать, какую именно опасность для Кирулария заключала в себе возможность политического союза между папством и Византией. По мнению Н. Скабалановича, патриарха пугала мысль о возвращении Льву IX захваченных норманнами папских патримониев, поскольку оно открыло бы дорогу не только восстановлению иерархической власти Рима над Южной Италией, но и его притязаниям на болгарскую архиепископию и даже «на подчинение [всего] Востока». ⁶³ Однако указать на какие-либо следы столь далеко идущих тогда замыслов папства совершенно невозможно; даже вопрос о собственных правах на южноитальянские епархии в целом так мало волновал римских понтификов, что за несколько столетий они лишь трижды выступали по этому поводу. ⁶⁴ Столь же трудно согласиться и со словами М. Каплана, согласно которым «Византия была поставлена под угрозу ... претензией на независимость духовной области, отстаиваемой папством». ⁶⁵ Если требование «свободы Церкви, *libertas Ecclesiae*», по верному наблюдению

⁵⁸ *Will C.* Op. cit. P. 70, 90.

⁵⁹ Об этом см.: *Gauss J.* Ost und West in der Kirchen- und Papstgeschichte des 11. Jahrhunderts. Zürich, 1967. S. 22.

⁶⁰ Именно так подписано одно из его писем Кируларию (*Will C.* Op. cit. P. 89–92).

⁶¹ *Лихачев Н. П.* Указ. соч. С. 174.

⁶² PG, 138. Col. 1029.

⁶³ *Скабаланович Н.* Указ. соч. С. 107, 110.

⁶⁴ *Gay J.* L'Italie méridionale et l'Empire byzantin (867–1071). P., 1904. P. 13.

⁶⁵ *Kaplan M.* Op. cit. P. 29.

ученого, не входило в мыслительные категории византийцев,⁶⁶ то оно и не подразумевало необходимость каких-либо определенных церковных (тем более церковно-политических) преобразований на Востоке. Таким образом, опасения Кирулария перед последствиями политического союза Византии с Римом выглядят скорее преувеличенными. Конечно же, патриарх «в глубине [души] предпочел бы, чтобы состояние взаимного неведения, длившееся в течение некоторого времени между Римом и Константинополем, стало обычаем и продолжалось бы».⁶⁷ Видя невозможность сохранить подобное положение, Кируларий при посредстве Льва Охридского начал спор по вопросам обрядовой практики, чтобы не допустить такого развития событий. Более существенный вопрос о «Filioque» не сразу пришел в голову зачинщикам спора; лишь после приезда легатов Константин Мономах предложил Гумберту высказать свои соображения по этому поводу.

В целом же император скорее мало вмешивался в разгоравшееся на его глазах столкновение. Вопреки легко напрашивающемуся приравниванию к движениям, которые происходили в то же и более позднее время на Западе, события 1053–1054 гг. ничем не напоминают борьбу папства и империи. Описывая свое пребывание в Константинополе, Гумберт в лучших словах отзывался о василевсе Константине IX Мономахе, в православии и дружеских чувствах которого он не сомневался.⁶⁸ Еще раньше в одном из писем Льва IX нашел себе место следующий образ соотношения властей: оба императора на Западе и на Востоке, Генрих и Константин, являются двумя руками римского первосвященника,⁶⁹ при помощи которых он правил христианским миром. Сколь далеко бы ни отстояла действительность от подобной картины, Гумберт вполне мог придерживаться такого взгляда и после возвращения из Константинополя в Италию — ведь согласно его «Памятной записке» легаты отправились из столицы империи с позволения василевса, приветствовавшего их на прощание «лобзанием мира» и подарками.

Совсем иначе сложились отношения между двумя иерархами. Глава римского посольства по возвращении обвинил патриарха в порче и сокрытии от народа той самой грамоты отлучения, которая была

⁶⁶ *Kaplan M.* Op. cit. P. 32.

⁶⁷ *Jugle M.* Op. cit. P. 187.

⁶⁸ *Will C.* Op. cit. P. 151–152.

⁶⁹ *Ibid.* P. 87.

положена в субботу 16 июля на алтарь Св. Софии.⁷⁰ Этим можно было бы отчасти объяснить отсутствие в 1089 г. каких-либо надежных сообщений об анафеме: их исчезновение было связано с тем, что патриарх и в самом деле приказал сжечь греческий перевод грамоты, а подлинник поместить в укромном месте,⁷¹ о котором позже могли забыть. Сам Кируларий за глаза обвинил легатов в подлоге писем от папы, как и в неправомерности всего посольства.⁷² Знаменательно, что проведенный А. Михелем стилистический анализ соответствующих посланий Льва IX подтверждает их принадлежность не папе, а Гумберту. Однако патриарх имел в виду другое — их дипломатическую недостоверность, а веских оснований такому его взгляду не найти.

Резкость и несдержанность Гумберта мало подходили для взятой им на себя должности посла на Востоке. В не меньшей степени, чем в Константинополе, эти его качества проявились во внутренних спорах Западной церкви. «Величайший клюниец ... с аскетическим ревностным обликом гениального ересиарха»,⁷³ — так (несколько романтически) назвал кардинала Гумберта А. Демпф, видевший в нем исключительную для духовной истории средневековья личность. В главнейшем для того времени споре о симонии кардинал занял крайнюю, а потому в конечном счете неприемлемую точку зрения: он отрицал действительность тех таинств, которые совершались рукоположенным за деньги духовенством.⁷⁴ Гумберт оказывал большое влияние на церковные дела того времени, однако окончательное признание получил иной взгляд. Он был сформулирован его союзником св. Петром Дамианом, согласно которому действие церковного таинства не зависит от личных достоинств священнослужителя и от того, каким путем он получил свой сан. Кажется, склонная к крайностям природа кардинала создавала ему и окружающим немало трудностей: однажды его появление в стенах Монте-Кассинского монастыря чуть не вызвало бунт местных крестьян, заподозривших у него желание сместить любимого ими настоятеля.⁷⁵

Гумберта часто порицают за невежество, проявившееся в выдвинутом им (седьмом по порядку) обвинении в грамоте отлучения

⁷⁰ *Will C. Op. cit.* P. 152.

⁷¹ Эти сведения восходят к самому патриарху; см.: *Ibid.* P. 167.

⁷² *Ibid.* P. 175–176.

⁷³ *Dempf A. Sacrum Imperium.* München, 1929. S. 172.

⁷⁴ *Ibid.* S. 178–179.

⁷⁵ *MGHS.* Vol. 7. P. 691.

Кирулария, где патриарху приписывалось удаление слова «Filioque» из Символа веры.⁷⁶ Однако кардинал был способен цитировать Св. Писание по-еврейски, а это было явлением исключительным.⁷⁷ Можно несколько лучше представить историко-богословские взгляды Гумберта благодаря принадлежавшим его перу «Размышлениям о происхождении Святого Духа от Отца и Сына». В них он заявил об ответственности греков за удаление «Filioque» из общего содержания веры, сопроводив этот тезис историческими пояснениями. Гумберт привел высказывания восточных отцов Церкви — свв. Афанасия Великого, Епифания Кипрского, Кирилла Александрийского, Иоанна Златоуста, — прямо или косвенно поддерживавшие идею исхождения Святого Духа как от Отца, так и от Сына.⁷⁸ (При этом он не вспомнил о позже хорошо известном письме пресвитеру Марину, которое приписывалось св. Максиму Исповеднику и в котором отождествлялись выражения «от Сына» и «через Сына».)⁷⁹ В грамоте отлучения кардинал действительно выразился совсем неверно: исчезновение представления о «Filioque» на христианском Востоке произошло вовсе не по вине Михаила Кирулария, а намного раньше. В тексте же «Размышлений» слова кардинала об отказе от «Filioque» относились не к Никейскому символу конкретно, а ко всему содержанию веры, и в таком виде они обладали определенной исторической основой.

Отлучение содержало и многие другие обвинения высшей греческой иерархии, причем все они были обозначены названиями уже давно известных ересей — таких как арианство, манихейство, николаитство и прочие.⁸⁰ В этом Гумберт следовал распространен-

⁷⁶ Will C. Op. cit. P. 153–154. О «чудовищном невежестве» Гумберта писал И. Мейендорф: *Meyendorff J. Orthodoxie et catholicité. P., 1965. P. 68.* Как достойную сожаления ошибку рассматривал седьмое обвинение в грамоте об отлучении Ф. Дворник (*Dvornik F. Op. cit. P. 12.*) Приблизительно в таком же духе высказывался об этом и С. Рансимэн (*Op. cit. P. 48.*)

⁷⁷ Will C. Op. cit. P. 100.

⁷⁸ Michel A. Op. cit. S. 99–101. Об этих случаях признания «Filioque» на Востоке в первом тысячелетии см., например: *Beck H.-G. Kirche und theologische Literatur im byzantinischen Reich. München, 1959. S. 307–308.*

⁷⁹ PG, 91. Col. 136. Молчание Гумберта, как и его западных предшественников по такого рода полемике, об этом письме свидетельствует косвенно против принадлежности того св. Максиму.

⁸⁰ С. Рансимэн в своем пересказе обвинений, содержащихся в тексте анафемы, включил в их число и греческий обычай крестить рожиц

ному приему полемических сочинений, согласно которому опровергаемое положение сводилось к перечислению уже установленных и признанных еретических учений (т. е. заведомо неправильных и осужденных Церковью). Примеры такого построения доказательств можно обнаружить уже в произведениях святоотеческого времени, скажем, в «Диспуте с Пирром» св. Максима Исповедника.⁸¹ Этот подход нередко встречается у византийских полемистов XI–XII вв., видевших в учении о «Filioque» скрытую или явную угрозу арианства, мессалианства и аполинарианства. Именно так старались доказать ошибочность западного учения Иоанн Русский,⁸² Иоанн Иерусалимский,⁸³ Николай Мефонский.⁸⁴ Использованный ими прием можно было бы назвать «*reductio ad haeresem*». Большая часть обвинений в первом отлучении (за исключением трех из девяти) могла отражать подлинные явления и события. Очевидно неверными являются обвинения в «пневматомахии» (удаление «Filioque» из Символа), «северрианстве» и «донатизме», где патриарху ставилось в вину представление о том, что закон Моисея — проклят, и лишь греческая церковь избавлена от гибели. Что же касается обвинений в симонии, перекрещивании (латинян), широком применении кастрации и прочих, то нет оснований полагать их вымышленными.

Провозглашенное кардиналом отлучение было направлено против Михаила Кирулария и Льва Охридского (вместе со всеми их сторонниками) и никоим образом не может рассматриваться в качестве установления или признания церковной схизмы.⁸⁵ В этом отно-

и умирающих детей. В действительности, однако, папские легаты обвинили своих противников в обратном, т. е. в отказе следовать этой практике. Помимо того, Рансимэн неточно передал и другой пункт анафемы, касающийся отказа византийцев быть общниками в таинствах с безбородыми священниками (в его передаче — с безбородыми мужчинами), несправедливо обвинив при этом Гумберта в лживости (*Runciman S. Op. cit. P. 48*).

⁸¹ PG, 91. Col. 289, 336–337.

⁸² См. его письмо (анти)папе Клименту в издании А. С. Павлова: *Павлов А. С. Указ. соч. С. 176, 181–182, 184*.

⁸³ Τόμος ἀγάπης. Σ. 534–535.

⁸⁴ Νικόλαος Μεθώνης. Κεφαλαίωδεις ἐλεῦχοι. Κεφ. 4–6. (Опубликованы А. Димитракопулосом: *Δημητράκοπουλος Ἄ. Ἐκκλησιαστικὴ Βιβλιοθήκη. Λεϊψία, 1886*).

⁸⁵ По словам константинопольского патриарха Афинагора, раскол «никогда не был провозглашен», а «единственное его выражение» (анафемы 1054 г.) имело «лишь местное значение» (*Клеман О. Указ. соч. С. 521*). Однако лучше было бы говорить не о «местном», а исключительно об

шении любопытно сопоставить слова императорского посла епископа Лиутпранда, веком раньше посетившего столицу на Босфоре, с отзывом папского легата Гумберта о самом городе и его жителях. Первый на прощание осыпал Константинополь поношениями (пусть и понятными после плохого приема): «Некогда богатейший и цветущий, ныне же голодный, предательский, лживый, лукавый, хищный, жадный, скупой, пустославный город».⁸⁶ Другой же не колебался называть греческую столицу «христианнейшим и православным городом».⁸⁷

В поведении римских легатов обращает на себя внимание одна странность: сразу же после отлучения Кирулария они отправились в обратный путь, совершенно не позаботившись о назначении нового представителя. Похоже, что увлекаемый чувствами кардинал и на этот раз не стал обдумывать все последствия своего поступка. С другой стороны, такое поведение может свидетельствовать о том, что Гумберт сознавал особенность канонических обычаев Восточной церкви, никак не предполагавших поставление патриарха папским легатом. Мысль назначить городу нового архиепископа взамен только что анафематствованного, оказавшаяся бы вполне естественной при схожем случае в Западной Европе, не пришла ему в голову, и на деле он спокойно оставил выбор нового патриарха на усмотрение василевса. С таким поведением кардинала согласуется то обстоятельство, что Константин Мономах одарил на прощание легатов уже *после* произнесения ими анафемы. Это явствует из «Краткого воспоминания» Гумберта;⁸⁸ о том же говорится и в «Хронике Кассинского монастыря» Льва,⁸⁹ знавшего о происшедшем от самих легатов. Таким образом, император не стал подвергать сомнению правомочность действий Гумберта — по крайней мере, на людях.

Сами же римские послы были отлучены от церковного общения лишь на созванном сразу после их отъезда небольшом соборе.⁹⁰ Прямо

«индивидуальном» значении анафем XI в., поскольку они были направлены не против поместных церквей (римской и константинопольской), а только против отдельных лиц. Это обстоятельство и было отмечено в совместном заявлении 7 декабря 1965 г. (там же, с. 478).

⁸⁶ MGH SS, vol. 3. P. 360.

⁸⁷ *Will C.* Op. cit. P. 153.

⁸⁸ *Ibid.* 151.

⁸⁹ *Chronica monasterii Casinensis* // MGH SS, vol. 7. P. 686.

⁹⁰ Ср., например: *Runciman S.* Op. cit. P. 49; *Клеман О.* Указ. соч. С. 470.

о нем сказано лишь в принадлежащем патриарху «Послании о брошенной римскими послами грамоте на святой трапезе». Согласно его тексту в указанный день «были анафематствованы хулители против православной веры». ⁹¹ Остается неясным, были ли названы поименно папские легаты (которых таковыми отказывались признать) при отлучении или же анафема имела совершенно общий характер, как это позволяют предположить приведенные слова Кирулария.

В любом случае она не была направлена против Рима, поскольку вся политика патриарха основывалась на его утверждении о «подложности» латинского посольства, будто бы отправленного не папой, а наместником Южной Италии Аргиром. Нет никаких сомнений в том, что патриарх избегал прямого выступления против основного положения западного посольства: неподсудности римского престола кому бы то ни было. ⁹² В действительности точка зрения ссылавшегося на «Константинов дар» кардинала ⁹³ в некоторых отношениях была зыбкой; тем не менее главным своим оружием патриарх избрал не прямое оспаривание этих доводов Гумберта, а заявление о подложности папских грамот и неправомочности всего посольства. Произнесенное им отлучение не сохранилось, и уже в 1089 г. в столичных хранилищах тщетно искали какие-либо сведения, удостоверяющие наличие раскола. ⁹⁴ Правда, нельзя исключать и другую возможность — византийское правительство в 1089 г. предпочло не обнаруживать никаких подтверждавших схизму сообщений, движимое в данный момент стремлением укрепить свои политические связи с Римом. Принятое уже после отъезда Гумберта решение о его отлучении, по всей видимости, оставалось неизвестным на Западе. ⁹⁵

Летом 1054 г. именно западная делегация первой объявила об отлучении от церковного общения своих противников. ⁹⁶ Тем не менее

⁹¹ *Will C. Op. cit.* P. 168.

⁹² «...ut summa sedis a nemine iudicetur» (*Will C. Op. cit.* P. 70).

⁹³ *Ibid.* P. 72–74.

⁹⁴ Таково было утверждение василевса Алексея I; см. его письмо папе Урбану II в.: *Holtzmann W. Op. cit.* S. 61.

⁹⁵ Об этом свидетельствует сам Гумберт в своей «Краткой памятной записке», упоминая лишь о желании Кирулария созвать собор, но не о самом его проведении. Какие-либо иные западные сообщения о соборе Кирулария и его решениях полностью отсутствуют.

⁹⁶ Так, о «наглой непонятливости Гумберта перед лицом Кирулария» писал когда-то И. Конгар (*Congar Y. Chrétien désunis. P.*, 1937. P. 11).

этот исключительный шаг самим послам должен был казаться лишь ответным. В написанном еще в 1053 г. письме Льва IX императору Константину Мономаху сказано, что патриарх «не побоялся анафематствовать всех, кто совершает таинства на опресноках»,⁹⁷ а в «Диалоге» Гумберта о Кируларии говорится, что он «вознамерился навязывать свое мнение первому и апостольскому престолу с наложением анафемы».⁹⁸ Совершенно очевидно, что здесь речь идет о времени, предшествовавшем приезду легатов. Однако греческие источники ничего не говорят о направленных против латинян анафемах до 1054 г. Кроме того, в послании Льва IX Кируларию патриарх, подобно Фотию, обвинялся в скоропалительном восхождении на высшие церковные ступени вопреки каноническим нормам.⁹⁹

Сообщения западных источников о произнесенных будто бы Кируларием анафемах становятся понятными, если учесть, что глагол «анафематствовать» мог использоваться и в более широком значении, чем это сейчас принято, не обязательно подразумеваемая официальное церковное отлучение. Это явствует из принадлежащей тому же кардиналу «Краткой памятной записки», согласно которой переубежденный послами Никита Стифат публично анафематствовал (anathemetizavit) собственное сочинение против опресноков и всех противников первенства римской церкви. Поскольку студийский монах никоим образом не мог обладать полномочиями провозглашать настоящую анафему, его поступок необходимо понимать просто как высказанное им открыто от своего имени осуждение. Схожие действия со стороны Михаила Кирулария могли иметься в виду и в упомянутом письме Льва IX.¹⁰⁰

Любопытно, что принявший столь деятельное участие в спорах 1054 г. Никита Стифат был доверенным лицом Симеона Нового Богослова, в чьем богословском учении С. С. Аверинцев выделил направленную против установительной власти составляющую: «Институциональный порядок не внушает Новому Богослову почтительных чувств... единственная иерархия, которая полна для него значения, и значения абсолютного, — это иерархия духовного учительства и уче-

⁹⁷ Will C. Op. cit. P. 87. Недовольство по тому же поводу выражено папой и в письме к самому Кируларию (Ibid. P. 91).

⁹⁸ Ibid. P. 94.

⁹⁹ Ibidem.

¹⁰⁰ Кроме того, нельзя исключать и возможности, что эти слова были вызваны поступлением неправильной или неточной информации с Востока.

ничества». ¹⁰¹ Именно здесь ученый видит существенную разницу между западной и восточной духовными традициями: «В этом пункте различие между западнохристианскими и восточнохристианскими мыслителями — то же, что между философией истории у Августина и философией культа у Псевдо-Ареопажита». ¹⁰² Однако различие в духовности вряд ли само по себе способствовало разрыву. Согласно «Памятной записке» Гумберта, Никита Стифат завершил свою полемическую деятельность полным примирением с легатами папского престола, признав их правоту и открыто осудив собственные антилатинские сочинения; провозглашенная им анафема была направлена и против всех тех, кто отрицал первенство римской церкви. По словам Гумберта, анафема была произнесена Стифатом дважды — первый раз в Студийском монастыре в присутствии императора, а потом во дворце Пиги. Принятый после этого нунциями в (церковное) общении, Никита стал в конце концов их близким другом. ¹⁰³ Подобное поведение Стифата выглядит тем более естественным, что ему должна была еще быть памятной попытка Кирулария отказаться от церковного поминания св. Феодора Студита, небесного покровителя Студийской обители. ¹⁰⁴

В столкновении 1053–1054 гг. дала о себе знать одна важная черта позднейшей противолатинской полемики. В письме Льва Охридского Иоанну Транийскому обрядовые особенности латинян выглядят как некое проявление иудаизма. ¹⁰⁵ Позже это обстоятельство получит больше внимания в сочинении Льва Преславского (Переяславского), по мнению которого римская церковь оказалась зараженной скрытым «иудейством» из-за вынужденных и неискренних обращений евреев. ¹⁰⁶ Об иудаизме латинян охотно писали и другие византийские участники споров, придававшие значение вопросу об опресноках. В своем списке разных обрядовых «неправильностей» западного христианства Иоанн Клавдиопольский объяснял их захва-

¹⁰¹ *Аверинцев С. С.* Философия VIII–XII вв. // *Культура Византии*. Вторая половина VII–XII вв. М. 1991. С. 46.

¹⁰² Там же. С. 48.

¹⁰³ «Sic ab eis in communionem receptus effectus est eorum familiaris amicus». См.: *Will C.* Op. cit. P. 151.

¹⁰⁴ Об этом событии упоминает Иоанн Скилица (*Synopsis historiarum*. Berlin, 1973. P. 434. См.: *Cheyvet J.-C.* Op. cit. P. 6; *Скабаланович Н.* Указ. соч., 1884. С. 643).

¹⁰⁵ *Will C.* Op. cit. P. 56–60.

¹⁰⁶ *Павлов А. С.* Указ. соч. С. 128.

том Рима вандалами и поставлением иудействующего короля.¹⁰⁷ «Иудейским служением» считал опресноки Иоанн Иерусалимский, чья беседа с безыменным латинянином заканчивается риторическим вопросом: «Не стыдно тебе, исповедуя Христа, делами являть то, что [характерно] для иудеев?»¹⁰⁸ Иоанн Антиохийский признавал допустимость западного обычая лишь для обратившихся евреев, — как своего рода послабление, — но ни в коем случае не для «италийцев».¹⁰⁹ Более категоричен был Евстратий Никейский, согласно которому нельзя жить отчасти по Ветхому, а отчасти по Новому Завету, а именно к этому вело употребление пресного хлеба на литургии христианами-латинянами.¹¹⁰ Такого рода рассуждения можно связать не столько с антисемитизмом в византийском обществе, сколько с определенным восприятием ветхозаветной части христианского Предания. Западные полемисты обращали внимание на то, что опреснок применялся еще при ветхозаветных жертвоприношениях, однако они объясняли это обстоятельство в пользу собственного обычая.¹¹¹ Как и в других схожих случаях, здесь одно и то же явление воспринималось и оценивалось совсем по-разному, в зависимости от культурной принадлежности того, кто выносил суждение. Этого рода различия, никак не будучи сами причиной для столкновения, проявились в событиях 1053–1054 гг.

¹⁰⁷ Павлов А. С. Указ. соч. С. 189.

¹⁰⁸ Τόμος ἀγάπης. Σ. 532–533, 537.

¹⁰⁹ Leib В. Op. cit. P. 251, 255–257, 260.

¹¹⁰ Δημητράκοπουλος Α. Op. cit. Σ. 100–101, 103 (см. также: Τόμος ἀγάπης. Σ. 505–506).

¹¹¹ Ср. с высказываниями по этому поводу св. Бруно из Сеньи (PL, 165. Col. 1085–1086).

З. Г. Самодурова

РОЛЬ ВИЗАНТИЙСКОЙ ШКОЛЫ В ОРГАНИЗАЦИИ СИСТЕМЫ ОБУЧЕНИЯ В ОКРУЖАЮЩИХ ИМПЕРИЮ СТРАНАХ В VII–XII вв.

Влияние византийской цивилизации на культурное развитие сопредельных стран: Болгарии, Сербии, Армении, Грузии, Древней Руси — и народов Северного Кавказа, Крыма, Сицилии, Южной Италии, Далмации — факт общеизвестный, не требующий особых доказательств. Восприятие культуры Византии способствовало дальнейшему прогрессивному развитию названных стран и народов. Византийская цивилизация послужила фундаментом, на котором народы Юго-Восточной и Восточной Европы создали свою самобытную культуру, собственные произведения по историографии, литературе, агиографии, гимнографии, философии, богословию, праву, научные трактаты, шедевры искусства и архитектуры. Перенесенные на чужеземную почву иноязычных культур духовные ценности византийской цивилизации подверглись глубокому переосмыслению и переработке и приобрели оригинальные черты под воздействием местных творческих начал.

Влияние византийской культуры было более интенсивным там, где был выше уровень образованности широких слоев населения, а следовательно, было более осознанным и восприятие византийских духовных достижений, их переосмысление и приспособление к местным условиям. Вполне вероятно прямая связь между числом людей, получивших образование, и шириной и глубиной проникновения традиций высокой византийской культуры в толщу народа сопредельных

с империей держав, хотя нет сомнения в том, что воздействие византийской цивилизации было гораздо более значительным на представителей господствующего класса, чем на широкие слои населения.

Несмотря на некоторое различие, имело место значительное сходство в культурном развитии государств — соседей империи. Главную причину данного явления усматривают в принятии христианства от Византии, открывшего широкие возможности для проникновения в среду неофитов культурных традиций империи.¹

¹ *Соколов И.* Состояние монашества в византийской церкви с половины IX до начала XIII века (842–1204). Опыт церковно-исторического исследования. Казань, 1894; *Баласчев Г.* Новые данные для истории греко-болгарских войн при Симеоне. На основании Жития Марии Новой // ИРАИК. 1899. Т. 4. Вып. 3. С. 189–220; *Успенский Ф. И.* Надпись царя Самуила // ИРАИК. 1899. Т. 4. Вып. 1. С. 1–4; *Флоринский Т. Д.* Несколько замечаний о надписи царя Самуила // ИРАИК. 1899. Т. 4. Вып. 1. С. 5–13; *Ильинский Г. А.* Грамота царя Иоанна Асеня II // ИРАИК. 1901–1902. Т. 7. Вып. 1. С. 25–39; *Мошин В.* Русские на Афоне и русско-византийские отношения в XI–XII вв. // ВВ. 1947. Т. IX. № 1. Р. 55–85; *История культуры Древней Руси.* М.; Л., 1951. С. 257, 514; *Лихачев Д. С.* Возникновение русской литературы. М.; Л., 1952. С. 119–129; *Карышковский П. О.* Балканские войны Святослава в византийской исторической литературе // ВВ. 1953. Т. VI. С. 36–71; *Левченко М. В.* Произведения Константина Багрянородного как источник по истории Руси в первой половине X в. // Там же. С. 11–35; *Он же.* Очерки по истории русско-византийских отношений. М., 1956; *Гудзий Н. К.* Литература Киевской Руси и древнейшие инославянские литературы. М., 1958; *Копыленко М. М.* Из исследований о языке славянских переводов памятников византийской литературы // ВВ. 1959. Т. XVI. С. 82–91; *Мещерский Н. А.* К вопросу о византийско-славянских литературных связях // ВВ. 1960. Т. XVII. С. 57–69; *Банк А. В.* Византия и Восток по некоторым данным прикладного искусства XI–XII вв. // XXV Международный конгресс востоковедов. Доклады делегации СССР. М., 1960; *Бартикян Р. М.* К истории взаимоотношений между Византией и Киликийским армянским государством в конце XII в. // ВВ. 1960. Т. XVII. С. 52–56; *Воронин Н. Н.* Андрей Боголюбский и Лука Хризоверг (Из истории русско-византийских отношений XII в.) // ВВ. 1962. Т. XXI. С. 29–50; *Он же.* Из истории русско-византийской церковной борьбы XII в. // ВВ. 1965. Т. XXVI. С. 190–218; *История Югославии.* М., 1963. Т. 1. С. 77–79; *Литаврин Г. Г.* Болгария и Византия в XI–XII вв. М., 1960; *Литаврин Г. Г., Каждан А. П., Удальцова З. В.* Отношения Древней Руси и Византии в XI—первой половине XIII в. // The Proceedings of the XIII-th International Congress of

Однако механизм этого воздействия на культурное развитие сопредельных с Византией держав недостаточно выяснен и изучен. Не вскрыты пока и глубинные причины усвоения духовных ценностей чужой культуры новообращенным населением соседних стран.

Byzantine Studies. L., New York, Toronto, 1967. P. 69–91; *Литаврин Г. Г.* Византия и Русь в IX–X вв. // История Византии. М., 1967. Т. 2. С. 226–236; *Он же.* Русско-византийские отношения в XI–XII вв. // Там же. С. 347–353; *Он же.* Пселл о причинах последнего похода русских на Константинополь в 1043 г. // ВВ. 1967. Т. XXVII. С. 71–86; *Литаврин Г. Г., Янин В. Л.* Некоторые проблемы русско-византийских отношений в XI–XV вв. // ИСССР. 1970. № 4. С. 32–53; *Литаврин Г. Г.* Русь и Византия в XII в. // ВИ. 1972. № 7. С. 36–52; *Он же.* Культурные связи Древней Руси и Византии в XI–XII вв. М., 1974; *Он же.* Новое исследование о востании в Паристрионе и образовании Второго Болгарского царства // ВВ. 1980. Т. 41. С. 92–112; *Он же.* Путешествие русской княгини Ольги в Константинополь: Проблема источников // ВВ. 1981. Т. 42. С. 35–48; *Он же.* О датировке посольства княгини Ольги в Константинополь // ИСССР. 1981. № 5. С. 173–183; *Он же.* Состав посольства Ольги в Константинополь и «дары» императора // ВО. М., 1982. С. 71–92; *Он же.* Древняя Русь, Болгария и Византия IX–X вв. // История, культура, этнография и фольклор славянских народов: IX Международный съезд славистов. Киев, сентябрь 1983: Доклады советской делегации. М., 1983. С. 68–71; *Он же.* Русско-византийские связи в середине X в. // ВИ. 1986. № 6. С. 41–52; *Он же.* К вопросу об обстоятельствах, месте и времени крещения Ольги // Древнейшие государства на территории СССР: Материалы и исследования, 1985 год. М., 1986. С. 49–57; *Он же.* О юридическом статусе древних русов в Византии в X столетии (Предварительные замечания) // ВО. 1991. С. 60–82; *Он же.* Условия пребывания древних русов в Константинополе в X в. и их юридический статус // ВВ. 1993. Т. 54. С. 81–92; *Он же.* Киево-Печерский патерик о работоторговцах-иудеях в Херсоне и о мученичестве Евстратия Постника // Славяне и их соседи. М., 1994. Вып. 5. С. 66–82; *Он же.* Эволюция этнического самосознания болгарской знати в эпоху византийского господства // Элита и этнос средневековья. М., 1995. С. 170–177; *Ангелов Д.* Кирил и Методий и византийската култура и политика // Сборник в чест на Кирил и Методий. София, 1963. С. 51–69; *Удальцова З. В.* Своеобразие общественного развития Византийской империи. Место Византии во всемирной истории // История Византии. М., 1967. Т. 3. С. 325–341; *Она же.* Византия и Западная Европа (Типологические наблюдения) // ВО. М., 1977. С. 3–65; *Она же.* Некоторые нерешенные проблемы истории византийской культуры // ВВ. 1980. Т. 41. С. 46–67; *Поппэ А. В.* Русские митрополии Константинопольской патриархии в XI столетии // ВВ. 1968. Т. XXVIII. С. 85–108;

Известно, что распространение и усвоение достижений науки и культуры сопредельных государств возможны только при определенных обстоятельствах, прежде всего при наличии образованных людей, которые могли бы усваивать и перерабатывать воспринятое,

Панов Б. Дејноста на Кирил и Методија во Македонија // Македонска Академија на науките и уметностите. Симпозиум 1100-годишнина од смртта на Кирил Солунски. I. Скопје, 1970. С. 163–185; *Шапов Я. Н.* Устав князя Ярослава и вопрос об отношении к византийскому наследию на Руси в середине XI в. // ВВ. 1971. Т. 31. С. 71–78; *Он же.* Византийское и южнославянское правовое наследие на Руси в XI–XIII вв. М., 1978; *Иванова Т. А.* У истоков славянской письменности (К переводческой деятельности Мефодия) // Культурное наследие Древней Руси. М., 1976. С. 24–27; *Воронин Н. Н., Жуковская Л. П.* К истории смоленской литературы XII в. // Там же. С. 69–79; *Хамм И. И.* К истории древнеславянского перевода Псалтыри // Там же. С. 359–363; *Зыков Э. Г.* «Азбучная молитва» в ее отношении к «Учительному евангелию» Константина Преславского // Там же. С. 363–368; *Мюллер Л.* Взаимотношения между опубликованными списками «Слова о Законе и Благодати» и «Похвалы Владимиру» митрополита Илариона // Там же. С. 372–379; *Диневков П. Н.* Значение Изборника Симеона-Святослава 1073 г. в развитии болгарской культуры // Изборник Святослава 1073 г. М., 1977. С. 272–279; *Ангелов Д.* Сборник Симеона и отражение в нем духовных интересов болгарского общества // Там же. С. 256–263; *Лихачева В. Д.* Византийские источники архитектурных фронтисписов Изборника 1073 г. // Там же. С. 204–216; *Мурадян П. М.* Культурная деятельность армян-халкидонитов в XI–XIII веках. Ереван, 1978; *Ариньон Ж.-П.* Международные отношения Киевской Руси в середине X в. и крещение княгини Ольги // ВВ. 1980. Т. 41. С. 113–124; Сказание о начале славянской письменности / Вступ. ст., пер. и коммент. Б. Н. Флори // Памятники средневековой истории народов Центральной и Восточной Европы. М., 1981; *Ломоури Н. Ю.* К истории грузинского Петрицонского монастыря (Бачковский монастырь в Болгарии). Тбилиси, 1981; Развитие этнического самосознания славянских народов в эпоху раннего средневековья. М., 1982; *Лордкипанидзе М. Д.* О византино-грузинских культурных взаимоотношениях VII–XIII вв. // ВО. 1982. С. 160–182; *Vavřínek V., Zástěrová B.* Byzantium's Role in the Formation of Great Moravian Culture // BS. 1982. Т. XLIII. Fasc. 2. P. 171–188; *Божилев И.* Цар Симеон Велики (892–927): Златният век на Средновековна България. София, 1983; *Виноградов В. Б., Мамаев Х. М.* К изучению византийско-северокавказских связей (по археологическим материалам Терско-Сулакского междуречья) // ВВ. 1983. Т. 44. С. 190–195; *Сериков Н. И.* О некоторых аспектах подхода к исследованию арабо-византийских отношений X–XI вв. в современной зарубежной

приспосабливая его к условиям своей страны. Задача состоит, следовательно, в изучении как путей проникновения византийской культуры к окружающим народам, так и причин сходства в культурном развитии государств, расположенных на противоположных границах Византии и не имевших непосредственных контактов. Прежде всего — в контексте культурных взаимоотношений Византии с сопредельными странами — следует рассмотреть вопрос о конкретных лицах (так сказать, «культуртрегерах»), которые знакомили соседние народы с духовными ценностями византийской цивилизации. Кем они были? По-видимому, они получили одинаковое по своему содержанию образование, посещали сходные по своей организации и характеру школы, учились по аналогичным учебникам, проходили один и тот же курс обучения, читали одни и те же книги. Иначе говоря, в сопредельных с Византией странах были люди, знающие греческий язык и знакомые с программой и содержанием курса обучения византийских образовательных учреждений, что и позволяло им пропагандировать у себя на родине усвоенные ими культурные достижения Византии.

историографии // Там же. С. 246–251; *Pannonopt П. А.* О роли византийского влияния в развитии древнерусской архитектуры // ВВ. 1984. Т. 45. С. 185–191; *Actes d'Iviron. I. Des origines au milieu du XIe siècle / Édition diplomatique par J. Lefort, N. Oikonomidès, D. Papachryssanthou avec la collaboration d'Н. Métréveli. Texte. P., 1985; Tinnefeld F.* Die russische Fürstin Olga bei Konstantin VII und das Problem der «purpurborenen» Kinder // *Russia Mediaevalis. München, 1987. Bd. VI. I. S. 30–37; Карпозилос А.* Рос-Дромиты и проблема похода Олега против Константинополя // ВВ. 1988. Т. 49. С. 112–118; *Чолова Ц.* Естественонаучните знания в средновековна България. София, 1988; *Поляковская М. А., Чекалова А. А.* Византия: быт и нравы. Из-во Уральского ун-та, 1989; *Назаренко А. В.* Когда же княгиня Ольга ездила в Константинополь? // ВВ. 1989. Т. 50. С. 66–83; *Алексидзе А. Д.* Византия—Кавказ: Некоторые аспекты культурных взаимосвязей // Византиноведческие этюды. Тбилиси, 1991. С. 3–12; *Барамидзе А. Г., Миминошвили Р. С.* Корнелий Кекелидзе и грузино-византийские литературные взаимосвязи // Там же. С. 13–20; *Шанидзе М. А.* Грузинский гомилетический сборник XII века, как пример грузино-византийских культурных связей // Там же. С. 33–40; *Арутюнова-Фидания В. А.* Армяно-византийская контактная зона (X–XI вв.): Результаты взаимодействия культур. М., 1994; *Она же.* Этно-конфессиональное самосознание армяно-византийской знати в XI–XII вв. // Элита и этнос средневековья. М., 1995. С. 178–188; *Бибиков М. В.* К вопросу об иноземцах в Византийской государственной элите // Там же. С. 135–148.

Возникает вопрос, где они могли приобрести подобные знания? В школах Византии (прежде всего Константинополя), либо у себя на родине в учебных заведениях, созданных или выходцами из империи, или вернувшимися домой воспитанниками византийских учителей?

Поиск ответа на эти вопросы наталкивается на чрезвычайные трудности, обусловленные прежде всего состоянием источников. Несмотря на благоговейное отношение византийцев к образованию и образованным людям, сведения об учениках и учителях весьма редки. Еще К. Крумбахер в своей «Истории византийской литературы» указывал на скудость известий византийских писателей о конкретных школьных буднях и на недостаточное внимание к ним современников.² Действительно, мы располагаем лишь фрагментарными данными об учебных заведениях империи, школярах и об изучавшемся ими курсе наук. В исторических сочинениях упоминания о школах случайны, спорадичны и скудны. Более подробные свидетельства встречаются в житиях святых, в которых, как правило, имеется раздел, посвященный ранним годам жизни героя, где сообщается о его воспитании, происхождении и месте рождения. Относительно богатый материал содержат памятники эпистолографии и риторики, дошедшие до нас в огромном количестве, поскольку все выдающиеся византийские деятели культуры сочиняли послания, отправляемые по разным адресам, и произносили речи по любому торжественному случаю. Михаил Пселл в своих энкомиях, монодиях и эпитафиях, посвященных своим современникам, порой упоминает, откуда прибыли его герои.³ Особенно ценные свидетельства находятся в его корреспонденции.⁴ Не менее важные сведения сообщают в своих речах и посланиях и Михаил Италик,⁵ и Феофилакт Болгарский,⁶ и многие другие виднейшие представители культуры Византии.⁷ Впрочем, авторы этих сочинений, хотя иногда и упоминают о своих учениках,

² *Krumbacher K.* Geschichte der byzantinischen Litteratur von Justinian bis zum Ende des oströmischen Reiches (527–1453). München, 1897. S. 591.

³ MB. IV. P. 9; V. P. 439, 508–510; Mich. Ps. Scr. min. I. P. 50–53.

⁴ Mich. Ps. Scr. min. T. I–II.

⁵ *Michel Italikos.* Lettres et discours / Éd. par P. Gautier // Archives de l'Orient chrétien. P., 1972. T. 14.

⁶ PG. T. 126. Col. 308–557.

⁷ *Garzya A.* Literarische und rhetorische Polemiken in der Kommenenzite // BS. 1973. T. 34. S. 1–14; *Karpozelos A.* Realita in Byzantine Epistolography X–XII centuries // BZ. 1984. Bd. 77. S. 20–37.

однако они редко указывают на их этническое происхождение, так что весьма трудно составить ясное представление об этническом составе обучающихся в учебных заведениях как в империи, так и за ее пределами.

Что касается ценных свидетельств по изучаемому вопросу, принадлежащих перу армянских, грузинских и других восточных писателей, то они привлекаются нами либо в переводах на русский, английский, французский и немецкий языки, либо по трудам специалистов (армяноведов, грузиноведов, востоковедов), рассматривающих проблемы культуры и образования.

Определенные затруднения возникают перед исследователями также в связи с необходимостью строго учитывать постоянно меняющийся статус сопредельных с Византией стран, которые то приобрели независимость от империи, то теряли ее, т. е. выступали то как суверенные государства, то как провинции Византии.⁸

⁸ *Еремян С. Т.* Присоединение северо-западных областей Армении к Византии в XI в. // ВОН. 1971. № 3. С. 4–15; *Юзбашян К. Н.* Некоторые проблемы изучения армяно-византийских отношений // Там же. С. 36–45; *Арутюнова В. А.* К вопросу об армяно-халкидонитах // Там же. С. 85–98; *Арутюнова-Фиданян В. А.* Армяно-халкидониты на восточных границах Византийской империи (XI в.). Ереван, 1980; *Она же.* К вопросу о термине «Восток» в конце X–XI вв. // ВО. 1982. С. 114–147; *Она же.* Терминологическое обозначение новой социально-административной структуры на востоке Византийской империи (X–XI вв.) // ВВ. 1992. Т. 53. С. 43–52; *Она же.* Армяно-византийская контактная зона (X–XI вв.). Результаты взаимодействия культур: Автореферат на соискание ученой степени доктора исторических наук. М., 1990. С. 5; *Она же.* Этно-конфессиональное самосознание армяно-византийской знати... С. 178–188; *Степаненко В. П.* К идентификации личности веста «Матиане Картлиса» // ВВ. 1980. Т. 41. С. 163–172; *Он же.* Ипшаны Эдессы и внешнеполитическая ориентация города в 70-х годах XI – начале XII в. // ВВ. 1984. Т. 45. С. 87–94; *Он же.* Равнинная Киликия во взаимоотношениях Антиохийского княжества и княжества Рубенидов в 10–40-х годах XII в. // ВВ. 1988. Т. 49. С. 119–126; *Он же.* Византия и гибель графства Эдесского (1150 г.) // ВВ. 1989. Т. 50. С. 85–92; *Он же.* Цицилия, «Дама Тарса и сестра короля» (Равнинная Киликия в составе Антиохийского княжества. 1108–1137 гг.) // ВВ. 1990. Т. 51. С. 119–123; *Он же.* Киликийский вопрос в международных отношениях в 50–70-х годах XII в. // ВВ. 1991. Т. 52. С. 127–135; Раннефеодальные государства на Балканах в VI–XII вв. М., 1985; *Литаврин Г. Г.* Эволюция этнического самосознания болгарской знати... С. 171.

Все это, разумеется, сильно осложняет работу по выявлению влияния византийской системы образования как одного из важнейших рычагов воздействия византийской цивилизации на соседние страны. Поэтому и конкретный материал, и сделанные на его основе заключения в данной статье во многом неполны и, конечно, не отражают всего разнообразия взаимоотношений Византии и пограничных стран в сфере просвещения. Тем не менее собранные данные позволяют очертить хотя бы главные контуры картины и наметить основные направления «культуртрегерской» деятельности византийцев в сопредельных государствах.

В глазах окружающих Византию соседей она была наследницей достижений греко-римской цивилизации, центром культуры, науки и просвещения. В ее городах они находили немало учителей, глубоко проникших в тайны античных знаний. Поэтому молодые люди, представители всех народов ойкумены, стекались в столицу империи — Константинополь со всех концов земли, стремясь приобщиться к накопленным здесь как христианским, так и светским духовным и культурным ценностям.⁹

В «Житии» Афанасия Афонского упоминается о том, что в основанную им на Афоне Лавру приезжало множество народа не только со всех концов империи, но и из соседних государств: из Италии (Рима, Калабрии, Амальфи), из Греции, Фессалии, Эпира, Македонии, Фракии, из придунайских областей, из Малой Азии, Грузии и Армении и из еще более отдаленных стран. Одни являлись для того чтобы принять благословение, другие — спросить о предметах, малоизвестных и вызывающих сомнение. Афанасий всех ласково принимал и наставлял своими душеполезными беседами. Никто не уходил от него без пользы. Если учесть, что до своего пострижения в монахи св. Афанасий был руководителем и преподавателем в одной из школ Константинополя, где обучал юношей «внешней мудрости», т. е. светским дисциплинам, то вполне вероятно, что и в Лавре на Афоне он продолжал свою педагогическую деятельность. Именно в Лавру,

⁹ Рудаков А. П. Очерки византийской культуры по данным греческой агиографии. М., 1917. С. 4–5, 102–103, 110–112, 252; *Browning R. Byzantine Scholarship // Past and Present.* 1964. № 28. P. 13–14; Сказание... С. 12, 14–15, 23, 73, 86–87, 103–113; *Лев Диакон.* История / Пер. М. М. Копыленко, статья М. Я. Сюзюмова, коммент. М. Я. Сюзюмова, С. А. Иванова. М., 1988. С. 37–38, 41, 140–141, 143–145, 151, 184, 187; *Поляковская М. А., Чекалова А. А.* Указ. соч. С. 12–13, 31; *Арутюнова-Фиданян В. А.* Контактная зона... С. 25, 27.

к св. Афанасию пришли Иоанн Ивир и его сын Евфимий со своими спутниками и стали его учениками. В Лавре св. Афанасия после его смерти насчитывалось до 700 монахов: среди них были грузины и армяне, русские и сербы, греки и латиняне.¹⁰

Многоязычным был и состав Лаврского монастыря, во главе которого стоял Павел. Его высоконравственная жизнь привлекала к нему очень многих приверженцев монашеской жизни и из старого Рима, и с Крита, и из Болгарии. Он принимал всех, разъяснял правила богослужения и рассказывал о подвигах иноков.¹¹

В Ивирскую обитель во второй половине XI в. Георгий Агиорит вез из Грузии 80 сирот, родители которых погибли во время нашествия сельджуков. Когда он их доставил в Константинополь, Константин X Дука возместил понесенные им расходы. После смерти Георгия в византийской столице помощь детям оказывал священник Петр, его ученик. В хрисовуле, опубликованном по этому поводу, император приказал воспитывать их при Ивирском монастыре, запретил изгонять их и причинять им вообще какой-нибудь вред.¹² Весьма

¹⁰ *Помяловский И.* Житие преподобного Афанасия Афонского // Записки СПб. ун-та. Ист.-филолог. ф-та. СПб., 1895. Т. 35. С. 1–112; *Petit L.* Vie de Saint-Athanase l'Athonite // АВ. 1906. Т. 25. Р. 12–87; *Lemerle P.* La Vie ancienne de saint Athanase l'Athonite composée au début du XIe siècle par Athanase de Lavra // Le Millénaire du Mont Athos. 963–1963. Chevetogne, 1963. Т. 1. Р. 59–100; *Leroy J.* Les deux vies de Saint Athanase l'Athonite // АВ. 1964. V. 82. Р. 409–429; Actes de Lavra. P. I / Éd. P. Lemerle, N. Svoronos, A. Guillou, D. Papachryssanthou. Texte. P., 1970. P. 41–42; Actes du Prôtaton / Éd. D. Papachryssanthou. P., 1975. P. 83–84; Actes d'Iviron. I. P. 19–21, 34–37, 135–136; *Соколов Ив.* Указ. соч. С. 223–229, 242, 498; *Рудаков А. П.* Указ. соч. С. 66–67, 102, 230; *Fuchs F.* Die höheren Schulen von Konstantinopel im Mittelalter. Leipzig; B., 1926. S. 21; *Мошин В.* Указ. соч. С. 58; *Lemerle P.* Élèves et professeurs à Constantinople au Xe siècle. P., 1969. P. 11–14; *Idem.* Le premier humanisme byzantin. P., 1971. P. 257–260; *Speck P.* Die Kaiserliche Universität von Konstantinopel. Präzisierungen zur Frage des höheren Schulwesens in Byzanz im 9. und 10. Jh. München, 1974. S. 36–39, 41–42; *Mango C.* Byzantium: The Empire of New Rome. L., 1980. P. 141–142; *Wilson N. G.* Scholars of Byzantium. Baltimore, 1983. P. 141–142.

¹¹ *Васильевский В. Г.* О жизни и трудах Симеона Метафраста: Житие Павла Лаврского // ЖМНП. 1880. Ч. ССХII. С. 416–423; *Соколов Ив.* Указ. соч. С. 19, 90–94.

¹² Actes d'Iviron. Т. II / Éd. J. Lefort, N. Oikonomidès, D. Papachryssanthou avec la collaboration de V. Kravari et d'Н. Métrévéli. P., 1990. P. 20; Т. I. P. 50–53.

вероятно, что их должны были обучать и основам грамоты. Предположение об обучении детей в Ивиране навыкам чтения и письма находит подтверждение в том, что среди монахов-свидетелей, собственноручно подписавших заключенные монастырями договоры, немало представителей данной обители.¹³ Ее настоятели, начиная с первого — Иоанна Ивира, всегда имели учеников. Воспитанников имели и монахи, жившие в отдельных кельях. Правда, число их питомцев было ограничено: им разрешалось иметь не более 6–10 учеников.¹⁴ В Ивиурской обители получили образование многие грузинские учителя, прославившиеся впоследствии у себя на родине на ниве просвещения.¹⁵ В Ивиурском монастыре подвизались не только иноки — грузины, но бок о бок с ними жили и, по-видимому, учились также греки (главным писцом греческих манускриптов скриптория Ивирона был монах-грек Феофан), армяне,¹⁶ авазги, лазы.¹⁷

На Афоне, как известно, проживали представители многих народностей, исповедующих восточное христианство. Преподобный Савва Сербский, описывая погребение своего отца, инока Симеона, говорит, что в его отпевании принимали участие греки, грузины, русские, болгары, сербы — монахи афонских монастырей. Кроме них, на св. Горе обитали латиняне, армяне, авазги, лазы и др.¹⁸

Итальянскими монахами, выходцами из города Амальфи, в конце X в. на Афоне был основан монастырь. Его название τοῦ Ἀμαλφῆνιου впервые было зафиксировано в акте прота Никифора от 1010 г.¹⁹ Однако еще раньше в дарственной грамоте Афанасия Афонского от декабря 984 г. среди свидетелей, подтверждающих законность сделки, указаны имена двух монахов, подписавшихся по-латыни: Иоанна и Арсения.²⁰ Эти же сигнатуры повторяются и в акте прота Фомы от 985 г.²¹ Если имя Арсения больше не упоминается в афонских актах, то подписи Иоанна, аббата Амальфийского монастыря, встречаются еще в трех документах Лавры св. Афанасия: в акте прота Иоанна от 991 г., в акте прота Никифора от 1012 г. и в грамоте-поручительстве

¹³ Actes d'Iviron. I. P. 224, 250.

¹⁴ Ibid. P. 6, 8, 10, 34, 68–70, 184, 193–195, 197, 206.

¹⁵ Соколов Ив. Указ. соч. С. 520–521.

¹⁶ Actes d'Iviron. I. P. 34–35, 50–53.

¹⁷ Соколов Ив. Указ. соч. С. 230–231.

¹⁸ Там же. С. 229, 237, 263–264.

¹⁹ Actes de Lavra. I. P. 140.

²⁰ Actes d'Iviron. I. P. 137–140.

²¹ Ibid. P. 137, 151.

Николая, игумена Афонской обители св. Ильи от 1016 г.²² Одним из главных занятий монахов-амальфитян были перевод сочинений византийской литературы на латынь и переписка их. Наряду с этим они копировали и оригиналы трудов греческих мыслителей. Рукописи, созданные в Амальфийском монастыре, не только оставались в его библиотеке, но и отсылались в Италию и другие западные страны. Это способствовало распространению византийского влияния на западное монашество.²³

Часто посещали Афон и русские паломники. Одним из первых побывал на Афоне будущий наставник русских иноков Антоний (его светское имя неизвестно), происходивший из г. Любеча. С юных лет мечтая посвятить себя духовной жизни, он отправился в Византию, в ее столицу Константинополь, откуда перешел на Афон. Игумен одной из афонских обителей постриг его, дал ему имя Антоний и обучил правилам монашеского общежития. После возвращения на родину Антоний поселился в пещере на берегу Днепра. Позднее к нему присоединились Никон Великий, Феодосий Печерский и другие люди, стремящиеся стать монахами, положив тем самым начало Киево-Печерскому монастырю.²⁴

Однако русские паломники не ограничивались простым посещением св. Горы. Некоторые из них желали поселиться там постоянно. В результате этого по договоренности между правителями Византии и Киевской Руси на Афоне возник русский монастырь. Он был основан, по-видимому, на рубеже X–XI вв. или в самом начале XI в. Впервые о нем сообщается в датируемой 1016 г. грамоте-поручительстве Николая, настоятеля обители св. Ильи. Среди 22 заверивших подлинность данного документа представителей афонских обителей упомянут и игумен русского монастыря Герасим. По мнению рецензентов нового издания «Актów Лавры св. Афанасия» А. П. Каждана

²² Actes de Lavra. I. P. 122, 148, 155.

²³ См. выше раздел: *Уколова В. И., Бородин О. Р.* Византия и Запад: культурные отношения в VII–XII вв. С. 105–139.

²⁴ КПП. С. 11–14; *Соколов Ив.* Указ. соч. С. 245–246; *Шахматов А. А.* Житие Антония и Печерская летопись // ЖМНП. 1898. Март. Отд. 2. С. 105–149; *Розанов С. П.* К вопросу о Житии преподобного Антония Печерского // ИОРЯС за 1914. 1915. Т. 19. Кн. I. С. 34–46; *Мошин В.* Указ. соч. С. 58–61; *Творогов О. В.* Житие Антония Печерского // Словарь книжников и книжности Древней Руси / Отв. ред. Д. С. Лихачев. Л., 1987. Вып. 1. С. 135–136; *Федотов Г.* Святые Древней Руси. М., 1990. С. 53.

и Б. Л. Фонкича: «подпись Герасима Русского сделана твердой рукой грамотного человека, отнюдь не чуждого византийской образованности (в отличие от многих сигнатур на том же документе)». Первоначально русскими на Афоне был основан монастырь, называвшийся Ксилургу. Он был небольшим и не мог вместить все возрастающее число желающих стать монахами. Поэтому они обратились с просьбой к проту Иоанну, который передал им обитель св. великомученика Пантелеимона. Монахи переселились в нее в 1169 г., оставив в своем владении и монастырь Ксилургу. Оба созданных на Афоне русских монастыря сыграли важную роль в духовном просвещении Киевской Руси. Их обитатели, помимо хозяйственных работ, занимались переводом греческих книг на славянский язык и их копированием. Манускрипты, подготовленные в большом количестве, не только оставались в библиотеках монастырей, но и распространялись в славянских государствах. Паломники, прибывающие на св. Гору, знакомились с правилами монастырского общежития, с подвигами святых, более углубленно изучали догматы христианского вероучения. По возвращении домой они, как правило, передавали приобретенные ими знания своим соотечественникам. Таким образом, русские монастыри на Афоне выполняли важную задачу по просвещению вновь обращенных и приобщению их к семье христианских народов.²⁵

Такое же значение для культурного развития Сербии и Болгарии, что и русские обители для Киевской Руси, имели два славянских монастыря: Хиландарский и Зографский. Первый был основан в конце XII в. великим жупаном Стефаном (ок. 1168–1196 гг.), принявшим при пострижении имя Симеон. Связь Хиландарского монастыря со своими соотечественниками была весьма тесной и не прекращалась до самого падения Сербского государства.²⁶

Зографский монастырь был создан между 1046–1049 гг. болгарскими монахами во главе с игуменом Иоанном. Прибыв на Афон, они остановились в небольшой обители, основанной еще в 911 г. греческим иноком Георгием Зографом, и превратили ее в один из веду-

²⁵ Actes de Lavra. I. P. 151–155; *Соколов Ив.* Указ. соч. С. 254–257, 245–246; *Мошин В.* Указ. соч. С. 61–67; *Литаврин Г. Г.* Русско-византийские отношения в XI–XII вв. С. 347; *Каждан А. П., Фонкич Б. Л.* Новое издание Актов Лавры и его значение для византиноведения // ВВ. 1973. Т. 34. С. 53.

²⁶ *Соколов Ив.* Указ. соч. С. 258–261, 521; *Мошин В.* Указ. соч. С. 57–58.

щих монастырей Афона — центр духовного просвещения болгар. Его обитатели многое сделали для развития культуры, искусства и литературы своей родины. В его стенах монахи получали необходимое образование: им преподавали христианские догматы, элементы грамотности и греческий язык. Из них готовили переводчиков византийских сочинений, скрипторов, копировавших и греческие и славянские книги, священнослужителей, которые наставляли и обучали своих прихожан, знакомили с основами христианского вероисповедания. Занимаясь переводами памятников византийской религиозной литературы и перепиской их, болгарские монахи-книгописцы способствовали широкому распространению их не только в самой Болгарии, но и в соседних странах, исповедующих православие: Сербии, Влахии, Молдавии, Киевской Руси. Этим они способствовали и просвещению окружающих народов.²⁷

Из сказанного видно, что прав был биограф Георгия Агиорита, назвавший Афон «духовными Афинами и рассадником просвещения».²⁸

Ученики-чужестранцы обучались не только в монастырях, но и у светских преподавателей. Михаил Пселл в речи, произнесенной перед патриархом Михаилом Кируларием, называет в числе своих учеников «кельтов», арабов, египтян, персов, эфиопов. Слава о его даре преподавателя, по его собственным словам, распространилась так широко, что в Константинополь устремились люди со всех концов империи, а также из Западной Европы, Багдадского и Египетского халифатов, с Кавказа.²⁹ Одного из его учеников сирийца Петра Ливеллессия, приехавшего в Константинополь из Антиохии, Михаил Атталиат прославляет как знатока «ромейской» и «сарацинской

²⁷ Соколов Ив. Указ. соч. С. 242, 257, 518–519; Мошин В. Указ. соч. С. 57–58; Гюзелев В. Училища, скриптории, библиотеки и знания в България. XIII–XIV век. София, 1985. С. 64–65, 69, 122, 144, 149, 151–152, 158, 230–231.

²⁸ Соколов Ив. Указ. соч. С. 216, 248, 263–264, 518–523; Ильинский Г. А. Значение Афона в истории славянской письменности // ЖМНП. 1908. Т. XVII. Кн. 10. С. 1–41; Мошин В. Указ. соч. С. 57–67; Гюзелев В. Указ. соч. С. 69, 122, 231.

²⁹ МВ. IV. Р. 9; V. Р. 508–510; Скабаланович Н. Византийская наука и школы в XI в. // Христианское чтение. 1884. № 3–4. С. 358; Fuchs F. Op. cit. S. 31–33; Hussey J. M. Church and Learning in the Byzantine Empire 867–1185. Oxford; L., 1937. P. 64; Wilson N. G. Op. cit. P. 148, 156, 160, 164–165.

наук». ³⁰ Возможно, учениками Михаила Пселла были также араб Абу-Хасан-ал-Мохтар, прибывший в Константинополь из Багдада и находившийся в столице около 1050 г., ³¹ и армянин Григорий Магистр, которого Матфей Эдесский характеризует как человека, «сведущего во всех науках». Во время пребывания в Константинополе Григорий Магистр наряду с занятиями с преподавателем работал над переводами «Диалогов» Платона, в том числе «Тимея» и «Федона», и сочинений Евклида. Тем самым он значительно обогатил свою родную литературу и способствовал ознакомлению армян с трудами античных мыслителей. ³² Вероятно, этих лиц и имел в виду Михаил Пселл, когда говорил об учениках — выходцах из разных стран.

Безусловно, самым знаменитым из питомцев Михаила Пселла был Иоанн Итал, будущий ипат философов и преемник учителя по преподаванию в философской школе. Хотя его нельзя назвать иностранцем, поскольку он происходил из Южной Италии, составляющей часть империи, тем не менее его нельзя безоговорочно причислять и к ромеям. Он был сыном норманнского наемника и местной женщины, родом италийки. Приехав в Константинополь около 1050 г. при Константине Мономахе, Иоанн Итал стал посещать занятия, которые вел Михаил Пселл, и приобрел энциклопедические познания по риторике и философии. Однако, как отмечает Анна Комнина, Иоанн Итал говорил и писал с некоторыми solecизмами и ошибками как иностранец. ³³

Как преподаватель Иоанн Итал, «чрезвычайно образованный», по словам Анны Комнины, «и весьма искушенный в сложнейшей перипатетической философии и диалектике», был не менее популярен, чем его учитель Михаил Пселл. Его лекции, на которых он толковал труды

³⁰ Attal. P. 110–111; Cont. Joan. Scylitz. P. 129; *Каждан А. П.* Социальные воззрения Михаила Атталиата // ЗРВИ. 1976. Кн. 17. С. 24; *Wilson N. G.* Op. cit. P. 164–165.

³¹ MB. IV. P. 9; *Fuchs F.* Op. cit. S. 31.

³² *Fuchs F.* Op. cit. S. 31; *Wilson N. G.* Op. cit. P. 164.

³³ Mich. Ps. Scr. min. I. P. 50–53; *Ann. Comn.* II. P. 32–37; *Анна Комнина.* Алексиада / Вступ. ст., пер., коммент. Я. Н. Любарского. М., 1965. С. 171–174, 510–511; *Скабаланович Н.* Указ. соч. С. 367–369; *Успенский Ф. И.* Очерки по истории византийской образованности. СПб., 1891. С. 151, 157–189; *Hussey J. M.* Op. cit. P. 90, 92–93; *Browning R.* Enlightenment and repression in Byzantium in the eleventh and twelfth Centuries // PP. 1975. V. 69. P. 11–12, 14; *Mango C.* Op. cit. P. 144; *Wilson N. G.* Op. cit. P. 153–156.

Аристотеля, Платона, а также неоплатоников Порфирия, Ямвлиха, Прокла привлекали множество студентов, которые слушали его с глубоким вниманием и благоговением и принимали активное участие в дискуссиях, возникавших по неясным для них философским вопросам.³⁴

Среди его учеников были и выходцы из сопредельных государств. Самым выдающимся из них был Иоанн Петрици, создатель грузинской неоплатонической философской школы. После осуждения Иоанна Итала в 1083 г. Иоанн Петрици поселился в Петрицонском монастыре, а затем вернулся в Грузию. В своих сочинениях он стремился доказать истинность христианских догм с помощью античной философии. Особое внимание он уделял знакомству с доктринами Аристотеля, Платона и неоплатоников, высоко ценил «Органон», «Физику», «Метафизику» Стагирита, которые рассматривал как ступени на пути к познанию идей Платона и усвоению его системы взглядов. Не останавливаясь на этом, грузинский мыслитель изучал трактаты Плотина, Ямвлиха и «бесподобного» Прокла, труды которого он считал вершиной философии. Иоанн Петрици перевел фундаментальный труд Прокла «Первоосновы теологии», снабдив его обширными комментариями, намного превышающими оригинал. «Толкования» Иоанна Петрици были предназначены для «обучающихся любознательности» студентов основанной Давидом Строителем Гелатской академии. В них сжато и конспективно излагались основы теологии, ее кардинальные догматы и элементы, т. е. исходные принципы доктрины Платона.³⁵

³⁴ *Апп. Сотп.* II. P. 33–37; *Анна Комнина.* С. 171–174; *Успенский Ф. И.* Очерки... С. 176–177; *Он же.* Делопроизводство по обвинению Иоанна Итала в ереси // ИРАИК. 1897. Т. II. С. 1–10; *Hussey J. M.* Op. cit. P. 71, 90–94; *Кечакмадзе Н. Н.* Грамматико-логический трактат Иоанна Итала // ВВ. 1967. Т. XXVII. С. 197–205; *Она же.* Из истории общественной мысли Византии в XI в. // ВВ. 1969. Т. XXIX. С. 170–176; *Browning R.* Courants intellectuels et organisation scolaire à Byzance au XIe siècle // ТМ. 1976. Т. 6. P. 220–221; *Lemerle P.* «Le gouvernement des philosophes»; notes et remarques sur l'enseignement, les écoles, la culture // *Lemerle P.* Cinq études sur le XIe siècle byzantin. P., 1977. P. 225, 247; *Mango C.* Op. cit. P. 144; *Wilson N. G.* Op. cit. P. 153–156.

³⁵ *Петрици.* Рассмотрение платоновской философии и Прокла Диадоха. М., 1984; *Март Н. Я.* Иоанн Петрицкий, грузинский неоплатоник XI–XII вв. // ЗВОРАО. 1909. Т. 19. Вып. 2–3. С. 56; *Тевзадзе Г.* Иоанн Петрици и античное философское наследие // Философские науки. 1977. № 2. С. 162; *Ломоури Н. Ю.* Указ. соч. С. 7, 66–67, 75; *Лорджипанидзе М. Д.*

На рубеже XI–XII вв. в Константинополе при орфанотрофии св. Павла была открыта грамматическая школа императором Алексеем I. Она предназначалась для обучения детей, потерявших родителей, и сыновей неимущих. Ее посещали не только греки, но и «латиняне» и «скифы», собранные, по выражению Анны Комнины, «из различных стран». По приказу ее основателя воспитанники должны были получать здесь общее образование (ἐγκύκλιον παιδείαν).³⁶

От XII в. мы имеем еще одно свидетельство об обучении в Константинополе иностранцев. В одном из посланий виднейшего преподавателя риторики и философии Михаила Италика сообщается о множестве студентов, приехавших к нему на занятия. Они были представителями разных «народов и племен». Преподавал он им не только элементы грамматики, но и «высшие науки» и даже медицину.³⁷

Получали образование в Константинополе и прибывавшие из сопредельных стран жены царствующих особ: Мария Аланская, супруга Михаила VII Дуки и Никифора III Вотаниата;³⁸ севастократорисса

Указ. соч. С. 168–170; *Алексидзе А. Д.* Указ. соч. С. 11; *Меликишвили Д. Н.* Христологические интерпретации онтологической системы Прокла Диадоха в богословии Иоанна Петрици (Истинно-сущее — Сын-Логос) // *Византиноведческие этюды.* Тбилиси, 1991. С. 41–48; *Махарадзе Н. А.* Термин ἐτυμολογία (этимология) и его древнегрузинские эквиваленты // Там же. С. 90–94.

³⁶ *Ann. Comn.* III. P. 214, 218–219; *Zonar.* III. P. 745; *Анна Комнина.* С. 416–419, 618–619; *Рудаков А. П.* Указ. соч. С. 99–100; *Fuchs F.* Op. cit. S. 56–57; *Browning R.* The Patriarchal School at Constantinople in the twelfth Century // *Byz.* 1962. Т. 32. P. 176; Т. 33. P. 20–22; *Darrouzès J.* Recherches sur les offices de l'Église byzantine. P., 1970. P. 77; *Каждан А. П.* Книга и писатель в Византии. М., 1973. С. 57; *Литаврин Г. Г.* Как жили византийцы. М., 1974. С. 146–147; *Lemerle P.* «Le gouvernement des philosophes...» P. 233.

³⁷ *Пападимитриу С. Д.* Феодор Продром: Историко-литературное исследование. Одесса, 1905. С. 162–163; *Fuchs F.* Op. cit. S. 38.

³⁸ *Mich. Ps.* II. P. 177; PG. T. 126. Col. 260; *Fuchs F.* Op. cit. S. 40; *Leib B.* La Paideia Basilikè de Théophylacte, archevêque de Bulgarie, et sa contribution à l'histoire de la fin du XIe siècle // *REB.* 1953. Т. 11. P. 198–200; *Idem.* Quelques aspects de l'éducation à Byzance au XIe siècle (D'après l'Alexiade d'Anne Comnène) // *BS.* 1960. Т. 21. № 1. P. 39; *Гукова С. Н.* Развитие космографических идей в Византии: проблемы источниковедения. Дисс... канд. ист. наук. Л., 1985. С. 77; *Литаврин Г. Г.* Феофилакт Ифест (ок. сер. XI–ок. 1125). Слово к багрянородному государю Константину //

Ирина, жена Андроника, сына Иоанна II Комнина;³⁹ Ирина-Берта Зульцбахская, супруга Мануила I, родственница германского императора Конрада III.⁴⁰ Две первые были восточного происхождения. Современники прославляли их красоту и образованность. Специально для Марии Аланской Евстратий Никейский составил трактат по географии и космографии, для севастократориссы Ирины ее учитель Феодор Продром написал грамматику греческого языка, которая дошла до нас. Познаниями последней в грамматике, поэтике, риторике и философии восхищались Константин Манасси, Иоанн Цец, Феодор Продром. Они отмечали ее знакомство с произведениями Гомера, Гесиода, Гермогена, Демосфена, Аристотеля, Платона и других античных писателей, считали ее женщиной разумной и сравнивали с Афиной.

Для получения знаний в Византию приезжали не только невесты отпрысков императорской фамилии — сюда стремились и представители других социальных групп сопредельных держав. В VII в. в Константинополь отправляется Анания Ширакаци, получивший первоначальное образование у себя на родине, где он усвоил «всю литературу армянского народа и Св. Писания». Из-за отсутствия в Армении учителей, которые могли бы преподавать ему философию и науку чисел, он отправляется в византийскую провинцию Четвертую Армению. Здесь Анания стал заниматься математикой с Христомодотом. Однако знания того оказались недостаточными, и Анания вынужден был отбыть в Константинополь для продолжения образования. По дороге в столицу он узнает об отсутствии и там в данное время хорошо

Антология педагогической мысли христианского Средневековья. М., 1994. Т. II. С. 22–23, 32–34.

³⁹ *Manass. P. 3; Anecdota Graeca / Éd. P. Matranga. Rome, 1850. P. 557–598; Παπαδimitριου С. Д. 'Ο Πρόδρομος τοῦ Μαρκανοῦ κώδικος XI 22 // ВВ. 1903. Т. X. С. 102–163; Μαγγάνειος Πρόδρομος καὶ ἄλλοι Ἀνόνημοι ποιητές / Εκδ. Σπ. Λάμπρου // ΝΕ. 1911. Т. 8. С. 22–28; Theodoros Prodrornos. Historische Gedichte / Hrsrg. W. Hörander. Wien, 1974. S. 21–174, 405–434; Васильевский В. Г. О севастократориссе Ирине // ЖМНП. 1893. № 285. С. 183–185; Παπαδimitριου С. Д. Феодор Продром... С. 384–385; Browning R. Byzantinische Schulen und Schulmeister // Das Altertum. 1963. Bd. 9. H. 2. S. 110; Barzos K. Ἡ γενεαλογία τῶν Κομνηνῶν. Θεσσαλονίκη, 1984. Τ. Α'. Σ. 360–379.*

⁴⁰ PG. T. 133. Col. 1360–1362, 1396; Παπαδimitριου С. Д. Феодор Продром... С. 192; *Каждан А. П. Книга... С. 55; Он же. Социальный состав господствующего класса Византии XI–XII вв. М., 1974. С. 43.*

поставленного обучения. По совету своих соотечественников Ана-ния едет в Трапезунд к знаменитому византийскому ученому Тихику, прекрасно знавшему армянский язык. В течение восьми лет Ана-ния занимается с ним математикой и элементами других наук и одновременно изучает научные, исторические и медицинские трактаты и работы по хронологии, находившиеся в библиотеке Тихика. После завершения образования он возвращается домой, где становится преподавателем, положившим начало изучению математики, космографии и хронологии в Армении, где его называли «отцом точных наук». ⁴¹

В Константинополе учился и Степанос Сюнеци, защитник истинности вероучения армян-монофизитов. Обучаясь в Византии, он старался отыскать труды по богословию, которые подкрепляли бы аргументацию его единоверцев в их споре с халкидонитами. По окончании обучения он был послан императором в Рим за книгами, содержащими доказательства «относительно истинной веры». Однако, якобы отыскав такие сочинения, Степанос вернулся не в столицу ромеев, а в Армению, «желая учить свою страну» по привезенным произведениям. На родине он занимался и переводами, и созданием духовных песен, посланий, речей. Его просветительская деятельность была высоко оценена. Он был рукоположен в епископы Сюника. ⁴²

Гораздо более многочисленными являются сведения о получении образования в Константинополе уроженцами Грузии, приезжавшими в Византию специально для этой цели. Так, Иларион Грузинский (IX в.), сын богатых родителей, усвоил грамоту в Кон-

⁴¹ Армянская география VII века по Р. Х. (приписывавшаяся Моисею Хоренскому) / Пер. К. П. Патканова. СПб., 1877; *Анания Ширакаци*. Космография / Пер. и коммент. К. С. Тер-Давтян и С. С. Аревшатяна. Ереван, 1962; *Conybeare F. C.* Ananias of Shirak (AD. 600–650 C.) // *BZ.* 1897. Bd. 6. S. 572–574; *Fuchs F.* Op. cit. S. 16; *Παναδόπουλος Ἰ. Β.* Γρηγορίου Χιονιάδου τοῦ Ἀστρονόμου Ἐπιστολαὶ // Ἐπιστημονικὴ Ἐλέτηρις τῆς φιλοσοφικῆς σχολῆς. Πανεπιστημίου Θεσσαλονικῆς. Ἔτος Α΄. ἐν Θεσσαλονικῆ, 1927. Σ. 155–158; *Berbérian H.* Autobiographie d'Anania Širakaci // *REA.* 1964. NS. T. I. P. 189–194; *Lemerle P.* Note sur les données historiques de l'Autobiographie d'Anania de Shirak // *REA.* 1964. NS. T. I. P. 195–202; *Idem.* Le premier humanisme byzantin. P., 1971. P. 81–85; *Самодурова З. Г.* Школы и образование // *Культура Византии. IV–первая половина VII в. М., 1984. С. 501; Бородин О. Р.* Развитие географической мысли // Там же. С. 445–447, 450, 457–458.

⁴² *Арутюнова-Фиданян В. А.* Контактная зона... С. 189, 195.

стантинополе по книгам Св. Писания. После прохождения курса наук он возглавил один из многочисленных столичных монастырей.⁴³

Как уже говорилось, в Лавре св. Афанасия завершили образование прибывшие на Афон во второй половине X в. Иоанн Ивир, его сын Евфимий и их спутники.⁴⁴ Прошедший курс обучения сначала под руководством своего отца, а затем — Афанасия Афонского, Евфимий стал переводить на родной язык греческую религиозную литературу, столь необходимую грузинской церкви, а сопровождавшие его соотечественники занялись копированием его первых переводов. После основания Ивирского монастыря, первым игуменом которого был избран Иоанн, в обитель начали прибывать грузины, приезжавшие вместе со своими юными родственниками. Их селили отдельно от взрослых монахов и обучали религии и мастерству под руководством эконома.⁴⁵

В Константинополе учился и Георгий Агиорит, восьмой игумен Ивирской обители. Он родился около 1009 г. в Триалете в семье аристократического происхождения и рано был посвящен Богу. В десятилетнем возрасте по просьбе своих близких родственников Георгия Скриба и Саввы, монахов монастыря Хахули в Тао, он вступил в названную обитель. Его дядя Георгий Скриб, приглашенный в семью Ферса, где ему было поручено воспитание детей, взял с собой и племянника. Когда Ферс за участие в мятеже Никифора Фоки

⁴³ AASS. Jun. I. 1867. P. 746–748; *Peeters P.* Saint-Hilarion d'Ibérie // AB. 1913. T. 32. P. 236–269; *Лопарев Хр.* Византийские жития святых VIII–IX веков // ВВ. 1911. Т. XVII. С. 56; *Рудаков А. П.* Указ. соч. С. 55; *Moffatt A.* Schooling in the Iconoclast Centuries // *Iconoclasm: Papers given at the Ninth Spring Symposium of Byzantine Studies University of Birmingham* / Ed. A. Bryer and J. Herrin. University of Birmingham, 1977. P. 90.

⁴⁴ См. выше. С. 167–168.

⁴⁵ *Actes d'Iviron.* I. P. 4–6, 8–10, 12–13, 15–17, 19–21, 34–35, 93, 135–136; *Рудаков А. П.* Указ. соч. С. 55, 206, 238; *Lang D. M.* St. Euthymius the Georgian and Barlaam and Joasaph Romance // BSOAS. 1955. V. 17. Pt. 2. P. 306–323; *Фонкич Б. Л.* Переводческая деятельность Евфимия Святогорца и Библиотека Иверского монастыря на Афоне в начале XI в. // ПС. 1969. Вып. 19(82). С. 165–170; *Лордкипанидзе М. Д.* Указ. соч. С. 165, 169, 171; *Лебедева И. Н.* Повесть о Варлааме и Иоасафе. Памятник древнерусской переводной литературы XI–XII вв. Л., 1985. С. 16–17, 20–26, 31–33, 88, 286; *Алексидзе А. Д.* Указ. соч. С. 8–9.

и Никифора Ксифия (1022)⁴⁶ был осужден и казнен, члены его семьи были отправлены в Константинополь. Вместе с ними отправились Георгий и его дядя. В столице они оставались в течение двенадцати лет. Именно здесь юный Георгий получил всестороннее образование по философии и риторике, как светское, так и религиозное. Оно было столь блестящим, что антиохийский патриарх, перед которым Георгий выступил с речью в защиту прав и престижа грузинской церкви, заявил: «Хотя ты и грузин родом, во всем остальном и образованием своим ты истинный грек». Похвально отзывался о нем и Константин X Дука. Сам же он осознавал себя чужеземцем в византийском обществе. Вернувшись в Грузию около 1034 г. вместе с семьей Ферса, он поступил в монастырь Хахули, где принял монашеский постриг. Вскоре Георгий отправился в Иерусалим. На горе Дивной, близ Антиохии, он познакомился с отшельником и стал его учеником. Наставник предложил ему продолжить начатую Евфимием Ивиром, но не законченную вследствие смерти работу по переводу византийской духовной литературы на грузинский язык и направил его на Афон, в Ивирскую обитель. Здесь около 1044–1045 гг. Георгий был избран настоятелем. При нем монастырь вновь стал центром по переводу на родной язык трудов деятелей византийской церкви и распространению их как в Грузии, так и за ее пределами.⁴⁷ Кроме переводческой деятельности и составления жизнеописаний подвижников Ивирской лавры, Георгий Агиорит занимался обучением своих соотечественников. Его учениками были монах Георгий Мцири, написавший житие своего наставника,⁴⁸ и священник Петр, переписавший манускрипт с литургическими текстами, переведенными Георгием Агиоритом.⁴⁹

В Константинополе получили образование Арсений Икалтоели, Иоанн Таричисдзе и другие грузинские мыслители. Как и Иоанн Петрици, они начали свою литературную деятельность в империи и продолжили ее в Грузии, в академиях Гелати и Икалто, где обучали юношей как светским, так и религиозным наукам. Благодаря

⁴⁶ *Литаэрин Г. Г.* Внутренняя и внешняя политика Византии во второй половине X–первой четверти XI в. // *История Византии.* М., 1967. Т. 2. С. 221.

⁴⁷ *Actes d'Iviron.* I. P. 5, 10, 50–53, 94; *Соколов Ив.* Указ. соч. С. 281–282, 519–521; *Лордкипанидзе М. Д.* Указ. соч. С. 165, 168–169; *Алексидзе А. Д.* Указ. соч. С. 8–9.

⁴⁸ *Actes d'Iviron.* I. P. 6.

⁴⁹ *Actes d'Iviron.* II. P. 5.

преподавательской и творческой деятельности Иоанна Петрици, Арсения Икалтоели, Иоанна Таричисдзе и других ученых грузинская философская мысль усвоила идеи рационалистического направления византийской теологии, разрабатываемые Михаилом Пселлом и Иоанном Италом, передав их грузинской молодежи, проходившей курс занятий в названных академиях.⁵⁰

Имеются также свидетельства о занятиях у византийских преподавателей детей и юношей из соседней Болгарии. Будущий царь Симеон (893–927), большой любитель и ценитель литературы и книжности, приобрел солидные познания и в светских, и в религиозных науках в Константинополе, куда был доставлен в возрасте 13–14 лет. Поскольку Симеон был младшим сыном, князь Борис, его отец, предполагал сделать его руководителем духовной жизни Болгарии и уделил особое внимание его образованию. Получив предварительную подготовку у себя на родине, где Симеон приобрел необходимые познания по греческому языку и познакомился с основными догматами христианского вероучения, он прибыл в Византию для продолжения образования и более углубленного изучения грамматики, риторики и философии. Здесь Симеон совершенствовался в греческом языке, овладел грамматикой, ораторским искусством, диалектикой, математическими дисциплинами (арифметикой, геометрией, музыкой, астрономией), всеми философскими науками и богословием. Заняв в 893 г. трон Болгарии, Симеон неизменно проводил политику покровительства науке, культуре и просвещению.⁵¹

Предполагают, что вместе с Симеоном в Византии учился и Иоанн, экзарх Болгарский, знаменитый ученый-энциклопедист, основоположник философской школы и естествознания в Болгарии, писатель и переводчик. Иоанн составил, опираясь на византийские прототипы, ряд слов и проповедей на различные церковные праздники, а также перевел на старославянский труды Иоанна Дамаскина «Богословие» («Небеса») и «Философию». Его «Шестоднев» долгое время был для славян едва ли не главным источником сведений по естествознанию и первым учебником по антропологии и психологии. Высокий уровень толкования философских и богословских вопросов убедительно свидетельствует о солидном образовании автора, которое могло быть

⁵⁰ Лордкипанидзе М. Д. Указ. соч. С. 169; Меликишвили Д. Н. Указ. соч. С. 41–43; Рапава М. А. Древнегрузинский перевод сочинения Епифания Кипрского об ересьях // Византиноведческие этюды. Тбилиси, 1991. С. 69–73; Арутюнова-Фиданян В. А. Контактная зона... С. 174.

⁵¹ Божилев И. Указ. соч. С. 37, 84, 193.

получено только у константинопольских преподавателей.⁵² В Константинополе скорее всего учились и сыновья болгарского царя Петра (927–968) Борис и Роман, долгое время находившиеся в столице империи вместе с другими заложниками и вернувшиеся в Болгарию после смерти или пострига своего отца.⁵³ По свидетельству Продолжателя Феофана, сестра болгарского князя Бориса—Михаила (852–889), захваченная в плен ромеями еще до принятия христианства болгарями и отправленная в Константинополь, приняла здесь крещение и была обучена грамоте.⁵⁴

Среди обучающихся в Византии, отличающихся полиэтничностью, постигал в столице «священную грамоту» и некий Андрей Юродивый, «скиф», любимый раб протоспафария Феогноста. Отданный в школу своим хозяином, он прилежно посещал занятия, быстро овладел греческим языком, научился читать и писать, «впитал все божественное учение», усердно знакомился с житиями святых. Затем Андрей приступил к изучению юриспруденции, поскольку Феогност хотел назначить его своим секретарем-нотарием.⁵⁵

В Константинополе был воспитан и обучен юный перс царского рода Феофоб, женившийся на сестре императора Феофила.⁵⁶ Получил благочестивое воспитание в Византии родившийся во Фригии около конца иконоборческого периода Константин, еврей, который в родной семье овладел только еврейским языком. Позже в царствование Василия I он принял постриг и стал монахом.⁵⁷ В Константинополь из Сиракуз в возрасте семи лет был отправлен учиться Симеон Синайский. По словам его биографа Эбервина, аббата монастыря св. Мартина Трирского, мать Симеона была калабрийкой, а отец — греком, несшим военную службу.⁵⁸

⁵² Гюзелев В. Указ. соч. С. 195–196, 202, 208; Чолова Ц. Указ. соч. С. 16–17, 81, 85–86, 312.

⁵³ Лев Дуак. С. 72, 114–115, 125–126, 206.

⁵⁴ Theoph. Cont. P. 162–163; Продолжатель Феофана. Жизнеописания византийских царей / Издание подготовил Я. Н. Любарский. СПб., 1992. С. 72.

⁵⁵ PG. T. 111. Col. 629, 632, 636; Рудаков А. П. Указ. соч. С. 11, 214, 228; *Da Costa-Louillet G. Saints de Constantinople aux VIIIe, IXe, Xe siècles // Byz. 1955–1956. T. 24. P. 184–185, 194; Moffatt A. Op. cit. P. 90.*

⁵⁶ Theoph. Cont. P. 110–111; Продолжатель Феофана. С. 51–52; *Успенский Ф. И. Очерки... С. 59; Lemerle P. Le premier humanisme... P. 131.*

⁵⁷ AASS. Nov. IV. P. 628–629; *Moffatt A. Op. cit. P. 88.*

⁵⁸ *Wolff R. L. How the News was brought from Byzantium to Angoulême; or The Pursuit of a Hare in an Ox Cart // Byzantine and Modern Greek Studies.*

В Константинополе проходил курс наук и Иосиф, член общины армян-халкидонитов, уроженец «богохранимого града». Он изучил не только греческую мудрость, но и «язык и книжность отечественную», что позволило ему перевести с греческого на армянский «Краткий годичный синоксарь византийской церкви», который он дополнил сведениями из армянских источников. Свой перевод он отправил в армянские церкви, дабы познакомить жителей Армении с деяниями святых.⁶⁰ Из Великой Армении при Василии I прибыл в столицу империи некий вельможа вместе с семьей. Его дочь Мария, канонизированная впоследствии византийской церковью, после его смерти жила с матерью в Константинополе и училась под ее руководством.⁶⁰ В Константинополе же поочередно в семьях своих невест под присмотром специально приставленных к нему наставников воспитывался сын Феодора Гавры (дуки Трапезунда, по происхождению армянина из восточных областей Малой Азии) Григорий, обрученный сначала с дочерью севастократора Исаака Комнина, брата Алексея I, а затем с дочерью императора Марией.⁶¹

1978. V. 4. P. 183. На этот факт обратил наше внимание Г. Г. Литаврин, за что выражаю ему искреннюю признательность.

⁶⁰ *Мурадян П. М.* Культурная деятельность армян-халкидонитов в XI–XIII веках. Ереван, 1978. С. 2; *Арутюнова-Фиданян В. А.* Контактная зона... С. 65–66.

⁶⁰ AASS. Nov. IV. P. 692–705; *Лопарев Хр.* Византийские жития... // ВВ. 1915. Т. XIX. С. 120–121; *Рудаков А. П.* Указ. соч. С. 12, 246–247; *Бартикян Р. М.* 'O Βάρδας ὁ Βαρτζῆς Жития св. Марии Новой и византийских патронимах Иверици и Ватаци // ИФЖ. 1980. № 3. С. 244–250; *Он же.* Размышления о Житии св. Марии Новой // «Българско средновековие». Българо-съветски сборник в чест на 70-годишнината на проф. Иван Дуйчев. София, 1980. С. 62–64; *Арутюнова-Фиданян В. А.* Контактная зона... С. 59.

⁶¹ *Апп. Сотп.* II. P. 151–155; *Анна Комнина.* С. 243–245, 594, 600; PG. T. 126. Col. 409–419, 438–439; *Zonar.* III. P. 739; *Lieb B.* Quelques aspects... P. 41–43; *Bryer A.* A Byzantine Family: the Gabrades, c. 979–c. 1653 // University of Birmingham. Historical Journal. 1970. V. 12. P. 175–180; *Каждан А. П.* Социальный состав... С. 63–64, 139, 146–147, 168, 170–171, 174, 176, 179, 187, 197, 200, 211–212; *Он же.* Армяне в составе господствующего класса Византийской империи в XI–XII вв. Ереван, 1975. С. 88–89; *Varzos K.* Op. cit. P. 155–156, 198–199; *Бартикян Р. М.* О византийской аристократической семье Гаврас // ИФЖ. 1987. № 3 (118). С. 190–200; № 4 (119). С. 181–193; *Самодурова З. Г.* Социальный состав учащихся Византии в VII–XII вв. // ВВ. 1991. Т. 52. С. 36.

Жители сопредельных государств, желающие учиться, имели возможность получить образование не только в Византии, но и у себя дома. Они могли заниматься либо с преподавателями, приехавшими к ним в страну из империи с целью просвещения населения, либо с теми людьми, которые вернулись на родину после прохождения курса наук в Византии. Так, моравский князь Ростислав, пригласивший Кирилла и Мефодия для проповеди христианства его подданным на понятном им языке, отдал им в обучение детей с целью подготовки из них образованных деятелей, которые в будущем смогли бы возглавить моравскую церковь, независимую и от Византии, и от папской курии, и от немецкого духовенства. Так же, как Ростислав, поступил и паннонский князь Коцел, который собрал около 50 молодых людей и передал их Кириллу, просветителю славян, для преподавания им основ знания. В течение трехлетнего пребывания Кирилла и Мефодия в Моравии они подготовили и обучили большое число учеников.⁶² Самыми известными среди них были Ангеларий, Горазд, Климент Охридский, Константин Преславский, Наум.

Горазд, выходец из моравян, был преемником Мефодия на архиепископском престоле у себя на родине, хорошо знал латинские книги, поддерживал добрые отношения с Римом. Предполагают, что он является автором «Жития Мефодия».⁶³ Другой ученик Мефодия, крупный писатель и богослов Константин Преславский, посвятил своему наставнику церковную службу. Кроме того, он перевел «Четыре слова против ариан» Афанасия Александрийского, составил «Учительное евангелие» и «Азбучную молитву», являющуюся, по сути дела, лирической исповедью автора. В ней прославляются принятие христианства Болгарией при князе Борисе I Михаиле и деяния солунских братьев Кирилла и Мефодия по созданию славянской письменности. Константин сделал блестящую карьеру при болгарском дворе. Он стал пресвитером дворцовой церкви в Преславе, болгарской столице, а затем епископом. Константин Преславский принимал активное участие в создании и распространении памятников славянской литературы.⁶⁴

Три других из названных учеников Кирилла и Мефодия — Ангеларий, Климент Охридский и Наум, высланные из Моравии за Дунай

⁶² Сказание... С. 24, 33–36, 40, 41, 43–45, 47–49, 51–52, 54, 56, 59–61, 90–91, 96–97, 100–101, 107, 129, 132, 134, 138–140, 143, 145, 147–150, 152, 167, 171, 173, 175, 187.

⁶³ Там же. С. 45, 49, 101, 145, 171.

⁶⁴ Там же. С. 49, 52, 59, 167, 173, 180, 182, 183, 187.

в связи с изменившейся политической ориентацией моравского князя, нашли теплый прием в Болгарии. Здесь они продолжали свою творческую и педагогическую деятельность. С их помощью были учреждены школы во многих населенных пунктах и монастырях Болгарии. Наиболее знаменитыми были учебные заведения в Преславе, Охриде, Деволе, Тырнове, Плиске, где многочисленные ученики всех возрастов (дети и взрослые) усваивали основы наук. Школы были созданы по византийскому образцу, хотя и не копировали их полностью. Из Византии же были заимствованы и система организации преподавания, и содержание учебного материала, правда, болгары не во всем подражали византийцам. Само обучение велось на старославянском языке. Имеются сведения, что в некоторых больших городах функционировали и греческие начальные школы. Перед просветителями Болгарии во главе с царем Симеоном стояла задача не только основания отдельных учебных учреждений, но и создания целостной системы образования. Они успешно справились с этим, о чем свидетельствует большое число учеников, вышедших из данных учебных заведений. Часть болгарской интеллигенции, получившей блестящее для того времени образование, прекрасно владела греческим языком, что существенно облегчало проникновение культурных достижений Византии в различные сферы духовной жизни Болгарии.⁶⁵

Аналогичные учебные учреждения, в которых изучали предметы тривиума и квадривиума, существовали и в Грузии. Из них наибольшую известность приобрели Гелатская и Икалтоельская академии, где вели занятия воспитанники Михаила Пселла и Иоанна Итала: Иоанн Петрици, Арсений Икалтоели, Иоанн Таричисдзе и другие преподаватели. Предполагают, что в грузинских учебных заведениях в данное время преподавали также юриспруденцию, учение о природе и ряд других наук. Особое внимание уделялось при этом рассмотрению трудов античных философов и их византийских комментаторов, прежде всего анализу доктрин Аристотеля, Платона и неоплатоников Плотина, Ямвлиха и «бесподобного» Прокла, у которого черпались «вся мудрость и искусство точного мышления». Интерес этот был вызван как «великим стремлением к философским умозрениям», так и практической необходимостью применения философии

⁶⁵ Сказание... С. 43–44, 48–49, 51–53, 175; *Божилев И.* Указ. соч. С. 37–38; *Гюзелев В.* Указ. соч. С. 28–30, 64–65, 228–230; *Чолова Ц.* Указ. соч. С. 74–83; *Литаврин Г. Г.* Эволюция этического самосознания... С. 174.

и логики для подкрепления догматов христианского вероучения. Преподавательская, переводческая и творческая работа, проделанная грузинскими мыслителями как на родине, так и в зарубежных культурных центрах (Ивирском и Петридонском монастырях, в Константинополе, на Черной горе и в Иерусалиме), сыграла важную роль в становлении и развитии богословия, исторического мышления и художественной литературы в Грузии.⁶⁶

Как было сказано выше, обучавшие своих соотечественников Анания Ширакаци, Степанос Сюнеци и другие армянские просветители также получили образование в Византии.⁶⁷

Значение образования в деле распространения и укоренения среди населения новой религии хорошо понимали и правители Киевской Руси. Они создавали школы с целью просвещения своих подданных. Уже Владимир I, заставивший креститься жителей своего государства, приказал набирать детей в Киеве и других городах и отдавать их наставникам, чаще всего грекам, а также болгарам для преподавания им грамоты. Завершившие курс обучения становились одними из главных посредников в деле распространения не только догматов христианского вероисповедания, но и византийской образованности.⁶⁸

Ярослав Мудрый продолжил дело своего отца. Как говорится в Ипатьевской летописи: «Владимир вспахал землю, а Ярослав же засеял сердца верных людей книжными словесами». Известно, что в Новгороде он учредил школу, в которую направил «учиться книгам» детей старост и священников и где они приобретали знания, необходимые для выполнения церковных служб и работы в княжеской и городской администрации. Окончившим училище вменялось в обязанность обучать неопитов догматам христианской веры, «образовывать их ум и нравственность». Сам Ярослав был довольно образованным человеком, любил читать и беседовать с «книжными людьми». Киевский князь собрал вокруг себя знающих греческий язык и поручил им перевести на русский византийские сочинения религиозного содержания. Переведенные по его приказу произведения

⁶⁶ *Лордкипанидзе М. Д.* Указ. соч. С. 165–170, 174–177; *Алексидзе А. Д.* Указ. соч. С. 10; *Барамидзе А. Г., Миминошвили Р. С.* Указ. соч. С. 13–15; *Меликишвили Д. Н.* Указ. соч. С. 41–42.

⁶⁷ См. выше. С. 176–177.

⁶⁸ *Карамзин Н. М.* История государства Российского. М., 1989. Т. I. С. 154, 172; *Костомаров Н. И.* Русская история в жизнеописаниях ее главнейших деятелей. М., 1990. Кн. 1. С. 5–6.

были переписаны и составили основу библиотеки, размещенной Ярославом в Св. Софии в Киеве.⁶⁹

Единомышленником и помощником Ярослава I в деле распространения христианского просвещения в Киевской Руси был Иларион (середина XI в.), первый русский митрополит, избранный собором епископов в Киеве. Он хорошо сознавал всю ответственность своего назначения как пастыря и учителя своих соотечественников. Сведения о его жизни и деятельности чрезвычайно скудны. В Начальной русской летописи сообщается, что Иларион был «муж благ, книжен и постник». О его судьбе после смерти Ярослава известно немного. Предполагают, что после низложения он удалился в Киево-Печерский монастырь, где жил до конца своей жизни. Митрополита Илариона отождествляют с упомянутым в Патерике черноризцем Ларионом, который был «книгам хитр писати» и все дни и ночи проводил, переписывая их в келии Феодосия Печерского. В своем сочинении «Слово о законе и благодати», которое по сути дела является апологией Русской земли, Иларион восхваляет Владимира Святого, крестившего Русь, и Ярослава Мудрого, продолжившего дело своего отца по распространению христианского просвещения среди вновь обращенных. Анализ «Слова о законе и благодати» обнаруживает обширную эрудицию Илариона, его знакомство с богословскими и церковно-историческими трудами, хорошее знание Евангелия и Псалтыри, откуда заимствовано множество цитат.⁷⁰

Грамотным был и другой сын Владимира Святого Борис. Он, как и его брат Ярослав Мудрый, уделял много внимания чтению Житий и мученичеств святых.⁷¹ Начитанным и хорошо знавшим книги

⁶⁹ КПП. С. 12; ПСРЛ. 1962. Т. I. Стб. 151–152; *Карамзин Н. М.* Указ. соч. Т. II. С. 20, 26–27, 203–204; *Костомаров Н. И.* Указ. соч. С. 19; *Мошин В.* Указ. соч. С. 66–67; *Литавин Г. Г.* Русско-византийские отношения в XI–XII вв. С. 349; *Розов Н. Н.* Иларион // *Словарь книжников и книжности Древней Руси* / Отв. ред. Д. С. Лихачев. Л., 1987. Вып. I. С. 199.

⁷⁰ ПСРЛ. 1962. Т. I. Стб. 155–156; КПП. С. 12, 36, 158; *Карамзин Н. М.* Указ. соч. Т. II. С. 22, 26; *Костомаров Н. И.* Указ. соч. С. 19; *Литавин Г. Г.* Русско-византийские отношения в XI–XII вв. С. 351; *Розов Н. Н.* Синаодальный список сочинений Илариона — русского писателя XI в. // *Slavia*. 1963. Т. 32. № 2. С. 143–175; *Он же.* Иларион // *Словарь книжников и книжности Древней Руси* / Отв. ред. Д. С. Лихачев. Л., 1987. Вып. 1. С. 198–204; *Поляковская М. А., Чекалова А. А.* Указ. соч. С. 48.

⁷¹ *Серебрянский Н.* Древнерусские княжеские жития. М., 1915. С. 27–47, 81–107; *Воронин Н. Н.* Анонимное сказание о Борисе и Глебе, его время,

Св. Писания и труды отцов и учителей церкви был и Владимир Мономах, великий князь Киевский. В «Поучении своим детям» он советует им прилежно учиться и постоянно читать. Как пример, которому необходимо подражать, он приводит своего отца Всеволода, овладевшего пятью языками, не покидая родины.⁷²

Потомки Владимира Святого и Ярослава Мудрого не отставали от своих предков в деле устройства учебных заведений для своих подданных. Важную роль в обучении грамоте жителей северо-западных земель Древней Руси, в открытии первых школ, в собирании, копировании и распространении книг сыграла Предслава (XII в.), дочь полоцкого князя Георгия, получившая прекрасное домашнее воспитание. По словам ее агиографа, Предслава уже в раннем возрасте была обучена «книжному писанию»: чтению, письму, счету, пению, а также греческому и латинскому языкам. Отказавшись выйти замуж, она удалилась в монастырь, когда ей было немного более 12 лет, и постриглась в монахини, приняв имя Евфросинии. В обители она продолжала углублять свои знания, постоянно читая и изучая библейские книги, труды отцов и учителей церкви, различные сборники: «Златоструй», «Шестоднев» Иоанна, экзарха Болгарского, «Измарагд», патерики и т. п. Евфросиния собрала богатую коллекцию книг, составившую основу библиотеки при Софийском соборе в Полоцке. Значительную часть их она переписала сама, как говорится в ее «Житии», «нача книги писати своими руками». Некоторые из них были куплены, отдельные экземпляры получены из Константинополя. Кроме копирования книг, Евфросиния занималась переводами религиозно-философской литературы с греческого и латинского на древнеславянский язык. Одновременно она сочиняла и собственные

стиль и автор // ТОДРЛ. 1957. Т. 13. С. 11–56; *Абгарян Г. В.* К проблеме предполагаемой греческой версии «Сказания о Борисе о Глебе» // Русская и армянская средневековая литература. Л., 1982. С. 235–254; *Федотов Г.* Святые Древней Руси. М., 1990. С. 42.

⁷² *Карамзин Н. М.* Указ. соч. Т. II. С. 100, 283; *Костомаров Н. И.* Указ. соч. С. 68–69; *Протопопов С.* Поучение Владимира Мономаха как памятник религиозно-нравственных воззрений и жизни на Руси в допетровскую эпоху // ЖМНП. 1874. Февраль. Ч. 171. С. 231–292; *Лихачев Д. С.* Сочинения Владимира Мономаха // *Лихачев Д. С.* Великое наследие: классические произведения литературы Древней Руси. М., 1979. С. 141–161; *Он же.* «Шестоднев» Иоанна Экзарха и «Поучение» Владимира Мономаха // *Лихачев Д. С.* Исследование по древнерусской литературе. Л., 1986. С. 137–139.

произведения: молитвы и поучения. Евфросиния Полоцкая стремилась не только овладеть книжной мудростью, но и передать свои знания другим людям. В созданном ею женском Спасо-Евфросиньевском монастыре, находившемся недалеко от Полоцка в деревне Сельцо, настоятельницей которого она стала, была устроена школа. В ней обучали как монахинь, так и всех желающих женщин-мирянок. Преподавание грамоты было одной из основных обязанностей сестеринок. Главными помощниками Евфросинии в деле обучения были ее родственницы из княжеской семьи: младшая сестра Горислава, двоюродная сестра Звенислава и племянницы Кирина и Ольга, которые последовали ее примеру, постриглись в монахини, приняв монашеские имена соответственно Евдокия, Евпраксия, Агафья и Евфимия. Благодаря деятельности Евфросинии многие жители Полоцкого княжества смогли приобщиться к культурным достижениям византийской цивилизации у себя дома, не покидая родины.⁷³ Для просвещения жителей северо-восточной Руси многое было сделано Юрием Долгоруким. Им были построены храмы в Суздале, Владимире, на берегах Нерли. В результате этого увеличилось число церковных приходов, служители которых в то время были духовными наставниками и просветителями местного населения.⁷⁴

Школы на Руси, где обучали навыкам чтения и письма, организовывались не только в крупных городах, но и в небольших населенных пунктах. Так, в Василеве под Киевом в XI в. функционировало подобное учебное учреждение. Именно его окончил Феодосий Печерский, усвоивший все «божественное писание». Окружающие подростка люди удивлялись его премудрости и разуму и быстрому овладению им школьным материалом.⁷⁵

⁷³ *Карамзин Н. М.* Указ. соч. Т. II. С. 288–289; Т. III. С. 475; *Дубровский М.* Житие преподобной Евфросинии Полоцкой. Полоцк, 1877; ПСРЛ. СПб., 1908. Т. 21. Ч. I. С. 206–220; *Ключевский В. О.* Древнерусские жития как исторический источник. М., 1871. С. 262; *Воронова Е. М.* Житие Евфросинии Полоцкой // *Словарь книжников и книжности Древней Руси* / Отв. ред. Д. С. Лихачев. Л., 1987. Вып. 1. С. 147–148; *Шалькевич В. Ф.* Евфросинья Полоцкая // *Женщины — легенды.* Минск, 1993. С. 284–296.

⁷⁴ *Карамзин Н. М.* Указ. соч. Т. II. С. 167, 261; *Костомаров Н. И.* Указ. соч. С. 95.

⁷⁵ КПП. С. 14–17, 143–144; *Памятники древнерусской церковно-учительной литературы* / Под ред. профессора А. И. Пономарева. СПб., 1894. Вып. I. С. 26–45; *Макарий, епископ.* Преподобный Феодосий Печерский

Учебные заведения располагались и при церквях, и при монастырях. Так, курс обучения при Киево-Печерском монастыре прошли преподобный Спиридон, происходивший из крестьян, и Никита Затворник, будущий Новгородский епископ. Они вступили в обитель, не зная грамоты. Здесь их обучали навыкам чтения и письма печерские монахи. Они хорошо понимали значение христианского просвещения, ибо его отсутствие могло привести неграмотных братьев к еретическим заблуждениям, как это случилось с Никитой Затворником.⁷⁶ Новгородский епископ Ефрем, ученик своего предшественника владыки Иоакима, в течение 5 лет обучал своих прихожан.⁷⁷

Создавались школы для женщин не только в Полоцком княжестве, но и в северо-восточных землях. Так, Евфросиния, дочь Михаила Всеволодовича, убитого в Орде в 1246 г. по повелению хана Батыя, организовала в Суздале училище для девушек, где им преподавали грамоту, письмо и церковное пение.⁷⁸

В Ростове Великом в начале XIII в. епископ Кирилл создал центр по переводу византийских духовных произведений и по их копированию. Предполагают, что им была составлена большая библиотека из переписанных кодексов.⁷⁹

как писатель // Исторические чтения о языке и словесности. II отд. АН. 1854 и 1855 гг. 1856. С. 232–261; *Гудзий Н. К.* О сочинениях Феодосия Печерского // Проблемы общественно-политической истории России и славянских стран. Сб. статей к 70-летию акад. М. Н. Тихомирова. М., 1963. С. 62–66; *Костомаров Н. И.* Указ. соч. С. 26; *Федотов Г.* Указ. соч. С. 57.

⁷⁶ КПП. С. 91–92, 200–201, 219; *Карамзин Н. М.* Указ. соч. Т. II. С. 265–266.

⁷⁷ *Карамзин Н. М.* Указ. соч. Т. II. С. 201; *Творогов О. В.* Иоаким // Словарь книжников и книжности Древней Руси / Отв. ред. Д. С. Лихачев. Л., 1987. Вып. I. С. 204.

⁷⁸ *Костомаров Н. И.* Указ. соч. С. 95.

⁷⁹ *Соболевский А. И.* Остаток библиотеки XIII в. // Соболевский А. И. Материалы и исследования в области славянской филологии и археологии // СОРЯС. 1910. Т. 88. № 3. С. 205–207; *Голыщенко В. С.* К гипотезе о ростовской библиотеке XIII в. // Исследования по лингвистическому источникуведению. М., 1963. С. 45–64; *Князевская О. А.* О ростовских рукописях начала XIII в. // Проблемы истории и диалектологии славянских языков. Сб. статей к 70-летию В. И. Борковского. М., 1971. С. 145–152; *Костомаров Н. И.* Указ. соч. С. 95; *Федотов Г.* Указ. соч. С. 55; *Творогов О. В.* Кирилл // Словарь книжников и книжности Древней Руси / Отв. ред. Д. С. Лихачев. Л., 1987. Вып. I. С. 221–222.

Одним из центров просвещения на Руси в XII в. был Смоленск. Отсюда вышел второй русский по происхождению митрополит Климент Смолятич. Ипатьевская летопись (под 1147 г.) характеризует его как «книжника и философа», которых еще не было в Русской земле. Его перу принадлежит «Послание», адресованное смоленскому пресвитеру Фоме. Оно состоит из двух частей. В первой, являющейся по сути предисловием, Климент отводит упреки Фомы, обвиняющего его в тщеславии (будто бы Климент мнит себя «философом»), и ссылается на Гомера, Аристотеля и Платона вместо того, чтобы обратиться к авторитету «почитаемых писаний». Климент отстаивает свое право при толковании библейских образов и выражений пользоваться притчами и иносказаниями и не ограничиваться буквальным их пониманием. Во второй части «Послания» он дает комментарий к ряду темных и непонятных мест из Библии.⁸⁰

В Смоленске жил и трудился Авраамий, один из образованнейших людей своего времени. По словам его биографа Ефрема, он ревностно предавался книжным занятиям. Авраамий изучал сочинения отцов церкви, жития ее святых и даже некоторые апокрифические произведения («глубинные книги») и собрал целую библиотеку из трудов христианских авторов. Часть из них он сам переписал, а часть была скопирована многочисленными писцами, работавшими в монастырском скриптории в Селище под Смоленском. Особо любимыми писателями Авраамия Смоленского были Иоанн Златоуст и Ефрем Сирий. В своей келье Авраамий обучал и наставлял не

⁸⁰ *Карамзин Н. М.* Указ. соч. Т. II. С. 134; *Никольский Н.* О литературных трудах митрополита Климента Смолятича, писателя XII в. СПб., 1892; *Он же.* Материалы для истории древнерусской духовной письменности. I. К вопросу о неизданном поучении митрополита Климента Смолятича // ИОРЯС. 1897. Т. 2. Кн. 1. С. 65–73; *Лопарев Хр.* Послание митрополита Климента к смоленскому пресвитеру Фоме: Неизданный памятник литературы XII в. СПб., 1892; *Послание Климента Смолятича* // Подгот. текста, пер. и коммент. В. В. Колесова // ПЛДР. XII в. М., 1980. С. 282–289, 658–660; *Ключевский В. О.* Древнерусские жития. С. 260–262; *Приселков М. Д.* Очерки по церковно-политической истории Киевской Руси X–XII вв. СПб., 1913. С. 375–390; *Литаврин Г. Г.* Русско-византийские отношения в XI–XII вв. С. 352; *Гранстрем Е. Э.* Почему митрополита Климента Смолятича называли «философом» // ТОДРЛ. 1970. Т. 25. С. 20–28; *Творогов О. В.* Климент Смолятич // Словарь книжников и книжности Древней Руси / Отв. ред. Д. С. Лихачев. Л., 1987. Вып. 1. С. 227–228; *Федотов Г.* Указ. соч. С. 80–81.

только монахов, но и приходивших к нему в обитель из города мирян.⁸¹

Монастыри Древней Руси домонгольского периода играли значительную роль в деле обучения людей из простого народа. Они были средоточием духовной жизни и центрами просвещения, по сути дела школами для жителей Киевской Руси, а монахи и священники — воспитателями и наставниками. Им вменялось в обязанность обучать прихожан канонам христианского вероучения, «образовывать их ум и нравственность». В монастырях было сосредоточено «книжное учение». Большая часть дошедших до нас памятников письменности вышла из их стен и принадлежала перу их обитателей.⁸² В результате деятельности монастырских переводчиков и скрипторов русским стали доступны многие византийские сочинения религиозного содержания: библейские книги, жития святых, труды отцов и учителей церкви и т. п.

Политика князей и церковных властей в сфере просвещения способствовала широкому распространению грамотности среди жителей Киевской Руси. Это подтверждают и берестяные грамоты, найденные в Новгороде, Старой Русе, Смоленске, Пскове, Витебске. Их отправителями и адресатами были представители различных слоев населения: посадники, ремесленники, солдаты, крестьяне, мужчины и женщины, миряне и духовные лица, обитатели городов и деревень.⁸³

Таким образом, для желающих получить образование молодых людей из соседних с Византией стран существовала возможность отправиться в один из многочисленных городов империи (прежде

⁸¹ Житие преподобного Авраамия Смоленского // ПС. 1858. № 9. С. 136–148; № 11. С. 369–390; *Ключевский В. О.* Древнерусские жития. С. 52–58; *Федотов Г. П.* «Житие и терпение» св. Авраамия Смоленского // Православная мысль. Париж, 1930. Т. 2. С. 127–147; *Он же.* Святые Древней Руси. С. 80–81, 83–84; *Янковска Л. А.* К исследованию писательского мастерства Димитрия Ростовского (Литературная обработка Жития Авраамия Смоленского) // *Slavia Orientalis*. I. 1984. Т. 33. № 3–4. С. 383–396; *Буланин Д. М.* Ефрем // Словарь книжников и книжности Древней Руси / Отв. ред. Д. С. Лихачев. Л., 1987. Вып. 1. С. 126–128.

⁸² *Костомаров Н. И.* Указ. соч. С. 24–25.

⁸³ *Арциховский А. В.* Новгородские грамоты на бересте. М., 1953–1978. Т. 1–7; *Тихомиров М. Н., Щепкина М. В.* Два памятника новгородской письменности. М., 1952; *Тихомиров М. Н.* Городская письменность в Древней Руси XI–XIII вв. // ТОДРЛ. 1953. Т. 9. С. 52–66; *Он же.* Русская культура X–XVIII веков. М., 1968. С. 21–39; *Щапов Я. Н.* Кирик Новгородец о берестяных грамотах // СА. 1963. № 2. С. 251–253; *Янин В. Л.*

всего в Константинополь) и там пройти курс наук у известных преподавателей. Могли они учиться и у себя на родине, где открывались школы, программа и содержание обучения в которых были заимствованы из византийских учебных учреждений. Как и в Византии, так и у соседей преподавали предметы тривиума и квадриума, причем предпочтение отдавалось дисциплинам литературного цикла. Занятия в местных школах вели официальные лица: миссионеры-проповедники или церковные иерархи, присланные из Византии. Одновременно с ними работали и вернувшиеся домой воспитанники византийских педагогов, завершившие у них курс обучения. Получившие в Византии образование жители сопредельных государств сделали многое для своих родных стран не только в сфере просвещения. Стремясь познакомить своих соотечественников с духовными и культурными достижениями византийской цивилизации, они приняли деятельное участие в работе по переводу трудов как античных мыслителей, так и византийских писателей. Благодаря этому сочинения их стали доступны жителям окружающих империю держав.

Таким образом, византийская школа сыграла важную роль как в передаче соседним народам знаний, накопленных многими поколениями античных греков и византийцев, так и в подготовке образованных людей из числа местного населения, и в организации самой системы обучения в пограничных с империей странах.

Я послал тебе бересту. М., 1965; *Коновалов А. А.* Периодизация новгородских берестяных грамот и эволюция их содержания // СА. 1966. № 2. С. 61–74; *Черепнин Л. В.* Новгородские берестяные грамоты как исторический источник. М., 1969; *Сапунов Б. В.* Книга в России в XI–XIII вв. Л., 1978. С. 200–220; *Мещерский Н. А.* История русского литературного языка. Л., 1981. С. 24; *Franklin S.* Literacy and Documentation in Early Medieval Russia // *Speculum*. 1985. Т. 60. № 1. P. 1–38.

М. В. Бибиков

ВИЗАНТИЙСКАЯ РУКОПИСНАЯ КНИГА НА ЗАПАДЕ И НА ВОСТОКЕ

В 1981 г. в Вене во время очередного Международного конгресса византинистов была устроена интереснейшая выставка рукописей, развернутая в Национальной библиотеке и озаглавленная «Византия и Запад». Выставка наглядно представляла многочисленные области прямых контактов между двумя мирами книжной культуры. А несколько лет тому назад во Флоренции по случаю празднования юбилея золотой эры Лоренцо Великолепного другая, не менее интересная выставка манускриптов в Лауренцианской библиотеке демонстрировала близость, порой даже идентичность типа, техники и стиля работы копиистов и иллюминаторов скриптория Медичи как по отношению к греческой книге, так и латинской.

Дихотомический взгляд на европейскую историю как бы узаконил кажущийся очевидным принцип диссекции европейской цивилизации на две означенные выше полушеры. И в этом смысле «византизм» очень часто понимается как категория, прямо противоположная ценностям «западной» культуры.

Однако, как приходилось неоднократно отмечать, эта оппозиция, даже конфронтация, между Византией и Западом в большей степени имеет отношение к области политики. По утверждению О. Мазалья, «антагонизм и полярность противоположения Византии и Запада, приводящие к неизбежной конфронтации, определены не столько тем, что мы имеем дело с двумя изначально различными мирами, сколько тем, что они стали результатом самостоятельного существования

© М. В. Бибиков.

двух зон некогда замкнутой политически и культурно территории греко-римского Средиземноморья поздней античности».¹

Предметом анализа станет история эволюции текста «Ответов на вопросы» Псевдо-Анастасия в различных его вариантах, зафиксированных в исследованных рукописных книгах. Специальный интерес к этому памятнику объясним тем, что один из его вариантов послужил прототипом древнейшего славянского литературного сборника, известного как Сборника царя Симеона — Изборника 1073 г. князя Святослава.²

В ходе настоящего исследования из выявленных и рассмотренных более чем 120 греческих кодексов автор непосредственно работал с 70, причем из 25 списков IX–XI вв. *de visu* исследовались 20, а еще 2 — в микрофильмах. Доступными оказались манускрипты, находящиеся в собраниях России, Франции, Италии (в Риме, Флоренции, Венеции, Неаполе, Милане) и Ватикана, Англии (Оксфорда и Лондона), Испании, Швеции, Нидерландов, Германии и Австрии. Один Афонский Лаврский (Г 115) и один Патмосский (№ 109) анализировались по микрофильмам. Сведения об остальных 50 списках почерпнуты из каталогов и литературы и соответственно не могут быть исчерпывающе полны.

Из 22 греческих списков, представляющих собой непосредственные варианты прототипа Изборника Святослава, визуально исследованы 20 рукописей IX/X–XVI вв.

В этой, наиболее важной для нас, группе — пять списков X (или IX/X) в.: Ambrosianus gr. L 88 sup.; Coislenus 120; Hierosolymitanus Patr. 34; Patmius 109; Vaticanus gr. 423; четыре — XI в.: Laurentianus gr. IV 6; Ottobonianus gr. 414; Parisinus gr. 922; Parisinus gr. 1085; три — XII в.: Coislenus 258; Laurentianus gr. IV 7; Leidensis gr. 90; три — XIII в.: Ambrosianus gr. 1041/H 257 inf. (olim A 23); Athos Laura Г 115; Oxoniensis Baroccianus 206; пять — XIV в.: Athos Laura Г 37; Escorialensis R III 2; Marcianus gr. 493/coll. 432 (olim Card. Bessar. 167); Meteorus Metamorph. 28; Parisinus gr. 1259 A; по

¹ *Mazal O. Byzanz und das Abendland.* Wien, 1981. S. 12; *All' ombra del Lauro. Documenti librari della cultura in età Laurenziana.* Firenze, 1992.

² *Бибиков М. В. Сравнительный анализ состава «Изборника Святослава 1073 г.» и его византийских аналогов // ВВ. 51. 1990. С. 92–102; Его же. Рукописная традиция греческих списков прототипа Изборника Святослава 1073 г. // ВВ. 53. 1992. С. 106–123; 54. 1993. С. 105–126; Idem. On the Date of Byzantine Prototype of the Izbornik 1073. — BYZANTIACA 14, 1994. P. 141–157.*

одному — XV в.: Neapolitanus gr. 27/Borbon. gr. II A 27 и XVI в.: Vaticanus gr. 620.

Сравнение списков позволяет говорить о существовании некоего общего состава греческих списков прототипа Изборника Святослава (Симеона), ядром которого являются «Вопросы и ответы» (Псевдо)-Анастасия Синаита.

Что касается состава самих «Вопросов и ответов», относимых рукописной традицией Анастасию Синаиту, то все рассмотренные списки воспроизводят одну и ту же, так называемую вторую редакцию компендиума Анастасия, если следовать определениям М. Ришара и М. Капальдо.

Изданный Я. Гретсером в 1617 г. текст «Вопросов и ответов»³ представляет собой одну из редакций памятника. Она насчитывает 161 вопрос и ответ, из которых семь публикуются вне счета. Древнейшие рукописи этой редакции относятся к XI в. Однако эта редакция является производной от двух более древних.⁴

Первая из них самая старая, состоит из 103 вопросов и ответов без флорилегий. Именно эта редакция связывается обычно с самим монахом Анастасием. Древнейший список, воспроизводящий эту редакцию, датируется IX/X в. и находится в Москве (ГИМ греч. 265/197 Влад.).

Формирование Второй редакции шло за счет дополнения начального ядра статьями, часто «заимствованными» из двух сводов.

Это, в частности, касается статей «О великих реках» и «О великих горах». В Старшем Куаленовском списке (С) они известны в виде маргиналий на л. 113. В ряде списков — Старшем Ватиканском (V — л. 224), Старшем и Младшем Парижских (P — 130 об., Pa — 107–107 об.), Эскуриальном (E — 101 об.-102), Младшем Лауренцианском (Fl. — 115), Марчианском (Ma — 406 об.), Младшем Лаврском (Л — л. 131 об.) и других — эти каталоги включаются в основной текст, составляя как бы «приложение» к 23-му ответу Флорилегия. Различается лишь порядок следования статей заключительной части: в С и V, например, «Имена великих рек и гор» предшествуют фрагменту Дионисия Александрийского против Оригена

³ S. Anastasii Sinaitae patr. Antiocheni Quaestiones et responsiones de variis argumentis CLIV nunc primum graece et latine ed. curae Iac. Gretseri... Ingolstadii 1617 (= Opera Iacobi Gretseri, XIV/II. Ratisbonnae 1740 = PG 89, 311–824).

⁴ *Richard M.* Les véritables «Questions et Réponses» d'Anastase le Sinaïte. — Bull. Inst. Text. 15, 1967–1969.

о рае, в других же списках, как, например, в Р, Ра, Е, они переставлены редактором или писцом местами. В Старшем Лаврском (L — л. 77 об.) помещена лишь статья о великих реках. Напротив, в Патмосском (Π), Старшем Амброзианском (Α), Младшем Куаленовском (Κ) и других каталоги гор и рек опущены редактором или переписчиком.

Однако обе эти статьи сами по себе являются, судя по данным рассмотренных выше списков, частями собрания географических каталогов. Иверский Афонский список XV в. — Cod. Athos Iber. 382 — содержит на лл. 527 об.—528 об. статьи «Имена некоторых мест» и «О морях», далее — «Имена великих рек» и «Имена великих гор». Тематически с этими географическими справочниками связаны следующие затем тексты хронологического содержания — Орологий (л. 529) и Менологий (л. 542 об.). Таким образом, все эти статьи представляют собой определенное тематическое целое, лишь два фрагмента из которого — о реках и горах — вошли в прототип Изборника и сам славянский памятник. Примечательно и то, что в Иверском сборнике эти статьи помещены не в составе 23-го ответа псевдо-анастасиева Флорилегия, а примыкают к текстам Бесед Андрея Кесарийского на Откровение Иоанна Богослова и Толкования сновидений, т. е. не входят в комплекс статей Флорилегия, представляя собой самостоятельную часть.

Вторая редакция насчитывает 88 вопросов и ответов с флорилегиями. Известно несколько ее списков, начиная с X в. Флорилегии дважды (во 2-м и 57-м вопросах) упоминают патриарха Никифора (806–815), что дает основание для ее датировки IX в. Атрибуция ее в списках Анастасию Синаиту объясняется тем, что редактор использовал 26 фрагментов анастасиева свода и, возможно, как бы «посвятил» свой труд Анастасию.

Издание же Я. Гретсера воспроизводит 88 вопросов и ответов с флорилегиями, а кроме того, включает после 74-го ответа и значительную часть другой редакции (66 вопросов и ответов).

Итак, византийский прототип Изборника в том виде, в каком он пришел к славянскому переводчику, был памятником сложным, состоящим из нескольких редакторских напластований, с добавлением новых текстов схолий, комментариев, распространившимся уже в списках различных редакций. Хотя основная часть как Изборника, так и его греческого прототипа связывается в рукописной традиции с именем антиохийского патриарха Анастасия Синаита, греческий текст Флорилегия, положенный в основу перевода, — так называемая редакция «88 вопросов и ответов» — к началу X в. значительно перерос рамки сочинения VII в. — «авторского текста» Анастасия.

Первоначальная, «авторская» редакция Анастасия Синаита имела следующий состав: № (по Гретсеру) I, 75–78, 2, 79–88, 21, 9, 89–92, 23, 93, 8, 94–96, 18 (PG 500 В–501 В 4), 18 (501 В 12–504 В 10), 97, 63, 43, 98, е. о., 4, 99, 98 бис, 98 тер, 100, 100 бис (§ 1), 100 тер + 22 (546 С II–D 4), 101–102, II, 103, 100 кват., 5 (361 В 10 – CI + C 5–9), 104–106, 64, 6, е. о., е. о., 13, 107–108, 14, 109–111, 20, 112–113, 16, 114–120, 10, 121–124, е. о., 125–130, 19, 131–133, § 15, 134, е. о., 135–136, е. о., 137–138, 60, 109 бис, 40, 55, 139, 176, 140–141. Таким образом, первоначальная коллекция вопросов и ответов насчитывала 103 «главы». Именно эти вопросы и краткие ответы (без дополнения в виде текстов из Библии, отцов церкви, комментариев и схолий) представляются сочинением аввы Анастасия, созданным на Синае в VII в., в обстановке, сложившейся после арабского завоевания Египта, Сирии и Палестины. Сочинение и адресовалось, на первый взгляд, судя по содержанию, прежде всего ближневосточному монашеству, клиру. Однако социальный круг предполагаемых читателей этим не исчерпывался. Скорее можно говорить о широкой этико-дидактической направленности сочинения Анастасия, адресованного простым мирянам в качестве руководства в их повседневной жизни и деятельности. Действительно, проблемы, с самого начала обсуждаемые Анастасием, не имеют узко конфессионального смысла: как быть добрым христианином [= первые два с начала (I–II) в оригинальной версии, или № 1 и 75, по Гретсеру], что есть благо, дарованное Христом (IV = № 77 Гр.), какова цена греха и покаяния, как поклоняться в храме, почему никому не дано знать заранее день своей смерти, может ли попасть в Царствие небесное благодетельный иудей или самаритянин, или неверующий и т. д.

Даже в формулировках вопросов отражены как житейские проблемы любого прихожанина, так и специфика этно-конфессионального состава населения знакомых Анастасию ближневосточных областей. Более того, подмечено, что ряд вопросов и ответов адресован исключительно или преимущественно женщинам: в текстах обсуждаются проблемы беременности (второй вопрос оригинальной версии, 75-й — в издании), положение женщины, поработенной (арабами) (76 Анастасия, № 123 Гретсера), различные аспекты замужества и брака (о многоженстве: 37 и 100/№ 99 и 139 Гретс.; об обманутой мужем жене: 35/№ 8 Гретс.) и т. д. Все это не позволяет ограничить круг читателей «Ответов» Анастасия лишь синайскими монахами.

Конечно, «Вопросоответы» нельзя сводить лишь к морально-дидактическому жанру. Много внимания уделяется и чисто богословским вопросам. Именно эта проблематика стала центральной после «расширения» и редактирования Флорилегия при создании редакции «88 вопросов и ответов», ставшей по преимуществу экзегетиче-

ским произведением. Но даже в этих случаях, как прекрасно показал Й. Мунитис, толкования библейских сюжетов не носят чисто экзегетического характера, но ориентированы также на житейскую ситуацию, как, например, в тексте 37-го ответа (PG 577CD): отвечая, почему Бог не позволил Моисею пройти в Землю обетованную, автор Флорилегия подчеркивает, что Бог требователен и строг к тем, кто совершен в добродетели, но великодушен по отношению к прочим, несмотря на их большие грехи, к святым же не имеет снисхождения. Таким образом, библейская экзегеза дает автору повод для объяснения и поведенческих мотивов.

Однако изучение списков, содержащих анastasиеву версию памятника, свидетельствует об ограниченном ее распространении. Фактически сейчас нет ни единой рукописи, содержащей текст данной редакции в полном объеме. Московский список IX/X в. ГИМ 197 Влад. имеет лауну, восстанавливаемую с помощью другого списка X в. — Guelf. gr. 4240. Состав и расположение вопросов и ответов в них, однако, не идентичны, хотя оба текста данных манускриптов следует отнести к первоначальному варианту памятника. Еще одним известным списком оригинала является, по-видимому, Ватопедский — Athos Vatoped. 38/ X/XI в., возможно, и — Athos Karakallou 14 и Ambrosianus gr. 452/I 9 sup. (olim T 90) — оба XII в.

Дальнейшая эволюция состава «Вопросов и ответов» связана с усилением как раз экзегетического и полемического аспектов содержания. Новый редактор (редакторы) использовал частично сочинение Анастасия, изменив композицию и сократив объем, с одной стороны, и дополнил аргументацию многочисленными патристическими экцерптами с другой. Заимствованные из Анастасия главы расположились следующим образом: № 1 (по Гретсеру) = I Ан.; № 2 Гр. = 6 Ан.; № 3 = 33, № 4 = 36, № 5 = 47 (PG № 100 quat.), № 6 = 52 (PG № 105 bis), № 7 = 45, № 12 = 83, № 13 = 55, № 14 = 58 (PG 132), № 16 = 65, № 17 = 101, № 18 = 29–30, № 19 = 85, № 20 = 62, № 21 = 17, № 22 = 42 (PG N 100 ter), № 23 = 23, № 40 = 98, № 55 = 99, № 60 = 96, № 63 = 32, № 64 = 51, № 128 = 82. Дополненная новыми разделами, эта редакция «88 вопросов и ответов», в отличие от начальной, получает широкое распространение, многократно переписывается, дополняется схолиями. Состав редакции «88 вопросов» обретает следующий вид (номера вопросов — по Гротсеру): № 1–59, 142–151, 60–70, 128, 71–74, 152–158. В некоторых манускриптах эта редакция, в свою очередь, имеет сокращенный вид. Примером варианта, подвергнувшегося дальнейшему редактированию эпитоматора, может служить Гроттаферратский список XI в. — Cryptens. gr. B. a. 7. (B Cod. Vindob. Theol. 328 текст редакции

неполон вследствие механической утраты листов в начале и конце манускрипта).

Списки рассматриваемой редакции многочисленны: это — Vat. gr. 2020 (933 г.), Vat. Palat. gr. 318 (конца X—начала XI в.), Laurent. gr. IV 6, Vat. gr. 1582 (оба — XI в.), Escor. gr. Ω. III.11 (XI/XII в.), Berolin. Philip. 1474 / gr. 70, Coisl. 115, Oxon. Bodl. gr. 17, Ambros. gr. 520/M 57 sup., Taurin. Reg. gr. 113, Patmius 53 (все — XII в.); Escor. gr. Ω. III.14, Brescian. Querinian. A. VII.25, Ambros. gr. 1041/H 257 inf., Taurin. Reg. gr. 196. b. III.7 (все — XIII в.); Athos Vatoped. 10, Athos Vatoped. 13, Vat. gr. 432, Vat. gr. 509, Oxon. Auct. T. 5.52/Bodl. gr. 274, Athen. 329 (все — XIV в.); Neapol. gr. 26/II.A.26, Paris. gr. 1220 A, Paris. gr. 1088, Vat. Regin. gr. 46 (XV и XV/XVI вв.); Monac. gr. 53, Vindob. Theol. gr. 119, Vindob. Theol. gr. 200, Vindob. Theol. gr. 184, Paris. gr. 859 (все — XVI в.).

Данная атрибуция носит предварительный характер: окончательное заключение о принадлежности изучаемых греческих списков к этой редакции можно будет сделать лишь проведя полную колячку всех указанных текстов.

Вполне вероятно, что такая «популяризация» Флорилегия в его новом виде и качестве связана с тем, что компедиум формировался в богословской среде, переживавшей в этот период оживленные дискуссии. Христологические проблемы оказываются в центре «добавляемых» вопросов и ответов в условиях антимонофиситской полемики, распространения идей и различных течений «неохалкидонизма» (или «неоалександринизма»).

Показателем широкого распространения Флорилегия, его популярности в византийском мире могут служить результаты анализа локализации происхождения списков памятника.

Старейшие списки X в. изучаемого памятника, происхождение которых поддается локализации,⁵ свидетельствуют о том, что в начале X—XI вв. основным центром переписки данных сборников был Константинополь, скорее всего — императорский скрипторий. Об этом говорит константинопольское происхождение Старшего Куаленовского списка X в. (С), данные об изготовлении Старшего Амброзианского (А) X в. и Старшего Парижского — Cod. Paris. gr. 922 (P) XI в. в императорском скриптории. Эти наблюдения совпадают с результатами текстологического анализа состава сборников, подкрепленными

⁵ *Каверус Н. Ф.* Греческие списки протографа «Изборника Святослава 1073 г.» конца IX—первой половины X в. (палеографический анализ) // ВВ. 51. 1990. 103–105.

косвенными историческими свидетельствами о перемещении в конце IX — начале X в. центра дальнейшего формирования свода — прототипа Изборника в византийскую столицу.

В XI в. сборник переписывается в монастырях Принцевых островов Мраморного моря, находящихся в непосредственной близости от Константинополя. Об этом свидетельствует запись 1062 г. писца Cod. Laurent. gr. IV. 16.

Другой список XI в. — Cod. Laurent. gr. VI. 35 находился в XIII / XIV в. в монастыре св. Георгия на о. Мармара, о чем сообщает владельческая запись, датируемая по почерку.

Ряд рукописных помет в изучаемых кодексах доказывает популярность флорилегия и в скрипториях Италии в конце X—XI вв.

Кодекс Vatic. gr. 2020 переписан в 993 г. в Капуе. Итальянское происхождение вероятно и для Cod. Vatic. gr. 1582 XI в.: во всяком случае, пребывание книги в Гротта-Ферраре определяется библиотечной записью. На юге Италии находился и другой список XI в. — Cod. Escog. Ω. III. 14, обновлявшийся, судя по записи, в 1285 г. в Спасской обители Мессины. Та же запись указывает на происхождение книги. Южноитальянскими являются, судя по внешним характерным признакам оформления и письма, и Cod. Vindob. Theol. gr. 328 (около XII в.), и Cod. Coisl. 115 (XII в.); вместе с тем лаврская библиотечная запись в последнем из них свидетельствует о перемещении книги на Афон.

Афон и Фессалия являлись, как следует из кодикологических наблюдений, третьим центром распространения сборника. Фессалийское происхождение определяется у Младшего Амброзианского (А) списка XIII в. (Cod. Ambrosian. gr. 1041/H 257 inf.). Ряд рукописных записей и помет говорит если не об афонском происхождении, то во всяком случае, подобно истории кодекса Coislenus 115, о собирании изучаемых книг в афонских монастырях. Так, Младший Куаленовский (К) список XII в. находился в библиотеке Лавры св. Афанасия, что удостоверено соответствующими пометами. Старейший список «авторской» редакции — Московский IX—X в. — находился в монастыре Пантократора, откуда и был вывезен Арсением Сухановым, что определяется соответствующими маргиналиями.

Кодикологический анализ по возможности всех рассмотренных списков с целью изучения регионального распространения копирования сборников — прототипов Изборника позволит получить новые данные, необходимые для исследования самого механизма переводческой деятельности средневековых книжников.

Именно на основе редакции «88 вопросов и ответов» сформировался и сборник-прототип славянского Изборника, который условно, следуя за одним из рукописных заглавий, можно назвать Συλλογή

(что соответствует в определенной мере древнерусскому титулу). Συλλογή расширяется за счет добавления статей прежде всего энциклопедического и справочного характера. До сегодняшнего дня, как сказано выше, нам известно 22 исследованных списка, оцениваемых как прототипы славянского памятника Изборника Святослава 1073 г. Естественно, что не все эти списки идентичны по составу: какие-то главы и даже целые разделы текстов отсутствуют в тех или иных копиях. Более того, в Венецианском списке, правда, более позднем, имеет место контаминация двух различных редакций — Συλλογή и Пространной: повторяются в разных местах кодекса одни и те же вопросы и ответы, однако в различных вариантах; кроме того, переписаны и тексты, отсутствующие как в других списках прототипа Изборника, так и во всех списках редакции «88 вопросов», но зато сохраненные Пространной редакцией, которую, видимо, и воспроизводит одна из частей объемного Марчианского кодекса, объединившего под одним переплетом одно и то же произведение, но в разных редакциях.

Пространная редакция представлена рядом списков, один из которых был положен в основу существующего издания — Я. Гретсера, перепечатанного затем в «Патрологии» Ж.-П. Миня. Из известных нам списков максимально близок к изданию текст Cod. Laurent. gr. VI. 35 (XI в.). Другими списками Пространной редакции (в различной степени полноты состава) по предварительной оценке являются Laurent. gr. IV 16 (1062 г.), Patmius 5 (XII в.), Vatican. Pii II. 11 и Neapol. gr. 17 / П. A.17 (olim Farnes.) (оба — XIV в.), вероятно, и Andros. Mon. Hag. 64, Athos Dionys. 224, Uppsal. gr. 29, Vatic. gr. 1909, Roman. Centr. Vittor. Emm. gr. П N 1 (XVI в.), Athos Vatoped. 15, Athos Dionys. 225 (XVII в.). Именно в списках этой редакции рассматриваемый флорилегий нередко озаглавливается «Ὀδηγός», отождествляясь тем самым с другим произведением Анастасия — «Путеводителем».

Последняя часть статьи содержит результаты находок латинской, а также арабской и древнегрузинской версий памятника в сопоставлении с сирийским, коптским и армянским переводами других текстов под именем Анастасия Синаита. Это позволяет увидеть в создании Изборника Святослава не изолированное явление переводческой практики двусторонних византино-славянских отношений, но определенное звено в цепи системы культурных взаимосвязей Византии с Восточным Средиземноморьем, Закавказьем, славянами, западно-европейскими народами.

Наибольшее распространение в греческих списках текста Флорилегия в редакции «88 вопросов и ответов» предопределило то обстоя-

ительство, что именно с ней познакомились славянские книжники и перевели этот свод, создав Изборник, ставший выдающимся памятником книжной культуры славян. Занятия с греческими списками в различных рукописных сборниках позволили нам найти еще одно живое свидетельство обращения славянского читателя к изучаемой греческой книге. В Младшей Флорентийской (Лауренцианской) рукописи (Fl.) XI или XI–XII в. Cod. Laurent. gr. IV. 7 на л. 106 об. обнаружена маргинальная запись, сделанная на нижнем поле вверх ногами. Поле было обрезано при переплете, и сохранился лишь короткий фрагмент, сделанный уверенным четким почерком: ... Ν'ΒΗΝ ΠΟΠ'Υ. Несмотря на краткость сведений (речь идет о священнике?), не позволяющую делать какие бы то ни было развернутые заключения, представляется важным сам факт обнаружения следов бытования греческой книги в славянской среде. Более того, показательно, что эта помета оставлена на кодексе, являющемся, как показал приведенный выше анализ, также списком Συλλογή, т. е. редакции, ставшей прототипом славянского Изборника.

На полях греческих списков памятника нередки и латинские пометы и записи. Это, как и локализация происхождения некоторых списков итальянскими центрами, свидетельствует о более широком ареале распространения псевдо-анастасиева Флорилегия в мире средневековой книжности, чем просто одностороннее движение книги из Византии к славянам, на Русь.

Изучение истории формирования византийского прототипа Изборника Святослава 1073 г., базирующееся к настоящему времени на 120 с лишним списках IX/X–XVIII вв., привело к заключению о необходимости не пренебрегать поздними списками, которые подчас обнаруживают интересный материал, позволяющий поставить проблему распространения средневековой книжности в Европе в совершенно новом ракурсе.

К такому результату привело знакомство в Мадридской Национальной библиотеке с Cod. Matrit. gr. 4552. Кодекс XVII в. представляет собой двуязычный греко-латинский сборник, текст в котором переписан в два столбца так, что левый воспроизводит греческий текст, правый — латинский. Вторая половина сборника (после л. 156) является списком «Вопросов и ответов» (Псевдо)-Анастасия Синаита. Как выяснено, одна из редакций этого византийского памятника (так называемая «коллекция 88 вопросов с флорилегиями») с добавлением устойчивого круга текстов в начале и конце компендиума стала прототипом славянского переводного сборника, известного как Изборник Святослава, вместе со связанными с ним 20 южнославянскими и древнерусскими сборниками XIII–XVIII вв.

В Мадридском списке порядок следования вопросов и ответов иной, чем в списках «коллекции 88 вопросов»; отличается он композиционно и от полного текста компедиума, известного по Ингольштадтскому изданию 1617 г. Я. Гретсера. Интерес представляет сам факт двуязычия сборника, что заставляет сделать вывод о существовании и распространении латинской версии памятника.

Дальнейший поиск иноязычных версий византийского корпуса «Вопросоответов» привел к выводу о существовании грузинской версии текста (известна коллекция 16 вопросов), а также арабской (в корпусе 154 вопросов и ответов, а также в различных других сочетаниях).

Грузинская версия воспроизводит сокращенный вариант Флорилегия. Это — не единственный грузинский перевод Анастасия Синаита. Широкое распространение получила грузинская версия «Путеводителя», Гомилии на 6-й псалом (причем так же, как и в греческом оригинале, в двух редакциях), надгробной речи.

Среди переводчиков творений Анастасия известны имена выдающихся деятелей грузинской культуры середины XI — первой четверти XII в.: афонского иеромонаха Феофила — ученика Георгия Афонского, а также Ефрема Мцире, трудившегося в Малой Азии, близ Антиохии, на Черной горе, Арсения Икалтоели, получившего образование в Константинополе и подвизавшегося на Черной горе, а после возвращения в Грузию — в академиях Галати, затем — Икалто в Кахети. В составе объемного сборника, созданного Арсением, — «Догматикона», древнейший известный список которого (Sin. 1463) относится к XII в., помещены «Путеводитель» Анастасия Синаита, «Источник знания» Иоанна Дамаскина, тексты Кирилла Александрийского, антимонофиситские послания к Петру Антиохийскому, сочинения Михаила Пселла, Никиты Стифата, антилатинский трактат Евстратия Никейского, полемические статьи против иудеев, григорианцев, яковитов, мусульман и «эллиниствующих» язычников. Переводческим принципом, декларируемым Арсением в конце перевода «Путеводителя» («Предводителя»), была точность следования оригиналу. Он пишет: «Если кое-где встречаются темные и бедные места, это обусловлено не незнанием грузинского, а точным следованием греческому».

Арабская версия «Вопросоответов» содержит выдержки из псевдо-анастасиева Флорилегия, атрибуция многих фрагментов которых Анастасию Синаиту условна так же, как и в греческой традиции. Интересно, что в составе арабского корпуса сохранилась не известная пока в греческом варианте Гомилия на Страстную пятницу. Известные арабские списки, содержащие «Вопросы и ответы», довольно

поздние и отличаются друг от друга по составу. Так, Иерусалимский Святогробский список Hierosolym. S. Sepul. ar. 113, датируемый 1841 г., содержит на лл. 106–216 текст 82 вопросов и ответов. Указание в литературе также на Иерусалимскую Святогробскую рукопись N 131 является ошибочным: имеется в виду один и тот же список.

Тот же состав вопросов и ответов — и в *Sbath Fahrīs* 220 по списку *Šarfeh* ar. 14/I, 18, датированному 1730 г. Другими известными списками являются также *Sinait.* ar. 481, I и 578.6. В литературе есть указание и на список *Balamand*.⁶

Для нас более важным представляется полный корпус «Ответов на вопросы» в 154 главах в *Dair Aš-ir* XV в. (P. 1–731). Корпус состоит из нескольких групп вопросов и ответов, первая из которых насчитывает тридцать глав (P. 1–428) и названа «Книгой Анастасия». К «Ответам на вопросы» примыкают Толкования на 10 божественных молитв (P. 731–740). Г. Граф указывает на рукописи этого памятника Василианского монастыря в Ливане, виденные им в 1932 г.

Для изучения распространения анastasиева свода в арабском мире интерес представляют и данные о других произведениях под именем Анастасия, переведенные на арабский в известных рукописях. Это — Гомилия на Страстную пятницу, две гомилии на притчу о десяти девах, а также письма Анастасия (в рукописях *Balamand*); ему же приписываются и поучительные повествования, а также гомилия, сохранившаяся под именем Михаила Лавриота св. Харитона. И. Крачковским указана также неизвестная гомилия Анастасия в рукописи из собрания Григория IV N 27, лл. 60об–89об.

Гомилия на 6-й псалом Анастасия, включаемая часто редакторами и писцами в кодексы со списками Флорилегия и известная в двух греческих редакциях (Первая — PG T. 89, 1077–1116, Вторая — 1116–1144), дошла до нас и в двух арабских редакциях. Гомилия Анастасия на Преображение Господне (ВНГ 1999), известная в греческой традиции, также сохранилась и в арабском переводе. Гомилия на страсти Христа, до недавнего времени еще не изданная, существует

⁶ *Бибиков М. В.* Латинская и другие версии византийского прототипа Изборника Святослава // *Славяне и их соседи.* Москва, 1991; *Idem.* Sur la traduction slave la plus ancienne des recueils byzantins // XVIIIe Congrès International des Etudes byzantines. Rés. comm., I. Moskva, 1991. P. 134–135; *Его же.* Библиейские сюжеты в византийских, древнеславянских и других версиях флорилегия Анастасия Синаита // *Славяне и их соседи,* 5. Москва, 1994. С. 26–43.

также в арабской версии. Арабская традиция сохранила и анastasиевы Повествования («Narrationes»), известные в трех коллекциях — из 42, 9, а также 18 глав, 12 из которых неизвестны.

Такое широкое распространение произведений Анастасия Синаита, в том числе его «Ответов на вопросы», в арабоязычной христианской книжности само по себе показательно, если учесть сравнительно ограниченное количество сохранившихся рукописей этого рода. Тем более интересными становятся и обнаруживаемые соответствия в составе и содержании рукописных сборников, дошедших в разноязычных версиях. Так, среди арабских рукописей Синайского монастыря св. Екатерины обращает на себя внимание соединение в одной книге текстов «Вопросоответов», флорилегиев и хронологических и историографических статей, подобно тому, как «Ответы на вопросы» Анастасия Синаита, как в греческих списках, так и в славянских и древнерусских, соседствуют с гомилетическими и краткими хрониками, или «Летописцем».

Так, небольшой арабский сборник на пергамене Sinait. Cathar. ar. perg. 25 в 64 листа включает в себя «Вопросы и ответы» Антиоха и Афанасия, затем — свидетельства о воплощении Христа, а также Историю о благородном константинопольце и Повествование о Зиноне — василевсе ромеев, а сборник вопросов Антиоха — монаха Лавры Саввы Освященного к игумену Евстафию в 150 главах XII в. включает в себя затем повествование о семи Вселенских соборах, а также о вероисповедании мельхитов, несториан, яковитов, маронитов, Ария, «македонян», армян и полемические сочинения (Sinait. Cathar. ar. pap. 4). Другой сборник (Sinait. Cathar. ar. perg. 14), содержащий «Вопросы и ответы о правой вере», включает в себя в завершении полемическое Послание Льва, императора ромеев, к Омару Ибн-Абделазизу Амиру ал-мухуменин и ответы последнего.

Итак, в арабской рукописной традиции существовали сборники, аналогичные изучаемым нами, содержащие вместе с «Ответами на вопросы» об основных христианских догматах и принципах полемические статьи, а также хронологические выдержки, краткие повествования по историческим и церковно-историческим сюжетам.

Аналогом распространения прототипа Изборника Святослава, как на Востоке, так и на Западе, могут служить другие сочинения, сохранившиеся под именем Анастасия. Указанные выше творения, атрибутируемые в леммах разноязычных рукописей Анастасию Синаиту, известны, помимо греческого оригинала, а также славянского, латинского, арабского и грузинского переводов, еще в сирийской, коптской и армянской версиях. Первая редакция Гомилии на 6-й псалом до-

шла в сирийском переводе, а также в коптской версии. В армянском варианте дошла надгробная речь, известная, как сказано выше, и в грузинском переводе.

Таким образом, обращение к латинскому переводу изучаемого памятника, спровоцированное знакомством с Мадридским греко-латинским сборником, позволило выявить широкий историко-культурный фон мира средневековой книжности, на котором создавался Изборник Святослава 1073 г.

Славянский памятник не был случайным изолированным произведением, происхождение, характер и назначение которого по сей день вызывает в науке недоумение и противоречивые суждения и споры. Он представлялся то «древнейшей на Руси энциклопедией», то «монументальной хрестоматией», или «хрестоматийным типом книги», то первым школьным учебником.

Однако древнерусский свод не был, как выясняется, результатом спорадического акта литературного заимствования в истории лишь двусторонних византино-славянских связей. Он оказался определенным звеном в системе распространения греческой книжности как на Востоке, так и на Западе. Тем самым современное изучение Изборника Святослава обретает общеевропейский историко-культурный аспект.

П. И. Жаворонков

ЗАПАДНЫЕ И ВОСТОЧНЫЕ РЕАЛИИ В СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКОЙ И ДУХОВНОЙ ЖИЗНИ НИКЕЙСКОЙ ИМПЕРИИ

Никейская империя с первых дней своего существования оказалась в окружении враждебных сил: сельджуков на Востоке и латинян на Западе. Падение Константинополя в результате Четвертого крестового похода и создание на территории бывшей Византийской империи латинских государственных образований вели не только к усилению влияния Запада на социально-политическую и духовную жизнь нового греческого государства, но и придавали этому влиянию существенное своеобразие по сравнению с предшествующим периодом. Антилиатинские настроения, слабо выраженные в византийском обществе после разрыва церковей в 1054 г., получили в это время настолько мощный импульс в широких кругах населения разгромленной латинянами империи, что стали основной идеологической базой политики никейских императоров в борьбе за восстановление Византии. Этому способствовали и злоупотребления латинян на завоеванных территориях: осквернение храмов, преследование православных, запрещение избирать своих священников и т. д.¹ Верность православию отныне рассматривалась как преданность родине, а отступление от него — как предательство.²

© П. И. Жаворонков.

¹ *Migne*. PG. T. 140. Col. 293–298; 601–622; *Laurent V*. Les Regestes de 1208 à 1309. Paris. 1971, NN. 1234, 1256.

² Именно так была расценена в Никее уступчивость митрополита Николая Месарита на переговорах в Константинополе с кардиналом Пелагием,

Казалось бы, все западное должно было незамедлительно отвергаться правящими кругами, как еретическое и исходящее от осквернителей их родины. Действительность, однако, оказалась сложнее. Никейское высшее общество состояло из разнородных элементов. Одни из них, как, например, константинопольская элита, бежавшая к императору Феодору I Ласкарю, который при коронации ясно выразил свою главную цель — отвоевание Константинополя,³ надеялись с его помощью вернуть потерянные богатства и восстановить утраченную власть. Другие, в основном это была знать, связанная с провинцией, стремились на волне антилатинского движения создать греческое независимое государство. Хотя идея освобождения Константинополя и антилатинские настроения объединяли тех и других, конечные цели у них были разными: для первых освобожденный Константинополь представлялся как всемирный Новый Рим, для вторых — как Новый Иерусалим (анти-Рим).⁴

В царствование Феодора I преобладающее влияние на политику империи имела нашедшая убежище в Никее константинопольская знать, для которой возвращение Константинополя любыми средствами, в том числе с помощью самих латинских наемников, было главной задачей. Разумеется, и нужды государства и политики подталкивали к использованию западных наемников, которые в первоначальный период истории Никейской империи действительно сыграли значительную роль. Именно они, как известно, решили исход сражения на Меандре в 1211 г. между никейскими войсками и сельджукской армией.⁵ Впоследствии они же составляли в никейском войске так называемый «италикон»,⁶ состоявший из тяжеловооруженной кавалерии.

за что он и впал в немилость. — *Heisenberg A. Neue Quellen zur Geschichte des lateinischen Kaisertums und der Kirchenunion: III. Der Bericht des Nikolaos Mesarites über die politischen und kirchlichen Ereignisse des Jahres 1214 // SBAW, Phil. — hist. Klasse. München, 1923. №. 3. S. 47.*

³ *Nicetae Choniatae Orationes et Epistulae, rec. I. A. Dieten. Berolini et novi Eboraci. 1972. P. 128, 13–17.*

⁴ *Ahrweiler H. L'idéologie politique de l'empire byzantin. P. 1975. P. 109–110.*

⁵ *Georgii Acropolitae Opera / Rec. A. Heisenberg. Editio stereotypa editionis anni MCMIII correctior, cur P. Wirth. Stuttgart, 1979, v. I (далее в тексте — Акроп.) P. 16. 16–21; Nicephori Gregorae Byzantina historia, v. I, ed. J. Schopen. Bonnae, 1829 (далее в тексте — Григ.). P. 19, 24–20. 13.*

⁶ *Georges Pachymerès. Relations historiques / Ed. par A. Failler. P. 1984, v. I (далее в тексте — Пах.). P. 27. 22; 37. 6–7.*

Несмотря на запреты папы и угрозы отлучения от церкви, латинские наемники приходили в Никею в большом количестве из Латинской империи,⁷ из венецианских территорий на Леванте⁸ и других крестоносных государств,⁹ а также из Франции, Испании и Англии.¹⁰ Они участвовали во многих сражениях на Балканах и в войнах с Латинской империей (Акроп. Р. 120.23).¹¹ Императорская сокровищница в Магнезии охранялась «кельтами», под которыми следует понимать не только скандинавов, но и датчан и шотландцев. Из них состояла императорская гвардия и личная охрана василевса (Пах. Р. 101.22).¹²

С мнением латинян в империи приходилось считаться. Когда Иоанн III Ватац (1222–1254) обвинил их командующего, великого коноставла Михаила Палеолога, в измене, они решительно доказывали его невиновность (Акроп. Р. 93.3), а в дальнейшем активно поддержали переворот Палеолога в 1258 г. и его избрание императором (Акроп. Р. 158. 15–21).

За службу рядовые наемники получали щедрое воинское жалование, что было одной из причин их прихода в Никею, а командиры, именовавшиеся «верными рыцарями» (ММ, IV. Р. 79, 103–104; Пах. Р. 119.11),¹³ — земельные пожалования в пронию. В районе Смирны такими бенефициариями были Адам и Гари, имевшие в пронии значительную часть трех деревень (Потамус, Мантейя и Панаретос) и осуществлявшие над ними юридическую и фискальную власть (ММ. IV.

⁷ *Heisenberg A. Neue Quellen...* III. S. 9. 2–5; 10. 19.

⁸ *Tafel F. und Thomas M. Urkunden zur Alteren Handels- und Staatsgeschichte der Republik Venedig mit besonder Beziehung auf Byzanz und die Levante.* Wien, 1856. V. 2. P. 207. 20–21.

⁹ *Registres de Grégoire IX / Ed. L. Auray.* Paris, 1896–1955. T. II. N. 4156.

¹⁰ ММ, IV. Р. 231, 232, 265, 271; VI. Р. 187.

¹¹ Против латинского императора Генриха в 1211–1214 гг. воевало более 160 рыцарей. — *Longnon J. La campagne de Henri Hainant en Asie Mineure en 1211 // Bulletin de l'Académie royale de Belgique.* Bruxelles. 1948. T. 34. Fasc. 8–9. P. 448.

¹² *Андреева М. А. Очерки по культуре Византийского двора XIII в.* Прага, 1927. С. 51; *Geanakoplos D. J. The Nicene Revolution of 1258 and Usurpation of Michael VIII Paleologos // Traditio.* 1953. N. 9. P. 427. n. 57.

¹³ *Ahrweiler H. L'histoire et la géographie de la région de Smyrne entre les deux occupations Turques (1081–1317), particulièrement au XIIIe siècle // TM,* 1965. T. I. P. 24.

Р. 7, 36–42, 61, 71, 81–82, 91–92, 103–104, 135).¹⁴ Латинским наемникам рангом пониже были предоставлены стратиотские участки. Такими были, например, Гилельмос (ММ. IV. Р. 154, 176–179) и Альенос (там же, Р. 94). Знатные латинские наемники занимали особое место в обществе и считались приближенными людьми императора. В окружении Феодора II входили Гуйю, Коитес и Аминеселес.¹⁵

Служа интересам Никейской империи, западные наемники оказывали и заметное влияние на социально-политические процессы в государстве, привнося в жизнь новые обычаи, продиктованные политическими моментами времени. Одним из них был обряд отпущения грехов войску и императору патриархом, введенный в 1208 г. по примеру католической церкви.¹⁶ Хотя отпущение грехов Православной Церковью противоречило всей византийской традиции, однако ввиду того, что латиняне составляли в этот период значительную часть никейского войска, этот обычай был введен. Таким образом, они получали такое же отпущение грехов, как и их соплеменники в Латинской империи. Тем самым создавалась еще большая возможность для их привлечения на службу Никее. Разумеется, этот акт имел и чисто политические мотивы, а не был простым копированием отпущения грехов папою. Во-первых, и воины-греки получали такое же отпущение грехов, что и латиняне, а во-вторых, этот акт как бы уравнивал в правах, по крайней мере — в глазах латинян, только что избранного патриарха с главой католического Рима.¹⁷ Возможно, по примеру католических западных государств, и в первую очередь Латинской империи, в это же время получил дальнейшее развитие обычай принесения светской, военной и церковной знатью клятвы на верность императору. Такая присяга чаще оформлялась в форме документа.¹⁸

¹⁴ *Charanis P.* The aristocracy of Byzantium in the thirteenth century // *Studies in Roman Economic and Social History in honor of A. C. Johnson.* Princeton. 1951. P. 341; *Angold M. A.* Byzantine government in exile. Government and society under the Laskarids of Nicaea (1204–1261). L. 1975. P. 106, 187–188.

¹⁵ ММ, IV. Р. 231; *Theodori Ducae Lascaris Epistulae CCXVII* / Ed. N. Festa. Firenze. 1898. P. 14, 81, 97.

¹⁶ *Oikonomidès N.* Cinq actes inédits du patriarche Michael Autoreianos // *REB*, 1967, 25. P. 119. 70–73; 120. 24–27; *Laurent V.* Regestes, NN, 1205, 1206.

¹⁷ *Oikonomidès N.* Cinq actes. P. 117, 135.

¹⁸ *Χριστοφιλοπούλου Α.* Ἡ ἀντιβασιλεία εἰς τὸ Βυζάντινον // *Σύμμεκτα*, 1970. Τ. 2, σ. 83.

Западный этнический элемент как реальность социально-политической жизни Никейской империи был представлен не только знатными рыцарями и рядовыми наемниками, но и высшей знатью, часть которой уже давно обосновалась в Византии, а после 1204 г. перешла на службу к никейскому императору. К латинским знатым родам, имеющим более одного представителя по мужской линии и зафиксированным на протяжении более одного поколения, принадлежали Раули, Петралифы, Франкопулы и Гиды. Раули к началу XIII в. настолько прочно утвердились среди византийской аристократии, что успели породниться с Комнинами, Ангелами и Дуками. Два наиболее известных представителя рода Раулей в Никее — Алексей (Акроп. P.77. 19–20; 92. 18–20; 155.6; Пах. P. 41.8–9)¹⁹ и его старший сын Иоанн, женатый на Феодоре, племяннице Михаила VIII Палеолога (Акроп. P.160. 20–22; 171.13–17; Пах. P. 117. 16–17; 153.21–155.5)²⁰ — достигли соответственно звания великого domestика и протовестиария, имели большие земельные владения (MM. IV. P. 259) и входили в никейскую элиту.

Норманского происхождения был и род Петралифов, который после 1204 г. (как и Раули) разделился на две ветви: эпирскую (Акроп. P. 39. 12–13; 140.25–26)²¹ и никейскую. В последней главенствовали Иоанн Петралифа, великий хартуларий, и его сын Феодор, женатый на дочери мезазона Димитрия Торника (Акроп. P. 39.12; 90.19; 91.6; 166.2–4).²² Иоанн Петралифа мужественно защищал в 1239 г. Цурул от латинского войска, участвовал в походе на Фессалонику в 1243 г. и был, по словам Акрополита, «человек храбрый, с детства учившийся военным делам» (Акроп. P. 58. 18–21; 66. 19–22).

Франкопулы не достигли в Никее высоких постов и больше известны как гражданские лица: учителя и грамматики. Андроник Франкопул был учителем и корреспондентом Феодора II,²³ а другой Фран-

¹⁹ *Fassoulakis S.* The Byzantine Family of Raoul—Ral(l)es. Athenes. 1973. N. 5. P. 15–16; Χατζη Α. Χ. Οι 'Ραούλ, 'Ραλ, 'Ράλαι (1080–1800). Kirchhain, 1908. P. 13–15.

²⁰ *Fassoulakis S.* Op. cit. N. 6. P. 18–19; Χατζη Α. Χ. Op. cit. P. 15–16.

²¹ *Polemis D. I.* The Doukai. A Contribution to Byzantine Prosopography. L. 1968. NN. 160–161. P. 165–166; *Nicol D.* Refugees, mixed population and local patriotism in Epiros and Western Macedonia after the Fourth Crusade // XV Congrès International d'Etudes byzantines. Rapports et co-rapports. Athènes. 1976. P. 5.

²² *Angold M.* Op. cit. P. 25, 286.

²³ *Theodori Ducae Lascaris Epistulae...* P. 271.

копул (личное имя неизвестно) — грамматиком при дворе в Никее (ММ. IV. Р. 9, 232–233).²⁴ Гиды при Феодоре I Ласкаре были известны как военачальники, командующие отдельными отрядами.²⁵

Среди латинской знати, известной в одном поколении, следует отметить три рода: Контофров (Мануил Контофр — дука фемы Фракисион в 1237 и 1240 гг. и комадующий никейским флотом в 1239 и 1243 гг. с титулом пансеваст севаст — ММ. IV. Р. 152, 249–250; Акроп. Р. 59.14–21; 66.13–14);²⁶ Каваллариев²⁷ (Василий Каваллари был родственником Михаила VIII Палеолога — Пах. Р. 55.17–26; 155. 6–7), а также Варангопулов (Алексей Варангопул — правитель острова Кос в 1258 г. — ММ. VI. Р. 187).²⁸ Таким образом, в Никее было не менее семи родов латинской знати, три из которых появились на исторической сцене недавно.

Присутствие представителей западных этносов в империи, а также постоянные контакты с католическим миром оказывали влияние на интеллектуальную и духовную жизнь греков. В этом плане, как мне представляется, новый подход к традиционной проблеме взаимоотношений правителя и подданного, изложенный в трудах²⁹ императора Феодора II Ласкара, был результатом осмысления не только богатого материала, связанного с процессом феодализации и оформлением соответствующих институтов в империи, но и принесенных латинянами сведений о вассальных отношениях на Западе и в крестоносных государствах. Законченное изложение теория о вассальных отношениях между господином и подданным получила в труде императора «Об обязанностях подданных государю».³⁰ Здесь

²⁴ *Laurent V. Légendes sigillographique // EO. 1938. Т. 38. Р. 471.*

²⁵ Один из них — Андроник — был полководцем никейских войск против Давида Комнина — *Nicetae Choniatae Historia... Р. 641, 40–47.*

²⁶ *Laurent V. Bulles métriques dans la sigillographie byzantine. Athènes. 1932. N 240. Р. 85.*

²⁷ Теохаридис считает их по происхождению гетуэцами (от *Cavallario*. — *Theocharides. Οἱ Τζαμπλάκωνες // Μακεδονικά*, 1961–1963. Т. V. Р. 118, п. 24, 175, п. 3).

²⁸ *Angold V. Op. cit. Р. 249.*

²⁹ Впервые данная проблема рассматривается в эпитафии на смерть германского императора Фридриха II Гогенштауфена. — *Θεοδώρου Δούκα Λασκάρως ἐπιτάφιος εἰς Φρεδερίκον Β΄ Βασιλέα τῶν Ἀλαμανῶν. Ed. S. N. Dragumes // Βυζαντις, 2, 1911/12. Р. 404–413.*

³⁰ *Tartaglia L. L'opuscolo «desubiectorum in principem officiis» di Teodoro II Lascaris // Δίπτυχα, 2, 1980–1981. Р. 187–222.*

Феодор II впервые в истории византийской общественно-политической мысли приходит к выводу о наличии взаимных, личных связей в отношениях между правителем и подданным: император должен служить родине и народу и жертвовать своей жизнью так же, как и любой его подданный. Личная связь должна основываться на принципе *δότη καὶ λαβή*, что соответствовало типичным принципам вассальных отношений: *auxilium et consilium* со стороны вассала, защита и поддержка со стороны сеньора.

В еще большей степени западное влияние обнаруживается в судебной практике. Вместе с крестоносцами на византийской земле появились судебный поединок и ордалии (испытание раскаленным железом). Когда Михаил Палеолог, командовавший в 1252 г. находящимися на Балканах войсками, был обвинен одним из жителей Мельника в измене, то в силу отсутствия свидетелей император Ватац приказал прибегнуть к судебному поединку. Обвинитель и обвиняемый выехали друг против друга на конях в полном вооружении. В поединке Палеологу удалось сбить копьём жителя Мельника с коня, и тот был признан виновным и казнен (Акроп. Р. 93.1–95.12).³¹

Еще во время разбирательства, перед судебным поединком, император Ватац хотел подвергнуть Михаила испытанию раскаленным железом, но встретил большое сопротивление как со стороны обвиняемого, так и со стороны духовенства (Акроп. Р. 96–98).³² Митрополит Фока, которому было поручено подвергнуть Палеолога упомянутому испытанию, отказался, заявив, что этот варварский обычай противоречит византийским законам и не освящен церковью (Акроп. Р. 98–4–9). Однако в конце царствования Феодора II, когда распространилась практика обвинений в колдовстве, каждый обвиняемый, чтобы спастись, должен был по приказанию императора подвергнуться ордалиям. За три дня до испытания руку обвиняемого завязывали и запечатывали с тем, чтобы он не предпринял никаких действий (например, с помощью мазей), которые могли бы смягчить эффект раскаленного железа. Эти три дня он проводил в посте и молитве. В день испытания обвиняемый должен был взять в руку кусок раскаленного железа и пройти три шага. Его признавали невиновным,

³¹ *Czebe G. Studien zum Hochverratsprozesse des Michael Palailogos im Jahr 1252 // BNJ, 1931, 8, S. 59–98.*

³² *Geanakoplos D. J. Ordeal by fire and judicial duel at Byzantine Nicaea (1253): Western or Eastern Legal Influence? // Geanakoplos D. J. Interaction of the «Sibling» Byzantine and Western Cultures in the Middle Ages and Italian Renaissance (330–1600). New Haven—Londres. 1976. P. 146–155.*

если не было следа от ожога (Пах. Р. 55.4–9). Подобный обычай действительно существовал на Западе. Только там руку испытуемого завязывали и заставляли его проводить три дня в уединении не до, а после испытания. Столь варварские методы «божьего суда» вызывали протесты просвещенных людей империи (Пах. Р. 55.9–10),³³ и при Михаиле Палеологе они были отменены (Пах. Р. 131.21–24).

Западное влияние отразилось и на религиозных представлениях и литературе. Хотя подавляющее большинство населения было настроено враждебно по отношению к латинянам и их верованиям, многие образованные представители никейской знати стремились к уменьшению антагонизма, а в конечном итоге — и к унии православной и католической церкви. Идеологическим обоснованием позиции пролатинской партии среди высшего духовенства и знати Никеи являлись богословские труды Георгия Акрополита и Никифора Влеммида. В своем сочинении об исхождении Св. Духа Влеммид предлагал компромисс, на основе которого Западная и Восточная церкви могли бы соединиться,³⁴ Акрополит же, полагая, что все христианские народы являются членами одного тела, глава которого Христос,³⁵ и что греки и латиняне связаны общим именем — ромеев, вообще не видел серьезных преград для объединения церквей. В этих взглядах отразилось, несомненно, влияние западной богословской мысли.³⁶

Влияние культуры Западной Европы проявилось и в распространении среди знати Никейской империи рыцарского романа, возникшего на стыке двух цивилизаций.³⁷ Его мотивы можно обнаружить уже в переписке Феодора II Ласкариса. Так, в одном из писем Акрополиту³⁸ император рассказывает о сне, во время которого он будто бы проник во дворец царя солнца-мудрости. Царь дал ему в провозжатые и невесты двух своих дочерей, которые помогали ему в борьбе с тьмой и невежеством. Несмотря на символический смысл рассказа

³³ Nicephori Blemmidae curriculum vitae et carmina. / Ed. A. Heisenberg. Lipsiae. 1896. P. 49,7–10.

³⁴ Migne. PG. 142. Col. 568.

³⁵ Georgii Acropolitae Opera. V. 2 / Rec. A. Heisenberg. Editio stereotypa editionis anni MCMIII corrector, cur P. Wirth. Stuttgart, 1979. P. 31. 21–22 (далее — Акроп.).

³⁶ Richter G. Das Georgios Akropolites Gedanken über Theologie, Kirche und Kirchenheit // Byz., 1984. 44. S. 279–299.

³⁷ Алексидзе А. Д. Мир греческого рыцарского романа XIII–XIV вв. Тбилиси, 1979. С. 3.

³⁸ Theodori Ducae Lascaris Epistulae... P. 67–71.

о сне, упоминание о дворце царя-мудрости очень напоминает распространенный мотив рыцарских романов о дворце царя любви, а повествование о пребывании в нем императора — сюжет анонимного романа XIII в. «Вельфандр и Хрисанца». ^{38a}

Никейская империя поддерживала дипломатические отношения со многими странами Западной Европы и Римом. Обмен посольствами, многочисленные переговоры с римским папой по поводу заключения унии церквей как в Константинополе (1207, 1214) и Риме (1232, 1249), так и в самой Никее (1234, 1248) требовали хороших переводчиков с латинского языка. Представляется поэтому вполне вероятным, хотя нигде об этом в источниках не говорится определенно, что образованные люди при никейском дворе, в том числе и сам император Феодор II, владели латинским языком. В этой связи интересен диспут, описанный императором, ³⁹ с главой посольства Фридриха II маркизом Бертольдом фон Гогенбургом. Среди свиты маркиза были ученые, которые уверяли, что изучили, кроме грамматики, риторики и логики, также и квадривиум и имели некоторое знакомство с Аристотелем. В ходе спора, однако, император убедился в том, что из арифметики и геометрии они знали немного планиметрию, из астрономии — астрологию. Они совершенно не знали политику и физику, а в этике и логике делали много ошибок. Едва ли этот диспут мог вестись по столь разным дисциплинам через переводчиков.

Таким образом, несмотря на глубокий антагонизм, который разделял после 1204 г. греков и латинян, присутствие западных реалий (их элементы, вероятно, не ограничиваются вышеприведенным) в социально-политической и духовной жизни греков Никейской империи не только не уменьшилось, но даже увеличилось. Это «варварское» латинское влияние отчетливо ощущалось учеными Никеей и Феодором II. Император пытался бороться с «варваризацией», понимаемой им и как огрубление нравов, и как пренебрежение ко всему греческому со стороны знати, поскольку в латинском влиянии ему виделась гибель византийско-эллинской культуры. Он стремился, хотя и неудачно, создать греческое отечественное войско, ⁴⁰ которое бы заменило многочисленных и небезопасных наемников. Но слишком короткое время его царствования не позволило существенно повлиять на этот процесс.

^{38a} Bibliothèque grecque vulgaire, publ. par E. Legrand. V. 1. Paris, 1880. P. 125–168.

³⁹ Theodori Ducae Lascaris Epistulae... P. 175.

⁴⁰ Ibid. P. 58–59; *Angold M.* Op. cit. P. 185–186.

Обратимся теперь в другую сторону, на Восток, обитатели которого в течение столетий были опасными и грозными врагами Византийской империи и оказывали существенное влияние на жизнь ромеев. В период Никейской империи восточные реалии проявились прежде всего в массовом притоке иноплеменников восточного происхождения на земли империи, что было связано как с миграционными процессами у юго-восточных рубежей государства, так и с переселенческой политикой Ватаца.

После поражения Иконийского султаната в битве с монголами в 1243 г. восточный этнический элемент в долине Меандра становится преобладающим среди населения. К 60-м гг. процесс исламизации и изгнания греков из этого района вступил в завершающую стадию. Немало сельджуков и туркоманов переходили на службу Никеи, получая земли и пастбища в обмен на стратиотские и акритские обязанности по охране границы (Пах. Р. 185.12–187.10).⁴¹

Часть из них служила наемниками в никейской армии во главе со своими военачальниками.⁴² Значительное число сельджуков поселилось и на Балканах вместе с нашедшим убежище в Никее султаном Кай-Каусом.⁴³ Сельджуки и туркоманы, поселенные в качестве стратиотов и акритов вдоль восточной границы империи, а в конце 50—начале 60-х гг. и на Балканах, составляли существенный элемент никейских войск, особенно с конца 50-х гг. Некоторые из туркоманов стали военачальниками никейского войска, а затем и приближенными императора. Одним из них был Никифор Римпса, крещеный туркоман, который командовал отрядом в битве при Пелагонии в 1259 г. (Акроп. Р. 170.24–171.1). Эти туркоманы прибыли вместе с Михаилом Палеологом из Иконийского султаната, где он находился в 1256–1257 гг., опасаясь преследования со стороны императора Феодора II Ласкаря (Акроп. Р. 134.7–19; 134.18–136.7; Пах. Р. 43.6–45.12).

⁴¹ *Werner E. Akritai und Ghasi // Studia Bizantina. Halle, 1966. S. 27–48. Ferjančić B. Quelques significations du mot stratiote dans les chartes de Basse Byzance // ЗРВИ, 1982, 21. P. 95–96.*

⁴² Прибывших в Никею сельджукских полководцев Али-Бегадур и Огурла в 1259–1260 гг. Михаил Палеолог использовал в своих войнах на Балканах (Пах. Р. 185.12–16) — *Duda H. W. Die Seltchukengeschichte des Ibn Bibi. Kopenhagen, 1959. S. 284.*

⁴³ *Zachariadou E. A. Οι Χριστιανοί ἄλγόνοι τοῦ Ἰζζεδίν Καϊκαίου Β' στὴν Βέρροια // Μακεδονικά. 1964–65. Τ. 6. S. 62–72.*

Восточный этнический элемент в империи пополнили и куманы, которые принимали активное участие в военных действиях на Балканах в конце XII–первой трети XIII в.,⁴⁴ а в начале 40-х гг. императору Ватацу удалось «подарками и благодеяниями», как говорит Акрополит, расселить более 10 тыс. куманов во Фракии, Македонии и в районе Меандра (Акроп. Р. 53.22–54.17; 65.17–20; Григ. Р. 37.4–9).

Часть никейской армии, так называемый «скитикон» (Акроп. Р. 126.18; 169.3; Пах. Р. 27.24), состоял в основном из половцев-куман, представлявших собой мобильную ударную силу легковооруженной конницы. Куманы участвовали почти во всех походах и сражениях на Балканах в 1246–1261 гг. (Акроп. Р. 65.16, 25; 120. 24; 139.6 и др.).⁴⁵ Их конница сыграла решающую роль в битве при Пелагонии (Акроп. Р. 169.3; Григ. Р. 111). Были они и среди 800 воинов отряда Алексея Стратигопула, овладевшего Константинополем в 1261 г. (Пах. Р. 197.25).

К этому времени все они были крещены и, по выражению Акрополита, «из диких волков превратились в овец Христа» (Акроп. П. Р. 24.18). Жили они обособленно деревнями, посаженные на землю в качестве стратиотов (Акроп. Р. 65. 19; 158.18–21; Григ. Р. 37.5). Некоторые из куманских военачальников стали приближенными императора Феодора II, как, например, Клеоп, который вместе с Георгием Нестонгом был послан в 1256 г. против болгар,⁴⁶ а затем как верный человек императора ездил с письмом и устным докладом к Музалону в Никею.⁴⁷ Военачальники-куманы наравне с латинскими полководцами присутствовали на важных советах у императора (Акроп. Р. 120.23–25 и др.).

Постоянной восточной этнической группой в Византии были армяне, игравшие значительную роль в военной и гражданской администрации при Комнинах.⁴⁸ В Никее их численность сократилась. Как и прежде, армяне-павликаны жили отдельными поселениями,

⁴⁴ Из последних работ см: *Паолов Пл.* За ролята на куманите в българската военна история (1186–1241) // Военно-исторически сборник, 1990. № 6. С. 14–23.

⁴⁵ *Angold M.* Op. cit. P. 152, 188–189.

⁴⁶ *Theodori Scutariotae Additamenta / Georgii Acropolitae Opera...* Т. I. P. 293, 11–12.

⁴⁷ *Theodori Ducae Lascaris Epistulae...* P. 259.

⁴⁸ *Charanis P.* The Armenians in the Byzantine Empire // BS, 1961. 22. P. 239.

плохо ассимилировались и, эллинизируясь, строго сохраняли свою религию и язык. Наиболее крупная колония армян находилась в районе Смирны, вблизи деревни Панаретос (ММ. IV. Р. 79). Армяне жили в Фессалонике и вокруг нее, а также возле Филиппополя и в Македонии. Часть армян на границах с Эпиром служила акритами.⁴⁹ В течение всего существования Никейской империи в источниках не отмечено миграции армян. Многие ранее знатные армянские роды сошли с исторической сцены. Лишь некоторые из них сохранили свое главенствующее положение в общественно-политической жизни империи. Так, например, род Торников,⁵⁰ известный среди знатных родов империи с конца X в., входил и в никейскую элиту и был представлен двумя крупнейшими фигурами этого периода: Димитрием Торником Комнином — высшим гражданским лицом в администрации Феодора I и Иоанна III Ватаца (Акроп. Р. 66. 15–17; 90. 20–24; ММ. IV. Р. 139–145, 220, 240, 241)⁵¹ и его сыном, севастократом Константином (Акроп. Р. 114. 3–4; 173. 7–9; 180. 5–7; Пах. Р. 153. 12–14), впоследствии главой константинопольской администрации.⁵²

Некогда известный армянский род Артавадов сохранился лишь в лице среднего землевладельца в районе Смирны (ММ. IV. Р. 11, 148).⁵³ Из рода Таронитов мы знаем только примикирия Константина Таронита — главу вардариотов (дворцовой стражи). При Феодоре II он участвовал в военных действиях в Македонии (Акроп. Р. 131. 26–28). К армянской знати следует отнести еще два рода: Котерцов (Николай Котерц был одним из лучших полководцев Ватаца — Акроп. Р. 51. 22–26) и Лапардов (Мануил Лапард предводительствовал одним из отрядов на Балканах — Акроп. Р. 146. 25–26). Итого пять армянских родов.

О восточном влиянии на духовную жизнь, быт и нравы греков Никей известно очень немного. Можно отметить, что в 1252 г. появился на греческом языке учебник арифметики с арабскими циф-

⁴⁹ *Prochniak D.* Kolonie arménskie i ich wpływ na sztuke krajów balkánskich w srednicwieczu // *Balkanica Posnariensia*, 1989. 4. P. 232–256.

⁵⁰ О Торниках конца XII в. см: *Darrouzès J.* Notes sur Euthyme Tornikès, Euthyme Malakes et Georges Tornikes // *REB*. 1965. Т. 23. P. 148–167.

⁵¹ *Loenertz R.-J.* Le Chancelier impérial à Byzance au XIIe et au XIVe siècles // *OCP*. 1960. Т. 26. P. 297–298.

⁵² *Guilland R.* Etudes sur l'histoire administrative de l'Empire byzantin: L'éparque // *BS*. 1980. Т. 41. P. 162.

⁵³ О роде см: *Ahrweiler H.* L'histoire... P. 168.

рами, которые до этого были мало известны.⁵⁴ Среди наказаний за колдовство, применявшихся в последние годы царствования Феодора II, можно указать на одно, которое по своей изощренности напоминает восточные пытки: обвиняемого, раздев догола, сажали в мешок с дикими кошками. Именно такому наказанию была подвергнута Марфа Тарханиотисса, насильно выданная императором за Василия Каваллария и обвиненная, вследствие бездетности, в колдовстве (Пах. Р. 55.25–57.13).

Признаки восточного влияния можно увидеть, возможно, и в самой распространенной среди знати того времени одежде — скаранике, ездовом кафтане с тесными рукавами, очень похожем на скарамангий IX–X вв., введенный в византийский обиход вождями варварской конницы.⁵⁵ Возможно, уже в никейский период возникла мода и на восточные тюрбаны, столь популярные в конце XIII в. Более определенно можно говорить о моде среди знати на пестрые вавилонские и ассирийские шелковые и шерстяные ткани наряду с тонкими итальянскими материями, несмотря на запреты императора Иоанна III Ватаца шить из них одежду (Григ. Р. 43.15–24). В быту более широкое распространение получили также бронзовая посуда восточного происхождения и стеклянные изделия из Дамаска.

Таким образом, несмотря на презрительное отношение ко всему латинскому и варварскому, влияние западного и восточного миров на жизнь Никейской империи было существенным. Восприятие ею реалий чужой культуры органично вошло в культурный обиход формирующейся греческой народности.

⁵⁴ *Hunger H.* Die hochsprachliche profane Literatur der Byzantiner. München. 1978. Bd. 2. S. 243.

⁵⁵ *Поляковская М. А., Чекалова А. А.* Византия: быт и нравы. Свердловск, 1989. С. 207; *Даркевич В.* Византия и Восток // Советская археология. 1991. № 3. С. 76–77.

С. П. Карпов

КРИЗИС СЕРЕДИНЫ XIV в.: НЕДООЦЕНЕННЫЙ ПОВОРОТ?

Проблема кризиса XIV в. много и плодотворно обсуждалась историками западноевропейского средневековья. В нем видели и закат феодальной формации, и ее первый кризис, и структурный слом, и феодальную реакцию, и демографическую катастрофу.¹

Наиболее яркими проявлениями европейского кризиса XIV в. считались демографические катастрофы (вызванные голодом и эпидемиями), резкое сокращение феодальной ренты, разрушение прежних торговых путей, дефицит торгового баланса Европы со странами Востока, упадок некоторых важных отраслей ремесленного производства и земледелия, банкротство крупнейших банков, нарастание

© С. П. Карпов.

¹ *Барг М. А.* О так называемом «кризисе феодализма» в XIV–XV вв. // *Барг М. А.* Проблемы социальной истории в освещении западной медиэвистики. М., 1973. С. 175–216; *Cherubini G.* La «crisi del Trecento». Bilancio e prospettive di ricerche // *Studi Storici.* 1974, № 3. P. 660–670; *Комельникова Л. А.* Аграрная история Италии XIV–XV вв. в современной западной медиэвистике и концепция «кризиса» // *СВ.* 1976. Т. 40. С. 218–233; *Гутнова Е. В.* Влияние экономической эволюции на изменения в социальной иерархии в Англии XIV–XV вв. // *СВ.* 1983. Т. 46. С. 27–52; *Wolff Ph.* Automne du Moyen âge ou printemps des temps nouveaux?: L'économie européenne aux XIVe et XVe siècles. Paris, 1986.

социальных и политических противоречий, бунтов и восстаний. Кризис ощущался по-иному в разных географических областях, но повсеместно в Западной Европе привел к определенному нарушению стабильности.² Ф. Бродель писал: «...не будем искать мелких объяснений закрытию около 1350 г. великого пути через Монголию... Нарушение этой связи следует отнести на счет огромного упадка середины XIV в. Ибо пришло в упадок все сразу, как на Западе, так и в монгольском Китае».³ Глубокое, но брошенное попутно замечание великого мастера все еще нуждается и в развитии, и в уточнениях.

В 1978 г. Марко Тангерони и Лилиа ди Неро, суммируя долгие дебаты, сформулировали вопрос: был ли европейский кризис XIV в. всеобщим и структурным или же локальным и обусловленным особой ситуацией, хотя и с глубокими и многообразными последствиями? Был ли он в действительности апокалиптическим концом средневековья⁴ или же отправной точкой экономической реконверсии Европы?⁵ Означало ли его наступление начало экономического упадка целых регионов, например Северной Италии?⁶ Особенностью подхода к вопросу о кризисе была тенденция рассматривать его в рамках истории всего XIV в. или даже двух веков — XIV и XV, без выявления достаточно яркого и очевидного слома, произошедшего в середине XIV столетия.⁷

² Romano R. Tra due crisi. L'Italia del Rinascimento. Torino, 1976, P. 13–34; Müller A. F., von. Zwischen «Krise» und Krisen: Italiens Gesellschaft um 1400 // Europa 1400. Die Krise des Spätmittelalters / hrsg. von F. Seibt, W. Eberhard. Stuttgart, 1984, S. 236; Ле Гофф Ж. Кризис христианского мира (XIV–XV вв.) // Его же. Цивилизация средневекового Запада. М., 1992. С. 103–105.

³ Бродель Ф. Материальная цивилизация, экономика и капитализм. XV–XVIII вв. Т. 1: Структуры повседневности: возможное и невозможное. М., 1986. С. 445–446.

⁴ Tangheroni M., Di Nero L. Commercio e Navigazione nel Mediterraneo Medioevale. Roma, 1978, PP. 83–90.

⁵ Balbis G. L'Oltremare genovese nei secoli XIV e XV: aspetti istituzionali, sociali e culturali // Clio, 1976, vol. XII, № 4. P. 341–342; Wolff Ph. Automne...

⁶ См., напр.: Ролова А. Д. Итальянский купец и его торгово-банковская деятельность в XIII–XV вв. // СВ. 1994. Т. 57. С. 62–74.

⁷ Именно такой подход ярко проявился на X Международном конгрессе историков в 1956 г. Ср.: Косминский Е. А. Были ли XIV и XV века временем упадка европейской экономики? По поводу доклада на X Между-

В своем более конкретном и специальном исследовании кризиса Б. Кедар утверждал, что «в первые декады XIV столетия торговая экспансия европейского средневековья достигла своего пика; позднее в XIV в. западноевропейская торговля впала в состояние депрессии». Кедар объяснял это двумя главными причинами: упадком татаро-монгольских империй в Азии с разрывом прямых контактов между Европой и Восточной Азией, произошедшим около 1345, и «Черной смертью» 1347–1350 гг.⁸ Но возможно, кризис имел более сложное происхождение и был результатом многих политических, экономических, социальных⁹ и даже психологических факторов, порождая *l'image de décadance et de dépression*, следуя выражению Ж. Эрса.¹⁰ Б. Кедар с большим успехом исследовал проблему влияния кризиса на сам дух предпринимательства, но нам еще предстоит понять обратную связь: как эта перемена и, шире, социальная атмосфера, *способствовали* его зарождению и углублению?

Намного меньше проблема кризиса привлекала к себе внимание византинистов и историков Латинской Романии.¹¹ Казалось, что объяснение причинами евразийского масштаба очевидного упадка империи излишнее и не слишком плодотворное занятие. Но даже беглый

народном конгрессе историков: «Европейская экономика в течение двух последних столетий средневековья» // *Косминский Е. А.* Проблемы английского феодализма и историографии средних веков. М., 1963. С. 262–284. См. также: *Корхов Ю. А.* Дискуссии о переходе от феодализма к капитализму // СВ. 1959. Т. XV. С. 114–135; *Барг М. А.* О так называемом «кризисе феодализма»; *Miskimin H. A.* The Economy of Early Renaissance Europe 1300–1460. Cambridge, 1975; *Idem.* Cash, Credit and Crisis in Europe, 1300–1600. London, 1989.

⁸ *Kedar B. Z.* Merchants in crisis. Genoese and Venetian men of affairs and the fourteenth century depression, New Haven, London, 1976, P. 1.

⁹ См., напр.: *Europa 1400. Die Krise des Spätmittelalters*; *Heers J.* Les temps dits de «transition» (de 1300 à 1520). Paris, 1991.

¹⁰ *Heers J.* Le moyen âge, une imposture. Paris, 1992. P. 41.

¹¹ Одна из немногих специальных публикаций на эту тему применительно к Византии принадлежит Ф. Тиннефельду. По его мнению, термин «кризис» не вполне подходит к Византии, ибо означает прежде всего болезни в сторону выздоровления. Ф. Тиннефельд акцентировал внимание на том, что Византия не оправилась от удара 1204 г. Ее судьба с этого времени была, однако, теснее связана с Западной Европой, но эта связь была разрушительна для византийской экономики. См.: *Tinnefeld F.* Zur Krise des spätmittelalters in Byzanz // *Europa 1400. Die Krise...* S. 284–294.

взгляд на ход истории Византии в эпоху Палеологов, в том числе и на развитие ее культуры, обнаруживает разительное отличие первой трети XIV в. от последующего времени. Можно ли искать объяснения этому лишь внутри самой Византии (что, естественно, правомерно, но достаточно ли?). Ведь именно сейчас мы, кажется, приблизились к пониманию того, что в ту эпоху Византия развивалась в рамках новой экономической системы, охватывавшей все Средиземноморье и в значительной мере созданной и контролируемой итальянскими морскими республиками, Венецией и Генуей.¹² Замечая, что как в Византии, так и в средиземноморских городах Италии тенденции предкапиталистического развития не реализовались, А. П. Кашдан справедливо утверждает, что связь этого явления с кризисом и депрессией середины XIV в. для Византии трудно проследить по источникам.¹³

Торговля в Восточном Средиземноморье, включая и понтийские берега, переживала расцвет в 1320–1330-е гг. Но она гораздо менее отражена в сохранившихся документах, чем коммерческие операции конца XIV–XV вв., лучше представленные в богатейших фондах как Венецианского, так и Генуэзского государственных архивов. Ряд исследователей недавно предпринял усилия, чтобы исправить эту, искаженную состоянием источников картину как в отношении собственно предпринимательской деятельности,¹⁴ так и с точки зрения

¹² *Oikonomidès N.* Hommes d'affaires grecs et latins à Constantinople (XIIIe–XVe siècles). Montréal—Paris, 1979; *Latou-Thomadakis A.* The Byzantine Economy in the Mediterranean Trade System, XIIIth–XVth Centuries // DOP, 1982. Т. 34–35. P. 177–222; *Eadem.* Observations on the results of the Fourth Crusade: Greeks and Latins in Port and Market // *Medievalia et Humanistica*. 1984. № 12. P. 47–60; *Eadem.* Venetians and Byzantines: Investigation of Forms of Contact in the Fourteenth Century // *Thesaurismata*. 1992. Т. 22. P. 29–43; *Matschke K.-P.* Byzantinische Politiker und byzantinische Kaufleute im Ringen um die Beteiligung am Schwarzmeerhandel in der Mitte des 14. Jh // *Mitteilungen des Bulgarischen Forschungsinstitutes in Österreich*. 1984. № 2/VI. S. 75–96; *Tinnefeld F.* Zur Krise... S. 284–285; *Капнов С. П.* Итальянские морские республики и Южное Причерноморье в XIII–XV вв.: проблемы торговли. М., 1990.

¹³ *Kazhdan A.* The Italian and Late Byzantine City // DOP. 1995. Т. 49. P. 21–22.

¹⁴ *Bautier R.-H.* Les relations économiques des Occidentaux avec les pays d'Orient, au moyen âge. Points de vue et documents // *Idem.* Commerce méditerranéen et banquiers italiens au Moyen Âge. London, 1992, № IV (первоначально опубликовано в: *Sociétés et compagnies de commerce en Orient*

обеспечения торговли транспортными средствами.¹⁶ И все же не легко понять, сколь глубоко было воздействие кризиса, сколь сильно отличалась вся хозяйственная ситуация в Восточном Средиземноморье в начале и в конце XIV в. Мои рассуждения на эту тему будут затрагивать прежде всего Причерноморье, которое было составной частью обширного Южного торгового региона Европы.

Но начнем с более общих явлений. Социальная нестабильность в Европе, завершившаяся чередой восстаний, переворотов, еретических движений и первой общеевропейской — Столетней — войной, имела свой восточный фон. Возможно, наступавшую стагнацию Генуя ощутила раньше Венеция, с конца 1320-х гг.¹⁶ Но морская торговля сокращалась медленно и, вероятно, в 20-начале 40-х гг. XIV в. спад еще не затронул коммерции с городами Эгеиды и Причерноморья.¹⁷

Равным образом и признаки отрицательных демографических тенденций в средневековой Европе стали намечаться ранее, в первые десятилетия XIV в., а к 40-м гг. они были уже выражены.¹⁸ По образному выражению Ле Гоффа, «демографическая кривая склонилась и поползла вниз».¹⁹ И все же первым подлинным бедствием,

et dans l'Océan Indien: Actes du 8e Coll. Int. d'histoire maritime (Beyrouth, 1966). Paris, 1971. P. 263–331); *Ashtor E.* Studies on the Levantine Trade in the Middle Ages. London, 1978; *Idem.* Levant trade in the later Middle Ages. Princeton, 1983; *Idem.* East-West Trade in the medieval Mediterranean. London, 1986; *Idem.* Il commercio italiano con Levante e il suo impatto sull'economia tardomedioevale // «Aspetti della vita economica medievale». Atti del Convegno di Studi nel X Anniversario della morte di F. Melis. Firenze, 1985. P. 15–63; *Zachariadou E. A.* Trade and Crusade. Venetian Crete and the Emirates of Menteshe and Aydin (1300–1415). Venezia, 1983. P. 45–49; *Balard M.* La Romanie Génoise (XIIe–début du XVe siècle). T. I–II. Roma-Genova, 1978; *Idem.* La Mer Noire et la Romanie Génoise (XIIIe–XVe siècles). London, 1989.

¹⁶ *Lane F. C.* Venice and History. Baltimore, 1966; *Idem.* Venice: A Maritime Republic. Baltimore; London, 1973; *Idem.* Le Navi di Venezia. Torino, 1983; *Карнов С. П.* Путиями средневековых мореходов. Черноморская навигация Венецианской республики в XIII–XV вв. М., 1994; *Stöckly D.* Le Système de l'incanto des galées du marché de Venise (fin XIIIe–milieu XVe siècle). Leiden, 1995.

¹⁶ *Kedar B. Z.* Merchants in crisis... P. 16–20.

¹⁷ *Balard M.* La Romanie Génoise. T. II. P. 680–683.

¹⁸ Ср.: История крестьянства в Европе. Эпоха феодализма. Т. 2. М., 1986. С. 288–294.

¹⁹ *Ле Гофф Ж.* Цивилизация средневекового Запада... С. 103.

пришедшим с Востока, стала пандемия чумы, многократно усилившая все неблагоприятные тенденции.²⁰ В 1345–1346 гг. чума достигла Сарая и Хаджитархана (Астрахани), в 1346 г. — Грузии, в начале 1347 г. — Таны и Каффы, весной 1347 г. — Константинополя, в сентябре 1347 г. и весной 1348 г. — Трапезунда. С 1348 г. чума распространилась по всей Европе. Вторая волна чумы, на сей раз — бубонной, пошла в обратном направлении, из Италии (1360–1361) на Восток, поразив берега Черного моря в 1362–1363 гг. и вызвав там огромные опустошения.²¹ И ранее 1348 г., и, особенно, позднее, чума в Европе вспыхивала часто, болезнь была эндемической. Но две указанные пандемии были катастрофическими по последствиям. Распространению первой волны чумы способствовал неурожай, вызвавший голод в Италии. Острая нужда в зерне побуждала итальянские морские республики вывозить его из Северного Причерноморья, несмотря на ранее введенное эмбарго на торговлю с Золотой Ордой, и в то время, когда там уже распространялось заболевание.²² Цикл «неурожай — эпидемия — неурожай», прослеженный Р. Романо,²³ отчетливо виден в нашем случае. Острая нехватке зерна ощущалась и в Романии, и на всех Балканах с 1343 г., когда Золотая Орда вступила в конфликт с генуэзскими и венецианскими факториями Причерноморья. Плодородные земли Фракии и Македонии пострадали от гражданских войн в Византии и не могли восполнить потерь от эмбарго.²⁴ Проблемы с хлебом были остры в 1343–1348 гг. повсюду от Понта до Италии. В Венеции разрушительное землетрясение 25 января 1348 г. усугубило бедствия республики, но, возможно, вместе с потерями от чумы, отсрочило ее конфликт с Генуей, готовый разразиться в любую минуту. Все меры государства предотвратить распространение чумы

²⁰ *Dols M. W. The Black Death in the Middle East. Princeton, 1977; Biraben J.-N. Hommes et la Peste en France et dans les pays européens et méditerranéens. La Haye, 1975–76; Бессмертный Ю. Л. Жизнь и смерть в средние века. Очерки демографической истории Франции. М., 1991. С. 135–142.*

²¹ *Bryer A. Byzantium and the Pontos during the «Time of Troubles» (1332–63) // XVIII Международный конгресс византистов. Пленарные доклады. М., 1991. С. 248–249.*

²² Этот факт отмечен также в постановлениях Венецианского Сената: *Archivio di Stato di Venezia, Senato, Misti (далее — SM), XXIV, f. 11r [публикация: Diplomatarium Veneto — Levantinum sive acta et diplomata res Venetas Graecas atque Levantis illustrantia. Т. 1: а. 1300–1350 / ed. G. M. Thomas. Venetiis, 1880 (далее — DVL). P. 336]: 1347.04.24.*

²³ *Romano R. Tra due crisi... P. 17.*

²⁴ *Zachariadou E. A. Trade and Crusade... P. 45–49.*

не имели успеха.²⁵ Они запоздали. Возможно, Венеция платила свою цену за зерно из зараженных областей Черного моря.

Флорентийские, венецианские и генуэзские историки обнаруживают редкое единодушие в объяснении происхождения эпидемии из *partes Aquilonaris*, татарских владений, и Причерноморья.²⁶ Последствия чумы были таковы. Население Венеции сократилось, по разным оценкам, от 100–120 тысяч жителей в 1338–1348 гг. до 38–70 тысяч после эпидемии; население Генуи с 1341 по 1350 г. — на 40%.²⁷ Столь значительная убыль населения означала, что ни Венеция, ни Генуя не могли обеспечивать сколь-нибудь значительную эмиграцию своих жителей в области Романии.

В Византии период 1321–1354 гг. называют эпохой гражданских войн. Пик междоусобиц пришелся на 1341–1347 гг. В династическую борьбу попеременно включались правители Эпира, Болгарии, Сербии, турецких эмиратов, албанские вожди, Генуя и Венеция, иоанниты Родоса. Фактически внутренний династический конфликт был быстро «интернационализирован» и превратился в борьбу за дальнейший раздел Византии. Кризис был усилен широким участием в нем городского (восстание зилотов в Фессалонике, выступления в Константинополе) и сельского населения, религиозными распрями сторонников и противников исихастского учения Григория Паламы. В 1348–1349 гг. империя потерпела поражение от генуэзцев, в 1350 г. — от сербов. В 1350–1352 гг. она была втянута в международный конфликт между Венецией и Генуей, в то время как турецкая угроза нарастала, а империя теряла один город за другим.²⁸ В 1340–1355 гг. гражданские войны разразились также и в Трапезундской империи, приводя к значительному перераспределению

²⁵ *Romanin S. Storia documentata di Venezia*, ed. terza. Т. 2. Venezia, 1973. P. 115.

²⁶ (*Gabriele Mussi*). La peste dell'anno 1348 / a cura di A. Tononi // *Giornale Ligustico*, XI (1884). P. 144–152; *Laurentii de Monacis Veneti Cretae cancellarii Chronicon de rebus Venetiis* // ed. F. Cornelius. Venetiis, 1758. P. 313; *Raphayni de Caresinis. Chronica AA. 1343–1388* / ed. Ester Pastorello // *Muratori L. Rerum Italicarum Scriptores* (далее — RIS) n. s. Bologna, 1923. Т. XII/II, fasc. 1–2, p. 4; *Petti Balbi G. Caffa e Pera a metà del Trecento* // *Revue des Études Sud-Est Européennes*, XVI. № 2 (1978). P. 226.

²⁷ *Kedar B. Z. Merchants in crisis... P. 5; Venezia e la Peste 1348/1797. Venezia, 1979. P. 72.*

²⁸ См.: История Византии. Т. 3. М., 1967. С. 123–160 (автор глав — Г. Г. Лутаев); *Nicol D. M. The last centuries of Byzantium, 1261–1453,*

фонда крупной земельной собственности. Почти ежегодные смены правительства в Трапезунде происходили с 1337 по 1355 г.²⁹ В 1341 и 1348 гг. Трапезунд осаждался тюркменами. Часть города, включая венецианский караван-сарай, была сожжена в 1341 г. В 1348–1349 гг. Трапезундская империя вела войну с генуэзцами, потерпела поражение, и на этот раз жертвой огня стал второй по значению город империи — Керасунт.³⁰ В 1348–1363 гг. венецианская торговля в Трапезунде почти прекратилась, не стало и венецианской фактории.³¹ Генуэзская торговля на Понте также была сведена к минимуму в 1350-е гг.

Опустошительные тюркские набеги на византийскую территорию, предшествовавшие завоеванию, приводили к опустошению целых областей Малой Азии и Балкан. Распространялись экстенсивные формы хозяйства, происходила номадизация земель, постепенно переходивших в руки османов. Все это было сопряжено с серьезными демографическими переменами в регионе, и этот процесс обострился именно в середине XIV в., в годы кризиса.³²

Еще ранее распад Монгольской империи во главе с великими ханами положил конец дальним путешествиям итальянских купцов в Китай и Индию (вспомним Марко Поло!) и поставил этих купцов во все большую зависимость от их мусульманских посредников и контрагентов, особенно в Сирии и Египте, значение которых возрастало по сравнению с Причерноморьем.³³ С 1345 г. происходит окончательная репатриация итальянских купцов из Китая.³⁴ Основная торговая

2nd ed. Cambridge, 1993. P. 149–208; *Matschke K.-P.* Fortschritt und Reaktion in Byzanz in 14. Jahrhundert. Konstantinopel in der Bürgerkriegsperiode von 1341 bis 1354. Berlin, 1971.

²⁹ *Karpov S. P.* L'impero di Trebisonda, Venezia, Genova e Roma, 1204–1461. Rapporti politici, diplomatici e commerciali. Roma, 1986; *Bryer A.* Byzantium and the Pontos... P. 246–265.

³⁰ *Karpov S. P.* L'impero... P. 152–154.

³¹ *Ibid.* P. 84–86.

³² *Vryonis Sp.* The Decline of medieval Hellenism in Asia Minor and the Process of Islamisation from Eleventh through the Fifteenth Century. Berkeley, 1971; *Inalcik H.* Ottoman Methods of Conquest // *Inalcik H.* The Ottoman Empire: Conquest, Organization and Economy. London, 1978. № 1. P. 103–129; *Zachariadou E. A.* More on the Turkish Methods of Conquest // VIIIth Annual Byz. Studies Conference. Chicago, 1982. P. 20.

³³ *Kedar B. Z.* Merchants in crisis... P. 1.

³⁴ *Lopez R. S.* Trafegando in partibus Catagii: altri Genovesi in Cina nel Trecento // *Lopez R. S.* Su e giù per la storia di Genova. Genova, 1975.

магистраль, соединявшая Трапезунд с Тавризом, перестала быть безопасной еще ранее, с конца 30-х гг. XIV в.³⁶ Смерть ильхана Абу Саида в 1335 г. и последнего из могущественных правителей Улуса Джучи, Бердибека, в 1359 г. открыли период смут в государстве ильханов и в Золотой Орде.³⁶ В 1355–1358 гг. оба татаро-монгольских государства вели тяжелую борьбу за власть над Кавказом и Восточным Средиземноморьем, косвенно облегчая успех натиска молодого османского эмирата на Запад. Еще в 1340 и 1342 гг. власти Генуи пытались запретить своим гражданам посещать Персию. Запреты не исполнялись купцами со всей строгостью, но все же наносили большой урон казне ильханов, получавшей значительные прибыли от налогов на торговлю. В 1344 г. послы ильхана Аль Ашрафа обещали сохранять мир и возместить все убытки, нанесенные генуэзцам в Иране. Генуя сняла эмбарго, но почти сразу вслед за этим первый же караван генуэзских купцов был ограблен, купцы истреблены, а материальные потери составили 200 000 лир grossов.³⁷ С 1344 г. генуэзская фактория в Тавризе прекращает свое существование. Венецианцы свернули торговлю в Тавризе еще ранее, в 1338 г., и, таким образом, не понесли столь же тяжелого урона.³⁸ С 1347 по 1363 гг. венецианцы покинули и Трапезунд, пытаясь заместить его факторией в Танае (Азове) или в Провато (бухта Двужкорная в Крыму), опираясь на договор с правителем Крыма Рамаданом (1356) и на полученный ими в 1358 г. ярлык от хана Бердибека.³⁹ Намерение обосноваться

P. 171–172; *Pistarino G.* Da Genova alla Cina nel secolo XIV // Studi Balcanici pubblicati all'occasione del VI Congresso int. dell'Association Int. d'Études Sud-Est Européennes (AJESEE), Sofia, 30.08–5.09 1989 / a cura di F. Guida, L. Valmarin. Roma, 1989. P. 33–44.

³⁶ *Bryer A.* Byzantium and the Pontos... P. 248.

³⁶ *Spuler B.* Die Goldene Horde. Die Mongolen in Rußland. 1223–1502. Wiesbaden, 1965. S. 109–121.

³⁷ *Georgii et Iohannis Stellae Annales Genuenses* / ed. G. Petti Balbi // RIS, 1975. T. XVII/II. P. 139; *Serra G.* La Storia della antica Liguria e di Genova. Torino, 1834. T. II. P. 294–296; *Lopez R. S.* Nuove luci sugli Italiani in estremo Oriente prima di Colombo // *Lopez R. S.* Su e giù... P. 134–135, 126; *Petti Balbi G.* Simon Boccanegra e la Genova del Trecento. Genova, 1991. P. 393–394.

³⁸ См. подробнее: *Карпов С. П.* Итальянские морские республики... С. 97.

³⁹ См.: *Григорьев А. П., Григорьев В. П.* Ярлык Бердибека от 1358 г. венецианским купцам Азова (Реконструкция содержания) // Историо-

в Провато, вблизи генуэзской Каффы, закончилось неудачей как из-за очевидного сопротивления генуэзцев, так и из-за последующих смут в Орде. Но и ситуация в Тана была более чем сложной.

Генуя издавна стремилась к тому, чтобы не допускать навигацию в Тану венецианских или любых иных западноевропейских судов.⁴⁰ *Devetum Tane* как принцип обоснования особых, монопольных прав Генуи в Причерноморье или, тем более, в замкнутом бассейне Азовского моря, всегда встречал сопротивление Венеции. Лишь на короткие периоды, вызванные кризисами в отношениях с татарами, или как мера вынужденного и краткосрочного компромисса, Венеция иногда соглашалась на взаимный запрет как для нее, так и для Генуи, осуществлять навигацию к устью Дона. Генуэзцы же стремились увековечить ситуацию с запретом посещения Таны, которая сложилась после 1343 г., когда Тана была взята татарами и обе морские державы подписали договор не плавать в Азовское море, обеспечивая морскую блокаду Золотой Орды. Временный и конъюнктурный союз двух республик в 1345–1347 гг. преследовал именно эту цель: предотвращение торговли с территориями улуса Джучи.⁴¹ Мир с Ордой Генуя и Венеция тем не менее подписали сепаратно в 1347 г. Он не решил проблем генуэзско-венецианского соперничества и не разделил сферы интересов морских республик в Причерноморье.

графия и источниковедение истории стран Азии и Африки. СПб., 1995. Вып. XVI. С. 24–66; *Их же*. Письмо правителя Крыма Рамадана венецианскому дожу (1356) // Востоковедение. СПб. Вып. 19. 1997. С. 147–159.

⁴⁰ *Cessi R.* La tregua fra Venezia e Genova nella seconda metà del sec. XIII // Archivio Veneto-Tridentino, 1923. T. IV. P. 10; *Brütianu G.* Recherches sur le commerce Génois dans la Mer Noire au XIIIe siècle. Paris, 1929. P. 254; *Papacostea Ș.* «Quod non iretur ad Tanam». Un aspect fondamental de la politique Génoise dans la Mer Noire au XIVe siècle // Revue des Études Sud-Est Européennes, 1979, T. XVII, № 2. P. 201–217.

⁴¹ *Brunetti M.* Contributo alla storia delle relazioni Veneto—Genovesi dal 1348 al 1350 // Miscellanea di Storia Veneta, ed. per cura della R. Deputazione Veneta di Storia Patria. Ser. III. T. IX. Venezia, 1916. P. 1–160; *Sorbelli A.* La lotta tra Genova e Venezia per il predominio del Mediterraneo // Memorie della R. Accademia delle scienze dell' Istituto di Bologna. Classe di scienze morali, serie I, Sezione di scienze storico-filologiche. T. 5 (1910–1911). P. 87–157; *Latou A.* Un notaire Vénitien à Constantinople: Antonio Bresciano et le commerce international en 1350 // *M. Balard, A. E. Laiou, C. Otten-Froux.* Les Italiens à Byzance. Édition et présentation de documents. Paris, 1987. P. 95–97.

Новая война между Венецией и Генуей началась в 1350 г. именно как результат разногласий по поводу принципа *devetum Tane*. Вскоре она приобрела международный характер, вовлекая Арагон, Золотую Орду и Византию на стороне Венеции, Венгрию и османов — на стороне Генуи.⁴²

«Кризис Таны» 1343–1347 гг. «совпал» по времени с банкротством двух крупнейших итальянских торговых домов: Перуцци (1343) и Барди (1346), с катастрофическими последствиями для многих участников и контрагентов.⁴³ Следствием была и известная дестабилизация итальянской коммерческой деятельности в разных районах Средиземноморья. За банкротствами Барди и Перуцци последовал крах многих других процветавших незадолго перед этим банков и компаний, в первую очередь — флорентийских: Аччайуоли и Бонаккорси, Корсини и Уццано...

Все эти беды происходили в рамках достаточно сжатого периода времени. Действительно, является ли простым совпадением то, что смуты в монгольских империях, Столетняя война, гражданские войны и религиозные споры в византийском мире, кровавые конфликты Генуи и Венеции, финансовые катаклизмы в Италии начались почти одновременно, порождая цепную реакцию и быстро «интернационализируясь»? Случайно ли, что крах мировых империй Востока, первая общеевропейская война и невиданная пандемия совпали по времени? Что борьба за ренту и за доходы от налогов до крайности обострила социальные противоречия от берегов Ла-Манша до берегов Понта? Или, быть может, самые великие совпадения в истории и есть самые взаимосвязанные и подготовленные всем ее ходом, а их непонимание во всей комплексности — вина историков, отказывающихся от поисков более глубоких и универсальных закономерностей?

Для конкретного анализа последствий кризиса на локальном материале вернемся к Причерноморью.

Столкновение между «латинянами» и татарами в 1343 г., имевшее следствием изгнание венецианцев и генуэзцев из Таны ханом

⁴² Скржинская Е. Ч. Петрарка о генуэзцах на Леванте // ВВ. 1949. Т. 2. С. 245–266; Balard M. À propos de la bataille du Bosphore. L'expédition de Paganino Doria à Constantinople (1351–1352) // Travaux et Mémoires. Paris, 1970. Т. 4. P. 431–469; Costa M.-M. Sulla battaglia di Bosforo (1352) // Studi Veneziani, 1972. Т. XIV (1973). P. 210.

⁴³ См., напр.: Sapori A. La crisi delle compagnie mercantili dei Bardi e dei Peruzzi. Firenze, 1926.

Джанибеком — признанное начало кризиса в Восточном Средиземноморье. В начале XIV в. Тана стала главным терминалом трансазиатского торгового пути, где сухопутные караваны из Азии встречались с морскими, — из Италии и Романии. В экспорте Таны преобладали дорогие восточные товары: специи, жемчуг, шелк, хлопок, меха, драгоценности...⁴⁴

Торговый, демографический и политический кризис 1340-х гг. больно ударил по Тане. После разрушения татарами итальянских факторий в 1343 г. она была под «запретом» для посещения гражданами морских республик (*devetum* на поездки туда был введен как Генуей, так и Венецией), а когда после договоров была открыта вновь и отстроена венецианцами и генуэзцами в 1360-х гг., она представляла совсем иную картину. Во второй половине века среди экспортируемых из нее товаров преобладали местные товары, а не предметы «дальней» торговли, хотя шелк, хлопок-сырец и специи продолжали вывозить оттуда, но во всех меньших объемах и, главное, нерегулярно. Во времена смут возросло значение работорговли. В XV в. Тана превращалась во все более важный центр не только торговли икрой и «красной» рыбой, но и рыбных промыслов, со знаменитыми частными тонями — «пескьерами», описанными Иосафатом Барбаро.⁴⁵ С 1420-х гг. она лучше «вписывалась» в местную экономику и вела товарообмен со своей ближней аграрной полукочевой периферией. Но, окруженная новыми стенами и валами, как бы оцетинившаяся на соседей, поведение которых часто было трудно предсказать, она все меньше напоминала важный центр международной посреднической торговли, прежний караван-сарай Запада и Востока.

Есть несколько возможностей приблизительной оценки объема товарооборота Таны в разные периоды. Разумеется, все они весьма относительны и опосредованно отражают действительность. Первый способ основан на анализе нотариальных документов и торговых договоров. Второй — на оценке стоимости грузов, привозимых венецианскими галееми из Таны и Трапезунда. Третий — на оценке сумм, полученных от взимания налогов с торговых сделок (если известны

⁴⁴ *Pegolotti Francesco Balducci*. *La Pratica della mercatura* / ed. by E. Evans, Cambridge, Mass. 1936. P. 23–25; *Bautier R.-H.* *Les relations économiques...* P. 314.

⁴⁵ *Скржинская Е. Ч.* Барбаро и Контарини о России. К истории итало-русских связей в XV в. Л., 1971. § 21. С. 120; *I Viaggi in Persia degli ambasciatori Veneti Barbaro e Contarini* / a cura di L. Lockhart, R. Morozzo della Rocca, M. F. Tiepolo. Roma, 1973 [II Nuovo Ramusio, VII].

ставки налогов). Четвертый — на изучении данных о торговых потерях и исках купцов по их компенсации. Я приведу примеры каждого из указанных вариантов оценки.

По 58 контрактам комменды и соглашений о создании торговых обществ типа *societas*, оформленным в Каффе нотарием Ламберто ди Самбучето в 1280–1290 гг., общая сумма инвестиций в торговлю между Каффой и Таной составила 340 354 аспров (или 6981,42–7480,1 дуката).⁴⁶ Перед нами картулярии лишь одного каффинского нотариуса, дошедшие до нас. Но сколько нотариусов одновременно работало в Каффе, чьи акты не сохранились или пока не выявлены? Мне удалось установить по ссылкам в картуляриях Самбучето имена 22 нотариусов, работавших в Каффе в 1289–1290 гг. Даже если каждый из них составил половину того числа, что Самбучето, инвестиции генуэзцев в торговлю между Каффой и Таной равнялись бы в среднем 77 000 дукатам. Но то был лишь начальный период истории Таны, лишь одно, хотя и очень важное направление ее торговли, и лишь один, хотя и наиболее важный, тип контрактов. Мы расцениваем поэтому полученные цифры как самую минимальную экспертную оценку.

В 1332 г. венецианский консул в Тане получил 200 венецианских лир или 2000 дукатов с условием возратить кредит в течение двух лет. Он должен был получить средства от специального полупроцентного налога на сделки торгующих в Тане купцов. Это означало, что Сенат оценивал весь товарооборот венецианской фактории в Тане около 200 000 дукатов в год.⁴⁷ Для сравнения укажем, что объем товарооборота венецианской фактории в Трапезунде в 1320 г., на основании данных о собранных байло налогах, равнялся 250 635 дукатам (или 56 665, 2 сомма). В 1330-х гг. Генуя, важнейший торговый центр Средиземноморья, имела товарооборот лишь в 4 раза выше того, что был в Тане, и в 3,3 раза тот, что был в венецианской фактории Трапезунда: 1 389 600 лир или 818 937,6 дуката.⁴⁸

⁴⁶ *Balard M.* (ed.) *Gênes et l'Outre-Mer. I. Les actes de Caffa du notaire Lamberto di Sambuceto, 1289–1290.* Paris; La Haye, 1973. Подсчеты М. Балара несколько отличаются от наших. Он оценивает инвестиции в Тане в 314 164 аспров. См.: *Idem. Les Génois en Crimée aux XIIIe–XIVe siècles // Αρχαίον Πόντου, 1978. Т. 35. Р. 213; Idem. La Romanie... Т. II, Р. 851, 853, tabl.*

⁴⁷ SM, XV, f. 59r (DVL, I, p. 252): 1333.02.18.

⁴⁸ *Карпов С. П.* Итальянские... С. 170; *Его же.* Налогообложение итальянской торговли и объем товарооборота в городах Южного и Юго-Во-

Но в 1441 г. генуэзцы могли собирать в Трапезунде как поступления от однопроцентного торгового налога (*dricus*) лишь 14 000 аспров или 69,3 сомма в год. Следовательно, объем товарооборота генуэзской фактории составлял 6930 соммов или был в 8 раз ниже того, который был в венецианской фактории Трапезунда в 1320 г.⁴⁹

Право собирать генуэзские налоги в факториях обычно заранее продавалось на специальных аукционах откупщикам (*appaltatori*). Цены, вносимые откупщиками по результатам торгов, были, как правило, на 10–20% ниже оценочной суммы объема налогов. В 1423 г. коммерческий Таны на срок в 3 года и 7 месяцев был продан за 10 706 аспров. Ставка коммерция составляла 1/4 %, так что минимальная оценка годового товарооборота составляет 11 732 60,27 аспра или 20 583,51 дуката.⁵⁰ В 1426 г. аукцион с теми же условиями дал сумму 10 100 аспров за 3 года.⁵¹ Следовательно, общий минимум товарооборота равнялся 1 346 666,67 аспра или 23 625,73 дуката в год — небольшой рост по сравнению с 1423 г. И все же налоги отражают достаточно низкие показатели, объяснимые недавними разграблениями Таны татарскими набегами.

В 1343 г. потери венецианцев, вызванные конфликтом с татарами и изгнанием их из Таны Джанибеком, оценивались современным флорентийским хронистом Джованни Виллани в 300 000 дукатов, а генуэзцев — в 350 тысяч. Последующие венецианские историки еще более увеличили эту оценку — до 400 тысяч дукатов в случае венецианцев (Джованни Бембо, в 1536 г.).⁵² Венецианцы и другие

сточного Причерноморья (XIV–середина XV в.) // ВВ. 1986. Т. 47. С. 17–23.

⁴⁹ Карпов С. П. Налогообложение..; *Idem*. II Problema delle tasse doganali nei rapporti tra Venezia e Trebisonda (XIV–prima metà del XV secolo) // Rivista di Studi Bizantini e Slavi, 3 (1983). Bologna, 1984. P. 161–171.

⁵⁰ Archivio di Stato di Genova, San Giorgio, Sala 34, № 590, Caffè massaria (далее — CM), 1230, f. 46v, 181r: 1423.05.01. 1 дукат = 57 аспрам, ср.: CM, 1231, f. LXVIIIr, XCIIIr, CXCVIv, CCIXr, CDXXXVIIIr.

⁵¹ CM 1232, f. 19v: 1426.12.01. Ближайший по хронологии известный мне обменный курс относится к 1424 г. Как и в 1423 г. (см. прим. 50): 1 дукат = 57 аспрам. В 1426 г. он мог незначительно отличаться. На записи массарий Каффы, касающиеся налогов Таны, обратил наше внимание М. Балар, за что выражаю ему искреннюю признательность.

⁵² *Iohannis Villani florentini historia universalis* // *RIS*. 1728, T. XIII. Col. 907–908; *Mommsen Th. Autobiographie des Venezianers Giovanni Bembo* // SB d. königl. Bayerischen Ak. der Wissenschaften zu München, Bd. 1

«латиняне» смогли спасти часть своего имущества, погрузив его на борт 10 галей, стоявших близ Таны в то время.⁵³ И все же потери были впечатляющими, хотя они и не отражают во всем объеме величину их инвестиций.

К счастью, мы располагаем возможностью проверки реалистичности оценок средневековых историков, обратившись к документальному материалу. Лишь один из генуэзских купцов в Тане, Бальдасаре Адорно, потерпел урон на 75 соммов или 375 дукатов. Компания из шести купцов — 251,84 сомма или 1259,2 дуката. Однако, указанная компания инвестировала в торговлю в Тане 40 228 дукатов. И если один генуэзский купец потерял, по нашим подсчетам, в среднем около 272,37 дукатов (доля потеря составляла от 25% до 75% от инвестированного капитала), общие потери 350 тысячи дукатов затронули бы около 1285 лиц. Это, однако, не число купцов, физически присутствовавших в Тане, ибо каждый из торговавших там представлял интересы от трех до восьми компаньонов. Цифры хронистов тем самым не представляются сильно преувеличенными. Заявленные в купеческих петициях суммы потерь инвестиций, измеряемые тысячами соммов (каждый из которых составлял более 200 г серебра) выглядят весьма значительными.⁵⁴

События 1343 г. проявляли также факты торгового сотрудничества между итальянцами и татарами. Не только одни венецианцы понесли потери. В их руках оказалось имущество «сарацинов», их бывших партнеров. Часть этого имущества татар была привезена в Венецию, и сенат предписал купцам, имевшим деньги или товары сарацинов, передать их официалам по делам торговли. В 1349 г., когда договор с Джанибеком был подписан, а татары не потребовали компенсаций, сенат распорядился распределить это имущество между теми венецианцами, кто мог подтвердить свои потери в Тане в 1343 г. Собранные средства не составляли очень больших сумм. Они

(1861). S. 600; *Giustiniani Agostino. Annali della Repubblica di Genova. Genova, 1854. T. 2. P. 74: «...Genovesi riceverano grandissimo danno, cosi in le facultà come in le persone».*

⁵³ *Venetiarum Historia vulgo Petro Iustiniano Iustiniani filio adjudicata / a cura di R. Cessi e F. Bennato. Venezia, 1964. P. 226.*

⁵⁴ См.: *Карпов С. П. Кризис Таны 1343 г. в свете новых источников // ВВ. 1994. Т. 55 (80). Ч. 1. С. 121–126; Idem. Génois et Byzantins face à la Crise de Tana de 1343 d'après les documents d'archives inédits // Byzantinische Forschungen. 1996. Bd. XXII. P. 33–51 (с публикацией документов). 1 сомм = 5 дукатам: SM, XXI, f. 88r; Archivio di Stato di Venezia,*

равнялись 3700 дукатам. Выплаты производили экстраординарии.⁵⁵ Но принимали заявления лишь тех венецианцев, чей урон превышал 1000 дукатов.⁵⁶ Конечно, это была частичная компенсация.

Потери венецианской Таны от разграбления ее Тамерланом в 1395 г. оценивались в 100 000 дукатов.⁵⁷ Неожиданный татарский набег в 1410 г., когда Тана едва оправилась от предыдущего разгрома, нанес ущерб в 120 000 дукатов.⁵⁸ Новый набег Керимберди в 1418 г., с полным разрушением поселения и тотальным грабежом собственности, причинил ущерб не более чем в 60 000 дукатов.⁵⁹ Мы видим, таким образом, сокращение сумм добычи, отражающее и общий упадок торговли Таны с середины XIV в. до 1410-х гг., несмотря на героические усилия венецианцев сохранить факторию и каждый раз отстраивать ее после набегов. Вероятно, набег 1418 г. был последним из имевших успех предприятий такого рода. С тех пор венецианцы (как и генуэзцы) построили новые, гораздо более мощные укрепления, а новые правители Орды и Крымского ханства осознали, что доход от торговли мог принести больше поступлений в их казну, нежели уничтожение факторий.

Долговременные тенденции изменения объемов товарооборота отражены в количестве грузов, перевозимых венецианскими торговыми галейми. В 1320–1340-х гг. от 10 до 6 галей (средний показатель — 7,6) посылалось из Венеции в Романию — Причерноморье. Они могли перевозить (и часто действительно это делали) до 2280 тонн грузов. В 1356–1399 гг. средний показатель числа галей, посылаемых в Тану и Трапезунд, сократился до 3,6 судов, а в первой половине XV в. — до 2,8 «больших» галей. Они могли транспортировать не более 900 тонн грузов туда—обратно.⁶⁰ Объем перевозок

Cinque Savi alla mercanzia, 1 ser. Capitolare degli ufficiali all'Extraordinario (далее — V Savi), 22bis, f. 26v: 15/I 1344.

⁵⁵ SM, XXV, f. 19v; V Savi, 22 ter, f. 32v: 15/V 1349.

⁵⁶ Archivio di Stato di Venezia, Magior Consiglio, Novella, f. 2(13)r: 15/IV 1350.

⁵⁷ Doumerc B. La Tana au XVe siècle: comptoir ou colonie? État et colonisation au Moyen Âge et à la Renaissance / sous la direction du M. Balard. Lyon, 1989. P. 251–256.

⁵⁸ *Raphaynt de Caresinis*, Chronica... P. 21; *Johannis Bembi*. Ex Chronico / ed. E. Pastorello // RIS, 1941. T. XII/I, fasc. 4. P. 405.

⁵⁹ Doumerc B. Les Vénitiens à la Tana au XVe siècle // *Le Moyen Âge*, 1988. T. 94, № 3–4. P. 365.

⁶⁰ См.: Карпов С. П. Итальянские... С. 169; Он же. Путиами... С. 54–59.

сократился, таким образом, в 2,53 раза. Разумеется, на торговых галеех «линии» перевозились в первую очередь предметы роскоши, дорогостоящие товары и иногда — рабы. Полученные цифры вместе с другими показателями состояния навигации, собранными Б. Думером, Д. Штэкле и автором этих строк,⁶¹ показывают постепенную стагнацию венецианской торговой навигации «линии» в Романии после середины 1340-х гг.

Военный флот Венеции также испытывал глубокий кризис после двух войн, 1350–1255 и 1378–1381 гг. Знаменитая патрульная флотилия Адриатики (Гольфа) была сокращена с десятка до 4–5 галей, что способствовало усилению каталанского и турецкого пиратства в Эгейде. К. Манфрони утверждал, что последствия морского кризиса ощущались Венецией вплоть до 1416 г., когда война с османами настоятельно потребовала реорганизовать флот.⁶²

Кризис особенно больно затронул торговлю шелком итальянских республик с Китаем через земли «Кипчака» и через империю ильханов. Удивленные этим современники, как Джованни Виллани, например, отмечали, что война в Крыму и дальнейшие смуты фактически удвоили цены на шелк в Италии. Возможно, как замечает Р. Лопец, не только смуты, но и инфляция китайских бумажных денег имела значение. В середине XIV в. торговля испытала явный шок.⁶³

Постепенно торговля в Восточном Средиземноморье становилась делом профессиональных предпринимателей, а не простых инвесторов капитала. Регион разделился на меньшие сегменты, лучше связанные с местной экономикой, и итальянские купцы все больше ориентировались на местные, а не на транзитные товары. «Большая» торговля частично переместилась из Причерноморья в сторону Северной Африки, Египта, позднее — Нового Света. Снижение

⁶¹ *Doumerc B.* La crise structurelle de la marine vénitienne au XVe siècle: le problème du retard des *mude* // *Annales ESC*, 1985. № 3. P. 605–623; *Doumerc B.* L'évolution du capitalisme marchand à Venise: le financement des *galere da mercato* à la fin du XVe siècle // *Annales HSS*. 1995, № 1. P. 133–157; *Stöckly D.* Le système de l'Incanto des galées du marché à Venise (fin XIIIe–milieu XVe siècle). Leiden; NY; Köln, 1995. P. 111–115; *Карпов С. П.* Путиами...

⁶² *Manfronti C.* La Crisi della marina militare di Venezia dopo la guerra di Chioggia // *Atti dell'Istituto Veneto di scienze, lettere ed arti*, 1909–1910. Vol. 69, ser. VIII. T. XII. P. 983–1003.

⁶³ *Iohannis Villani florentini...* Col. 908; *Lopez R. S.* Nuove luci... P. 122–123.

инвестиций в торговлю с Причерноморьем частично компенсировалось усилением сотрудничества итальянцев с местным населением, прежде всего — с греками и армянами.

Одновременно в мусульманских странах нарастала религиозная нетерпимость, что способствовало упадку католического миссионерства в Золотой Орде и на Ближнем Востоке. После «Черной смерти» доминиканские миссии в Персии также прекратили свое существование.⁶⁴ В Крыму и на Понте францисканцы и доминиканцы устраивали монастыри почти исключительно в итальянских факториях.

Таким образом, региональные кризисы совпадали с глобальным кризисом и поддерживали его. Трагизм ситуации заключался в том, что около 1350 г. экономический упадок и социально-политическая дестабилизация затронули одновременно территории Евразии от находившегося под властью монголов Китая до Атлантики. Но если Запад все же оставался на периферии этого кризиса, если на Западе Европы он «быстро окупился перестройкой экономической и социальной карты христианского мира»,⁶⁵ Причерноморье, Византия и Латинская Романия были в его эпицентре. К тому же они были самым слабым звеном цепи, соединявшей Европу и Восток. Неудивительно, что именно это звено и было окончательно сломано.

⁶⁴ *Loenertz R.-J.* La Société des frères pèlerins. Études sur l'Orient dominicain, I. Roma, 1937. P. 166.

⁶⁵ *Ле Гофф Ж.* Цивилизация средневекового Запада... С. 105.

**Косвенные показатели объема товарооборота в Тане
(1289–1463)**

Годы	Объем (в дукатах)	Принадлежность	Вид оценки
1289–1290	77 000	Генуя	Контракты комменды
1332	200 000	Венеция	Налоги
1343	300 000	Венеция	Коммерческие потери
1343	350 000	Генуя	Коммерческие потери
1395	185 000	Венеция	Суммы фрахта
1395	100 000	Венеция	Коммерческие потери
1404	125 000	Венеция	Суммы фрахта
1410	120 000	Венеция	Коммерческие потери
1418	60 000	Венеция	Коммерческие потери
1423	20 853	Генуя	Налоги
1426	23 626	Генуя	Налоги
1463	56 000	Генуя	Налоги

В. Г. Ченцова

ВЕНЕЦИАНСКИЕ КУПЦЫ В РОМАНИИ В XIII–XV вв.

Со взятия крестоносцами в апреле 1204 г. Константинополя и последовавшего за тем завоевания ими земель на Балканах началась трехсотлетняя история латинских государств на бывших территориях Византии.¹ Латинская империя с центром в Константинополе просуществовала, однако, только до 1261 г.: в этом году армия императора Никейской империи Михаила VIII Палеолога овладела бывшей византийской столицей. Но несмотря на значительные успехи «реконкисты», некоторые византийские земли так и остались под властью западноевропейцев. Четвертый крестовый поход положил начало и «венецианской колониальной империи» — остров Крит, Корфу, Негропонт (Эвбея), пелопоннесские города Корон и Модон, а позднее и другие города Балканского полуострова перешли под контроль Венеции (Негропонт до 1390 г. находился под протекторатом Республики) или ее граждан, ставших сеньорами островов Эгейды.

Но проникновение западноевропейцев в Византию началось задолго до Четвертого крестового похода. Важнейшую роль в этом играли итальянские купцы, еще в XI–XII вв. получившие от византийских

© В. Г. Ченцова.

¹ См.: *Карпов С. П., Жаворонков П. И.* Особенности социально-экономического и политического развития греческих земель в эпоху политической раздробленности и латинского владычества // *Культура Византии. XIII – первая половина XV в. М., 1991. С. 12–45.*

императоров значительные торговые привилегии и регулярно посещавшие византийские рынки. Разумеется, более всего в Византии их привлекал богатый Константинополь, хотя порой иноземные купцы посещали и другие города империи. Изменение политической ситуации, связанное с завоеванием, привело к резкому увеличению числа «латинян» — западноевропейцев — в Романии, а также к экономическому освоению приобретенных ими территорий. Наибольшие выгоды от последствий Четвертого крестового похода получила Венеция: для купцов из Адриатической Республики открылись новые возможности благодаря установлению власти Венеции над удобными гаванями, ставшими опорными базами для караванов галей и для частных судов.

Вопрос о том, каковы были экономические последствия проникновения венецианских купцов на рынки Романии² и Леванта, остается дискуссионным.³ Для крупнейших центров международной коммерции Средиземноморья и Причерноморья исследования экономического воздействия иноземной торговли осуществлялись по компактным источникам — прежде всего нотариальным актам, содержащим богатый материал для характеристики торговли, состава купечества и особенностей его предпринимательской деятельности. Как правило,

² Под «Романией» понимаются бывшие византийские земли, попавшие под власть западноевропейцев в основном после Четвертого крестового похода, а иногда и собственно византийские территории. В венецианских источниках *Romania bassa* назывались Пелопоннес, Крит, острова Эгеиды и Негропонт, в отличие от *Romania alta* — Македонии, Фракии и Константинополя. См.: *Thiriet F. La Romanie vénitienne au Moyen Âge*. P., 1959. P. 1–4. См., например, обозначение «Романией» территорий «а Corone ultra usque ad bucham maris maioris» («от Корона далее до “устья” Черного моря») — *Thiriet F. Délibérations des assemblées vénitienes concernant la Romanie*. P.; La Haye, 1966. Т. I. № 418 (24.07.1319) (далее — DA). С XIV в. по рагузинским источникам «Романия» — это чаще всего Западное побережье Балкан и Пелопоннес: *Krekic B. Dubrovnik (Raguse) et le Levant au Moyen Âge*. P.; La Haye, 1961 (далее ссылки на регесты документов этого издания: *Krek.*). P. 31–32. Cf.: *Ducellier A. Romania (Asia Minor), Greece and the Aegean Sea. Terminology of the 15th Century // Actes du IIe colloque de la Fondation egeenne. Athènes, 1988. P. 28–37.*

³ *Карпов С. П. Итальянские морские республики и Южное Причерноморье в XIII–XV вв.: Проблемы торговли*. М., 1990. С. 40–45; *Ченцова В. Г. Византийский город: обзор советских исследований последних лет // Византиноведение в СССР: состояние и перспективы исследований*. М., 1991. С. 214–219.

именно крупные города находились в фокусе внимания ученых. Однако для того чтобы представить себе особенности влияния иноземной торговли на экономику, важно не только выявить характерные черты ее воздействия на крупнейшие средиземноморские центры, но и изучить особенности связей этих центров с периферией, определить роль иноземной торговли на провинциальных рынках. Изучение «глубины» внедрения иноземцев в экономику позволило бы полнее представить экономические последствия их присутствия в регионе.

Именно поэтому нами был выбран один из возможных аспектов исследования указанной проблемы: изучение венецианской коммерческой деятельности в провинциальных городах Романии в XIII–XV вв., т. е. в то время, когда проникновение западноевропейцев на Балканы было особенно интенсивным. Избранный для исследования регион — балканские области Романии (включая византийские земли, а также территории, находившиеся под властью западноевропейцев)⁴ — является «периферией» по сравнению с такими центрами межрегиональной коммерции, как Константинополь, Трапезунд, Фамагуста, Александрия, хотя с XIII по XV в. едва ли не каждый город Романии играл роль «столицы» — так сложна была политическая карта этой области.

Одним из возможных подходов к изучению проблемы воздействия иноземной торговли на экономику является исследование той категории людей, которые были субъектом такого воздействия — купечества. Можно ли выделить группу тех, кто был заинтересован в предпринимательской деятельности именно в провинции, на рынках «малых городов»? Как велика была численность этой категории предпринимателей? Прежде чем попытаться ответить на эти вопросы,

⁴ Выделение этого региона в качестве отдельной области для исследования имело прецеденты (*Hrochová V. Le commerce vénitien et les changements dans l'importance des centres de commerce en Grèce du 13e au 15e siècles // SV. 1967. Vol. 9. P. 5*). Несмотря на условность определения границ региона — византийские территории без Константинополя, земли Латинской Романии без Акры и Кипра, земли Венецианской Романии без Крита, — безусловно, он обладает и определенным единством. Это и единство круга источников, содержащих сведения о торговле в этой области, и единство исторических судеб: политическая нестабильность, переход из рук в руки, но в то же время сохранение экономических связей между разными территориями, преодоление конфликтов, мешавших их естественному развитию, заключение договоров и обеспечение безопасности торгующих.

обратимся к рассмотрению тех трудностей, которые стоят на пути их решения, и тех способов, которые позволяют их более или менее успешно преодолевать.

Венецианцы играли наиболее значительную роль среди иноземного купечества на Балканах. Как правило, установление их численности или доли среди прочих иноземцев проводилось по данным нотариальных актов, которые позволяли представить лишь число лиц, обратившихся к тому или иному нотарию. Некоторую информацию о численности венецианцев в Романии содержат и нарративные источники, однако указываемые в них цифры обычно подвергались сомнению, так как представлялись сильно завышенными.⁵

⁵ Например, согласно Евстафию Фессалоникийскому, в 1182 г. в Константинополе было 60 тыс. латинян (*Eustazio di Tessalonica. La espugnazione di Tessalonica / A cura di S. Kyriakides. Palermo, 1961. P. 34.2*). См.: *Hendy M. Studies in the Byzantine Monetary Economy*, с. 300–1450. Cambridge; L., N. Y., 1985. P. 593; *Lille R.-J. Handel und Politik zwischen dem Byzantinischen Reich und den Italienischen Kommunen Venedig, Pisa und Genua in der Epoche der Komnenen und der Angeloi (1081–1204)*. Amsterdam, 1984. S. 296; *Schreiner P. Untersuchungen zu den Niederlassungen westlicher Kaufleute im Byzantinischen Reich des 11. und 12. Jahrhunderts // BF. 1979. Bd. VI. S. 182*. По венецианским источникам численность венецианцев в Константинополе в XII в. определялась в пределах от 10 до 30 тыс. человек. См.: *Thiriet F. La Romanie. P. 52, 133–139; Idem. Recherches sur le nombre des «Latins» immigrés en Romanie Gréco-vénitienne aux XIIIe–XIVe siècles // Byzance et les slaves. Mélanges J. Dujcev. P., 1979. P. 428; Latou A. Venetians and Byzantines: Investigation of Forms of Contact in the Fourteenth Century // Thesaurismata, 1992. T. 22. P. 29–30*. О численности профессиональных купцов в самой Венеции (как и о численности населения этого города вообще) ведутся споры. По мнению А. Кариле, в соответствии с данными «Истории венецианских дождей», в Венеции насчитывалось около 20 тыс. купцов (*Carille A. Movimenti di popolazione e colonizzazione occidentale in Romania nel XIII secolo alla luce della composizione dell'esercito crociato nel 1204. Note per una demografia dell'impero latino di Costantinopoli // BF. 1979. Bd. 7. P. 7*). Численность жителей Венеции в XIII в. составляла, по разным оценкам, от 50 до 80 тыс. (и даже до 120 тыс.) человек (См.: *Luzzatto G. Les noblesses: Les activités économiques du patriciat vénitien (X^e–XIVe siècles) // Idem. Studi di storia economica veneziana. Padova, 1954. P. 25–57; Thiriet F. La Romanie. P. 66; Lane F. C. Storia di Venezia. Torino, 1978. P. 23; Kedar B. Z. Merchants in Crisis: Genoese and Venetian Men of Affairs and Fourteenth-Century Depression. New Haven; L., 1976. P. 5, 162; Carille A. Movimenti. P. 17–18*). Однако даже цифра в 50 тыс. человек некоторым исследователям

Как предполагал Ф. Тирье, в середине XIII в. в Романии было около 2 тыс. венецианцев, а во второй половине XIV–первой половине XV в. их численность возросла до максимума — 20 тыс. человек (в основном на Крите); в Константинополе насчитывалось до 2 тыс.,⁶ а в городах Корон и Модон — до 10 тыс. венецианцев (включая натурализованных, т. е. тех, кто, не будучи венецианцем по происхождению, обладал в том или ином объеме правами граждан Республики св. Марка).⁷

Вопрос о численности латинян (и, в частности, венецианцев) в Романии рассматривался и в работах других ученых. Э. Эптор сделал попытку определить по сведениям о числе торгующих и о масштабах их операций примерные объемы инвестиций в торговлю на Востоке.⁸ По данным использованных им источников XV в. оказывается, что в каждом из таких крупных торговых центров, как Константинополь, Александрия, Дамаск, находилось лишь по несколько десятков венецианских коммерсантов (более всего их было в Александрии — 80 человек), а в меньших по значению городах — лишь по несколько (до 10) резидентов (речь здесь идет, скорее всего, о постоянных резидентах, хотя важную роль могли играть и временно прибывавшие в порты купцы).⁹ Другие исследователи также приводили гораздо более скромные цифры, чем Ф. Тирье: от нескольких десятков до

представляется не соответствующей действительности. См.: *Jacoby D. The Venetian Presence in the Latin Empire of Constantinople (1204–1261): the Challenge of Feudalism and the Byzantine Inheritance // JÖB. 1993. Bd 43. P. 162, not 65.*

⁶ *Thiriet F. Recherches sur le nombre. P. 427–436.*

⁷ *Ibid. P. 428.* Указание на численность проживавших в двух кварталах Корона жителей, содержащееся в постановлении венецианского сената от 22.04.1401 г., свидетельствует, что из 380 человек 80 были латинянами. См.: *Sathas C. N. Documents inédites relatifs à l'histoire de la Grèce au Moyen Âge. Documents tirés des archives de Venise (1400–1500). P., 1881. T. II. P. 21–29 (далее — S.) / Thiriet F. Régestes des délibérations du Sénat de Venise concernant la Romanie. P.; La Haye, 1959. T. II. № 1013 (22.04.1401) (далее — RS); *Jacoby D. Les états latins en Romanie: phénomènes sociaux et économiques (1204–1350 environ) // XVe Congrès international d'Études byzantines. Rapports et co-rapports. Histoire. Athènes, 1976. P. 22.**

⁸ *Ashtor E. The Volume of Levantine Trade in the Later Middle Ages (1370–1498) // Idem. Studies on the Levantine Trade in the Middle Ages. L., 1978. N X. P. 595.*

⁹ *Ibid. P. 595–598:* всего в Сирии и Египте в середине XV в. было не более 120 резидентов.

нескольких сотен человек в крупных городах.¹⁰ Необходимо, впрочем, иметь в виду, что если речь идет об объемах и воздействии иноземной торговли, то для определения степени ее влияния следует учитывать именно купцов, а не всех иммигрантов, в числе которых были и воины, и ремесленники, и моряки, и клир. Они также могли участвовать и участвовали в торговле, но их финансовые возможности были несравнимо меньшими.

Итак, число венецианцев в городах Востока (в том числе и Романии) оценивалось по-разному, но, как правило, подчеркивалось, что оно было невелико. С большей точностью решить этот вопрос трудно прежде всего из-за фрагментарности данных (даже для крупных центров межрегиональной торговли, не говоря уже о провинциальных городах). Один из возможных путей решения этой задачи — выявление прямых свидетельств источников о посещениях венецианскими купцами провинциальных городов и о венецианских купцах-резидентах.¹¹ Важнейшими источниками, содержащими большое количество сведений о коммерческой деятельности венецианских купцов в Романии, являются нотариальные акты, входящие в картулярии, составленные в Венеции, Константинополе, Короне, на Крите. В них сообщается о посещениях венецианскими купцами того или иного города, о заключении там сделок и т. д. Важную информацию содержат и документы, в которых говорится о нанесении ущерба венецианским гражданам и другим категориям лиц, пользующимся покровительством Венеции, обращения купцов с различными просьбами («Решения о пиратстве» 1278 г., договоры и другие документы, возникшие в ходе византийско-венецианских переговоров, постановления ассамблей Республики св. Марка и Рагузы).

Сведения источников, имеющих в нашем распоряжении, весьма разрознены и разнообразны, а порой недостаточно полны и достоверны, так что при изучении полученной выборки данных приходится сделать немало оговорок. Сообщения о посещении венецианским

¹⁰ *Jacoby D.* Les Vénitiens naturalisés dans l'Empire Byzantin: un aspect de l'expansion de Venise en Romanie du XIIIe au milieu du XVe siècle // *TM.* 1981. T. 8. P. 232; *Idem.* Les états Latins. P. 22; *Schreiner P.* Untersuchungen. S. 175–191; *Карнов С. П.* Итальянские морские республики. С. 262–264. Cf.: *Krekic B.* Venetian Merchants in the Balkan Hinterland in the Fourteenth Century // *Idem.* Dubrovnik, Italy and the Balkans in the late Middle Ages. L., 1980. N XIV. P. 414–415.

¹¹ См. пример использования этой методики: *Карнов С. П.* Итальянские морские республики. С. 260–264.

купцом какого-либо провинциального центра или о понесенном им там ущербе недостаточно для заключения, что он направлялся именно туда и именно для торговли. Многие купцы посещали города Венецианской Романии (прежде всего Корон и Модон, Негропонт) транзитом. Вероятно, о каждом из «деловых людей», отправлявшихся на восточные рынки в эту эпоху, можно было заранее сказать, что он бывал и в балканских портах.¹² Однако в тех случаях, когда в тексте документа специально оговорено, что маршрут проходил через один из городов «периферии», нам представляется наиболее вероятным, что купец, о котором идет речь, собирался направиться по своим торговым делам именно туда, или же отправлял в этот город свои товары.

При составлении выборки учитывались непосредственно оговоренные в источниках указания на посещения (включая предполагаемые) венецианскими купцами балканской периферии с торговыми целями (в том числе финансирование коммерческих операций¹³ или получение кредитов для торговли на провинциальных рынках и т. д.). Принимались в расчет и те случаи, когда в источнике идет речь о купце-«резиденте», названном *habitor* или *burgensis* городов Романии (Греции, Негропонта), т. е. очевидно, что он постоянно посещал и местные рынки.¹⁴

¹² См., например: *Карпов С. П.* Путиями средневековых мореходов. Черноморская навигация Венецианской Республики в XIII–XV вв. М., 1994. С. 41, 54, 57–58, 145.

¹³ Порой и прямые указания на нанесенный купцам ущерб не позволяют определить, посещали ли они интересующие нас области сами или осуществляли торговые операции через посредников. Характерный пример: указание в постановлении венецианского сената от 13.06.1357 г. большого ущерба, который потерпели в Патрах Марко Лоредан, Марко Бриксано и Марино Боксерио. Однако сами купцы не могли предоставить точную информацию об ущербе, так как были в Венеции, и о соблюдении их интересов должен был позаботиться консул Кларенцы (RS. I. 314). В данном случае из текста не ясно, были ли в числе названных лиц те, кто лично участвовал в торговле, или же только инвесторы.

¹⁴ Под *habitatores* и *burgenses* в наших источниках понимаются те лица, которые оставались на длительный срок за пределами своего родного города. Как правило, этим родным городом была Венеция. Обозначения *habitor* и *burgensis* в венецианских источниках взаимозаменяемы (см., например: *Tafel G. L. F., Thomas G. M.* Urkunden zur älteren Handels- und Staatsgeschichte der Republik Venedig mit besonderer Beziehung auf Byzanz und die Levante. Wien, 1964. Т. 3. А 13. Р. 165; D 1. Р. 198; F 5.

Следует иметь в виду, что многие лица, которые могли заниматься торговлей в городах «периферии», по разным причинам не были включены в полученную выборку, и прежде всего потому, что учитывались лишь прямые указания на факты осуществления торговых сделок, а не данные о присутствии того или иного лица в регионе. Не включались в выборку и те, кто занимал административные посты в Романии, хотя обычно административная деятельность венецианцев на Востоке сочеталась с коммерческой: прямые запреты заниматься торговлей со стороны венецианских властей чиновникам, отправлявшимся на Восток, либо нарушались, либо обходились благодаря специально принимаемым постановлениям сената, которые предоставляли тому или иному лицу, занимавшему административную должность, право и на осуществление торговых операций.¹⁵ Представители местной венецианской администрации (в том числе байло, консулы и т. д.) учитывались, лишь если они выступали в

Р. 216 (далее — *Dec. pir.*): Пьетро Бенедетто назван в одном случае *habitor*, а в других — *burgensis* Негропонта). Поскольку эти обозначения свидетельствуют лишь о более или менее длительном проживании венецианцев в городах вне метрополии, они могли не всегда приводиться в тексте. Так, например, в одном случае упомянутый в «Решениях о пиратстве» 1278 г. купец Джованни Белло назван венецианцем из прихода Сан Анджело, а в другом — *burgensis* Негропонта (*Dec. pir.* А 27. Р. 170; А 11. Р. 164–165). Следует учитывать, что обозначение *habitatores* используется в венецианских источниках и по отношению к латинянам-невенецианцам (см., например, обозначение в картулярии Паскуале Лонго термином *habitor* иммигрантов из Павии, Мантуи, Фермо: Pasquale Longo, *notaio in Corone 1289–1293. Venezia, 1952. № 3, 37, 111*). Об употреблении терминов *habitor* и *burgensis* см.: *Jacoby D. Les Vénitiens naturalisés. P. 219* (cf.: *Thiriet F. La Romanie. P. 269*); *Близнюк С. В. Мир торговли и политики в королевстве крестоносцев на Кипре, 1192–1373. М., 1994. С. 131–141.*

¹⁵ Как, например, венецианский консул в Фессалонике Марко Челси, потерпевший урон из-за торговли оливковым маслом, или Джулиано Дзанкаруоло, которому также было официально разрешено заниматься торговлей (1316–1318 гг.). См.: *Thiriet F. Les Vénitiens à Thessalonique dans la première moitié du XIVe siècle // Idem. Études sur la Romanie gréco-vénitienne (X^e–XVe siècles). L., 1977. № 1. P. 326; S. III. № 766. P. 209 (25.05.1420)*. В постановлении венецианского сената 17.12.1424 г. говорится о том, что в Фессалонике представители венецианской администрации города занимались торговлей продовольствием через своих агентов, что нарушало свободную торговлю (RS. II. № 1962).

роли «деловых людей» и в тех случаях, когда это зафиксировано в источниках.

Помимо купцов и чиновников, состоявших на жалованьи у государства, а также воинов, моряков, клириков, ремесленников и других искателей счастья, отправлявшихся на Восток, которые участвовали в торговле или могли принимать в ней участие в той или иной степени, и ролью которых мы поневоле пренебрегаем, в Романию иммигрировали и знатные венецианцы, ставшие там феодальными землевладельцами, сеньорами островов Эгеиды, фьефов на Крите.¹⁶ Они также включались в выборку данных о венецианских купцах в городах балканской «периферии» лишь при наличии прямых указаний на осуществление ими коммерческой операции или путешествие с торговыми целями.

Укажем еще на одно обстоятельство, которое искажает реальную картину: во многих источниках речь идет о нанесении ущерба венецианцам византийскими властями, причем случаи, рассматривавшиеся венецианской стороной как незаконное нанесение ущерба, на самом деле нередко являлись мерами, принимавшимися империей для контроля за порядком ведения торговли. Такому контролю подвергалась в первую очередь торговля зерном, солью и мастикой, и соответственно в тексте документов упоминаются главным образом те, кто торговал этими товарами. Однако следует также иметь в виду, что это были те экспортируемые на Запад товары, торговля которыми осуществлялась в наибольших объемах и приносила наибольшие прибыли.¹⁷ Естественно поэтому предполагать, что значительная часть купечества была заинтересована в торговле именно этими товарами, и в связи с этим могла подвергаться византийским мерам контроля. А это означает, что в более или менее пропорциональном составе она должна была войти в выборку имен, составленную по этим сведениям.

Таким образом, определение по полученной выборке данных о купцах, занимавшихся торговлей на «периферии», особенностей, свойственных всей группе, не вполне надежно, так как сведения

¹⁶ *Hopf R.* Veneto-byzantinische Analekten. Wien, 1859; *Luzzatto G.* Storia economica de Venezia dall'XI al XVI secolo. Venezia, 1961. P. 62–63; *Loenertz R. J.* Les seigneurs tierciers de Négrepont de 1205 à 1280. Régestes et documents // *Idem.* Byzantina et franco-graeca. Series altera. Roma, 1978. P. 143–178.

¹⁷ См., например: *Карнов С. П.* Торговля зерном в Южном Причерноморье в XIII–XV вв. // ВВ. 1989. Т. 50. С. 26–35.

слишком разнородны. Мы отдаем себе отчет в том, что приводимые ниже цифры условны, и на их основе можно сделать лишь некоторые наблюдения и более или менее аргументированные предположения.

Итак, каковы же результаты анализа полученных данных?¹⁸ Нам удалось выявить в источниках сведения о 721 чел., осуществивших торговые операции в провинциальных городах Балкан, причем около 55,6% от их общего состава известно по источникам, охватывающим период до 1300 г. и около 44,4% — XIV–XV вв.¹⁹ Это процентное соотношение связано с особенностями имеющихся в нашем распоряжении источников — они значительно богаче просопографическими данными о венецианском купечестве в этом регионе в XIII в. (прежде всего это сведения документов, в которых указывался нанесенный венецианским купцам ущерб). Лица, названные резидентами — *habitatores* и *burgenses* — балканских городов, Негропонта и Крита, составляют в нашей выборке около 28 %.

По имеющимся просопографическим данным обнаруживается, что примерно для 100 патронимов известно участие более чем одного носящего его лица в торговых операциях. Всего к этой группе относится более половины лиц, вошедших в выборку. Примерно для 50 патронимов известно более двух человек, принимавших участие в торговле в интересующем нас регионе. О постоянном или по меньшей мере не случайном присутствии некоторых из попавших в выборку лиц на «периферии» свидетельствуют, по-видимому, встречающиеся в разных источниках упоминания о пребывании на провинциальных рынках Балкан и Эгейды одного и того же коммерсанта — примерно 8 % имен известных нам лиц встречаются не менее чем в двух независимых источниках.

¹⁸ Предварительные итоги этого исследования были опубликованы нами в работе: *Ченцова В. Г.* Торговые связи городов Греции в XIII–XIV вв. по данным просопографии венецианского купечества // *Византия и Крым. Проблемы городской культуры. Тезисы докладов.* Екатеринбург, 1995. С. 5–7. См. также: *Tchentsova V.* Le commerce vénitien en Grèce du XIIIe à la première moitié du XVe siècle d'après les données prosopographiques // *Le partage du monde: échanges et colonisation dans la Méditerranée médiévale / Sous la dir. de M. Balard, A. Ducellier.* Paris, 1998. P. 287–295.

¹⁹ Ограниченный объем статьи не позволяет включить в нее указания данных источников, по которым составлялась выборка. См.: *Ченцова В. Г.* Города Греции в системе торговых связей Восточного Средиземноморья (XIII–XV вв.). Дисс... к. и. н. М., 1995. Гл. 3.1.

Казалось бы, это позволяет выделить круг семей, которые более или менее постоянно, через отдельных своих членов,²⁰ вели торговлю на рынках «периферии». Но насколько вероятно предположение, что лица, которые носили одинаковый патроним, принадлежали к одной венецианской семье? Тот факт, что двое или несколько человек носят один и тот же патроним, еще не доказывает со всей определенностью их принадлежности к одной семье: это могли быть потомки разных ветвей одного рода, связанные лишь отдаленным родством. Сами венецианские патронимы могли не всегда принадлежать именно гражданам Республики св. Марка,²¹ а некоторые купцы названы лишь прозвищем или именем без патронима (в этих случаях можно считать, что речь идет о венецианце, только если в тексте указано место жительства купца — церковный приход в Венеции). Но так или иначе все лица, которые включены нами в выборку, были связаны именно

²⁰ *Stöckly D. Hommes d'affaires-armateurs et «diplomates» vénitiens à Chypre entre le début du XIVe et le milieu du XVe siècle: un seul groupe d'intérêt? // Actes du colloque «Les Lusignans et l'Outre-mer». Poitier, 1993. P. 281–289; Eadem. Les protagonistes de la navigation vénitienne d'état en Mer Noire (XIIIe–XVe siècles) // Thesaurismata. Venezia, 1993. Vol. 23. P. 81–90; Eadem. Les premiers convois de galées commerciales vénitienes en direction de la Barbarie au milieu du XVe siècle // Cahiers de Tunisie. T. 43. № 155–156. P. 497.*

²¹ Имеющиеся в нашем распоряжении источники называют в числе венецианских купцов лиц разного статуса, которые не были венецианцами по происхождению (См.: *Μαλτέζου Χ. Α. Παράτηρήσεις στὸν θεσμὸ τῆς βενετικῆς ὑπηκοότητος. Προστατευόμενοι τῆς Βενετίας στὸν λατινοκρατούμενο ἐλληνικό ἠθρο (13ος–15ος αἰ.) // Σύμμεικτα. 1981. Τ. 4. Σ. 1–16.*), причем их невенедианское происхождение не всегда оговаривалось. Так, например, в «Решениях о пиратстве» 1278 г. Antonio Amizo назван *fidelis Venetus* (Dec. p. 4. P. 162), и нам не известно, принадлежал ли он к венецианской семье Amizo или был одним из подданных Республики св. Марка, обозначившихся, как правило, термином *fideles*. Иногда в тексте источников указано невенедианское происхождение купца, но, видимо, во многих случаях особенности статуса — венецианец или натурализованный — могли и не указываться: и те и другие пользовались покровительством и при необходимости защитой со стороны Республики св. Марка. Таким образом, если речь не идет о представителе известного венецианского знатного рода, то мы не можем быть уверены, кто перед нами — пополан-венецианец, патроним которого малоизвестен, или же невенедианец.

с венецианской торговлей и действовали в рамках венецианской торговой колонизации Востока.

Однако даже при всех этих дополнительных оговорках нам не представляется безосновательным предположение, что лица, имевшие одинаковый патроним, принадлежали к одной семье. По крайней мере некоторые данные о предпринимательской деятельности отдельных семей свидетельствуют о том, что совпадения патронимов не случайны, и речь действительно идет именно о семьях. Так, например, активное участие в торговле в Эгеиде принимали члены семьи де Ниола.²² Среди них — Раймондо де Ниола: в 1240 г. он получил расписку некоей Анны, вдовы магистра Ринальдо, передав ей на Негропонте от имени своего брата Ринальдо, душеприказчика ее покойного мужа, деньги и вещи, принадлежавшие Анне как наследнице.²³ А в 1269 г. Раймондо де Ниола уже не было в живых, и его вдова Агнеса получила расписки от одного из бывших компаньонов мужа Джакомо Пигуло, *habitans (habitor) in Nigroponte*, относительно всех взаимных расчетов и долгов покойного.²⁴ Ринальдо де Ниола, *burgensis Негропонта*, как известно по «Решениям о пиратстве» 1278 г., отправился на судне некоего Марко Дзубани в Фессалонику с тканями.²⁵ На Негропонте обосновался и Стефано де Ниола, который в документе 1262 г. назван «бывшим жителем Константинополя» (вероятно, он покинул город после его возвращения под власть Византии).

Де Ниола имели тесные деловые и родственные связи с семьей Веньер. Джованни Venier из прихода св. Апостолов, побывавший в Константинополе в 1232 г., имел четырех сыновей, которые так же, как и он, вели торговлю на византийских и бывших византийских территориях — в Константинополе, на Негропонте и Крите.²⁶ Сын Джованни Стефано стал мужем Гильельмы, дочери Раймондо де

²² *Stussi A. Provenzali a Venezia (1258–1268) // Annali della Scuola Normale superiore di Pisa. Serie III. Vol. 18, 3. Pisa, 1988. P. 947–960; Idem. Notizie dall'Egeo // Romania et Slavia Adriatica. Festschrift für Z. Muljagic. Hamburg, 1987. P. 341–349.*

²³ *Lombardo A., Morozzo della Rocca R. Nuovi documenti del commercio veneto dei sec. XI–XIII. Venezia: Deputazione di Storia Patria per le Venezia, 1953. № 91. P. 104–105 (XII–1240).*

²⁴ *Stussi A. Notizie. № 4. P. 344–345 (10.11.1269); cf.: N 5 (06.05.1270).*

²⁵ Dec. pir. J 16. P. 241.

²⁶ О присутствии представителей этого рода в Константинополе см.: *Maltezos Ch. Il quartiere veneziano di Costantinopoli (Scali marittimi) // Thesaurismata. 1978. T. 15. Index (5 имен).*

Ниола; в 1262–1268 гг. он бывал на Негропонте. Вместе с братьями (Стефано и Джакомо) в 1261 г. Негропонт посетил и Марко Веньер, который обосновался на Крите, в Кандии, где в 1263 г. составил завещание и оставил свою семью, сведения о которой прослеживаются до 1282 г. Марино Веньер в 1258 г. посещал Акру; его партнером являлся Ринальдо де Ниола (в 1268–1271 гг. Марино пришлось заниматься его делами в качестве душеприказчика).²⁷

Не случайно, что и в «Решениях о пиратстве» 1278 г. названы несколько лиц, носивших патроним Веньер, которые, как можно предположить, принадлежали к одной семье: Доминико, *burgensis* Негропонта,²⁸ Пьетро, бывавший в Фессалонике,²⁹ и *puer Johannes Venerii, qui alio nome dicitur Pandefactus, habitator Acon*.³⁰ Торгово-предпринимательская деятельность Джованни охватывала тот же регион: Константинополь, Негропонт, Акру, а среди его партнеров названы лица, также принимавшие участие в торговле в городах балканской «периферии» — Марко Фермо (Фирмо), *habitator* Афин, Анино-рао Энцио. А по актам коронского нотариуса Паскуале Лонго нам известен еще один занимавшийся торговлей в этом регионе Веньер — Донато.³¹

В источниках XIV–XV вв. также содержатся данные о торговой деятельности Веньеров на Балканах и в Эгеиде.³² Так, в документе 1321 г. сообщается о торговле нобилей из «*sa Venerio*» в Монемвасии, где они пострадали от неправомερных пошлин.³³ (Заметим, что примерно в это же время Марко Веньер был консулом в Арте, а Анджело Веньер в 1339–1341 гг. — патроном галей Романии.)³⁴ В 1356 г., по данным архива дуки Кандии, Микеле Веньер участвовал в торговле

²⁷ *Lanfranchi L. Famille mediterranees: I Venier dei Santi Apostoli // I ceti dirigenti del Veneto durante il Medioevo. Venezia, 1981. P. 66–67. Cf.: Leonardo Marcello, notaio in Candia (1278–1281). Venezia, 1960. № 453; Notaio di Venezia del sec. XIII (1290–1292). Venezia, 1977. № 35 (15.01.1291).*

²⁸ Dec. pir. A 16. P. 166.

²⁹ Ibid. A 44. P. 177–178.

³⁰ Ibid. A 1. P. 160; B 16. P. 190; P 1. P. 281.

³¹ *P. Longo. № 39, 41, 47.*

³² Укажем также, что Веньеры имели родственные связи с Бароцци: *Hopf K. Venetobyzantinische Analekten. S. 33.*

³³ *Diplomatarium Veneto-Levantinum / Ed. G. M. Thomas, R. Predelli. Venetiis, 1880. P. I. № 88. P. 161 (далее — DVL).*

³⁴ Ibid. I. № 76 E. P. 136 (27.09.1319); № 88. P. 181 (1321); *Stöckly D. Les protagonistes. P. 85.*

между Критом и Пелопоннесом.³⁵ В 1418 г. некий Микеле Веньер (вероятно, другое лицо) занимался торговлей в Короне и Модоне через посредство местных торговцев.³⁶ Вероятно, он же (*ser Nicolaus Uenerio quondam ser Marhei*) вместе с компаньоном Пьетро Малипьеро в этом же 1418 г. находились в Патрах и намеревались вывезти из города на Корфу шелк и грану (в постановлении Сената говорилось, что ему из-за болезни подеста пришлось исполнять функции вице-подеста в течение десяти дней).³⁷

Приведенные сведения о предпринимательской деятельности некоторых семей, которая охватывала также периферийные области Балкан, подтверждают предположение о том, что между лицами, носившими одинаковые патронимы, существовали родственные связи, и мы имеем дело с «семейными кланами».³⁸ В числе тех семей, которые условно можно отнести к наиболее активным в проникновении на рынки периферии, следует назвать Контарини, Дандоло, Энцио, Фальер, Фосколо, Лонго, Лоредан, Микель, де Ниола, Пизани, да Понте, Квирини, Санудо, Тревизан, Венделин, Веньер, Бон. Идентификация членов одной семьи по патрониму подтверждается и наблюдениями над партнерскими связями купцов. Поддержание постоянных партнерских связей между теми, кто принадлежал к семьям, члены которых посещали рынки провинциальных городов Балкан, свидетельствует о наличии устойчивых торговых «сетей» (пользуясь выражением Ф. Броделя).³⁹ Для некоторых семей можно наметить и зоны их постоянных интересов в регионе: представители семей Бадозр, Контарини, Венделин, Пизани постоянно посещали западные области Балкан; Нанни, Пеллипарьо, Виадро, Видаль — Пелопоннес; Дандоло, Лоредан — Пелопоннес и Фессалонику. К восточному побережью Балканского полуострова — Негропонту, а также Афинам и Фивам — на протяжении нескольких лет проявляли настойчивое внимание купцы из семей Бембо, Белло,

³⁵ *Γάσπαρης Χ.* Η ναυπλιακή κίνηση από την Κρήτη προς την Πελοπόννησο κατά τον 14ο αιώνα // *Τά Ιστορικά*. 1988. Τ. 5 (9). Tabl. 3 (10.05.1356).

³⁶ S. III. N 737. P. 185–186 / RS. II. N 1714 (09.11.1418).

³⁷ *Gerland E.* Neue Quellen zur Geschichte des lateinischen Erzbistums Patras. Leipzig, 1903. S. 244. Anm. 1 (11.03.1418).

³⁸ Cf.: *Heers J.* Le clan familial au Moyen Age. Étude sur les structures politiques et sociales des milieux urbains. P., 1993.

³⁹ *Бродель Ф.* Материальная цивилизация, экономика и капитализм, XV–XVIII вв. Т. 2. Игры обмена. М., 1988. С. 150.

Дольфин, Беккарио, а купцы из семей Стено и Фальер — к Корону и Модону.

Некоторые случаи «совпадений» в источниках, позволяющие сделать предположение о постоянстве предпринимательской деятельности того или иного лица в одном и том же регионе, очень характерны (хотя все идентификации, безусловно, лишь предположительны). Так, например, не исключено, что некий Николетто Нанни, который инвестировал (правда, довольно неудачно) значительную сумму — 2,5 тыс. перперов — в ткани, намереваясь посетить ярмарку в Кларенце в 1338 г.,⁴⁰ — это тот же купец-суконщик *Nicholetus draperius*, который в 1353 г. был в Патрах.⁴¹ А в одном из нотариальных актов Антонио Брешиано 1350 г. упомянут Николетто из Кларенцы, «в настоящий момент находящийся в Константинополе». Как явствует из документа, Николетто посещал и Константинополь, и Венецию, и Кларенцу.⁴² Был ли это все тот же Николетто? Во всяком случае, это вполне вероятно, учитывая и постоянство связей купца с пелопоннесскими городами, и специализацию на определенном товаре (тканях).

Можно, однако, привести примеры, позволяющие с большей степенью вероятности констатировать, что посещение городов «периферии» тем или иным из «деловых людей», имя которого вошло в полученную нами выборку, было не случайным эпизодом и что там у него имелись более или менее постоянные коммерческие интересы. Так, в 1362 г. присутствие Николето Вахадона зафиксировано в Короне, где он находился вместе со своим партнером Марко Гриси,⁴³ и тогда же, в августе 1362 г., этот купец потерпел ущерб в 522 перпера от генерального викария Афинского герцогства, видимо, из-за обложения пошлиной.⁴⁴ Дарди Бембо в соответствии с нотариальным актом 28.06.1312 г., составленным в Венеции, вместе с партнерами

⁴⁰ RS. I. № 81 (Blanc, baron. Le flotte mercantili dei Veneziani. Venezia, 1896. 59) (29.11.1338).

⁴¹ *Gerland E.* Neue Quellen. S. 151 (07.10.1353).

⁴² *Laiou A.* Un notaire vénitien à Constantinople: Antonio Bresciano et le commerce international en 1350 // *Les Italiens à Byzance*. P., 1987. № 53 (22.10.1350).

⁴³ *Fenster E.* Zur Fahrt der venezianischen Handelsgaleeren in das Schwarze Meer 1362 // BS. 1978. T. 39. Fasc. 2. P. 171. № 2 (106) (14.08.1362).

⁴⁴ RS. I. № 479 (*Rubió i Lluch A.* *Diplomatari del'Orient Català*, colleccio de documents per la historia de l'expedicio catalana a orient i dels ducats d'Atens i Neopatria (1301–1409). Barcelona, 1947. № 313. P. 400) (05.07.1369).

Бизино Контарини и Франческо Барбо намеревался отправиться в Корон,⁴⁵ а по документу 1319–1320 г. известно, что Дарди Бембо был владельцем судна, которое потерпело ущерб от византийцев близ Арты.⁴⁶

Николето да Са Фалетро и сын Марко Фальера в 1338 г. посетили ярмарку в Кларенце.⁴⁷ Возможно, о том же Николо, отправлявшемся на Негропонт вместе с Николо Боно, идет речь в нотариальном акте Феличе да Мерлиса 27.11.1322 г.,⁴⁸ а Марко Фальер, который вел торговлю в Кларенце, известен по постановлению венецианского сената 1341 г.⁴⁹ Паоло Тоселло (Torsello) известен по двум источникам: в 1368 г. он являлся поручителем купцов, направлявшихся на Пелопоннес с Крита, а в 1411 г. судно того же Паоло было захвачено в Галлиполи.⁵⁰

Лоренцо Менгуло посещал западное побережье Балкан (Корфу, Арту) и Неопатры, причем данные об этом содержатся в источниках, разделенных промежутком в 20 лет.⁵¹ Казалось бы, весьма мала вероятность того, что речь идет все о том же Лоренцо Менгуло. Однако при поездке в Неопатры партнером этого купца был Пьетро Савонарио, а с двумя купцами Савонарио (Пьетро и Джованни) Лоренцо Менгуло сотрудничал и ранее, о чем мы знаем по «Решениям о пиратстве». В данном случае можно говорить с абсолютной уверенностью

⁴⁵ Domenico prete di S. Maurizio, notaio in Venezia (1309–1316). Venezia, 1970. № 213 (28.06.1312).

⁴⁶ DVL. I. № 73 В. Р. 131 (1319/20); № 78 G. Р. 156. О Дарди Бембо (том же?), получившем вместе с Микеле Дольфином права на доставку вина с Крита, шелка и специй во Францию и на импорт тканей в 1317–1318 гг., см.: *Doumerc B. Le galere da mercato // Storia di Venezia. Vol. XII. Il mare. Venezia, 1991. P. 358.*

⁴⁷ RS. I. № 81 (Blanc. Le flotte. 59) (29.11.1338). Cf.: Felice de Merlis prete e notaio in Venezia ed Ayas (1315–1348). Venezia, 1973–1978. N 689 (06.05.1323) (далее — Fel. de Merlis) — Марино Фальер на Крите.

⁴⁸ Fel. de Merlis. № 256. В 1361, 1362 и 1365 гг. Леонардо Фальер, сын Николо, был патроном галей Романии. Возможно, сын того Николо? См.: *Stöckly D. Les protagonistes. P. 85.*

⁴⁹ RS. I. № 131 (10.07.1341).

⁵⁰ *Gaspares H. Op. cit. Tabl. 3 (03.07.1368); S. II. № 527. P. 262–263 (07.06.1411).*

⁵¹ Dec. pir. M 10. P. 262–263; DA. I. N CCXV. P. 75 (*Cessi R. Le deliberazioni del Maggior Consiglio di Venezia. Bologna, 1934. Vol. III. 443).* (18.08.1298).

о надежной идентификации этого купца по двумя разным источникам.

Документы, в которых содержатся данные о торгово-предпринимательской деятельности *habitatores* и *burgenses* городов венецианской Романии, позволяют особенно наглядно убедиться в том, насколько тесен был круг деловых людей, и как устойчивы были их партнерские отношения. Так, небольшое сообщество купцов, потерпевших ущерб от византийцев в Спинарице, во время рейса на судне, груженном солью (об этом нам известно из «Решений о пиратстве» 1278 г.), состояло из нескольких компаньонов: это были Марко Боно, известный своей активной предпринимательской деятельностью и по нотариальным актам Паскуале Лонго; «сын Джованни даль Понте», отец которого также известен по картулярию коронского нотариуса; а также некий *magister Hengelotus*, упомянутый несколько раз Паскуале Лонго.⁵² Отметим, что в одном из нотариальных актов упоминается дочь магистрата Энгелото Мария, которая вышла замуж за венецианца Джованни Бенедетто — возможно, члена семьи Бенедетто, также связанной с торговлей на Балканах и в Эгейде.

Такого рода «цепочки» наглядно свидетельствуют о тесных партнерских и семейных связях купцов между собой и выводят нас на один и тот же круг лиц (причем эти отношения восстанавливаются не только для тех семей, история которых хорошо документирована как история семей де Ниола и Веньер, но, как видно по приведенным примерам, и для менее известных представителей делового мира). Интересы венецианских семей объединялись отнюдь не только для того, чтобы вести торговлю на периферийных рынках, но для некоторых из них они были областью специального интереса. Наши наблюдения демонстрируют ограниченность круга лиц, ориентированных на «глубокое» проникновение на рынки Романии с целью непосредственного участия в торговле на периферии.

Сведения о маршрутах торговли свидетельствуют о том, что на Балканах и в Эгейде венецианцы вели торговлю главным образом в городах, находившихся под юрисдикцией Республики св. Марка (Корон, Модон, Негропонт, Крит). Гораздо реже встречаются указания на посещение венецианскими купцами провинциальных городов, подвластных другим государствам, и еще реже — данные об их поездках во внутренние районы Балкан. В «Решениях о пиратстве» 1278 г. упомянут Джованни де Паньяно, потерпевший урон где-то в *Arduuista*

⁵² Dec. pir. P. 234; *P. Longo*. № 52, 67, 75, 107 etc. — Марко Боно; *Ibid.* № 9, 10, 78 — да Понте; *Ibid.* № 8, 20, 66 — магистрат Энгелото.

и пославший своих сыновей Марко (возможно, названного выше) и Пьетро торговать в село Poglano, где они и были ограблены.⁵³ В этом же документе говорится о некоем Дамиано, родственнике купца Мартино Адама, который лишился суммы более чем в 80 перперов в Мистре, в лавке Leonis de Mascie, в результате разбойного нападения самого хозяина. Впоследствии он пытался судиться с похитителем в Монеувасии, но не добился справедливости.⁵⁴

Однако случаи посещений венецианскими купцами отдаленных внутренних районов немногочисленны, а деятельность венецианцев в этом регионе подразумевала их тесные партнерские связи с местным купечеством, осуществлявшим посредническую торговлю между иноземными купцами и местным населением «периферии». В ряде случаев такие связи можно проследить. Так, например, в 1418 г. Микеле Веньер занимался торговлей в Короне и Модоне через посредство местных торговцев («базариотов»)⁵⁵. А среди партнеров Джакомо Бекарио и его сына были, как можно заключить по названным в том же документе именам, преимущественно местные жители: habitatores городов Романии, в том числе и греки (Leon Venepca, Cosma Poncius, Фулко из Кьоджи, Василий Аллелуйа⁵⁶ Ломбардо (?), — все habitatores Негропонта, а также некий Джорджо (Георгий?) с Крита).⁵⁷

Просопографические данные важны и для уяснения значения, которое имели провинциальные центры в дальней межрегиональной торговле. Присутствие членов одной семьи в разных торговых центрах Средиземноморья («феномен дисперсии», по выражению Д. Якоби)⁵⁸ способствовало установлению широких коммерческих связей, их упорядоченности, постоянству и надежности. Этим отчасти объясняется редкость указаний на прямые торговые связи между

⁵³ Dec. pir. H 18–20. P. 233.

⁵⁴ Ibid. J 9. P. 237; D 7. P. 202; H 14–16. P. 231–232.

⁵⁵ S. III. N 737. P. 185–186 / RS. II. N 1714 (09.11.1418).

⁵⁶ Отметим, что патроним (?) Аллелуйа встречается также в документе 1431 г., составленном в Патрах, в котором говорится о заключении брака дочери Иоанна Аллелуйи. См.: *Gerland E. Neue Quellen. S. 217. № 18.*

⁵⁷ Dec. pir. E 1 a. P. 207; A 21. P. 167; F 8. P. 217; D 5. P. 201; A 9. P. 164; F 6. P. 216.

⁵⁸ *Jacoby D. L'expansion occidentale dans le Levant: les Vénitiens à Acre dans la seconde moitié du treizième siècle // Idem. Recherches sur la Méditerranée orientale du XIIe au XVe siècle: peuples, sociétés, économies. L., 1979. № VII. P. 239.*

городами Леванта, Понта и Балканского полуострова. Данные о родственных связях купцов свидетельствуют о том, что провинциальные рынки были опосредованно включены в систему международной и межрегиональной коммерции. Именно такие связи позволяли повсюду иметь своего «агента». Характерным примером этого является семья Басейо. Марко Басейо торговал в Фессалонике, Негропонте и, вероятно, в Афинах (или, во всяком случае, имел деловые связи с подданными Афинского герцогства) в конце 50-х – начале 60-х гг. XIV в.⁶⁰ По собранным Ф. Тирье данным, партнерами Марко были три его брата (в Кавалле, на Фасосе и в Фессалонике); в распоряжении семейной компании было по меньшей мере пять судов, а торговля велась в области Эгеиды (Константинополь, Негропонт, Крит).⁶⁰ В это же время (в 1362 г.) Пьетро Басейо был капитаном галей Гольфа,⁶¹ а в документе 1363 г. еще один Басейо — Витторе — назван резидентом Таны.⁶²

Франческо Деодато в соответствии с «Решениями о пиратстве» осуществлял вместе со своими компаньонами поездки между Макри и Негропонтом.⁶³ Свидетельство документа о проживании этого купца в Венеции в приходе св. Леонарда позволяет предположить, что он является родственником Bethozius Деодато из прихода св. Леонарда, посещавшего несколько позже (в 1302 г.) Фамагусту.⁶⁴

На основе свидетельств о присутствии на провинциальных рынках одних и тех же лиц можно заключить, что круг торгующих, заинтересованных в осуществлении коммерческих операций на периферии, был ограничен. Это заключение согласуется с выводами тех исследователей, которые смогли выявить даже для важнейших средиземноморских торговых центров лишь сравнительно немногочисленные группы постоянно торговавших там купцов и численно

⁶⁰ RS. I. № 347 (01.07.1359). Cf.: *Thirllet F.* Les Vénitiens à Thessalonique. P. 331; RS. I. № 383 (21.12.1361).

⁶⁰ *Thirllet F.* Die venezianische Wirtschaftspolitik im Byzantinischen Reich (vom 12. Jahrhundert bis zum Ende der Palaiologenzeit) // Griechenland — Byzanz — Europa. B., 1984. S. 115.

⁶¹ RS. I. № 393 (08.08.1362).

⁶² *Карпов С. П.* Документы по истории венецианской фактории Тана во второй половине XIV в. // Причерноморье в средние века. М., 1991. С. 198.

⁶³ Dec. pir. N 3. P. 267–268.

⁶⁴ *Pavoni R.* Notai genovesi in Oltremare. Atti rogati a Cipro da Lamberto di Sambuceto (Gennaio-Agosto 1302). № 265 (VII. 1302).

ограниченный круг посещавших эти центры лиц.⁶⁶ Некоторые косвенные указания на то, что круг «деловых людей», участвовавших в торговле на периферии был достаточно узок, можно обнаружить и в других источниках, которые часто истолковывались исследователями в противоположном смысле.

В начале XIV в. существенное недовольство венецианской стороны вызывала ситуация, сложившаяся в Фессалонике. По сообщению консула Марко Челси, венецианцев в Фессалонике вынуждали платить коммерции, не предоставляли им соответствующих по договорам помещений, а консулу выделили такой маленький дом, что там невозможно было жить. В ряде жалоб сообщалось о разнообразных злоупотреблениях, которые позволяли себе византийские должностные лица по отношению к венецианским купцам при разгрузке и продаже товаров в городе. В документе говорится о многих венецианцах, которые пострадали от несправедливых ущемлений со стороны византийских властей.

Характерно, однако, что консул сообщает о злоупотреблениях, касающихся либо венецианцев вообще и их положения в Фессалонике, либо нескольких потерпевших, не названных, впрочем, по именам. Так, двое венецианцев из-за задержки с выгрузкой товара — шелка (*gasia*) — потерпели убыток, причем это произошло из-за того, что византийский «*capitaneus dicte terre*» (глава местной византийской администрации) был сам заинтересован в продаже того же товара. Некий венецианец был лишен приобретенного им зерна, переданного генуэзцу. Наконец, консул был недоволен задержкой разгрузки закупленного товара — валлании.⁶⁶ Таким образом, круг лиц, потерпевших ущерб, о которых он считал необходимым сообщить правительству Республики св. Марка, весьма ограничен, а большая часть его сведений касается общего положения дел в городе и несправедливостей, чинимых там венецианцам вообще.

По-видимому, и в Эпире численность венецианцев была невелика. Не случайно в документах 1324 и 1332 гг., представленных венецианской стороной в ходе византийско-венецианских переговоров, при указаниях на случаи нанесения венецианцам ущерба по имени названы лишь несколько человек (среди них лица с патронимами Контарини, Моро, а также Пьетро Пизани), а затем эти имена повторяются.⁶⁷

⁶⁶ *Stöckly D.* Hommes d'affaires-armateurs. P. 281–289; *Eadem.* Les protagonistes. P. 81–90; *Eadem.* Les premiers convois. P. 497.

⁶⁶ DVL. I. № 75 D. P. 134.

⁶⁷ В Арте и близ берегов Эпира пострадали венецианцы Никколо Моро

В подробном списке лиц, пострадавших от византийцев, представленном венецианской стороной в 1321 г., названы по имени всего семь человек, потерпевших ущерб в Арте.⁶⁸ В договоре 1332 г. упомянуты Николето и Марко Контарини, потерпевшие убытки от Ласкаря, «капитана» императора в Берате и Авлоне.⁶⁹ В документах 1324 и 1332 гг. назван некий Джакомо Венделлини, потерявший сумму в 300 перперов из-за захвата местными должностными лицами драгоценностей, полученных им в залог от янинских купцов.⁷⁰ Пьетро Моро (в документе 1319 г. упомянут также Николо Моро) потерпел ущерб от некоего Палеолога, взявшего у него в Янине и не вернувшего заем на крупную сумму.⁷¹

К случаям, зафиксированным в документе 1321 г. и документах более позднего времени, венецианская сторона неоднократно возвращалась в переговорах с византийским императором, считая их, очевидно, весьма серьезными, и настойчиво требуя репараций.⁷² Приведенные данные, как нам представляется, свидетельствуют о немногочисленности случаев нанесения ущерба, что косвенно подтверждает немногочисленность участников торговли. О незначительном числе венецианцев в Византии вообще позволяют заключить также византийско-венецианские переговоры о порядке натурализации иностранцев и о том, кто имел право считаться «венецианцем» (натура-

с сыном Морето и Пьетро Пизани, а в Авлоне дома купцов из Венеции подверглись нападению и грабежу. Разграблено было также владение Джакомо Контарини, полученное им в 1303 г. от эпирского деспота (Врастова): *Ibid.* I. № 76 E. P. 135–137 (27.09.1319). См.: *Lemertle P. Le privilège du despote d'Épire Thomas Ier pour le Vénitien Jacques Contareno // BZ.* 1951. Bd 44, H. 1/2. P. 389–396; *Nicol D. M. The Despotate of Epiros, 1267–1479. A Contribution to the History of Greece in the Middle ages.* Cambridge, 1984. P. 72–73.

⁶⁸ DVL. I. № 88. P. 181–185.

⁶⁹ *Ibid.* P. 233 (XI–1332).

⁷⁰ *Ibid.* № 118. P. 233.

⁷¹ DVL. № 98. P. 201 (X–1324). «Палеолог» назван *epitrapesio* — *ἐπί τῆς τραπεζῆς* — вероятно, он является тем же лицом, что и названный далее Андроник Асень Палеолог, и, следовательно, можно предположить, что двое других пострадавших — Николо Фосколо и Симоне Curmulisis — также участвовали в коммерческой деятельности в Янине или, во всяком случае, в Эпире (тем более, что все Кримолси/Курмулиси были связаны с торговлей на юге и западе Балкан и на Крите).

⁷² DVL. I. № 77 F, № 79 H. P. 146–147, 150, 161–163.

лизованным) на территории империи.⁷³ Стремление Республики св. Марка расширить круг лиц, считавшихся «венецианцами», говорит о ее заинтересованности в расширении числа постоянных и надежных партнеров, которые пользовались бы вне Венеции такими же льготами, какими обладали все граждане Республики, и, уплачивая соответствующие пошлины в казну факторий, способствовали бы и их материальному укреплению.⁷⁴

Впрочем, наши заключения о немногочисленности венецианских купцов, посещавших провинциальные рынки, не могут служить основанием для выводов о незначительности воздействия иноземной торговли на местную экономику. Ведь даже небольшое число иноземных купцов могло оказать серьезное влияние, учитывая малую емкость рынка на «периферии». Характерный пример этого содержится в одном из постановлений венецианского Сената 1338 г. В соответствии с этим документом, шестеро венецианских купцов предполагали отправиться в Кларенцу на ярмарку, приуроченную к празднованию дня св. Димитрия, с тканями и потерпели ущерб из-за того, что не попали на венецианское судно, которое отплыло раньше обычного (им было разрешено отправить свои товары назад в Венецию на любом судне).⁷⁵ Сумма, на которую были оценены ткани, очень велика: 13 тыс. лир ад гроссос (ок. 16.5 тыс. перперов; каждый из купцов инвестировал от 1 до 6 тыс. перперов). Вероятно, ткани на такую большую сумму было не так легко продать, и потому купцы стремились успеть на ярмарку в Кларенцу, куда съезжалось много потенциальных покупателей. Видимо, именно невозможность сбыта тканей иначе чем во время ярмарки, заставила венецианских купцов в конечном счете отправить свой товар обратно. Таким образом, этот казус наглядно показывает ограниченность емкости рынка, возможности которого были способны исчерпать всего несколько предпринимателей.

⁷³ *Chrysostomides J. Venetian Commercial Privileges under the Palaeologi // SV. 1970. Vol. 12. P. 276–289.* Отметим одно обстоятельство: документы, в которых отражены византийско-венецианские переговоры по поводу натурализации и прав натурализованных венецианцев в Византии, касаются прежде всего положения в Константинополе. Видимо, это не случайность, и роль натурализованных в провинциальных городах была невелика.

⁷⁴ *Jacoby D. Les Vénitiens naturalisés. P. 233–235; Карпов С. П. Итальянские морские республики.*

⁷⁵ RS. I. № 81 (Blanc. Le flotte. 59) (29.11.1338).

Сделанные наблюдения приводят к постановке новых вопросов. Собранные по различным источникам данные о венецианских купцах в городах «периферии» фрагментарны и разрознены. Работа над созданием более полной просопографии венецианцев в Романии должна проводиться с привлечением имеющихся архивных материалов, и при ее создании необходимо использовать все источники, касающиеся торгово-предпринимательской деятельности венецианского купечества. Причины необходимости обработки всех данных понятны: одних и тех же купцов можно встретить и на Леванте, и в Константинополе, и в провинциальных городах Балканского полуострова, и на Крите в силу тесных экономических связей между этими районами Средиземноморья.

Е. М. Ломизе

ВАРЛААМИЗМ И ВИЗАНТИЙСКОЕ ЛАТИНОМЫСЛИЕ. ПРОСОПОГРАФИЧЕСКИЕ НАБЛЮДЕНИЯ

Исихастские споры стали, пожалуй, главным событием духовной жизни Константинопольской патриархии середины XIV в.¹ Развернутая монахами Варлаамом² и Акиндином³ критика аскетической практики монахов-безмолвников (исихастов) и призванного объяснить ее учения о божественных энергиях св. Григория

© Е. М. Ломизе.

¹ Основными до сих пор остаются исследования И. Мейендорфа: *Meyendorff J.* Introduction à l'étude de Grégoire Palamas. Paris, 1959; *Idem.* Byzantine Hesychasm: Historical, Theological and Social Problems. London, 1974; *Idem.* St. Grégoire Palamas et la mystique orthodoxe. Paris, 1976; см. также: *Мейендорф И.* О византийском исихазме и его роли в культурном и историческом развитии Восточной Европы // ТОДРЛ, 29 (1974). С. 291–305. Более полную библиографию см.: *Stiernon D.* Bulletin sur la palamisme // РЕВ, 30 (1972), 231–341; *Медведев И. П.* Современная библиография исихастских споров в Византии в XIV в. // АДСВ, 10 (1973). С. 270–274.

² См. о нем: *Meyendorff J.* Un mauvais théologien de l'Unité au XIVe siècle: Barlaam le Calabris // *Idem.* Byzantine Hesychasm...

³ См. о нем: *Nadal J.* La critique par Akindynos de l'herméneutique patristique de Palamas // Истина, 19 (1974), 297–328; *Loenertz R-J.* Dix Lettres de Grégoire Acindyne analysées et datées // ОСР, 23 (1957), 114–144; *Candal M.* La confession de fé antipalamitica de Gregorio Acindino // ОСР, 25 (1959), 215–264.

Паламы интерпретируется в литературе как проявление на церковной почве пролатинской ориентации части византийской политической элиты.⁴ Такая точка зрения не лишена оснований, однако следует отметить, что латинофильские тенденции в духовной жизни Византии получили и гораздо более откровенное выражение через греческие переводы и пропаганду трудов западных богословов.⁵ В данной статье мы попытаемся показать соотношение варлаамизма и латиномыслия в поздней Византии через анализ круга активно примкнувших к этим двум течениям лиц.

Хотя св. Григорий Палама уже в 1340 г. усмотрел в богословии Варлаама неявное исповедание латинского догмата об исхождении Св. Духа от Отца *и от Сына* (ex Patre *Filoloque*),⁶ сам Варлаам отнюдь

⁴ Курбатов Г. Л. Византия во второй половине XIII – середине XV вв. // Культура Византии. XIII – первая половина XV в., М., 1991. Т. 3. С. 215–217; Поляковская М. А., Медведев И. П. Развитие политических идей в поздней Византии // Там же. М., 1991. Т. 3. С. 270; Литаврин Г. Г. Основные черты культуры поздней Византии (XIII–XV вв.). // Там же. Т. 3. С. 598; Ducellier A. L'islam et les musulmans vue de Byzance au XIVe siècle // Βυζαντινά, 12 (1987), Σ. 177.

⁵ Наибольший эффект произвели появившиеся в это время греческие переводы Фомы Аквинского: Buda C. Influxo del tomismo a Bizancio del s. XIV // BZ, 49 (1956), S. 318–331; Kianka F. Demetrius Cydones and Thomas Aquinas // Byz, 52 (1982), 264–286; Παπαδόπουλος Σ. Ἑλληνικαὶ μεταφράσεις Θεωσιτικῶν ἔργων. Ἀθήναι, 1967; Papadopoulos S. Thomas in Byzanz. Thomas-Reception und Thomas Kritik im Byzanz zwischen 1354 und 1435 // Theologie und Philosophie, 49 (1974), 274–305. В это же время на греческий были переведены сочинения Блаженного Августина, Ансельма Кентерберийского и Рикольдо де Монте Кроче: Kianka D. Demetrius Cydones: Intellectual and Diplomatic Relations between Byzantium and the West in the 14th Century. New York, 1981. P. 109–117; Rackl M. Die griechischen Augustinusübersetzungen // Miscellanea Francesco Ehrle. Roma, 1924. Т. 1. P. 1–38. Подробную библиографию работ по рецепции западного богословия в поздней Византии см.: Podskalsky G. Griechische Theologie in der Zeit der Türkenherrschaft (1453–1821). Die Orthodoxie im Spannungsfeld der nachreformatorischen Konfessionen des Westens. München, 1984.

⁶ Grégoire Palamas. Les triades pour la défense des saintes hésyastes / Meyendorff J. Louvain, 1973. P. 560–563. Православная Церковь исповедует исхождение Св. Духа только от Отца. Об этом православном догмате в его связи с учением о божественных энергиях см.: Лурье В. М. Взаимосвязь проблемы Filioque с учением о обожении у православных богословов после святого Фотия // Патрология. Философия. Герменевтика.

не ассоциировал себя с латинским Западом и даже писал против латинян.⁷ Однако церковно-политическое звучание критики исихазма изменилось после убедительной победы паламитов на поместном соборе в Константинополе в 1351 г.⁸ Победа эта была настолько убедительна для православного мира, что даже последовавший в 1354 г. приход к власти симпатизировавшего варлаамитам Иоанна V Палеолога (1354–1391) не привел к попыткам пересмотра решений этого собора. Но, перестав быть предметом разногласий внутри Православной Церкви, учение о божественных энергиях довольно быстро стало предметом споров с Римом. В 1367 г. к учению об энергиях свелась полемика между монахом Иоасафом (экс-императором Иоанном Кантакузином) и папским легатом — латинским патриархом Константинополя Павлом.⁹ На Ферраро-Флорентийском соборе (1438–1439) император Иоанн VIII (1425–1449) запретил православной делегации касаться учения об энергиях, опасаясь, что обсуждение его заведет переговоры об унии в тупик.¹⁰ Соответственным образом изменился и характер византийской оппозиции паламизму: потерпев поражение, она быстро сливается с религиозным латинофильством. Наглядный пример такого слияния дает церковный процесс 1368 г. над Прохором Кидонисом, который подвергся двойному обвинению в латиномыслии и варлаамизме.¹¹ С критикой учения

Труды Высшей религиозно-философской школы, 1 (1992). С. 1–19; *Lur'e V. L'attitude de S. Marc d'Ephèse aux débats sur la procession du Saint-Esprit à Florence. Ses fondements dans la théologie post-palamite* // *Annuario historiae conciliorum*, 21/2 (1991), 317–333.

⁷ PG. T. 151. Col. 1255–1280; *Fyrtigos A. La produzione letteraria antilatina di Barlaam Calabro* // OCP, 45 (1979), 114–144.

⁸ PG. T. 151. Col. 707–763; *Dölger F. Regesten der Kaiserurkunden des oströmischen Reiches*. München, 1963. T. 1. F. 5. № 2324; *Darrouzès J. Régestes des Actes du Patriarchat de Constantinople*. Paris, 1977. T. 1. F. 5. № 2326; *Hontgmann E. Die Unterschriften des Tomos des Jahres 1351* // BZ, 47 (1954), 104–115.

⁹ *Iohannis Cantacuzeni Opera. Refutationes duae Prochori Cydonii et Disputatio cum Paulo patriarcha Latino Epistulis Septem tradita*. Brepolis-Turnhont, 1987. P. 175–239.

¹⁰ *Quae supersunt actorum graecorum Concilii Florentini* / *J. Gill*. T. 2. Roma, 1953. P. 346; *Adreas de Santacroce, Acta latina. Concilii Florentini* / *Hofmann G.* Roma, 1953. P. 176.

¹¹ PG. T. 151. Col. 693–715; *Darrouzès J. Régestes...* T. 5. № 2541. См. об этом процессе: *Поляковская М. А.* Портреты византийских интеллекту-

Паламы выступали такие греческие апологеты латинского богословия, как Димитрий Кидонис,¹² Иоанн Кипариссиот,¹³ Мануил Калека¹⁴ и Андрей Хрисоверг.¹⁵ Православные участники антилатинской полемики, в свою очередь, также продолжали писать против ереси Варлаама—Акиндина. К числу таких авторов относятся Нил Кавасила,¹⁶ Иоанн Кантакузин,¹⁷ Феофан Никейский,¹⁸ главный защитник православия на Ферраро-Флорентийском соборе св. Марк Эфесский¹⁹

алов. Три очерка. Екатеринбург, 1992. С. 89–96. Прохор Кидонис написал антиисихастский трактат «О сущности и энергии» (PG. Т. 151. Col. 1191–1242; *El libro VI de Procoro Cidonio (sobre la luz taborica)*. / *Candal M.* // ОСР. 20 (1954), 49–55) и переводил на греческий Блаженного Августина (*Hunger H. Prochoros Kydones. Übersetzung von acht Briefen des Hl. Augustinus*. Wien, 1984).

¹² *Démétrius Cydonès. Correspondance*. / R.-J. Loenertz. Città del Vaticano, 1956. Т. 1. № 129; Т 2. № 400; *Mercati G. Notizie di Procoro e Demetrio Cidone, Manuele Caleca e Teodoro Melitiniota ed altri appunti per la storia della teologia e della letteratura bizantina del secolo XIV*. Città del Vaticano, 1931. P. 346–355.

¹³ PG. Т. 152. Col. 663–738. О богословских сочинениях, где Иоанн Кипариссиот высказывался бы в пользу латинских догматов, ничего не известно, однако известно, что в 1376–1377 гг. он жил в Италии, получая пенсию от папской курии, и, следовательно, был католиком: *Mercati A. Giovanni Ciparissiota all Corte di Gregorio XI* // *BZ*, 30 (1929/1930). S. 496–501. Очевидно, для него путь к латинской вере начался с неприятия исихазма.

¹⁴ PG. Т. 152. Col. 283–428; *Correspondance de Manuel Caleca* / *Loenertz J.* Città del Vaticano, 1950. P. 198–199, 289.

¹⁵ *Andreae Rhodiensis O. P. inedita ad Bessarionem epistula* / *Candal M.* // ОСР. 4 (1938), P. 329–371.

¹⁶ Соавтор исихастского томоса 1351 г. (PG. Т. 151. Col. 707–763) и автор ряда антилатинских трактатов: *Candal E. Nilus Cabasilus et theologia S. Thomae de processione spiritus sancti*. Vaticano, 1945; PG. Т. 149. Col. 679–730.

¹⁷ Отрекшись от престола и приняв постриг, Кантакузин написал многочисленные сочинения в защиту паламитов (PG. Т. 154. Col. 372–692; 694–710) и против латинян: *Iohannis Cantacuzini Opera...*; *Прохоров Г. М.* Публицистика Иоанна Кантакузина 1367–1371 // *ВВ*. Т. 29, 1969. С. 318–341.

¹⁸ *Beck H.-G. Kirche und theologische Literatur im byzantinischen Reich*. München, 1959. S. 746–747.

¹⁹ *Oeuvres anticonciliaires de Marc d'Ephèse* / *L. Pettit* // *Patrologia Orientalis*. Т. 15. Fasc. 1. Paris, 1920; Т. 17. Fasc. 2. Paris, 1923; русский

и Геннадий Схолярый, возглавивший противников Флорентийской унии после смерти Марка Эфесского (1445).²⁰

Вместе с тем исихастские споры, ставшие после 1351 г. одной из тем греко-латинской полемики, изначально не были чем-то навязанным Православной Церкви извне. Рациональная аргументация Варлаама и Акиндина нашла широкую аудиторию среди греков. В результате вскрылось действительно глубокое разделение в Константинопольской патриархии. Варлаам и Акиндин были монахами, и среди авторов, выступивших на их стороне, помимо светских интеллектуалов, вроде знаменитого историка Никифора Григоры,²¹ не было недостатка в монашествующих, к числу которых принадлежали Нифонт,²² Исаак Аргир²³ и студийский монах Арсений.²⁴ Против Паламы писали и высшие иерархи Церкви: Константинопольский патриарх Иоанн XIV Калека,²⁵ Антиохийский патриарх Игнатий²⁶ и митрополит Георгий Пелагонийский.²⁷ Убеденными противниками исихазма были митрополиты Матфей Эфесский, Иосиф Ганский и Арсений Тирский.²⁸ В 1347 г. томос против Григория Паламы и патриарха-исихаста Исидора (1347–1350) подписали двадцать епископов,²⁹ хотя позиция многих из них могла определяться политическими симпатиями или реакцией на грубое вмешательство светской

перевод ряда его антилатинских сочинений см.: *Архимандрит Амеросий*. Святой Марк Эфесский и Флорентийская уния, Jordanville, 1963. С. 315. Он писал также в защиту богословия Паламы. См.: *Gass W.* Die Mystik des Nikolaos Kabasilas vom Leben in Christo. Greifswald, 1849. P. 217–232.

²⁰ См. сочинения Схолярия против латинян: *Oeuvres complètes de Gennade Scholarios / L. Petit, A. Sidéridès, M. Jugie*. Т. 2. Paris, 1929; Т. 3. Paris, 1930. P. 1–204; и против ереси Варлаама: *Ibid.* Т. 3. P. 204–239.

²¹ *Beyer H.* Nikephoros Gregoras als Theologe und sein erstes Auftreten gegen die Hesychasten // *JÖB*, 20 (1971), 171–188.

²² *PG.* Т. 154. Col. 837–958.

²³ *Mercati G.* Notizie... P. 266–282.

²⁴ *Beck H.-G.* Kirche... S. 722.

²⁵ Ему, скорее всего, принадлежит анонимный трактат против Паламы: *PG.* Т. 150. Col. 864–872; см.: *Beck H.-G.* Kirche... S. 729.

²⁶ *Beck H.-G.* Kirche... S. 730.

²⁷ *Ibid.* S. 723.

²⁸ *Радућ Р.* Време Јована V Палеолога (1332–1391). Београд, 1993. С. 189.

²⁹ *PG.* Т. 151. Col. 877–885; *Darrouzès J.* Régestes... Т. 1. F. 5. № 2281.

власти в церковные дела — связанное с победой Кантакузина в гражданской войне низложение Иоанна Калеки и избрание на патриарший престол Исидора.³⁰

Победа паламитов в исихастских спорах практически уничтожила в Константинопольской патриархии влияние тех деятелей, которые могли бы стать сторонниками пролатинской ориентации в ее политике. Поэтому, когда во второй половине XIV в. византийская мысль «открыла» для себя латинскую схоластику, увлечение западным богословием почти не коснулось греческих церковных кругов. Среди тех, кто еще до Ферраро-Флорентийского собора (1438–1439) с убеждением воспринял схоластическое богословие Запада, преобладали светские интеллектуалы. К их числу относились Димитрий Кидонис,³¹ Мануил Калека,³² Андрей и Максим Хрисоверги,³³ Мануил Хрисолор,³⁴ Геннадий Схολарий (в молодые годы).³⁵ Мнение их

³⁰ ММ. Т. 1. P. 243–255; *Darrouzès J. Régestes...* Т. 1. F. 5. № 2270; *Dennis G. The Deposition of the Patriarch John Calecas // JÖB, 9 (1960), 51–55; Meyendorff J. Le Tome synodal de 1347 // ЗРВИ, 8 (1963), 209–227.*

³¹ В 1357 г. он перешел в католичество: *Kianka D. Demetrius Cydones...* P. 142–146. Умер в 1397/98 г. Помимо цитированных выше в связи с его переводческой деятельностью трудов см. о нем: *Поляковская М. А. Портреты...* С. 14–114; *Loenertz R.-J. Démétrius Cydonès. De la naissance à 1373 // ОСР, 36 (1970), 47–72; Idem. Démétrius Cydonès. De 1373 à 1375 // ОСР, 37 (1970), 5–39.*

³² Около 1396 г. перешел в католичество. Умер в 1410 г. См. о нем: *Gouillard J. Les influences latines dans l'oeuvre théologique de Manuel Calécas // EO, 37 (1938), 36–52; Loenertz R.-J. Manuel Calécas, sa vie et ses oeuvres d'après ses lettres et ses apologies inédits // Archivum Fratrum Praedicatorum, 17 (1947), 195–207; Beck H.-G. Kirche... S. 740–741.*

³³ Максим Хрисоверг в 1390/91 г. перешел в католичество. Умер около 1430 г. Андрей умер в 1451 г. *Laurent V. L'activité d'André Chrysobergès O. P. sous le pontificat de Martin V (1418–1431) // EO, 34 (1935). P. 414–438; Loenertz R.-J. Les dominicains byzantins Théodore et André Chrysobergès et les négociations pour l'union des Églises Grecque et Latine de 1415 à 1430 // Archivum fratrum praedicatorum, 9 (1939), 5–61.*

³⁴ *Glammelli G. I Dotti bizantini e le origini dell'umanesimo. Firenze, 1941. Vol. 1. Manuele Chrysolora; Thomson J. Manuel Chrysoloras and the Early Italian Renaissance // Greek, Roman and Byzantine Studies, 7 (1966), 63–82.*

³⁵ *Jugie M. L'unionisme de George Scholarios // EO, 36 (1937), 333–340; Turner C. The Career of George Gennadius Scholarius // Byz., 39 (1967), 420–455; Idem. George Gennadius Scholarius and the Union of Florence //*

для церкви было внешним, да и сами они остро ощущали свою чужеродность православию. Все они, за исключением Геннадия Схолярия, в достаточно раннем возрасте перешли в католичество и эмигрировали в Италию. В XIV в., пожалуй, один только Прохор Кидонис являет пример латинофила, жизненные обстоятельства которого были тесно связаны с Православной Церковью. Он был монахом на Афоне. Однако изучать и переводить латинских авторов ему приходилось едва ли не подпольно,³⁶ и никаким влиянием на окружающих он, очевидно, не пользовался. В XV в. из людей, связанных с Церковью, некоторую открытость по отношению к вероучению Западной церкви проявляли лишь монахи Исидор³⁷ и Виссарион,³⁸ которые накануне Ферраро-Флорентийского собора стали соответственно митрополитами Киевским и Никейским, а после собора — кардиналами Римской церкви. Из них только Исидор играл некоторую роль в политике патриархии до Ферраро-Флорентийского собора, причем характерно, что в 1435 г. патриарх Иосиф II (1416–1439) пытался дезавуировать его выступление перед отцами Базельского собора.³⁹

Journal of Theological Studies, 18 (1967), 83–103. Пролатинские настроения Схолярия голословно отрицаются в монографии: Ζήσης Θ. Ν. Γεννάδιος Β' Σχολάριος. Βίος-συγγράμματα-διδασκαλία. Θεσσαλονίκη, 1980. Σ. 29–34.

³⁶ Поляковская М. А. Портреты... С. 92.

³⁷ См. его речь в Базеле: Παλαιολόγεια καὶ Πελοποννησιακά / Σ. Λαζάρος. Τ. 1. Σ. 1–14. Раскол между Западной и Восточной церквями Исидор считал тогда результатом скорее исторического недоразумения, чем догматических разногласий. О нем см.: Gill J. Personalities of the Council of Florence. Oxford, 1964. P. 65–78; Mercati G. Scritti d'Isidoro, il cardinale Ruteno, e codici a lui appartenuti, che si conservano nella Biblioteca Apostolica Vaticana. Roma, 1926.

³⁸ Gill J. Was Bessarion a conciliarist or a unionist before the council of Florence? // Orientalia Christiana Analecta. T. 204. Roma, 1977. P. 201–219; Stormon E. Bessarion before the Council of Florence // Byzantine Papers: Proceedings of the first Australian Byzantine Studies Conference, 1981. P. 128–156. См. о нем: Садов А. И. Виссарион Никейский. Его деятельность на Ферраро-Флорентийском соборе. СПб., 1883; Удальцова З. В. Жизнь и деятельность Виссариона Никейского // ВВ, 37 (1976). С. 74–97; Gill J. Personalities... P. 45–55; Loenertz R.-J. Pour la biographie du cardinal Bessarion // OCP, 10 (1944), 116–149; Vast H. Le cardinal Bessarion. Paris, 1878.

³⁹ Les «Mémoires» du Grand Ecclésiarque de l'Église de Constantinople Sylvestre Syropoulos sur le Concile de Florence (1438–1439) / V. Laurent. Paris, 1971. P. 134–138.

Итак, сопоставление состава поздневизантийских критиков исихазма и сторонников богословия Западной церкви однозначно свидетельствует об органическом родстве этих двух течений. Однако очевидна и разница между ними. Если исихастские споры, как видно по составу их участников, были результатом разделения внутри Православной Церкви, то латинофильская струя в поздневизантийском богословии была продуктом чисто внешних влияний. Можно утверждать, что благодаря победе паламитов в исихастских спорах распространившиеся в Византии со второй половины XIV в. латинофильские настроения почти не затронули Константинопольскую патриархию, так что ее позиция в последующих переговорах об унии с Западом оставалась практически монолитной.⁴⁰

⁴⁰ См. об этом: *Ломизе Е. М.* Константинопольская патриархия и церковная политика императоров с конца XIV в. до Ферраро-Флорентийского собора (1438–1439) // ВВ, 55 (1994). С. 104–110.

Б. Л. Фонкич

ИОАНН ЕВГЕНИК И ЕГО «МОНОДИЯ НА ПАДЕНИЕ КОНСТАНТИНОПОЛЯ»

29 мая 1453 г. турки взяли Константинополь, положив тем самым конец тысячелетнему существованию Византии. Хотя падение византийской столицы представляло собой лишь заключительный акт длившегося уже почти сто лет турецкого завоевания греческой империи и не было чем-то неожиданным ни для самих византийцев, ни для стран Восточной и Западной Европы, тем не менее оно произвело потрясающее впечатление на всех современников и явилось поворотным пунктом в истории ряда европейских государств.

Падение Константинополя получило исключительно широкий отклик в окружающем мире, но больше всего это событие отразилось в публицистике и литературе греческого мира, в письменности славянских народов Балканского полуострова, Восточной Европы и Руси, а также в Италии, Германии, Франции. Сохранились многочисленные и разнообразные источники, которые засвидетельствовали конец Византии, существует значительная научная литература, посвященная их изданию и исследованию.¹ Однако в настоящей работе

© Б. Л. Фонкич.

¹ См. прежде всего: *Λάμπρος Σπ. Μονωδίαи και Θρήνοι επί τη άλώσει της Κωνσταντινουπόλεως* // NE, 5 (1908). Σ. 190–269; *Dujčev Iv. La conquête turque et le prise de Constantinople dans la littérature slave contemporaine* // BS, XIV, 1953. P. 14–54; XVI, 1955. P. 318–329; XVII, 1956. P. 276–340; *Pertusi A. Ripercussioni della caduta di Constantinopoli: un esempio di interrelazioni*

нас будет интересовать лишь реакция на утрату греческой столицы со стороны византийцев и, до некоторой степени, со стороны русских, всегда находившихся в тесной связи с Константинополем, Афоном и другими областями погибающей империи.

Падение Константинополя нашло отражение в целом ряде произведений греческой литературы XV столетия. Сохранившиеся тексты с описанием этого события можно разделить на три группы.

1) Монодии на взятие Константинополя — большие и малые «Плачи», в прозе и стихах описывающие страдания жителей Города в момент его штурма и последующего овладения турецкими войсками и горько оплакивающие его судьбу. Почти все эти произведения появились, несомненно, сразу же вслед за взятием Константинополя и принадлежат, по большей части, либо очевидцам событий и, возможно, участникам самой битвы, либо людям, связанным со столицей самыми тесными узами и имевшим свежую и подробную информацию о боях за Город и их исходе.²

2) Призывы греков к правителям европейских государств об освобождении оказавшейся в руках мусульман Византии. Первое обращение такого рода прозвучало уже в момент взятия Константинополя, а затем эти призывы настойчиво повторяются на протяжении всей второй половины XV в., после чего становятся на несколько столетий постоянной темой греческой литературы вплоть до освобождения Греции. Имеющие для нас здесь значение тексты XV в., как и Монодии, принадлежат либо самим участникам обороны Города, которым удалось вырваться из рук врагов и бежать в еще свободные части византийского мира, либо тем деятелям греческой культуры, которые уже находились в Европе и надеялись на организацию крестового похода против турок.³

culturali nel sec. XV tra il Sud-Est Europeo, il mondo Mediterraneo e quello Pontico // IIIe Congrès International d'Études du Sud-Est Européen. Histoire B. 2. 83 p.; *Idem*. La caduta di Costantinopoli. 1–3. Verona, 1976.

² Краткий обзор памятников и относящихся к их изучению библиографию см.: *Beck H.-G.* Geschichte der byzantinischen Volksliteratur. München, 1971. S. 163–167; *Hunger H.* Die hochsprachliche profane Literatur der Byzantiner. Bd. I. München, 1978. S. 144–145.

³ См.: *Μανούσακας Μ. Ι.* Ἐκκλήσεις (1453–1535) τῶν ἐλλήνων λογίων τῆς Ἀναγεννήσεως πρὸς τοὺς ἡγεμόνες τῆς Εὐρώπης γὰρ τὴν ἀπελευθέρωση τῆς Ἑλλάδος. Θεσσαλονίκη, 1965, 42 σελ.; *Idem*. Ἐκκλήσεις τῶν ἐλλήνων λογίων πρὸς τοὺς ἡγεμόνες τῆς Εὐρώπης γὰρ τὴν ἀπελευθέρωση τῆς Ἑλλάδος // Πρακτικά τῆς Ἀκαδημίας Ἀθηνῶν, τ. 59 (1984), 1985. Σ. 194–249, особ. σ. 194–204.

3) Описание осады и взятия Константинополя — с той или иной степенью точности и подробности — в трудах последних византийских историков. По своему характеру их соответствующие части резко отличаются от текстов первых двух категорий, и это понятно, ибо они входят в состав больших и сложных исторических сочинений, имеющих своей целью не привлечение внимания современников к определенному событию или возбуждение интереса политиков к той или иной, пусть исключительно важной, проблеме, но осмысление самого хода истории, понимание закономерности событий последнего периода жизни Византии.⁴

Из этих трех групп памятников для нас здесь особенно важна первая группа, причем отнюдь не все составляющие ее тексты, но лишь наиболее значительное из принадлежащих ей сочинений — «Монодия на взятие Константинополя» Иоанна Евгеника. Наш интерес к этому памятнику обусловлен тремя причинами.

1. Иоанн Евгеник — известный государственный и церковный деятель последних десятилетий византийской истории, возглавлявший вместе со своим братом Марком, митрополитом Эфесским, «партию» греческих патриотов, отказывавшихся признать Флорентийскую унию, и энергично боровшийся против политики соединения с Западом. Иоанн Евгеник — один из наиболее заметных писателей времени падения Византии, судьба литературного наследия которого еще недостаточно изучена, а некоторые сочинения до сих пор не имеют критического издания. Среди авторов «Монодий», во всяком случае в момент взятия Города, он — наиболее значительная фигура в истории поздневизантийской литературы.

2. «Монодия» Иоанна Евгеника, в отличие от всех остальных текстов этой группы памятников, получила в ближайшее после ее появления время достаточно широкое распространение: если другие «Плачи» существовали по большей части в одном-двух списках, сочинение Иоанна Евгеника на протяжении 50-х гг. XV—начала XVI в. было скопировано, по крайней мере, пять раз; мало того, уже в ближайшие после его написания годы оно было переведено — по-видимому, в Константинополе — на русский язык и в конце XV—XVI в. стало весьма популярным на Руси, сыграв определенную роль в формировании идеологии Русского централизованного государства.

⁴ Общую характеристику сочинений последних историков Византии и соответствующую библиографию см.: *Hunger H.* Op. cit. S. 485–503. См. также: *Critobull Imbritolae Historiae. Rec. D. R. Reinsch. Berolini et Novi Eboraci, 1983.*

3. До сих пор «Монодия» Иоанна Евгеника была издана однажды — по неполному списку конца XV в., хранящемуся в Парижской Национальной библиотеке. Нам удалось обнаружить полный список этого произведения, который представляет собой чистовую копию его текста, выполненную к тому же самим автором. Это позволяет не только изучить историю текста памятника, но и подготовить его новое издание.

* * *

Иоанн Евгеник жил в первой половине XV столетия; он был тесно связан с самыми видными деятелями византийской истории кануна падения Константинополя и сам являлся весьма видной фигурой своего времени. Несмотря на это, а также на обилие сохранившихся источников, мы не знаем многих, иногда важнейших, деталей его биографии. В научной литературе существует немало разногласий относительно таких вопросов, как, например, время рождения и смерти Иоанна, его происхождение, время посещения Трапезунда, присутствие в Константинополе во время его взятия турками и т. д. В последние годы выявлены значительные материалы, позволяющие осветить ту или иную сторону деятельности Иоанна Евгеника, внести уточнения или сделать дополнения к уже существующим в науке фактам. Опираясь на анализ всей совокупности имеющихся в нашем распоряжении материалов, мы попытаемся здесь воссоздать биографию Иоанна Евгеника.

Иоанн был младшим братом Марка Евгеника, будущего митрополита Эфесского, видного эрудита и писателя, одного из самых выдающихся деятелей греческой церкви, канонизированного ею вскоре после падения Византии. Марк родился в первой половине 1394 г.⁵ Иоанн, как можно предполагать, увидел свет в самом конце XIV столетия, около 1400 г.⁶

⁵ *Trapp E., Walther R., Beyer H.-V.* Prosopographisches Lexikon der Palaiologenzeit (далее — PLP). 3. Faszikel. Wien, 1978. S. 116–117, № 6193.

⁶ См.: PLP. 3. Faszikel. Wien, 1978. S. 115–116, № 6189; *Stiernon D.* Jean Eugénicos // Dictionnaire de spiritualité, ascétique et mystique, doctrine et histoire. Т. 8 (fasc. LII–LIII). Paris, 1972. Col. 501 (№ 91). Определение времени рождения Иоанна «последней четвертью XIV в.» см.: *Pétridès S.* Les oeuvres de Jean Eugénicos // Échos d'Orient, XIII, 1910. P. 111; *Salaville S.* Eugénicos Jean // Dictionnaire de Théologie Catholique. Т. 5, deuxième partie. Paris, 1913. Col. 1497; *Laurent V.* Eugénicos (Jean) // Dictionnaire d'Histoire et de Géographie Ecclésiastiques. Т. 15e. Paris, 1963. Col. 1371.

Местом его рождения большинство исследователей считает Константинополь, но еще совсем недавно в качестве такового назывались также Трапезунд и остров Имврос. О. Лампсидис, казалось бы, обоснованно отверг эти последние соображения,⁷ однако материал, привлеченный Д. Райншем при издании «Истории» Критовула,⁸ заставляет вновь вернуться к вопросу о происхождении Иоанна Евгеника с Имвроса. Дело в том, что хранящийся на Афоне, в Лавре св. Афанасия, сборник медицинских сочинений Ω 72, законченный 3 февраля 1426 г., согласно записям на лл. 85 об. и 285 об., был переписан по заказу и на средства афонского врача монаха Мелетия его другом Иоанном Евгеником, имвриотом из семьи Метаксопулов. Изучавший эту рукопись Д. Райнш не высказывает никаких сомнений относительно тождества ее писца и интересующего нас деятеля, относя разницу в почерке между хорошо известными автографами Иоанна Евгеника и Лаврской рукописью к тому, что последняя была переписана «еще сравнительно молодым человеком».⁹

Между тем, обращение к самой рукописи Ω 72 свидетельствует, что те части этого сложного и разнообразного по составу и хронологии сборника, которые написаны рукой Иоанна «по прозвищу Евгений» (л. 8 об.: Θεοῦ τὸ δῶρον καὶ Ἰωάννου ἰόντος τὰς ἐκδημοῦντι τῷ καλῷ Μελετίῳ, γέγραφε φίλος εὐγενικός τῆν κλήσιν...), принадлежит совсем другому писцу, почерк которого никак не может быть идентичным почерку изучаемого здесь нами писателя, и эту разницу нет нужды объяснять возрастом или какими-либо обстоятельствами работы переписчика: перед нами — совсем другой писец, обладающий заурядным, отнюдь не каллиграфическим, как у Иоанна Евгеника, почерком, но имеющий такое же имя и прозвище, совпадающее с фамилией автора «Монодии на падение Константинополя».¹⁰ В связи со сказанным нельзя еще раз не обратить внимание на составленное Иоанном

⁷ *Λαμπίδης Ὁδ. Ἰωάννου Εὐγενικοῦ Ἐκφρασις Τραπεζοῦντος. Χρονολόγησις καὶ ἔκδοσις // Ἀρχεῖον Πόντου*, 20, 1955. Σ. 3–7.

⁸ *Critobuli Imbriotae Historiae...* (см. выше, прим. 4). P. 73*. Этот материал известен специалистам уже давно (см.: *Σπυρίδων Λαυριώτης καὶ Σωφρόνιος Εὐστρατιάδης. Κατάλογος τῶν κωδικῶν τῆς Μεγίστης Λαύρας (τῆς ἐν Ἀγίῳ Ὁρει)*. Paris, 1925. Σ. 408; *Μακρόνη Κ. Γ. Μάρκος ὁ Εὐγενικός. Βίος καὶ ἔργον*. Ἀθήναι, 1954. Σ. 25–26), однако Д. Райнш изучал Лаврскую рукопись, имея представление о почерке Иоанна Евгеника.

⁹ *Critobuli Imbriotae Historiae...* P. 9*.

¹⁰ Сердечно благодарим Е. Лицаса (Патриарший институт патристических исследований, Фессалоника) за предоставленные в наше распоряже-

«Описание Имвроса», которое он, как и в «Описании Трапезунда», называет δῶρον ξένιον, «даром гостя», по-видимому, подчеркивая тем самым свое иное, не имеющее отношение к данному месту, происхождение.¹¹

Итак, изучение всех доступных материалов заставляет сделать вывод о константинопольском происхождении Иоанна Евгеника.

Отцом Иоанна был гимнограф Георгий Евгеник — диакон, занимавший высокую должность в Великой церкви, — τοῦ σακελλίου: в его ведении находились все женские монастыри. Георгий возглавлял одну из наиболее известных константинопольских школ, в которой некоторое время учился его старший сын. Поскольку мы точно не знаем времени рождения Иоанна, трудно утверждать, что и он успел начать свое образование под руководством отца: Георгий Евгеник умер около 1406 г.

Существуют предположения, что первоначальный курс обучения Иоанн прошел у своего брата Марка,¹² а затем, неоднократно посещая между 1420 и 1430 гг. Мистру, был даже учеником Георгия Гемиста Плифона.¹³

Идя по стопам своего отца и старшего брата, Иоанн уже в молодые годы оказывается тесно связанным с Великой церковью. Обладая, как и Марк, замечательным почерком, он в 1421 г. становится патриаршим нотарием.¹⁴ Невозможно сомневаться в том, что Иоанном были написаны многочисленные документы, вышедшие в 20-е гг. XV в. из недр канцелярии Константинопольского патриархата, но к настоящему времени известен пока лишь один источник такого рода — грамота патриарха Иосифа II, данная им в октябре 1426 г. Кастамонитскому монастырю.¹⁵

ние копии нескольких листов Лаврской рукописи (в том числе, и лл. 85 об. и 285 об., на которых находятся исследуемые здесь колофоны), а также некоторые сведения о самом манускрипте.

¹¹ См.: Λαμπίδης 'Οδ. Op. cit. Σ. 6–7.

¹² См.: Χρήστος Π. Κ. Εὐγενικός Ἰωάννης // Ἐρησκευτική καὶ Ἠθική Ἐγκυκλοπαίδεια. 5ος τόμος. Ἀθήνα, 1964. Στ. 1002.

¹³ Ibidem. См. также: PLP, 3. Fasz., S. 115 и статьи D. Stiernon и V. Laurent, указ. выше, в прим. 6.

¹⁴ См.: PLP, 3. Fasz., S. 115.

¹⁵ См.: *Oikonomidès N. Actes de Kastamonitou*. Paris, 1978 (Archives de l' Athos, IX). P. 56–59, pl. X. Идентификацию писца см.: *Фонкич Б. Л.* Две палеографические заметки к изданию актов Кастамонита (Новые автографы Иоанна Евгеника и Максима Грека) // Известия Академии наук СССР. Серия литературы и языка. Т. XXXVIII, 1979, № 4. С. 393–394.

Исключительное значение в жизни Иоанна Евгеника имели события конца 30-х гг. В ноябре 1437 г. Иоанн, рукоположенный к этому времени в диаконы и включенный в греческую делегацию для участия в Феррарском соборе, отправляется в свите Иосифа II — в качестве хранителя патриаршего архива — в Италию. Как и его брат Марк, Иоанн принадлежал к той части византийского общества, которая была против сближения с латинским Западом ценой каких бы то ни было уступок со стороны Восточной церкви. Более того, вместе с Марком Иоанн, по-видимому, возглавлял это антилатинское движение: такое заключение можно сделать, анализируя его деятельность на протяжении 30–50-х гг. XV в.

Не дожидаясь решений собора и воспользовавшись как предлогом вспыхнувшей в городе чумой, Иоанн 15 сентября 1438 г. первым покидает Феррару и летом 1439 г., после кораблекрушения и долгого пребывания в Анконе, возвращается в Константинополь. Задолго до прибытия из Италии всей греческой делегации он начинает здесь активную антиунионистскую пропаганду.¹⁶ Последовавшие за этим годы, вплоть до овладения турками византийской столицей, были временем непрерывной борьбы «партии» Марка Эфесского с политической ориентации на Запад, а для виднейшего представителя этой «партии» Иоанна Евгеника — годами изгнаний из Константинополя, скитаний по различным уголкам греческого мира и редких возвращений домой.

Период жизни Иоанна после Ферраро-Флорентийского собора — это годы самой напряженной его деятельности и как церковного политика, и как писателя. Именно в это время он вновь, как это было уже в 20-х гг., неоднократно посещает Мистру, где подолгу живет и, благодаря тесным связям с правителями Морейского деспотата (он был номофилаком при дворе деспотов¹⁷), нередко играет значительную роль в жизни этой византийской области: одно время (1452) он управлял даже Лакедемонской митрополией.¹⁸

¹⁶ См. подробно: *Tsitranlis C. N. John Eugenicus and the Council of Florence // Byz.*, XLVIII, 1978. P. 264–274.

¹⁷ *Χρήστος Π. Κ. Op. cit. St. 1002.* Впрочем, трудно быть уверенным в том, что Иоанн Евгеник являлся номофилаком лишь в Морейском деспотате, а не занимал эту высокую должность в Константинополе, в Великой церкви. См., например: *Laurent V. Op. cit. Col. 1371; Stiernon D. Op. cit. Col. 501.*

¹⁸ *Stiernon D. Op. cit. Col. 501.* Подробно о деятельности Иоанна Евгеника в Мистре см.: *Zakythinos D. A. Le despotat grec de Morée, v. II. Athènes, 1953. P. 271–286, 334–336, 361.*

К сожалению, точных сведений о времени пребывания Иоанна Евгеника в Мистре совсем немного. То же самое нужно сказать и о его поездках в Константинополь или в другие места греческого мира. Хронологическая канва этого периода жизни Иоанна восстанавливается на основе изучения его сочинений, прежде всего — писем, а также вышедших из-под его пера манускриптов и некоторых других источников. Мы приводим ниже факты такого рода, датировка которых является точной или, по крайней мере, представляется таковой. Начнем при этом со времени, предшествовавшего поездке на собор в Италию.

Нельзя с уверенностью сказать, когда именно Иоанн Евгеник возвратился в Константинополь из Мистры в начале 30-х гг. Возможно, что это произошло в 1431 г., и Иоанн оказался в столице, чтобы возглавить здесь школу,¹⁹ но, во всяком случае, до 1435 г.: в июле 1435 г. Джованни Тортелли д'Ареццо, будущий советник папы Николая V и первый библиотекарь Ватиканской библиотеки, делает на принадлежавшей ему рукописи Фукидида запись, из которой следует, что кодекс получен им в Константинополе в дар от его учителя Иоанна Евгеника.²⁰ Таким образом, по крайней мере в первой половине 1435 г., а быть может, и ранее Иоанн находился в столице, где обучал греческому языку Джованни д'Ареццо. Здесь, по-видимому, он остается все последующее время, вплоть до отправления в ноябре 1437 г. на собор в Феррару.

Возвратившись из Италии в Константинополь, как мы уже знаем, летом 1439 г., Иоанн Евгеник пробыл в этом городе недолго: после прибытия сюда через полгода греческой делегации и избрания затем в мае 1440 г. патриархом Митрофана и Марк и Иоанн, противники официальной унионистской политики, вынуждены были отправиться в изгнание.

Для младшего из братьев оно длилось шесть лет, которые он провел в Мистре,²¹ тогда как Марк Евгеник вернулся в свой Манганский монастырь после двухлетней ссылки на Лимносе.²²

В последние два года правления Иоанна VIII Палеолога († 31 октября 1448 г.) император примирился с позицией Иоанна Евгеника

¹⁹ Такое предположение делает П. К. Χρήστου (Op. cit. Ст. 1002).

²⁰ См.: Kleinlogel A. Geschichte des Thukydidestextes im Mittelalter. Berlin, 1965. S. 57.

²¹ См.: Tspiranlis C. N. Op. cit. P. 273.

²² См.: Βασιλείαδης Ν. Π. Ὁ βίος Μάρκος ὁ Εὐγενικός καὶ ἡ ἔνωσις τῶν ἐκκλησιῶν. Ἀθήναι, 1993. Σ. 177-187.

и разрешил ему вновь поселиться в Константинополе; здесь же мы застаем его и в самом начале царствования Константина XI (1449–1450).²³ Как доказано О. Лампсидисом, именно в этот период Иоанн Евгеник совершает путешествие в Трапезунд.²⁴ Вскоре, однако, возможно, уже в 1450 или 1451 г., Иоанн вновь оказывается в Пелопоннесе, но возвращается в Константинополь к моменту его взятия турками и становится очевидцем падения Византии.²⁵

Мы не знаем ни точной даты, ни места смерти Иоанна Евгеника: ясно лишь, что он скончался не ранее 1456 г., когда, после канонизации своего брата Марка, делал дополнения в Софийском сборнике его сочинений.²⁶ Существует предположение, что Иоанн умер в Пелопоннесе.²⁷ Это, однако, не так: он, несомненно, скончался в Константинополе, о чем свидетельствует судьба его архива — Парижский сборник сочинений Иоанна Евгеника Paris. gr. 2075, составленный самим писателем в конце своей жизни, на протяжении долгого времени, во всяком случае, до конца XVI или начала XVII в., находился в Константинополе.²⁸ Если бы Иоанн скончался не в своем родном городе, последующая судьба его архива могла бы быть и, скорее всего, была бы иной.

Иоанн был женат и имел детей. Некоторые из них умерли в раннем возрасте.²⁹ Известны переписчик греческих рукописей середины — третьей четверти XV в. Георгий Евгеник³⁰ и владелец рукописей номофилак Великой церкви начала XVI в. Мануил Евгеник,³¹ которые, по всей вероятности, являлись сыновьями Иоанна.

* * *

Иоанн Евгеник, как и его старший брат, был натурой творческой, человеком активным и деятельным, имевшим вполне определенные политические взгляды и обладавшим исключительной твердостью в их отстаивании. Несмотря на жизнь, полную борьбы за судьбы своей

²³ *Tsirpanlis C. N.* Loc. cit.

²⁴ Λαμπιδης 'Οδ. Op. cit. (см. особ. σ. 18.).

²⁵ См. подробнее ниже, с. 288 сл.

²⁶ Речь идет о сборнике D 16 Центра И. Дуйчева в Софии (подробнее см. далее).

²⁷ См.: *Laurent V.* Op. cit. Col. 1371.

²⁸ Подробно об этом см. далее.

²⁹ PLP, 3. Fasc. S. 115.

³⁰ *Critobuli Imbriotae* Historiae... P. 10*.

³¹ См.: *Laurent V.* Op. cit. Col. 1371.

родины накануне ее падения, на постоянные, нередко вынужденные, передвижения, нестабильность существования и удары судьбы, он, тем не менее, оставил после себя значительное творческое наследие. Выявленный еще в начале нашего столетия корпус сочинений Иоанна Евгеника ³² свидетельствует о том, что этот человек был весьма заметной фигурой в истории поздневизантийской литературы, сказавший, наряду с другими крупными деятелями той эпохи, свое слово и как богослов-полемист, гимнограф и автор разного рода прозаических и поэтических текстов церковного содержания, но также и как писатель-гуманист, давший несколько замечательных образцов описания городов и различных предметов, подробный рассказ о своем возвращении из Италии и монодии, самой яркой из которых, несомненно, является «Монодия на взятие Константинополя». Наконец, от Иоанна Евгеника до нас дошло целое собрание его писем.

Исследования последних лет позволили представить еще одну сторону деятельности Иоанна Евгеника — как активного переписчика греческих рукописей, копировавшего самые разнообразные тексты для себя и, возможно, по заказу своих друзей. Как и сочинения Иоанна, вышедшие из-под его пера рукописи, помимо указания на интересы их переписчика и первого владельца, нередко содержат сведения хронологического характера, позволяющие уточнять наши представления о том или ином периоде жизни и деятельности Иоанна Евгеника.

Принадлежащие ему рукописи можно разделить на три категории.

1) Архив писателя: черновики и чистовые, окончательные редакции текста его сочинений, выполненные самим автором и затем включенные им или последующими владельцами в состав того или иного сборника. Эта группа рукописей наиболее интересна и важна для исследователя творчества Иоанна Евгеника и издателя его сочинений.

2) Рукописи из библиотеки Иоанна: их текст писан его рукой полностью или частично.

3) Манускрипты, скорее всего, не принадлежавшие Иоанну Евгенику, но прошедшие через его руки, им изучавшиеся и сохранившие на себе следы его работы.

К первой группе нужно прежде всего отнести Paris. gr. 2075. Это — сборник, включающий в себя многочисленные сочинения Иоанна

³² См.: *Pétridès S. Op. cit. // Échos d'Orient*, XIII, 1910. P. 111–114, 276–281.

Евгеника, а также тексты различных произведений античной и византийской литературы (Плутарха, Филона, Ливания, Синесия, Василия Великого, Иоанна Златоуста, Плифона и др.).³³ Рукопись является автографом Иоанна, за исключением немногих листов, которые писаны его сотрудниками.³⁴ Парижский кодекс хорошо известен в научной литературе, но указывается с неверной датировкой: 11–22 мая 1439 г.³⁵ Между тем, эта дата имеет отношение только к тексту на лл. 244 bis–281 об., где находится описание путешествия Иоанна Евгеника из Италии на Балканский полуостров.³⁶ В целом же рукопись представляет собой часть архива писателя, включающую в себя в основном чистовые (но не только!) варианты его многих сочинений, а также скопированные им тексты других авторов, объединенные самим Иоанном в снабженный оглавлением (л. 1 об.) сборник уже, по-видимому, в конце его жизни. Такое заключение можно сделать на том основании, что в рукописи на последнем месте (судя по оглавлению) находилась написанная в 1453 г. «Монодия на взятие Константинополя», в настоящее время в сборнике отсутствующая.

Эта часть, однако, не исчезла, но хранится в составе Венского кодекса Phil. gr. 183, лл. 259–264 об. Размеры указанных листов совпадают с размерами Парижской рукописи.³⁷ Поскольку сборник Phil. gr. 183 попал в Вену в середине XVI в. вместе с другими гречески-

³³ Краткое описание Paris. gr. 2075 см.: *Omont H. Inventaire sommaire des manuscrits grecs de la Bibliothèque Nationale et des autres bibliothèques de Paris et des Départements. 2ème partie. Paris, 1888. P. 188–189.*

³⁴ Сотрудники: I — лл. 40 об.–45; II — л. 46 об.; III–IV (перемежаются в работе) — лл. 191–198 об.; см. также почерки других писцов: лл. 232 об.; 233–233 об.; 234–234 об.; 237–243 об.

³⁵ См., например: *Vogel M., Gardthausen V. Die griechischen Schreiber des Mittelalters und der Renaissance. Leipzig, 1909. S. 171; Hannick Chr. L'éloge de Jacques le Perse par Jean Eugenikos // Anal. Boll., 90, 1972. P. 262; Gamillscheg E. & Harlfinger D. Repertorium der griechischen Kopisten 800–1600. 2. Teil. Handschriften aus Bibliotheken Frankreichs. Wien, 1989. S. 94.*

³⁶ См.: *Pétridès S. Op. cit. P. 281.*

³⁷ Описание Венской рукописи см.: *Hunger H. Katalog der griechischen Handschriften der Österreichischen Nationalbibliothek. Teil 1. Codices Historici. Codices Philosophici et Philologici. Wien, 1961. S. 291–293.*

Размер Парижской рукописи (in 4°) — 218×147, Венской (in 4°) — 213/220×143/150 (учитываются размеры всех частей этого сложного сборника XIV–XV вв.).

ми рукописями, доставленными сюда из Константинополя послом Фердинанда Австрийского Аугерием Бузбеком (1522–1592), совершенно ясно, что тетрадь из шести листов с «Монодией» Иоанна Евгеника была вырвана этим знаменитым коллекционером из будущего Paris. gr. 2075 и вставлена в новый сборник, где нашла свое место среди сочинений Марка Евгеника и Виссариона. О похищении тетради с «Монодией» и ее в течение некоторого времени самостоятельном существовании свидетельствуют до сих пор сохраняющиеся на этих шести листах следы, говорящие о том, что они были сложены четверо и так хранились с момента их удаления из сборника Иоанна (Paris. gr. 2075) до момента их включения в сборник Бузбека (Phil. gr. 183).

Таким образом, теперь мы можем объяснить отсутствие в Парижской рукописи «Монодии» Иоанна Евгеника, наличие которой в составе этого сборника было указано в оглавлении самим автором. Кроме того, выясняется важный факт из истории Paris. gr. 2075: в середине XVI в. рукопись, несомненно, находилась в Константинополе. Изучение самого архивного сборника Иоанна Евгеника позволяет даже сделать наблюдение о том, что и в конце XVI–начале XVII в. рукопись все еще остается в Городе: на л. 342 имеются монокондилы, принадлежащие известным деятелям Великой церкви указанного времени — великому логофету Иераксу и великому ритору Мануилу.³⁸

Кроме Парижского сборника и дополняющего его Венского кодекса, существуют еще по крайней мере три рукописи, включающие в себя небольшие части архива Иоанна Евгеника: ГИМ № 440, Urb. gr. 95 и Guelf. 82 Gud. граес.³⁹

В Московской рукописи Иоанном писан текст на лл. 52–57 об., 62 об. (частично), 64–66 об., 67–67 об. (частично), 68 об. (частично), 69 об.

³⁸ Paris. gr. 2075, л. 342, в нижней половине листа, черными чернилами:

† ὁ Ἱεράξ μέγας λογοθέτης τῆς μεγάλης ἐκκλησίας (рукой Иеракса).

† ὁ ταπεινὸς μανουὴλ (так!) μέγας ρήτωρ τῆς ὑπεραγίας Θεοτόκου (рукой Иеракса?).

† ὁ ταπεινὸς Μανουὴλ καὶ μέγας ρήτωρ τῆς ὑπεραγίας Θεοτόκου (рукой Мануила).

³⁹ В литературе имеется указание еще на один автограф Иоанна Евгеника — лл. 419–426 об. рукописи Vat. gr. 1759. См., однако: *Canart P. Scribes grecs de la Renaissance. Additions et corrections aux répertoires de Vogel-Gardthausen et de Patrinélis // Scriptorium, XVII, 1963. P. 76.*

(частично).⁴⁰ Нельзя не обратить внимание на размеры рукописи ГИМ № 440 — 220/1×154/4,⁴¹ которые, как и в Вольфенбюттельской рукописи (210×145), очень близки к размерам Paris. gr. 2075: при написании своих сочинений Иоанн Евгеник всегда использовал и для черновых, и для окончательных вариантов бумагу примерно одного качества и одинаковых размеров.⁴² В ГИМ № 440 находятся несколько небольших сочинений Иоанна — «Τοῦ νομοφύλακος Ἰωάννου διακόνου τοῦ Εὐγενικοῦ τῷ δεσπότη παραμυθητικόν» (лл. 52–53 об.), «Τοῦ αὐτοῦ τῇ βασιλίσει παραμυθητικόν» (лл. 54–55 об.), «Τοῦ αὐτοῦ κόμης ἐκφρασις» (лл. 56–57 об.), «Толкование латинского символа веры» (л. 65–65 об.), «Описание Имвроса» (л. 66), а также выписки из сочинений Платона, Лукиана, Василия Великого, Григория Богослова и др. Нужно отметить, что этот сборник с самого начала своего существования и на протяжении своей последующей истории оказался тесным образом связанным с константинопольскими сборниками ГИМ № 331 и 423, объединяющими автографы таких деятелей времени заката Византии, как Виссарион, Марк Евгеник и Кривовул.⁴³

В Ватиканской рукописи Urb. gr. 95 сохранились, сплетенные вместе со списком Феогнида XIV в. и некоторыми другими текстами, также несколько небольших сочинений (главным образом, в черновиках) «нотария Иоанна Евгеника»; среди них можно выделить посвященный Георгию Амируци трактат «Ἀληθείας γνῶσις ἢ περὶ ἀρετῆς καὶ τῆς κατὰ Θεὸν πολιτείας».⁴⁴

Наконец, Вольфенбюттельская рукопись, которая, как и все другие кодексы, содержащие части архива Иоанна, представляет собой сбор-

⁴⁰ См.: *Фонкич Б. Л.* Греческие писцы эпохи Возрождения, 3 // ВВ, 42, 1981. С. 126; *Фонкич В. Л.* Codici autografi di Bessarione, Giovanni Eugenio e Critobulo, conservati a Mosca // Rivista di Studi Bizantini e Slavi, IV (1984), 1986. P. 35.

⁴¹ См.: *Фонкич Б. Л., Поляков Ф. Б.* Греческие рукописи Московской Синодальной библиотеки. Палеографические, кодикологические и библиографические дополнения к каталогу архимандрита Владимира (Филантропова). М., 1993. С. 144.

⁴² Таких же размеров бумага использована и Марком Евгеником в его собственном сборнике сочинений — Софийской рукописи D 16: 217×145.

⁴³ См.: *Фонкич В. Л.* Op. cit. P. 31–49; *Фонкич В. Л., Поляков Ф. Б.* Markos Eugenikos als Kopist. Zur Tätigkeit eines Gelehrtenkreises an den Konstantinopolitanen Skriptorien im ersten Drittel des 15. Jahrhunderts // BZ, 84 / 85. Bd., 1991/1992. S. 17–23. Taf. I–VI.

⁴⁴ См.: *Mercati G.* Sopra alcuni autografi di Giovanni Eugenio // Bessarione, XXXV, 1919. P. 155–158; поправки и уточнения см.: *Canart P.* Op. cit. P. 76.

ник сложного состава, объединяющий в себе и более древнюю (первая половина XIV в.), и более новую (середина XV в.) части, также содержит несколько малых сочинений Иоанна: «Платан», «Описание Коринфа» и др.⁴⁶

Другую группу рукописей Иоанна Евгеника составляют манускрипты, образующие ядро его библиотеки и являющиеся в своем большинстве сборниками сложного состава, «организованными» и дополненными самим владельцем. Основу таких сборников нередко составляют рукописи XIII–XIV вв., к которым присоединяются тетради, переписанные Иоанном Евгеником и его сотрудниками. Эта часть книжного собрания для изучения деятельности Иоанна важна, пожалуй, не менее, чем перечисленные выше авторские списки сочинений писателя, ибо она отражает разнообразие интересов собирателя, свидетельствует о его стремлении получить тот или иной важный текст, выявляет круг его сотрудников по копированию необходимых для литературной работы памятников. Этот отдел библиотеки Иоанна Евгеника значительно больше, чем его архив, и не может быть сомнений в том, что именно его удастся в дальнейшем расширить с помощью палеографических исследований. В настоящее время к данной группе можно отнести следующие рукописи.

1. София, Центр славяно-византийских исследований им. И. С. Дуйчева, D 16.⁴⁶ Рукопись представляет собой часть архива Марка Евгеника, содержит авторские беловые списки многих его сочинений и дополнена, по-видимому, в 1456 г., после канонизации этого выдающегося деятеля греческой церкви, его братом Иоанном, который использовал чистые листы или части листов рукописи для внесения туда текстов некоторых сочинений Марка, обнаруженных им в его архиве, а также его других архивных материалов. Рукой Иоанна Евгеника в

⁴⁶ См.: *Harlfinger D.* u. a. *Griechische Handschriften und Aldinen. Eine Ausstellung anlässlich der XV. Tagung der Mommsen-Gesellschaft in der Herzog August Bibliothek Wolfenbüttel. Braunschweig, 1978. S. 64–67, № 21.*

⁴⁶ До сих пор эта замечательная по своему значению рукопись известна преимущественно по заметке А. И. Пападопуло-Керамевса; см.: *Παπαδόπουλος-Κεραμειός 'Α.* 'Εκθεσις παλαιογραφικῶν καὶ φιλολογικῶν ἐρευνῶν ἐν Θράκῃ καὶ Μακεδονίᾳ κατὰ τὸ ἔτος 1885 ('Απόσπασμα ἐκ τοῦ ἀρχαιολογικοῦ παραρτήματος ΙΖ' τόμου τοῦ Ἑλλήν. Φιλολ. Συλλόγου). Ἐν Κωνσταντινουπόλει, 1886. Σ. 47–48. См. также: *Actes de la Table Ronde «Principes et méthodes du cataloguage des manuscrits grecs de la collection du Centre Dujčev».* Sofia 21–23 Août 1990. Thessalonique, 1992. Pl. 2; *Fonkič B. L., Poljakov F. B.* Op. cit. S. 23.

D 16 писаны тексты на лл. 2–5 об., 16 (частично) — 33 об., 40 об.—41 об., 113–118 об., 118–121 об., 135 (последние 9 строк), 159 (част.) — 160 об., 164 об. (текст на левом поле), 172–172 об., 183 об., (верх. поле), 184 об. (кроме четырех верх. строк), 194, 198 об. (правка текста), 203 (то же), 205 об. (то же), 209 (то же), 210 (то же), 212 об. (то же), 215 (то же), 216 об. (то же), 220 об., 221 (строка у верх. края листа), 223 об. (част.), 224–224 об., 230 об., 254 об. (кроме двух верх. строк), 255–267 об.

2. К Софийской рукописи примыкает Парижский кодекс Suppl. gr. 64 — сложный по составу сборник, содержащий, среди прочего, сочинения Марка Евгеника и дополненный в XV в. Иоанном Евгеником (лл. 239–254 об.),⁴⁷ а в XVI в. — Андроником Нуккиосом⁴⁸ и Иоанном Зигомалой (лл. 231–233, 235–238).

3. Лейденская рукопись В. Р. G. 33 H, составлявшая до последней четверти XVIII в. единый кодекс вместе с Московской рукописью РГАДА, ф. 181, оп. 14, № 1287 и содержавшая в своей совокупности часть «Илиады» и гомеровские гимны, полностью писана рукой Иоанна Евгеника.⁴⁹

4. Мадридский список Платона Matrit. BN 4636 (№ 115), лл. 109–119 об.⁵⁰

Кроме указанного выше кодекса Suppl. gr. 64, в Парижской Национальной библиотеке находятся еще четыре рукописи из книг Иоанна Евгеника, тексты которых в той или иной степени писаны его рукой:

5. Suppl. gr. 1202 (1421 г.).⁵¹

6. Paris. gr. 1974, лл. 20–37, 44–87 об., 94–137 об., 144–330 (сочинения Аристотеля, Порфирия, Аммония и др.).⁵²

7. Paris. Mazarine 4456 (7), лл. 114–178 об. — законченный в Спарте 6 сентября 1450 г. список Клеомеда.⁵³

8. Paris. gr. 2006, лл. 1–11 об., 18 об.—20 об. (Плифон).⁵⁴

⁴⁷ Gamillscheg E. & Harlfinger D. Op. cit. S. 95.

⁴⁸ Ibid. S. 35.

⁴⁹ См.: *Fonkič B. L.* Op. cit. P. 37–38.

⁵⁰ См.: *Bravo Garcia A.* El Matritensis BN 4636 (№ 115), ff. 109–119v del Ion Platónico; un estudio codicológico, paleográfico y crítico I: notas de codicología // Revista del Colegio Universitario de Ciudad Real (Cuaderno de Filología), 2, 1983. P. 3–43; *Idem.* El Matritensis BN 4636 (№ 115), ff. 109–119v del Ion Platónico; un estudio codicológico, paleográfico y crítico II: notas de paleografía // Faventia, 6/2, 1984. P. 33–78.

⁵¹ См.: *Vogel M., Gardthausen V.* Op. cit. S. 171.

⁵² См.: *Gamillscheg E. & Harlfinger D.* Op. cit. S. 95.

⁵³ Ibidem.

⁵⁴ Ibidem.

К этим рукописям необходимо присоединить четыре Венских манускрипта:

9. Phil. gr. 249 (Аристофан).⁵⁶ Весь текст писан рукой Иоанна Евгеника, с которым сотрудничает его брат Марк (маргиналии на лл. 15–15 об., 74–77; на л. 74–74 об., им писаны также некоторые интерлинеарные схолии).

10. Phil. gr. 59.⁵⁶ Вторым писцом этого большого и сложного сборника (сочинения Лисия, Лукиана, Платона, Полибия и мн. др.) является Иоанн Евгеник (лл. 121–166 об.).

11. Phil. gr. 109.⁵⁷ Этот сборник сочинений античных философов (Платон, Ксенофонт, Дион Хрисостом и др.), созданный, по-видимому, в Мистре во второй половине XIV в., находился, судя по маргиналии на л. 88, в руках Иоанна Евгеника.

12. Suppl. gr. 18 (Гесиод и Феокрит). Основным писцом рукописи является Иоанн Евгеник (лл. 1–83).⁵⁸

Укажем, наконец, еще шесть кодексов с автографами писателя.

13. Urb. gr. 125 — сборник сочинений Ливания, Григория Богослова, Аристида, Филона и других, составленный под руководством Максима Плануда группой писцов рубежа XIII–XIV вв. и дополненный, по-видимому, в таком же константинопольском кружке в середине XV в.; участниками этого кружка были Исидор Киевский и Иоанн Евгеник (лл. 278 — лемма, 286 об.–294, 306 об.–307, 307 об.).⁵⁹

14. Охон. Th. Roe 18^h. Рукопись закончена в сентябре 1348 г. и представляет собой составленный, по-видимому, константинопольским юристом Константином Софосом обширный свод сочинений по праву, к которому присоединена также значительная подборка византийской поэзии.⁶⁰ На лл. 435–436 Иоанном Евгеником скопирован текст послания Василия Григорию Богослову.

⁵⁶ Описание рукописи см.: *Hunger H.* Op. cit. S. 360.

⁵⁶ *Ibid.* S. 177–178.

⁵⁷ *Ibid.* S. 217–218.

⁵⁸ См.: *Hunger H., Hannick Chr.* Katalog der griechischen Handschriften der Österreichischen Nationalbibliothek. Teil 4. Supplementum graecum. Wien, 1994. S. 39–40.

⁵⁹ Подробно см.: *Fonkich B. L.* Notes paléographiques sur les manuscrits grecs des bibliothèques italiennes // *Θραυρίσματα*, 16, 1979. P. 161–162. Pl. 16–17.

⁶⁰ Описание рукописи см.: *Coxe H. O.* Bodleian Library. Quarto Catalogues. I. Greek Manuscripts. Oxford, 1853 (repr.: Bodleian Library, Oxford, 1969). Col. 471–479. См. также: *Turyan A.* Dated Greek Manuscripts

15. Marc. gr. VIII, 4 (coll. 1208), лл. 180–209 об.⁶¹

16. Афинская Национальная библиотека, МПТ № 553, с. 455–458.⁶²

17. Афон, Dionysiu 440 (ок. 1460 г.); в этой рукописи, содержащей сочинения Критовула, Иоанна Евгеника, его отца Георгия и других, Иоанном писаны лл. 100–130 об., 133–201 об.⁶³

18. Seragl. G. I. 39, лл. 308–309 об.⁶⁴

Обратимся теперь еще к одной, правда, совсем небольшой, группе рукописей, которые, по-видимому, не принадлежали Иоанну Евгенику, но привлекли к себе его внимание и, возможно, послужили оригиналами при копировании отдельных текстов для его собственных сборников. Нам удалось выявить две таких рукописи: Охон. Clarke 37 и Heidelberg. Palat. 398.

Оксфордская рукопись (сочинения Дионисия Ареопагита) замечательна, помимо прочего, своей длительной связью с Константинополем: здесь, судя по ее палеографическим и кодикологическим особенностям, она увидела свет во второй половине X в., здесь она находилась еще в середине XV в., когда вместе с другими книгами была дана вкладом в Манганский монастырь монахом Гавриилом (запись на л. 9); наконец, здесь же в середине XVIII в. ее изучал Николай Карацас, скопировавший на л. 1 вкладную запись Гавриила.⁶⁵ Не может быть сомнений в том, что именно в Константинополе

of the Thirteenth and Fourteenth Centuries in the Libraries of Great Britain. Washington, D. C., 1980. P. 115–116; *Фонкич Б. Л.* Венская рукопись романа Константина Манассии // *Фонкич Б. Л.* Греческие рукописи европейских собраний. Палеографические и кодикологические исследования 1988–1998 гг. М., 1998. С. 93–98.

⁶¹ См.: *Fonkitch B. L.* Notes paléographiques... P. 167.

⁶² См.: Описание рукописи см.: *Παπαδόπουλος-Κεραμεύς 'Α.* Ἱεροσολυμιτικὴ Βιβλιοθήκη... Τ. V. Ἐν Πετροπόλει, 1915.

⁶³ См.: *Critobult Imbriotae* Historiae... P. 9*.

⁶⁴ *Ibidem.* Судя, однако, по воспроизведению у Д. Харлфингера (см.: *Harlfinger D.* Zu griechischen Kopisten und Schriftstilen des 15. und 16. Jahrhunderts // *La Paléographie Grecque et Byzantine.* Paris, 1977. S. 349. Abb. 12), в Seragl. 39 Иоанном Евгеником переписана значительно большая часть текста. Ср. также: *Harlfinger D.* Die Textgeschichte der pseudoaristotelischen Schrift *Περὶ ἀτόμων ὑγραμῶν.* Amsterdam, 1971. S. 418. (Анонимом 4, которого в дальнейшем Д. Харлфингер справедливо отождествил с И. Евгеником, переписана *полностью* рукопись Seragl. 39).

⁶⁵ Таким же вкладом Гавриила в Манганский монастырь является константинопольская рукопись начала XIV в. ГИМ № 311; см.: *Фонкич Б. Л., Поляков Ф. Б.* Указ. соч. С. 106–107. О Николае Карацасе, в том

видел этот древний кодекс и Иоанн Евгеник, сделавший каллиграфическим почерком на лл. 1 об.—3 большую запись.

Гейдельбергская рукопись (Арриан и др.) относится к манускриптам «философской коллекции» — группе рукописей, возникших в кружке константинопольского патриарха Фотия в середине—начале второй половины IX в.⁶⁶ Кодекс оставался в Константинополе, как можно предполагать, по крайней мере до середины XV в., где в первой половине этого столетия его совместно изучали Марк и Иоанн Евгеники, составившие оглавление рукописи (лл. 7–8): коричневыми чернилами пишет Иоанн, Марку же принадлежат части текста, выполненные красными чернилами; последним писана также маргинальная заметка на л. 157.

Последующее изучение всех этих рукописей позволит точнее определить время работы над ними Иоанна Евгеника и выявить круг его сотрудников, т. е. воссоздать ту литературную и — шире — культурную обстановку, в которой трудился этот неутомимый деятель позднегреческой литературы и книгописания. Можно не сомневаться, что число манускриптов, прошедших через его руки, значительно превышает объем выявленного на сегодняшний день материала, и здесь нас ждут новые находки.

* * *

Теперь, когда мы еще лучше представляем себе личность Иоанна Евгеника, его вклад в греческую культуру времени гибели Византии, едва ли приходится удивляться тому, что созданная им «Монодия на падение Константинополя» получила в ближайшее после ее появления время довольно широкое распространение: в данном случае дело, по-видимому, заключается не только в самом — громадного значения — факте греческой истории, но и в том, что такое сочинение вышло из-под пера человека, широко известного в византийском мире, прославившего себя активной борьбой с официальной прозападной политикой и пережившего осаду и взятие Города.

Сама «Монодия» является представителем поздневизантийской риторики,⁶⁷ где ярко, но почти без каких-либо деталей, описывается

числе и в связи с данной рукописью, см.: *Fonkič B. L. Eine Wiener Sammelhandschrift von Nikolaos Karatzas. Cod. Vind. Suppl. gr. 191 // JÖB, 44. Bd., 1994. S. 95.*

⁶⁶ См.: *Fonkič B. L. Scriptoria bizantini. Risultati e prospettive della ricerca // RSBN, n. s. 17–19 (XXVII–XXIX), 1980–1982. P. 93–99.*

⁶⁷ См.: *Hunger H. Die hochsprachliche profane Literatur... S. 144.*

судьба захваченного силой, разрушенного, преданного огню, опустошению, разграблению, позору, растоптанного врагами великого Города христиан. Это — подлинное «Рыдание», как назвал произведение Иоанна Евгеника древнерусский книжник, осуществивший его перевод вскоре после создания самого литературного памятника.

Чрезвычайно важным — с точки зрения нашей здесь задачи — сведением, которое содержится в «Монодии», является сообщение о том, что автор этого сочинения находился в самом Константинополе в момент его взятия турками.⁶⁸ К сожалению, нам ничего не известно об участии Иоанна Евгеника в защите византийской столицы; судя по некоторым фактам его жизни — дополнение архива Марка Эфесского не ранее 1456 г. (Софийская рукопись D 16) или составление собственного архивного сборника, куда вошел и беловой список «Монодии» (Paris. gr. 2075 и лл. 259–264 об. Венской рукописи Phil. gr. 183), — можно сделать предположение, что Иоанн не попал в плен к мусульманам, но оставался на свободе, хотя и находился, скорее всего, в Константинополе, где после его смерти остались некоторые из принадлежавших ему рукописей, в том числе и три только что названных манускрипта.

«Монодия на падение Константинополя» дошла до нас в следующих списках:

W = Wien, Phil. gr. 183, лл. 259–264 об. Автограф, беловая копия (1453 г., июнь–декабрь. Константинополь).⁶⁹

P = Paris. Suppl. gr. 678, лл. 115–118. Вторая половина XV в. (лл. 115–117 об.) и XIX в. (л. 118, рукой Миноида Минаса).⁷⁰

I = Athos, Ivir. 388, лл. 777 об.–779 об. Текст сочинения Иоанна Евгеника входит в состав громадного по объему и сложного по содержанию сборника, появившегося, возможно, в Ивирском монастыре на Афоне в первой четверти XVI в.⁷¹

⁶⁸ См.: Дуйчев И. С. О древнерусском переводе «Рыдания» Иоанна Евгеника // ВВ, XII, 1957. С. 199–200. В этой работе И. С. Дуйчев поправляет Н. А. Мещерского; см.: Мещерский Н. А. «Рыдания» Иоанна Евгеника и его древнерусский перевод // ВВ, VII, 1953. С. 74–77.

⁶⁹ См. выше, прим. 37.

⁷⁰ Краткое описание рукописи см.: *Omont H.* Op. cit. 3ème partie. Paris, 1888. P. 296.

⁷¹ Краткое описание рукописи см.: *Lambros Sp. P.* Catalogue of the Greek Manuscripts on Mount Athos. Vol. II. Cambridge, 1900. P. 122–138, особ. 133. Ламброс указывает несколько другие номера листов по сравнению с нынешней нумерацией. Ивирский список в материалах Порфирия

М = Метеоры, *Metamorph.* 402, лл. 118–124. Текст находится в сборнике XVII в., переписанном и составленном монахом Мартирием.⁷²

Кроме того, существуют девять списков XV–XVI вв. древнерусского перевода «Монодии» (R), выполненного, по-видимому, в Константинополе уже в 60-х гг. XV в. Древнерусская традиция памятника помогает нам ориентироваться в истории его греческого текста, но, помимо этого, она, несомненно, заслуживает отдельного исследования.⁷³

Поскольку, благодаря сохранившимся до настоящего времени разнообразным материалам Иоанна Евгеника, мы хорошо представляем себе обычную последовательность его работы при создании того или иного сочинения, необходимо сделать предположение, что чистовому, окончательному списку «Монодии» в Венской рукописи должен был предшествовать черновой вариант произведения. Существование такого черновика доказывается самим текстом W: при его колляции с остальными греческими списками или древнерусским переводом выясняется, что в W допущен пропуск трех слов —

Успенского был доступен для изучения Н. А. Мещерскому (см. его работу, указанную выше, в прим. 68).

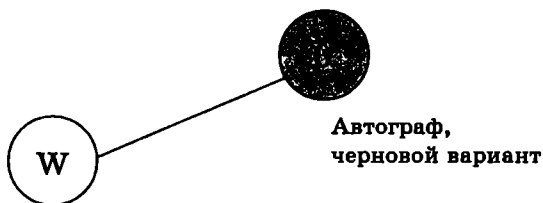
Мы имели возможность исследовать списки W и P непосредственно, а также по фотографиям, предоставленным в наше распоряжение Австрийской Национальной и Парижской Национальной библиотеками. Список I нам доступен, благодаря его копии с находящегося в Патриаршем институте патристических исследований (Фессалоника) микрофильма рукописи, любезно присланной нам Е. Лицасом. Сердечно благодарим дирекцию двух указанных хранилищ и д-ра Е. Лицаса за важные для нашей работы материалы.

⁷² См.: Βέης Ν. Α. Γραφαὶ καὶ νέον τέμαχος τῆς ἐπὶ τῇ Ἀλώσει τῆς Κωνσταντινουπόλεως μοναχίας τοῦ νομοφύλακος Ἰωάννου διακόνου τοῦ Εὐγενικοῦ κατὰ κώδικα τῶν Μετεώρων // ΒΒ, XX, 1913. С. 319–327; *Idem*. Τὰ χειρόγραφα τῶν Μετεώρων. Κατάλογος περιγραφικὸς τῶν χειρογράφων κωδικῶν τῶν ἀποκειμένων εἰς τὰς μονὰς τῶς Μετεώρων. Τ. Α'. Ἀθήνα, 1967. Σ. 418. Πολίτης Α. καὶ Πολίτη Μ. Βιβλιογράφοι 17ου – 18ου αἰώνα. Συνοπτικὴ Καταγραφή // Δελτίο τοῦ Ἱστορικοῦ καὶ Παλαιογραφικοῦ Ἀρχείου [Μορφωτικὸ Ἴδρυμα Ἐθνικῆς Τραπέζης, ΣΤ' (1988–1992). 1994. Σ. 546.

⁷³ См. работы Н. А. Мещерского и И. С. Дуйчева, указанные выше, в прим. 68.

В настоящее время такое исследование предпринял Б. М. Клосс, вместе с которым мы готовим к изданию греческий текст и древнерусский перевод «Монодии» Иоанна Евгеника.

ᾠ ἱερῶν λειψάνων (σ. 224.25 ⁷⁴ = W, л. 262 об., стк. 6), — имеющихсЯ как в PIM, так и в древнерусском переводе (см., например, РНБ, КБ № 64/1303, л. 319). Совершенно очевидно, что этот пропуск сделан Иоанном Евгеником при копировании собственного черновика. Мы можем восстановить, таким образом, первый этап истории текста «Монодии»:

Черновой вариант, т. е. собственно само произведение, появился на свет, несомненно, в первые же дни после взятия Константинополя турками, вероятно, в начале июня 1453 г., белой же экземпляр был изготовлен самим автором, скорее всего, спустя незначительное после этого время.

Судя по разночтениям, W остается в дальнейшем в одиночестве, так и не вызвав интереса ни у одного профессионального переписчика или любителя литературы вплоть до его изъятия из архива писателя (нынешний Paris. gr. 2075) Бузбеком в середине XVI в. Не исключено, что причиной здесь послужила недоступность сборника, в составе которого находился чистовой список «Монодии».

Анализ разночтений позволяет разделить списки «Монодии» на две группы:

1. Черновой автограф (α), W, M;
2. P, I, списки древнерусского перевода (R).

Основанием для этого служит большой пропуск текста в списках второй группы: ὁ στόνου καὶ βίας ἀρήτου καὶ κλόνου καὶ τρόμου, πάσαις ψυχαῖς καὶ καρδίαις αἴφνης ἐπισκῆψαντος (σ. 223.23, после τὴν Πόλιν ἄλλην ἐπιλαβόντος = P, л. 116, стк. 1; I, л. 778 об., стк. 26; ср. РНБ, КБ № 64/1303, л. 317 об.). Таким образом, списки P, I и группа R оказываются зависимыми от одного источника. Каково же соотношение этого источника и автографов (чернового и белого) Иоанна, с одной стороны,

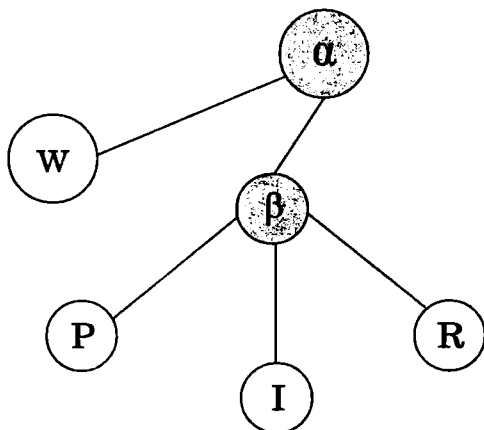
⁷⁴ При отсылках такого рода мы имеем в виду единственное издание «Монодии» Иоанна Евгеника, осуществленное Сп. Ламбросом в 1908 г. (см. выше, прим. 1): NE, 5 (1908). Σ. 219–226.

источника и списков второй группы — с другой, наконец, P, I и R между собой?

Прежде всего, совершенно ясно, что списки с общим пропуском в тексте не могут непосредственно восходить к α : в этом случае такую же ошибку имел бы и список W. Поскольку этого нет, необходимо предположить существование неизвестной нам копии чернового автографа (α) — ступени β , в которой у писца при переписывании текста произошел «перескок глаза» через две строки (судя по автографу Иоанна в списке W), результатом чего и явился отмеченный пропуск значительного пассажа. Если в β этот пропуск явился чисто механической ошибкой, то в рукописях, оригиналом которых послужил список β , эта ошибка в результате копирования оказалась многократно закрепленной.

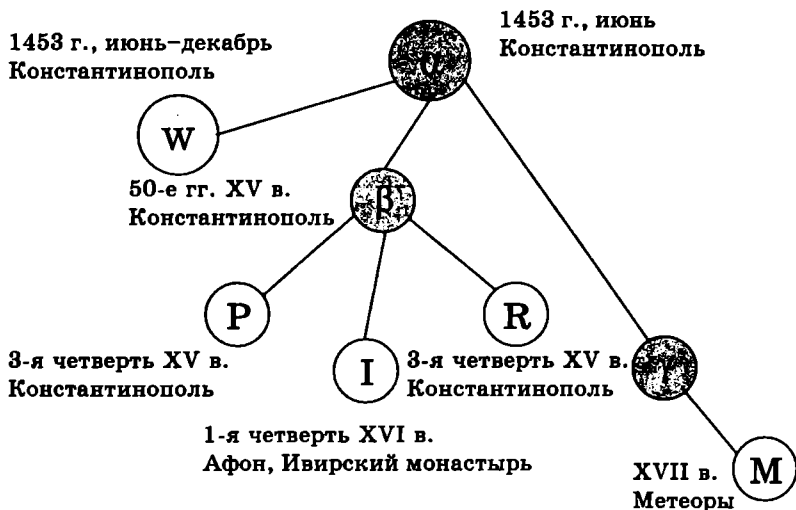
Восходящие к β список P и оригинал древнерусского перевода — рукописи, созданные не позже третьей четверти XV в. Следовательно, появление β должно относиться, по-видимому, к 50-м гг. XV в. и локализоваться Константинополем, где, несомненно, оставались и черновой, и белой автографы Иоанна Евгеника.

Нельзя ли идентифицировать P и β ? На этот вопрос следует ответить отрицательно: коллиция P и I позволяет сделать заключение, что более поздний Ивирский список не может являться копией P (прежде всего потому, что в P между $\kappa\alpha\iota$ и $\zeta\eta\nu\sigma$. 219.6 отсутствует $\lambda\acute{o}\varsigma$, тогда как это слово имеется в WIM) и, значит, два представителя одной группы восходят к общему источнику независимо друг от друга. Так же, по всей вероятности, следует возводить к этому источнику и оригинал древнерусского перевода.

Нам остается понять роль списка М в истории текста «Монодии». Поскольку М не имеет лакуны в три слова, находящейся в W, ясно, что связи между этими двумя списками быть не может. М, несомненно, восходит к а, но, основываясь на разночтениях этого позднего манускрипта (с. 322, стк. 9: πόλεων IR, πόλεως W; стк. 15: κακῆς, κοινῆς WI; стк. 22: δεσποινῆς καὶ θεομήτορος, δεσποίνης ἡμῶν θεομήτορος WIR),⁷⁶ мы должны сделать вывод, что он не является непосредственной копией чернового автографа Иоанна Евгеника, а зависит от какого-то промежуточного списка (γ), определить время создания которого пока едва ли возможно.

Итак, в окончательном виде история текста «Монодии на падение Константинополя» Иоанна Евгеника может быть представлена следующей стеммой:

⁷⁶ Мы ссылаемся на статью Н. Веиса в: ВВ, XX, 1913 (см. выше, прим. 72). Очевидные собственные ошибки писца М в расчет не принимаются.

И. П. Медведев

ПАДЕНИЕ КОНСТАНТИНОПОЛЯ В ГРЕКО-ИТАЛЬЯНСКОЙ ГУМАНИСТИЧЕСКОЙ ПУБЛИЦИСТИКЕ XV в.

«Звездным часом человечества» назвал падение Константинополя Стефан Цвейг, одним из тех мгновений истории, что «предопределяют грядущие годы и столетия, судьбу сотен поколений, направляют жизнь отдельных людей, целого народа или даже всего человечества».¹ Именно с этим главным событием XV в. связывается обычно представление о конце средневековья и начале Нового времени, — представление, восходящее к немецкому ученому Христофу Келлеру (1685) и «канонизированное» Фридрихом Энгельсом.²

29 мая 1453 г. — дата безусловно вселенская, но, являясь событием всемирно-исторического значения, крушение Византии прежде всего обозначило новый порядок вещей в бассейне Средиземноморья, резкое изменение социальной и геополитической обстановки в этом регионе, нарушение складывавшегося здесь на протяжении веков равновесия, традиционного «средиземноморского комплекса», международно-правовым гарантом которого в течение тысячелетия выступала именно Византия: высоко вознесшийся над святой Софией крест,

© И. П. Медведев.

¹ Цвейг С. Собрание сочинений в 7-ми томах. М., 1963. Т. 3. С. 6.

² См. об этом «историографическом топосе»: *Matschke K.-P.* Der Untergang einer Grossmacht: Thesen und Hypothesen zur Stellung von Byzanz in einer vergleichenden Niedergangsgeschichte von Staaten und Gesellschaft // *Zeitschrift für Geschichtswissenschaft*, 1989, Heft 10. S. 892.

который, казалось, вечно «простирали свои руки, чтобы охватить все земное страдание» (снова Цвейг), внезапно низвергнут наземь, а на его место на долгие века утвердился полумесяц Ислама. Вышедшая из кровавой бойни за Константинополь новая сильная и хищная мусульманская держава все более превращалась в главного актера в игре европейской политики.³

Но как расценивали случившееся современники? Не претендуя на новизну (ибо слишком многие касались этого), попытаемся проследить, каким образом осмысливалась происшедшая метаморфоза. Ведь «*maledetta nuova*», роковая весть о падении Константинополя и установлении нового хозяина на Золотом Роге, с быстротой молнии облетела Европу, сея повсеместно зерна эсхатологической паники и заставляя вспомнить раннехристианские пророчества о последних днях мира.⁴ Всеобщий «тренинг» — оплакивание несчастной судьбы великого города и всего христианского мира, и «*la grande paura del mondo*» — великий страх перед вновь явленным Антихристом — вот вызванные этим событием доминирующие настроения в средневековой ойкумене того времени. В бесчисленных описаниях осады, штурма и трехдневной победной вакханалии османов, а также во всевозможных монодиях и плачах⁵ господствовали безусловно эмоции

³ *Werner E.* Die Geburt einer Grossmacht — die Osmanen (1300–1481): Ein Beitrag zur Genesis des türkischen Feudalismus. Vierte Auflage. Weimar, 1985.

⁴ Стремительный процесс распространения трагического известия по странам Средиземноморья и за его пределами А. Пертузи уподобил процессу волнообразования: «Вести, — говорит он, — с самого начала переданные по нескольким каналам, функционировавшим в качестве генераторов волн, проходили по узловым линиям с эффектом интерференции в пунктах встречи или наслоения информатики, т. е. в тех местах, которые можно было бы назвать центрами сбора и излучения, так как эти центры в свою очередь действовали как передатчики с высоким потенциалом, ибо, прежде чем снова передать, они фильтровали информацию, подвергая ее селекции, синтезу и сублимации, — в зависимости от того, какие цели они при этом перед собой ставили»: *Pertusi A.* Ripercussioni della caduta di Costantinopoli: Un esempio di interrelazioni culturali nel sec. XV tra il Sud-Est europeo, il mondo mediterraneo e quello pontico // *Attes du III Congrès International d'Etudes du Sud-Est europeen.* Bucarest, 1974.

⁵ Большая часть их теперь, благодаря А. Пертузи, объединена в удобном современном трехтомном издании: *La caduta di Costantinopoli: Le testimonianze dei contemporanei / Testi a cura di A. Pertusi.* Verona, 1976 (далее — *Pertusi I*); *La caduta di Costantinopoli: L'eco nel mondo / Testi*

страха, отрицания и негодования, осмыслялся образ врага — жестокого, вероломного, тщеславного, одержимого ненавистью к христианской религии, идентифицируемого в лице Мехмета II с «провозвестником Антихриста и новым Сennaхеримом», с «кровожадным Нероном», с «дьяволом» и «сыном сатаны», с «новым Калигулой», с «сыном смерти, жаждущим христианской крови» и т. д.⁶ Складывался некий собирательный и резко негативный образ турка, «человека в чалме»,⁷ наделявшийся мрачным комплексом политико-конфессиональных и социально-этнографических стереотипов, как всегда далеко не во всем отвечающих действительности.⁸

Не остались в стороне от этого и гуманистические круги. Так, один из самых крупных писателей-гуманистов XV в. Эней Сильвио Пикколомини (будущий папа Пий II, а в то время епископ Сиенский) писал 21 июля 1453 г. Николаю Кузанскому: «А теперь, когда победили турки, которые владеют всем, чем располагала греческая держава, с греческими науками, я полагаю, покончено... Теперь под властью турок все будет иначе, так как они наиболее свирепые из людей, враги нравственности и словесности. Ведь те, которых ныне называют турками, не являются, как считают некоторые, ни тевкрами (т. е. троянцами, см. об этом образе ниже. — *И. М.*), ни персами. Это скифский, вышедший из глубин варварского мира народ, который, согласно традиции, раньше имел места своего обитания по ту сторону Понта Эвксинского и Кавказских гор, у северного океана, как представляется

a cura di A. Pertusi. Verona, 1976 (далее — Pertusi II); *Pertusi A. Testi inediti e poco noti sulla caduta di Costantinopoli / Edizione postuma a cura di A. Carile. Bologna, 1983* (далее — Pertusi III).

⁶ См., например, буллу папы Николая V от 3 сентября 1453 г. («Ad perpetuam rei memoriam»), где все эти (и многие другие) эпитеты представлены в единой «подборке»: *Baronius C. — Raynaldus C. Annales ecclesiastici. Lucae, 1758. Vol. 28. P. 616–617.*

⁷ См.: *Глазкова М. А. «Человек в чалме»: Этно-социальный стереотип османов в чешской исторической литературе и публицистике XVI в. // Славяне и их соседи: Этно-психологический стереотип в средние века (Сборник тезисов). М., 1990. С. 72–75; Tryjarski E. Ein literarisches Porträt des Türken von Mikolaj Rej (16. Jh.) dargestellt // Wiener Zeitschrift für die Kunde des Morgenlandes. Wien, 1986. Bd. 76. S. 307–313.*

⁸ Еще одна тема «образа другого», которая стала, как известно, одной из главных на XVI Международном конгрессе исторических наук. См.: *Ahrweiler H. L'image de l'autre et les mécanismes de l'altérité // Rapports du XVIe Congrès International des sciences historiques. Stuttgart, 1985. P. 60 suiv.*

философу Этику. Племя бесчестное и неведомое, погрязшее в беспутстве и во всякого рода разврате, почитающее притоны, — племя, которое питается какими-то мерзостями, не знает вина, хлеба, соли... Они погрязли в похоти, мало занимаются науками, горды и невероятно чванливы... И вот сейчас турки, эти враги греческой и латинской учености, с целью расчистить место своим нелепостям, не допускают, чтобы существовала какая-либо иностранная книга.⁹ Ясно, что это противопоставление цивилизованного Запада и варварского, враждебного иностранной культуре турецкого Востока (который «питается нелепостями» — *inertiae*), — продукт антиисторической риторики.¹⁰

Весьма скоро падение Константинополя как «главное событие XV столетия» перешло границы истории, обрело «метаисторическое измерение», дав новый импульс мессианическим и эсхатологическим ожиданиям и породив богатейшую «оракульную» или, скорее, «псевдопрофетическую» литературу. При этом наряду с традиционной эсхатологической мыслью, согласно которой будущего нет, наступил последний час истории и нужно непосредственно ждать второго пришествия Господа, возникает новая форма профетической легенды, иной апокалиптики, исполненной надежд и предчувствий новых, еще неизведанных возможностей в жизни христианского сообщества. Но и для этого используется старая оракульная литература, восходившая в своей основе по крайней мере к началу XII в., которую традиция приписывала чаще всего византийскому императору Льву VI Мудрому (886–912), а также Мефодию Патарскому, пророку Даниилу, монаху Леонтию, патриарху Геннадию Схоларию и т. д.¹¹ Так, падение Константинополя осмысливается как начало новой эры (царство Антихриста), за которой, однако, после «родовых болей» (*dolori del parto*) наступит эра вос-

⁹ *Pertusi II*. P. 52–54. Эти отзывы о турках, заимствованные из сочинения «*Cosmographia, i. e. Scriptura mundi*» так называемого Aethicus Ister (ed. Wuttke, 1853), воспроизводятся им самим в его «Космографии» в сходных выражениях, но с некоторыми дополнениями, сделанными небезызвестным Николаем Секундином: Aeneae Sylvii Piccolomini... *Opera quae extant omnia*. Basileae, 1571. P. 307–308; 394–395.

¹⁰ Cp.: *Pertusi II*. P. 435.

¹¹ *Mango C.* The Legend of Leo the Wise // ЗРВИ. 1960. Кн. 6. С. 59–93; *Argyriou A.* Les exégèses grecques de l'Apocalypse à l'époque turque (1453–1821). Salonique, 1982. 97 p.; *Alexander P. J.* The Byzantine Apocalyptic Tradition. Berkeley, 1985. P. 130–136.

становленной и обновленной Византийской империи. Особенно усиленно привлекается к этой цели известный пророческий цикл о последнем «окаменевшем», «истинном» императоре, который, согласно традиционной апокалиптической легенде, накануне пришествия Антихриста и наступления конца мира, сокрушив всех врагов империи, отправится в Иерусалим и там, на Голгофе или на Горе Елеонской, вернет Богу свою диадему, символ своей власти и земной власти вообще, которую он получил от Бога.¹² Теперь же этого «истинного императора» стали однозначно идентифицировать с последним византийским императором Константином XI Палеологом, геройски сложившим голову во время штурма Константинополя, который якобы покоился, погребенный в западной части города, но который однажды проснется, прогонит турок за пределы Анатолии и восстановит империю.¹³ Новая интерпретация пророчеств Льва в их применении к туркам получила особую популярность в греко-венецианской или, точнее, в «венето-критской» среде, где несколько позднее, уже в XVI в., стали появляться многочисленные рукописные кодексы с подобного рода пророчествами, богато украшенные красочными миниатюрами с изображениями турецких султанов в виде той или иной апокалиптической твари — некий род «историко-политической сатиры», целью которой опять же было указать на грядущий Оттоманской империи конец и на грядущее восстановление Византийской империи.¹⁴

¹² См. также: *Брандес В.* Византийская апокалиптическая литература как источник изучения некоторых аспектов социальной истории // ВВ. 1989. Т. 50. С. 116–122.

¹³ По мнению историка Дуки, это будет выглядеть так: «И тогда ангел, спустившись (с небес) с мечом в руке, передаст царство вместе с мечом некоему безымянному, очень простому и бедному мужу, стоящему в тот момент у колонны, и скажет ему: “Возьми этот меч и отомсти за народ Господень”. Тогда турки обратятся в бегство, а ромеи (т. е. византийцы. — *И. М.*) станут преследовать их, круша и изгоняя их как из города, так и с Запада и Востока, вплоть до границ Персии, в месте, называемом Монадендрион». См.: *Ducas. Istoria turco-bizantina (1341–1461) / Ed. V. Grecu. Bucuresti, 1958. P. 365.*

¹⁴ См., например, роскошное издание миниатюр трех подобного рода рукописных кодексов из собрания Франческо Бароцци (1537–1604): *Rigo A. Oracula Leonis: Tre manoscritti greco-veneziani degli oracoli attribuiti all'imperatore bizantino Leone il Saggio (Bodl. Baroc. 170, Marc. gr. VII. 22, Marc. gr. VII. 3). Padova, 1988.*

Более практические цели ставила перед собой «крестоносная публицистика», обретшая новое дыхание и пронизанная ощущением религиозного (христианского) единства европейско-средиземноморского сообщества перед угрозой турецкого нашествия (можно даже сказать, что падение Константинополя явилось своеобразным фактором консолидации христианского мира, так же, впрочем, как таковым окажется почти перманентная «турецкая война» на протяжении последующих столетий).¹⁶ Живое ощущение трагичности положения и осознание необходимости защищать *corpus christianum* предстают, разумеется, как война священная, как *bellum iustum*, обещающая ее участникам и славу и честь, хотя здесь, как кажется, и не ощущается тот пафос, который одушевлял некогда фанатичное западноевропейское рыцарство, отправлявшееся на отвоевание Гроба Господня.¹⁶

Как бы то ни было, уже папа Николай V (ярый поборник решительного крестового похода) буллой от 30 сентября 1453 г. предписал каждому христианскому государю пролить кровь свою и своих подданных за святое дело, а также выделить на него десятую часть своих доходов.¹⁷ Кипучую энергию проявил и Эней Сильвио Пикколомини (тогда папский легат в Германии), который на протяжении всего 1454 г. разъезжал по епархии, выступая на всех ландтагах страны и красноречиво доказывая необходимость крестового похода.¹⁸ Франческо Филельфо, прося Димитрия Халкокондила убедить Лоренцо Медичи начать крестовый поход против турок, свидетельствует, что «много писал королям, императорам и другим князьям, чтобы побудить их объявить войну неверным, т. е. туркам: ведь они у ворот Италии и угрожают итальянскому народу».¹⁹ Аналогичные проекты крузады вынашивали многие гуманисты и государственные деятели той эпохи, в частности Исидор Киевский, Георгий Трапезундский,²⁰

¹⁶ См., например: *Дюпрон А.* Единство христиан и единство Европы в период новой истории // XIII Межд. конгресс историч. наук. М., 1970. 26 с.

¹⁶ Ср.: *Manselli R.* Il Cardinale Bessarione contro il pericolo turco e l'Italia // *Miscellanea Franceseana*, 1973. Vol. 73. № 3–4. P. 324.

¹⁷ *Barontius C.* — *Raynaldus C.* *Annales ecclesiastici*. Vol. 10. P. 2–3; *Рансимен С.* Падение Константинополя в 1453 г. М., 1983. С. 147.

¹⁸ *Рансимен С.* Там же.

¹⁹ *Legrand E.* Cent-dix lettres grecques de François Filelfe. P., 1892. P. 190–192.

²⁰ *Revegnani G.* Nota sul pensiero politico di Giorgio Trebisonda // *Aevum*. 1975. Vol. 49. P. 310–329.

Ян Ласкарис,²¹ Филиппо Буонаккорси (*Callimachus Experiens*)²² и др., но поистине делом жизни это стало для кардинала Виссариона.

Покинув свою родину во время ее тяжелых испытаний и обосновавшись в Италии, этот «греколатинянин» (по выражению Марка Евгеника) или (по оценке Лоренцо Валлы) *Latinorum graecissimus et Graecorum latinissimus* познал и головокружительную карьеру, занимая самые высокие посты в иерархии римской католической церкви (чуть было не стал римским папой!), и обрел громкую славу ученого, гуманистическая деятельность которого наложила ощутимый отпечаток на все Кваттроченто, но тем не менее всю жизнь, как кажется, терзался угрызениями совести по поводу своего бегства с родины. Острое чувство вины перед покинутыми соотечественниками он пытался компенсировать энергичной деятельностью по организации действенной помощи им и отпора «наседавшим» на Византию туркам. Особенно заметно Виссарион активизировал усилия на этом поприще именно после падения Константинополя, весть о котором дошла до него в начале июня 1453 г., когда он находился в Болонье. Отныне идея сопротивления туркам и изгнания их из Константинополя становится, по выражению Манселли, *una linea costante*, проходит красной нитью через все намерения Виссариона. Он посвящает всего себя заботе о прибывавших на Запад беглецах-соотечественниках, оказывает им огромную моральную и материальную помощь, выкупает из турецкого плена, шлет во все концы христианского мира множество частных писем и официальных посланий итальянским и вообще европейским князьям и королям, в которых выражает скорбь по поводу гибели греческой нации, горечь при виде безразличия и близорукости Запада в отношении событий на Босфоре, но в то же время развивает идею объединения Европы перед лицом турецкой угрозы, идею «крестового похода» против турок.²³

Замечательным памятником публицистики является страстная и взволнованная речь Виссариона, произнесенная им 6 сентября 1459 г. на Мантуанском соборе, в которой он не только живописал ужасы, творимые завоевателями в Константинополе, но и предупреждал о росте турецкой опасности для Италии, призывал князей объединиться и принести жертвы на алтарь «общего дела», предложил кон-

²¹ *Pontani A. Parlipomeni dei Turcica: Gli scritti di Gian Lascaris per la crociata contro i Turchi // Römische Historische Mitteilungen. 1985. N. 27. S. 213–338.*

²² *Philippi Callimachi Ad Innocentium VIII de bello Turcis inferendo oratio / Ed. Thaddaeus Kowalewski. Varsoviae, 1964. 95 p.*

²³ *PG. 1866. T. 161. Col. 651–675.*

кретный план крестового похода, методы и пути его организации, производил подсчеты войск и оружия, необходимых для того, чтобы противостоять врагу.²⁴ С целью побудить германских курфюрстов присоединиться к походу он предпринимает столь же трудное и гибельное для его здоровья, сколь и бесплодное посольство в Германию (1460–1461), которое он назовет своим «мученичеством».

Казалось, дело сдвинулось с места, когда дожем Венеции стал Кристофер Моро, решивший начать войну с турками. Чтобы окончательно толкнуть дожа на этот решительный шаг, папа Пий II (Эней Сильвио Пикколомини) назначает Виссариона в Венецию в качестве своего *legatus a latere*, чрезвычайного и полномочного посла.²⁵ 22 июля 1463 г. Виссарион прибывает в Венецию, удостоившись пышной и торжественной встречи, а уже 28 августа на площади Сан-Марко была объявлена война и провозглашен поход. Месяц спустя (28 сентября) дошла до Венеции и булла Пия II, которой он извещал христианский мир о том, что становится во главе круазады. Отныне и в течение семи месяцев Виссарион — в гуще событий, душа всего предприятия; в тесном контакте с венецианскими властями он напряженно трудится над разработкой планов кампании, над заключением альянсов в целях подготовки обширной христианской конфедерации, над созданием материально-финансовой базы похода,²⁶ для чего широко прибегает к продаже индульгенций согласно тарифу, разработанному совместно с сенатом. По остроумному замечанию Васта, впервые, пожалуй, эта скомпрометировавшая себя практика папства выколачивания денег с верующих «на этот раз, по крайней мере, имела уважительную причину».²⁷ Формируются кадры проповедников (Виссарион

²⁴ *Медведев И. П.* Речь Виссариона Никейского на Мантуанском соборе: editio critica (в печати).

²⁵ *Vlachos T. N.* Bessarion als päpstlicher Legat in Venedig im Jahre 1463 // *RSBN*. 1968. Vol. 15. P. 123–125.

²⁶ Проект (инструкция) сбора денежных средств для крестового похода, озаглавленный «*Capra colligendarum pecuniarum pro sacra cruciata*», предписывающий обложение жителей Венеции налогом в $\frac{1}{30}$ часть их годовых доходов, с их компенсацией предоставлением индульгенций и отпущением грехов, и подписанный собственноручно кардиналом Виссарионом, хранится в архиве С.-Петербургского института истории РАН, см.: *Медведев И. П.* Уникальный архивный документ за подписью Виссариона Никейского // *ВВ*. 1986. Т. 46. С. 157–163.

²⁷ *Vast H.* Le Cardinal Bessarion (1403–1472): Étude sur la chrétienté et la renaissance vers le milieu du XVe siècle. P., 1878. P. 272.

опирался при этом прежде всего на такие широко известные нищенствующие ордена, как орден «братьев-миноритов», т. е. францисканцев, орден доминиканцев и эремитов-августинцев), которым поручалось действовать не только в самой Венеции, но и на всей территории раферме.²⁸

В отличие, например, от Георгия Трапезундского, легкомысленно убеждавшего короля арагонского Альфонса в том, что предприятие обещает быть неслышанно легким и что враги Христовы обратятся в бегство при одном известии о подготовке такой экспедиции,²⁹ Виссарион ясно отдавал себе отчет во всех объективных и субъективных трудностях организации эффективного сопротивления туркам. Он с горечью наблюдал, как идея крузады все больше вырождается, превращаясь в моду (чего, например, стоит бутафорский пир при дворе герцога Бургундского Филиппа Доброго со знаменитой «клятвой фазана»).³⁰ Да и кончина Виссариона (в 1472 г.) не в малой мере была ускорена осознанием бесплодности затраченных им усилий и трагической необратимости происшедшего.

Впрочем, в понимании необратимости «средиземноморской метаморфозы» Виссарион был отнюдь не одинок; именно здесь находятся истоки того удивительного направления в греко-итальянской гуманистической публицистике XV в., которое нас в данном случае интересует, пожалуй, больше всего и которое я бы назвал «иринистским», имея в виду тот факт, что сутью его являлась впервые, может быть, выраженная *expressis verbis* идея мира между религиями, а в наиболее радикальных формах — даже идея слияния религий (прежде всего — ислама и христианства). Когда люди оправились от потрясения и, приходя понемногу в себя, осознали, что новый порядок вещей в пределах Средиземноморья стал совершившимся фактом, они не могли не задаться столь естественным и спасительным, как казалось, вопросом: а что, собственно, произошло? Разве уже около тысячи лет

²⁸ Об аналогичной деятельности по пропаганде всеобщего крестового похода против турок и обложению с этой целью церковной десятиной всех территорий Генуи свидетельствуют и еще неизданные регистры, хранящиеся в Государственном архиве Генуи. См.: *Olgiati G. L' indulgenza per Caffa e le terre del Mar Nero (1455-1460) // XVIIIth Intern. Congress of Byzantine Studies: Summaries of Communications. Moscow, 1991. T. 2. P. 827.*

²⁹ *Revegnani G. Nota sul pensiero politico di Giorgio Trebisonda. P. 313.*

³⁰ *Olivier de la Marche. Mémoire, II. P. 381-382; Рансимен С. Падение Константинополя в 1453 г. С. 148.*

Коран и Евангелие не уживаются на Востоке, пусть даже в постоянном отрицании друг друга? И разве в самой Византии не сложилось достаточно влиятельного туркофильского течения, открыто предпочитавшего турецкий тюрбан папской тиаре?

В отличие от латинян у византийцев существовала давняя традиция мирных и даже дружеских контактов с мусульманским миром.³¹ Конечно, и здесь сказывались старые религиозные предубеждения, выразившиеся в искаженных представлениях об исламе, как, например, об оргическом культе наподобие дионисического (Григора) или как о «сатанизме», религии дьявола (сам Пророк Мухаммед, согласно Кантакузину, не что иное как выражение дьявола); турки определялись как «исмаилиты», «сарацины», «ахемениды» или даже «гуны», как народ порочный, по преимуществу нечистый, пакчающий чистую римскую землю, враг алчный, исключительно жестокий (убивать для турок — наслаждение, они не способны ни на сострадание, ни на малейшую жалость), но и неожиданно трусливый, хотя и обреченный на непобедимость, ибо является орудием Бога в Его стремлении погубить Византию «за грехи наши» (Димитрий Кидонис).

Даже Григорий Палама, благодаря плену у турок узнавший их не понаслышке, рисует по преимуществу негативный их образ, несовместимый, по мысли святителя, с ценностями византийской цивилизации, ибо «живут они постыдно, не по-человечески и богопротивно, подобно Исаву, с детства ненавистному Богу и лишенному отцовского благословения: они живут луком, мечом, в распутстве, находят удовольствие в порабощении людей, убивая, грабя и похищая, предаваясь бесчинству, разврату, содомскому греху. И они не только совершают все это, но и вследствие какого-то безумия полагают, что Бог одобряет их действия, — вот что я думаю о них, — говорит Солунский архиепископ, — лучше узнав образ их жизни».³² Поэтому союз с турками невозможен, его нельзя оправдать никоим образом — вот вывод,

³¹ *Vryonis S.* Byzantium: Its internal history and relations with the Muslim World, with a preface by M. V. Anastos / Variorum Reprints, Collected stud., Ser 7 / L., 1971. 284 p.; *Idem.* Byzantine Attitudes toward Islam during the Late Middle Ages // Greek, Roman and Byzantine Studies, 1971. Vol. 12. P. 263–286; *Ducellier A.* Mentalité historique et réalité politique: L' Islam et les Musulmans vue par les Byzantins du XIIIe siècle // Byz. Forschungen, 1972. Bd. 4. S. 31–63.

³² Γρηγορίου τοῦ Παλάμᾳ Ἐγγυράσματα. Θεσσαλονίκη, 1988. Τ. 4. Σελ. 125, 9–16 (цит. в русском переводе прот. И. Экономцева, см. его сборник статей «Православие, Византия, Россия». УМСА-Press. P., 1989. P. 267, 282).

который, как кажется, разделяли в XIV в. и гуманисты (Никифор Григора), и униаты (Димитрий Кидонис), и Православная Церковь (Филофей Коккин).³³

И тем не менее с прогрессом познания исламского, главным образом турецкого, мира, с расширением возможностей взаимного знакомства (путешествия византийцев, в том числе и не всегда добровольные, на мусульманскую территорию), овладение некоторыми из них турецким языком и, напротив, турками — греческим (что облегчало контакты и позволяло вести «прения» — диспуты и диалоги) в Византии постепенно все больше убеждались, что мусульманский мир — это отнюдь не ад, что не все в нем так беспросветно, существует здесь и религиозная свобода, и толерантность по отношению к христианам, и истинная образованность, не исключавшая признания авторитета Евангелия и общности представлений о Боге — Отце Небесном,³⁴ а в некоторых отношениях — и превосходства христианства (в XIV в. нередки обращения мусульман в христианство, как, впрочем, и обращения христиан в мусульманство).³⁵ В результате немало людей в Византии накануне ее падения уже перестали видеть в мусульманах «воплощение дьявола» и уже не считали жизнь под турецким владычеством невозможной.³⁶

Разумеется, освобождение от одного мифа не спасло от сотворения нового, страдавшего известной идеализацией мусульманского мира, которой не избежал и Запад: чего стоит, например, распространившаяся здесь легенда о том, что турки — это не кто иные, как троянцы, и что захват Константинополя — это возмездие за ужасы греческого

³³ *Ducellier A. L' Islam et les Musulmans vus de Byzance au XIVe siècle // Byzantina, 1983. Т. 12. Р. 93–134.*

³⁴ «Настанет когда-нибудь время, когда мы (т. е. мусульмане и христиане. — *И. М.*) придем к согласию друг с другом», — мирно заметил св. Григорию Паламе один из турок в конце довольно-таки острой богословской дискуссии: Γρηγορίου τοῦ Παλαμῆ Συγυράκιστα ... Σελ. 138. 10–11 (ср.: Прот. *Игорь Экономцев*. Указ. соч. С. 268, 293).

³⁵ По мнению прот. Игоря Экономцева (Указ. соч. С. 266), насильственная исламизация *de jure* не допускалась, но *de facto* она существовала: христиане платили налоги, по крайней мере в два раза более высокие, чем мусульмане, а в случае судебного разбирательства виновная (а по сути дела — зачастую невиновная) сторона оказывалась перед выбором: понести наказание или принять ислам (его принятие автоматически освобождало от вины).

³⁶ *Ducellier A. L' Islam et les Musulmans vus de Byzance au XIVe siècle. Р. 129.*

нападения на Трою (во Франции даже получило широкое распространение письмо, якобы написанное Мехмедом II папе Николаю V, в котором султан выражал удивление тем, что итальянцы проявляют к нему враждебность, тогда как они произошли от тех же троянцев, что и турки).³⁷ Подвергся идеализации и сам «dominus magnus teuscus», т. е. Мехмед II Фатих, которому ряд латинских и греческих авторитетов (таких, как Исидор Киевский, Николай Секундин, Михаил Дука, Георгий Сфрандзи, Критовул, Сансовино, анонимный автор сочинений «Historia Turcorum» и т. д.) приписывают необыкновенные познания и неподдельный интерес к истории античности, а Критовулу даже утверждает, что султан во время своего похода на Митилену в 1462 г. посетил Трою, ощутив себя на ее руинах наследником и завершителем дела жизни Александра.³⁸

Тем не менее и здесь, на Западе, пробивал себе дорогу здравый взгляд на турецкую историю, неподдельный интерес и стремление разобраться в ней, чему способствовало и установление дипломатических отношений Венеции с Портой. Поскольку султаны в своих обращениях к странам Запада использовали, как правило, греческий язык (правда, Мехмед II в конце царствования стал прибегать также к итальянскому, точнее, к его венецианскому диалекту, или немецкому с элементами идиша, и даже латинскому), то и Венеция на протяжении всего XV в. в своих сношениях с «Gran Turco» пользовалась исключительно греческим (так, неопределимые услуги республике св. Марка оказали выходец из Негропонта Николай Секундин, именовавшийся также на итальянский манер Никколо Сагундино,³⁹ а также родившиеся и выросшие в «Греции» и с детства владевшие языком этой страны венецианские граждане — такие, как выходцы с венецианского Крита Лауро Квирина и Джованни Дарио).⁴⁰ Все

³⁷ Рансимен А. Падение Константинополя. С. 149.

³⁸ Critobulae Imbriotae De rebus per annos 1451–1467 a Mechemete II gestis / Ed. V. Grecu. Bucuresti, 1963. P. 297. — О том, что Мехмед II, вопреки идеализированному представлению ренессансных панегиристов, не знал ни греческого, ни латыни, см.: *Patrinelis Ch. G. Mehmed II the Conqueror and his presumed Knowledge of Greek and Latin // Viator. 1971. Vol. 2. P. 349–354; Werner E. Sultan Mehmed der Eroberer und die Epochenwende im 15. Jahrhundert. B., 1982. S. 29.*

³⁹ *Mastrodimitri P. D. Νικόλαος ὁ Σεκουδινός (1402–1464): Βίος καὶ ἔργον. Ἀθήναι, 1970.*

⁴⁰ *Babinger F. Johannes Darius (1414–1492): Sachwalter Venedigs im Morgenland, und sein griechischer Umkreis. München, 1961. 120 S. + Taf. I–V.*

чаще при дворе «Великого Турка» появляются странствующие греческие и итальянские гуманисты вроде Георгия Амирутци, который поет стихотворные оды султану, используя для этого византийский панегирик императору,⁴¹ или Чириако Анконского, который неоднократно бывал в турецком Константинополе, в том числе и в качестве *урацатебс* султана, как называет его Франческо Филельфо.⁴² Над воссозданием образа султана-завоевателя в медальном и живописном искусстве трудятся Костанцо да Феррара, Бертольдо ди Джованни и Джентиле Беллини, увековечившие султана как «завоевателя трех империй»: сельджукской («Азии»), Трапезундской и Византийской («Великой Греции»)⁴³ Широкое распространение на Западе получает жанр «турецкой литературы», начало которому положил знаменитый трактат «*De origine et rebus gestis Turcorum*» Николая Секундина, написанный им в 1456 г. для Энея Сильвио Пикколомини, но сразу же широко распространившийся как в рукописях, так и в многократных печатных изданиях (к сожалению, *editio princeps* — под заглавием «*De familia Autumanorum id est Turchorum*» — не имеет указания ни места, ни года, ни типографии).⁴⁴ Это был первый, по выражению Фр. Бабингера, европейский опыт создания османской истории, обнаруживший в авторе человека, сведущего в турецких реалиях и обладавшего обширной гуманистической культурой.⁴⁵

Вернемся, однако, к «иринистскому» направлению в греко-итальянской гуманистической публицистике тех времен, в основе которого

⁴¹ *Reinsch D. R. Byzantinisches Herrscherlob für den türkischen Sultan: Ein bisher unbekanntes Gedicht des Georgios Amirutzes auf Mehmed den Eroberer // Cupido legum. Frankfurt am Mein, 1985. S. 195–210. Ср.: Капов С. П. Трапезундский ученый Георгий Амирутци // ВИ. 1991. № 6. С. 195–199.*

⁴² *Babinger F. Johannes Darius. S. 76.*

⁴³ *Ibid. P. 88–89; Babinger F. Ein weiteres Sultanbild von Gentili Bellini aus russischem Besitz. Wien, 1962. 20 S. + Taf. I–IV.*

⁴⁴ *Pertusi II. P. 126–127.*

⁴⁵ Сказанное не означает, что и до этого сочинения *par excellence* не делалось аналогичных попыток. Так, между сентябрем 1453 г. и мартом 1455 г. ломбардский гуманист Лампо Бираго посвящает папе Николаю V трактат о гражданской и военной организации турок, основанный на сведениях, почерпнутых из устных источников. См.: *Pertusi A. Le notizie sulla organizzazione amministrativa e militare dei Turchi nello «Strategicon adversum Turcos» di Lampo Birago (c. 1453–1455) // Studi sul Medioevo cristiano offerti a Raffaello Morghen. Roma, 1974. P. 669–700.*

лежала идея примирения со свершившимся фактом через примирение религий, их унию, в конечном счете — через образование некоей исламо-христианской империи. Разумеется, у носителей этой идеи не могло не зародиться мысли решить эту задачу самым экономным, с точки зрения христианства, путем — осуществить обращение турок, соблазнив их победоносного правителя доктриной «*translatio imperii ad Turcos*». Оказывается, уже в 1437 г., во время своего пребывания в Константинополе с поручениями курии, задумывался об этом Николай Кузанский (1401–1464), оформив эту мысль в своем трактате «*De pace fidei*» (1453). Исходя из положения, что проблема обращения — отнюдь не самая важная («ведь речь идет не о смене веры: вы увидите, что повсюду одна и та же вера.., за многообразием обрядов просматривается лишь одна религия — «*religio una*»»), немецкий кардинал тем не менее трактует эту «общую религию» в духе некоей римско-католической конфессии, а ислам — не как религию, но только как ересь, Мухаммеда же — только как «отпавшего» Римского кардинала. При таком подходе ему казалось возможным скорее склонить султана к принятию этой общей религии и убедить его в том, что его завоевания будут тогда выглядеть вполне легальными, а дружба с ним князей Запада — гарантированной.⁴⁶

К этой идее примкнул и друг Кузанца Эней Сильвио Пикколомини (папа Пий II). Движимый, как полагает Э. Вернер, дантовской мыслью о мировой монархии как едином человеческом организме с общим интеллектом,⁴⁷ а также традиционной доктриной *translatio imperii* (в данном случае — *ad Turcos*), он в своем письме к Мехмеду Фатиху от 1461 г. ссылается на пример Константина Великого, обратившего язычников-римлян в христианство, и убеждает султана, что с помощью аналогичного шага (обращение турок в христианство) тот имеет уникальный шанс законным образом превратиться в господина мира, более того — в его творца и избавителя (*pacis auctor, orbis salvator*), в чем папа готов оказать ему всяческую поддержку

⁴⁶ *Gebel D. Nikolaus von Kues und Enea Silvio Piccolomini: Bilder der aussereuropäischer Sozialverhältnisse im 15. Jahrhundert. Hamburg, 1977. S. 137, 141 f., 171; Werner E. Sultan Mehmed der Eroberer. S. 8.*

⁴⁷ По мнению Э. Вернера, о дантовском трактате Пикколомини узнал от своего учителя, выходца из Ареццо, папского адвоката Антонио де Росселли (1386–1466), познакомившего его с трудом Данте в Сиене через свой трактат «*Monarchia sive Tractatus de potestate imperatoris et papae*», см.: *Werner E. Sultan Mehmed der Eroberer. S. 10.*

и произвести его в принцепсы (*omnium eorum principem*).⁴⁸ Разумеется, и здесь *dominium mundi* мыслится Энеем в качестве Римской империи, а новообращенный султан, которому этот *dominium mundi* был бы передан, — в качестве теперь уже законного наследника *regium Romanorum*. Неудивительно поэтому, что письмо осталось публицистическим монологом, так как ни оно не дошло до адресата (а может быть, и не предназначалось для того, чтобы дойти), ни его автор не был удостоен от кого-либо каким-нибудь ответом. Разумеется, все эти политические игры о возможности обращения турок и о *translatio imperii ad Turcos*, будучи исполнены ученого гуманистического невежества в отношении существа ислама (который со времен Омейядов возвысился до мировой религии и не имел ничего общего с христианской схизмой, чем тешили и вводили себя в заблуждение на Западе), заранее были обречены на провал.⁴⁹

Они были обречены на неудачу еще и потому, что во всех этих трактатах сквозила плохо скрытая идея превосходства христианства над исламом, которому отводилась явно приниженная роль, исключавшая возможность подлинно равноправного диалога культур. Лишь у испанского кардинала Хуана Сеговийского зарождается мысль о необходимости радикальным образом пересмотреть традиционные подходы к исламу, отказаться от бесплодных атак на мусульманские догмы и сконцентрировать внимание на том общем, что было присуще обеим религиям. С этой целью он рекомендовал собрать некую «конференцию» с участием авторитетных представителей ислама, которая сама по себе, даже если бы и не привела к обращению неверных, означала бы значительный прогресс в диалоге.⁵⁰ Однако наиболее последовательно данная идея обоснована у автора, уже нам известного, — у Георгия Трапезундского (1395–1472/73).⁵¹

Выходец с Крита, лишь по недоразумению называвшийся трапезундцем (из Трапезунда происходил его прадед), этот деятель пред-

⁴⁸ *Gaeta F.* Sulla «lettera a Maometto» di Pio II // *Bulletino dell' Istituto storico italiano per il medio evo*, 1965. Vol. 77. P. 198, 224.

⁴⁹ Ср.: *Werner E.* Sultan Mehmed der Eroberer und die Epochenwende im 15. Jahrhundert. S. 11.

⁵⁰ *Southern R. W.* Western views of Islam in the Middle Ages. Cambridge Mass., 1962. P. 85–93; *Schwoebel R.* The Shadow of the Crescent: The Renaissance image of the Turk. N. Y., 1967. P. 223 sq.

⁵¹ Об уточненной (и резко отличной от принятой раньше) дате смерти Георгия Трапезундского см.: *Monfasani J.* George of Trebizond: A biography and a study of his rhetoric and logic. Leiden, 1976. P. 234.

ставлял собой яркое и странное явление на культурном небосклоне Кваттроценти: грек, предпочитавший писать на латинском (причем на отменном латинском, вызывавшем жгучую зависть его итальянских коллег); переводчик Платона и сам фактически платоник, яростно борющийся с ренессансным платонизмом;⁶² выдающийся представитель гуманистической риторики, страстно защищавший средневековую схоластику; учитель и доверенное лицо многих итальянских гуманистов, обладавший уникальной способностью восстанавливать против себя людей и сориться со всеми ими подряд («вздорный старик», скажет о нем Региомонтанус); плодовитый автор, труды которого пользовались огромным авторитетом (они находились, например, в библиотеке Кампанеллы, во времена Кромвеля студентам английских университетов предписывалось читать их наряду с трудами Аристотеля, Родольфа Агриколы, Филиппа Меланхтона);⁶³ он, впрочем, не останавливался перед тем, чтобы «передернуть карты» или прибегнуть ко лжи.

Парадоксальность своей природы Георгий Трапезундский обнаруживает и в интересующем нас вопросе: правоверный католик, он, охваченный тревогой не столько за судьбы Константинополя или какого-либо латинского королевства, сколько за всю *chiesa romana* в целом, проповедует, как мы уже видели, войну «врагам креста», призывает все народы Европы последовать за крестом Христа в освободительную борьбу, но в то же время вынашивает рискованную мысль о неизбежном триумфе ислама, о признании его вполне равнозначным христианству, а Мехмеда II — предназначенным судьбой в Господины мира, достойным возглавить некую всемирную исламо-христианскую империю. Эта идея вызвала самый жуткий скандал в гуманистической среде, и ее автор «сподобился» четырехмесячного тюремного заключения в *Castel Sant' Angelo*. Так о чем все же у него речь?

Каков же ход рассуждений Георгия? Развитые им в предназначенном для Мехмеда II трактате «Об истинности христианской веры» (июль 1453 г.)⁶⁴ и в двух более поздних (февраль и октябрь 1466 г.)

⁶² См. об этом: *Медведев И. П.* Византийский гуманизм XIV–XV вв. Л., 1976. С. 67–69.

⁶³ *Oldrini G.* Le particolarità del ramismo inglese // *Rinascimento*, 1985. Vol. 25. P. 24.

⁶⁴ *Zoras G.* Γεώργιος ὁ Τραπεζούντιος καὶ αἱ πρὸς ἐλληνοτουρκικὴν συνεννοήσιν προσλάβαι αὐτοῦ. Ἀθήναι, 1954. Σελ. 93–163 (в дальнейшем ссылки в тексте на это издание — *Zog.*). Есть также французский перевод: *Khoury Th.*

письмах ему же (попали они, однако, не в руки султана, а итальянских властей, вызвав яростные обвинения его в туркофильстве)⁶⁵ его идеи могут быть суммированы следующим образом. Восприняв традиционную провиденциалистскую концепцию турецкого нашествия за грехи христиан (прежде всего греков-схизматиков, а в конце византийской истории — «паламитских еретиков»), Георгий Трапезундский придает ей совсем иную перспективу: Бог создал ислам, сделал мусульман победоносными и в конечном счете передал туркам Константинополь не для того, чтобы раздавить и уничтожить христианство, а напротив, чтобы защитить и очистить его от его собственных недостатков, дав христианам возможность осознать их заблуждения. С этой точки зрения мусульманские победы оказываются столь же благотельными для христиан, сколь и для турок. Путь султана с этого момента предначертан, его земной интерес совпадает с небесными намерениями, а главная его функция заключается в том, чтобы восстановить и воссоединить «три высшие из всех вещи — веру, Церковь, империю» (*tria omnium rerum summa, fidem, ecclesiam, imperium*),⁶⁶ в конечном счете — осуществить унию двух религий — ислама и христианства, что, в свою очередь, повлечет за собой унию вселенской империи, ибо именно в результате религиозного воссоединения становится возможным политическое воссоединение мира. Излишне

Georges de Trébizonde et l'union islamo-chrétienne. Louvain, 1971. Обширную библиографию см.: *Pertusi II*. P. 71 (добавить: *Balivet M*. Deux partisans de la fusion religieuse des chrétiens et des Musulmans au XVe siècle: le turc Bedreddin de Samavna et le grec George de Trebizonde // *Byzantina*, 1980. T. 10. P. 361–400).

⁶⁵ *Mercati A*. Le due lettere di Giorgio da Trebisonda a Maometto II // *OChP*. 1943. Vol. 9. P. 65–99. — Есть еще одно весьма странное сочинение Георгия — *Περὶ τῆς θεσιότητος τοῦ Μανουῆλ* (1467), в котором он отстаивает точку зрения о необходимости изменения имени Мехмеда (II) на эллиское Мануил. Ибо, говорит он, в соответствии со Священным Писанием, тому, кто избрал для себя удел дать начало великим делам, Бог изменил имя полностью или частично: Авраам на Абрам, Израиль на Иаков. Так делают папы, так делают греческие монахи, сохраняя только начальную букву или первый слог своего первоначального имени. В силу этого обычая ему было бы лучше зваться Мануилом, чем Магометом, потомком Абрама через Исмаила, которого Бог предназначил для триумфа православия и господства Церкви: *Collectanea Trapezuntiana: Texts, Documents and Bibliographies of George of Trebizond* / Ed. J. Monfasani. N. Y., 1984. P. 570.

⁶⁶ *Mercati A*. Le due lettere. P. 94.

напоминать, что таким султаном, способным осуществить подобного рода религиозное и политическое единство нового мира, мыслился Мехмед II, могущественный повелитель.⁵⁷

Не менее интересны и соображения Георгия о политических средствах осуществления этого грандиозного замысла. Необходимо прежде всего исключить использование насилия, хотя бы и в виде священной войны — джихада или круазады, — фундаментальной причины христианско-мусульманского антагонизма (Zog. P. 92). Необходимо вообще избегать устной полемики, всякого рода анафем и оскорблений, когда христиане обзывают мусульман глупцами и невеждами, мусульмане христиан — идолопоклонниками, а те и другие друг друга — нечестивцами: оскорбления лишь разжигают взаимную ненависть, глубоко разделяют людей и еще больше затушевывают фундаментальное незнание истинной позиции другой стороны (P. 98). Истина может быть достигнута только на пути диалога и взаимного непредвзятого изучения (P. 97: 'Η γὰρ ἀλήθεια οὐχ εὐρίσκεται εἰ μὴ διὰ διαλέξεως καὶ ἐξετάσεως τῶν ἐκατέρου μέρους λόγων), надо только отказаться от претензий на то, что ты один обладаешь исключительной истиной, от нежелания знать что-либо об истине других из-за узости ума и фанатизма, от излишнего самомнения при оценках другого без необходимой информации, путем поспешного и пристрастного сравнения, в результате чего возникают недооценка и искажение чужого учения. Во всяком случае, сам Георгий стремится использовать информацию, почерпнутую из первоисточников, он не довольствуется сведениями, полученными из вторых рук, но непосредственно пользуется Кораном (P. 138: τὰ τῶν μουσουλμάνων γράμματα),⁵⁸ устанавливает непосредственные контакты с соответствующими кругами,

⁵⁷ По-видимому, такого рода универсалистские высказывания должны были не только импонировать одержимому идеей мировластительства Великому Турку, дойди они до него, но и найти отклик в религиозных кругах мусульманского мира, где были живы традиции шейха Бедредина (1358/9–1419): еще 20 лет спустя после смерти Бедредина дервish Хуруфи, к мнению которого очень прислушивался будущий завоеватель Константинополя, использует равноценность религий и их унию. См.: *Balivet M. Deux partisans de la fusion religieuse*. P. 392.

⁵⁸ Интересно было бы узнать, на каком языке читал Коран Георгий Трапезундский, ведь церковь запрещала его перевод и распространение. Впрочем, в Византии как будто существовал греческий перевод Корана, которым в IX в., по предположению Э. Траппа, пользовался Никита Византийский, см.: *Trapp E. Gab es eine byzantinische Koranübersetzung? //*

могущими снабжать его надежными сведениями (например, с евреями — Р. 144).

Подобно Хуану Сеговийскому, Георгий Трапезундский высказывается за проведение межконфессиональных конференций, но не с целью защиты собственных догм, а для поисков истины ради полюбовного согласия (*διαλέξεως συχνάκις μουσουλμάνων τε καὶ χριστιανῶν σοφῶν καὶ μὴ ζητούντων τὸ ἴδιον στήσαι, ἀλλὰ τὴν ἀλήθειαν εὐρεῖν ἐξ ἀγάπης*). Он сам изъявляет желание принять в них участие (Р. 113), а пока что намечает основные пункты расхождений, воспринимаемых как результат многовекового недоразумения, ибо при ближайшем рассмотрении они оказываются псевдопроблемами, причем в свете как Библии, так и (и в этом оригинальность Георгия Трапезундского!) Корана. Расхождений, в сущности, только три, ибо, по мнению мусульман, христиане верят: 1) в трех богов (отец, мать, сын), 2) в Христа как сына Бога и самого Бога, 3) в Христа распятого, умершего и воскресшего; остальные расхождения (скажем, в обычаях, образе жизни) — не в счет. Но и названные обвинения мусульман некорректны, даже в свете свидетельств их собственной святой книги, которая, будучи интерпретированной без всякой предвзятости, лишь подтверждает кредо христианской веры. Христиане в действительности веруют в единого-единственного Бога; Христос — «Логос» Бога, он совечен ему, и Коран, утверждая, что Иисус — «душа и дух Бога» не по своей человеческой природе как сын Марии, а по божественному «Логосу», вполне согласуется и с Евангелием, и с толкованиями отцов церкви. Конечно, христиане веруют, что Христос умер и воскрес, но это ясно засвидетельствовано в Евангелии; почитание же христианами икон Христа, Марии, святых — не идолопоклонство, а лишь приглашение к почитанию божества и к любви к нему. Расхождения, таким образом, не столь серьезны, чтобы помешать единению двух религий. «Какая разница, — спрашивает Георгий Трапезундский, — между нами, христианами, и вами, мусульманами, в этих делах? Да никакой, я полагаю, разве что в словах, а их разумные люди и разницей не называют. Ибо много есть языков, много идиом и способов речи, и всякий народ говорит по обычаю на своем диалекте. Поэтому надо иметь в виду дело, а не слова — *διὰ τοῦτο τὰ πράγματα δεῖ ὁκολεῖν, οὐ τὰ ῥήματα*» (Р. 112).

Diptycha. 1981. Т. 2. Р. 7–18. Во всяком случае, незнание языка противоположной стороны как причины усугубления недоразумений подчеркивает сам Георгий: «ведь только из-за того, что мы (христиане) не знаем языка мусульман, а вы (мусульмане) не знаете языка христиан, мы не доверяем друг другу и ненавидим друг друга» (Зог. Р. 132).

Не правда ли, перед нами комплекс идей, злободневных отнюдь не только для XV в.? Фактически, мы имеем дело не только с гуманистическим открытием культуры ислама, с желанием гуманистов расширить свои духовные горизонты, преодолеть старинные предубеждения, не только со стремлением спасти христианскую веру, церковь и культуру, но и с гуманистической мечтой о всеедином человечестве, свободном от войн, межнациональной и межконфессиональной розни. В этом отношении свидетельство Георгия Трапезундского тем более ценно, что он включает в план своего рассуждения не только Евангелие и Коран, но и Ветхий Завет, постоянно подчеркивает органическое единство и взаимодополняемость этого «тройного Писания», восходящего к Аврааму, — еврейского, христианского и мусульманского. Фактически речь здесь может идти об унии даже не двух, а трех религий — вопрос, который, однако, нуждается в более тщательном рассмотрении.

Завершая этот краткий очерк, хочется привести здесь отклики хотя бы некоторых, наиболее авторитетных современников на «главное событие XV столетия» — падение Константинополя (тексты, если не ошибаюсь, впервые переводятся на русский).

1. Письмо Энея Сильвио Пикколомини к папе Николаю V от 12 июля 1453 г. (перевод с латинского).

Эней, епископ Сиенский, представляется Николаю V, вселенскому папе, нашему святейшему синьору.

...Но что же (сказать) об этой ужасной и только что принесенной новости — о Константинополе? Дрожит рука, когда я пишу это, душа содрогается, негодование не позволяет молчать, скорбь — говорить. Несчастное христианство! Стыдно жить, лучше бы нам умереть до того, как это случилось! Италия, Германия, Галлия и Испания в значительной части целы — невредимы, и тем не менее — какой стыд! — мы позволили изнеженным туркам захватить прославленный город Константинополь! Полагаю, что весть эта уже достигла ушей Вашей набожности... Император турок с большим войском осадил недавно с суши и с моря Константинополь, придвинув военные орудия, с третьего приступа взял его, истребил мечом все население, подверг священнослужителей разного рода пыткам, не пожалев ни пола, ни возраста; говорят, что убито более 40 тысяч человек. Люди, пришедшие к нам из Рашии (= Сербии) и сообщившие весть, рассказывают, что Палеолог, правивший у них, обезглавлен, а его сын, спасшийся бегством, осажден сейчас в Пере¹ ... Город, который со времен Констан-

¹ Ошибка: Константин XI Палеолог не имел сыновей.

тина просуществовал 1100 лет с лишним и никогда не попадал во власть неверных, подвергся в этом несчастном году разграблению со стороны презрительнейших турок. Рим также, говорят, в 1164 г. от его основания подвергся разграблению со стороны короля готов Алариха, но он приказал, чтобы храмы святых не осквернялись. А кто сомневается, что турки будут зверствовать в церквах божьих? Я скорблю при мысли о том, что знаменитейший во всем мире храм Св. Софии разрушен или обещен; скорблю, что бесчисленные базилики, посвященные святым и построенные с достойным восхищения мастерством, подвергнуты разрушению и осквернению со стороны Мехмеда. Что сказать о книгах, которых там бесчисленное множество и которые даже неизвестны латинянам? О, сколько имен великих мужей теперь погибнет? Это вторая смерть Гомера, вторая кончина Платона. Где теперь искать гениальные творения философов и поэтов? Иссяк источник муз... Все это так мучит и угнетает мое сердце, святейший отче. Вижу, что уничтожены одновременно и вера и культура. И это случилось из-за нашей бездеятельности, ибо мы принимаем во внимание лишь сиюминутные вещи. А ведь если бы мы более ревностно относились к делу Христову, это постыдное бедствие, конечно, меньше всего могло бы быть причинено нам. Уверен, что Ваша Святость охвачена великой печалью и очень оплакивает это событие, которое, правда, трудно было предвидеть. Ибо нет никого, кому весть о таком несчастье повредит больше, чем Вашей набожности. В самом деле, все писатели, которые у латинян будут описывать деяния римских понтификов, дойдя до вашего времени, в таких выражениях напишут о вашей славе: папа Николай V, уроженец Тусции (= Этрурии, Тосканы), восседал столько-то лет, вызволил постоянные церкви из рук тиранов, снова объединил разделенную церковь, причислил Бернардина Сиенского к лику святых, построил дворец св. Петра, удивительным образом восстановил его базилику, отпраздновал юбилей, короновал Фридриха III. О вашем имени будет сказаны прекрасные и замечательные слова. Но то, что будет добавлено в конце, испортит все: в его время царственный город Константинополь был захвачен и разграблен турками, не знаю, впрочем, можно ли будет сказать, что он опустошен и сожжен... И сколько вы всеми силами ни старались оказать помощь несчастному городу, не смогли все же убедить христианских королей взять всем одновременно оружие и защитить общее дело веры. Они отрицали, что опасность столь серьезна, как об этом говорилось; считали, что греки лгут, выпрашивая денег; полагали, что все это — плод фантазии и лжи. Ваше Блаженство сделало то, что смогло. Нет ничего, в чем можно было бы упрекнуть Вашу Мудрость, и тем не менее потомки, узнав, что Кон-

стантинополь отдан в ваше время, и не ведая всех обстоятельств, упрекнул в этом именно ваше имя... Ваш долг отныне подняться, писать королям, слать легатов, увещевать, побуждать князей и коммуны с тем, чтобы они или прибыли сами в какое-то общее место, или прислали своих представителей. И теперь, пока рана еще свежа, пусть веры заключат мир или перемирие между союзниками и соединенными силами двинут оружие навстречу врагам спасительного креста... Грац, Штирия, 12 июля 1453 г.

II. Письмо Энея Сильвио Пикколомини Николаю Кузанскому от 21 июля 1453 г. (перевод с латинского).

Почтеннейшему во Христе отцу и господину Николаю, пресвитеру кардиналу титула св. Петра *ad vincula* святейшей Римской церкви и епископу Бриксена, высокочтимому господину. Эней, епископ Сиены, шлет наилучшие приветы Николаю, кардиналу св. Петра, благочестивому и превосходному отцу.

...Перехожу к вещам более важным и неотложным. Хотя я не сомневаюсь, что Вашему Превосходительству достаточно известны (увы! даже слишком известны) дела на Леванте, я тем не менее считаю целесообразным поговорить о них и пособолезновать вместе с Вами, ведь Вы некогда посетили те районы и отлично знаете, сколько вреда оттуда может возникнуть для христианской религии. Вам известно ведь, какова позиция Греции по отношению к остальной Европе. Вы знаете расположение Фракии, размеры города Константинополя, мощь стен, прекрасно отдаете отчет в важности омывающего его моря и прилегающей суши. От Вашего Превосходительства не укрылось, какова мощь турок и какова беспечность латинян. Но зачем продолжать это и дальше? Разумеется, потому что нам принесена горестная, зловещая, тягостная, страшная весть о том, что Константинополь захвачен, Пера сдана туркам, флот христиан, который шел на помощь осажденным, Пера сдан туркам и погублен. Люди, которые прибывают к нам из Рапии (= Сербии), рассказывают, что император турок накануне июньских календ (= 31 мая, на самом деле 29 мая) придвинул к городу Константинополю военные орудия и предпринял три штурма: во время первых двух он не добился успеха и потерял много своих; но потом в гневе он повелел, чтобы вся отборная часть воинов (а говорят, что его войско насчитывает больше 200 тысяч человек) атаковала стены и взбиралась на них по приставным лестницам. И сам он, идя среди атакующих, угрожая одним и обещая награды другим, предпринял третий штурм неистовой силы и величайшего напряжения, и в конце концов, когда горожане оказались побежден-

ными скорее усталостью, чем врагом, он вошел в город через пролом в стене у древних ворот, отдав распоряжение, чтобы все лица обоего пола и старше шести лет были уничтожены. Утверждают, что император Нового Рима был схвачен и тут же обезглавлен. Священнослужители и все монахи были подвергнуты различного рода пыткам и убиты, а остальной люд предан мечу. Было столько пролито крови, что кровавые реки текли по городу... Что натворят взбесившиеся турки в царственном городе, не знаю, но предположить легко: народ, враждебный нашей религии, не оставит нам ничего святого, ничего чистого; он или разрушит благородные храмы, или наверняка осквернит. О, тот храм Св. Софии, знаменитейший во всем мире, обслуживаемый некогда девятьюстами священниками,² замечательное произведение искусства, построенное с применением драгоценных металлов, — он или уже разрушен, или является добычей подлости Мехмета. Кельи монахов и алтари послужат притонами. Благородный город или будет стерт с лица земли, или (к еще большему ущербу для христианского люда) станет столицей турок. О, блистательная Греция, вот уже и конец твой. Кто не испытывает боли за твою участь?.. Вплоть до сего дня в Константинополе сохранялось воспоминание о древней мудрости и, как если бы именно там было средоточие учености, никто из латинян не мог считаться достаточно образованным, если какое-то время не учился в Константинополе. И то звание столицы наук, которое во времена Рима носили Афины, в наше время, как казалось, имел Константинополь. Оттуда нам возвращен Платон, оттуда многие сочинения Аристотеля, Демосфена, Ксенофонта, Фукидида, Василия, Дионисия, Оригена и других явлены латинянам в наши дни, а многие, как мы надеялись, должны были быть явлены в будущем. А теперь, когда победили турки, которые владеют всем, чем располагала греческая держава, с греческими науками, я полагаю, покончено... Теперь под властью турок все будет иначе, так как они наиболее свирепые из людей, враги нравственности и словесности. Ведь те, которых ныне называют турками, не являются, как считают некоторые, ни тевкрами, ни персами. Это скифский, вышедший из глубин варварского мира народ, который, согласно традиции, раньше имел места своего обитания по ту сторону Понта Эвксинского и Кавказских гор у северного океана, как представляется философу Этику.

² Цифра 900 «священников» в Св. Софии — нереальна. Известно, что при Юстиниане весь персонал служб здесь насчитывал 425 человек, при Ираклии — максимум 600. Несомненно, что в середине XV в. штат существенно сократился. См.: *Pertusi II*. P. 435.

Племя бесчестное и неведомое, погрязшее в беспутстве и во всякого рода разврате, почитающее притоны, — племя, которое питается какими-то мерзостями, не знает вина, хлеба, соли... Они погрязли в похоти, мало занимаются науками, горды и невероятно чванливы... И вот сейчас турки, эти враги греческой и латинской учености,³ с целью расчистить место своим нелепостям не разрешают, чтобы существовала какая-либо иностранная книга. И поскольку они теперь хозяева Константинополя, кто станет сомневаться, что какие угодно письменные памятники будут преданы огню? Теперь, стало быть, наступит вторая смерть и для Гомера, и для Пиндара, и для Менандра, и для всех самых прославленных поэтов. Теперь произойдет окончательная гибель греческих философов. Пожалуй, какая-то искра света сохранится у латинян — да и она, допуская, не будет долговечной, если только Бог не посмотрит на нас с небесных высот более благосклонным оком и не предупредит Римской империи или апостолической кафедре лучшей участи...

Так что же мы только что потеряли? Конечно, царственный город, столицу Восточной империи, столп греческого народа, престол второго патриарха. О, некогда широко распространившаяся христианская религия, каким образом ты так суживаешься и приходишь в упадок? Почему из четырех высших патриархов у тебя остается один Римский? Каким образом ты можешь еще стоять, если из четырех колонн, на которых держалось все церковное здание, три отняты? Из двух глаз один ты потеряла. И если божественное милосердие не обратит на тебя свой взор, мало надежды на то, что ты сможешь спастись. Конечно, император турок, одержав победу над Константинополем, не предался праздности, как, судя по книгам, поступало большинство древних, а сразу же атаковав соседний город Перу, долгое время находившуюся во владении лигурийцев, принудил к сдаче. Ходят слухи, что он захватил и флот, посланный высшим понтификом Николаем с венецианцами, генуэзцами и каталанцами на помощь Греции, и или попавший в шторм, или запертый по незнанию мест, или по какому-то другому несчастному случаю плохо защищенный.⁴ Он захватил там огромные богатства, большое количество военных орудий, множество всякого вооружения; он умертвил всех юношей и причинил христианскому люду столько бедствий, сколько до этого, полагаю, не слышали на протяжении многих веков. За этот

³ См. по поводу этого высказывания на с. 296.

⁴ В действительности в этот момент венецианский флот находился еще в Негропонте в ожидании инструкции Сената.

краткий период времени он добивается тройного успеха, мы же лежим, поверженные этим тройным ударом. Люди, пришедшие к нам из Венеции, сообщают, что там все в трауре и что нет ни одного дома, который был бы свободен от горестных стенаний... Плач и рыдания слышатся и в частных домах, и в общественных местах. Сенат в ужасе думает, что утратил отныне право плавания не только на Понт, в Сирию или на Крит, но также и в Адриатику, и, кажется, не без основания. Турки уже занимают часть Албании, а что если они продолжают свое победное шествие, каким образом турецкой мощи, которой не смог противостоять Константинополь, станет сопротивляться Дураццо? Затем — кто позаботится о Бриндизи, который рядом, уже со стороны Италии? Они что, запрут Адриатику? Громадный ущерб для Венеции, но еще больше для всего христианского мира, который в случае поражения венецианцев не будет больше владычествовать на море. Ни каталанцы, ни генуэзцы, как бы могущественны они ни были, не смогут без венецианцев противостоять туркам... Турецкий меч уже занесен над нашими головами, а мы между тем ведем междоусобные войны, преследуем наших братьев и позволяем врагам креста нападать на нас... Именно поэтому, хотя я и надеюсь, что наш святейший господин и вся святая коллегия кардиналов с величайшим ныне усердием отдадутся делу спасения христианской республики, я тем не менее очень бы хотел, чтобы в это время Ваше Благоразумнейшее Превосходительство было в Риме. Знаю, что Вы поторопите Вашего коня и не потерпите никакого небрежения в столь важном деле... Будет, поверьте мне, будет крестовый поход с общего согласия всех христиан, если возвысится в это время авторитет римского понтифика и пределы земли огласятся верными и красноречивыми голосами добрых проповедников, среди которых и Ваша Набожность по общему мнению... Сражаться придется или на море, или на суше: только захотеть, а победителями мы будем... Так что если теперь добронравный христианский люд, не жаждущий богатств или пустой славы, а лишь воспламененный любовью к Богу, возьмет в руки оружие во спасение братьев, за закон Христов, за приумножение католической веры, то несомненно, что Господь обратит свой взор с небесной выси на свой народ и, исполненный радости, защитит свое наследственное право на сынов человеческих, а нам, если мы будем настойчивы, своей победоносной десницей он щедро воздаст триумфом не только над турками, но и над сарацинами, а также и над другими варварами. Вот то, о чем я теперь счел своим долгом написать Вашей Милости, может быть, чересчур самонадеянно; но меня увлек пыл души и в то же время я подумал, что Ваша Милость воспримет с лучшей стороны то, что я рассказал. Будьте здоровы во Христе

и вспоминайте иногда обо мне как Вашем верном рабе. Грац, Штирия, которую называют Баварией, 21 июля 1453 г.

III. Письмо Энея Сильвио Пикколомини к Леонардо Бенвольенти от 23 сентября 1453 г. (перевод с латинского).

Леонардо Бенвольенти, гражданину Сиены, послу при светлейшем господине Венеции, епископ Сиены Энея шлет горячий привет.

Ты хорошо сделал, что написал мне о событиях у латинян и у греков. В самом деле, хотя я и знал, что Константинополь захвачен, Пера разрушена, турок грозит величайшими бедами, Италия раздирается войнами и что нет никакой надежды на согласие, я тем не менее никак не мог постичь последовательности событий, как ты ее тщательно обрисовал. Я огласил твое письмо в императорском сенате и, насколько позволяло красноречие, попытался возбудить пребывающие в оцепенении души. Все выслушали меня внимательно и сочли, что дело достойно того, чтобы о нем говорили и ради него действовали все христиане. Но сам кесарь (уж признаюсь тебе, как обстоит дело в действительности), хотя и выслушал вопреки своему желанию о постигшей христианскую религию беде, тем не менее не является тем, кто в состоянии воспротивиться столь могучему врагу, да и христианский мир не тот, кто захочет следовать суждению одного главы... Того, что кесарь может сделать сам по себе, совершенно недостаточно, если христианские князья не объединятся и едиными силами не постараются отодвинуть свирепого врага от наших границ. Но и короли — это не те люди, которые захотят появиться по зову кесаря. Не знаю также, насколько они прислушиваются к голосу Римского понтифика, тем не менее я разделяю твое мнение, я понимаю, сколь плачевно будущее христианства, если натиск врага не будет отражен единодушным согласием христиан. Когда я смотрю на бездействие наших князей и частную вражду одного народа с другим, то мне кажется, что я вижу нашу общую гибель. Мы все — агенты турка, все мостим дорогу для Мехмеда; пока мы хотим властвовать каждый в отдельности, мы все утрачиваем власть. Мы заботимся о нашей собственной выгоде, а о республике — никакой заботы, мы рабы своих страстей. С одной стороны, король Альфонс и венецианцы продолжают чинить друг другу насилие, с другой — флорентийцы и миланцы. И те и другие требуют места, но мало кто оплакивает насилия, причиненные Христу, никто не думает об отмщении. Вот почему, если мы захотим правильно осмыслить наши дела, мы обнаружим, что Бог вне сомнения должен быть с полным правом более враждебен нам, чем туркам. Он (турок), введенный в заблуждение, почитает того, кто считается пророком; мы же, с нашим знанием, пренебрегаем божественными указами. Знаменитый

город, глава Востока, столп Греции, столица империи и великого патриарха, лежит поверженный, инсигнии Христа Спасителя разрушены, посвященные его имени чертоги открыты для нечистот, имя его без конца подвергается поношениям, реликвии святых брошены на съедение собакам и свиньям, а христиане не могут восстать ото сна. К чему рассказывать о резне, учиненной в царственном городе; о выставленных на бесчестие девах; о юношах, разделивших женскую участь; о подвергшихся насилию монахинях; о безобразиях, творимых со всякого рода монахами и женщицами? Душа приходит в ужас от необходимости говорить об этом невероятном, неслыханном злодеянии, и тем не менее я скажу, дабы смутить нас, которые способны терпеть такое. Люди, которые тут у нас находились, рассказывают, что этот омерзительнейший вожак турок или, вернее сказать, отвратительное животное изнасиловал у большого алтаря Св. Софии перед глазами всех одну благороднейшую девушку и ее брата-подростка королевских кровей, а затем приказал убить их. Такое происходит, а мы молчим...

Что удивительного, если гнев Господа, обращенный на нас, поднимает турок и простирает вражеский меч над нашими головами? Он не позволяет безнаказанно вести себя бесчестным образом в отношении божественных законов. Следовательно, турок, этот чудовищный враг, по божьему суду захватил Константинополь, разрушил Перу, умертвил многих смертных, нанес страшную рану христианскому миру. Именно так, а поскольку мы так и не можем проснуться и не меняемся в своих нравах, то он (турок) продолжает развивать свое победное шествие: захватывает все Киклады, подчиняет себе Эгейское и Ионическое моря, не оставляет нетронутым ничего из того, что еще остается от Греции, переходит и к венграм, не оставляя за собой ничего, что вызывало бы сомнение или было бы враждебно ему. Тех, кто не оказывает сопротивления, он легко побеждает. В следующем году он решил захватить Италию, строит огромный флот, старается предусмотреть все необходимое для войны, избрал для себя маршрут перехода из Дураццо в Бриндизи... Недалеко от реальности, если, проникая по этому пути, восточные войска опрокинут силы латинян. Все превратно, ни одна держава не пребывает вечно. Итальянцы уже были хозяевами мира, сейчас же начинается власть турок. Справедлив гнев величества Божия. Растранив (данную нам) власть, мы несем очертя голову, от царствования переходим к рабству, несем наказания, достойные наших деяний. Все это я узнал не только из твоего письма, но и от людей, которые постоянно слетаются к нам из Рашии (= Сербии). Они утверждают, что их деспот ⁵ увез

⁵ Имеется в виду Георгий Бранкович, деспот Сербии.

в тайное место все самое ценное и дорогое, что у него было. Он не очень-то доверяет турку, хотя у него с ним договор..., ибо опасается непостоянства этого человека. Венгрия и все соседние области страшатся его могущества... Наши князья считают, что все это сновидения и пустые сказки. Поверь мне, Леонард, что если сейчас, пока рана еще свежа, некоторые и кажутся воодушевленными, печась об общем благе, то через несколько месяцев, когда пыл поостынет, ни один не скажет ни слова. Будем молчать об этих событиях и сражаться между собой изо всех сил, пока не явится вестник, который подтвердит, что турок уже высадился на итальянский берег. Это — Божий суд, кара за грехи наши...

Таков лик Европы, таково положение христианской религии. Куда бы я ни повернулся, везде нахожу или войну, или страх войны. Время больше всего благоприятствует турку и пригодно для нашей гибели... Грац, Штирия, 25 сентября 1453 г.

IV. Письма Лауро Квирини к папе Николаю V от 15 июля 1453 г. (перевод с латинского).

Блаженнейшему Николаю V, высшему понтифику, Лауро Квирини шлет свой привет во Господе, который и есть подлинное спасение.

Хотя мой талант отнюдь не равен предмету и хотя я до такой степени раздавлен скорбью, печалью и горем, что, по греческой поговорке, обливаюсь кровавым потом, я все же попытаюсь, блаженнейший отче, описать ужаснейшую гибель несчастного города Константинополя и объяснить, в сколь великой опасности находится христианское сообщество; наконец, я буду просить, умолять, заклинать и даже побуждать твое Блаженство во имя всего христианского мира поднять оружие в защиту христианской веры против нечестивейшего и жесточайшего врага христианского сообщества.

Итак, как я узнал от разумных людей, которые сами при этом присутствовали, несчастнейшее падение этого достойного жалости города произошло так. 4 апреля 1453 г., рассказывают они, турок с войском около 240 тысяч человек разбил лагерь вблизи города, на расстоянии двух миль, и стал совершать некоторые незначительные набеги. 12 числа того же месяца прибыл флот, состоявший из 14 трирем и 236 большего и меньшего водоизмещения бирем; а так как ему не удалось проникнуть в порт, местоположение которого укреплено самой природой, усилено фортификационным искусством и защищено множеством наших судов, то султан повелел перебросить в порт 60 бирем, перетащив их по суше, на расстояние двух миль, через холмы, и спустить их на равнину. 20-го же числа появились три гонуэских судна и одно императорское; текры (= турки) же

со всем их флотом (за исключением тех, которые, как мы сказали, перебросили в порт) выступили навстречу и в течение четырех часов ожесточенно сражались с ними, но ничего не добились. Но кроме этого, они вели и другие бои на суше и на море. 15-го же мая они установили множество бомбард со стороны Перы и стали наносить удары не только по нашим кораблям, но и по стенам Города, выпускаемая ежедневно столько снарядов, что только на порох было потрачено, как считают, 1000 дукатов. Тем временем они построили несколько удивительных механических сооружений, лестниц, баллист, катапульта, тествудин и сделали 13 подкопов; ибо, как утверждали, у них имелись специалисты из серебряных рудников Сербии и золотых рудников Турции, но сходным образом этими ухищрениями они не смогли нанести вред Городу. Правда, им все же удалось установить одну поразительной величины бомбарду, какой свет еще не видывал (так, камень, который она легко метала, весил 1300 фунтов), которая, будучи изготовлена в Адрианополе, с большим трудом, как утверждают, была доставлена 500 людьми на 20 каталках, и при выстреле которой, уверяют, долго содрогались суша и море на расстоянии четырех миль. С помощью этой бомбарды они легко разрушили сооруженные с удивительным искусством стены Города и повергли их наземь. Покончив с этим, 25 мая султан через глашатаев отдал распоряжение (воинам) привести в порядок себя самих и приготовить оружие. Кроме того, когда он 29 мая решил начать общий штурм с суши и с моря, то, пообещав многочисленные и щедрые награды для тех, кто первыми взойдут на стены Города, а сверх того отдав этот богатейший город на трехдневное разграбление, он, как утверждают, установил такой порядок сражения: разделив сухопутные войска на три части, во главе одной из них поставил Бейлербега (Beilarbeim), префекта всей Греции (= Романии), во главе второй — Саразан-пашу (= Заганос-паша), а сам тевкр вместе с Халил-пашой занял центральную часть; именно в этом месте та огромная и страшная бомбарда, о которой мы только что сказали, произвела разрушение. И со стороны моря он так расположил морские силы, что Город оказался со всех сторон, и с суши и с моря, обложен. Расположив таким образом войска, он 28 мая в час ночи (около 17 ч) начал штурм со стороны суши, послав первыми рядовых воинов, и вел сражение в течение всей ночи. А на рассвете и сам этот страшный бич — тевкр, приблизившись к стенам на золоченой колеснице, в сопровождении воинов-ветеранов, вооруженных на итальянский манер, выпустил в Город золотую стрелу и пообещал разрушить его. Увидев и услышав это, враги, возбужденные столь великим воплем, ликованием, воодушевлением, а также почти бесчисленным количеством аркебузов и стрел, столь быстро овладели

стенами, что, рассказывают, это было похоже на стаю птиц, взлетевших на стены.

Вот так в наши несчастные времена этот древний, благородный и богатый Город, некогда столица Римской империи, владыка всего Востока, взят безжалостными варварами, отдан на трехдневное разграбление и обращен в жалкое рабство, а это — худшее из всех зол. О жалкое состояние человеческой природы! О хрупкое и бренное счастье! Константинополь, этот имперский город, некогда оплот Римской империи, победитель и триумфатор над провинциями, увя! — ныне взят, несчастный, жестоко и безжалостно разрушен. И те граждане, ведущие свою родословную от Рима, жестоко убиенные на глазах отцов, благороднейшие девушки и юноши, родовитые матроны, почтенные монахи — все они подверглись похищению, убийству, обещению. Да и те огромные, замечательные и достойные восхищения храмы безжалостно опустошались, а религиозные предметы, священные сосуды мерзко осквернялись. Что долго рассказывать? Куда ни помотришь — везде раздавались скорбные плачи и стенания. О постыдная мерзость, о бесчеловечная жестокость, о людская подлость и дикость, недостойные того, чтобы их сносить! Кто может — я уже не говорю видя, но даже слыша об этом, — вытерпеть столь великие опустошения и разорения, столько убийств, столько грабежей? Я полагаю, блаженнейший отче, что никогда еще не было более жалкого зрелища.

Мне, когда я думаю о падении древней Трои, разрушении несчастного Карфагена, пленении вызывающего жалость Иерусалима, гибели Сагунта, разрушении многих других знатнейших городов, кажется, что ни одно из них не было более отвратительным, жестоким и жалким. Ибо чем знатнее прочих был Город, тем несчастнее его падение.

Прибавь сюда, что этими свирепейшими варварами, которые совершили все эти гнусности (ибо не только взят царственный Город, разрушены храмы, осквернены священные предметы, но и вырезано все население), уничтожено само имя греков. Уничтожено, как я узнал от почтеннейшего кардинала Рутенского (Исидора), свыше 120 тысяч томов книг. Стало быть, и язык и литература греков, создававшаяся, развивавшаяся и совершенствовавшаяся на протяжении столь долгого времени, с таким трудом, с таким усердием, исчезнут, да, исчезнут! И кто до такой степени невосприимчив к такого рода вещам или до такой степени бесчувственен, что может удержаться от слез? Гибнут те науки, которые осветили весь мир, вызвали к жизни благотворные законы, священную философию, прочие изящные искусства, которыми жизнь человеческая облагорожена. И нам еще не оплаки-

вать это несчастнейшее бедствие, эту в высшей степени жалкую утрату, это исполненное страданий горе? О скорбы! Варварский, необразованный народ, живущий без каких бы то ни было нравов и законов, но распущенный, непостоянный, разнузданный, преисполненный вероломства и коварства, он постыдно и бесчестно попирает христианский род...

Но сейчас не время ни для слез, ни для исторических аналогий. Ибо речь идет, блаженнейший отче, речь идет о судьбе христианского мира; дело не в том, как говорит Тит Ливий, «Карфаген или Рим даст право народам», а в том, чье имя будут чтить на земле — Христа или Магомета. Ибо этот страшный зверь пытается искоренить христианскую веру, причем не только на словах, но и на деле. Ведь после того как улегся, наконец, шум трехдневного грабежа и он на коне проехал по Городу, принимая поздравления всех турок, он сказал: «Благодарю моего Магомета, который дал мне эту блистательную и славную победу, и всячески умоляю его даровать мне такой срок жизни, чтобы я смог победить и окончательно завоевать также и древний Рим, в котором находится престол христианской веры: тогда только умру довольный». Поэтому он и дал обет не спать под крышей до тех пор, пока желание не исполнится. Вот, стало быть, блаженнейший отче, ты и видишь жестокого, могущественного, надменного, легко поддающегося гневу врага христианства, который, согласно греческой поговорке, спит и видит погубить христианскую веру. Так столь же ли свиреп какой-то Нерон, как этот страшный бич, ниспосланный для искоренения христианского рода?

Подумай же о его мощи: он держит в своем подчинении многочисленные, огромные и богатые провинции от Киликии и горы Тавр до Дуная и нижней Паннонии, каковые суть значительная и плодороднейшая часть обитаемой земли, то есть большая часть Азии. Даже трудно, так сказать, перечислить подчиненные ему провинции, самыми значительными из которых являются следующие: Киликия, Каппадокия, Памфилия, Армения, Албания, Малая Азия, Геллеспонт, Вифиния, Иберия, Греция, Фракия, Македония, Эпир, верхняя Мизия, в которых находятся многочисленнейшие и богатейшие города. Он властвует над народом в высшей степени воинственным, который не мыслит жизни без оружия. Добавь еще страх, почтение и такое послушание, какого никогда не было ни у одного другого народа, по крайней мере мы об этом не читали и не слышали. «Вся сила власти — в общем согласии повинующихся», как остроумно пишет историк (Ливий). Кто же может исчислить в золоте и серебре сумму богатств? За этот ведь период времени с помощью одной только, но величайшей победы над Византием он подчинил себе столь большое

количество крупнейших городов, а именно — весь Эвксинский Понт, переполненный городами, из которых самыми значительными являются следующие: с восточной стороны — Трапезунд, Симассо (Самбусун), Синоп, Самастра (Амасра), Педаракhia (= Porto Eraclio, Eregli), Карпи (Kirpe); с западной стороны — Вордоваска (Вардувах, между Ахфополем и Созополем), Сисополь (Созополь), Ахила (Анхиал), Месемврия (Несембр), Акалафия (Галати), Вранеа (Варна), Калиакра, Ликостоме (Chilia), Монкастро (Аккерман), Каламита (Инкерман), Симболо (Балаклава), Судакеа (Сутдея, Судак), Кафа (Феодосия) — крупнейший и богатый город, Иберия, Севастополь. Таковы города, провинции же Авгасия (Абхазия), Мункрелия (Мингрелия) и Гутия (Грузия, Гурия?); каковые города и провинции чтят имя Христово. По этой причине юноша с пылким сердцем вознесен благосклонной фортуной на такую высоту надменности, что уже угрожает всему миру. Ибо уже владеет, увы! владеет Константинополем, столицей империи, откуда или в силу самого местоположения, или в силу удобства с точки зрения осуществления всех планов он легко может попираť весь земной шар: ведь сначала его держава хотя и была огромной и, так сказать, могущественнейшей, все же была невыгодно расположенной и отрезанной от него; ныне же она расположена в высшей степени удобно и как бы сведена в надежнейшим образом защищенную цитадель. По этой причине он желает и быть и иметь славу властителя всего земного шара и всех народов, то бишь вторым Александром; отсюда же его привычка ежедневно читать Арриана, который в высшей степени прилежно описал подвиги Александра.

При известии о константинопольском бедствии весь Восток трепещет, будучи как бы потрясен во всех своих основах; все острова жалким образом дрожат от страха; все приморские города пребывают в ужасе и смятении, ибо видят, что весь христианский род находится на краю пропасти, в последней степени опасности. И он действительно дошел — о блаженный отец! — до крайней степени опасности, почти до гибели, поэтому страх, панический ужас и уныние охватили души всех, а на их лицах видно почти отчаяние. На острове Хиос некоторые несчастные пленники просили милостыню во имя Господа нашего Иисуса Христа. Так им многие из местных жителей отвечали: «замолчите, несчастные, перестаньте просить милостыню ради Христа; просите уж тогда во имя Магомета, который победил и окончательно сразил Христа».

О жалкая, несчастная, плачевная участь христианская! Вряд ли смогу утешить мою подлинную скорбь, святейший Николай V, жизнь моя мне отвратительна из-за того, что наше поколение пришлось на столь жалкие, на столь горестные времена. Но нужно лекарство, а не

жалобы. Ты же видишь, блаженнейший отче, что взоры всех христиан обращены к тебе, от тебя просят надежды на защиту и спасение... В твоей, по долгу службы, компетенции (как отца христиан и как могущественного государя) находится право защиты (*ius defensionis*). Ибо добрый пастырь жертвует жизнью своей ради овец своих, как говорит Святое Писание. Для чего же ты поставлен бессмертным Богом в качестве главы христианского мира, если не для того, чтобы ты мог управлять и руководить христианским народом в периоды процветания, в периоды же несчастий защищать его и приходить на помощь? Откуда тебе дана столь огромная власть, которую ты уступил и римскому императору?

Следовательно, ты можешь и должен защитить имя Христово, чтобы оно совсем не исчезло; более того, если нужно — лучше умереть за Христа. Не хочу приводить примеры из житий святых. Когда некий страждущий телом лакедемонянин выдвинулся на острие атаки и его спросили, зачем он высунулся, он ответил: «умереть за родину». Стало быть, этот благородный человек предпочел добровольно умереть за родину, а мы, христиане, предадим Христа? Так что давай, блаженнейший отче, встряхни безмятежную Италию и остальной христианский мир, побуди мощь христиан к защите христианской веры от самого страшного врага Христова.

V. Речь Николая Секундина к королю Альфонсу (перевод с латинского).

Сам король тевкров (= турок), славнейший князь по имени Мехмед, находится сейчас в возрасте 23 лет. По природе своей и по внешности он меланхолик, роста среднего, не дурен собой, черты лица обнаруживают врожденную, конечно, человечность и нежность, хотя и кажется, что он столь жестоко свирепствует против христиан. Я бы, право, не приписывал это человеческой природе, если даже и правда, что о сокровенных движениях души можно составить представление на основании внешних знаков и черт лица, по ненависти против нашего народа и самого имени христиан, которой он, кажется, пылает и терзается. У него живой и острый ум: ведь как только после смерти отца он взошел на царство, он прежде всего постарался ознакомиться в мельчайших, так сказать, подробностях с состоянием царства. Он тщательнейшим образом исследовал систему управления курией и царским дворцом, многое, что ему казалось опасным или мало полезным, он отменил и упразднил, многое исправил и улучшил, многое одно за другим он установил сам и постановил сохранить. Что касается его образа жизни и поведения, то хотя им не свойственны та умеренность, та скромность и та строгость, которые требуются

от серьезного и нравственно чистейшего князя, тем не менее, не очень сомневаясь, его, пожалуй, можно было бы назвать воздержанным и рассудительным, принимая к тому же во внимание нравы его народа, его юношески кипучий возраст, склонный к наслаждениям и падкий на роскошь, королевские возможности располагать не только помощницами и служанками в удовлествлении сладострастия, но и побудительницами и возбудительницами, и наконец — свобода от закона или, скорее, право на развращенность... Он, кажется, не очень-то любит роскошь и мотовство, отнюдь не склонный предаваться чревоугодию, занятиям охотой, птицеводством, танцами и пением; он не пылает любовью к шутовству и балагурству, не благоволит к пиршествам и винопитию (столь обычным) по нравам его народа, не расслабляется ни в отдыхе, ни в лени, ни в хмелю: он всегда что-то делает, что-то возводит, всегда при деле, придумывая, решая или осуществляя с удивительной быстротой и невероятной тщательностью и заботой то, что он постановил выполнить...; не щадя, по большей части, ни себя самого, ни своей жизни, когда дело желает и требует присутствия князя, он, по-моему, даже не бегаёт, а, скорее, кажется, что летает, не зная усталости ни от трудности путешествия, ни от плохой погоды, ни от наводнения, и не страшась ни суровости гор, ни жары, ни холода, ни голода, ни жажды. Занятый вечным, так сказать, руководством в столь многочисленных и важных делах, он пытается заниматься литературой и философией, держит при себе одного учнейшего в философии мужа, араба по языку, который имеет право ежедневно в назначенное время входить к князю и читать ему что-либо достойное слушания. Кроме того, при нем находятся два медика, один из которых образован в латинской науке, а другой — в греческой. Он с ними очень дружен и под их руководством пожелал ознакомиться с древней историей, причем он не только, как оказалось, интересовался деяниями лакедемонян, афинян, римлян, карфагенян и других королей и князей, но и избрал себе в качестве примера для подражания главным образом Александра Македонского и Гая Цезаря, деяния которых заставил перевести на свой язык и в чтении и слушании о которых он удивительным образом находит удовольствие...

Отсюда, не довольствуясь и без того обширнейшими границами унаследованного от дедов и отцов царства и стремясь расширить его известность и славу, он замыслил проникнуть в христианские царства, укрепиться в них и раздавить. И действительно, о христианнейший из королей, после того как, не знаю, по какому решению, согласию или позволению Божию он одержал константинопольскую победу (вопреки надеждам, ожиданиям и прогнозам всех), он стал

нагнать и неистовствовать в отношении христианского люда, полагая, что ему теперь позволено все, что захочет, предпринимать, и надеясь легко этого добиться. Особенно же он дерзает мечтать об уничтожении всего христианского и о притязаниях на власть над миром. На достижение всех своих желаний он ориентирует все планы в целом, собирает и приготавливает для этого необходимое снаряжение, а также морские и сухопутные войска, опираясь на некоторые пророчества и предсказания, которые обещают ему царство Италии и захват города Рима. Он говорит, что столица Константина дарована ему с небес и что она на самом деле есть Рим, а не Константинополь, и это, мол, совершенно соответствует тому, как если бы он, силой овладев дочерью, мог овладеть и ее матерью.

Опущу рассказ о злодейском захвате столь великолепного города, умолчу об осквернении храмов и святых чертогов, о разграблении драгоценнейшей утвари, о жуткой бойне и вызывающем глубочайшую печаль умерщвлении стольких и столь знатных граждан, о пленении знатных жен: все эти вести из-за огромности бедствия уже летят по свету и почти у всех на устах... Расскажу только о гибели императора, безусловно достойной того, чтобы быть увековеченной в литературе и в памяти.

Всю ночь шло ожесточенное сражение на суше и на море, враги пытались овладеть стенами, граждане же, напротив, защитит их, когда один генуэзец, некий Джованни Лонго, муж, разумеется, больших достоинств, который находился там с двумястами примерно моряками (ибо был капитаном грузового судна, наемником в армии императора, взявшим на себя охрану той части стены, которой, казалось, угрожала самая большая опасность и через которую враг, разрушив стены плотным огнем орудий и чуть ли не сравняв их с землей, пытался с величайшим старанием проложить себе проход), — так вот, этот Джованни, говоря я, увидев, что враг наседал острее обычного и становился все сильнее, а защитники, напротив, постепенно слабели, так как одни из них погибли, другие были ранены, а остальные в панике бежали, стал отчаиваться в возможности спасти город, а получив две раны, пришел к императору и сообщил ему печальную весть о том, что нет больше никакого смысла жертвовать жизнью людей, так как нет никакой надежды помешать врагу овладеть городом силой и одержать победу, и пообещал доставить самого императора на своем корабле целым и невредимым в надежное место. Император же, выслушав весть, обозвал его трусом и послал к черту, сказав, что он все же надеется защитит этот город и силой войска, и с помощью Бога, а если случится нечто противоположное, то с гибелью царства и он больше не сможет жить и должен умереть вместе с отечеством.

Сказав это, он позвал несколько человек, оказавшихся случайно поблизости и попросил их отправиться на охрану той части стены, где враг напирал больше и яростнее всего и где ожесточенно сражалась и та и другая сторона. Но немногочисленность горожан открыла мощно атакующему врагу легкий доступ и привела ситуацию к краху. Когда император увидел, что враг уже захватывает бреши, проделанные в стене, и одерживает решительную победу, то он, дабы не попасться живым (а самому наложить на себя руки и таким образом лишиться жизни он, несмотря на всю свою храбрость, считал для себя как христианского государя невозможным и недостойным по религиозным соображениям), стал заставлять тех немногих своих, что еще были при нем, убить его; но когда никто не захотел решиться на такое злодеяние, этот достойный бессмертия государь, сняв с себя и отбросив императорские инсигнии дабы не быть узнанным врагами, как простой воин с мечом в руке устремился в бой и, храбро сражаясь, чтобы не умереть неотмщенным, погиб от вражеской руки, и царский труп смешался с руинами города и с гибелью самого царства...

После того как город был взят и отдан солдатам в качестве добычи на разграбление, король-турок, желая иметь императора пленником, но узнав, что тот пал в сражении, приказал найти тело, а когда оно было найдено в груде горожан среди руин города и опознано, повелел отрубить голову, насадить на острие копья и в торжественном шествии обнести весь лагерь. После этого он объявил, чтобы послы и саму голову и еще 40 юношей и 20 девушек, из доставшихся в качестве добычи, отвезли султану Египта...

Перехожу к планам этого варварского государя, а именно — для чего он готовит столько снаряжений и столько войск, изготавливает столько орудий, снаряжает столь могучий, столь огромный флот, собирает столько денег... Все это он готовит, о великодушный государь, чтобы напасть на Италию: это у него — идея фикс, он желает этого, стремится к этому, обрацает на это все свои думы, все решения. Ему кажется легко достижимым, легко осуществимым то, чего он страстно желает, как из-за множества снаряжений, так и особенно из-за раздоров и острейшего соперничества партий в Италии...

Кто не знает, о христианнейший из государей, что царство этого короля простирается в районах Азии и в некоторых провинциях Европы? Все царство состоит из 35 провинций, каждую из которых возглавляет префект. Затем есть два крупных военных губернатора, из которых один находится во главе Азии, второй — Европы, над префектами и над конницей. Отсюда набираются свыше 80 тысяч всадников, частных турок (тевкров), которые согласно законам и обы-

чаям этого народа живут свободно и пользуются постоянным иммунитетом. Когда король решает собрать большее войско, то они должны сверх того предоставить 40 тысяч всадников: ведь каждые четыре (турка?) имеют обыкновение содержать одного всадника, который должен отправиться на военную службу к королю. Кроме того, у самого короля есть личная гвардия из свыше 12 тысяч пехотинцев и около 9 тысяч всадников. Для этого отбираются юноши со всего царства, причем обращается внимание, чтобы они были храбрыми и обладали хорошим здоровьем. Их препоручают воинам-ветеранам, которые содержат их на царские деньги и наставляют в военном деле. Когда же такого рода новобранцы достигнут возраста в 20 лет, то, будучи обученными, возвращаются в королевский дворец и пешими сопровождают короля, — и так до тех пор, пока им не исполнится 35 лет; затем они приписываются к сословию всадников, в каковом пребывают до 45 лет. Наконец, выслужив свой срок и щедро одаренные королем, они мирно стареют, занятые лишь жизненными своими нуждами... Следует, кроме того, добавить отряды придворной знати, которые по обычаю следуют за своими господами и за королем на войну: их насчитывается свыше 10 тысяч. К этому, если кажется необходимым, прибавляются пехота и конница, набранные королем. Да и остальные жители царства, если дело серьезно, или воюют по своей собственной воле, или призываются следовать за военными порядками, так что, как полагают, иногда общая численность войска достигает 300 тысяч человек. Есть еще военно-морские силы: турки, искусные в морском искусстве и завербованные на королевскую службу, насчитывают свыше 5 тысяч; другие же, занимаясь обычно пиратством, если необходимо, призываются также участвовать в морском предприятии и сопровождать царский флот...

Видишь, превосходнейший государь и непобедимый король, с каким хозяйством, с какими намерениями, с какими войсками этот варвар думает напасть с суши и с моря на христианские государства...

VI. Письмо Георгия Трапезундского к султану Мехмеду II (перевод с греческого, фрагмент).

Есть много причин, побудивших меня набраться смелости, взять в руки перо и написать твоему могуществу, твоему превосходительству и возвышенности, о царь царей, великий господин и великий эмир, султан Мехмед-бей. Прежде всего — твоя великая царственность, мощь, величие твоей души, мужество, — короче говоря, твоя удивительная доблесть и царское усердие, которые твое славнейшее высокоблагородие имеет для того, чтобы повести всех людей к благодетности и православию. Ведь поистине, тот властитель, который не

занимается вопросами благочестия, не есть властитель, его царство — не от Бога, но от дьявола. Во-вторых, — мое доброе к твоей возвышенности расположение, ибо я восхищаюсь твоими сверхчеловеческими добродетелями, слава о которых, как я вижу, уже разнеслась по миру, восхищаюсь могуществом и властью, которые дал тебе Бог. Именно поэтому я желал и желаю написать историю твоих подвигов с тем, чтобы имя твое всегда превозносилось больше, чем имя Александра Македонского. Милостью Бога, я упражняюсь как никто другой из современников в латинской речи. Я написал уже многое и пишу ежедневно. И даже хлеб, которым питаюсь вместе с сынами и дочерьми, я зарабатываю именно таким ремеслом, даже если очень страдаю из-за зависти итальянцев: я ведь не итальянец, а критянин, хотя и зовусь Трапезундским.

Так вот, именно по этим причинам я, набравшись смелости, пишу твоему величеству о твоей вечной и удивительной славе. Ты же, о всезлатый эмир, прими с охотой эти мои письма, написанные мною попроще с тем, чтобы они могли быть легче переведены людьми, что у тебя под рукой, на солнечный и блестящий язык турок, сладкозвучие, немногосложность, смелость и сила произношения которого засвидетельствованы всеми, кто его вкусил. Ибо я считаю, что эта моя речь, будучи переведенной, принесет некоторую пользу.

Поэтому прошу тебя — ради Бога и его пророков, ради твоей доброты и царского достоинства — прикажи, чтобы эта речь была переведена на турецкий язык, сейчас — с греческого, а потом и с латинского, когда я пришло и этот (вариант), если даст Бог. Ибо я счел нужным послать их раздельно, чтобы или они оба, или один из них могли сохраниться...

Так что я уж начну свою речь, а высочайший Бог, единственный творец всего, направит ее с помощью молитв его святых пророков и удостоит и меня, грешного, верующего в одного Бога, чтобы я увидел весь род людской объединенным в едином исповедании и вере посредством твоего могущества, а тебя — ставшим царем и самодержцем всех, от одного края земли до другого.

Ты видишь, о всезлатый эмир и подлинный султан, что весь человеческий род разделен на три части: на евреев, на христиан и на мусульман. Из них род евреев и незначителен и очень распылен; род же христиан и многочисленен и велик, владея и крупными силами, и мудростью, и знанием; род мусульман, наконец, и огромен, и изумителен. Так вот, если кому-либо удастся объединить два этих человеческих рода (я имею в виду христиан и мусульман) в единой вере и исповедании, то я клянусь небесным и земным Богом, что он будет прославляться всеми людьми и на земле, и на небе, и перейдет в раз-

ряд ангелов. А ведь никто, кроме тебя, о восхитительный эмир, не сможет осуществить это...

Так вот, я прошу тебя обратить внимание на данную тебе от Бога царскую власть, а именно — в том смысле, что Константин не только не превосходил тебя, но и сильно уступал тебе во всем: в происхождении, в мудрости, в телесной силе, в душевном мужестве. Ибо у него происхождение отнюдь не было царским, он был приведен к царской власти в результате мятежа ромеев; у твоего же Высочества род исходит свыше, через последовательность царей и мировладык. И мы слышим, что ты каждодневно философствуешь на тему о происхождении твоей власти, занятой многочисленными и великими деяниями; тот же (Константин) не раньше приступил к занятиям философией, чем начал участвовать в дискуссиях о проблемах, касающихся Христа. Что же до телесной силы, то, болея проказой, он вряд ли сравнится с любым другим человеком, а в отношении душевного мужества я нахожу, что твое величие по совершенным подвигам намного превосходит его. Ибо, будучи еще молодым человеком, ты уже с мужеством и рассудительностью разрушил выстроенный им город, и теперь, благодаря твоим подвигам, в твоих руках империя ромеев, трон и город Константина. Данная же твоему Высочеству Богом такая вот и столь великая победа ясно показывает, что Бог хотел бы, чтобы ты подражал тому Константину, чей трон и город тебе дарован, и чтобы ты, как и он, обсуждал проблемы относительно Христа. Ибо “всякий ищущий находит, — говорит сам Христос, — и стучащему отворят” (Матфей 7.8; Лк. 11, 10).

Так вот, я свидетельствую перед лицом вечного Бога и его святых пророков, что если твое Высочество захочет, как я того желаю, обсудить и сообща пофилософствовать по поводу названных проблем и различий, более того — если ты захочешь до конца обсуждать и сообща философствовать, а также подражать тому Константину, как тебе предписала божественная воля, преподнеси тебе в качестве дара выстроенный им (Константином) приснопамятный город, то ты станешь намного более великим и прославленным, чем все самые именитые цари и самодержцы, а Бог повергнет к твоим ногам любого врага и противника от одного края земли до другого, и покажутся ничтожными в сравнении с твоим величием Александр Македонский, кесарь Август и сам Константин. В противном же случае я даже не хочу предсказывать то, что не желаю, чтобы случилось, да и твоя царственность пусть сама поразмыслит над последствиями.

Я, Георгий Трапезундский, ничтожнейший раб твоего Высочества, осмелился написать твоей восхитительной доброте, желая видеть тебя царем всей ойкумены и небес, что, я знаю, свершится, если ты захо-

чешь искать и философствовать в отношении проблем, связанных с Христом.

Писано, т. е. сочинено и составлено в 1453 г., в месяце июне, в том году, когда был взят город Константина. Отослано в первый раз с Кавкадином в 1453 г.

С. А. Иванов

ВИЗАНТИЙСКОЕ ЮРОДСТВО МЕЖДУ ЗАПАДОМ И ВОСТОКОМ

О самом феномене византийского юродства в данной работе не будет сказано почти ничего — нас будет интересовать лишь степень сродства и сходства между ним и теми явлениями в духовной жизни соседних цивилизаций, которые могут быть с ним сопоставлены. Но чтобы было ясно, с чем мы сравниваем, придется все-таки, хоть и чрезвычайно сжато, охарактеризовать и само византийское юродство.

Этот феномен представлял собой один из видов «странной» святости, когда канонизации подвергался человек, в течение своей жизни никак не проявлявший публично никаких христианских добродетелей, а даже наоборот — всячески нарушавший различные нормы поведения, добрые же дела вершивший в глубочайшей тайне, так что о них никто не узнавал вплоть до самой смерти праведника. Зародилось юродство в египетской пустыне в конце IV в., в монашеской среде. Оттуда оно распространилось сначала в Сирию и Палестину, где впервые попало на улицы городов, — а потом уже и по всей империи. Своего расцвета это явление достигало в VI–I-й половине VII в., потом произошел некоторый спад, затем, в конце IX–X в., — опять некоторое оживление. Наконец, с XII в. происходит «выдавливание» юродства на периферию религиозной жизни.

Смысл юродства нам видится в том, что оно методом «встряски» напоминало христианам о взрывном, парадоксальном характере их религии. Подобная «шокотерапия» была необходима лишь в тех случаях, когда православие не угрожали гонения или иноверческая опасность, когда оно «закосневало» в своем качестве государственной

идеологии. Разумеется, наиболее ярко подобные условия наличествовали в Византии и, позднее, в Московской Руси. Другие православные страны если и знали юродство, то лишь в зачаточной и подражательной форме.¹

В целом, несмотря на ряд похожих явлений в других культурах, юродство оставалось исключительной особенностью именно православного варианта христианства. Посмотрим теперь, как и в каких формах оно заимствовалось в соседствовавших с Византией регионах.

I

Поскольку Западное и Восточное христианство вплоть до зрелого средневековья пребывало друг с другом в тесном общении, на латынь переводили, среди прочих, греческие легенды о юродивых.² К примеру, история первой византийской святой этого рода, Исидоры, была не только переведена, но и подвергалась целому ряду художественных переработок, в прозе и стихах, по-латыни и по-французски.³

В Византии были весьма распространены легенды о «тайных слугах Господа» (предопределившие структуру будущих юродских житий). При всей пестроте деталей сюжетный каркас в них всегда один и тот же: праведник вопрошает Бога, есть ли на земле человек благочестивее его; Бог в ответ называет кого-нибудь, в ком на первый взгляд невозможно заподозрить святость, но кто, как оказывается, просто скрывает ее.⁴ На Западе по этому образцу был создан ряд

¹ Более подробно эти вопросы трактуются в нашей монографии: *Иванов С. А. Византийское юродство. М., 1994.*

² Ср.: *Patrologia Latina. Vol. 73, 1849. Col. 661 sqq.; 967 sqq.; Wilmarth A. Les rédactions latines de la Vie d' Abraham Erémite // Revue Bénédictine. Vol. 50, 1928. P. 222–245; The Facetiae of the Mensa Philosophia / ed. Dunn Th. // Washington University Studies, N. S. Vol. 5, 1934. P. 59; Catalogue of Romances in the Department of Manuscripts in the British Museum / ed. Herbert J. Vol. 3. L., 1910. P. 514, 525, 591 etc.*

³ См.: *Köhler R. Kleinere Schriften zur Erzählenden Dichtung des Mittelalters. Bd. 2. B. 1900, S. 389–393.* Любопытно, что, по мнению Винсента де Бове, историю об Исидоре впервые записал не Палладий, как это было на самом деле, а некий неведомый «sanctus Heraclides».

⁴ См.: *Ivanov S. From «Secret Servants of God» to «Fools for Christ's Sake» in Byzantine Hagiography // The Holy Fool in Byzantium and Russia. Bergen, 1995.*

собственных легенд: например, «фаблио об Аквилейском судье»,⁵ история «Благочестивый мясник или сосед по раку»⁶ и др. Некоторые из этих легенд являются простыми переводами византийских, подчас не сохранившихся,⁷ но другие свидетельствуют о работе с греческим материалом: скажем, Рудольф фон Эмс, написавший о кельнском купце Герарде и императоре Оттоне I, в той или иной форме явно опирался (может быть, через множество последующих звеньев) на греческую легенду о тайной святости императора Феодосия II.⁸

Сохранилась одна классическая история о юродивом, греческий оригинал которой неизвестен и от которой остался лишь латинский извод. В ней повествуется о том, как один западный священник за грехи был отлучен от церкви. Ему открылось, что прощение он может получить лишь у египетского отшельника. Но когда проклятый добрался паломником до Египта, старец заявил, что снять отлучение не в его силах. «[Впрочем,] через три дня он вспомнил о некоем блаженном муже из Александрии (разрядка моя. — С. И.), который счел глупостью мудрость мира сего и удостоился таких заслуг у... Девы Марии, что смог бы помочь в беде этому человеку... “Ступай в Александрию... и там ищи дурака (stultum)”».⁹ После долгих поисков грешник нашел «человека Божия, в облике и одеянии несчастного безумца (insensati... hominis). Многие бежали за ним и плевали в него... А был он некогда человеком знатным и весьма богатым».¹⁰ Родители оставили в наследство ему всю «провинцию Александрию» (стало быть, действие легенды происходит до завоевания Египта арабами в середине VII в.), но он роздал богатства нищим. «Сколько зла, сколько насмешек претерпел сей муж не только от чужаков, но и от собственных домашних и даже родственников, невозможно и рассказать... А по вечерам он выходил из города... и шел в церковь святой Богородицы Марии, заброшен-

⁵ Köhler R. Kleinere Schriften. S. 442–443.

⁶ *Idem.* Kleinere Schriften zur Märchenforschung. Weimar, 1898. S. 32–36.

⁷ См., например: Patrologia Latina. Vol. 73. Col. 1006.

⁸ Ср.: Jean Rufus. Plérophories. Appendice. Textes complémentaires / Ed. F. Nau // Patrologia Orientalis. Vol. 8, 1911/1912. P. 171–174.

⁹ Mussafia A. Über die von Gautier de Coincy benutzten Quellen // Denkschriften der Kaiserlichen Akademie der Wissenschaften. Philosophisch-Historische Classe. Bd. 44, 1896. S. 26.

¹⁰ *Ibid.* S. 27.

ную горожанами по причине ее ветхости,¹¹ и проводил там целые ночи в песнопениях и хвалах духовных. Проклятый, когда стемнело, пошел за [юродивым], держась на почтительном расстоянии, и дошел до церкви. В течение долгого времени грешник наблюдал, как он молится, и, решив, что это тот самый человек, о котором говорил старец..., пал пред ним ниц и стал лобызать его стопы». ¹² По просьбе грешника юродивый заступился за него перед Богородицей, и она сняла проклятие. Святой предупредил, чтобы прощенный никому не рассказывал о происшедшем вплоть до его смерти, которая и случилась через неделю.¹³

Другая латинская легенда, также не имеющая греческого прототипа и также привязанная к Египту, — это сказание «Дурак».¹⁴ В нем повествуется о том, как три клирика одной египетской церкви уходят странствовать: один, Dieudonné (видимо, перевод греческого имени Феодот), — в Антиохию, второй, Bonifacius (греческое Евпраксий?), — в Иерусалим, а третий, Felix (Евтихий?), — на Запад. В дальнейшем рассказывается лишь об этом последнем. Он приходит в горд Безансон, где начинает прикидываться безумцем, специально напрашиваясь на преследования толпы. Впрочем, со временем про него начинают поговаривать, что он — притворный сумасшедший и подлинный святой. Чтобы избавиться от поклонения, Феликс уходит в монастырь Ситэ.¹⁵

Обе эти легенды свидетельствуют, что в народно-религиозном сознании Запада юродство воспринималось как весьма действенная и несколько экзотичная форма восточной святости.¹⁶ Впрочем, даже здесь сказывается и некоторое весьма существенное различие между восточным и западным восприятием юродства: если византийские святые чаще заканчивают жизнь в городе, подвизаясь в юродстве, то

¹¹ Неизвестно в точности, о какой именно церкви Богородицы идет речь — их в Александрии было несколько, см.: *Butler A. J. The Arab Conquest of Egypt. Oxford, 1902. P. 372, 385.* Наиболее вероятна та, что располагалась на самом востоке города, около стен (*Joannis Nictlou, ed. Zotenberg. P. 524, 548.*)

¹² *Mussafta A. Über die... Quellen. S. 27.*

¹³ *Ibid. S. 28.*

¹⁴ *Chantrand J. Fou. Dixième conte de la vie des Pères. Genève, 1971.*

¹⁵ *Ibid. V. 992–995.*

¹⁶ Любопытно, что «восточный» след легенды о Феликсе позднее истаивает: уже в первой половине XIV в. под пером Жана де Сен-Квентин святой оказывается французом, а жизнь заканчивает архиепископом Безансона.

Феликс, начав путь святости юродством, потом все-таки уходит в монастырь.¹⁷

Колоссальным успехом на Западе пользовалось еще одно, уже достоверно византийское житие — легенда об Алексее Человеке Божьем. Она распространилась по всей католической Европе. Ее изводы известны на множестве языков, от староиспанского до старочешского.¹⁸ Однако вряд ли это свидетельствует о популярности юродства как такового. Запад заострил как раз противоположный юродству «край» легенды, не момент возвращения — а момент ухода.¹⁹ Недаром ведь пика своей популярности это житие достигло во второй половине X в., когда на Западе распространились идеалы добровольной бедности и странничества,²⁰ а также безбрачия.²¹ Кстати говоря, когда в XII в. лионский купец Пьерро Вальдо, прочтя легенду об Алексии, роздал все свое имущество, он счел нужным объяснить согражданам: «Не думайте, что я сошел с ума!»²²

Все приведенные примеры так или иначе свидетельствуют о том, что юродство было известно Западу как особая форма восточной святости. Тот, кто чувствовал в себе жар истовости, знал, что будет адекватно понят именно в Византии (несколько столетиями позже это явление повторилось и на Руси, куда также многие «латиняне» переселялись, чтобы подвизаться именно в юродстве). Один такой западный юродивый фигурирует в житии Симеона Нового Богослова. Некий Иерофей был епископом на Западе, нечаянно он убил человека и решил искупить страшный грех невиданным покаянием. Ему посоветовали поступить монахом в монастырь св. Маманта, где игуменствовал Симеон. «[Там Иерофей] в стремлении к страданиям прикидывался полоумным и нарочно разбросал и переколотил

¹⁷ См.: *Fritz J.-M.* Le discours du fou au Moyen Age (XII–XIII s.). P., 1992. P. 314.

¹⁸ Л-ру см.: *Мурьянов М. Ф.* Алексей Человек Божий в славянской рецензии византийской культуры // Труды Отдела древнерусской литературы. Т. 23, 1968.

¹⁹ *Gaiffier B. de.* «Intactam sponsam relinquens». A propos de la Vie de s. Alexis // *AB.* Vol. 65, 1947. P. 161–184.

²⁰ *Gleysztor A.* Dobrowolne uboństwo, ucieczka od świata I średniowieczny kult sw. Aleksego // *Polska w świecie.* 1972, S. 21–40.

²¹ *Sekommodau H.* Alexius in Liturgie, Malerei und Dichtung // *Zeitschrift für romanische Philologie.* Bd. 2, 1956, S. 180.

²² *Chronicon universale anonymi laudunensis* // *Monumenta Germaniae historica. Scriptores.* Vol. 26. P. 448.

множество горшков, дабы услышать оскорбления, а то и получить удары по щекам...».²³ Заметим однако, что мотивировка юродства у Иерофея отличается от «классической» византийской: покаяние как причина экзотической аскезы встречается в Византии лишь однажды, у Марка Лошадника,²⁴ то есть еще в эпоху становления феномена — в остальных же случаях, напротив, к юродству приступают по достижении вершин совершенства. На Западе же, как мы увидим в дальнейшем, презрение со стороны окружающих воспринималось именно как высшая форма презрения к себе.

В XI в. юродство проникает на Запад — но опять в лице греческого юродивого. Это был Николай Транийский, чьи подвиги запечатлены в латиноязычном житии (VHL, 6223–6226). Николай родился в Греции и с юных лет подвергался преследованиям, особенно со стороны монахов, за то, что непрерывно кричал «Кирие элесон». После всяких злоключений святой переправился в Италию. В Гидруте он подвергся страшным избиениям за то, что облобызал еврея и отказался поклониться проносимому в процессии изображению Богородицы.²⁵ Много времени провел святой в Таренте. «Жители думали, будто он безумен. О, ужас! Не решаюсь даже произнести! — восклицает агиограф. — Большинство из них издевались над ним и презирали его как сумасшедшего (*velut dementem*)».²⁶ Однако те, кто поумнее, сознавали, что имеют дело со святым. Видимо, со временем Николай все же несколько «социализировался»: он уже не кричал свое заклинание всякую секунду. Былая безжалостность толпы по отношению к нему уступила место любопытству. «Подвигнутый мнением толпы», транийский архиепископ Византий пригласил Николая к себе и начал расспрашивать, зачем он кричит. Святой «с ясным лицом и в мягких выражениях» объяснил, что действует по евангельским заповедям. Архиепископ разрешил Николаю остаться в городе на некоторое время, но при условии, что он не будет манкировать церковными ритуалами. Святой умер в 1094 г. Его канонизация была утверждена папой Урбаном.

²³ *Nicetas Stephanos. Vie de Syméon le Nouveau Théologien / ed. J. Hausherr. Roma, 1928. P. 72–75.*

²⁴ *Nau F., Clugnet L. Vie et récits de l'abbé Daniel // Revue de l'Orient Chrétien. Vol. 5, 1900. P. 60–61.*

²⁵ *Vita s. Nicolai Tranensis // AASS Junii. Vol. 1. Antwerp., 1695. P. 241.*

²⁶ *Ibid. P. 245.*

До сих пор мы говорили о легендах и о героях, в той или иной форме заимствованных латинским миром у православного. Посмотрим теперь, создал ли Запад собственные истории о юродивых.

На первый взгляд, за таковую можно счесть весьма знаменитую легенду о Робере Дьяволе. Этот герой жаждет искупить свои страшные грехи, и анаторет повелевает ему, «чтобы он прикинулся сумасшедшем (*fatuum se faceret*) и терпеливо сносил все обиды, какие будут ему причинять».²⁷ В конце концов его инкогнито было раскрыто, и император предложил ему руку своей дочери, но Робер отказался и стал паломником.

Является ли Робер Дьявол юродивым в техническом смысле этого термина? Нет, не является. Как это вообще характерно для западного средневековья в противоположность восточному, он нарушает приличия и напрашивается на унижения от сознания собственной греховности, а не греховности окружающего мира. Это, однако же, не отменяет того факта, что, хотя существование византийских прототипов легенды исключено,²⁸ многие ее детали поразительно напоминают жития юродивых. Например, Робер ночует вместе с собаками — совсем как Андрей Царьградский,²⁹ а эпизод, когда Робер, сидя под полом императорской капеллы, тайком слушает мессу,³⁰ напоминает житие позднего русского юродивого Лаврентия Калужского (XV—XVI вв.), который с той же целью прокопал подземный ход под церковь Рождества.³¹ Хрестоматийным для все «юродских» житий является мотив унижений и побоев со стороны городских мальчишек.

И тем не менее, несмотря на все эти сходства, Робер Дьявол бесконечно далек от православных юродивых: последние тем сильнее напрашиваются на унижения, чем ослепительнее в них блеск добродетели — его-то и нужно скрывать от посторонних глаз. Спровоцированные юродивым побори и оскорбления ни разу в византийской литературе не предствлены как непосредственное продолжение его

²⁷ *Anecdotes historiques, légendes et apologues...* / d' Etienne de Bourbon. P., 1877. P. 146—147.

²⁸ *Holmes T. U. A History of Old French Literature.* N. Y., 1937. P. 146.

²⁹ *Nicephori Presbyteri Vita s. Andreae Sali* // PG. Vol. 111, 1863. Col. 649. Ср. еще легенду о русской юродивой Евфросинии, которая тоже ночевала с собаками (*Жизнеописания отечественных подвижников...* Т. 14, ч. 1. М., 1912. С. 8).

³⁰ *Robert le Diable* / Publ. P. E. Loeserth. P., 1903. P. XXIV.

³¹ См.: *Ковалевский И.* Юродство о Христе и Христа ради юродивые. М., 1902. С. 262.

внутренней неудовлетворенности собой — к юродству приступают лишь в состоянии абсолютного совершенства. Юродивые заботятся (каким способом — другой вопрос) о чужих душах, Робер Дьявол о своей собственной. Более близким ему персонажем является знаменитый Тристан, также симулирующий сумасшествие во имя любви, — но не к Богу, а к даме.³²

Обратимся теперь к официальной латинской агиографии. Многие исследователи настаивают на том, что юродство было известно и западному христианству.³³ Действительно, некоторые фигуры католического синаксаря теми или иными чертами напоминают юродивых. Но практически единственный обнаруженный нами чистый случай западного юродства — это житие (ВНЛ, 8371) св. Ульфий Девы (VIII в.), которая «изображала помешательство рассудка (*fingit mentis amentiam*).., дабы хоть этим вызывающим насмешки лицедейством (*ludo contemptibili*) обезобразить по возможности свою красоту и отвратить от себя тех, кто испытывал к ней плотское вожделение».³⁴ Любопытно, что хотя ведет себя Ульфий активно и провокационно, агиограф объясняет ее поведение оборонительными мотивами — в духе зачаточных форм византийского юродства.³⁵ Кроме того, элементы юродства заметны в поведении такого святого, как св. Ромуальд³⁶ (X в.). Но настоящая провокационность начинает на Западе нарастать с XII в. — как раз тогда, когда византийское юродство пошло на спад. Так, великий Франциск Ассизский (1181–1226) заявлял: «Господь захотел, чтобы я был таким новым дураком (*novellem pazzum*) в этом мире»³⁷ — и вел себя соответственно. И его заведомо соблазнительные приказы ученику, и провокационное поведение в церкви — все это напоминает юродство, но лишь весьма поверхностно.

³² *Fritz. Le discours. P. 322–323.*

³³ *L'hiéromoine Lev. Une forme d'ascèse russe. La folie pour le Christ // Irènikon. Vol. 2, 1927. P. 15, 18–19; Behr-Sigel E. Les «fous pour le Christ» et la saintété laïque dans l'ancienne Russie // Irènikon. Vol. 15, 1938. P. 555; Kologrivov I. Essai sur la saintété en Russie. Bruges, 1953. P. 264–273, cf.: Иоанн Кологривов. Очерки по истории русской святости. Брюссель, 1961. С. 249–250; Pope R. W. Fools and Folly in Old Russia // *Slavic Review. Vol. 39, 1980. P. 480; Armogathe J. R. Fou de Dieu au siècle des lumiers // Benoît Labre. Errance et saintété. P., 1984. P. 19 etc.**

³⁴ *Vita s. Ulphae Virginis // AASS Januarii. Vol. 3. P., 1863. P. 738.*

³⁵ Ср.: *Иванов С. А. Византийское юродство. С. 25–29.*

³⁶ *Brunonis Vita quinque fratrum // Monumenta Germaniae historica. Scriptores. Vol. 15. P. 2. Hannover, 1888. P. 719.*

³⁷ *Speculum perfectionis / ed. P. Sabatier. Vol. 1. P., 1928. P. 196–197.*

Дело в том, что францисканцы не были «людьми ниоткуда», и их экстравагантные поступки воспринимались окружающими как закономерное продолжение предыдущей аскезы, то есть как изначально знаковое поведение, — в отношении их не было такого элемента сомнения (святой или безумец?), без которого немислимо юродство. Наконец, главное отличие францисканца от юродивого — в социальной активности. Пусть в конце жизни сам Франциск и ужаснулся той формализации, которой его последователи подвергли правила созданной им общины — никуда не уйти от того факта, что именно он основал Орден францисканцев. Юродивый же по определению не может ничего создать в сфере социального.

Казалось бы, довольно близко подошел к тому, что мы в данной работе понимаем под юродством, итальянский святой (ВНЛ, 4384–4386) Джованни Коломбини (1300–1367), который, «будучи выше всего преходящего, протянул руку к вещам странным и необычным (*fortia et insolita*), которые подсказывал ему действовавший внутри него дух».³⁸ Но опять-таки, как бы странны ни были поступки Джованни, от настоящих юродивых его отличает социальный пафос: святой начинает проповедовать, вокруг него собирается кружок последователей, его отправляют в ссылку как смутьяна, но он повсюду всех агитирует вступать в свой кружок, по всей Италии он проповедует и рассылает письма. Подобная социальная активность органически чужда византийскому юродивому. Кроме того, Коломбини внимательно следит за соблюдением у прозелитов чувства меры: когда Николай из Нардуса вызвался ради пущего унижения раздеться донага, святой это запретил.³⁹ Однажды Франческо Винценти, «не удовлетворившись обычными подвигами, стал щеголять длинными и нечесаными волосами, густой и неухоженной бородой и безобразными ногтями... Но в безобразии этого жуткого облика Коломбини не одобрил ничего, ... он осудил длину волос и ногтей... И тот немедленно остриг их и вернул себе человеческий образ».⁴⁰ Определенная конформность — обратная сторона бурной социализации. Недаром ведь Коломбини стал родоначальником Ордена иезуатов!

Житие Иоанна да Део (1495–1550) поначалу вполне напоминает византийские: святой жил в Гранаде; однажды он «сошел с ума», вырвал себе бороду, волосы и брови; с прыжками и выкриками учинил

³⁸ Vita s. Joannis Colombini // AASS Julii. Vol. VIII. Antwerp., 1731. P. 366.

³⁹ Ibid. P. 370.

⁴⁰ Ibid. P. 384.

погром в собственной хижине, потом сорвал с себя одежду.⁴¹ С бес-
связными криками бегал святой по городу, преследуемый насмешка-
ми и градом камней. Он закапывался в кучу мусора, опускал лицо
в лужу, каялся во всех грехах, какие приходили ему на память. Коро-
че, «он так усердно изображал безумие (*simulabat insaniam*), что все
считали его сумасшедшим».⁴² До сих пор поведение Иоанна один к
одному соответствует юродскому стандарту. Но почитаем дальше.

Иоанна поместили в Королевскую больницу. Там с сумасшедшим
обращались весьма жестоко, и святой — в духе европейского Гума-
низма — стал протестовать против издевательств над больными. Его
общественный темперамент на этом не успокоился: Иоанн решил
организовать собственный Госпиталь.⁴³ Как мы видим, и этого като-
лического «юродивого» отличает от его восточных собратьев созида-
тельный, социальный пафос.

Некоторая общность существовала между Византией и Западом
в той специфической сфере аскезы, которую можно назвать священ-
ным бесстыдством. Это именовалось «синейсактизм». В Византии
многие юродивые симулировали блуд, но были и такие случаи, когда
святой, не являвшийся юродивым в собственном смысле слова, про-
воцировал непристойные ситуации: таковы были св. Илия Пещер-
ник, Лука Новый, Фантин, Неофит Затворник и др. На Западе такие
святые тоже были: шотландский подвижник Кентигерн (V в.), шер-
борнский епископ Альдхельм († 709 г.), Робер Д'Арбриссель и дру-
гие, в основном ирландские подвижники.⁴⁴ Гиральд Камбрийский
пишет, что св. Альдхельм «целыми ночами лежал, имея с обеих бо-
ков по девушке, чтобы подвергнуться поношению от людей и получить
в будущем более обильное воздаяние от Бога, которому известны его

⁴¹ Сама по себе эта формула «обнаженным следовать за обнаженным Христом» (*nudum Christum nudus sequere*) восходит еще к Иерониму. Но обычно она использовалась как лозунг христианской бедности (см.: *Trawkowski S. Vita Apostolica et la désobéissance // The Concept of Heresy in the Middle Ages / ed. Lourdaux W. Leuven — The Hague, 1976. P. 158–159*), а не христианского нудизма.

⁴² *Vita B. Ioannis de Deo // AASS Martii. Vol. 7. Antwerp., 1668. P. 820–821.*

⁴³ *Ibid. P. 821–822.*

⁴⁴ *Gougaud L. Mulierum consortia: l' étude sur le syneisaktisme chez les ascètes celtiques // Uriu. Vol. 9, 1921/1923. P. 148–150; Reynolds R. Virgines Subintroductae in Celtic Christianity // Harvard Theological Review. Vol. 61, 1968. P. 552–563.*

скромность и воздержанность». ⁴⁵ Впрочем, этот же автор осуждает подобные эксцессы. Столь же и еще более яростно корили современники Робера д'Арбрисселя за его опыты по проверке своего бесстрастия: ⁴⁶ его обвиняли в самонадеянности, но главное — во введении в соблазн мира. «Мудрый не возмутит общественных нравов», — наставительно замечает Марбод. В этом средневековые латинские моралисты следовали завету Цезария Арелатского, учившего, что нужно не сражаться с искушениями, а избегать их ⁴⁷ — разумеется, при таком подходе никакого юродства возникнуть не могло.

Была и другая ветвь западного благочестия, также несколько напоминавшая византийское юродство, — это позднесредневековый мистицизм. Джакопоне да Тоди (1230–1306) ближе всех подошел к апологии юродства. ⁴⁸ Его поведение как монаха также весьма напоминало юродское: например, он специально держал в своей келье кусок мяса, пока тот не стал гнить, испуская чудовищное зловоние. Когда источник запаха нашли, разъяренные монахи засунули Джакопоне в уборную, крича, что если он любит вонь, то его место там. Святой же испытывал счастье от претерпеваемых унижений. ⁴⁹ Тут все один к одному напоминает ранневизантийские юродские жития. И все же есть одно важнейшее отличие! Эта эскапада, как сказано в легенде, была предпринята Джакопоне для того, чтобы избавиться от греховного желания поесть мяса. Таким образом, и здесь святой юродствует от сознания своего несовершенства — в Византии же все было как раз наоборот. Окончательный приговор юродству в византийском его понимании мы находим в житии бельгийской святой XIII в. Беатрисы Назаретской. В главе VI этого произведения рассказано о том, что святая возжелала симулировать безумие (*semetipsum insanam fingere*), но, робея, решила посоветоваться со своим

⁴⁵ *Giraldus Cambrensis*. Gemma ecclesiastica. II, 15/ ed. Brewer T. S. Vol. 2. P. 235; cf.: *Willelmi Malmesburiensis De gestis pontificum Anglorum* // *Patrologia Latina*. Vol. 179, 1855. Col. 1654.

⁴⁶ *Goffridi Epistula 47* // *Patrologia Latina*. Vol. 157, 1854. Col. 182–183; *Marbodi Epistula 6* // *Ibid.* Vol. 171, 1854. Col. 1481–1483.

⁴⁷ *S. Caesaris Arelatensis Sermones, pars 1/* ed. Morin D. G. Turnholt, 1953. P. 180–184.

⁴⁸ См.: *Jacopone da Todi*. Lauda LXXVI, LXXXIV. — *Peck G. T.* The Fool of God. Jacopone da Todi. Alabama, 1980.

⁴⁹ *Ibid.* P. 88; La Franceschina, testo volgare umbro del secolo XV scritto dal P. G. Oddi di Perugia / ed. Cavanna N. Vol. 2. Firenz, 1931. P. 111–112.

духовным наставником Генрихом, а он запретил ей это по той главной причине, что таким образом она навлечет грех на окружающих (proxiomorum gravamen). И святая тотчас отказалась от замысла.⁵⁰

Таким образом, можно констатировать, что католическое средневековье, вплотную подойдя к парадигме юродства и в ряде случаев позаимствовав византийские образцы,⁵¹ тем не менее не смогло создать ее самостоятельно в тех параметрах, в которых это удалось средневековью византийскому. Например, западный «умный дурак» вроде Маркольфа или Уленшпигеля, несомненно, во многом подражавший шутам, столь популярным в Европе,⁵² своими проделками высеивал недостаточность благочестия, а юродивый — благочестие как таковое в земном его понимании. На практике это различие выражалось в том, что «юродствование» западного святого неизменно кончалось призывом к массам, юродивый же — принципиальный одиночка.

II

До того как говорить о чисто восточных рефлексам юродства, остановимся на таком переходном случае, как юродство раввинистическое. Прежде всего, оно находит себе выражение в уже известных нам (см. выше, с. 334) историях о «тайных слугах». Самые ранние из них содержатся еще в Палестинском Талмуде (Taanit, 64bc), так что есть даже основания считать их более ранними, чем соответствующие христианские.⁵³ И однако, весьма важным представляется тот факт, что уже в древнейшей из этих еврейских легенд имя тайного праведника — Пентакака, что значит по-гречески «пять несчастий». Его поведение очень напоминает будущих византийских юродивых: он нанимает проститутку (но не для себя), пляшет с ними, стирает их одежду — и тайно продает свое последнее достояние, чтобы спасти бедную должницу от проституции.⁵⁴ Однако этот пер-

⁵⁰ The Life of Beatrice of Nazareth. Kalamazoo, 1991. P. 240–244.

⁵¹ Иногда византийское влияние усматривают даже в чисто умозрительной концепции глупости, созданной Эразмом Роттердамским, см.: Screech M. A. Ecstasy and the Praise of Folly. L., 1980. P. 185.

⁵² См. Lever M. La sceptre et la marotte. Histoire des Fous de Cour. P., 1983.

⁵³ Heller B. La légende judéo-chrétienne du compagnon au Paradis // Revue des études juives. Vol. 55, 1908. P. 216–217.

⁵⁴ Alexander-Frizer T. The Pious Sinner. Tübingen, 1991. P. 101.

сонаж, сколь бы много он ни передал своих черт, допустим, Симеону Эмесскому, все же отличается от него непроявленностью своей агрессии по отношению к миру. Эта агрессия проявляется позднее, уже в средневековой хасидской культуре. Созданная в прирейнских еврейских общинах в конце XII—начале XIII в. «Сэфер Хасидим» содержит множество историй о «тайных праведниках», причем легенды эти содержат элемент, отсутствовавший в талмудических образцах, — самоуничтожение и балансирование на грани греха.⁵⁶ Может быть, мы здесь имеем дело с типологическим сходством, но как бы то ни было, из всех до сих пор разобранных нами сюжетов именно хасидские легенды больше всего напоминают истории о византийских юродивых.

Данных о прямом влиянии византийской парадигмы на исламскую нет. В этой связи особенно ценны сведения косвенного характера, например, бродячие сюжеты. В исламском мире широко распространены сказания о псевдо-безумце и царе. Первоначально этот персонаж вообще не имеет имени и выступает просто как «сумасшедший из ал-Куфы».⁵⁶ Согласно одному из источников, «лунатик Бахлул встретил в Куфе [в 810 г. Харун ар-Рашида], наставил его в учении Пророка и отказался от предложенных денег».⁵⁷ Это, пожалуй, единственное хроникальное известие о Бахлуле, но существует богатая и очень многообразная фольклорная традиция, связанная с ним. Во всех вариантах легенды халиф хочет поговорить с Бахлулом, а тот не проявляет к нему интереса.⁵⁸ Взаимоотношения этой пары чем-то напоминают общение Александра с Диогеном (*Diogeni Laertii. Vitae*, VI, 38). Киническое родство Бахлула представляется еще более наглядным в другой истории о нем: Бахлулу кто-то сказал: «Тебе не стыдно есть на улице?». Он ответил: «Ведь Бог не устыдился наслать на меня голод на улице — почему же я должен стыдиться там есть?»⁵⁹ Это — прямое заимствование из рассказа о Диогене Синопском, входящего к Диогену Лаэртию: «Однажды его упрекали за то, что он ел на площади; он ответил: “Ведь я на площади и проголодался”»

⁵⁵ *Alexander-Frizer T. Sinner*. P. 87–88, esp. 118.

⁵⁶ *Encyclopedie de l' Islam*. Vol. 4. P., 1978. P. 1328.

⁵⁷ *Amedror H. F. An Unidentified Manuscript by Ibn-al-Jauzi... // The Journal of the Royal Asiatic Society*. 1907, January. P. 35. Впрочем, в некоторых вариантах легенды «безумца» зовут Абу-Наср.

⁵⁸ *Loosen P. Die Weisen Narren des Naisaburi // Zeitschrift für Assyriologie*. Bd. 27, 1912. S. 207–208.

⁵⁹ *Ibid.* S. 215.

(Diogeni Laertii. Vitae, VI, 58).⁶⁰ Любопытно, что в роли властителя иногда выступает собственной персоной Александр Македонский, знаменитый антагонист киника Диогена.⁶¹ При этом мудрец неизменно демонстрирует владыке его ничтожество, и опять-таки весьма «диогеновским» способом — например, просит не загораживать света.⁶² Поскольку кинизм был одним из источников христианского юродства, можно допустить, что и оно как-то повлияло на мусульман.

Уже известный нам мотив «тайных слуг Господа» (см. выше, с. 334) также встречается в исламе: согласно мусульманской легенде, праведник Абдалвахид ибн-Зеид спросил мудрого безумца, кто будет его, ибн-Зеида, соседом в раю, и оказалось, что сумасшедшая Мимуна из Куфа. Когда ибн-Зеид пришел посмотреть на нее, то увидел, что она пасет стадо, где овцы мирно соседствуют с волками.⁶³

Насколько мусульманам была известна основная юродская агиография, сказать трудно. Во всяком случае, святые Ахмад б. Хидружа или ас-Сулами (X–XI вв.) скрывают свою святость, по замечанию Р. Хартманна, с той же целью, что и византийские юродивые Исидора или Феофил с Марией.⁶⁴ О двух «мимах» из Амиды, описанных Иоанном Эфесским, упоминает и другой известный знаток ислама М. Моле. По его мнению, в этой истории в эмбриональном виде выражена концепция невидимой иерархии друзей Бога; сирийская идея об унижении (shitutha) как форме избранничества.⁶⁵ Наиболее полное воплощение данная концепция нашла в исламском мистицизме — суфизме. Уже самый ранний теоретик суфизма Мухаммад б. Али Ал-Термези (умер в 907 г.) разделяет друзей Бога на две категории и к высшей относит тех, кто принимает осуждение — *malama*.⁶⁶ Историк суфизма ибн ал-Джавзи (XII в.) описал девятнадцать «умных безумцев» (*'uqala' al-majanin*) древнейшей эпохи. В основном это были бродяги, жившие

⁶⁰ Легенда о Бахлуле и Харуне ар-Рашиде была как бы воспроизведена в реальном эпизоде встречи дервиша Шейх-Сачлу Длинноволосого с султаном Мехмедом на Галатском мосту в 1837 г., см.: *Ubicini A. Lettres sur la Turquie. Vol. 1. P., 1851. P. 115.*

⁶¹ *Das Meer der Seele. Mensch, Welt und Gott in den Geschichten des Fariduddin Attar / Von H. Ritter. Leiden, 1955. S. 107–121, esp. 109.*

⁶² *Ibid.* S. 113.

⁶³ *Dermengham E. Vies des saints musulmans. P., 1981. P. 243.*

⁶⁴ *Hartmann R. As-Sulami's Risalat al-Malamatiya // Der Islam. Bd. 8, 1918. S. 198.*

⁶⁵ Сп.: *Molé M. Les mystiques musulmans. P., 1965. P. 10–12.*

⁶⁶ *Wensinck A. J. New Data Concerning Syriac Mystic Literature. Amsterdam, 1923. P. 16–19.*

в городах Ирака, Сирии и Палестины. По сравнению с византийскими юродивыми суфийские псевдо-безумцы уделяют гораздо меньше внимания скрыванию своей святости и гораздо больше — мистическому общению с Богом.⁶⁷

Наиболее зримым образом «юродствование» представлено в мусульманской концепции «маламатийа».⁶⁸ Эту доктрину разработали теологи Абу Салих б. Ахмад ал-Кассар (умер в 884 г.) и Абу Йазид Тайфур ал-Бистами (умер в 874 г.). Расскажем о втором из них один весьма характерный эпизод: когда некий аскет спросил его, какого еще совершенства можно достигнуть после тридцати лет поста и молитвы, Абу Йазид посоветовал ему сбрызнуть волосы и бороду, одеться в войлок, взвалить на спину мешок орехов и пойти на базар, а еще лучше в квартал, где его знают, и пообещать юношам по ореху за каждый удар, который они на него обрушат. Аскет не решился подвергнуть себя такому испытанию.⁶⁹

Слово «маламати» значит «достойный поношения». Странники этой доктрины доводили до логического предела принцип суфизма «Стань ненавистен, ищи унижения».⁷⁰ «Маламатийа» стало лозунгом многих бродячих дервишей, которые стремились воплотить на практике суфийские принципы.⁷¹ Если исламские улемы (законники) настаивали на «объективном» характере мусульманских установлений, то дервиши считали себя свободными от всех земных правил. «Маламати не должен заботиться о соблюдении законов морали... Жизнеописания святых показывают, что они стоят выше любого морального кодекса».⁷²

Нам неизвестны специальные работы, где бы ставился вопрос о сходстве «маламати» с юродивым, но случайные обмолвки на этот счет встречаются во многих исследованиях. Так, Х. Риттер вскользь замечает, что «маламати» подобен «тому типу христианских дураков, о которых писал Бенц»,⁷³ А. Баусани сравнивает их почему-то со

⁶⁷ *Dols M. W.* Majnun: The Madman in Medieval Islamic Society. Oxf., 1992. P. 376–379.

⁶⁸ *Molé M.* Les mystiques musulmans. P. 10–12.

⁶⁹ *Nicholson R.* The Tadhkiratu' l'-Awliya of Shaykh Faridu' d-Din Attar. Vol. 1. L., 1906. P. 146.

⁷⁰ *Goldziher I.* Le dogme et le loi de l' Islam. P., 1920. P. 140.

⁷¹ *Тримингэм Дж. С.* Суфийские ордены в исламе. М., 1989. С. 275.

⁷² Там же. С. 132.

⁷³ *Das Meer.* S. 166. Имеется в виду статья: *Benz E.* Die heilige Narrheit // Kyrios. Vol. 6, 1938.

«славянскими юродивыми»,⁷⁴ а Р. Брунел — с поздними западными «юродивыми» Филиппо Нери и Бенуа Лабром.⁷⁵ На наш взгляд, самое разительное сходство наблюдается у «маламатийа» с классическим византийским юродством. Вот пример из творчества Фарид ал-Дина Аттара.

Один праведник получил от Бога приказание идти в таверну, ибо там он найдет истинного друга Божьего. Им оказался старик, который всю жизнь носил вино для кабака, но ни разу не выпил ни капли. То, что он святой, обнаружилось сразу после его смерти.⁷⁶ Если эта притча — пример простодушного юродства, лишь имитирующего грех, то в других историях можно найти и кощунственные мотивы, разительно напоминающие о Симеоне Юродивом: например, один дервиш грозит Богу: «Я возьму палку и перебью все светильники в Твоей мечети».⁷⁷ А «Божий дурак» (muwallah) Али ал-Курди (XIII в.) кидался яблоками в мечети Дамаска,⁷⁸ точно так же, как когда-то Симеон — орехами в церкви Эмеса.⁷⁹

«Юродские» опыты исламского мистицизма обобщены Ибн ал-Араби (умер в 1240 г.) в его трактате «Ал-Футухат ал-Маккийя», но наиболее рельефно близость «маламати» с юродивым видна в персидском сочинении XI в. «Кашф фль-Махджуб», написанном Али б. Усманом ал-Худжвири.⁸⁰ Согласно этому трактату, «обвинения со стороны людей — это пища друзей Бога, залог Божьего одобрения» (63). «Маламати» — это «тот, кто сознательно напрашивается на осуждение, совершая по отношению к людям нечто провокационное» (64). Например, Абу Йазид, которого при входе в Куфу встречала толпа, взял каравай и начал есть, хотя был пост (65). Впрочем, согласно Али б. Усману, подобные подвиги относятся к прошлому: «В те времена нужно было совершить нечто предосудительное или из ряда вон выходящее, чтобы напроситься на поношение. Однако в наше время

⁷⁴ *Bausani A.* Note sul «Pazzo sacro» nell 'Islam // Studi e materiali di storia della religioni. Vol. 29, 1958. P. 99.

⁷⁵ *Brunel R.* Le monachisme errant dans l' Islam. P., 1955. P. 165.

⁷⁶ *Das Meer.* S. 287.

⁷⁷ *Ritter H.* Muslim Mystics Strife with God Oriens. Vol. 5, 1952. P. 13.

⁷⁸ *Dols.* Majnun. P. 403.

⁷⁹ *Léontios de Néapolis.* Vie de Syméon le Fou... / ed. Festugière A.-J., Ryden L. P., 1974. P. 79–80.

⁸⁰ *The Kashf al-Mahjüb. The Old Persian Treatise on Sufism* / ed. Nicholson R. L., 1976 [далее в этой главе ссылки на данную работу даются прямо в тексте].

тому, кто жаждет осуждения, стоит лишь чуть увеличить продолжительность молитвы... как тут же все назовут его лицемером и ханжой» (65).

Видимо, как и в православии, в исламе столь скандальная аскеза сталкивалась со все возрастающим сопротивлением. Любопытно, что в процитированном отрывке автор одновременно осуждает и людей за их излишний скептицизм, и самих «маламатий» — за чрезмерный эпатаж. Но если первая мысль выражена весьма осторожно, то вторая получает дальнейшее развитие: «Кто оставляет почву закона и совершает проступок против религии, говоря при этом, будто он следует правилу маламатий, — тот повинен в явном пренебрежении приличиями, в безнравственности и распущенности. Многие теперь ищут себе известности таким способом, забывая, что аскет сначала должен завоевать известность, а уж потом может намеренно вести себя вызывающе, дабы люди отвергли его. В противном случае все его попытки вызвать к себе неприязнь оказываются не более чем предлогом для снискания известности» (65).

Следует признать, что при значительном сходстве мотивов, ислам гораздо четче формулировал те проблемы, которые возникали в связи с юродством, чем византийские богословы: «Существует опасность совершить такое деяние, за которое люди осудят праведника и тем самым впадут во грех. Поэтому следует делать то, что формально не является ни великим грехом (*kabira*), ни мелкой пакостью (*saghira*), но чтобы люди тем не менее отвергли тебя» (66–67). «По-моему, ища осуждения, человек выставляет себя напоказ, а это — чистой воды неискренность... Дервиш вообще никогда не должен думать о мнении человечества» (67).

Итак, допустимо заключить, что «маламатий» — это вид аскезы, довольно близкий к юродству. Подобные святые существовали по всему исламскому миру: например, Аш-Шудзи (XII в.) был судьей в Севилье, а потом, бросив все, ушел в Магриб, где прикидывался безумцем.⁸¹ Но все же главным образом «маламатий» было популярно в Иране, центром его зарождения признают город Нишапур.⁸² Персидский ислам вообще характеризовался большим индивидуализмом и неприятием мусульманской ортодоксии.⁸³ В Индии, куда распространился персидский суфизм, концепция «маламатий» также

⁸¹ *Dols. Majnun. P. 387.*

⁸² *Meier F. Рец. на: Abu' l-Ilf Afifi. Al-malamatiyya... Kairo, 1945 // Oriens. Vol. I, 1948. P. 373–375.*

⁸³ *Тримингэм Дж. С. Суфийские ордены в исламе. С. 55.*

пользовалась популярностью среди дервишей. Так, Лал Шахбазия (умер в 1324 г.) вел разгульный образ жизни, никогда не молился и постоянно пьянствовал (его почитатели утверждали, что вино, касаясь его губ, превращалось в воду); Муса Шахи Сухаг одевался женщиной и водил компаню с евнухами-плясунами (но во время засухи оказалось, что только он может вымолить дождь);⁸⁴ известный поэт Кабир (1425–1505), желая снискать себе поношение, прикидывался пьяным и шатался по улицам в обнимку с блудницей⁸⁵ и т. д.

Теолог Сафи д-Дин писал, что «святой безумец» часто ходит голым, потому что он избавился от всякой чувственности и стал подобен Адаму в раю — этот мотив также очень хорошо известен византийскому юродству, но в исламе, в отличие от христианства, отсутствовала концепция первородного греха, так что достичь адамова бесстрастия мусульманину было в принципе легче.⁸⁶ Видимо, эта легкость и избавляла исламского «тайного святого» от того надрыва, которым неизбежно отмечена фигура его христианского собрата.

При том что «маламати» исполняли главные религиозные обряды, многие дервиши в своем стремлении к отверженности шли абсолютно на все. Таких называли «каландари». Теоретически между течениями «маламатийа» и «каландарийа» не было никакой разницы, и однако теоретики суфизма признавали первое и осуждали второе. По словам ас-Сухраварди (1097–1168), «маламати стремится скрывать свой образ жизни, в то время как каландари ищет повода разрушить установленные обычаи».⁸⁷ «Каландари» жили милостыней, избегали лицемерия, не участвовали в отправлении культа, брились наголо и носили одежду вызывающего вида; на половые органы они надевали железные кольца. Каландари утверждали, будто им все дозволено. Их поведение имело столь антисоциальный характер, что светские власти часто запрещали «каландарийа». В этом течении исследователи отмечают влияние индийской аскетической традиции,⁸⁸ и характерно, что западному исламу движение «каландарийа» мало известно.

⁸⁴ *Ratogi T. C.* Islamic Mysticism Sufism. New Dehli, 1982. P. 27–28.

⁸⁵ *Rizvi S. A. A.* A History of Sufism in India. Vol. 1. New Dehli, 1978. P. 379.

⁸⁶ *Dols.* Мажнун. P. 407–498.

⁸⁷ *Тримингэм Дж. С.* Суфийские ордены в исламе. С. 276–277.

⁸⁸ *Yazici T.* Kalandariyya // *Encyclopédie de l' Islam.* Vol. 4. P., 1978. Col. 493–495; *Тримингэм Дж. С.* Суфийские ордены в исламе. С. 3, 87; *Mujeeb M.* The Indian Muslims. L., 1967. P. 303 etc.

Чем ближе к концу средневековья, тем более дикие формы принимало исламское «юродство». В XV в. посетивший Египет Перо Тафур писал о людях, «которые бреют головы... и выглядят как сумасшедшие. Говорят, что они делают это из святости... Некоторые носят рога, другие вымазываются в меду и перьях, с третьих свешиваются светильники... Мавры выказывают им большое почтение».⁸⁹ В османский период количество свидетельств подобного рода резко возрастает: египетский судья Абд ал-Ваххаб-аш-Шарани (умер в 1565 г.) составил сборник биографий знаменитых «юродивых». Его герои пьют вино, курят гашиш, целуют женщин и мальчиков и даже богохульствуют — и все ради победы над лицемерием. Впрочем, сам Аш-Шарани призывает восхищаться их святостью, но не следовать их примеру.⁹⁰ В XV в. мусульманские «юродивые» появились в недавно завоеванном Константинополе, как бы символически заместив там юродивых настоящих.⁹¹ Но к этому времени их разделяла уже настоящая пропасть: дело в том, что главной чертой юродивого является амбивалентность. Про него до самой смерти нельзя точно сказать, святой он или хулиган. Лишь посмертные чудеса разрешают это сомнение. Мусульманские же «святые хулиганы» были окружены всеобщим благоговейным почтением при жизни. Особого размаха это явление достигло позднее: Лев Африканский, Проспер Альпин, Эдуард Лейн и другие путешественники с изумлением и ужасом описывают, как «вали» творят любые непотребства, вплоть до того, что беспрепятственно насилуют женщин,⁹² — но юродивых-то за похожее поведение били смертным боем, и провоцирование жестокого с собой обращения было важнейшей частью их аскезы. Таким образом, можно констатировать, что лишь раннее «маламатийа», еще не утвердившееся в качестве общепризнанной формы святости, может быть так или иначе приравнено к юродству.

Следуя еще дальше на Восток, мы оказываемся на территориях, где господствует индуизм. Многие формы индийской духовности могли бы напомнить о юродстве. Но больше всего напоминают юродивых адепты секты «пашупата» (paśupata). Наибольшим влиянием она пользовалась в XII в. н. э., а ее адепты существовали, кроме

⁸⁹ *Tafur Pero. Travels and Adventures, 1435–1439 / transl. M. Letter. L., 1926. P. 71–72.*

⁹⁰ *Winter M. Society and Religion in Early Ottoman Egypt. New Brunswick, 1982. P. 113–116.*

⁹¹ Ср.: *Rastogi T. C. Islamic Mysticism Sufism. P. 56.*

⁹² См.: *Dols. Majnun. P. 413–415.*

Индии, также в Белуджистане и Афганистане.⁹³ Никаких генетических связей или взаимовлияния с юродством проследить нельзя, но типологическое сходство бросается в глаза. По убеждению «пашупатас», аскет должен был воспитывать в себе бесчестье (*avamaṇe*).

«Мудрец должен искать бесчестья, словно амброзии... Унижение должно рассматриваться как увенчание... Надо навлекать его на себя... Пусть о нем говорят: «Он изгой, он безумец, он лунатик, он дурак». Пусть он имеет вид безумца, будет похож на нищего, пусть его тело будет покрыто калом, пусть у него будут неостриженные борода, ногти и волосы, пусть он не заботится о теле... Хорошо войти в деревню и притвориться спящим и храпеть... Люди будут смеяться над праведником... и вся хорошая карма, которая у них есть, перейдет к нему, а вся плохая карма от него — к ним... Еще он должен встать возле группы женщин... и начать проявлять внимание к какой-нибудь молодой и красивой; он должен смотреть на нее и вести себя так, будто желает ее... Когда она взглянет на него, он должен изображать все признаки влюбленности... Тогда все: женщины, мужчины, евнухи скажут: «Это — не чистый человек. Это развратник»... Надо вести себя нелепо, болтать бессмыслицу, повторяться, говорить невнятно».⁹⁴

На первый взгляд кажется, что перед нами — классическое юродское поведение. И все же сходство здесь — чисто внешнее. Дело в том, что пашупатас отнюдь не ставит себе целью исправление или наставление людей.⁹⁵ Провокация, на которую идет индийский аскет, злокозненна, с христианской точки зрения, от начала и до конца: он сознательно напрашивается на унижения, чтобы передать окружающим свою дурную карму и получить их хорошую:⁹⁶ «Он отдает им грех (*Param cha tebhya dadati*). Он получает их заслугу (*Sukrtam cha tesam-adatte*)».⁹⁷ На фоне столь последовательной позиции особенно

⁹³ *Paśupata Sūtram* / transl. Haripada Chakraborti. Calcutta, 1970. P. 8–15.

⁹⁴ *Ingalls D. Cynics and Paśupatas. The Seeking of Dishonour* // *Harvard Theological Review*. Vol. 55, 1962. P. 286–291.

⁹⁵ *Ibid.* P. 293. Автор противопоставляет их киникам и выводит оба течения из шаманизма (P. 296–297).

⁹⁶ «Намеренная имморальность» индийских аскетов вообще — довольно известное явление, см.: *Holek F. Some Observations on the Motives and Purposes of Ascetism in Ancient India* // *Asiatische Studien*. Bd. 23, 1969, S. 45.

⁹⁷ *Paśupata Sūtram*. P. 126–127.

рельефно проступает межеумочность юродивого: в нем много, очень много чисто восточного презрения к низменному материальному миру, который есть лишь морок, наваждение. Но он не может отдаться этому чувству целиком, ибо воплощение Логоса для него — не фикция. Юродивый не может вполне отрешиться от противопоставления субъекта и объекта, верха и низа, добра и зла.⁹⁸ Брахман же стоит выше дихотомии приятия-неприятия мира.

Для юродивого, скажем, сексуальная провокация является именно провокацией потому, что он признает существование законов физиологии. Находясь в опасной близости от греха — не поддаться. Но при этом он обязан предложить публике самой убедиться в отсутствии обмана. Симеон Эмесский и Андрей Царьградский, чтобы избавиться от обвинений, демонстрировали желающим всю степень их сексуальной незаинтересованности. Для индийского аскета фокус состоит не в этом: например, некоторые йоги, чемпионы в деле аскетизма, позволяли себе даже половые сношения. В восприятии окружающих это не нарушало их статуса, ибо они и совокуплялись — равнодушно. Здесь греческий принцип «бесстрастия» (*ἀπάθεια*) доводится до логического предела и окончательно отрывается от каких бы то ни было объективных земных критериев.

Итак, сравнение юродства с типологически и генетически схожими феноменами в тех культурах, которые соседствовали с Византией с запада и с востока, показывает, что юродство может существовать лишь там, где «восточное» презрение к материальному сочетается с «западным» признанием его. В целом юродство очень точно отражает промежуточную позицию Византии: если в Европе тварный мир казался слишком почтенным, чтобы взрывать его юродством, то для спиритуалистических религий Азии он представлялся слишком ничтожным даже для этого.

⁹⁸ *Syrkin A.* On the Behavior of the «Fools for Christ's Sake» // *History of Religions.* Vol. 22. № 2, 1982. P. 161–171.

ВИЗАНТИЯ И ВОСТОК

О. Г. Большаков

ВИЗАНТИЯ И ХАЛИФАТ В VII—X вв.

В феврале 634 г. небольшой отряд арабов-мусульман вторгся в Южную Палестину, разгромив под Газзой трехтысячное войско, вышедшее навстречу, и принялся беспрепятственно грабить местное население, убивая сопротивляющихся. Ни византийцы, ни сами завоеватели, воодушевленные идеей распространения новой религии среди своих братьев-арабов, не подозревали, что всего через шесть лет богатейшие провинции Византийской империи (Сирия, Палестина и Египет) будут навсегда отторгнуты от нее. Произошел второй после смерти Феодосия раздел Римской империи, с той лишь существенной разницей, что теперь одна из половин оказалась под властью иной религиозно-политической системы, что обусловило также идеологическое и культурное разъединение.

Арабы не были для Византии народом, пришедшим из неведомой дали: контакты с ними, — то мирные, то враждебные, существовали с момента возникновения империи. Византийцы (безразлично — греки или арамеи, христиане или иудеи) привыкли относиться к ним свысока, как представители развитой цивилизации к дикарям. Арабы, в свою очередь, признавали культурное превосходство «ромеев», однако принятие ислама придало арабам чувство собственной исключительности, хотя и не избавило их от сознания этого превосходства: как никак, а византийцы только что продемонстрировали свое могущество, победив Иран в многолетней войне, а значительность их религии подтверждалась обширной религиозной литературой.

Поэтому призыв первого халифа Абу Бакра к походу в глубь византийских владений был встречен в его ближайшем окружении без энтузиазма, а рядовые мусульмане ответили молчанием. Один из сподвижников Мухаммада напомнил Абу Бакру об опасности похода из-за могущества ромеев. Халифу с трудом удалось склонить своих подопечных решиться на опасный, по их мнению, поход.¹ Следующее поколение мусульман постаралось замолчать этот факт, плохо вяжущийся с традиционным представлением о готовности всех сподвижников пророка пожертвовать жизнью во славу ислама: лишь один из многочисленных исторических источников донес до нас эпизод, свидетельствующий о нежелании мусульман втягиваться в войну с Византией.

Впрочем, серия побед над грозным противником вскоре внушила мусульманам уверенность в своей непобедимости. В разрозненных воспоминаниях участников первых походов, составивших основное ядро сведений арабских исторических сочинений о завоевании Сирии и Палестины, византийская сторона всегда предстает превосходящей по численности, лучше вооруженной, блистающей пышностью одежд и украшений. Последнее, несомненно, отражает действительность. Что же касается соотношения численности византийских и мусульманских войск, участвовавших в главных сражениях при Аджнадайной и на Йармуке, то, скорее, можно говорить о примерном равенстве сил. По заслуживающим доверия сведениям, армия в Сирии и Палестине в совокупности составляла 25–27 тысяч человек. Однако арабская армия действительно была хуже вооружена и не имела достаточного опыта ведения военных действий крупнейшими силами и совершенно не владела осадной техникой, из-за чего не могла взять штурмом ни одного крупного города,² но в отличие от прежних лет арабы были теперь объединены общей идеей и за ними стояла вся Аравия, а целью был не грабительский набег с возвращением в родные кочевья, а завоевание страны. Не учитывая этого нового фактора, византийские командующие вместо того чтобы отрезать арабские войска, рассеявшиеся от Палестины до Халеба, от Аравии, прибегли к старой тактике вытеснения их из земледельческих районов в степь. Это позволило арабам дважды собираться в единый кулак и разгромить византийцев при Аджнадайне и на Йармуке, после чего города Сирии и Палестины оказались предоставлены собственным силам.

¹ *Большаков О. Г.* История Халифата. II. Эпоха великих завоеваний. М., 1993. С. 16–17.

² Арабские авторы говорят о взятии штурмом Дамаска, но сведения эти противоречивы и о техническом штурме говорить не приходится.

Малодушный отказ Ираклия от борьбы за Сирию в какой-то степени можно объяснить уверенностью его и его окружения в несокрушимости Византии и в том, что арабы скоро будут изгнаны, как были изгнаны более могущественные персы. К тому же арабы первое время держались так, словно чувствовали себя временными хозяевами: на месте был оставлен весь прежний чиновничий аппарат, продолжавший собирать налоги по византийским кадастрам, вся документация продолжала вестись на греческом (или коптском) языке, сохранилась прежняя монетная система, лишь постепенно на монетах византийского типа с портретом императора и изображением креста стали появляться краткие арабские надписи, порой в одно слово «бисми-л-лахи» (во имя Аллаха) или «Мухаммад». Христиане (и иудеи) беспрепятственно исповедовали свою религию, имущество церквей и монастырей осталось нетронутым, лишь часть церквей по соглашению перешла к мусульманам в качестве мечетей. Последнее не было чем-то необычным: и прежде бывали случаи, когда монофизитские церкви со всей их собственностью конфисковывались и передавались мелькитам. Христианские святыни в Палестине не просто сохранялись, но и почитались, поскольку Иисус (Иса) с почтением поминался в Коране как пророк, предшествующий Мухаммаду.

Об отношении мусульман к христианам в ранний период в арабских источниках сообщается очень мало и нередко в духе представлений, сложившихся позднее. Идеализировать поведение завоевателей во время военных действий не приходится: грабежи и захват пленных сопровождают все войны, в средние века особенно, но после окончания военных действий положение завоеванных вряд ли было значительно хуже, чем под властью византийцев. Во всяком случае, долгое правление Му'авии, сначала как наместника Сирии, а потом как халифа, по отзывам некоторых христианских авторов, было справедливым и без притеснений.³

Му'авийа, одна из жен которого была христианкой по рождению, не просто терпимо относился к христианам, но, как известно, перед принятием присяги ему как халифу, посетил Голгофу и могилу Марии и совершил там моление, а в конце своей жизни дал деньги на ремонт собора в Эдессе, пострадавшего от землетрясения в 680 г.⁴

³ Sources Syriaques. Vol. I. Msiha zkha (texte et traduction). Bar Penkaje (texte) par Mingana. Lpzg., 1907. P. 146–147; C. 175 — перевод.

⁴ The Seventh Century in West-Syrian Chronicles. Introduced, translated and annotated by A. Palmer including two seventh-century Syriac apocalyp-

Секретарем, ведавшим финансами Му'авии, был христианин, отец знаменитого Иоанна Дамаскина (который наследовал этот пост), да и позже, при Абдалмалике, финансами Египта ведал христианин из Эдессы, сколотивший на этом большое состояние. Паломники из христианских стран беспрепятственно посещали святыни Палестины, о чем свидетельствуют воспоминания Аркульфа.⁵

Призрак сохранения общности двух половин империи, позволявший надеяться на их воссоединение, дожил почти до конца VII в. Гражданская война в Халифате, начавшаяся в середине 80-х гг., позволила византийцам начать контрнаступление и вернуть не только арабские форпосты в Киликии, но и такой важный центр Сирии, как Антиохия. Остановить дальнейшее продвижение византийских войск Абдалмалику удалось лишь ценой заключения тяжелого для Халифата мира с выплатой большой ежегодной контрибуции.

Одержав победу над соперниками, Абдалмалик взялся за искоренение внешних атрибутов былой византийской государственности на территории Халифата. Монета византийского типа была заменена совершенно новой монетой без изображений, с одними только арабскими религиозными надписями: символом веры в центре и многозначительной надписью по кругу — «Мухаммад посланник Аллаха, он послал его с руководством и истинной религией, чтобы явить ее над всеми религиями, хоть это и неприятно многобожникам». Одновременно христианская символика была заменена мусульманской и в так называемом протоколе «фабричной» титульной надписи в начале папирусных свитков, что было болезненно воспринято в Византии, поскольку папирусы, в отличие от монеты изготовлявшиеся только в Египте, оказывались орудием пропаганды ислама.

Наконец, повсеместно греческий язык (и пехлеви) стал заменяться в делопроизводстве арабским, с внедрением в административно-фискальный аппарат мусульман (очень часто это были не арабы, а новообращенные в ислам иноплеменники). Тогда же на всем Ближнем Востоке была проведена новая кадастризация земель и введено индивидуальное налогообложение. Халифат, наконец, обрел все внешние атрибуты нового государства.

Эти реформы, конечно, не могли уничтожить культурную общность Византии и Ближнего Востока, складывавшуюся веками: ремеслен-

tic texts introduced, translated and annotated by Brock. Liverpool, 1993. P. 31, 195.

⁵ *Rotter E.* Abendland und Sarazenen. Das okzidentale Araberbild und seine Entstehung im Frühmittelalter. Berlin—NY, 1986. S. 31–32.

ные традиции, строительная техника да и письменная культура христианского населения Халифата не были этим затронуты, но две части бывшей Восточноримской империи все больше отчуждались друг от друга. Центральное ее ядро, лишенное части прежних экономических связей и источников снабжения огромной столицы при сокращении налоговых поступлений в центральную казну, тяжело приспособляясь к новым условиям и отчаянно сопротивляясь на Западе и Востоке, сохраняло прежнюю линию развития, восточная же половина, войдя в государство с иной религиозной системой и взаимодействуя с иранской и отчасти индийской цивилизацией, постепенно вросла в новую арабо-мусульманскую цивилизацию, начавшую активно проявлять себя в IX в.

Для Халифата, который в VII–VIII вв. вел военные действия на многих направлениях — на границах Индии, в Северо-Восточном Иране и Средней Азии, в Закавказье и Северной Африке и даже в Западной Европе, война против Византии имела особое, принципиальное значение: после гибели Йаздигерда III и полного поглощения Сасанидского Ирана она стала главным противником, не только политическим, но и идеологическим, с уничтожением которого связывалось представление об окончательном торжестве ислама. Индия и Китай не принимались во внимание из-за их отдаленности.

Основным театром военных действий на три столетия стала Малая Азия. Арабы не стремились поселиться за хребтом Тавра, но почти ежегодно совершали набеги вглубь полуострова, порой доходя до Эгейского и Мраморного морей. Отбиваясь, Византия контратаковала их, нападая на прибрежные города Восточного Средиземноморья: в Александрии, Бурулосе, Димйате, Барке, Акке, Аскалоне, Суре в разное время высаживались византийские десанты. Нападение на два последних были особенно болезненны для арабов, поскольку они служили главными центрами кораблестроения в Сирии. Однако численность десантов (исключая первое нападение на Александрию в 645 г.) была недостаточна для того, чтобы закрепить за собой район высадки, тем более что, насколько можно судить по имеющимся источникам, местное население не оказывало византийцам активной поддержки. Лишь немногочисленное греческое население приморских городов (большинство во время завоевания предпочло уехать в метрополию) связывало свои чаяния с Византией. Местное монофизитское и еврейское население, освободившееся в Халифате от религиозных преследований, досаждавших им при императорах, не видело причин для выступления против новых правителей.

Отношение мусульман к иноверцам было неоднозначным. С одной стороны, они, как носители истинной веры, открытой «печатью

пророков», относились к христианам и иудеям свысока, с другой — испытывали уважение к их обширной книжной учености. Во многих легендарных рассказах о событиях раннего периода истории Халифата именно христианские отшельники открывают мусульманам тайны будущего.

Мусульманское право рассматривало дань с иноверцев («джизью») как подушную подать, плату за предоставления им права сохранения своего вероисповедания, плату за то, что, отказываясь от правоношения оружия, они платят мусульманам за «покровительство» (зимма). Однако в первое время, во всяком случае до реформ Абдалмалика, иноверцы не несли индивидуальной ответственности за уплату. По-видимому, договором при завоевании устанавливался только общий размер дани. Поэтому в сообщениях о периоде завоеваний в одних и тех же случаях дань, устанавливаемая по договорам, называется то джизьей, то хараджем.

Положение резко изменилось в конце 80-х — начале 90-х гг. VII в., когда к бедствиям многолетней междоусобной войны прибавилось несколько неурожайных лет, вызвавших эпидемию чумы, кочевавшую на всем пространстве от Ирака до Египта. Тогда впервые в сирохристианской литературе появляются антимусульманские мотивы. Надежды на вызволение из тяжких бедствий возлагаются на разные силы. Бар Пенкайа (Иоанн Фенек) связывает эти чаяния с восстанием городских низов в Северной Месопотамии,⁶ а Апокалипсис Псевдо-Мефодия надеется на освобождение со стороны христианского Запада. Перечислив страдания, причиняемые арабскими властями, автор этого пророчества продолжал: «И вот тогда боль страданий исчезнет, как у родившей женщины, и царь греков выйдет против них с великой яростью. Он пробудится, как “исполин, побежденный вином”, которого они считали мертвым, и пойдет на них. Он двинется на них со стороны Моря Кушитского и станет сеять опустошение и разрушение в пустыне Йасриба и сердцеvine обиталища их предков. И сыновья царей греков пойдут на них из стран Запада и прикончат мечом оставшихся из них в Земле Обетованной. Будут они страшиться всех, кто вокруг них. Они сами, их жены, их дети, их вожди, их поселения, вся пустынная страна, принадлежавшая их предкам, будет отдана в руки царя греков». Эта тема звучит в другом Апокалипсисе примерно того же времени: «...Тогда выйдет с Запада царь греков, а сын его — с юга, после чего сыны Исмаила обратятся в бегство. Они соберутся в Вавилоне, но царь греков сразится с ними

⁶ Sources Syriaques... P. 168; С. 195 — перевод.

в Вавилоне, и тогда побегут они в город Мекку, где их царство придет к концу, а царь греков станет править всем миром».⁷

Любопытно, что идея решающей схватки двух миров, но с обратным смыслом, имела хождение среди некоторых мусульманских ученых VIII в. Об этом свидетельствует цикл хадисов (рассказов о делах и речениях пророка), в которых устами Мукаммада описывается грандиозная последняя схватка между исламом и христианством. При всех вариантах сценарий сводится к тому, что Страшному суду предшествуют знамения: смерть пророка, завоевание мусульманами Иерусалима, массовая смертность от эпидемии, всеобщая смута, кровавые сражения с византийцами, которые по некоторым версиям займут прибрежную полосу Сирии и Палестину до Иордана, но мусульмане, отступив в Аравию, победят палестинцев окончательно. В ряде случаев говорится о появлении спасителя — Махди, который выступит против Даджжала (мусульманского варианта Антихриста). В многочисленных версиях подобных пророчеств просвечивают многие реально случившиеся эпизоды: наступление византийцев на Антиохию и сражение в Амке (694), византийские атаки на побережье Сирии и Палестины, а в ряде случаев отражается враждебное отношение сирийцев к иракцам, обострившееся после победы Аббасидов, обосновавшихся в Ираке.

Эти предсказания, родившиеся и разрабатывавшиеся в узком кругу передатчиков хадисов, по всей видимости, не имели широкого хождения и не влияли на настроения общества в целом.⁸

Постепенно война с Византией стала таким же обычным сезонным занятием, как сев или жатва. Почти ежегодно, если не было внутренних осложнений (крупных восстаний или жестоких эпидемий), весной, когда верховые животные отъелись на весенних пастбищах, а в Малой Азии еще можно было найти подножный корм, в пограничных округах Сирии собиралось войско для очередного набега. Автор начала X в. Кудаман ибн Джа'фар указывает даже точные даты: выступление в поход не позже 11 мая и возвращение в начале июля, с расчетом, что поход займет 60 дней.⁹ Конечно, такую

⁷ The Seventh Century... P. 237–238, 245.

⁸ Madelung W. The Sufyani between tradition and history. *Studia Islamica*, LXIII. Paris, 1986. P. 5–48; Bashear S. Apocalyptic and Other Materials on Early Muslim-Byzantine Wars: a Review of Arabic Sources. — *Journal of the Royal Asiatic Society*, 3d ser., vol. I, 1991. P. 173–207.

⁹ Excerpta e Kitab al-Kharadj auctore Kodama ibn Dja'far quae cum versione gallica edidit... M. J. de Goeje. *Bibliotheca Geographorum arabicorum*, t. VI. Lugduni Batavorum, 1889. P. 252–259.

календарную точность походов в действительности трудно было соблюдать, так как византийская сторона могла внести серьезные коррективы. Это «расписание», несомненно, относилось к рядовым набегам, крупные военные мероприятия затягивались на более длительный срок, и даты выступления в такие походы, приводимые арабскими историками, далеко не всегда совпадают с теми, что указаны у Кудамы.

Маршрут большинства набегов и походов был одним и тем же: от Киликии по диагонали через центр полуострова к Константинополю или Эгейскому морю. На этом пути нападению чаще всего подвергались Ираклия, Аморий и Дорилея. Приморские районы справа и слева от этой столбовой дороги меньше страдали от набегов. Средиземноморское побережье иногда подвергалось нападениям с моря, а черноморское, кажется, вообще не затрагивалось арабскими набегами. Общепринятое мнение, что в 863 г. Умар ибн Убайдаллах дошел до Черного моря у Самсуна (Амис), представляется ошибочным, с большей вероятностью Амисос можно отождествить с Амасией.¹⁰ Видимо, из-за большей безопасности северной полосы через нее проходила почтовая дорога от Камаха до Константинополя, которую описал один участник переговоров об обмене пленных. Кстати, он отмечает, что перегоны на византийской почте вдвое короче, чем в Халифате — на один фарсах (6 км),¹¹ что можно объяснить тем, что почтовые лошади были не государственными, а принадлежали местным жителям, для которых почтовая гоньба была особой повинностью.

Пожалуй, нигде в мире граница между двумя великими державами не была столь беспокойной. За три столетия противостояния Византии и Халифата наберется не более сотни спокойных лет.

Несмотря на это, Халифату не удалось продвинуть свои владения западнее Тавра. Это можно объяснить военно-организационным превосходством Византии и большей жизнестойкостью государственного организма. Если это и так, то Византия все же больше вынуждена

¹⁰ А. А. Васильев безоговорочно отождествляет Амисос с Самсуном (Византия и арабы. Политические отношения за время Аморийской династии. Т. 1. СПб., 1900. С. 20, 1, прим. 1). В «Истории Византии» этого отождествления нет, но говорится, что город Амис расположен на берегу Черного моря (История Византии. Т. 2. М., 1967. С. 188), упомянутая там история о сечении моря плетью — явно книжная выдумка.

¹¹ *Opus geographicorum auctore Ibn Haukal (Abu-'l-Kasim Ibn Haukal al-Nasibi) secundum textum et imagines... edidit J. H. Kramers. Lugduni Batavorum. Lipsiae, 1938. P. 165-167.*

была обороняться, чем наступать, и никогда византийские войска не приближались к столицам Халифата, хотя расстояние от границы до Константинополя ровно такое же, как до Багдада, а до Дамаска меньше в полтора раза. Арабы не могли закрепиться в Малой Азии, не колонизируя ее, но попытки переселения, если не считать гарнизонов некоторых городов, нам неизвестны. Существовал какой-то барьер, психологический, экономический или демографический, который препятствовал этому, хотя во время войн происходили перемещения значительных групп людей. Так, славяне, перешедшие на сторону арабов в 664 г., поселились в Селевкобеле около Апамеи, часть арабов-христиан племени таглиб переселилась из Месопотамии в Малую Азию. Лишь появление на Ближнем Востоке сельджуковских туркмен, активно стремившихся к освоению новых территорий, существенно изменило этно-конфессиональный состав населения Малой Азии и продвинуло границу распространения ислама далеко на запад, но это уже не имело отношения к Халифату.

Непрерывные войны, разорявшие Малую Азию, в общегосударственном масштабе были мало выгодны и Халифату. Конечно, мелкие набеги отрядов из пограничных округов приносили им добычу, окупавшую риск и расходы на экипировку и вооружение, но крупные военные экспедиции вряд ли покрывали расходы на их организацию, да и сами пограничные округа были обузой для государственных финансов. По сведениям Кудамы, Сирийский и Месопотамский округа не только не перечисляли часть налогов в центральную казну, но и получали дотации для организации походов, в общей сложности 70 тыс. динаров.

Организация серьезной военной экспедиции требовала во много раз более крупных затрат. Так, ар-Рашид, собрав девяностопяти-тысячное войско в 782 г., израсходовал 194 450 динаров и 21 414 800 дирхемов (около 1430 тыс. динаров), что равнялось сумме налоговых поступлений из Египта. В результате этого похода Византия обязалась ежегодно выплачивать дань в 70 000 или 90 000 динаров (двумя выплатами: 1 апреля и 1 июня), то есть расходы казны на организацию похода покрывались бы только за 18–20 лет. Правда, кроме того было утнано 5643 пленных, 20 000 верховых животных, зарезано и съедено 100 000 голов скота (что, конечно, в прибыль зачислить нельзя). Однако большая добыча снизила цены, так что скот и оружие воины продавали за бесценок.¹² В отличие от них

¹² *Annales quod scripsit... at-Tabari*, ser. III. P. 504–505. Случаи распродажи богатой добычи по очень низким ценам хорошо известны, но

халифу не было нужды делать то же самое с причитающейся ему 1/5 добычи. Однако и по нормальной цене его доля рабов и скота не превысила бы 100 000 динаров. Правда, сюда следует добавить стоимость неизвестного нам количества изделий из драгоценных металлов, дорогой утвари и тканей. И все же, думается, подобный, прибыльный для участников поход вряд ли был таковым для государственной казны. В дебете оказывался лишь престиж и несколько лет перемирия.

Мы знаем после этого еще только два таких же масштабных похода, возглавляемых халифами: ал-Мамуна в 831 г. и ал-Мутасима в 838 г. После этого ведение военных действий на границе было всецело в руках командующих пограничными округами. Во второй половине IX в. начинается распад Халифата, халифам уже не до завоеваний. Из-под их непосредственной власти выходит вся Северная Африка, Иран и Средняя Азия. Оставшуюся территорию приходится защищать, борясь с многолетним восстанием рабов-негров в Южном Ираке и отбиваясь от натиска карматов из Аравии. Вдобавок военачальники из тюркских гвардейцев-рабов (гулямов) оказывались совершенно неуправляемыми. Так, в конце 900 г. ал-Мутаид вынужден был возглавить войско, чтобы перехватить евнуха Васафа, намеревавшегося уйти на византийскую территорию через Айн Зарбу. Самое примечательное в этом эпизоде, что халиф, заподозрив в чем-то жителей киликийского пограничья, сжег все морские суда в Киликии. «И было среди этих судов около пятидесяти старых, на которые были израсходованы большие средства, подобных которым в это время не строили. Они были сожжены, и повредило это мусульманам и ослабило их, а румы благодаря этому усилились и обезопасились от набегов с моря».¹⁸ Этот эпизод показывает, насколько внутренние проблемы в это время были важнее поддержания активности на границе.

В начале X в. борьба еще идет на равных, успех оказывается то на одной, то на другой стороне, а иногда ощутимые удары наносятся одновременно. К сожалению, арабские историки, в основном черпавшие сведения из багдадского окружения, плохо представляли происходившее вдали от животрепещущих иракских событий. Да и сообщения с западной границы зачастую приходят из вторых рук.

в данном случае дешевизна явно преувеличена, чтобы подчеркнуть изобилие доставшейся добычи (лошадь — 1 дирхем, кольчуга — 1 дирхем, 20 мечей — 1 дирхем).

¹⁸ *Tabari...* Ser. III. P. 2200.

Так, под 904 г. глухо сообщается о нападении большой византийской армии (якобы стотысячной, что явно преувеличено), одновременно некий гулям Зирафа напал на Анталию, убил 5000 византийцев, примерно столько же взял в плен и, захватив 60 судов, увез на них богатую добычу.¹⁴ В том же году, как известно из византийских источников, египетская флотилия напала на Фессалонику, захватив богатую добычу и много пленных. В 910 г. византийцы высадились в Лаодикии (Латакии) и захватили много пленных. Но в том же году Дамиан, один из мусульманских военачальников Тарсуса, высадился на Кипре под предлогом нарушения киприотами договора, согласно которому они должны были сохранять нейтралитет и платить налоги пополам Византии и Халифату.¹⁵ Через четыре месяца Дамиан покинул остров, а в 906 г. на него высадились византийцы.

Во второй четверти X в. начинается неуклонное наступление Византии. Весной 926 г. была захвачена и разграблена Малатийя (Мелитена), беженцы из нее умоляли халифа о помощи, но она последовала только после того, когда в следующем году византийцы захватили Сумайсат (Самосату), взяв много пленных и переделав мечеть в церковь. В 942 г. византийцы захватили Арзан и Майафарикин, угрожая непосредственно Джазире (Северной Месопотамии). Взяв большое число пленников, император предложил халифу ал-Муттаки обменять их на образ Нерукотворного Спаса, хранившийся в соборе Эдессы. На совете у халифа большинство было против этого, указывая, что икона издавна хранится здесь и до сих пор ни один император не требовал ее вернуть. Только авторитет Али ибн Исы, вазира нескольких халифов, убедил присутствующих, что праведнее освободить с помощью этой реликвии пленных мусульман.¹⁶ В ноябре 943 г. византийцы прорвались в сердце Джазиры, захватив Рас ал-Айн.

¹⁴ *Tabari...* Ser. III. P. 2249–2250; Сила Та'рих ат-Табари, ли Ариб ибн Са'д ал-Куртуби. Зуйул Та'рих ат-Табари, тахкик Мухаммад Абу-л-Фадл Ибрахим. Ал-Кахира, 1977. С. 15.

¹⁵ Мурудж аз-захаб ва ма'адин ал-джаухар тасниф... Аби-л-Хасан Али ибн Хусайн ибн Али ал-Мас'уди би тахкик Мухаммад Мухйи ад-дин. Дж. 4. Ал-Кахира, 1958. С. 309.

¹⁶ Ал-Мунтазам фи та'рих ал-мулук ва-л-умам. Дж. 6, Хайдарабад, 1357 (1938–1939). С. 331; Мухаммад ибн Абд ал-Малик ал-Исфгани. Такмила Та'рих ат-Табари, хаккакаху... Албарт Йусуф Кан'ан. Байрут, 1961. С. 135–136.

Обмены пленными, часто происходившие, когда сохранялось равенство сил, прекратились: теперь число пленных мусульман немногим превосходило число пленных византийцев. Единственное, что смог предпринять Али ибн Иса, — отправить в 944 или начале 945 г. антиохийского патриарха и иерусалимского католикоса в Константинополь просить улучшить их содержание.¹⁷ Эта инициатива оказалась последним проявлением политической самостоятельности халифов: с февраля 946 г. хозяевами положения в Багдаде стали буидские эмиры, оставившие им лишь тень духовного лидерства.

С середины X в. начинается неуклонное продвижение византийцев вглубь мусульманской территории. Осенью 949 г. был взят и разрушен Феодосиуполь (Каликала, Арзрум), остававшийся глубокой занозой в тылу византийской армии. За этим последовал разгром важнейших опорных пунктов мусульман в Киликии: Тарсуса, Масисы, Аданы и Айн Зарбы. Многие тысячи их жителей были обращены в рабство, оставшиеся искали спасения в бегстве. Однако византийцы, как прежде арабы в Малой Азии, не закреплялись в завоеванных городах, а, совершая глубокие рейды, возвращались на свою территорию, поэтому упомянутые центры завоевывались по нескольку раз. Вершиной успехов византийской армии было покорение Халеба (962), обязавшегося платить ежегодную дань. Передовые отряды византийцев достигали Химса и Латакии.

Для нас интересны не перипетии военных действий, достаточно хорошо изученные, а реакция на эти поражения мусульманского мира за пределами театра военных действий и государств, втянутых в эту войну, реакция не проигравших государей или участников сражений, а общества в целом. Ведь это были не просто военные неудачи, а победы христианства над исламом. Имеющиеся сведения говорят о почти полном безразличии общества за пределами непосредственно пострадавших районов. Конечно, халифы, находившиеся в полной зависимости от Буидов (в том числе и в финансовой), не могли возглавить священную войну, но выступить с призывом к ней никто не возбранял, однако о такой инициативе халифов сведений не имеется. Наши источники не упоминают даже об агитации за это со стороны влиятельных духовных авторитетов. Известны лишь две стихийные вспышки в городских низах.

Первое антихристианское выступление, вызванное византийскими победами, произошло 4 марта 960 г. в Фустате после получения известия о жестокостях византийцев в Северной Сирии. Толпа воз-

¹⁷ *Ал-Мунтазам...* Дж. 6. С. 352—353.

муценных горожан пошла к мелькитской церкви св. Михаила, разбила двери, надругалась над ней и разграбила все, что в ней было. Разгоряченные погромщики заодно разгромили и яковитскую церковь, не имевшую никакого отношения к византийскому христианству. 10 марта после пятничной молитвы толпа простонародья, распаленная агитаторами, начала с грабежа богачей и кончила повторным разгромом церкви св. Михаила, добавив к этому погром церкви Девы Марии в Рас ал-Халидж. Под давлением этих событий ихшидидский правитель Египта Кафур объявил поход против Византии, но это мероприятие вскоре окончилось трагикомически: большой военный корабль, предназначенный для экспедиции против Византии, при спуске на воду опрокинулся на другой, стоявший по соседству, наполненный зеваками, желавшими посмотреть на спуск корабля. Пострадали и другие стоявшие рядом суда. В результате погибло около 500 человек, Фустат погрузился в траур и ни о каком походе больше не было и речи.

В следующем году, под Вербное воскресенье, 29 марта в ответ на известие о разрушении Никифором мечети на Крите, фустатцы вновь разгромили церковь св. Михаила, которая потом долго оставалась в запустении, а заодно несторианскую церковь св. Феодоры и яковитскую — Девы Марии. Разбушевавшуюся толпу пришлось усмирять силой оружия.

В 964 г. в Сирию для борьбы с «румами» прибыл отряд хорасанцев, все участие которого свелось к совместному с Сайф ад-даулой походу к Масисе, после чего хорасанцы бежали от голода и дороговизны в разоренных областях пограничья и Северной Сирии.¹⁸

Конечно, возглавлять священную войну должен был бы духовный глава мусульман, халиф, но он к этому времени превратился в игрушку в руках буйдских султанов. В начале 973 г., когда в Багдаде появились беженцы из Нисибина и других районов Северной Месопотамии, пострадавших от нападения византийцев, их рассказы взбудоражили багдадцев, и без того постоянно схватывавшихся то друг с другом из-за религиозных разногласий, то с полицией и гвардейцами. Толпа горожан, возмущенная бездействием властей, сорвала торжественное пятничное моление, сокрушила кафедры проповедников в двух главных мечетях и двинулась к халифскому дворцу. Прорваться к нему не удалось и, поломав несколько окон в дворце,

¹⁸ Histoire de Yahya ibn Sa'id d'Antioche continuator de Sa'id ibn Bitriq. Ed. et trad. en français par I. Kratchkovsky et A. Vasiliev. Paris, 1924. P. 81–83 (779–781), 96 (794). [Patrologia Orientalis, t. 18].

толпа отступила под градом стрел со стен дворца и пошла громить дома и лавки своих врагов.

Делегация почтенных горожан поехала к буидскому султану, тепившемуся охотой. Изз ад-даула пообещал организовать поход против врагов ислама и увести разгулявшуюся городскую чернь, но перепоручил его подготовку вазиру. Наскоро собранное ополчение в ожидании похода ввязалось во внутригородские распри и, по словам историка, причинило больший вред, чем могли бы нанести враги.

Прибывший в Багдад Изз ад-даула потребовал от халифа денег на организацию похода. Халиф с обидой ответил, что его лишили всего, кроме упоминания имени в пятничной молитве. В конце концов халиф продал часть дворцовых сокровищ и вручил ему 400 000 дирхемов. Какая часть осталась у Изз ад-даулы, а какая все-таки была истрачена на снабжение ополченцев, история умалчивает. Неясна и дальнейшая судьба этого войска. Согласно одним сведениям, многочисленное «как песок» ополчение простонародья одержало победу над византийцами и взяло в плен их командующего; согласно другим — разгромил доместика и взял его в плен 2 шаввала 362/6 июля 973 г. при возвращении через горный проход хамданидский наместник Амида и Хибаталлах ибн Насир ад-даула.¹⁹

Эти примеры показывают, насколько выветрилась из общественного сознания идея победы над Византией в целях окончательного торжества ислама. Распад Халифата на множество государств и мелких владений создал массу линий противостояния внутри самого мусульманского мира, и эти конфликты были острее и ощутимее, чем между мусульманским и христианским миром в целом. Даже внутри Багдада враждебность между шиитами и суннитами была острее, чем между мусульманами и иноверцами. Случавшиеся иногда антихристианские выступления в Багдаде порождались не общей идеей,

¹⁹ The Experiences of the Nations by Miskawaihi. Arabic text ed. by H. F. Amedroz, vol. 2, Oxford, 1920. P. 303–306; *ал-Мунтазам*. Дж. 7. С. 59–60; *ал-Хамадани*. С. 210–211; Мискавайх в отличие от других датирует это событие 361 г. х. (971–972). В пользу датировки их 362 г. х. (972–973) говорят слова Абу Хаййан ат-Таухиди, прозвучавшие в беседе в период 983–986 гг.: «Румы обрушились на мусульман и дошли до Нисибина в огромном множестве, больше, чем когда-нибудь, и было это в конце шестьдесят второго года. И испугались люди в Мосуле и его окрестностях...» (*Абу Хаййан ат-Таухиди*. *Китаб ал-имта' ва-л-му'аниса*. Саххахаху... Ахмад Амин ва Ахмад аз-Зайн. Дж. 3. Бейрут, 1953. С. 151. О победе над доместиком 2 шаввала этого года (7 июля 973 г.) в горном проходе у Масура сообщается: *ал-Хамадани*. С. 211.

а конкретными причинами, чаще всего ненавистью к слишком исполнительным финансовым чиновникам-иноверцам и более зажиточному христианскому и еврейскому населению, на защиту которого, как правило, вставали власти.

Апокалиптические идеи последнего и решительного боя с христианской империей перед концом света покинули даже умы духовной элиты ислама. Идеологическое соперничество приобрело форму неполитической экспансии на языческие территории. Византийское христианство идейно покорило тюркок-булгар (этот процесс отчасти шел на Балканах параллельно с их ославяниванием), а затем стало завоевывать позиции в Северном Причерноморье. Параллельно с этим ислам постепенно утверждался в Кавказской Албании (Арране) и Дагестане, а в 921–922 гг. совершил рывок далеко на север, став государственной религией болгарского царства на Волге. Это было последним проявлением политического авторитета Халифата как великой державы. Дальнейшее распространение ислама среди тюркских народов, продвигавшихся по великому степному коридору из Заволжья на Запад, было делом проповедников-добровольцев. Немалую роль в успехе этой пропаганды играли льготы, которыми пользовались мусульманские купцы из этих краев в Иране и Ираке по сравнению с иноверцами.

Специфика отношений между Халифатом и Византией определила характер сведений, дошедших до нас в сочинениях арабских авторов, — они в подавляющей массе касаются военных действий либо определяются ими. Так, широко известные сведения Ибн Хурдабиха о Византии касаются лишь той полосы Малой Азии, протянувшейся от Киликии до Босфора, которая была постоянным театром военных действий; все, что находится за ее пределами южнее и севернее, автор совершенно не затрагивает. Ибн Хурдабих, как начальник почтовой службы Халифата, то есть человек, через которого проходила вся важнейшая информация, должен был бы использовать в своем сочинении обширные и проверенные официальные сведения, но вместо этого его основным источником оказывается Муслим ибн Абу Муслим ал-Джарми, побывавший в византийском плену в начале 40-х гг. IX в.

Подобной информации, основанной на личных впечатлениях, за три столетия должно было накопиться немало, но в арабской географической литературе зафиксировано лишь несколько сообщений. Кроме Муслима мы знаем еще одного знатного пленного, содержавшегося в императорском дворце, Харуна ибн Йахйу. Его описание Константинополя, императорского дворца и праздничного выхода императора хорошо известно и не нуждается в пересказе. Стоит

отметить только восторженный тон рассказа и связанные с этим преувеличения. Так, размеры Константинополя оказываются у него 12 фарсахов на 12 фарсахов (72 км на 72 км), окружность дворца — фарсах; несомненно, преувеличено число различных дворцовых служителей, в четырех монастырях под Константинополем, по его словам, находилось 12 000 монахов.²⁰

Это очень любопытно психологически — пленник восторженно описывает богатство и могущество врага своей веры, которого арабские авторы нередко именуют просто «тиран» (тагийя). Отчасти это можно объяснить желанием рассказчика поразить воображение слушателей необычностью виденного, но за этим угадывается еще существование своеобразного рыцарского этикета, предполагавшего уважительное отношение к достойному и равному противнику. Это тем более вероятно, что рассказчик был не рядовым пленником из числа тех, кого использовали на тяжелых работах, а знатным человеком, которого после прибытия кораблей с пленными из Аскалона везли в Константинополь на почтовых, а потом вместе с другими знатными пленниками удостоивали праздничной трапезы во дворце.

Двойственное отношение к противнику прослеживается и в письменных источниках. Так, с одной стороны ар-Рашиду приписывается бранный ответ на послание Никифора: «Во имя Аллаха, Милостивого и Милосердного. От Харуна, амира верующих, Никифору, румскому псу. Я получил твое письмо, сын безбожницы...». В другом случае отношение ар-Рашида к Никифору оказывается совершенно иным. Через три года после завоевания Иракии Никифор обратился к ар-Рашиду с просьбой освободить захваченную в плен невесту его сына и прислать благовоний. Халиф тотчас распорядился передать ее вместе с шатром и утварью, в котором она находилась, добавив к этому благовония и сладости (как принадлежность свадебного пира).²¹ Текст послания Никифора не подлинный (обращение и все обороты чисто мусульманские). Для нас здесь важно указать на факт взаимного уважения двух государей. В первом же случае ар-Рашиду приписано такое обращение к императору, какого по представлению благочестивого мусульманина заслуживал враг ислама.

К сожалению, ни одного образца подлинного или близкого к подлинному послания халифа к императору не сохранилось. Пространное

²⁰ Kitab al-a'lak an-nafisa auctore Abu Ali Ahmed Ibn Omar Ibn Rosteh et Kitab al-boldan auctore Ahmad ibn Abi Jakub... (Bibliotheca geographorum arabicorum, t. 7). Lugduni Batavorum, 1892. P. 119–130.

²¹ *Tabari*... Ser. III. P. 515–516, 696.

послание Умара II с вопросами к императору по поводу противоречий в христианском вероучении, безо всяких сомнений, плод фантазии христианского автора, хотя, быть может, какой-то обмен посланиями на тему истинности той и другой религии мог иметь место. Текст ответа ал-Мамуна на предложение Феофила о примирении выглядит довольно правдоподобно, но даже если это так, то в нем отсутствует наиболее важный для нас в данном случае элемент — обращение.²² Его отсутствие вряд ли можно считать случайным: уважительное титулование главного врага ислама было неприемлемо для историка. Нельзя сомневаться в существовании четко выработанного этикета обращения к равному по положению государю-иноверцу, но эта была тема, неприятная для самосознания мусульманских авторов. Недаром же в специальном трактате Хилала ас-Саби о придворном этикете «Установление двора халифов» (где подробно рассматриваются различные варианты обращения к халифу) обращения к иным государям отсутствуют, точнее — эта тема вообще не затрагивается.²³

Пышность приемов, устраиваемых императорским послам, предполагает уважение к равному по рангу государю (хотя каждая сторона при приеме посольства старалась пышностью приема подчеркнуть свое превосходство). До нас дошло только одно описание приема императорского посольства в середине июля 917 г., восходящее к Сабиту ибн Синану ас-Саби, который мог присутствовать на нем.

Двух послов, сопровождаемых 20 служителями, разместили в Багдаде в богато обставленном доме, но на просьбу о приеме у халифа они получили ответ, что это возможно только после того, как они обратятся к вазиру, чтобы тот испросил согласия халифа. В соответствии с этим послы прибыли на прием к вазиру мимо многочисленной нарядно одетой стражи по залам и коридорам, украшенным коврами и тканями, изложили цель своего приезда, которая давно уже была известна, и вернулись в свою резиденцию. Только через три недели после прибытия в Багдад послы были удостоены аудиенции у халифа. Описание числа выстроенных вдоль пути следования по-

²² История халифов вардапета Гевонда писателя VIII в. Перевод с армянского. СПб., 1862. С. 29–33. Об ответе ал-Мамуна: *Tabari*, ser. III. P. 1109–1111 (перевод: *Васильев*. Византия и арабы. Т. 1, приложение. С. 25–26).

²³ *Хилал ас-Саби*. Установления и обычаи двора халифов (Русум дар ал-хилафа). Перевод с арабского, предисловия и примечания И. Б. Михайловой. М., 1983.

слов гвардейцев и слуг различных разрядов, числа ковров и их цены представляет для авторов повествований главный интерес.

В приемном зале послов поставили в значительном отдалении от халифа (будто бы в ста локтях), переводчик, сопровождавший их от границы, перевел их речь вазиру, а вазир передал его слова халифу. Ранг послов был определен тем, что им вменялось целование земли, от которого были избавлены, с одной стороны, высшие придворные чины и высокопочитаемые духовные лица, а с другой — те, кто в силу их ничтожества были ниже внимания халифа. После приема послы получили почетные одежды и по 20 000 дирхемов.²⁴

Халифские послы при всей разнице придворных традиций принимались примерно так же — император не удостоивал их личным обращением.²⁵

Более сдержанный рассказ о посещении Константинополя уполномоченным по переговорам об обмене пленными Абу-л-Хусейна Мухаммада ибн Абалваххаба ат-Теллмаузани сохранился в записи Ибн Хаукаля. Его поездка не датирована, но относится скорее всего также к началу X в. Четкость его рассказа, сопровождаемого указанием расстояний в днях пути, числа почтовых станций, мест содержания пленным в Константинополе, иерархии придворных чинов, позволяют думать, что по завершении миссии Абу-л-Хусейн составлял письменный отчет. Впрочем, также обстоятельно его повествование о маршруте похода в Малую Азию, в котором он принимал участие.

Интересны сведения Ибн Хаукаля о налогах и торговых сборах Анталии и Трапезунда, относящиеся к 30-м гг. X в., полученные им от Исы ибн Хабиба, который, судя по нисбе «ан-Наджжар» («столяр» или «торговец столярными изделиями»), был профессионально знаком с этой темой.²⁶

Активный интерес Ибн Хаукаля к подобной тематике объясняется его происхождением из Нисибина, оказавшегося в третьей четверти X в. в гуще арабо-византийских войн, и его занятиями торговлей, определившими круг его знакомств. Кстати, Телл Маузан, из которого происходил Абу-л-Хусейн, находился в каких-то 150 км от Нисибина.

²⁴ *Хулал ас-Саби*. Пер. С. 26; *Miskawahi*, vol. I. P. 53–55; *ал-Мунтазам*, дж. 6. С. 143–144; *Ариб*. С. 62; Та'рих Багдад ли-л-Хатиб ал-Багдади, дж. 1, ал-Кахира, 1931. С. 101–102.

²⁵ *Tabari*, ser. III. P. 1150–1151 (перевод: *Васильев*. Византия и арабы. Т. I, приложение. С. 57–58).

²⁶ *Ibn Haukal*. P. 195–199.

Если исключить свидетельства очевидцев о Малой Азии и Константинополе, то общегеографические представления о Византии и территориях, находившихся в сфере ее влияния, окажутся чрезвычайно туманными. Большинство сведений о европейской части Византии арабские географы черпали из арабского перевода географии Птолемея и, что даже более вероятно, из ее переработки ал-Хорезми, на что ал-Масуди прямо указывает как на свои источники. Из них попадает к ал-Масуди и Ибн Русте ряд греческих топонимов: «море Бунтус» (Понт), «Укийанус» (Океан), «залив Азрийос» (Адриатическое море) и т. д. Ибн Русте знает, что с «Бунтусом» соединяется «озеро Майутис» (Меотис, Азовское море), которое по размерам можно назвать морем, но считает, что река «Танис» (Танаис) не впадает в него, как прекрасно знали античные авторы, а вытекает из него.²⁷ При этом ни указанные два автора, ни другие арабские географы вплоть до ал-Идриси, пользовавшегося византийскими источниками, не знают о существовании Крымского полуострова (хотя ал-Идриси и упоминает несколько городов его южного побережья).

Ал-Истахри, зная о существовании Черного моря (Бунтус), в то же время считает, что Константинопольский пролив (Дарданеллы, Мраморное море и Босфор) тянется на север до «Окружающего моря», пересекая земли славян, что отражено и в общей круглой карте мира. Характерно, что Ибн Хаукаль, переработавший сочинение ал-Истахри и, как мы видим, добавивший уникальные новые сведения о Византии, слово в слово повторяет его фантастические сведения.

Конечно, дошедшие до нас средневековые арабские источники сохранили лишь незначительную часть тех сведений о Византии, которые имели ее современники в Халифате, точнее, которые были тогда же положены на бумагу. Эти остатки интересны не только конкретным содержанием, но и тем, что именно казалось мусульманскому образованному обществу важным и интересным для сохранения в процессе многочисленных переписок, переделок и компиляций. Больше интереса к византийским делам проявляли христианские авторы, писавшие как по-арабски, так и по-сирийски, поскольку церковные проблемы, возникавшие в Византии, эхом отражались и в жизни христианских общин Халифата.

Хуже всего сохранились те сведения, которые были бы нам наиболее интересны — о культурных взаимосвязях. Здесь мы в затруднительном положении, даже когда речь идет о взаимовлияниях в материальной культуре, бессловесные памятники которой несут в себе

²⁷ Kitab al-a'lak an-nafisa. P. 85–86.

несомненную объективную информацию. В памятниках VII – начала VIII в., которых, кстати говоря, чрезвычайно мало, отделить сирийские изделия от малоазиатских и предмусульманский импорт от импорта мусульманского времени вряд ли возможно, поскольку во второй половине VII в. местное население продолжало прежние производственные и художественные традиции, а завоеватели не принесли в эту сферу ничего своего.

Прекрасным примером византийского стиля на территории Халифата является дворец Хирбет ал-Мафджар около Иерихона, относящийся, по-видимому, к 40-м гг. VIII в.²⁸ Его планировка, скульптурный и мозаичный декор — ничто не свидетельствует о разрыве с византийскими традициями, и невозможно сказать, построен он местными мастерами или приглашенными из Византии (или пленными). Недаром воздвигнутую в 707 г. сирийскими и египетскими мастерами мечеть Медины в VIII в. считали творением византийцев.²⁹

В прикладном искусстве отделить византийские изделия от сиропалестинских или северо-месопотамских еще труднее, поскольку происходило их перемещение не только в процессе торгового обмена, но и в ходе военных действий, когда то одна, то другая сторона, захватывая добычу, увозила вещи далеко от места их бытования. Иногда при этом гибли выдающиеся произведения искусства; так, например, погибло одно из античных чудес света — Родосский Колосс. За десять веков, прошедших до момента, когда возникло понятие о музейных ценностях, погибли почти все предметы быта и украшения рассматриваемого времени; ничтожные остатки, дошедшие до нас, не позволяют проследить начало процесса выделения особого стиля мусульманского прикладного искусства, если на них нет арабских надписей. Даже наличие христианских символов не позволяет говорить о византийском происхождении предмета, так как и в Халифате большая часть ремесленников продолжала сохранять христианское вероисповедание.

Арабские источники не позволяют составить точное представление об объектах вывоза из Византии. Едва ли не единственный перечень товаров, поступавших из Византии, содержится в трактате «Рассмотрение товаров» (Табассур би-т-тиджара), приписываемом

²⁸ *Hamilton R. W. Khirbet al-Mafjar an arabic mansion Jordan valley. With an introduction by O. Grabar. Oxford, 1959.*

²⁹ *Jacut's geographisches Wörterbuch, aus den Handschriften herausgegeben... von F. Wüstenfeld. Bd. 4. Lpzg., 1869. S. 468.*

ал-Джахизу. «Из Рума привозят золотую и серебряную посуду, кайсаровские (“царские”) динары из чистого золота, лекарственные травы, шелковые ткани, парчу, горячих коней, рабынь, редкостные изделия из латуни, нескрываемые замки, лиры, специалистов по водоснабжению, агрономов, мраморщиков и евнухов». В другом месте упоминается ткань «abu каламун» и поясняется «это византийская царская переливающаяся ткань с карминно-красным фоном и различными фиолетовыми переливами по красному и зеленому. Утверждают, что ее цвет меняется в зависимости от времени дня и яркости солнца. Ее цена очень высока».³⁰

Этот краткий перечень товаров, поступивших из Византии в Халифат, позволяет систематизировать некоторые разрозненные факты и оценки.

Некоторое сомнение в нем может вызвать упоминание лиры среди товаров, закупавшихся в Византии. Подтверждение хорошему знакомству Халифата с византийскими музыкальными инструментами мы находим у ал-Масуди. Описывая инструменты разных стран, он пишет: «У румов из музыкальных инструментов есть “ал-аргал”, у него 16 струн и сильный звук, он происходит от древних греков (ал-йунанийун); и “ас-салбан”, у него 24 струны, а перевод его (названия) — “тысяча голосов”; и есть у них “ал-лура”, а это — ар-рабаб, она сделана из дерева и у нее 5 струн; и есть у них “ал-кисара” (кифара), у нее 12 струн; и есть у них “ас-саладж”, который сделан из телячьей кожи. Все эти музыкальные инструменты различного вида. И есть у них “ал-арган”, он с мехами из кожи и железа».

Более того, ал-Масуди знает, что некий «Финдарус ар-Руми» (Пиндар Византиец) отождествлял четыре струны своего инструмента с четырьмя «природами» (темпераментами): верхнюю с холерическим, вторую — с сангвиническим, третью — с флегматическим и нижнюю — с меланхолическим.³¹

Музыка при дворе халифов пользовалась большой любовью, и можно думать, что в ходу были не только местные, но и привозные инструменты.

Знаменательно упоминание использования механиков и строителей из Византии. Согласно расхожим представлениям арабов, византийцы были непревзойденными специалистами в этих областях.

³⁰ *Pellat Ch. Le Kitab al-Tabassur bi-l-tigara attribue a Gahiz.-Arabica. Vol. 1, 1954. P. 158-159.*

³¹ *Ал-Масуди, дж. 4. С. 221.*

Автор конца X в. ат-Таухиди передает рассказ о том, как группа любознательных басрийцев спросила перса Ибн Мукаффу, известного литератора и переводчика середины IX в., о том, какая нация превосходит всех своей мудростью, и ожидала, что он назовет персов. Однако Ибн ал-Мукаффа сказал: «Нет, они народ обучаемый и обучающийся, им дают пример и они подражают, им начинают дело и они его продолжают, нет у них изобретательности и добывания». Мы спросили его: «А румы?» Он ответил: «Нет, они не такие: у них крепкие тела, они строители и механики, кроме этого они ничего не умеют и ничего другого не делают лучше».³²

Представление о византийцах как прирожденных строителях и градостроителях прослеживается в некоторых исторических анекдотах. В анонимной «Книге везирства» (конец XI в.) рассказывается, что ал-Мансур знакомил византийского посла, патрикия, с новопостроенным Багдадом, а затем спросил, какие тот видит недостатки. Посол (патрикий, ал-битрик) сказал, что из-за отсутствия мельницы в городе в случае осады наступит голод, и кроме того посоветовал вынести из города базары, чтобы лучше сохранялись государственные тайны. Халиф попросил посла выстроить мельницу, которая так и стала называться «мельница патрикия» (ал-арха ал-битрикийя), а потом переселил базары в пригород Карх. Рассказ не имеет исторической ценности и построен на народной этимологии, так как «батрик» по-арабски также «патриарх» и мельница была построена или принадлежала патриарху; для нас он важен тем, что подтверждает представление о византийцах как талантливых строителях и людях, понимающих в градостроительстве. Подобная история о византийском после как эксперте по градостроительству, хотя и в несколько иной ситуации, рассказывается также в «Истории Багдада» Хатиба ал-Багдади.³³

Действительно, долгое время арабы уступали византийцам в технических знаниях, тем более что большинство по-гречески образованных горожан при приходе арабов покидали завоеванные ими города и уезжали в Византию. Это превосходство особенно ощущалось в области военной техники. Первые десятилетия походов на Малую Азию в арабской армии не было специалистов по изготовлению осадных орудий. Иногда им удавалось найти местных мастеров, хотя и не

³² *Абу Хайян*, дж. 1. С. 71.

³³ *Китаб ал-визарат*, рук. библиотеки им. Кириллы и Мефодия (София), № Ор 1692, л. 18 об.; Та'рих Багдад та'лиф Аби Бакр Ахмад... ал-Хатиб ал-Багдади, дж. 1, ал-Кахира, 1931. С. 91.

высокой квалификации.⁸⁴ Изобретение горючей смеси, выбрасываемой из сифонов, сразу же восстановило равновесие сил на море и спасло Константинополь в самый трудный момент. Кстати, изобретатель был жителем Баалбека (Гелиополя), бежавшим в Византию. Но конечно, на территории Халифата были и другие химики и механики, которые работали на него.

Уже в конце правления Умаййадов начальник египетских арсеналов, некий Абдаррахим, изобрел противопожарную пропитку для судов и их парусов, которая снизила потери арабского флота от «греческого огня». Это изобретение получило достаточно широкое применение: метатели зажигательных бомб («наффаты») получили невоспламеняющуюся одежду, пропитанную тем же или аналогичным составом. Уникальное упоминание ее сохранилось в «Книге песен» ал-Исфахани. Рассказывается, что при движении армии ар-Рашида к Константинополю византийцы устроили на дороге в горной теснине лесной завал и подожгли его, «и был первым, кто надел одежду наффатов и прошел через него, Мухаммад ибн Йазид ибн Мазйад, и последовали за ними люди».⁸⁵ Рассказ, несомненно, относится к походу ар-Рашида в 806 г. на Ираклию, в котором Мухаммад ибн Йазид командовал авангардом.⁸⁶

Это было время, когда в Халифате началась интенсивная переводческая деятельность, достигшая расцвета при ал-Мамуне (813–833), создавшем специальное учреждение — «Дом мудрости», в котором работали десятки переводчиков с греческого, сирийского и среднеперсидского. Среди них было немало ученых, прославившихся в различных отраслях науки. Ал-Мамун был среди халифов редким примером искреннего интереса к науке, особенно к астрономии и тесно связанной с ней математике. По его инициативе впервые со времени Птолемея было проведено измерение градуса меридиана, чтобы узнать истинные размеры земного шара. Толчком к этому послужило указание в каком-то астрономическом сочинении, переведившемся с греческого, что длина градуса равна 500 стадиям, но никто из переводчиков не знал величины этой единицы. Тщательное измерение на синджарской равнине дало длину

⁸⁴ Ср.: The Seventh Century... P. 34.

⁸⁵ History of the Patriarchs of the Coptic Church of Alexandria. Ed. Evetts. Patrologia Orientalia, t. V. P. 119 (373); *Абу-л-Фарадж ал-Исфахани*. Китаб ал-агани, Бейрут, 1964, дж. 18. С. 240.

⁸⁶ Та'рих фл-Маусил та'лиф Аби Закарийа... ал-Азди, тахкик Аби Хубайси. Ал-Кахира, 1967. С. 308.

в 56 миль (112 км),³⁷ что отличается от современных данных лишь на 0,9%.

Примечательно, что интерес к подобным проблемам не оставлял ал-Мамуна даже во время похода в Малую Азию. Где-то по пути было предпринято измерение радиуса Земли геометрическим способом. Данные, полученные при этом, неизвестны, но 200 лет спустя ал-Бируни повторил измерение тем же методом и получил размер радиуса в 12 803 тыс. локтей (около 6400 км) и градуса — около 222 000 локтей. По инициативе ал-Мамуна астрономы провели измерение не только широт крупнейших городов Халифата, но и долгот — методом разницы во времени наступления солнечного затмения.³⁸

Средневековые арабские ученые широко использовали труды античных предшественников, но добавили к этому знания и методы иранских и индийских ученых, что позволило точным наукам Халифата выйти на первое место в мире (если не считать Китая).

Факт зависимости арабской науки от трудов античных авторов общеизвестен, неясно только, какими путями знакомились с ними ученые Халифата, каким путем попадали они в руки переводчиков, был ли это в основном тот круг книг, которые оказались на территории Халифата после завоеваний, с этим связан и другой вопрос: о степени влияния византийской (VI–IX вв.) науки на развитие арабской. Охотно признавая авторитет античных ученых, арабские авторы совершенно не упоминают своих византийских современников. Самые поздние авторы из переведенных на арабский язык, жившие в VI в. н. э., происходили из Александрии, и их труды скорее всего были найдены в Египте, а не привезены из Византии.

Единственный византийский ученый того периода, который мог оказать влияние на арабскую науку, — Лев Математик, современник ал-Мамуна и ал-Мутасима, которого ал-Мамун будто бы приглашал к себе, прослышав о его учености. Судить о его знаниях мы не можем, так как сведения о его жизни полулегендарны, а подлинные труды не сохранились.³⁹ Каких-либо приглашенных в «Дом мудрости» византийских ученых арабские авторы не упоминают, хотя случайно

³⁷ Тахдид нихайат ал-амакин ли-тасних масафат ал-масакин ли-л-Бируни. — Маджалла ма'хад алмухтатат ал-арабийя, адад ал-хасс, мадж. 8. Димашк, 1962. С. 213–214, 220.

³⁸ Указ. соч. С. 222–223.

³⁹ *Липшиц Е. Э.* Очерки истории византийского общества и культуры. VIII–первая половина IX века. М.; Л., 1961. С. 338–359.

попадавшие в плен образованные греки могли внести определенный вклад в ознакомление арабов с сочинениями на греческом языке.

Во всяком случае, по представлениям арабов, византийцы в отличие от древних греков не были нацией ученых. Это представление четко сформулировал ал-Масуди. «Не переставали существовать высокая мудрость во времена древних греков (йунанийун) и некоторое время в румском царстве, возвеличение ученых и почитание мудрецов. Имелись у них суждения о темпераментах и теле, и разуме, и душе, и изучение четырех [наук], а именно: ал-аритметики, а это — наука о счете, ал-джуметрики, а это — наука землемерия и механики, (ал-хандаса) и ал-астронумийи, а это — наука о звездах, и ал-мустики, а это — наука о составлении мелодий. И не переставали эти науки быть в действии (букв. “их базар был оживленным”), освещающими страны, сильными в обучении, крепкими в защите, высокой постройки до тех пор, пока не появилась христианская вера в ар-Руме и стерлись знания мудрости, исчезли их следы, и пропали их пути, и пропало то, что выяснили древние греки и что выявили их предшественники».⁴⁰

Вряд ли эту оценку состояния науки в современной ал-Масуди Византии можно списать на счет антихристианских настроений. Отмеченное им отрицательное влияние христианства очевидно и современным исследователям. Любопытно другое — почему в Халифате, начинавшем с более низкого уровня науки и очень неразработанной религиозно-философской системы, произошел подъем науки. В известной мере сыграли роль личные вкусы ал-Мамуна, но развитие ее не прекращалось и после его смерти. Да и вообще влияние отдельной личности, даже обладающей большой властью, не может преодолеть инерцию общества, если векторы движения не совпадают.

На наш взгляд, подъему науки в Халифате в IX–X вв. способствовало именно отсутствие в исламе в ту пору разработанной религиозно-философской системы. Религия и наука существовали параллельно, мусульманская идеология не поднялась еще до того уровня, когда она могла оказывать идеологическое влияние. Оно стало ощущаться только в XI в., когда развитие науки в мусульманских странах явно замедлилось, и ситуация в них стала подобной той, которая сложилась ранее в Византии.

На этом можно закончить заметки о взаимоотношениях Византии и Халифата и путях их развития. В заключение только хочется

⁴⁰ *Ал-Масуди*, дж. 1. С. 321.

поставить вопрос для дальнейших раздумий: христианская Западная Европа в XIII в. охотно осваивала достижения арабской науки через Андалусию, а как относилась к ним Византия, расположенная бок о бок с крупнейшими культурными центрами арабского мира? Мешали знакомству с ней идеологические шоры или пояс государств крестоносцев? Ответ на этот вопрос требует, однако, глубоких исследований, а не беглых заметок.

В. А. Арутюнова-Фиданян

ВИЗАНТИЯ И АРМЕНИЯ В X—XII вв.: ЗОНА КОНТАКТА

Существование любого полиэтничного государственного образования влечет за собой создание контактных зон. Под термином «контактная зона» я понимаю не просто лимитрофные территории, где существуют, не смешиваясь, этносы и их культурные системы, не анклав с автономным развитием, а органичную и жизнеспособную структуру со своими законами и своеобразием культурного облика. Возникновение такого рода структур, как правило, тесно связано с существованием и деятельностью на их территориях носителей открытых культур, обеспечивающих равновесие эволюционного развития. Лимитрофные территории, по моему мнению, только тогда становятся контактными зонами, когда образуют не только государственно-политическое, но и культурное пространство, и когда в этом пространстве существуют и развиваются феномены, являющиеся результатом синтеза культур.

Среди капитальных достижений новой историографии находится и переоценка роли византийской цивилизации в истории мировой культуры. Новая концепция «византийского сообщества государств», члены которого составляли государства, находившиеся в церковной и политической зависимости от Константинополя, разработанная Д. Оболенским,¹ отличается от прежнего последовательно хронологического описания взаимоотношений Византии с сопредельными странами, но продолжает сохранять традиционную односторонность

© В. А. Арутюнова-Фиданян.

¹ *Obolensky D. The Byzantine Commonwealth. L., 1971.*

византийского универсализма. Проблема встречного влияния соседних стран на Византию, вопросы взаимодействия социальных, экономических, административных и религиозных институтов Византии с соответствующими институтами сопредельных стран недостаточно разработаны в новейшей историографии.²

Армяно-византийскую контактную зону следует считать парадигмой «развернутой» контактной зоны (развернутой как в пространстве, так и во времени). Армяно-византийская контактная зона возникла в условиях не отвлеченных и далеких культурных взаимовлияний, когда государства и народы общаются в процессе войны и торговли, через купцов, солдат и дипломатов, а в тесном межэтническом и межгосударственном общении, в результате взаимодействия Византийской империи с армянским этносом, организованным в государственнополитические образования. Возникшая в ходе этих контактов структура позже была перенесена армянскими переселенцами в Сирию, Месопотамию, Киликию.

Тысячелетние (унаследованные от Рима) отношения Византии и Армении в определенной мере уникальны. Армения бывала в разное время и восточной соседкой, и вассальной страной на Востоке, и частью восточных провинций империи. Политические границы Армении и Византии всегда были нестабильны, а культурные — прозрачны. Благодаря усилиям византийцев и арменоведов стало банальным суждение о том, что ни одно государство не оказало такого влияния на все стороны жизни армян, как Византия, а армяне, в свою очередь, играли значительную (если не вторую после греков) роль в жизни Византийской империи.

² Хотя существуют труды В. Д. Королюка о дунайской границе Византии, К. Азрахи о Родопах, Э. Брайера о Понте, однако у этих исследователей лимитрофы империи — скорее полиэтничные территории, нежели контактные зоны (в том смысле, в каком я понимаю этот термин). Контактная зона должна быть полиэтничной территорией, но не всякая полиэтничная территория может быть контактной зоной, т. е. местом возникновения феноменов, являющихся результатом не просто сосуществования, но взаимовлияния культур. Термин «контактная зона» полисемантичен, поэтому его значение в каждом исследовании должно быть оговорено прежде всего. В. Д. Королюк, который ввел этот термин в отечественную науку, употребляет выражение «контактная зона» для обозначения переходной территории от варварской периферии к империи. (В. Д. Королюк. О так называемой «контактной» зоне в Юго-Восточной и Центральной Европе периода раннего средневековья. — В кн.: Юго-Восточная Европа в средние века. Кишинев, 1972).

В настоящее время в центрах отечественного и зарубежного кавказоведения, византиноведения и ориенталистики (Ереван, Москва, Петербург, Вена, Венеция, Париж, Нью-Йорк и т. д.) интенсивно исследуются многогранные аспекты политических, экономических и культурных отношений Армении и Византии. Армяно-византийские отношения в самом конспективном плане обычно делят на три этапа. Первый охватывает отношения Восточноримской империи и Армении доарабского периода (до начала VII в.). Второй этап хронологически укладывается в рамки с конца IX (восстановление армянской государственности и постепенная аннексия армянских земель Византией) до 1071 г. (поражение империи при Манцикерте). И, наконец, третий этап — взаимоотношения Византийской империи и Киликийского армянского государства.

Разумеется, эта периодизация отражает изменения в государственных связях Византии и Армении, взаимоотношения же Византии и армянского этноса периодизации не поддаются, представляя собой практически непрерывный процесс.

Эмиграция армян в империю началась вскоре после византийско-персидского раздела 387 г., значительно усилилась в эпоху арабского владычества, приобрела постоянный и организованный характер после установления власти Византии в Армении (X–XI вв.) и стала массовой при сельджуках (с середины XI в.).

Суммируя основные итоги многочисленных исследований по проблеме этнической ситуации в Малой Азии, П. Харанис заключает, что наиболее значительным этносом из «non greek speaking» были здесь армяне.³ Они составляли большую часть населения в Понте, в фемах Армениак, Халдия, Колония и Севастия, в землях, находящихся в пределах Малой Армении, где, несмотря на «прогресс процессов эллинизации, армянский язык не уступил греческому».⁴ От границ Великой Армении до берегов Средиземного моря армянский этнос занимал место достаточно значительное, чтобы в конце XI в. в Киликии возникло армянское княжество Рубенидов.

По мере продвижения Византии в Армению царям и князьям Васпуракана, Ширака, Карса предлагалось обменивать свои родовые земли на области империи вдоль ее малоазийских границ. Вместе с Арцрунидами, Багратидами и другими владельцами на новые зем-

³ *Charanis P. Observations on the Demography of the Byzantine Empire // Studies on the Demography of the Byzantine Empire. Variorum reprints. L., 1972. P. 19.*

⁴ *Idem. The Armenians in the Byzantine Empire // Studies. P. 197, 204.*

ли уходили их военные дружины и часть населения. Иными словами, именно в то время, когда армянские земли вошли в состав христианской державы и угроза физического уничтожения христиан исчезла, миграция армян приняла более широкие масштабы и при этом утратила свой добровольный характер. Иным становится и состав переселенцев: при персидском и арабском владычестве это были чаще всего единоверцы ромеев, а теперь в соседние регионы уходят также «еретики» и последователи армянской национальной церкви.⁵ Ж. Дагрон, исследовавший события и процессы сирийской иммиграции, идущей параллельно с армянской, оценивает армянские и сирийские монофиситские общины на византийском Востоке в X–XI вв. как еретические анклавные перед лицом имперской политической ортодоксии.^{6а} В самой Армении появляются наряду с местными армянами-халкидонитами их единоверцы, принадлежавшие к армяно-халкидонитским родам ранних эмиграций. Их число оказалось достаточно велико, чтобы вызвать к жизни армяно-халкидонитскую церковную организацию.

До арабского завоевания население Армянского нагорья (где и сформировался армянский этнос) было в основном однородно.^{6б} В больших городах (таких, как Двин, например) помимо армян жили сирийцы, персы, евреи, но ни персидское, ни византийское (до-арабское) присутствие не изменило сколько-нибудь заметно этнический облик страны. Исследования арабистов (А. Н. Тер-Гевондяна, Ж. Лорана, М. Канара⁷) показали, что арабские общины, заняв значительные территории, существовали, однако, обособленно, арабская знать не сливалась с армянской,⁸ и исчезала с упразднением эмира-

⁵ *Бартикян Р. М.* Миграция армян в XI в. Причины и последствия // XV Международный конгресс византистов. Афины, 1976.

^{6а} *Dagron G.* Minorités ethniques et religieuses dans l' Orient byzantin à la fin du Xe et au XIe siècle: l' immigration syrienne // *Travaux et Mémoires*, 1976, № 6. P. 177–216.

^{6б} *Адонц Н. Г.* Армения в эпоху Юстиниана. Ереван, 1971 (стереотипическое издание). С. 230.

⁷ *Тер-Гевондян А. Н.* Арабские эмираты в Багратидской Армении. Ереван, 1965 (на армянском яз.); *Он же.* Армения и Арабский халифат. Ереван, 1977; *Laurent J.* L' Arménie entre Byzance et l' Islam depuis la conquête arabe jusqu' en 886. Nouvelle édition revue et mise à jour par M. Carnard. Lisbonne, 1980.

⁸ *Юзбашян К. Н.* Армянские государства эпохи Багратидов и Византия X–XI вв. М., 1988. С. 44–46, 65.

тов.⁹ С середины XI в. территория Армении становится ареной набегов сельджуков; исследователи полагают, что приблизительно с 1047 г. часть тюркских отрядов начала зимовать в Армении. Одновременно с военными акциями происходила племенная миграция из Средней Азии на Запад.¹⁰

Кроме византийских военных гарнизонов и администрации, в Армении в X–XI вв. появились и греческие поселенцы, связанные с обосновавшимися там феодалами: управители, арендаторы, наемные работники, члены этерии феодалов и т. п. Однако этот поток переселенцев несравним по мощи со встречным, унесшим в Малую Азию значительную часть армянского населения. В армяно-византийской контактной зоне в основном соприкасались два главных этнических массива — армяне и греки. Византия, вопреки некоторым гипотезам, не стремилась эллинизировать аннексированные территории, однако ее присутствие ощутимо усиливало размеры и влияние армянской православной общины. Не этнические, а конфессиональные перемены явились главным итогом образования армяно-византийской контактной зоны.

Это заключение справедливо как для первого, так и для второго этапа существования армяно-византийской контактной зоны. На первом этапе (доарабский период) в состав Византии входила Малая Армения (к западу от Евфрата), включенная в состав Римской империи еще при Веспасиане (69–79), автономные княжества — сатрапии, расположенные к югу от верхнего течения Евфрата, и большая часть Великой (или Внутренней) Армении (к востоку от Евфрата), разделенной между Византией и Ираном по договору 387 г. по линии

⁹ Присутствие арабских эмиратов в Армении в значительной степени размывало политическое единство страны, приводило к оттеснению армянского населения из долин в горы и усиливало опасность извне со стороны Саджидов Атрапатакана и Шайбанидов Алдзника. (История армянского народа. Ереван, 1976 (на арм. яз.). Т. III. С. 58–69, 100.) О судьбах арабских политических образований в X–XI вв. см.: *Felix W. Byzanz und die islamische Welt im früheren 11. Jahrhundert*. Wien, 1981.

¹⁰ *Шалджян С.* Дейлемиты и их набеги на Армению // Известия Арм. филиала АН СССР, 1941, № 5–10; *Агаджанов С. Г., Юзбашян К. Н.* К истории тюркских набегов на Армению в XI в. ПС. 13 (76), 1965. С. 144–158; *Юзбашян К. Н.* Дейлемиты в «Повествовании» Аристакэса Ластивертци. ПС, 7 (70), 1962. С. 148–151; *Cahen C.* Pre-Ottoman Turkey. London, 1968; *Гусейнов Р. А.* Сельджуки и Закавказье. Автореферат докторской диссертации. Баку, 1969.

Феодосиополь (Карин) на севере (территория империи) — Нисибин на юге (принадлежал Ирану).¹¹

Н. Г. Адонц в капитальном исследовании «Армения в эпоху Юстиниана» подвел итоги первого этапа, детально рассмотрев феномены, возникавшие на армянских землях, ставших частью империи. Я коротко напомню о его основных выводах.

Юстиниан прежде всего провел военную реорганизацию Армении (в 527–530 гг., по мнению Н. Адонца). Все военные силы на территории Армении подчинялись теперь *magister militum per Armeniam*, а в сатрапии были назначены два дуки.¹² Одной из наиболее замечательных сторон военной реорганизации Армении было создание нескольких оборонительных линий путем сооружения большого количества крепостей, которые тянулись по всей пограничной полосе.¹³

За военными реформами последовала гражданская реорганизация. Юстиниан разделил византийскую Армению на ряд новых военно-административных округов: Армения Первая (включавшая в себя Внутреннюю Армению и часть Малой Армении) с центром в Визане-Леонтополе, Армения Вторая (часть Малой Армении и прилегающие к ней понтийские области) со столицей в Севастии, Армения Третья (оставшаяся часть Малой Армении) со столицей в Мелитине, Армения Четвертая (сатрапии) с центром в Мартирополе.¹⁴ Юстиниан издал также ряд новелл, направленных «против цельности нахарарских земель, что должно было подорвать могущество князей, основанное на землевладении».¹⁵ В византийской Армении таким образом был ослаблен тот общественный уклад, на котором была основана «национальная жизнь армян». С ослаблением нахарарского строя были ослаблены военные силы страны и уничтожены нахарарские традиции в области политической свободы. Исследователь констатирует, что «нахарарские дома в имперской Армении фактически утратили свое значение, успели претвориться в лучшем случае в служилое сословие и главные представители их, вероятно, были поглощены имперской бюрократией».¹⁶ На территории византийской Армении распространяется имперская ортодоксия. «Вероисповедными

¹¹ Адонц Н. Г. Армения в эпоху Юстиниана. С. 1–90.

¹² Там же. С. 127–139.

¹³ Там же. С. 140. См. о «гигантской работе» по строительству крепостей при Юстиниане: Там же. С. 141–156.

¹⁴ Там же. С. 165–176.

¹⁵ Там же. С. 196.

¹⁶ Там же. С. 200.

различиями определялись тогда выбор и употребление языка не только в богослужении, но и в литературе, проникнутой церковным духом. Вследствие этого, армяне, примкнувшие к имперской церкви, не оказались способными создать национальную письменность в пределах малоармянских земель. При отсутствии литературы и национальной образованности судьба языка и его *ipso* национальности становится зыбкой, непрочной. Армянство, вне всякого сомнения, заглохло бы в Малой Армении в водовороте общегосударственной жизни и интересов, если бы прилив свежих сил из соседних частей Армении не обновил его новым духом, и не пробудил в нем национального самознания». ¹⁷

Результатом существования армяно-византийской контактной зоны первого этапа явился отлив армянского населения в империю и появление армянских общин на огромной территории от пограничных с Арменией провинций Малой Азии до Балкан. Цвет армянской аристократии вливался в ряды военных, церковных, политических и культурных деятелей Византии, внося в жизнь империи черты собственного культурного мира. В свою очередь, византийская культура оказывала огромное влияние на духовную жизнь армян. На этот период приходится расцвет грекофильской школы, подарившей миру выдающихся деятелей в области теологии, философии, историографии, искусства, естественных наук (математик Анания Ширакаци, философ Давид Непобедимый, Мовсес Хоренаци — «отец истории» и др.). ¹⁸ Отмечая, что «влияние имперской образованности на армянскую жизнь и, наоборот, движение армян в империю вели с разных сторон к одной цели, к известной культурной нивелировке», ¹⁹ Н. Г. Адонц, по существу, констатирует наличие единого культурного пространства, существование армяно-византийской зоны доарабского периода.

Арабское нашествие на два столетия прервало государственно-политические и экономические отношения и значительно ослабило конфессиональные и культурные связи между Арменией и Византией. Во второй половине X в. империя, потеснив главного соперника ромеев на Востоке — Арабский халифат, начала наступление на земли своих союзников в антиарабских войнах (Армению и Грузию). Одновременно императоры и полководцы Македонской династии завоевали значительные территории Сирии и Киликии. Бóльшая часть

¹⁷ Адонц Н. Г. Армения в эпоху Юстиниана. С. 202.

¹⁸ Там же. С. 207–209.

¹⁹ Там же. С. 209.

армянских земель с середины X до середины XI в. постепенно входила в состав империи в качестве ее восточных провинций (вне пределов Византии остались Ташир-Дзорагет, Алуанк и Сюник).

Оживляется эмиграция в Византию. Армянские общины появляются по всей территории империи, армяне служат в армии, занимаются торговлей и ремеслами в городах, монашествуют в византийских обителях. Армянская знать составляла примерно 10–15% от состава господствующего класса Византии, армянские аристократы вступали в брачные союзы с виднейшими фамилиями империи и обладали значительными земельными владениями. Они были императорами, чиновниками, учеными (юристами, богословами), но в основном военными, служившими в Италии, на Балканах и на Востоке.²⁰

Два мира были тесно связаны, в особенности в период византийской экспансии. К концу XI в. под ударами турок-сельджуков Византия утратила почти все свои владения в Малой Азии, и ее политическая граница временно откатилась к Босфору. Армянские историки со времен Маттеоса Урхаеци (XII в.) неизменно уравнивают византийскую экспансию на восток с арабской и сельджукской агрессиями, а между тем нашествия арабов и сельджуков сопровождались резней, разрушениями городов, превращением полей в пастбища, отбрасывая экономику Армении на десятилетия, если не на столетия назад. А в присоединении армянских земель к Византии гораздо большую роль играла дипломатия, нежели военная сила. Совершенно странным образом историки не замечают, что именно на период экспансии Византии приходится так называемая «эпоха мирного строительства», подъем хозяйственной жизни, расцвет городов, ремесел и торговли, в особенности международной караванной торговли от Багдада к Константинополю, от портов Черного моря (от Трапезунда) на юг к Ирану. Происходит подъем культуры: зодчества (архитектурные ансамбли Ани, Вана, монастыри Тайка и т. д.), филологии, историографии.

Армянские владетели по большей части передают свои владения Византии не столько в результате завоеваний, сколько в итоге дипломатических переговоров, обменивая свои земли на владения внутри империи. Добавим к этому и еще одну загадку, которая осталась вне поля зрения арменоведов, но находится в том же ряду, что и добровольные передачи доменов империи. Армения, которая буквально сотрясалась мощными антиарабскими восстаниями на всем протяжении

²⁰ *Каждан А. П.* Армяне в составе господствующего класса Византийской империи в X–XII вв. Ереван, 1975.

господства Халифата на ее территории, не знает в X–XI вв. восстаний антивизантийских. Нам известны многочисленные восстания против императоров и ни одного — против империи. Армянские владельцы много раз принимали участие в мятежах претендентов на византийский престол. Однако, по-видимому, не следует квалифицировать армянских участников восстаний Варды Склира, Варды Фоки, Никифора Фоки, Ксифия и других как борцов за возрождение армянского царства, поскольку они сражались за ту же византийскую корону только на голове не царствующего императора, а претендента.

Отметим также длительность почти столетнего движения Византии на армянские территории (966/67–1045), особенно разительную в сравнении с неожиданно быстрым захватом сельджуками всех восточных византийских провинций; переселение армянских владельцев в Византию и в то же время назначение на ключевые посты в восточных провинциях представителей армяно-халкидонитской знати; противостояние византийской (диофиситской) и армянской (монофиситской) церквей и неожиданно частые сближения между ними, чуть ли не приводящие к унии и не могущие быть результатом только политических коллизий.

Нерешенность, а иногда и нерешаемость упомянутых выше капитальных проблем византиноведения и арменистики в рамках истории Армении, истории Византии и истории армяно-византийских отношений делает необходимым и актуальным исследование процессов в восточных лимитрофах Армении и Византии, т. е. в армяно-византийской контактной зоне.

Словосочетание «контактная зона» всегда нуждается в специальных разъяснениях. В пространственном отношении под определением «армяно-византийская контактная зона» в настоящей работе понимаются прежде всего те армянские территории, которые вошли в состав Византии в X–XI вв., от Тарона — на западе до царства Ширакских Багратидов — на востоке, от Южного Тайка — на севере до Васпуракана — на юге. Присоединение к этой зоне территорий в Месопотамии, Сирии и Киликии связано с появлением армянских переселенцев (после аннексии Византией армянских царств и княжеств и сельджукского нашествия), которые привнесли в малоазийские провинции империи черты высокоразвитого и традиционно устоявшегося феодального общества, сблизив этнический, социально-экономический, конфессиональный и культурный облик этих провинций с землями Великой Армении.

Единицей хозяйственной и политической жизни Армении периода высокоразвитого феодализма была вотчина (крупное феодальное

поместье, либо город с округой) — отдельная сеньория, слабо связанная с центром. Эта структура лежала в основе пирамиды армянской феодальной федерации и оставалась совершенно непоколебленной в ходе завоеваний (арабских, византийских, сельджукских) или административных перемен, сметающих только верхние слои пирамиды. Именно эта хозяйственная единица оказалась на пути Византийской империи в процессе инкорпорирования армянских царств и княжеств и стала экономическим субстратом армяно-византийской контактной зоны.

Можно говорить об определенной конвергенции византийских и армянских феодальных институтов на армянских землях. Институт экскюссии — иммунитета, например, перенесенный в Армению, не претерпел значительных модификаций, полностью вписываясь в отношения господства и подчинения, сходные с византийскими, а налоговая политика Византии оформлялась в категориях армянской хозяйственной жизни. Завладевая землями Армении, имперские власти не вносили сколько-нибудь существенных изменений в социально-экономическую действительность, более того, они воспринимали ее реалии.²¹ Движение Византии на Восток не только доставляло ей новые земли — эти земли оказывались «бродилом» новых общественных тенденций, проникавших в коренную византийскую среду и воздействовавших на развитие феодальных институтов в империи.²²

В контактной зоне исчезали армянские политические образования (царства и княжества), но не возникали и фемы — единицы византийской государственности.

В X–XI вв. в восточных провинциях Византии не было простой перегруппировки фем в результате «провинциальной реформы XI в.». В действие вступили иные принципы построения административных единиц. Эти принципы находились в прямой зависимости от развития феодальных отношений в завоевываемых регионах и в самой Византийской империи, от социально-политического устройства армянских царств и княжеств, а также от особенностей продвижения империи на Восток (захват небольших, стратегически удобных мест и закрепление в них, использование их как плацдармов для дальнейшего наступления, обмен крупными владельцами своих доменов на

²¹ *Арутюнова-Фиданян В. А.* Армяно-византийская контактная зона. Результаты взаимодействия культур. М., 1994. С. 14–25.

²² *Бартикян Р. М., Каждан А. П., Удадьцова З. В.* Социальная структура восточных границ Византийской империи // Actes du XIVe Congrès International des études byzantines. Bucarest, 1975. P. 24–26.

земли в соседних регионах империи). Все это в сложных политических, социально-экономических и культурных условиях, сложившихся в восточных лимитрофных областях империи, обусловило не просто «распад» фем или замену «больших» фем «малыми»; сформировалась совершенно новая, более гибкая и сложная социально-административная структура, в которой наблюдается разделение власти между наместниками, нестабильность, изменчивость границ, дробление округов или соединение их под руководством либо доместика Востока, либо одного из стратигов малых фем и т. п. Для фемы это — недостаток, для новой структуры — достоинство.

Сложная социально-административная структура, носившая федеративный характер, гибкая и потому живучая, существовала в Киликии и после Манцикертского поражения. Новая социально-административная структура имперских округов генетически восходила к социально-административной системе федеративных армянских политических образований, на территории которых и началось ее формирование. Возникшая стихийно, эта структура была, по-видимому, санкционирована центральной властью империи и нашла отражение в византийской терминологии (обозначалась термином «хора»). Эта структура повлияла на создание новой модели административного строя в Византии, т. е. стала прообразом фем эпохи Комнинов и Ангелов в XII–XIII вв.²³

Византийская империя, не стремясь «ромеизировать» (т. е. эллинизировать) новые восточные провинции, активно поддерживала конфессиональную «ромеизацию». В контактной зоне резко возросло влияние православной армянской общины. Увеличение в XI в. числа халкидонитских епархий в Сирии, Месопотамии, Каппадокии, Армении — непреложное свидетельство увеличения членов армяно-халкидонитской общины, так как по каноническим законам епископ может быть назначен только в «многолюдный город» (πολύανθρωπος), а не в «малый» город или деревню. В актах константинопольских церковных соборов середины XII в. упомянут Иоанн, армяно-халкидонитский епископ Ани. Можно считать, таким образом, что в XI в. не только халкидонитская идеология представляла опасность для армянской церкви, но и армяно-халкидонитская церковь как органи-

²³ Арутюнова-Фиданян В. А. Армяно-византийская контактная зона. С. 26–53; *Arutjunova-Fidanjan V. A. Some Aspects of the Military-Administrative Districts and of Byzantine Administration in Armenia during the 11th Century* // *Revue des études arméniennes*. Т. XX. 1986–1987. P. 309–320.

зация начинает всерьез соперничать с армяно-монофиситской вследствие увеличения количества армяно-халкидонитских епархий.²⁴

Анализ этноконфессионального самосознания армян-халкидонитов показал, что в самой Армении и сопредельных с ней регионах православные армяне сохраняли родной язык и культуру, а обусловленное вероисповеданием обладание еще двумя языками делало их открытыми для культурных влияний Византии и Грузии, а также определяло их конфессиональную терпимость к иноверцам на уровне государственном, когда представители армяно-халкидонитской знати занимали ведущие посты (доместиков, дук, катепанов, стратигов) в контактной зоне. Армяне-халкидониты органично вошли в мир восточно-христианского православия, результатом чего явились их разветвленные международные связи, а также солидарность с византийским универсализмом.

Культура армян-халкидонитов, являвшаяся синтезом трех традиций — армянской, византийской, грузинской — на национальной армянской почве была редким в средние века типом открытой культуры. Именно в этот период начинает выявляться важнейшая тема армяно-халкидонитской идеологии — единение христианских конфессий, в процессе сближения которых армяне-халкидониты могли претендовать на ведущую роль посредников. Иными словами, эта группа уже в средние века предвосхитила некоторые современные идеи вселенской религиозной терпимости.²⁵

Взаимодействие двух культур сказалось и в изменениях менталитета армянского и византийского общества (особенно ярко в эволюции «образа Византии» в трудах армянских историков). В среде армянских средневековых историографов не было (в отличие от византийских историков) широкого социального спектра: все они — ученые-монахи (вардапеты), принадлежавшие к интеллектуальной элите армянского общества и тесно связанные с правящими домами и высшим духовенством Армении, по заказу которых писали свои труды. Иными словами, узкий элитарный слой церкви и государства и тяготеющие к нему интеллектуалы были творцами представлений о Византийской империи. Соответственно, в менталитет армянского средневекового общества они вводили те идеи, которые служили

²⁴ *Арутюнова-Фиданян В. А.* Армяне-халкидониты на восточных границах Византийской империи. Ереван, 1980. С. 90–105.

²⁵ *Arutjunova-Fidanjan V. A.* The Ethno-Confessional Self-awareness of Armenian Chalcedonians // *Revue des études arméniennes*. Т. XXI. 1988–1989. P. 345–363.

осуществлению их собственных целей, поскольку образ не бывает идеологически нейтральным, но служит (сознательно или бессознательно) инструментом формирования той или иной заданной идеи, которая, в свою очередь, может значительно трансформировать историческую реальность.

Иоанн Драсханакертци (X в.) почти ничего не сообщает о реалиях византийского общества (несколько скупых замечаний о ремесле и торговых путях), но демонстрирует прекрасное знание идейно-политических представлений, сложившихся в империи. Византия в его «Истории Армении» представлена покровительницей всех христиан, в том числе и армян, ивириов и алуанцев, скорбящей об их бедствиях, зовущей их к миру и единению. Среди добродетелей, конституирующих идеальный образ «августейшего Константина», на одном из первых мест находится «попечение о просвещении». Иоанн восхваляет также «доброту» императора, его «небесную мудрость» и его «правосудие». В обобщенном императиве этого «царского зеркала» представлен содержательно и композиционно весь каталог императорских добродетелей, выработанных в Византии при Василии I, Льве VI и Константине VII, хотя, может быть, в более деконкретизированном варианте, чем в византийских источниках. Не приходится сомневаться в точном знании Иоанном парадигмы идеального императора Македонской династии, повлиявшей и на создание им образов идеальных армянских царей.²⁶

Сравнительно-исторический анализ политической мысли, отраженной в произведениях, принадлежащих к одной и той же эпохе, к одному и тому же культурному ареалу восточнохристианского мира, затруднен их близостью, консерватизмом христианских представлений о власти, стабильностью фразеологии. Изучение генетических связей между идеологиями должно быть особенно скрупулезно, а доказательства их сходства достаточно аргументированы.

Самое заметное и резкое различие армянской и византийской политической мысли заключается в том, что в Армении не было представления о божественном происхождении царской власти. Метафизический аспект власти Багратидов заключается в их наследовании Аршакидам. Идеологическое обоснование притязаний «высокородных» Багратидов^{26а} на первенство среди других владетелей Иоанн

²⁶ Арутюнова-Фиданян В. А. Армяно-византийская контактная зона. Результаты взаимодействия культур. С. 93–104.

^{26а} *Иованнес Драсханакертци*. История Армении. Пер. с древнеарм., вступ. статья, коммент. М. О. Дарбинян-Меликян. Ереван, 1986. С. 144. (Далее в тексте страницы указаны по этому изданию).

оформляет средствами поэтики, прибегая к нестилизационным подражаниям. Он отбирает для описания царей династии Багратидов блоки портретных и характерологических элементов из «царских зеркал» Аршакидов.

Этот обычный для средневековой поэтики прием преобразуется в сложное творческое осмысление заимствований для отображения современной ему действительности. Иоанн живописует красоту и добродетели Ашота I в выражениях, заимствованных у Мовсеса Хоренаци, описывающего царя Тиграна I и Смбата Багратуни (предка Ашота, спасителя, наставника и советника Арташеса), а государственная и политическая деятельность Ашота охарактеризована почти так же, как деяния царя Валаршака — основателя династии Аршакидов (с. 117). Сын Ашота — Смбат I получил армянскую корону как «царский сын» (с. 120), но его наследнику Ашоту II пришлось отвоевывать владения отца «в жестоких сражениях» (с. 175), в борьбе с двумя соперниками, коронованными арабами: Гагиком Арцруни и сыном спарапета Ашота (с. 45).

В этих экстремальных обстоятельствах в труде современника событий Иоанна Драсханакертци появляется совершенно не свойственное политической мысли Армении представление о сакральном характере царской власти. «Видя, что Господь Бог благоволит к Ашоту и вспомоществует, и сопутствует ему успех в благих деяниях, царь Вирка, придя в полное единодушие и согласие с пожеланиями его [Ашота] войска, возложил на него корону и воцарил вместо отца его, признав его заслуживающим достоинства самодержца и предоставив будущее вседержителю Богу» (с. 176).

Нетрудно заметить, что между Богом и царем есть посредники, но тем не менее идея о божественном происхождении царской власти проникает в систему армянских политических воззрений, хотя бы в виде представления о непременном покровительстве Бога самодержцу. Вводя идею божественного покровительства, Иоанн отнюдь не отказывается от концепции наследственной царской власти, он подчеркивает, что Ашоту был оказан императором Константином прием «не как прочим вельможам», но «как царскому отпрыску». «Император держал себя с ним почти как с равным себе и чествовал почестями, подобающими царскому сану» (с. 197).

Ашот I, основоположник династии Ширакских Багратидов, «был признан величайшим среди почти всех предшественников своих». Он бескорыстен и щедр, «благого поведения», с «добрыми побуждениями», миролюбив и даже с врагами боролся «не враждою или войной, но приводил их к порядку и к своей воле ласковым словом и доброй помощью» (с. 114). Ему были свойственны мягкость сердца и беско-

рыстие. «Высокородный Ашот принимал почести, но пренебрегал подношениями» (с. 114) и оказался «богаче и мудрее почти всех царей» (с. 118). «Он был велемудр и красноречив, на пиршествах умерен в еде; он не завидовал лучшим мужам и не презирал простолюдинов, а старался равномерно простираться над всеми покров своей заботливости и взвешивал на весах ума своего поступки прежде всего свои, (а затем) и каждого. Будет истиной, если скажу, что ничему полезному для людей он не препятствовал» (с. 117).

Иоанн Драсханакертци — поборник единого государства и сильной царской власти — создавал образ идеального государя и для этой цели как нельзя лучше подходил первый Багратуни, начавший собирать и укреплять Армянское царство. В иерархической системе добродетелей идеального монарха — на первом месте благочестие и разум, затем бескорыстие, щедрость, миротворчество, красноречие, ровное и справедливое отношение к подданным. *Καλοκάγαθία* — представление античных авторов о духовном и физическом совершенстве — ставится Иоанном Драсханакертци, как конституирующий элемент *Kaiseridee*, чуть ли не сразу после благочестия и разума.

Наследник Ашота I царь Смбат I — неутомимый объединитель армянских земель, храбр и осмотрителен в войнах (с. 134), строго карает отступников (с. 156, 170). И в то же время стремится «со всеми установить дружеские отношения» и «по крайней скромности своей не отгородился от искренней дружбы императора ромейского Льва» (с. 128, 151–152). Успехи Смбата I обеспечиваются и «сильной рукой» и «ласковым убеждением» (с. 133), т. е. незаурядным дипломатическим талантом (в особенности в сложных коллизиях, возникших между ним и остиканом Юсуфом) (с. 149–151). Надежды на вечную жизнь для царя Иоанн непосредственно связывает с его постоянным попечением «о делах государства, о нуждах мирян, ибо ему верил Бог заботы о пастве своей» (с. 149), и именно поэтому в правление Смбата I «призрел господь на страну Армянскую», расцвели виноградники, сады, огороды, пашни, «умножились стада скота и отары овец». «Главные нахарары наши, уверившись в своей безопасности и получив отдых от разбойничьих набегов, стали строить каменные, с толстыми, прочно скрепленными известью стенами церкви при монастырях» (с. 151). Смбат I милостив к побежденным соседним царям (Константину Абхазскому и царю Атрнерсеку), но беспощаден к собственным изменникам (с. 156). В этом «царском зеркале» (при сохранении добродетелей Ашота) на первое место выходят уже воинские таланты и умение заботиться о подданных, за что Бог и награждает страну расцветом.

Смбат I — царь и святой — истинный герой Иоанна Драсханакерти. Все остальные цари и князья наделены лишь короткими характеристиками, но у каждого из них своя доля в царственных добродетелях в зависимости от отношения к главной политической тенденции «Истории» Иоанна Драсханакерти — сплочению армянских земель.

Однако воинственный государь Ашот II, искусный полководец и воин, образец рыцарской храбрости, лично участвовавший в сражениях, не стал идеальным царем католикоса Иоанна. Иоанн не видит в нем христианских добродетелей, отмечая только, что твердость Ашота II нередко переходит в жестокость (с. 204, 212), гордость и себялюбие (с. 209). Иоанн не отрицает его полководческих и воинских талантов, даже восхваляет их (с. 162, 175, 189–190, 203, 207, 214–215), но полагает, что Ашот II «отказался от сладости поклонения Богу», проявил «невоздержанность и жестокость», и потому сердца людей отвратились от него, и ему изменила удача (с. 212, 217). Такая трактовка образа Ашота II Железного зависела, может быть, от того, что образ царя-воина не вписывался в парадигму идеального царя автора «Истории Армении».

В X в. византийская политическая мысль только подходит к порогу «аристократического идеала» правителя: знатного воина-рыцаря, в то время как в Армении знатность рода, воинские таланты, личное мужество на поле боя входят как необходимые составные в каталог добродетелей идеального героя (князя, царя, полководца) уже с V в. и (что еще более для нас значительно) конституируют образы идеальных правителей в трудах современников Иоанна — историков дома Арцруни и Мовсеса Дасхуранци. Таким образом, элиминирование образа царя-воина из системы идеологических ценностей (или снижение его значения) — явная новация Иоанна Драсханакерти, которая не вписывается в традиционный идеологический контекст средневековой Армении и, очевидно, привнесена из другой, скорее всего, византийской, традиции.

В послании Иоанна Константину VII «божественный Константин» «боголюбив» и «благочестив» и потому является «причиной духовного созидания племен и народов». Иными словами, Иоанну хорошо известна доктрина патриарха Фотия, получившая в современном византиноведении определение «политической ортодоксии»: согласованность императорской власти и православия — условие благоденствия государства, обеспеченного таким порядком. «Порядок» (τάξις) — одно из ключевых понятий в византийской системе ценностей — воспринимается Иоанном в качестве перспективы и гарантии. «Пожалуйте моей [платве] обитель мирной жизни, как то подобает

Вашему августейшему, пышному, достохвальному и могущественному царствованию, избавив нас ныне от исмаильтян... ибо и мы паства божия» (с. 195).

Иоанн приветствует Константина VII от «церкви православной», разумеется, имея в виду армянскую церковь, однако в послании ни разу не упомянуты различия в «ортодоксии» армянской и византийской церквей; напротив, Иоанн подчеркивает, что Византия — великая христианская держава, а владычество ромеев простирается «на всемирное стадо овец Христовых» «от Италии до всей Азии» (с. 195). Под покровительством византийских императоров «паства верующих безмятежно исповедует свою веру» (с. 195), так как «всем народам известна охранительная прочность стены страха, внушаемого вами врагам» (с. 191). Сама вера армянской церкви насаждалась «под сенью крыльев Ваших предков, положившись на силу власти святого креста Вашего и на попечительное милосердие непобедимых Ваших царей» (с. 195). И только тогда, когда Армения перестала «радеть о покровительстве» Византии, на нее обрушились беды (с. 191).

Иоанн объявляет Константина VII «истым миротворцем всех суших». Вспомним, что византийская политическая мысль считала миротворчество предпосылкой связи между царством земным и небесным. Корреляция земной и небесной монархий — самый общий и наиболее консервативный элемент византийской политической мысли запечатлен в молитве Иоанна за ромейского самодержца: «Жить Вам многие лета в согласии с праведным плодом жизни и истинным миром царя небесного в Ваших императорских палатах — благолепной и прекрасной обители землян» (с. 190).

Иоанн Драсканакертци воспринял, как мы видим, стержневые для византийской мысли концепции и понятия: божественное происхождение императорской власти, «политическую ортодоксию», «порядок». Труд Иоанна Драсканакертци является новым этапом в армянской историографии и с точки зрения адекватного восприятия византийской этнополитической терминологии. Для него столица ромеев — Константинополь — духовный центр Византийской империи. «Святое знамение пребывает, словно солнце в небесах, в Вашем вселенском и прославленном городе, столице, в коей Вы обитаете», — пишет он императору Константину VII (с. 195). А сама Романия имеет сюзеренные права на многие народы и племена, в том числе и на «паству Иоанна католикоса» (там же).

Такое представление о Византии и ее императоре связано не столько с армянской исторической традицией, сколько с традицией византийской, утверждавшей доктрину «семьи правителей и народов», во главе которой стоял император ромеев.

Армянская историография X в., начавшаяся трудом Иоанна Драсханакертци, завершается «Всеобщей историей» Степаноса Таронеци. Степанос Таронеци, или Асолик, как и Иоанн Драсханакертци, создал историческое сочинение смешанного жанра, включающее в себя хронику и мемуары.²⁷ Заключительная часть, названная «Историей времен, повествуемых самостоятельно» (с 929 до 1004 г.), — свидетельство очевидца. Это летопись изложенных часто без внутренней связи (но с четкой фиксацией дат) событий так называемой «эпохи мирного строительства». Такое своеобразное наименование получили 75 лет самого, может быть, спокойного периода армянской средневековой истории.

Основными конституирующими элементами Kaiseridee Асолика были «согласие с церковью», «подражание Христу», «угодность Богу» и «строительство церквей и монастырей». Иными словами, на первое место выходит благочестие царя и симфония светской и духовной власти.

Истинным героем третьей части «Всеобщей истории» следует считать Давида Куропалата. Асолик упоминает его победоносные сражения с арабами (с. 266–267, 269–274). Но не это главное для Асолика. В энкомии Давиду, пожалуй, ярче всего проявляются черты идеального царя у этого историка. «Кротостью и миролюбием он превосходил всех государей, живущих в наше время. Он был виновником мира и благоустройства всех восточных стран, в особенности же Армении и Ивирии. Он прекратил войны, беспрестанно со всех сторон возникавшие, восторжествовал над всеми окрестными народами, так что все государи добровольно покорились ему. Скончался он в глубокой старости, удрученный летами в 449 (1000) г.» (с. 275).

С ассоциативной точки зрения интересна композиция «Всеобщей истории», где идеальный образ Давида как бы перекликается с идеальным образом Василия II в разделах, непосредственно примыкающих друг к другу.

Историки Васпуракана и Алуанского царства — регионов, оказавшихся в X в. в стороне от движения Византии на Восток, поддерживали традицию позитивного отношения к Византии, заданную Иоанном Драсханакертци и продолженную во «Всеобщей истории» Асолика. Образ великой державы ромеев, единственной опоры армян в борьбе с мусульманским миром, должен был служить по карди-

²⁷ Всеобщая история Степаноса Таронеци — Асолика. Изд. Ст. Малхасянц. СПб., 1885 (на древнеарм. яз.). В тексте страницы указаны по этому изданию.

нальной идее труда Иоанна Драсханакертци созданию сильного и независимого армянского государства, однако, войдя в армянскую общественно-политическую мысль, этот образ лег в основу позитивного отношения к идеологическим и политическим ценностям Византийской империи, что послужило основанием, формированию и закреплению армяно-византийской контактной зоны.²⁸

В «Повествовании» Аристакаеса Ластивертци и труде Акоба Санаинци^{28а} — историков XI столетия изложение событий в Византийской империи (иногда дословно) совпадает с византийскими источниками, т. е. их осведомленность не подлежит сомнению. Они информированы не только о внешнеполитических событиях, но и о внутренней социальной структуре империи, знают о раздаче руги, о прониции, о харистикии. У армянского историографа из Ластиверта, уроженца области, которая вошла в состав византийских провинций уже во второй половине X в., образ Византии удивительно схож с автопортретом империи, возникавшим под пером византийских историков и хронистов. Портреты Романа III Аргира, Михаила IV, Константина IX в труде Акоба (как и у Аристакаеса) близки к портретам этих императоров у византийских историков.

Главным героем сочинений Аристакаеса и Акоба является Василий II.

Акоб Санаинци, как и Аристакаес, сторонник «порядка» и не одобряет мятежей против ромейских императоров (см. пассаж о «нечестивце» Склире, собравшем «беззаконных людей» — с. 33–34 и погибшем «от руки царя Василия» — с. 39). Одобрительно отзываясь историк о Давиде Арцруни, избавившем Василия от «великого страха» убийством мятежника Никифора Црвиза (с. 51).

Война на Балканах произошла, по Акобу Санаинци, из-за того, что болгары отказались следовать «велениям царя Василия» (с. 39–40). После ряда сражений Василий «разорил и угнал в плен весь Запад и уничтожил дотла царство болгаров», отравил царя, а жену его и

²⁸ Арутюнова-Фиданян В. А. Армяно-византийская контактная зона... С. 104–118.

^{28а} Повествование Аристакаеса Ластивертци. Крит. текст подг. К. Н. Юзбашян. Ереван, 1963. (На древнеарм. яз.). Страницы в тексте указаны по этому изданию. Сочинение Акоба Санаинци цитируется по первой части «Хронографии» Маттеоса Урхаеци, для которой она, по-видимому, служила главным источником. (*Маттеос Урхаеци*. Хронография. Валаршапат. 1898. На древнеарм. яз.). Страницы в тексте указаны по этому изданию.

сыновей вывез в Константинополь (с. 46). Армянский историк не слишком хорошо знает о всех перипетиях войны на Балканах, не знает даже имени болгарского царя, однако точно осведомлен о победном для Византии исходе войны и нисколько не сомневается в сюзеренных правах Василия II на Болгарию. Армянские земли также, по Акобу, переходят к Василию II на строго законных основаниях. Давид сам передал свои земли Византии, и Акоб Санаинци даже более отчетливо, чем Аристакес, фиксирует расправу греческого императора с убийцами Давида (с. 25). Он отмечает союз «любви и единения» между васпураканским царем Сенекеримом (1000) (с. 49) и Василием II, который усыновил старшего сына Сенекерима — Давида в Св. Софии (с. 49). И далее автор неоднократно подчеркивает, что Давид Арцруни относился к Василию II, «как сын к отцу», т. е. как верный вассал.

Повествуя о дальнейшем продвижении Византии в Армению, Акоб Санаинци отмечает, что Василий II потребовал Ани и Карс и получил соответствующую письменную гарантию от Иоанна-Смбата (с. 49), а затем Василий II «усмирил грузинского царя Георгия» (с. 50).

Нетрудно заметить, что черты образа Василия II, которые выявляются в повествовании Акоба Санаинци о подчинении армянских, болгарских и грузинских земель и подавлении мятежей, не принадлежат конкретной личности Василия II, они принадлежат личности императора Византии и обуславливаются либо осуществлением, либо нарушением его прав сюзерена. Он добр, милостив, щедр к покорным вассалам и к тем, которые покорились без особых возражений; жесток, агрессивен и вероломен, если ему не подчиняются. При этом в политические взгляды Акоба Санаинци входит безоговорочное признание сюзеренных прав императора ромеев на соседние с Византией земли.

В немногих случаях Акоб прямо порицает подозрительность, жестокость, даже кровожадность Василия II. Историк описывает «дом забвения», где император тайно расправлялся с «прославленными ромеями» («в страхе за царство свое»). Акоб осуждает пытки, которым подверглись заподозренные в измене вельможи, устами брата Василия II Константина, приказавшего сжечь этот дом (с. 56). Аристакес Ластивертци рассказывает о гневе божьем, который обрушился на войско ромеев у крепости Гер (снег, холод и т. п.), вследствие чего Василию II пришлось вернуться в Константинополь. Акоб Санаинци дополняет этот рассказ страшными подробностями: внезапно растаявший снег превратил землю в болото, и царь приказал перебить 13 тысяч человек, чтобы по их трупам уйти на зимние квартиры (с. 52).

В свете вышеуказанных фактов прямая авторская оценка (в самом начале рассказа о царствовании Василия II) может послужить наглядным примером дихотомии факта и характеристики: «Он [Василий II] завладел царским престолом греков, покорил многих мятежников и стяжал среди творений [божьих] доброе имя: милостивого к вдовам и пленным и справедливого к притесненным» (с. 30).

В этой характеристике, прилагаемой обычно к идеальным армянским правителям, Акоб Санаинци опускает эпитет «благочестивый», но прибегает к конфессиональной трансформации образа. Василий вызвал в Константинополь армянских вардапетов для решения вопроса о праздновании Пасхи; согласно Акобу, вардапет Самуэл победил в полемике греческих богословов, и тогда император «многих из них лишил церковных чинов, а вардапетов армянских отправил в страну армян с богатыми дарами» (с. 45). Зафиксировав явное благоволение Василия II к армянским церковникам, Акоб подкрепляет это благоволение чудом армянского католикоса Петроса Гетадардза (букв.: «повернувшего реку»).

Аристакес сообщает, что в присутствии Василия II католикос Петрос освятил в реке воду «по нашему обряду» (т. е. по обряду монофиситской церкви), причем было знамение: блеснул яркий луч (с. 32), но единственным следствием чуда было то, что «прославилось наше благочестие» (там же). А Акоб Санаинци добавляет: не только блеснул луч, но на миг остановилась река, что произвело огромное впечатление на императора и его свиту. Василий II, приехав в армянский монастырь близ Антиохии только с тремя провожатыми, тайно принял монофиситство и был признан «отцом страны нашей армянской» (с. 50). В предсмертном наказе брату Василий II особенно выделил армян, «дабы непреложно с отеческой любовью заботился он о народе этом», поручил ему Арцрунидов и всех ишханов царства армянского. В заключение Акоб называет Василия «святым», который «свято и целомудренно прожил жизнь» (с. 55) и заслужил добрую память. И это — второе оценочное обрамление образа Василия у Акоба Санаинци.

Подбор событий, заполнивших царствование Василия II, разная оценка одних и тех же фактов, наличие или отсутствие авторской характеристики создают определенную эволюцию образа Василия II в армянской историографии.

Анализируя эти сочинения, можно отметить по меньшей мере три уровня в его оценке: во-первых, Василий II — законно правящий в Константинополе император (отсюда осуждение мятежей против него), законный сюзерен армянских царств и княжеств, почти лишенный,

однако, индивидуальности (у Асолика); во-вторых, у Аристакаеса (при сохранении упомянутых выше моментов) появляются раскрывающиеся во внешних коллизиях характерологические черты деятельного, сурового, а иногда немилостивого и жестокого императора, близкие к оценке византийских источников; наконец, в-третьих, у Акоба Санаинци сглаживаются негативные черты в характере императора и его решительно сближают с армянским миром, армянской культурой и даже конфессией.

Акоб Санаинци, как и Аристакаес Ластивертци, демонстрирует знание византийских идеологических представлений, однако эти армянские историографы отходят от имперских стереотипов в трактовке одного из главных элементов византийской политической мысли: в представлениях о государственной власти. Аристакаес осуждает отсутствие легитимного принципа, Акоб же возрождает в качестве парадигмы идеального царя образ царя-воина.

Мы не найдем в «Повествовании» развернутых антихалкидонитских высказываний (хотя для Аристакаеса истинная вера — это, несомненно, вера армянской национальной церкви). Армянские князья и цари в «Повествовании» чаще всего упоминаются в составе византийской администрации. Труды Аристакаеса и Акоба Санаинци, таким образом, адекватно отражают реалии устоявшейся армяно-византийской контактной зоны.²⁹

Если в трудах Аристакаеса Ластивертци и Акоба Санаинци существует определенная сложность содержания образа Византии и его акцентировки, то Маттеос Урхаеци (историк XII в.) говорит о ромеях не иначе как в форме обличений и проклятий. Его взгляды в более будничном изложении сводятся к утверждению, что Византия, захватив Восток (и в том числе армянские земли), удалила из страны армянское войско; вместо храбрых армянских воинов и полководцев поставила людей трусливых и неспособных, в результате и Армения, и все восточные владения империи оказались незащитными перед сельджуками, захватившими постепенно все эти территории. Маттеос обличает «мрачный заговор патриарха, духовенства и высшей ромейской знати», целью которого было «истребить исповедание армянской веры» (с. 160).

Иными словами, оба основополагающих «инструмента отчуждения» Византии и Армении: государственный и конфессиональный — неотразимо действуют в «Хронографии» Маттеоса Урхаеци.

²⁹ Арутюнова-Фиданян В. А. Армяно-византийская контактная зона... С. 118–138.

Третья часть «Хронографии» также отмечена резким осуждением ромеев (как, впрочем, сельджуков и франков). Такая же тенденция прослеживается и у продолжателя Маттеоса — Григория Монаха, доведшего повествование до 1162–1163 гг.^{29а}

Для армянских средневековых историков в начале X в. было желательным, а в конце X в. и в течение XI в. естественным и привычным существование армянских земель в составе «греческой страны», пребывание византийских наместников в среде армянских нахараров, а армянских владетелей — в византийской восточной провинциальной администрации. «Образ Византии» в этот период времени в основном позитивен, имеет место даже определенная терпимость к имперской ортодоксии. В период разрушения армяно-византийской контактной зоны под ударами сельджуков Византия начинает отчуждаться от армянского мира. И совершенно негативным образ Византии (во всех его аспектах: государство, этнос, конфессия, идеология) становится с конца XI–начала XII в., после окончательного крушения контактной зоны.

Комплекс идейно-политических представлений, сформированных к X в. в Византии, оказал в этот период серьезное влияние на общественно-политическую теорию армян. В период становления и функционирования контактной зоны ряд византийских идеологов был воспринят армянской общественно-политической мыслью. Автор XIV в. Федор Метохит утверждал: «Точно так же, как мы не знаем ничего о них [других народах], потому что греческие историки ими не интересовались, они, вероятно, ничего не знают о нас, потому что их историки не проявляли никакого интереса к нашим делам».³⁰ Иными словами, по мнению византийца, нам как будто не стоит рассчитывать на появление «image d'autre» ни в византийской средневековой историографии, ни в историографии «других народов». Р. Досталова, которая перевела этот пассаж, полагает, что произведения византийских писателей были рассчитаны только на членов императорской семьи, представителей военного и политического аппарата, причем главной их целью были соблюдение и передача политического опыта. «Это была история, как ее видели, главным образом, те, кто жили в столице империи».³¹

^{29а} Арутюнова-Фиданян В. А. Армяно-византийская контактная зона... С. 138–141.

³⁰ Досталова Р. Византийская историография (характер и формы) // ВВ, 1982. Т. 43. С. 34.

³¹ Там же.

Изучение армянской историографии X–XII вв. корректирует это утверждение и расширяет круг читателей византийских авторов, по крайней мере — до элитарного армянского общества, причем это не армяне, живущие в империи (это был бы все тот же слой «господствующего класса Византии»), но армяне, удаленные от столицы, живущие на своей земле и пишущие ее историю. При сравнении армянской и византийской историографий X–XII вв. мы обнаруживаем не только и не столько близость фактографическую, что было бы естественно при описании одних и тех же событий освещенными авторами (в особенности событий, происходящих в восточных областях империи, — в Армении и соседних с нею регионах), но и близость в оценке конкретно-исторических ситуаций, т. е. генетические связи между политическими идеологиями двух культур, разумеется, с определенными различиями в акцентах восприятия.

«Политическая ортодоксия», разработанная патриархом Фотием, находит ревностного последователя и сторонника в лице Иоанна Драсханакертци, так как симфония государства и церкви (один из важнейших факторов и византийской, и армянской политической мысли) у него подкреплена более резким в Армении, нежели в Византии, требованием защиты христианской церкви от неверных.

Сущность византийской политической идеологии заключается в том, что правильность догматов предполагает упорядоченность социального устройства. *Τάξις* (порядок) — ключевое и наиболее устойчивое понятие в византийской системе ценностей было в определенной степени воспринято армянской общественной мыслью в период экспансии Византии, найдя отражение во взглядах армянских историографов на роль византийской администрации в армяно-византийских лимитрофах и в противопоставлении мятежников (тиранов, узурпаторов) императору ромеев, правящему в Константинополе.³² Выступление против трона Атталиат считает аномалией: гражданская война — величайшее зло.³³ Атталиат осуждает мятеж Льва Торника (но он же оправдывает и мятежи и даже захват трона, если мятежники ищут не столько власти, сколько спасения отечества как в случае с Романом IV Диогеном и Никифором III Вотаниатом).³⁴

³² *Иованнес Драсханакертци*. История Армении. С. 191–195; *Арутюнова-Фиданян В. А.* Армяно-византийская контактная зона... С. 101.

³³ Att. P. 55.5–19; 60.17–23; 193.15–23.

³⁴ Ibid. P. 97.8–15; 99–100; 255–260.

Армянские авторы сурово осуждают мятежи вообще, даже и те, к которым снисходителен Атталиат.³⁵

Идеал царя-рыцаря в Византии со всем набором достоинств, известных из рыцарских уставов Западной Европы (не только мужество и благочестие, но ученость, мудрость, справедливость, красноречие, защита церкви, покровительство слабым и т. д.), окончательно оформляется как парадигма в эпоху Комнинов.³⁶ В армянских же источниках этот идеал засвидетельствован уже в V в. и сохраняется в эпоху Багратидов, хотя иногда отступает под напором византийских представлений. Византийский идеал, однако, не только не мог заменить парадигму монарха-воина, но и, как мне кажется, сам мог меняться под определенным влиянием этой парадигмы, во всяком случае, близость Кекавмена, Скилицы и его Продолжателя к армяно-халкидонитским кругам не вызывает сомнений. Атталиат также происходил из Малой Азии, а именно в их трудах начала формироваться новая парадигма императора.

Скилица сообщает об армянских государствах X–XI вв., об их подчинении Византией, о борьбе кавказских народов против турецкого вторжения. Кроме того, в «Обзрении истории» мы найдем известия о положении армян в Византии, о службе армянской знати в визан-

³⁵ «Я не знаю, — пишет Аристакес, — сказалось ли тут божественное правосудие, согласно которому рабы да не восстанут против господ своих, или императору была особая благодать. Знаю лишь достоверно, что восставшие против него кончили позорнейшим образом, и тому был очевидцем» (Повествование Аристакеса Ластивертци. Крит. текст подготовил К. Н. Юзбашян, Ереван, 1963 (на древнеарм. яз.). С. 33); Повествование вардапета Аристакеса Ластивертци. Перевод с древнеарм., вступ. статья, коммент. и приложения К. Н. Юзбашяна. М., 1968. С. 64 (далее — «Повествование»). Варда Склир и Варда Фока, прежде восстававшие против императора, потерпели поражение, и так же погиб и Никифор Црвиз, убитый своим соратником, а сподвижники его Ферс и Андроник были казнены (Аристакес, с. 35). К. Н. Юзбашян вслед за Н. Адонцем полагает, что армянские князья (в частности, сыновья Ашота Багратуни) примкнули к восстанию Склира «из-за острого недовольства» властью Византии («Повествование», с. 19). Не следует забывать, однако, что мятеж Склира, равно как и последующие мятежи, вовсе не имели в виду ликвидацию власти империи в Тароне и вообще в Армении. Речь шла всего лишь о замене одного императора другим.

³⁶ *Каждан А. П.* Социальный состав господствующего класса Византии XI–XII вв. М., 1974. С. 30 и сл.

тийской армии и государственном аппарате.³⁷ А. П. Каждан убедительно показывает близость автора к византийским армянам-халкидонитам,³⁸ так как, по сути дела, именно Катакалон Кекавмен — герой последних разделов «Обозрения» и, вполне вероятно, что Скилица жил и писал, находясь в контакте если не с самим Катакалоном Кекавменом, то с его почитателями или родственниками, армянами-халкидонитами из знатных родов.³⁹

Скилица и Атталиат, свидетели инкорпорации армянских земель, рассматривают армянских владетелей как вассалов византийских императоров. Эта позиция византийских историков нашла отражение в пассажах о передаче армянскими владетелями своих земель Византии в обмен на земли в глубине империи. И с этого момента армянские земли, растворившиеся в округах, исчезают как нечто иное, отличное от Византии. И сами эти земли, привычно вошедшие в военно-административные округа, становятся византийскими, и их наместники (пусть даже из местных владетелей), и их жители уже не являются людьми, чуждыми византийцам, а становятся также ромеями по государственному признаку.

В конвое единственной рукописи «Стратегикона» Кекавмена находится несколько сочинений, направленных против ереси армян, т. е. против монофиситства,⁴⁰ а в самом тексте рукописи отношение к армянам благожелательно, что, по-видимому, объясняется происхождением Кекавмена (дед его по отцу был армянином из Великой Армении).⁴¹ Обычно византийцы не признавали соседних правителей равными византийскому императору, и тем неожиданней выглядит у Кекавмена определение васпураканского царя Сенекерима как «василевса и потомка василевсов».⁴²

Развитие общественной мысли XI в., связанное с утверждением социальной идеологии военной аристократии, находит продолжение в трудах Никифора Вриенния и Анны Комнины, где закреплена

³⁷ Каждан А. П. Рецензия на: Joannis Scylitzae Synopsis Historiarum. Editio princeps. Rec. J. Thurn. Berolini et novi Eboraci, 1973 // ИФЖ: 1975, № I (68). С. 206–207.

³⁸ Там же. С. 208.

³⁹ Там же. С. 207–208.

⁴⁰ Советы и рассказы Кекавмена. Сочинение византийского полководца XI в. Подг. текста, введ., перевод и коммент. Г. Г. Литаврина. М., 1972. С. 14–15.

⁴¹ Там же. С. 55, 89, 415–417, 477 (прим. 650).

⁴² Там же. С. 282, 283, 333 (прим. 32), 588–589 (прим. 1166).

феодално-аристократическая кастовость.⁴³ Все упомянутые выше авторы сосредоточены на военных событиях, уделяют много внимания восточным границам. В их произведениях находит отражение «образ армянина»: вассала, полководца, приближенного императора, даже возводящего императора на престол (Григорий Пакуриан у Анны Комнины), т. е. в связи с этим возникает образ не «чужого», но по своему близкого авторам мира; более того, его представители, по-видимому, содействуют утверждению новых для ромеев (на этом этапе общественной мысли), но имманентных армянскому миру феодальных добродетелей.

Армянский царь (или владетельный князь) был абсолютным монархом на своих землях. Основными терминами для обозначения царя были «таговор» или «арка». Смбат I даже носил титул «миродержец» (тиезеракал), однако армянские правители, даже «шаханшахи» Ширака, в византийских источниках обычно титуловались архонтами (архонтами архонтов) или протами, но не василевсами. В Армении можно засвидетельствовать отсутствие интереса к церемониальной стороне в представлениях о власти. В Византии же это было одной из основных тем политической теории.

Уже при Смбате Тиезеракале Армения начала дробиться на удельные царства и княжества; процесс этот продолжался в течение всего X в. Багратиды Ширака были аздапетами (главами рода) Багратидского дома и сюзеренами всех армянских царств и княжеств (даже если во главе их не стояли Багратиды). Но ширакский царь не был автократом, как византийский император, он был только «первым среди равных». У армянских царей были свои ведомства («диваны»), но не было такого разветвленного и централизованного аппарата власти, как в империи.

Аздапет Багратидского дома далеко не обладал той властью в васальных княжествах, какую имел византийский император во всех областях государства. Отношения между верховным царем Ширака и правителями других политических образований Армении определялись, как полагают исследователи, аздапетством и договорным васалитетом (дашинк ухти).⁴⁴

В Византии, как известно, не было права наследования (его стремились заменить институтом соправительства), и только с конца XI в. аристократизация византийского общества закрепляет принцип легитимности: на протяжении 100 лет правили Комнины. Окончательно

⁴³ Культура Византии. Т. 2. М., 1989. С. 110–113.

⁴⁴ Юзбашян К. Н. Армянские государства эпохи Багратидов и Византия X–XI вв. С. 71–76.

же этот принцип восторжествовал при Палеологах (вторая половина XIII в.).⁴⁵ В Армении, напротив, династическое начало имело древнюю традицию: государства Ервандидов, Арташесидов, Аршакидов были династическими. Династической была и власть нахараров, сохранивших свои права после упразднения царской власти в Армении. В армянских царских фамилиях (Багратуни, Арцруни, Сюни и др.) власть переходила от отца к сыну или от брата к брату.⁴⁶ Принцип наследственности входил как один из важнейших факторов в политическую теорию Армении.

Выясняя тенденции армянских средневековых историков в оценке Константинополя, не следует забывать, что в самой Багратидской Армении довольно долго не было постоянного политического центра. Резиденция Багратидов Ширака с конца IX до первой половины X в. находилась и в Багаране, и в Еразгаворсе, и в Карсе, и только в 961 г. Ани — родовой домен Ширакских Багратидов — прочно занял место как столичный город Ширака и как общеармянский политический центр, просуществовав в этом качестве около столетия (до 1045 г.).⁴⁷

В византийстике ныне считается доказанным как сохранение восточноримской (византийской) государственности и континуитет ее государственно-политической теории, так и важность для ее оформления и развития этнополитической терминологии: «Романия» (Восточноримская империя), «ромеи» (ее граждане), «Новый», или «Второй», Рим (ее столица).

Глубокое государственно-политическое и конфессиональное содержание, вкладываемое самими ромеями в эти термины, парадоксально, но непреложно предполагало, с одной стороны, прямое наследование «Романией» римского престижа и самой римской системы власти, а с другой — воплощение в ней «царства божьего» на земле, что как бы давало ей верховные права на управление всеми народами христианской ойкумены. Суверен Романии — помазанник Христов, а ее столица — не только Новый Рим, но и Константинополь — город равноапостольного императора Константина, основанный им по внушению свыше.

Впечатление о континуитете римской (ромейской) государственности на греческом этническом субстрате возникает даже при бег-

⁴⁵ *Каждан А. П.* Византийская культура (X–XII вв.). М., 1968. С. 84.

⁴⁶ *Матевосян Р. И.* Государственное устройство Армянского царства по сведениям Маттеоса Урхаеци // ВОН, 1980, № 8. С. 66–73 (на арм. яз., резюме на рус. яз. С. 73).

⁴⁷ *Матевосян Р. И.* Ани — престольный град и столица // ВОН, 1978, № 5 (на арм. яз.). С. 89–94.

лом обзоре армянских средневековых памятников, которые, в свою очередь, свидетельствуют о континуитете армянской историографии, тесно связанной с античными источниками. Греки являются «ромеями» для армянских авторов не потому, что эти авторы признавали или разделяли ойкуменические претензии империи, а просто потому, что Восточная империя была частью когда-то бывшей Римской империи, т. е. этноним «ромей» связывался прежде всего с Первым Римом. Только после начала формирования контактной зоны Константинополь — центр и эмблема Восточноримской христианской империи — окончательно заменил традиционный античный Византий в армянской историографии.

В армянскую историографию вошли такие византийские идеологии, как божественное происхождение императорской власти, взаимосвязь небесного и земного царств, византийская этнополитическая терминология, а также восприятие Византии как наследницы Римской империи — сюзерена «многих народов и племен». Такое представление о Византии и ее императоре связано с византийской традицией, утверждавшей доктрину «семьи правителей и народов», во главе которой стоял император ромеев.

Глубоко детерминированная взаимосвязь всех компонентов (ментального, этноконфессионального, экономического, социально-административного) представляет контактную зону как диалектическое единство, выявляющее логику своего существования через сложные феномены, порожденные взаимодействием двух культур.

Армяно-византийская контактная зона X–XI вв. являлась и кульминацией многовековых армяно-византийских отношений, и новой исторической реальностью. На территории армяно-византийских лимитрофов в X–XI вв. исторический процесс был не только сложным, но и многослойным: здесь продолжалась история армянского народа, история Византийской империи и армяно-византийских отношений, и, наконец, здесь возникла история армяно-византийской контактной зоны послеарабского периода — наиболее глубокий уровень исторических процессов, являвшийся результатом действия первых трех и, в свою очередь, оказывавший на них влияние.

Р. М. Шукуров

«НОВЫЙ МАНЦИКЕРТ» ИМПЕРАТОРА ФЕОДОРА I ЛАСКАРИСА

Современные исследователи проявляют редкое единодушие в позитивной оценке деятельности Феодора I Ласкариса (1205–1222), основателя Никейской империи. Согласно общепринятым ныне оценкам, именно его административные и воинские таланты, его неутомимое упорство сыграли решающую роль в предотвращении окончательного разгрома и оккупации Византии крестоносным воинством. Созданием «Византии в изгнании» со столицей в Никее Феодор I положил начало оформлению мощного «эллино-ромейского» оплота, который явился не только базой для восстановления империи в 1261 г., но, вероятно, и исходным пунктом для новейшего этапа в истории эллинизма. Вместе с тем следует помнить, что приоритет в оценке Феодора Ласкариса как спасителя и хранителя византийской государственности принадлежит отнюдь не современным историографам, но поздневизантийской исторической традиции, а, точнее, ее никейской ветви.¹ Однако никейская историографическая концепция, при всей ее влиятельности, являлась лишь одной из нескольких точек зрения, существовавших в политически дезинтегрированном византийском мире XIII в.: сегодня вряд ли кто-либо всерьез решится отождествить судьбу империи Ласкарей и Палеологов с судьбой всей поздневизантийской ойкумены в целом. Никейская и Палеологовская

© Р. М. Шукуров.

¹ См., например: *Angold M. A Byzantine Government in Exile. Oxford, 1975. Part I (P. 9–33); Idem. Byzantine 'Nationalism' and the Nicaean Empire // BMGS. Vol. I. 1975. P. 49–70.*

Византия — это лишь часть обширного поздневизантийского мира, который включал в себя как суверенные греческие государства на Понте, Балканах и в Крыму, так и греческие анклавные под чужеземным владычеством на Балканах, в Анатолии, Средиземноморье. Нет сомнений, что в контексте никейской и палеологовской имперских традиций позитивный аспект деятельности Феодора I Ласкариса неоспорим, однако можно задаться вопросом — не лишаются ли некоторые из его деяний своей позитивной однозначности с точки зрения последующей судьбы *всего поздневизантийского мира*, всей византийской цивилизации?²

Ниже мы предлагаем обсудить одну из самых блестящих побед Феодора I Ласкариса, воздействие которой на последующие судьбы византизма при ближайшем рассмотрении может показаться далеко не столь однозначным как это принято думать, — а именно, его последнюю кампанию против трапезундских Великих Комнинов (1214).

Пафлагонский конфликт (1214)

Уже на самом раннем этапе становления Никейского государства Феодор I Ласкарис сталкивается в Вифинии и Пафлагонии с Давидом — братом Алексея I Великого Комнина (1204–1222), основателя Трапезундской империи на Понте. Интенсивные военные действия между Ласкарисом и Великими Комнинами велись на протяжении 1205–1208 гг. В итоге Ласкарису удалось остановить Давида, рвавшего к Никомидии — ключевой твердыне на пути к Константинополю, вытеснить трапезундцев из Вифинии и запретить их в Пафлагонии. С самого начала война приняла, так сказать, «интернациональный» характер. Ласкарису помогли сельджуки, в 1205–1206 гг. блокировавшие Алексея I в Трапезунде, а на стороне Давида выступили константинопольские латиняне, с которыми он летом 1206 г. заключил союз.³

² Ср. с недавней концепцией Дж. Лэнгдона: *Langdon J. S. Byzantium's Last Imperial Offensive in Asia Minor. The Documentary Evidence for the Hagiographical Lore about John III Ducas Vatatzes' Crusade against the Turks, 1222 or 1225 to 1231. New York, 1992.*

³ Важнейшие публикации на эту тему: *Bryer A. A. M. David Komnenos and Saint Eleutherios // Archeion Pontou. 1988/1989. Vol. 42. P. 163–187; Kurşanskis M. L'empire de Trébizonde et les turcs au 13e siècle // REB. 1988. T. 46. P. 109–124; Karpov S. P. L'impero di Trebisonda, Venezia, Genovaae Roma. 1204–1461. Roma, 1986. P. 230–234; Savvides A. G. C. Byzantium in the Near East. Thessalonika, 1981. P. 68–69 (см. также рецен-*

Для последующего периода, вплоть до 1214 г., источники не сохранили практически никаких сведений о военной активности в Пафлагонии. Только бурные события 1214 г., в ходе которых никейцы отобрали у Великих Комнинов Пафлагонию, а сельджуки оккупировали Синоп, нашли отражение как у византийских, так и у восточных авторов.

О войне 1214 г. наиболее подробно повествуют два независимых источника. Первый — это записки никейца и (что важно) современника событий Николая Месарита, в ту пору эфесского митрополита.⁴ Месарит концентрируется по преимуществу на никейско-латинских делах и внутриникейской церковной жизни, похода упоминая о военно-политических коллизиях в Пафлагонии во второй половине 1214 г. Второй текст — историческое сочинение Ибн Биби, секретаря сельджукской султанской канцелярии, писавшего на фарси в конце 70-х гг. XIII в. В разделе о деяниях султана Изз ал-Дина Кай Кавуса I (1211–1219) Ибн Биби дает детальное описание синопской кампании сельджуков.⁵ Краткое сообщение о покорении Пафлагонии никейцами

зию П. И. Жаворонкова и Р. Шукурова на эту работу А. Саввидиса в ВВ. Т. 48. С. 172–178); *Lampsidès Od. La rivalité entre l'état des Grands Comnènes et celui de Nicée à propos de l'héritage de l'idée byzantine* // Actes du XVe congrès international d'études byzantines. P. IV. Histoire. Athènes, 1980. P. 186–191; *Idem.* 'Ο ανταγωνισμός μεταξύ τῶν κρατῶν τῆς Νικαίας καὶ τῶν Μεγάλων Κομνηνῶν διὰ τὴν κληρονομίαν τῆς Βυζαντινῆς ἰδέας // АР. 1977/1978. Т. 34. P. 3–19; *Жаворонков П. П.* У истоков образования Никейской империи // ВВ. 1977. Т. 38. С. 30–37; *Он же.* Никейско-латинские и никейско-сельджукские отношения в 1211–1216 гг. // ВВ. 1976. Т. 37. С. 48–61; *Vasiliev A.* The Foundation of the Empire of Trebizond (1204–1222) // *Speculum*. 1936. Vol. II. P. 21–27.

⁴ Критическое издание записок по трем сохранившимся рукописям: *Heisenberg A.* Neue Quellen zur Geschichte des lateinischen Kaisertums und der Kirchenunion // SBAW. № 3. München, 1923. Издание по одному из московских неполных списков, снабженное русским переводом: *Архимандрит Арсений.* Некого митрополита Эфесского, XIII века, не изданное доселе произведение. М. 1893. Оценка комментируемых сведений Месарита, см.: *Vasiliev A. A.* Mesarites as a source // *Speculum*, 1938. Vol. 13. P. 180–182; *Карнов С. П.* Трапезундская империя в византийской исторической литературе XIII–XV вв. // ВВ. Т. 35. 1973. С. 155.

⁵ Факсимильное издание уникального Анкарского списка: *Ibn Bibi.* El-Evamirü'l-Ala'iyye fi'l-umuri'l-Ala'iyye/ Onsöz ve fihristi hazırlıyan A. S. Erzi. Ankara, 1956. Издание сокращенного варианта («Мухтасар»), выполненного анонимом: *Histoire des Seldjoudides d'Asie Mineure d'après l'abrégé*

содержится в сочинении Акрополита, однако там события ошибочно датированы 1211 г.⁶ Кроме того, некоторые интересные детали добавляет персоязычный анонимный «Тарих-и ал-и салджук» (История Сельджукской династии), составленный в начале XIV в. и основанный на источниках, независимых от Ибн Биби.⁷ Два других свидетельства — сирийского христианина Абу ал-Фараджа (ум. в 1286 г.), а также хрониста и айюбидского эмира Абу ал-Фиды (1273–1331) — будучи слишком краткими и не во всем точными, лишь подтверждают в самых общих чертах сообщения упомянутых персидских источников.⁸

Наша задача значительно облегчается тем, что сообщения Николая Месарита и Ибн Биби, несомненно наиболее важные для реконструкции событий 1214 г., уже были предметом серьезного рассмотрения в ряде исследований.⁹ Тем не менее до сих пор остается спорной

du Seldjouknameh d'Ibn Bibi/ Texte persan publié ... par M. Th. Houtsma. Leide, 1902. Заслуживающий доверия немецкий перевод «Мухтасара» с добавлениями из полного варианта: *Duda H. W.* Die Seltschukengeschichte des Ibn Bibi. Kopenhagen, 1959. Греческий перевод и комментарий к отрывку о событиях 1214 г.: *Savvides A.* Οἱ Μεγάλοι Κομνηνοὶ τοῦ Πόντου καὶ οἱ Σελτζούκοι τοῦ Ῥῆμ (Ἰκονίου) τὴν περίοδο 1205/1206–1222 // *AP.* Т. 39. 1988. P. 169–193. Переводы извлечений на русский язык: *Якубовский А. Ю.* Рассказ Ибн-ал-Биби о походе малоазийских турок на Судак, половцев и русских в начале XIII в. // *ВВ.* 1927. 25. №. 53–77; *Тизенгаузен В. Г.* Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Т. 2: Извлечения из персидских сочинений. М., Л.; 1941. С. 25–26. Русский перевод из турецкого переложения хроники XVI в. («Сельджукнамэ» Языджиоглу Али): *Мелиоранский П. И.* Сельджук-намэ как источник для истории Византии XII–XIII вв. // *ВВ.* 1892. 1. С. 613–640.

⁶ *Georgius Acropolita.* Opera/ Ed. A. Heisenberg, P. Wirth. Т. 1. Stuttgart, 1978. P. 18. Э. Брайер предпринимал попытку обосновать Акрополитову датировку 1211 г.: *Bryer A. A. M.* David Komnenos and Saint Eleutherios. P. 185.

⁷ *Histoire des Seldjoukides d'Asie Mineure par un anonyme/ Texte persan publié par F. N. Uzluk.* Ankara, 1952. P. 43–44.

⁸ *Gregorius Abu al-Faraj.* The Chronography of Gregory Abu'l-Faraj the son of Aaron. Vol. 1: Translation from Syriac by E. A. W. Budge. London, 1932 (repr. Amsterdam, 1976). P. 369; *Abu-l-Feda.* Annales musulmici. Arabice et latine/ ed. I. G. C. Adler. Т. 4. Hafniae, 1792. P. 252–255. Подробный разбор сообщений последнего автора см.: *Жаворонков П. И.* Nikejsko-трапезундские отношения... С. 186–187.

⁹ См. важнейшие публикации: *Kurşanskis M.* L'empire de Trébizonde et les turcs... *Bryer A. A. M., Winfield D.* The Byzantine Monuments and

проблема совмещения и согласования данных этих источников друг с другом, к решению которой мы и приступим.

Месарит и Ибн Биби весьма скупы на точные датировки описываемых событий, оба автора отдают предпочтение относительным временным определениям, которые нередко лишь затемняют реальную хронологию. В особенности это касается текста Ибн Биби. В то же время повествование Николая Месарита, который писал через несколько недель после событий, содержит достаточно косвенной информации для того, чтобы приблизительно восстановить хронологию Пафлагонской войны 1214 г. Поэтому в нашем дальнейшем изложении мы жертвуем хронологией Ибн Биби, относительные датировки которого во многих случаях следует признать слишком неточными,¹⁰ и отдаем предпочтение хронологии Месарита, писавшего свое послание по свежим воспоминаниям. Итак, обратимся к тому, что донесли до нас источники о пафлагонских событиях 1214 г.

Один из самых ранних эпизодов разыгравшейся драмы представлен в тексте Ибн Биби. Происходило это, если верить относительной хронологии Месарита и Ибн Биби и судить по датировкам последующих событий (см. ниже), до *августа* 1214 г. Ибн Биби сообщает, что к султану Изз ал-Дину Кай Кавусу I (1211–1219), находившемуся тогда в Сивасе, «неожиданно прибыли гонцы от стражей границ со стороны Синопа и привезли послание, скрепленное печатью, о том, что преступлениям и посягательствам в [анатолийской] земле кира Алексея, *таквара* (т. е. *царя*. — *Р. III*.) Джанита, стали тесны рубежи его державы, его вторжения в пределы принадлежащих султану земель преступили все границы».¹¹ О вторжении «многочисленного воинства» Алексея I в сельджукские земли «со стороны Синопа» сообщает и «Тарих-и ал-и салджук».¹² Объяснение этих свидетельств,

Topography of the Pontos. Vol. 1. Washington, 1985. P. 69, 71; *Жаворонков П. И.* Никейско-трапезундские отношения в 1213–1223 гг. // Византийские очерки. М., 1982. С. 183–190; *Heisenberg A.* Neue Quellen. S. 66–72; *Savvides A.* Οι Μεγάλοι Κομνηνοί. Работа А. Саввидиса содержит подробную библиографическую сводку.

¹⁰ Если строго следовать счету дней, содержащемуся в отрывке Ибн Биби, то вся сельджукская кампания против Синопа укладывается в 7–10 дней, что, как мы увидим, никак не могло соответствовать действительной продолжительности событий.

¹¹ *Ibn Bibi* (Ankara). P. 147; *Ibn Bibi* (Leide). P. 54; *Duda H.* S. 64.

¹² Однако, по утверждению «Тариха», султан находился тогда в Кесарии: *Histoire des Seldjoukides* (Ankara, 1952). P. 43–44.

столь важных для уяснения логики конфликта, вызывает определенные трудности. Сделаем небольшое отступление и остановимся на их интерпретации подробнее.

Единственное объяснение этим утверждениям персидских хронистов выдвинул М. Куршанскис. По мнению исследователя, в годы, предшествовавшие пафлагонской войне, Алексей I действовал заодно с мятежным братом сельджукского султана Изз ал-Дина — Ала ал-Дином Кай Кубадом (султан в 1219–1237 гг.).¹³

Царевич Ала ал-Дин при жизни отца — Гийас ал-Дина Кай Хусрава I (1205–1211) — наместничал в Токате, в столице области Данишмандия, граничившей на севере с владениями Великих Комнинов. После смерти отца Ала ал-Дин отказался признать власть своего старшего брата Изз ал-Дина, воцарившегося в июне 1211 г.,¹⁴ и поднял мятеж, оспаривая у него престол. Источники сообщают, что Ала ал-Дин заручился поддержкой своего дяди — Абу Хариса Мугис ал-Дина Тугрулшаха, влиятельного эмира Эрзерума (1201/1203–1225). Из текста Ибн Биби следует, что и до того между Ала ал-Дином и Тугрулшахом существовали дружеские отношения.¹⁵ Другим союзником царевича стал христианин — царь Киликийской Армении Левон II (1187–1219), к которому Ала ал-Дин послал гонца с обещанием отдать ему Кесарию/Кайсари. На стороне царевича, возможно, выступили и североанатолийские кочевники-туркмены. Союзники блокировали султана в Кесарии. Однако султану Изз ал-Дину удалось договориться с царем Левоном и тот отвел свои войска от Кесарии; вслед за ним отступил и эмир Эрзерума. На решение армяно-тюркских союзников, возможно, повлияло и вмешательство в конфликт айюбида Малика Ашрафа, давнего врага эрзерумцев, благосклонно отозвавшегося на призыв сельджукского султана. Ала ал-Дин, оставленный союзниками, отступил от Кесарии и занял Анкиру/Анкурию. Спустя некоторое время султанские войска осадили Анкиру, Ала ал-Дин сдался на милость победителя. Султан сначала хотел казнить брата, однако, благодаря заступничеству некоторых своих приближенных, ограничился тем, что посадил Ала ал-Дина под арест в Митилене/Малатье.¹⁶

¹³ *Kurşanskis M.* L'empire de Trébizonde et les turcs. P. 112; *Cahen Cl.* Pre-Ottoman Turkey. P. 120–122.

¹⁴ *Histoire des Seldjoukides* (1952). P. 43. Точнее — 28 июня 1211 г. (14 мухаррама 608 г. Х).

¹⁵ *Ibn Bibi* (Leide). P. 40. 18–19: میان ایشان پیوندی رفته

¹⁶ *Ibn Bibi* (Leide). P. 40–44, 50; *Abu-l-Feda*. P. 248–250; *Смбат Спарамет.* Летопись/ Пер. с древнеармян., предисл. и прим. А. Г. Галстяна. Ереван, 1974. № 122; *Abu-al-Faraj*. P. 364.

Известные нам источники не позволяют точно датировать эти события. Относительная датировка по тексту Ибн Биби позволяет привязать начало и завершение осады Кесарии ко второй половине 1211 г., после июня этого года. Смбат Спарамет датирует поход Левона II к Кесарии также 1211 г. Осада Анкиры, судя по тексту Ибн Биби, длилась по меньшей мере год «от ранней весны до ранней весны следующего года»,¹⁷ то есть либо с 1212 по 1213 г., либо с 1213 по 1214 г., а пленение Ала ал-Дина произошло соответственно либо весной 1213 г., либо весной 1214 г. Причем Ибн Биби утверждает, что сдача Анкиры произошла вскоре после наступления весеннего равноденствия (20–21 марта): «когда знамена царя звезд [т. е. Солнца. — Р. Ш.] достигли точки весеннего равноденствия (اعتدال ربيعی)...».¹⁸ Абу ал-Фида (правда, не очень точный в деталях) однозначно относит арест Ала ал-Дина и препровождение его в Митилену к 610 г. Х. Лунный 610 г. длился по солнечному календарю с 23 мая 1213 г. по 12 мая 1214 г., поэтому, если довериться Абу ал-Фиде и Ибн Биби, следует думать, что Анкира пала лишь весной 1214 г. (в период с конца марта до начала мая). Хотя, конечно, это предположение требует дальнейшей проверки.

Несмотря на общее молчание наших источников о каком-либо участии понтийских греков в этом конфликте, все же догадка М. Куршанскиса не лишена оснований: весьма возможно, что не только Левон II и Тутрул-шах пытались помочь Ала ал-Дину, но и Алексей I Великий Комнин заключил с ним союз. Это тем более вероятно, что Алексей I был ближайшим и, пожалуй, наиболее могущественным соседом Ала ал-Дина по владениям в области Данишмандия. Дополнительным аргументом в пользу этого предположения является и то обстоятельство, что для чуть более позднего времени (конца 10-х и 20-х гг. XIII в.) известно о том, что Великие Комнины поддерживали добрые отношения с другим субъектом этого союза — с эмиром Эрзерума, владения которого прилегали к юго-восточным границам комниновской Халдии; так что, этот трапезундско-эрзерумский альянс, возможно, начал складываться уже до 1214 г. Эти соображения позволяют нам поддержать догадку М. Куршанскиса.

Судя по уверенным (хотя и недостаточно конкретным) утверждениям сельджукских хронистов, упомянутым выше, войны Алексея I участвовали в какой-то военной акции на сельджукской территории. Описанный конфликт внутри сельджукидской царской семьи

¹⁷ *Ibn Bibi* (Leide). P. 49.1–2, а также P. 49.9.

¹⁸ *Ibid.* P. 49.9–10.

является пока наилучшим объяснением враждебных действий трапезундцев по отношению к султану Изз ал-Дину и, с другой стороны, косвенно подтверждает участие Великих Комнинов в христианско-мусульманской коалиции Ала ал-Дина.

Остается не ясным, когда именно и с какой тактической целью трапезундское воинство выступало против сельджуковского султана — то ли в 1211—начале 1214 г., то ли уже во второй половине 1214 г. (как можно понять из персидских источников) с целью повлиять на осаду Анкиры или на судьбу арестованного Ала ал-Дина, или же, может быть, чтобы отвлечь сельджуков от Эрзерума. Однако знаменателен сам факт пребывания Изз ал-Дина во второй половине 1214 г. в удаленных от главных центров султаната северных пределах, в непосредственной близости от владений как Великих Комнинов, так и Тугрул-шаха, — может быть, и ко второй половине 1214 г. эта распря еще не исчерпала себя, и персидские авторы правы в том, что греки в тот момент находились в состоянии войны с султаном?

Вместе с тем можно думать, что в 1211–1214 гг. усиливалась напряженность и в никейско-трапезундских отношениях, — может быть, Великие Комнины решились на какие-то угрожающие приготовления на своей западной границе, ибо Месарит, рассказывая о событиях конца августа 1214 г., писал об Алексее I как о замышляющем «втайне много худого» против никейцев.¹⁹

Однако вернемся к рассказу Ибн Биби. Придворные, продолжает свое повествование историк, узнав о вторжении греков, посоветовали султану атаковать Великих Комнинов. Султан расспросил о Синопе осведомленных людей. Они сообщили ему, что город можно взять лишь после долгой осады и только в том случае, если запасы еды в городе скудны и если не будет защитникам подмоги ни с моря, ни с суши. Однако внезапно явились отправленные на рекогносцировку лазутчики и принесли весть о том, что кир Алексей I охотится в окрестностях Синопа, и с ним всего пятьсот всадников. Ради царской забавы Алексей, видимо, покинул неприступный синопский полуостров и слишком далеко ушел от берега. Спешно отправленный султаном отряд пленил Алексея I во время пира. Часть свиты василевса пала в коротком бою. Сразу же после этого султан подошел к стенам Синопа, где его уже ждал сельджуковский авангард.²⁰

¹⁹ *Heisenberg A. Neue Quellen...* S. 11.7–13. См. также ниже.

²⁰ *Ibn Bibi* (Ankara). P. 147–149; *Ibn Bibi* (Leide). P. 54–55; *Duda H.* S. 64–65. Абу ал-Фарадж ошибочно утверждает, что Кир Алексей был убит султаном (*Gregorius Abu al-Faraj*. P. 369).

Когда султан потребовал от Алексея I сдать город, тот попросил привести к нему «одного из своих великих эмиров»,²¹ попавших вместе с ним в плен. Василевс отправляет в Синоп своего «эмира» с написанным по-гречески письмом. Начальники твердыни поначалу отказывались сдаться, заявляя, что «если кир Алексей и пленен, то есть у него достойные сыновья, растущие в Джаните, — одного из них на царство и посадим, но эту землю мусульманам не сдадим!»²² Синопцы не вняли повелению своего василевса.

О том, что тем временем происходило в Никее, повествует Месарит, помогая более или менее точно датировать время пленения Алексея I сельджуками. Речь идет о следующих трех отрывках из «Отчета» эфесского митрополита.

(I) «Когда мы шли [уже] недалеко от ворот Никей, внезапно некто [прибывший] из северных климатов подошел к василевсу (так сказать, божественный вестник), издали возглашая: “Возрадуйтесь все! Идите к Властителю благочестия и Сокрушителю мировых царств! Вот ведь, Алексей, преисполненный спеси, род ведущий от Комнинов, против Державы ромеев втайне замышляющий много худого...”»²³ Следующие строки испорчены. Очевидно, что в этом отрывке речь идет о каком-то катастрофическом (и потому невероятно радостном для никейцев) поражении Алексея I. Далее идет речь о смерти патриарха Михаила IV Авториана (26 августа 1214 г.) и пространный пассаж о его христологических воззрениях, решительно осуждаемых Месаритом.²⁴ Покончив с разбором патриарших заблуждений, Месарит возвращается к хронологической канве и вкратце напоминает читателю о том, что было сказано выше о пафлагонских делах:²⁵

(II) «А как только он [т. е. патриарх Михаил IV. — P. III.] переселился из сего мира, а лежащие к северу страны [т. е. Пафлагония. —

²¹ Под именованием «великий эмир» (امير بزرگ) вполне мог скрываться реальный комниновский дворцовый титул с первым элементом *μεύας* (*Pseudo-Kodinos. Traité des offices/* introduc., texte et traduc. par J. Verreaux. Paris, 1966. P. 344–349).

²² *Ibn Bibi* (Ankara). P. 150; *Ibn Bibi* (Leide). P. 56; *Duda H.* S. 66. Синопцы, вероятно, имели в виду Иоанна Аксуха, сына-первенца Алексея и будущего императора (1235–1238), и Иоанникия, постриженного в монахи в 1238 г. (Panaretos, 61.11–18). Третий из известных сыновей Алексея (Мануил) родился лишь в 1218 г.

²³ *Helsenberg A.* Neue Quellen... S. 11.7–16.

²⁴ *Ibid.* S. 11.19–18.4.

²⁵ *Ibid.* S. 66; *Vasiliev A.* Mesarites as a Source. P. 181.

Р. III.] в то время оказались под одною державою царя нашего, то наш царь приказал возвести на Константинопольскую кафедру преемника умершему по выбору и одобрению священного сонма архiereев. Тогда и были принесены державному радостные вести. И он помчался бы верхом [из Никеи] и направил бы узду в [землю] пафлагонов, если бы множество препятствий в церковных [делах] не сдерживали львиной храбрости василевса, заботившегося о мире и безмятежи церкви...».²⁶ Ласкарис вскоре умиротворил церковь и возвел на престол нового патриарха.²⁷

(III) После того, Феодор I «немедленно, не заботясь ни о чем, так что почти и пищи не отведав, стремительно напал на землю пафлагонов, которую одним военным кличем за семь дней усмирения подчинил неодолимой деснице своей».²⁸

Присоединяясь к А. Хайзенбергу и А. Васильеву, мы понимаем I и II отрывки как повествование об одном и том же событии, а именно о том, как «некий божественный вестник» принес Ласкарису «радостные вести» о пленении сельджуками Алексея I во время охоты. Весть пришла незадолго до кончины Михаила Авториана 26 августа 1214 г. За неимением более точных хронологических ориентиров эту дату можно считать *terminus ante quem* для пленения турками Алексея I.

Из второго отрывка также следует, что уже в период между концом августа и 28 сентября (днем избрания новым патриархом Феодора Иреника) под власть никейцев переходят какие-то земли в Пафлагонии, вероятно, сданные трапезундцами после пленения их императора. Свой первый поход в Пафлагонию Феодор I Ласкарис совершает вскоре после 28 сентября 1214 г., вероятно, уже в начале октября и в течение недели (если только это не Месаритова гипербола) покоряет «землю пафлагонов». Возвращается он из этой кампании лишь во второй половине октября.²⁹

²⁶ Heisenberg A. Neue Quellen... S. 18.14–22; *Архимандрит Арсений*. С. 15–16.

²⁷ Heisenberg A. Neue Quellen... S. 18.23–32.

²⁸ Ibid. S. 19.1–4

²⁹ Heisenberg A. Neue Quellen... S. 19.8–13.68, 74. См.: *Жаворонков П. И.* Ук. соч. С. 185–186. П. И. Жаворонков, анализируя приведенные отрывки из текста Месарита, предполагает, что между 28 сентября и началом ноября Ласкарис *дважды* (а не один раз) вторгнулся в Пафлагонию. На наш взгляд, обсуждаемый текст Месарита в достаточной мере однозначен и ясен и вряд ли нуждается в подобных поправках.

В 10–20-х числах ноября 1214 г. Николай Месарит, побывав у кардинала Пелагия в Константинополе, с гордостью поведал латинянам о никейских военных «успехах в нынешнем году» (τήτινον κατόρθωσα, т. е. в 6723 г. от Адама, начавшемся 1 сентября 1214 г. по РХ), имея в виду октябрьскую атаку Ласкариса: «с Божьей помощью всю землю пафлагонов с укрепленными в ней городами подчинил [Ласкарис] неодолимой силой и десницей своей». ³⁰ Ираклия Понтийская и Амастрида перешли к Ласкарису, вероятно, именно в октябрьскую кампанию.

В течение октября 1214 г., пока никейцы утверждали свою власть в Пафлагонии, Изз ал-Дин продолжал осаду Синопа. Султан, наконец, прибег к крайней мере. Два дня Алексей подвергался пыткам в виду у синопцев. «О безбожники, — взывал Алексей, — для кого бы вы ни берегли город, если убьют меня, а вас все равно опутают в гневные оковы плена, то что за польза от такого сопротивления?!» Когда василевс под пыткой потерял сознание, синопцы согласились принять сельджукского вестника. Они сдали город в обмен на султанскую клятву о том, что царю будет сохранена жизнь и возвращена свобода, а синопцы смогут с имуществом и семьями покинуть город. ³¹

Горожан принудил к сдаче, как видно, целый комплекс неблагоприятных для них обстоятельств. Это и страдания их василевса, и захват Западной Пафлагонии Феодором I Ласкарисом, а главное то, что в ходе осады сельджукский полководец, некий Бахрам Таранблуси, сжег синопский флот, затруднив или вовсе прервав сообщение осажденных с внешним миром (султан, по всей видимости, учел мнение своих приближенных, указавших на желательность морской блокады Синопа). ³²

26 *джуммада второго* 611 г. (1 ноября 1214 г.) слуги кира Алексея I и приближенные Изз ал-Дина внесли султанский санджак в

³⁰ *Helsenberg A. Neue Quellen... S. 25.18–19, 26.3–6; Архимандрит Арсений. С. 31–32. Ср.: Жаворонков П. И. Ук. соч. С. 184.*

³¹ *Ibn Bibi (Leide). P. 56–57; Duda H. S. 66.* Демонстрация мучений знатных пленников под стенами осажденной твердыни являлась известным средством брать крепости. Ср., например, как защитники осажденной в 1196 г. сельджуками Дадивры сдались сразу, стоило только тюркам поводить вдоль стен плененных греческих стратигов со связанными руками (Nicetae Choniatae historia/ rec. J. A. van Dieten. Т. 1. Berolini, 1975. P. 474).

³² *Histoire de seldjoucides (Ankara, 1952). P. 44.*

город и водрузили его на крепостной башне. В следующем году это событие было увековечено греко-арабской надписью на стенах крепостной башни, возведенной в месяце *раби ал-ахир* 612 г. (август 1215 г.) по приказу Бадр ал-Дина Абу Бакра, «слуги (доблос) великого султана». ³³

Анонимный «Тарих» сообщает, что в Синопе в числе защитников находился отряд латинян. Сельджуки предали мучительной казни тридцать из них во главе с их командиром: с еще живых пленников содрали кожу. ³⁴ Остается загадкой, были ли эти латиняне наемниками или союзниками Алексея I, почему на них не распространились условия капитуляции и, наконец, чем была вызвана столь жестокая казнь части из них?

В Синопе Алексей и Изз ал-Дин подписали мирный договор. Ибн Биби цитирует, по всей видимости, подлинный персидский вариант этого договора, составленного «нотариями» султана. ³⁵ В нем, в частности, говорилось: «Если султан мне, киру Алексею, дарует жизнь, мне и моим потомкам назначит во владение Джанит ³⁶ вне крепости Синоп и ее окрестностей, то буду поставлять [султану] каждый год десять тысяч динаров, пятьсот лошадей, две тысячи коров, десять тысяч голов овец, пятьдесят выюков разных даров, а когда [султан] попросит о помощи, то помогу со всем своим войском, сколько его будет». Свидетелями в этом контракте были «самые значительные лица» обеих сторон. ³⁷ Попутно отметим, что документ, приведенный

³³ Heisenberg A. Neue Quelle... S. 70–71; *Ibn Bibi* (Leide). P. 56–57; *Duda H.* S. 66–67; *Bryer A. & Winfield D.* The Byzantine Monuments and Topography of the Pontos. Vol. 1. Washington, 1985. P. 71–72, 88.

³⁴ Histoire de seldjoukides (Ankara, 1952). P. 44. Cf.: *Cahen Cl.* Seldjukides de Rûm, byzantins et francs d'après le 'Seljuknameh' anonyme // *Mélanges Henri Grégoire*. Bruxelles, 1951. T. 3. P. 102; *Kuršanskis M.* L'empire de Trébizonde et les turcs. P. 113.

³⁵ По предположению Х. Дуды, под *нотариями* Ибн Биби подразумевал писцов «греческого отделения» султанской канцелярии (*Duda H.* S. 67 und Bemerk. b).

³⁶ О топониме «Джанит» и, в частности, о том, какой смысл в него вкладывал Ибн Биби, см.: *Bryer A.* Some Notes on the Laz and Tzan (II) // *Bedi Kartlisa*. Vol. XXIII–XIV (52–53). 1967. P. 161–169 and especially 163–164 (*Idem.* Peoples and Settlement in Anatolia and the Caucasus, 800–1900 / *Variorum collected studies series*. London, 1988. № XIVb).

³⁷ *Ibn Bibi* (Ankara). P. 153; *Ibn Bibi* (Leide). P. 57–58; *Duda H.* S. 67. Достоверность приведенного у Ибн Биби договора косвенно подтверждается

у Ибн Биби, — уникальный образчик письменной капитуляции византийского василевса перед более сильным государем.

О результатах сельджукской кампании писал и Абу ал-Фида. Хотя он ошибочно отождествил *кира* Алексея с Феодором Ласкарисом, по сути его сообщение подтверждает тест Ибн Биби и анонимного автора «Тариха». Султан хотел убить византийского *малика*, однако тот «выкупил свою жизнь за огромное богатство и передал Кай Кавусу крепости и земли, никогда не принадлежавшие мусульманам».³⁸

Затем Алексей I и его приближенные поднялись на корабли и отправились в Джанит, под которым Ибн Биби, вероятно, подразумевал Халдию или сам Трапезунд.

Несмотря на сокрушительное поражение, в ноябре 1214 г. трапезундцы предприняли какие-то попытки спасти положение в Западной Пафлагонии. Ласкарису пришлось выступить во второй поход на Пафлагонию (во второй половине ноября 1214 г.), ибо «порождение ехиднино, драконово исчадие [т. е. Великий Комнин. — Р. III.] еще шевелит хвостом».³⁹ Однако Ласкарис не встретил серьезного сопротивления. Месарит, посетив императора в Ираклии Понтийской вскоре после завершения кампании в начале декабря 1214 г., писал, что увидел василевса «ласковым, благосклонным, скромным и не чванливым — [отнюдь] не возгордившемся тем, что без кровопролития и убийства привел под свою власть так много городов, и обширных, и наполненных большим богатством, а также и положение имеющих превосходное».⁴⁰ Ноябрьская кампания никейского императора поставила точку в войне 1214 г.: вся Пафлагония отошла к никейцам. Никея навсегда избавилась от наиболее грозного и авторитетного из своих греческих соперников.

Так завершился раздел Пафлагонии. Пафлагония под властью Ласкариса и первых Палеологов обратилась в отдаленную и мало значительную провинцию, на территориальные потери в которой впоследствии мало обращали внимания. Сельджуки не только овладели самым неприступным и удобным портом во всем Южном Причерноморье, но тогда же, вероятно, вернулись в другой черномор-

данными Иоанна Лазаропула (Fontes historii Trapezuntini/ ed. A. Papadopoulos-Kerameus. Т. 1, St. Petersburg, 1897. P. 131).

³⁸ *Abu-l-Feda*. P. 254. См. также сноску 8.

³⁹ *Heisenberg A. Neue Quelle...* S. 33.15–17; *Жаворонков П. И.* Ук. соч. С. 186 и сн. 19.

⁴⁰ *Heisenberg A. Neue Quelle...* S. 33.26–31; *Архимандрит Арсений*. С. 50.

ский порт — Самсун, отобранный у них Великими Комнинами около 1204 г.⁴¹

Греко-тюркские альянсы

Столь легкий и бескровный разгром Великих Комнинов в Пафлагонии во многом выглядит случайным. На наш взгляд, он вряд ли отразил действительное соотношение противоборствующих сил. Как показали события никейско-трапезундской войны 1205–1208 гг., Ласкарис оказался не в состоянии вытеснить Великих Комнинов из Пафлагонии: обе его попытки отнять у Давида Ираклию (1206 и 1208 гг.), главную комниновскую базу, окончились жестокими поражениями никейцев. Трапезундско-сельджукская война 1205–1206 гг. продемонстрировала способность Великих Комнинов эффективно перекрыть сельджукам выход к Черному морю.⁴² Вряд ли стоит сомневаться в том, что и в 1214 г. Великие Комнины располагали значительными военными ресурсами для более упорной и продолжительной войны на два фронта. Как это ни парадоксально, но успех никейцев и сельджуков в 1214 г. был во многом предопределен нелепой оплошностью Алексея I, весьма не вовремя отправившегося на охоту.

Однако есть и другое, вероятно, не менее существенное обстоятельство, повлиявшее на исход дела. Параллельное изложение действий Феодора I Ласкариса и Изз ал-Дина Кай Кавуса I в войне 1214 г. не оставляет сомнений в согласованности действий никейских греков и тюрков.⁴³ Несколькими годами раньше давний никейско-сельджукский союз пережил серьезный кризис, вылившийся в крупное столкновение на Меандре (1211). В ходе этого знаменитого сражения султан Гийас ал-Дин, бывший соратник Ласкариса, пал от меча то ли наемного франка, то ли самого Феодора I.⁴⁴ Однако после воцарения Изз ал-Дина Кай Кавуса I (июнь 1211 г.), сына погибшего султана, сам Феодор I возобновил союз с тюрками, прислав к ним примирительное посольство со сказочно богатыми дарами; василевс и султан заочно

⁴¹ *Kurşanskis M.* L'empire de Trébizonde et les turcs. P. 114.

⁴² *Vasiliev A.* The Goths in the Crimea. Cambridge. Massachusetts, 1936. P. 158–159.

⁴³ *Kurşanskis M.* Op. cit. P. 112. О никейско-сельджукском союзе в 1214 г. писал еще Ф. Успенский (Очерки из истории Трапезундской империи. Л., 1929. С. 32–33); иную точку зрения отстаивает П. И. Жаворонков (Никейско-латинские... С. 59–60), полагая, что такого союза в 1214 г. не существовало.

⁴⁴ О комплексе никейско-сельджукских противоречий в тот период см.: *Cahen Cl.* Pre-Ottoman Turkey. P. 120.

обменялись клятвами в верности друг другу.⁴⁵ Закрепляя союз, Ласкарис прислал еще 20 тысяч динаров, чтобы раздали бедным по случаю захоронения останков Гийас ал-Дина в семейной усыпальнице в Конье. Учитывая последующие события, можно предположить, что этот союз с самого начала носил, в частности, антикомниновский характер и зиждился на общей тюрко-никейской заинтересованности в разделе Пафлагонии и блокировании Великих Комнинов в пределах далекой Халдии, стратегически безопасной для обоих партнеров. Весь предыдущий опыт борьбы с Великими Комнинами подталкивал никейцев и тюрков к осознанию необходимости в согласованных действиях против Алексея I. Не исключено, что «послание, скрепленное печатью» о «посягательствах» Алексея I, которое получил султан в самом начале конфликта, пришло на самом деле от никейцев. Не менее вероятно и то, что упоминавшийся выше «божественный посланник», принесший Ласкарису весть о пленении Великого Комниана, прибыл к Ласкарису от самого султана Изз ал-Дина.

Однако, как показывают события 1211–1214 гг., первоначальная схема противостояния в Пафлагонии, возможно, была еще более усложнена Великими Комнинами, включившимися в анатолийское противостояние между иконийскими сельджуками и их стратегическими соперниками (тюрками и армянами) на северо-восточной и юго-восточной периферии Малой Азии. Острие гипотетического трапеузундско-тюркского союза в начале 10-х гг. XIII в. было направлено не столько против никейцев, сколько против их соратника — султана Икония. Тем не менее не исключено, что и в 1214 г. Феодору I и иконийскому султану могли противостоять не только Алексей I и латиняне (на этот раз, может быть, наемные), но, возможно, и тюркские антагонисты Икония.

Возможно, что это была одна из первых попыток Великих Комнинов нейтрализовать тюрков другими тюрками, которая в 1211–1214 гг. не принесла грекам существенной пользы. В последующем византийские правители Понта будут пользоваться подобным приемом с большей для себя выгодой.⁴⁶ Как бы то ни было, мы можем конста-

⁴⁵ *Ibn Bibi* (Leide). P. 45–47; *Duda H. S.* 57–58; *Histoire de seldjoucides* (Ankana, 1952). P. 43; *Cahen Cl.* Pre-Ottoman Turkey. P. 120–122; *Kurşanskis M.* L'empire de Trébizonde et les turcs. P. 111–112.

⁴⁶ *Shukurov R.* Between Peace and Hostility: Trebizond and the Pontic Turkish Periphery in the Fourteenth Century // MHR. Vol. 9/1. 1994. P. 54–62, 69–72; *Idem.* The Campaign of shaykh Djunayd Safawi against Trebizond (1456 AD/860 H) // BMGS. Vol. 17. 1993. P. 139–140.

тировать, что уже на самом начальном этапе истории обоих поздневизантийских государств проявилась их явственная ориентация на союзы с тюрками.

Нам не известно, что мог бы сулить Алексей I своим тюркским союзникам, однако очевидно то, что Феодор I Ласкарис заплатил иконийскому султану за услугу *византийским* (отвлечемся от «партийных» делений в среде греков) Синопом. Это последнее обстоятельство и предопределило поистине катастрофические последствия событий 1214 г. для будущей судьбы анатолийского эллинизма, к обсуждению которых мы и обратимся.

Расколота я Анатолия

В ходе войны 1214 г. не состоялось ни одного сколько-нибудь значительного сражения, не было ни яростных штурмов, ни сотен павших в бою. Однако мы не побоимся поставить ее по значимости для последующей истории византизма рядом с переломной катастрофой при Манцикерте (1071). К этому подталкивают нас следующие очевидные последствия войны 1214 г.

Первое. Для уяснения действительного исторического значения этого события следует отвлечься от «узкопартийных» интересов никейцев и трапезундцев и взглянуть на проблему шире. Потеря Великими Комнинами Пафлагонии и Синопа означала фактическую потерю для анатолийского византизма важнейшего стратегического оплота в борьбе с распространением тюрков. В XI–XII вв. Комнины прекрасно осознавали стратегическую важность Пафлагонии и сопредельных черноморских территорий. Эти области не только отрезали тюрков от прямого выхода к прибыльной черноморской торговле. Они, что важно, являлись единственной смычкой между западными и северо-восточными анатолийскими владениями Византии. Пафлагония, кроме того, играла определенную роль в стратегической обороне магистрального пути к Константинополю и вообще в европейскую часть империи через Вифинию. В конце XI и в XII в. эти земли явились ареной важнейших военных акций византийцев против армий сельджукских султанов и полунезависимых кочевых тюрков. На протяжении почти всего XII столетия на византийско-тюркской анатолийской границе сохранялся неизменный баланс сил, в котором Византия представляла собою далеко не слабейшую сторону.⁴⁷ Даже в период стремительного упадка византийской мощи, последо-

⁴⁷ *Lilie R. J. Twelfth-century Byzantine and Turkish States // Manzikert to Lepanto. The Byzantine World and the Turks 1071–1571/ Ed. A. Bryer,*

вавшего после битвы при Мириокефале (1176) и смерти Мануила I (1180), на северо-анатолийском театре тюрки смогли овладеть лишь стратегически второстепенным и не самым удобным для торговли портом Амис/Самсун (около 1194 г.), из которого через десятилетие были изгнаны Великими Комнинами.⁴⁸

В последующую эпоху все прежние преимущества «пафлагонской смычки» обратились с точки зрения локальных интересов Nikei в опасные недостатки. Пафлагония, став базой для реставраторских походов Великих Комнинов на Запад, теперь таила в себе существенную угрозу для самого существования Nikeйского государства. Это и предопределило столь легкий отказ Феодора I Ласкариса в пользу тюрков от Синопа, одного из ключевых стратегических пунктов региона. Обладание Синопом, в свою очередь, обусловило постепенный переход в последующие десятилетия в руки тюрков большей части Пафлагонии: регион не представлял стратегического интереса ни для Nikei, ни тем более для восстановленной в 1261 г. Палеологовской Византии.

В результате потери Синопа впервые сфера господства византийской власти в Анатолии оказалась расколотой надвое — на два изолированных друг от друга крупнейших анклава — Западно-Анатолийский и Понтийский. Оба анклава в последующие после 1214 г. десятилетия были прочно блокированы туркменскими кочевыми уджами. К началу XIV в. Западно-Анатолийский оплот византинизма фактически перестал существовать, поделенный между тюркскими князьками; судьба оставшихся в руках византийцев нескольких городских центров была, по существу, предрешена. Восточно-Анатолийский анклав к XIV в. сократился более чем вдвое до узкой береговой линии примерно от Лимний до Лазики со скромным хинтерландом.⁴⁹ Таким образом, война 1214 г. в известной мере предопре-

M. Ursinus (Byzantinische Forschungen. 1991. Bd. XVI). P. 35–51 and especially P. 37–41.

⁴⁸ Bryer A. David Komnenos. P. 177. Э. Брайер полагает, что тюркам принадлежали, кроме Самсуна, еще Павры (Бафра) и Иней (Унье).

⁴⁹ О роли тюркского кочевого элемента в Анатолии см.: *Vryonts Sp. Nomadization and Islamization in Asia Minor // DOP, 1975, 43–71*; *Bryer A. Greeks and Turks: the Pontic Exception // Dumbarton Oaks Papers. Vol. 29. 1975. P. 113–149*. Ср. с картой греческих поселений на Понте (XIV–XX вв.) Э. Брайера: *Idem. The Tourkokratia in the Pontos. Some Problems and Preliminary Conclusions // Neo-Hellenika. Vol. 1. 1970 (Idem. The Empire of Trebizond and the Pontos/ Collected studies series. London, 1980. № XI). P. 30*; *Hopwood K. Nomads or Bandits? The pastoralist/sedentarist interface in Anatolia // Manzikert to Lepanto. P. 179–194*.

делила полную потерю византийцами территорий на Западе Анатолии и значительную редукцию греческих земель на Востоке Малой Азии.

Второе. До войны 1214 г. тюрко-мусульманский элемент был прочно блокирован во внутренних районах Анатолии, зажатый с севера, запада и юга единым монолитом византийских владений, с юго-востока — армянско-килийскими землями, а с северо-востока — Грузинским царством. В XI–XII вв. тюркский элемент при всей его влиятельности ни в коей мере не являлся *господствующим* в Анатолии, и на рубеже XII и XIII вв. у византийцев еще сохранялась теоретическая возможность не только успешного продолжения блокады тюрков во внутренних областях полуострова, но, при благоприятных условиях, и вытеснения их из стратегически важных пунктов во внутренней Пафлагонии, на Меандре, в Припонтийской области.

Отсутствие свободных выходов к морям, и в особенности к Черному морю, весьма заботило сельджуков. Блокирование византийцами торговых путей, ведущих к Черному и Средиземному морям, и нарушение обычного хода торговли всегда вызывало со стороны сельджукских султанов болезненную реакцию. В 1197 г. подобная причина расколола Алексея III Ангела с Гийас ал-Дином Кай Хусравом. Несколько годами позже (около 1200 г.) санкционированное Алексеем III пиратство на Черном море привело к новому византийско-сельджукскому конфликту. В 1205–1206 г. султан Рукн ал-Дин осаждал Трапезунд, когда Алексей I Великий Комнин перекрыл торговый путь из Анатолии на север. Наконец, в 1207 г. Гийас ал-Дин внял жалобам обиженных купцов и отдал приказ штурмовать Анталю.⁵⁰

Сельджуки, покорив Анталю, прорвались к Средиземному морю и окончательно разрушили тем самым смычку между греками и армянами на юге. Однако поистине переломным оказался 1214 г., когда тюрки разрезали византийский фронт на севере и прочно укрепились на Черном море. Подчеркнем особо, что именно тогда впервые в истории византийско-тюркских отношений начала вырисовываться потенциальная угроза тюрков самому Константинополю (по главной сухопутной магистрали Никомидия—Скутарий), которая окончательно кристаллизуется несколько позже, со сложением Османского

⁵⁰ *Nic. Chon.* P. 528–529; *Ibn Bibi* (Leide). P. 33; *Ibn al-Athir. Chronicon quod perfectissimum inscribitur* / Ed. C. T. Tornberg. Leiden, 1853. T. 12. P. 160; *Brand C. M. Byzantium Confronts the West, 1180–1204.* Cambridge, Mass., 1968. P. 137–138; *Cahen Cl. Pre-Ottoman Turkey.* P. 116–117, 164–165; *Kuršanskis M. L'empire de Trébizonde et les turcs.* P. 111.

эмирата. Ну а пока (в 1214 г.) тюркский элемент превратился в *лидирующую силу* на Малоазийском полуострове, которая обладала собственными хорошо защищенными выходами к обоим морям и активно оттесняла менее удачливых автохтонов в периферийные зоны Малой Азии. Так открылся принципиально *новый этап тюркизации* Анатолии, суть которого сводилась к *локализации и редукции* разобщенных государственных образований анатолийских автохтонов (в первую очередь, греческих и армянских).

Бесспорно, прав Р.-Й. Лили, писавший: «Первыми завоевателями Константинополя были отнюдь не турки, но венецианцы и рыцари IV крестового похода, которые захватили византийскую столицу и поделили империю в 1203/1204 г. И кто знает, произошел бы разгром 1453 г., не будь IV крестового похода?»⁶¹ Не будь Четвертого похода, была бы невозможной и та трагическая ситуация, в которой в 1214 г. столкнулись два одинаково легитимных (или одинаково нелегитимных) византийских василевса. Однако, осознавая всю противоестественность и драматичность этой ситуации, мы должны отдавать себе отчет в том, что именно личный выбор Ласкариса, который, по всей видимости, *осознанно* приносил в жертву Синоп ради локальных интересов Никеи, вывел из хрупкого равновесия греко-тюркский военно-политический баланс в Анатолии. В далекой исторической перспективе это оказалось губительным для стратегии выживания византийской цивилизации в целом.

Итак, общая победа никейских греков и сельджуков над Великими Комнинами имела не одинаковую значимость для каждого из союзников. Для тюрков победа в 1214 г. оказалась стратегическим триумфом с далеко идущими благоприятными последствиями для судеб тюрко-мусульманства в Малой Азии. Эта же победа, будучи для Никейской империи избавлением от смертельной угрозы со стороны Великих Комнинов, для будущих судеб византинизма оказалась еще одним, значительным шагом к окончательной гибели — воистину, «новым Манцикертом».

⁶¹ *Little R. J.* Twelfth-century Byzantine and Turkish States. P. 36.

Д. А. Коробейников

ВИЗАНТИЯ И ГОСУДАРСТВО ИЛЬХАНОВ В XIII—НАЧАЛЕ XIV в.: СИСТЕМА ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ ИМПЕРИИ

В первой главе шестой книги второго тома «Истории» Георгия Пахимера приводятся любопытные сведения об Ильхане Газане (1295–1304). Пахимер пишет: «Итак, Газан (Καζάνης), хан восточных татар,¹ свершив в течение шести лет многое достойное памяти, окончил жизнь в возрасте тридцати пяти лет. Вместе [с ним] у всех погибла надежда на него, и опасности увеличились повсюду, и особенно возле Филадельфии, [на которую] нападали гермианцы.² И ведь он (здесь я расскажу немного [о нем] в повествовании), вступив на царство, [сначала] обратил свой взор на [пример] известного Кира и Дария, — о них же издревле рассказывают, что они были подвержены сладкой роскоши, — [он] воспользовался ей и украсил себя величием царства. Впоследствии он, обратившись к примеру Александра, победителя Дария, более всего возлюбил его деяния. Ради этого он сам решил быть справедливым и равным образом возжелал славу доблестных дел где бы то ни было. Поэтому-то он гордился большим количеством щитоносцев, охотнее же против врагов использовал

© Д. А. Коробейников.

¹ ὁ τῶν ἀνατολικῶν Κάνης Τοχάρων. Под «Тохарами» Пахимер имеет в виду именно татар (Ἀταρίοι), т. е. монголов. См.: *Georges Pachymères. Relations historiques*. Paris, 1984. Vol. I. (Далее — *Pachym. I.*) P. 181.14; *Moravcsik Gy. Byzantinoturcica*. Berlin, 1968. Bd. II. S. 329. (Далее — *Byzantinoturcica.*)

² τῶν Καρμανῶν. *Byzantinoturcica*. Bd. II. S. 154. Имеются в виду войска Якуба I Алишира (1294–1325?) Гермиан-бея. *Germiyan-oghulları // EI (sec. ed.)*. Vol. II. P. 989.

ивиров (Ἴβηροι), являющихся наиболее благородными из этого народа, по большей части из числа христиан, чистых и безукоризненных в предмете поклонения.³ По этой причине, познав крест, являющийся победным знаком христиан, он возглавил крайний отряд своих цитоносцев на врагов и доставил многочисленные опасности султану арабов,⁴ так что он атаковал Солим⁵ вместе со святынями и [некоторое время] пребывал вблизи, более всего из-за Гроба Жизнеподателя, угождая ивирам». ⁶

В этом пассаже не было бы ничего примечательного, если бы не одно обстоятельство: Ильхан Газан был вторым, после Ахмада (1281–1284), мусульманским Ильханом Ирана, при котором, по словам

³ Отряд грузинских войск под начальством царя Вахтанга III (1302–1308) участвовал в кампаниях Ильхана Газана против мамлюков, в том числе в первом, самом удачном для монголов, походе (март 1299 – 8 января 1300 г., см.: *Boyle J. A. Dynastic and Political History of the Il-Khans // CN of Iran. V. P. 386–387*), во время которого войска Газана взяли Дамаск и почти дошли до окрестностей Иерусалима. *Histoire de la Géorgie. P. 630–634.*

⁴ Т. е. мамлюкскому султану Малик Насир Мухаммаду (1294–1295; 1299–1309; 1309–1340), против которого Ильхан Газан совершил три военные кампании. *Qazvini. I. P. 594–595; II. P. 145–146.*

⁵ В тексте: ὄψετι καὶ αὐτοῖς τοῖς ἱεροῖς [Dat. Praepositivus] προσβαλεῖν Σολίμου. Солима в Палестине или в Сирии нет. Однако Салим (Σαλήμ) упоминается в Ветхом (Быт. 14.18, Пс. 75.3.) и в Новом Завете (Иоан. 3.23). Поскольку в тексте Пахимера далее речь идет о Гробе Господнем, здесь имеется в виду именно Иерусалим (Ἱεροσόλημ). В самом деле, Салим (Шалим) — древнее название Иерусалима. *Дьяченко Г. Полный церковнославянский словарь. М. 1993 (репринтное воспроизведение изд. 1900 г.). С. 569; Полный православный богословский энциклопедический словарь. М. 1992 (репринт). Т. 2. Ст. 1990–1991; Учение. Пятикнижие Моисеево / Пер., введ. и коммент. И. Ш. Шифмана. М., 1993. Примеч. к Быт. 14.18. С. 278–279. Пахимер, однако, придерживается написания Ἱεροσόλημ, принятого в Евангелии от Матфея (см. например, Евангелие от Матфея на греческом, церковнославянском, латинском и русском языках. М., 1993. III.5) и разделяет на две части с игрой слов: τὸ ἱερόν — святыня, храм.*

⁶ *Georgii Pachymeris de Michaele et Andronico Palaeologis libri tredecim. Vonnae, 1835. Vol. II. (Далее — Pachym. II.) P. 456–457. См. подробный пересказ этого отрывка в: Latou A. E. On political Geography: the Blak Sea of Pachymeres // The Making of Byzantine History: Studies dedicated to D. M. Nicol. L., 1993. P. 119–120. Последняя фраза не подтверждается грузинскими источниками, в которых, напротив, говорится о гибели христиан возле Иерусалима. *Histoire de la Géorgie. P. 631.**

Б. Шпулера, произошла «внезапная и необратимая катастрофа для христианства».⁷ Именно при Газане держава Ильханов становится мусульманской и остается таковой вплоть до своего падения в 1335 г. Кроме того, при вступлении Газана на престол, который он отнял у своего родича Байду (1295), развернулось жесточайшее преследование христиан, зафиксированное сирийскими, персидскими, грузинскими и армянскими источниками.⁸ Тем не менее Пахимер нашел возможным написать о мусульманском правителе, что он «познал крест», — заявление неординарное, больше нигде не повторяющееся.

На мой взгляд, у Пахимера все-таки были некоторые основания писать в столь хвалебном тоне об Ильхане Газане. Во-первых, гонения, обрушившиеся на христиан во время междоусобной борьбы в государстве Хулагуидов в 1295 г. (и продолжавшиеся до 1298 г.), не были санкционированы официально. На христиан была возложена обязанность платить джизью и носить специальную одежду.⁹ Как пишет Рашид ад-Дин: «Государь ислама Газан... приказал разбить всех идолов, разрушить все кумирни, капища и прочие храмы, существование которых не дозволено в странах ислама по божественному закону. Большую часть бахшиев обратили в мусульманство. Несогласных отправили в Индию, Кашмир и Тибет».¹⁰ Иными словами, официально основной удар был направлен против буддистов и язычников-шаманистов (слово «бахши» имеет и такое значение).¹¹ На христиан же были наложены некоторые ограничения, обычные в мусульманском государстве.¹² Гонения действительно имели место,

⁷ *Spuler B.* Die Mongolen in Iran: Politik, Verwaltung und Kultur der Ilchanzeit, 1220–1350. Berlin, 1968. S. 219.

⁸ *Bar Hebraeus.* P. 506–508; История мар Ябалахи. С. 101–114; *Рашид ад-Дин.* С. 179; *Rāšid al-Dīn.* P. 94; Histoire de la Géorgie. P. 615–619; *Стефан Орбелиан.* С. 59–63; *Samouel d'Ani.* P. 475.

⁹ *Bar Hebraeus.* P. 506–507; История мар Ябалахи. С. 113–114. Однако, по всей видимости, эта мера не проводилась последовательно: в той же «Истории мар Ябалахи» (С. 105) говорится, что Газан дал мар Ябалахе указ, чтобы гезита/джизья не взималась с христиан. Введение джизьи в основном связывают с именем Ильхана Олджайту (1304–1316). *Qazvini.* I. P. 595; II. P. 147; *Samuel d'Ani.* P. 477.

¹⁰ *Рашид ад-Дин.* С. 217–218 (приводится текст официального документа).

¹¹ *Zachariadou E. A.* Observations on Some Turcica of Pachymeres // Romania and the Turks (С. 1300–1500). London, 1985. № I. P. 263–264.

¹² Эти правила восходят еще ко времени арабского завоевания. См.: *Большаков О. Г.* История Халифата. Эпоха великих завоеваний (633–

но большей частью они были связаны либо со стихийными выступлениями против христиан мусульманского (главным образом арабского) населения городов (Багдада, Мосула, Хамадана, Мараги, Табриза), либо с позицией отдельных сановников, прежде всего эмира Навруза, начальника авангарда войск Газана во время борьбы с Байду. Именно он в 1295 г., являясь главным приближенным Газана, издал приказ о разрушении церквей.¹³ С его казнью 14 августа 1297 г. в основном прекратились и гонения. Газан вернулся к прежней политике своих предшественников, предусматривавшей толерантное отношение к христианству: приняв присягу на верность в 1295 г. от Хетума II, царя Киликийской Армении, Ильхан издал указ, запрещавший гонения на армяно-григорианскую церковь.¹⁴ В 1296 г. подобный указ получили несториане.¹⁵ Наконец, в 1297 г. аналогичная присяга была принята у Давида VIII (1292–1311), царя Восточной Грузии,¹⁶ — иными словами, гарантии безопасности получила и православная грузинская церковь. Когда в июле 1298 г. чернь Табриза разрушила оставшиеся церкви, Газан приказал наказать мятежников.¹⁷

656). М., 1993. Т. II. С. 73 (перевод договора о сдаче Иерусалима). Нормы, примененные к христианам в державе Ильханов, в целом соответствуют т. н. «Предписаниям Омара», согласно которым христианам следовало отличаться одеждой от мусульман, не учить Корану детей, не строить новых храмов, не владеть оружием и т. д. На практике выполнялись далеко не все из этих ограничений, но сами «Предписания» сохраняли свою актуальность: их текст приводит в своем сочинении Аксарайи, последний крупный историк Сельджукского государства Рума, писавший в начале XIV века. *Aksarayi*. S. 328.

¹³ *Rašid al-Din*. S. 94; *Bar Hebraeus*. P. 506–507; *Стефан Орбелиан*. С. 59–60; История мар Ябалахи. С. 101.

¹⁴ *Стефан Орбелиан*. С. 60, 64–65.

¹⁵ История мар Ябалахи. С. 105–107.

¹⁶ *Стефан Орбелиан*. С. 62–63. *Histoire de la Géorgie*. P. 619–620. Датировка этого события устанавливается благодаря «Сборнику летописей» Рашид ад-Дина: Орбелиан и «Картлис Цховреба» рассказывают о заключении договора между представителем Газана Кутлу-шахом и Давидом VIII сразу после сообщения о казни Навруза; Рашид ад-Дин пишет, что после 7 ноября 1297 г. Ильхан «послал туда (т. е. в Грузию. — Д. К.) Кутлуг-шаха, чтобы он привел в порядок владение. [Тот] быстро вернулся обратно и привез с собою брата царя Давида, Вахтанга, и они, получив пожалование, возвратились назад». *Рашид ад-Дин*. С. 178.

¹⁷ *Рашид ад-Дин*. С. 179; *Rašid al-Din*. S. 120.

Во-вторых, есть все основания предположить, что Православная Церковь вообще не испытала тех бедствий, которые временно обрушились на несториан и монофизитов. Нет ни одного сообщения, свидетельствующего о гонениях на православных. Более того, Стефан Орбелиан сообщает, что в 1295 г. в Нахичевани «главные военачальники не позволяли татарам разрушать церквей, опасаясь князей грузинских».¹⁸ Иными словами, церкви были ограблены (поскольку еще велись военные действия против сторонников Байду), но не уничтожены и не обращены в мечети. В 1305 г. Григорий Хиониад был рукоположен в сан епископа Табриза, без переноса резиденции. Следовательно, в столице Ильханов сохранялись православные церкви, в которых епископ мог исполнять свой пастырский долг.¹⁹ Католикос Грузии Авраам в 1297 г. выступил посредником между Давидом VIII и Кутлу-шахом, зятем Газана,²⁰ — вероятно, гарантии безопасности грузинской церкви были даны даже раньше, чем состоялось соглашение с царем.

Двух указанных причин достаточно, чтобы Пахимер воспринимал Ильхана Газана как покровителя христианской веры, какими традиционно были его предшественники.²¹ Но существовало еще одно обстоятельство, благодаря которому у Пахимера были основания дать столь восторженную оценку монгольскому государю. Этой причиной являлись тесные дружественные связи между Византией и державой Ильханов в начале XIV в., имевшие полувековую традицию. Однако прежде чем приступить к изучению византийско-монгольских связей, необходимо хотя бы кратко обрисовать ситуацию, сложившуюся на Ближнем Востоке, в Иране и Малой Азии в середине XIII в.

При рассмотрении внешней политики Византии на Востоке исследователь сталкивается с рядом загадок. Почему империя постоянно

¹⁸ Стефан Орбелиан. С. 59.

¹⁹ Хиониад. Письма. С. 193.24–194.32. Письмо Хиониада Алексею II Великому Комнину (1297–1330) было написано в Константинополе перед отправкой в Табриз с просьбой разрешить проезд через Трапезунд.

²⁰ Стефан Орбелиан. С. 63; Histoire de la Géorgie. P. 619–620.

²¹ Возможно, здесь следовало бы добавить и третью: Газан, как бы пренебрегая своим недавним обращением в ислам, пытался завязать отношения с королями Франции и Англии, чтобы организовать совместный крестовый поход против Египта. Latou A. E. On political Geography. P. 119. Однако я сознательно воздерживаюсь пока от анализа всего комплекса «западных» и «восточных» эскиптов Пахимера.

снимала войска с восточных границ и перебрасывала их на Запад? Почему византийские императоры часто пренебрегали обороной восточных районов, а иногда даже шли на прямое ее ослабление — облагая, например, налогами акритов? В силу каких причин Византия, располагавшая немалыми людскими и материальными ресурсами, оказалась неспособной противостоять тюркскому натиску на востоке, а государства меньшего размера (например, Трапезундская империя или Грузия) смогли нейтрализовать этническое давление тюркских племен? С точки зрения исторической перспективы, когда известно, что именно турки-османы уничтожили Византию, не совсем понятна последовательная активизация западной политики империи, начиная с Комнинов и продолжавшаяся при Ласкарях и отчасти при первых Палеологах, — активизация, которая в определенной мере превосходит по степени интенсивности действия дипломатии Византии на Востоке.²²

Эти проблемы, связанные с оценкой эффективности восточной политики Византии и выявлением жизненных реалий Востока, на которые опиралась дипломатия империи, не решены до сих пор. Не случайно в научной литературе при попытке дать объяснение, почему стало возможным тюркское завоевание Анатолии, высказывались противоположные точки зрения: от признания неизбежности завоевания, когда «наплыв» тюркских племен был столь сильным, что никакие меры Византии не могли предотвратить утрату ее восточных земель,²³ до утверждения, что потеря Малой Азии была вызвана внутренней слабостью империи и вопиющими ошибками, которые

²² В самом деле, ареал политики Комнинов на Западе очень широк: Священная Римская империя, Венгрия, Италия, государства крестоносцев на Востоке; взаимоотношения Комнинов с восточными государствами (если исключить политику, связанную с крестоносцами), географически более локальны: государство Сельджукидов Рума, Данишмендиды, Салтукиды, Киликийская Армения и Грузия. В эпоху Никейской империи ареал восточной политики сокращается еще более: теперь это только Сельджукский султанат и спорадически Киликийская Армения и Трапезунд. Как показывает исследование А. Лайу, при первых Палеологах отношения Византии с Западом зачастую определяли те или иные меры восточной политики империи. *Laiou A. E. Italy and the Italians in the Political Geography of the Byzantines (14th Century) // DOP. 1995. T. 49. P. 80.*

²³ *Köprülü M. F. Les origines de l'Empire Ottoman // Études orientales publiées par l'Institut français d'archéologie de Stamboul. Paris, 1935. Vol. III. P. 49–55.*

допускал Константинополь по отношению к малоазийским провинциям и, в частности, в охране восточных границ.²⁴

Задачей данной статьи является исследование восточной политики Византии в 1250–1310 гг. Первая из этих дат отмечена резким увеличением активности византийской дипломатии на Востоке. Соглашения, заключавшиеся Михаилом VIII Палеологом (1259–1282), распространялись не только на государства Малой Азии. Дипломатия Византии вела активную игру и в Египте, и в державе Ильханов, и в Золотой Орде. В последний раз в истории Византии ее внешнеполитическая деятельность по степени интенсивности и частоте сплоснилась с ведущими державами Востока не уступает лучшим дням существования империи — в VI и IX–XI вв. Второй хронологический рубеж (1310-ые гг.) также не случаен. Именно в это время происходит захват тюрками последних византийских владений в Малой Азии. Однако сам по себе захват — свидетельство военно-политического поражения — не обязательно должен был привести к сокращению дипломатической активности. Напротив, было бы естественным ожидать, что Византия постарается мерами дипломатии если не ослабить тюркский натиск, то, по крайней мере, нейтрализовать его, чтобы уберечь оставшиеся у нее в Малой Азии пункты (Никомидию, Никею, Ираклию Понтийскую, Халкидон и др.) как базу для будущих отвоеваний на полуострове. Как бы ни было справедливо это умозрительное заключение, практика свидетельствует о другом: после 1310 г. дипломатия империи на Востоке замирает. Ее оживление произошло лишь спустя тридцать лет — в 40-ые гг. XIV в., когда все значительные города Западной Малой Азии (кроме Филадельфии, Ираклии Понтийской и Амастриды) были захвачены тюрками.

По моему убеждению, загадку резкого возрастания активности внешней политики империи на Востоке при общем снижении (и даже деградации) ее военной мощи можно объяснить только при исследовании жизненных реальностей, которые складывались внутри государств Востока и воздействовали на их внешнюю политику. Учитывая эти реалии, дипломатия Византии создавала в течение более полувека выгодную для империи внешнеполитическую ситуацию.

Период 1250–1310 гг. характеризуется следующими особенностями. В 1250–1260 гг. устанавливается прочное монгольское владычество в Иране. Новообразованному государству Ильханов подчиняются

²⁴ *Vryonis Sp.* The Decline of Medieval Hellenism in Asia Minor and the process of Islamization from the XIth through the XVth century. Berkeley; Los Angeles, 1971. P. 105–139.

Грузия, Трапезундская империя, Киликийская Армения и Сельджукский султанат Рума. При этом важно отметить, что вторжение монголов в Иран и Ближний Восток в 1250–1260 гг. явилось ударом по исламу.

12 февраля 1258 г. армия Хулагу подвергла разгрому Багдад, при этом был умерщвлен халиф. Этот акт вызвал возмущение не только мусульман — арабов и персов, но и мусульман-монголов, в частности, хана Золотой Орды Берке (1257–1266).²⁵ До этого монголы казнили Рукн ад-Дина Хур-шаха, главу исмаилитов.²⁶ Наконец, в том же, 1258 г. войска Хулагу вышли к рубежам Египетского султаната, для которого борьба с язычниками-монголами стала одним из главных направлений внешней политики.

Антиисламская направленность политики государства Хулагуидов обрела устойчивость в силу нескольких факторов. Во-первых, оба его главных противника — Золотая Орда и Египет — выступали против Ильханов под предлогом защиты ислама.²⁷ Поэтому естественными союзниками монголов Ирана в борьбе с Египтом были западно-европейские государства.²⁸ Во-вторых, часть монголов исповедовала несторианство.²⁹ Например, монголом по происхождению был раббан Маркос — будущий несторианский патриарх мар Ябалаха III (1281–1317).³⁰ К этому следует добавить и то, что вместе с монголами против мамлюков сражались войска христиан — армян и грузин.

Основание государства Хулагуидов привело не только к масштабным геополитическим переменам, но и к изменению ситуации на местах. Монгольские наместники и должностные лица были назначены

²⁵ *Morgan D. O. The Mongols and the Eastern Mediterranean // Latins and the Greeks in the Eastern Mediterranean after 1202 / Ed. V. Arbel, V. Hamilton, D. Jacoby. London, 1989. P. 203.*

²⁶ *Boyle J. A. Dynastic and Political History. P. 341–345.*

²⁷ *Тизенгаузен И. Сборник. I. С. 46–47/55; 79–80/101; 82–83/105.*

²⁸ Сохранилась переписка Ильханов с королями Франции и с папами, с целью заключения франко-монгольского союза. *Mostaert A., Cleaves F. W. Les lettres de 1289 et 1305 des ilkhan Argun et Öljeitü à Philippe le Bel. Cambridge; Mass., 1962. См. особо P.10, n. 33; P.11, n. 37, где даны ссылки на источники.*

²⁹ Например, несторианином был один из полководцев Хулагу Кет-Буга, который командовал монгольскими войсками в Палестине в 1260 г. *Boyle J. A. Dynastic and Political History. P. 342.*

³⁰ В 1280 г. он был рукоположен в сан митрополита Катаи и Уанг, т. е. Сев. Китая (включая Монголию) и долины р. Хуанхэ. Это показывает, что несториан-монголов было много. См.: История мар Ябалахи. С. 72.

в различные области державы Ильханов, а также в подвластные государства, среди которых были Сельджукский султанат Рума,⁸¹ Восточная Грузия и, по всей видимости, Трапезундская империя.⁸² Согласно свидетельствам независимых друг от друга источников, как христианских, так и мусульманских, администрация монголов при межконфессиональных конфликтах нередко становилась на сторону христиан. Так, Рашид ад-Дин сообщает, что в 1303 г. (уже после официального принятия ислама Ильханом Газаном!) «...мусульманские жители Мавсиля [Мосула] от руки насилия и гнета христианина Фахр-и Иса возносили вопли о помощи до седьмого неба».⁸³ А в армянском «Мученичестве Григора Балуеци» сказано, что «...один из правителей народа стрелков [т. е. монголов. — Д. К.] по имени Татхара, вскочив на коня, [примчался] и со своим войском отбил у них [правителей города Харберд (в Сирии). — Д. К.] узников [армян, которых преследовали за веру. — Д. К.] и отпустил с миром, пригрозив судьям: “Таких горожан истребляете! Что я отвечу хану, пославшему меня управлять этим городом?”»⁸⁴. Есть пример и другого характера. В 1278 г. Саргис, епископ Эрзинджана,⁸⁵ был убит Бишаром, главой монгольского гарнизона крепости Заид (Хисн Заид, в Сирии), который затем бежал в Египет.⁸⁶ В этих фактах проявились прохристианские тенденции, имевшие место в державе Ильханов, и антихристианская и антиязычная направленность внешней политики мамлюкского Египта. Убийство христианского епископа, пользовавшегося большим почетом у Ильхана Абаки (1265–1281),⁸⁷ было для Бишара своего рода гарантией, благодаря которой он мог рассчитывать на благо-

⁸¹ См., например, рассказ Аксарайи и Рашид ад-Дина о восстании в 1298 г. Сулемиша, наместника Ильханов в Руме: *Aksarayi*. S. 239–247; *Rašid al-Din*. S. 120–124.

⁸² В Грузии, например, в 1297 г. хозяйничал Кутлу-шах, в 1298 г. на него была подана жалоба, что его родственники разорили страну. *Rašid al-Din*. S. 119. О действиях монгольского должностного лица на территории Трапезундской империи, см.: *Шухуров Р. М.* Тюрки на православном Понте в XIII–XV вв.: начальный этап тюркизации? // Причерноморье в средние века. Под ред. С. П. Карпова. М., 1995. Вып. II. С. 89–93.

⁸³ *Рашид ад-Дин*. С. 195.

⁸⁴ Памятники армянской агиографии. С. 273. Дата события — 1290 г.

⁸⁵ Судя по имени — армянин, но неизвестно, православного или монофизитского исповедания.

⁸⁶ *Bar Hebraeus*. P. 455–456.

⁸⁷ *Idem*.

склонный прием в Каире. Ильхан Аргун (1284–1291), по свидетельству Стефана Орбелиана, епископа Сюника, «собственноручно одевал нас в святительские облачения, покрой которых он сам определил для католикоса, для нас и для епископов. В то же время он с билом в руке обходил лагерь, звонил в него и благословлял всех». ³⁸ Усиление влияния христиан как на местах, так и при дворе Ильханов составляет характерную особенность изучаемого периода.

В это же время происходило сближение между различными христианскими церквями. Сближение между двумя восточными церквями (несторианской и яковитской) произошло еще в XII в. ³⁹ В XIII в. Бар Эблей, видный деятель яковитской церкви, использует для своей хроники некоторые сведения из «Истории мар Ябалахи III и раббан Саумы» — несторианского источника. ⁴⁰ Дружественные отношения с яковитами и несторианами поддерживала и армяно-григорианская церковь. Например, в 1290 г. тело св. Григора Балуеци было похоронено в монастыре сирийцев-яковитов, «который называется св. Парсамэем». ⁴¹ Стефан Орбелиан пишет: «В это время [когда Орбелиан со свитой прибыл к Ильхану Аргуноу. — Д. К.] находился при дворе католикос Нестор (несторианский?) вместе с 12 епископами, и мы с их помощью торжественно освятили церковь». ⁴² Поскольку в это время не было католикоса армян с таким именем, ⁴³ то верно предположение К. Патканова, отраженное в его переводе «Истории» Орбелиана, что несторианский католикос с армянским епископом освящали присланную папой римским походную церковь Ильхана, которая, по-видимому, упоминается именно как несторианская в «Истории мар Ябалахи III и раббан Саумы». ⁴⁴ Не менее явной была тенденция к сближению с католической церковью. Посольство раббан

³⁸ Стефан Орбелиан. С. 64.

³⁹ Бартольд В. В. Христианский Восток и его значение для ислама // Собр. соч. М., 1966. Т. VI. С. 153.

⁴⁰ История мар Ябалахи. С. 154. Прим. 60.

⁴¹ Памятники армянской агиографии. С. 274.

⁴² Стефан Орбелиан. С. 64.

⁴³ Годы правления Аргуна — 1284–1291; на это время приходится правление трех армянских католикосов: Якова (1268–1287), Константина (1287–1290; 1297–1323), Стефана (1290–1293) (годы католикосата даны по: *Samuel d'Ani*. P. 475–477). Не было и яковитских патриархов с таким именем, см.: *Fedalto G. Le liste patriarcali delle sedi orientali fino al 1453* // *Rivista di studi bizantini e slavi*. Roma. 1981. Т. 1. P. 187–188.

⁴⁴ История мар Ябалахи. С. 94–95.

Саумы было с почетом принято в Западной Европе, несмотря на разногласия в исповедании веры.⁴⁶ В данной ситуации, когда держава Ильханов выступала в качестве союзницы христиан против мусульман, важнее было подчеркивать единство христиан, а не разногласия между ними. И это единство тогда действительно существовало. О несторианке Докуз-хатун, любимой жене Ильхана Хулагу, в сходных прочувствованных словах пишут не только несторианские, но также армянские и сирийские (яковитские) источники.⁴⁶ Если источники позволяют зафиксировать известное усиление влияния христиан на местах и соответственно восточных церквей в целом, то очень мало известно, как распространялись эти благоприятные условия на Православную Церковь. Проблема тем более важна, поскольку положение Православной Церкви на Востоке отличалось некоторыми особенностями.

Во-первых, она была тесно связана с Константинополем. Если церковь яковитов, несториан или армян-монофизитов могла рассчитывать прежде всего на собственные силы, на политический вес главы своей церкви — католикоса, то позиции Православной Церкви часто зависели от состояния отношений Византии с тем или иным восточным государством. Нередко это выражалось даже в том, что правитель (султан или эмир) в период обострения отношений с империей мог не пропустить к месту своей службы иерарха, рукоположенного в Константинополе. Таким образом, правовое положение православного населения, чьим представителем в мусульманском государстве чаще всего был митрополит или епископ, могло оказаться очень неустойчивым.⁴⁷ Этому способствовала, как ни странно, сама византийская политическая теория, согласно которой Православная Церковь рассматривалась как часть византийского государства, причем не только во внутренней, но и во внешней политике. Исходя из этого положения, императоры династии Комнинов издавали законодательные акты, призванные наладить церковное управление на территории Малой Азии, только что

⁴⁶ История мар Ябалахи. С. 81–95. Об исповедании веры см.: Там же. С. 83–85.

⁴⁶ Там же. С. 97; *Var Hebraeus*. P. 444; *Киракос Гандзакецци*. С. 238.

⁴⁷ Отчасти этот вопрос (для более поздней эпохи — XIV–XV вв.) затронут в статьях: *Ломизе Е. М.* Константинопольский патриархат и османская религиозная политика в конце XIV – первой половине XV в. // ВВ. 1992. Т. 53. С. 90–91; *Коробейников Д. А.* Понтийские митрополии на мусульманских землях в XIV в. // ВВ. 1995. Т. 56. С. 165.

захваченной тюрками, в надежде на скорое отвоевание потерянных областей.⁴⁸

Во-вторых, основная масса православного населения вне границ Византии на Востоке проживала в Малой Азии, на землях Сельджукского султаната. Между тем это государство было полиэтничным. Подданными Сельджукидов Рума были греки, сирийцы, армяне, турки, курды, арабы и персы. Если греки, сирийцы, армяне, курды и арабы проживали в Анатолии еще до тюркского завоевания, то сами турки и персы в большинстве представляли новое, пришлое население. При этом каждая этническая группа в государстве Сельджукидов Рума занимала свою особую нишу. Как правило, турки были кочевниками, полунезависимыми от центральной власти; греки и армяне — сельским и отчасти городским населением (как и сирийцы и арабы на юго-востоке полуострова). Что касается персов и арабов в городах, то основная их масса хлынула в Анатолию после сельджукского завоевания. Иммиграция была столь значительной, что персидский язык стал одним из разговорных языков Иконийского султаната и «таджиками» называли оседлое городское население.⁴⁹ Также особую группу составляли хорезмийцы, бежавшие в Рум в 1220–1230 гг. от монгольского нашествия.⁵⁰ Персидское влияние в Анатолии было настолько значительным, что на персидском языке не только велось делопроизводство и составлялись исторические и литературные сочинения, но даже проповедь суфийского братства мевлеви велась как на персидском, так и на греческом языках.⁵¹ Разумеется, имелось и тюркское городское население, но в XIII в. культурное первенство принадлежало персам.

Этнический характер Сельджукского государства трудно поддается определению. С одной стороны, его можно рассматривать как тюркское (своего рода предшественника Османской империи). Действительно, при дворе Сельджукидов знать была тюркской,⁵² наряду

⁴⁸ *Vryonis Sp. The Decline...* P. 200–216. См. особо P. 201–202.

⁴⁹ Одно из таких упоминаний, см.: *Aksarayt. S. 172.*

⁵⁰ См. упоминание о них под 1292 г.: *Histoire des Seldjoucides. S. 64.*

⁵¹ В частности, основатель братства мевлеви Джелал ад-Дин Руми писал и по-тюрки и по-гречески. *Schimmel A.-M. Mystical Dimensions of Islam. Chappel-Hills, 1975. P. 312.* Но основные сочинения Джелал ад-Дина Руми и Султан Веледа созданы на персидском.

⁵² Это угадывается по именам, которые включают в себя тюркский преном. См.: *Шукуров Р. М. Турки на православном Понте в XIII–XV вв. С. 70–71.*

с традиционными арабскими и персидскими титулами употреблялись и тюркские.⁵³ Но сами Сельджукиды принимали иранские имена «Кей-Кавус», «Кей-Кубад», «Кей-Хосров», восходящие к династии Келнидов — царей-основателей Ирана.⁵⁴ Таким образом, имеются все основания полагать, что Сельджукиды Рума осознавали себя не тюрками, а персами (аналогичная смена этнического самосознания зафиксирована для поздних представителей династии Великих Сельджукидов).⁵⁵ Неустойчивость политического и религиозного сознания правившей в Анатолии династии отразилась в источниках. В османских преданиях (в какой-то мере воспроизводящих реалии прошлого), Сельджукиды Рума представлены истинными тюрками, последователями легендарных огузских ханов. В них очень мало мусульманского, — напротив, им традиционно приписываются такие языческие добродетели, как, например, сооружение кургана предков.⁵⁶ На страницах труда Ибн Биби Сельджуки Рума — классические мусульманские правители, строящие богоугодные заведения, устраивающие города, сражающиеся, если надо, за веру.⁵⁷ В христианских источниках (например, у Бар Эбрея) сельджукские султаны мало чем отличаются от христианских правителей: они посещают монастыри, делают вклады, покровительствуют тем или иным иерархам.⁵⁸ Эта специфика сознания Сельджукидов Рума (тюрки и одновременно персы; мусульмане — и в то же время полуязычники и полухристиане) давала Православной Церкви шанс на благоприятные условия существования.

⁵³ *Гордлевский В. А.* Государство Сельджукидов Малой Азии. М.; Л., 1941. С. 59.

⁵⁴ *Shukurov R.* AIMA: the blood of the Grand Komnenoi // BMGS. 1995. Vol. 19. P. 176–178.

⁵⁵ *Cahen Cl.* Pre-Ottoman Turkey. London, 1968 P. 36.

⁵⁶ *Histoire des Seldjucides d'Asie Mineure. Texte turc // Recueil des Textes relatifs à l'histoire des Seldjucides.* Par M. T. Houtsma. Vol. III. Part. 1. Leiden; Brill, 1891. P. 217.

⁵⁷ *Histoire des Seldjucides d'Asie Mineure d'après l'abrégé du Seldjouknameh d'Ibn-Bibi. Texte persan // Recueil des Textes relatifs à l'histoire des Seldjucides.* Par M. T. Houtsma. Vol. IV. Leiden; Brill, 1902. Характеристики румских султанов (а также описание их богоугодных деяний, включая борьбу с кафирами) буквально рассыпаны по всему тексту; см. также наиболее характерные примеры: S. 28–32, 51–59, 94–97.

⁵⁸ *Bar Hebraeus.* P. 435. Турецкий исследователь О. Туран собрал обширный материал, доказывающий, что случаи толерантного отношения к христианству со стороны Сельджукидов не единичны и прослеживаются

С приходом монголов ситуация усложнилась. Они до предела ослабили власть султанов; началась эпоха полусамостоятельного правления сельджукских вельмож, среди которых выделяется Муин ад-Дин Перване, вершитель судеб султаната в 1260–1277 гг. Одновременно усилилось проникновение монголов в государственный аппарат Сельджукидов: монгольские военачальники получали должности в султанате и правили определенными территориями и городами Рума. Кроме того, Ильханы самостоятельно назначали наместников в главные города Восточной Анатолии. Толерантность монголов к христианам известна, однако плохо изучено, как их правление в Анатолии сказалось на положении православного населения и на политической ситуации вблизи византийской границы в Малой Азии.

Итак, главной целью данного исследования является внешняя политика Византии в период 1250–1310 гг., прежде всего — византийско-монгольские отношения, поскольку именно держава Ильханов обладала ключевыми позициями на Кавказе, в Иране, Малой Азии и Сирии — традиционных ареалах внешнеполитической деятельности Византии на Востоке.

Стержнем восточной политики Никейской империи⁵⁹ в первой половине XIII в. были отношения с Сельджукским султанатом Рума, а также с Киликийской Арменией и (до 1214 г.) с Трапезундской империей.⁶⁰ После битвы при Кёсе Даге в 1243 г. султан Рума Гийас ад-Дин Кей-Хосров II (1237–1246) вынужден признать сюзеренитет хана Золотой Орды Батыя (1243–1255).⁶¹ Подчинение Румского султаната и Трапезундской империи было окончательно узаконено в 1246 г. при визите Рукн ад-Дина Кылыч-Арслана IV (1248–1265) и Мануила I Великого Комнина (1238–1263) на курултай в Каракорум,

с XII в. *Turan O. Les souverains Seldjoukides et leurs sujets non-musulmans* // SI. 1953. Vol. I. P. 65–100.

⁵⁹ С точки зрения изучения восточной политики Византии особой разницы между Никейской империей и сменившей ее Византией нет; поэтому понятие «Византия» в статье употребляется в отношении как Никеи, так и Византии после 1261 г.

⁶⁰ *Жаворонков П. И.* Никейская империя и Восток (взаимоотношения с Иконийским султанатом, татаро-монголами и Киликийской Арменией в 40–50-е гг. XIII в.) // ВВ. 1978. Т. 39 С. 93–101; *Его же.* Никейско-латинские и никейско-сельджукские отношения в 1211–1216 гг. // ВВ. 1976. Т. 37. С. 48–61; *Его же.* Никейско-трапезундские отношения в 1213–1223 гг. // ВО. М. 1982. С. 183–190.

⁶¹ *Cahen Cl.* Pre-Ottoman Turkey. P. 269–272.

на котором великим кааном был провозглашен Гуюк (1246–1248).⁶² Аналогичным образом в 1248 г. во время визита в Каракорум Смбата, брата Хетума I, была санкционирована вассальная зависимость Киликийской Армении.⁶³ Никейская империя, союзница Иконийского султаната в битве при Кёсе Даге,⁶⁴ после поражения румского султана и появления монголов на Балканах резко изменила свою позицию, и посольство Иоанна III Ватаца (1222–1254) явилось на прием, данный великим кааном Мункэ (1251–1259) 4 января 1254 г.⁶⁵ Поскольку улус Хулагу еще не существовал, можно предположить, что Иоанн III Ватац связался с Каракорумом через посредничество Золотой Орды, ибо хан Батый был соправителем великого каана. Для установления вассалитета и дипломатических связей в 1246–1259 гг. требовалась двойная санкция: Сарая и Каракорума.⁶⁶ В правление Феодора II Ласкариса (1254–1258) через территорию Румского султана (*δὸς Περσίδος*) в Никею прибыло монгольское посольство, вызвавшее у византийцев тревогу и страх.⁶⁷ Феодор II решил принять

⁶² *Bryer A.* The Grand Komnenos and the Great Khan at Karakorum in 1246 // *Res Orientales*. 1944. IV: Itinéraires d'Orient. Hommages à C. Cahen. P. 257–261.

⁶³ *Juvaini*. I. P. 250, n. 6; *Bryer A.* Op. cit. P. 259–260.

⁶⁴ *Stimon de Saint-Quentin*. Histoire des Tartares. Ed. J. Richard. Paris. 1965. P. 70–71; *Тизенгаузен В.* Сборник. I. С. 153–154; *Жаворонков П. И.* Никейская империя и Восток. С. 94.

⁶⁵ *Van den Wyngaert (Athanastius O. F. M.)*. Itinerarium Willelmi de Rubruc/ Sinica Franciscana. Florence, 1929. Vol. I: Itinera et relationes fratrum minorum saeculi XIII et XIV. P. 247; *Guillaume de Rubrouck*. Voyage dans l'empire Mongol, 1253–1255. Trad. et comment. de Cl. Claire et R. Kappler. Paris, 1993. P. 63 (хронология), 145; *Dölger F.* Regesten. № 1816. S. 47.

⁶⁶ Как выяснил В. В. Трепавлов, в Монгольской державе существовал институт соправительства. В 1246–1248 гг. соправителями (при старшинстве великого каана) были Гуюк и Батый, в 1251–1255 гг. — Мункэ и Батый, в 1255 г. — Мункэ и Сартак, в 1255–1259 — Мункэ и Берке соответственно. В этой системе потомки Джучи были, по выражению исследователя, «старшими ханами западных улусов», и их сюзеренитет признавался правителями остальных улусов к Западу от владений великого каана. Формальный сюзеренитет Золотой Орды в державе Ильханов был упразднен только в начале правления Газана. *Трепавлов В. В.* Государственный строй Монгольской империи XIII в. М., 1993. С. 76–84.

⁶⁷ *Pachym.* I. P. 187.22–189.30. К сожалению, мне была недоступна диссертация: *Lippard B.* The Mongols and Byzantium. 1243–1341. Ph. D. Diss. Indiana Univ. 1984.

послов по высшему чину, но, как это было издавна принято в дипломатической практике Византии, одновременно напугать их. Император даже послал в Персию (т. е. в Рум) гонцов с ложным известием о своих приготовлениях к войне, внушая мысль о непобедимости Ромейской державы. Послов специально везли по долгой и трудной дороге, их ждал военный парад войск и торжественный прием у императора, на котором присутствовали все члены синклита и родственники василевса. «Таким образом, — замечает Пахимер, — те, кто внушал прежде страх, [сами] оказались напуганными благодаря [силе] ума».⁶⁸ С этих пор Никейская империя стала регулярно отправлять послов к монголам и весьма милостиво (ἡλιώς πάν) принимала ответные посольства; стал обсуждаться вопрос о заключении брачных договоров.⁶⁹

Пахимер говорит о посольстве, прибывшем из Малой Азии, имея в виду, скорее всего, именно сношения с Хулагу, который в 1255 г. выступил в поход против исмаилитов.⁷⁰ Хулагу добивался, чтобы оба сельджукских султана-соправителя, Изз ад-Дин Кей-Кавус II (1246–1257; 1258–1260) и Рукн ад-Дин Кылыч-Арслан IV, участвовали в кампании. Для этой цели Хулагу направил в 1256 г. в Малую Азию войско под предводительством Байджу. Изз ад-Дин Кей-Кавус II оказал ему сопротивление в союзе с бежавшим в 1256 г. в Рум от Феодора II Михаилом Палеологом.⁷¹ Сельджукское войско было разгромлено, в январе 1257 г. Изз ад-Дин прибывает в Сарды, на территорию Никейской империи.⁷² Мятежный султан вернулся в конце 1257 г. в Конью.⁷³ При посредничестве Хулагу произошел раздел земель султаната: Изз ад-Дин получил большую часть государства от Кайсери до Анталы, а также Конью, Рукн ад-Дин в качестве столицы выбирает Токат и владеет Сивасом, Синопом и Самсуном.⁷⁴ Скорее всего, именно в это время, в 1258 г., когда на территории Сельд-

⁶⁸ *Pachym. I.* P. 187.26–27.

⁶⁹ *Pachym. I.* P. 189.27–29.

⁷⁰ *Boyle J. A. Dynastic and Political History.* P. 341–342.

⁷¹ *Pachym. I.* P. 43.4–45.12; *Georgii Acropolitae Opera.* Lipsiae, 1903. Vol. I. (Далее — *Acrop. I.*) P. 134.7–138.18, 144.20–23; *Nicephorus Gregoras.* Byzantina historia. Bonnæ, 1829. Vol. I. (Далее — *Greg. I.*) P. 57.19–60.3.

⁷² *Ibn Bibi.* S. 275–292 (= *Duda H.* S. 262–278); *Aksarayi.* S. 42; *Acrop. I.* P. 143.23–144.5. Уточнения в хронологии, см.: *Failler A. Chronologie et composition dans l'Histoire de Georges Pachymères // REB.* 1980. Т. 38. P. 17.

⁷³ С помощью Феодора II Ласкариса, который дал ему войско. *Aksarayi.* S. 49–50.

⁷⁴ *Aksarayi.* S. 62.

жукского султаната установился мир, и поддержка никейцами мятежного султана уже не была в глазах монголов предосудительной, было отправлено посольство к Феодору II.⁷⁵ Для Хулагу было важно отправить послов именно в это время, поскольку в тот момент начали вырисовываться серьезные разногласия между ним и Берке, вылившиеся в конечном итоге в настоящую войну в 1262 или 1263 г.⁷⁶ Успешное завершение миссии послов было важным достижением внешней политики будущего Ильхана и принесло ему выгоды уже в следующем, 1259 г., когда Хулагу с большей частью своего войска, взяв Багдад, Дамаск и Алеппо, неожиданно повернул назад (как полагают, в связи со смертью великого каана Мункэ).⁷⁷ В 1259 г., когда шла династическая борьба в улусе великого каана, Малая Азия оставалась спокойной. В 1260 г., несмотря на восстание Кей-Кавуса II и победу мамлюков над монголами при 'Айн Джалуте, Хулагу упрочил свое положение: новый великий каан Хубилай (1260–1294) признал улус Хулагу и сделал попытку изъять из-под юрисдикции Берке земли Ильхана.⁷⁸ В этом плане нейтралитет Никейской империи, не ставшей откровенной союзницей Золотой Орды, позволил Ильхану временно избежать борьбы на одном из театров военных действий и сосредоточить все силы на востоке. Империя не была опасна Хулагу с военной точки зрения, но на ее территории пребывал султан, располагавший многочисленными сторонниками в Иконийском султанате (прежде всего на севере Анатолии). Недаром в 1257 г., когда Изз ад-Дин возвращался в Конью, войско Байджу находилось в «Вифинии», т. е. в Пафлагонии, на берегу моря.⁷⁹

⁷⁵ См. об этом посольстве (а также о никейско-монгольских связях вообще) статью: *Андреева М. А.* Прием татарских послов при никейском дворе/ Сборник статей, посвященных памяти Н. П. Кондакова. S. K. Прага. 1926. С. 192–200. См. особо с. 192, где дано обоснование датировки. М. А. Андреева предполагает (с. 187), что сам Пахимер присутствовал при приеме посольства.

⁷⁶ *Тизенгаузен В.* Сборник. I. С. 77/99. О причинах этой войны, см.: *Тизенгаузен В.* Сборник. I. С. 124/125–126; *Закиров С.* Дипломатические отношения Золотой Орды с Египтом (XIII–XIV вв.). М., 1966. С. 14–16, 39–52; *Chambers J.* The Davil Horsemen. The Mongol invasion on Europe. London, 1988. P. 188.

⁷⁷ *Morgan D. O.* The Mongols. P. 202–203.

⁷⁸ *Рашид ад-Дин.* Сборник летописей. Пер. Ю. П. Верховского. М.; Л., 1960. Т. 2. С. 162; *Трепаулов В. В.* Государственный строй. С. 83.

⁷⁹ *Bar Hebraeus.* P. 425. У Бар Эбрея стоит дата — 1257 г.; в этот год Кей-Кавус II вернулся в Конью.

Византийцы не были последовательны в своей политике в отношении к первому Ильхану. В 1260 г. вновь вспыхнула война между Изз ад-Дином Кей-Кавусом II и Руки ад-Дином Кылыч-Арсланом IV. Кей-Кавус II пользовался поддержкой султана Египта Бейбарса (1260–1277), врага Хулагу, а также Берке, но, самое главное, ему оказывал покровительство Михаил VIII Палеолог.⁸⁰ К концу 1260 г. Изз ад-Дин был разбит и вновь бежал на византийскую территорию.⁸¹ В том же 1260 г. между Михаилом VIII и Хулагу завязываются мирные отношения: «...[василевс] заранее заключил мир с архонтом татар Хулагу (Халао). Вследствие этого [соглашения] тот господствовал бы над живущими в Персиде, даже не упоминая султана в ней».⁸² Эти слова Пахимера отчетливо показывают, что в отношениях между Ильханом и императором действовали тенденции как притяжения, так и отталкивания. Со стороны Византии эти колебания естественны: балканские владения империи могли быть легко атакованы золотоордынскими войсками (что и случилось в 1264–1265 гг.). Тетя (по отцу) Изз ад-Дина Кей-Кавуса II была женой Берке,⁸³ а сам Изз ад-Дин — другом Михаила VIII, который, как жаловался Аксарайи, в 1258 г. имел большое влияние в государстве Кей-Кавуса II.⁸⁴ Этот султан, наполовину грек по крови,⁸⁵ использовал греков на своей службе. Таковыми были Василики, выходцы с Родоса, потом перешедшие на службу к Михаилу VIII.⁸⁶ Наконец, Изз ад-Дин был популярен у тюркских племен Анатолии как султан, оказавший вооруженное сопротивление монгольским войскам. После его изгнания в Сельджукском султанате Рума вспыхнули восстания, с большим

⁸⁰ *Aksarayl. S. 65–70; Dölger F. Regesten der Kaiserurkunden des Oströmischen Reiches, 565–1453. 3. Teil. Regesten von 1204–1282 / Bearb. von P. Wirth. München, 1977; 4. Teil. Regesten von 1282–1341. München; Berlin, 1960 (Далее — Dölger F. Regesten.). № 1859. S. 60.*

⁸¹ *Ibn Bibi. S. 294–298 (особо см. S. 296–297 = Duda H. S. 282–283; Aksarayl. S. 70; Histoire des Seldjucides. S. 52–54; Cahen Cl. Pre-Ottoman Turkey. P. 279).*

⁸² Т. е. не обращая внимания на султана. *Pachym. I. P. 185.22–24; Dölger F. Regesten. № 1887. S. 72:* датировка — начало осени 1260 г. — должна быть сдвинута на конец этого года, поскольку рассказ Пахимера о договоре с Хулагу стоит после сообщения о бегстве султана на византийскую территорию.

⁸³ *Aksarayl. S. 75–76.*

⁸⁴ *Aksarayl. S. 49–50.*

⁸⁵ *Aksarayl. S. 40.*

⁸⁶ *Pachym. I. P. 180.22–183.19.* Об этом роде см. *Prosopographisches Lexikon der Palaiologenzeit. Wien, 1976. Bd. I. (Далее — PLP.) № 2452, 2458.*

трудом подавленные сельджукскими и монгольскими войсками.⁸⁷ Отнюдь не случаен тот факт, что в 50-х — 60-х гг. Михаил VIII не имел военных столкновений с пограничными тюрками, так как союзные отношения с султаном, по-видимому, гарантировали относительную безопасность восточных границ. Более того, император в качестве главной угрозы рассматривал именно монголов, и, начиная переговоры с Хулагу о брачном союзе, «василевс чрезвычайно старался привлечь к себе гарнизоны персидских крепостей, надеясь использовать [их] как преграду, если те [т. е. монголы. — Д. К.] обрушатся [на нас]».⁸⁸ Нежелание ссориться как с Берке, так и с Хулагу привело к тому, что Михаил VIII держал в Константинополе Кей-Кавуса II на положении заложника. Возможно, император все-таки рассчитывал восстановить султана на троне и создать таким образом буфер между византийскими владениями в Малой Азии и державой Хулагу.⁸⁹ Империя искусно лавировала между двумя противоборствующими силами — державой мамлюков и Золотой Ордой, с одной стороны, и государством Ильхана — с другой. До 1263 г. с Хулагу был заключен еще один договор.⁹⁰ Одновременно, в 1261–1263 гг., шел обмен посольствами между Константинополем и Каиром;⁹¹ кроме того, через столицу Византии сообщались посольства Египта и Золотой Орды: других возможностей поддерживать связь друг с другом у них не было.⁹²

В 1264 г. в Византии султан Изз ад-Дин Кей-Кавус II поднял восстание.⁹³ Оно было подавлено. Однако на помощь Изз ад-Дину пришел Берке. В результате монгольского набега на земли Византии в 1265 г. Изз ад-Дин был освобожден из крепости Энос и поселился в городе

⁸⁷ *Ibn Bibi*. S. 292, 298–299 (= *Duda H.* S. 277–278, 286); *Aksarayi*. S. 71–75.

⁸⁸ *Pachym.* I. P. 187. 6–7.

⁸⁹ Известно, например, что в ша'бана 660 г. Х. (21 июня–19 июля 1262 г.) к «императору франков» (так Макризи часто называет византийского императора) было отправлено египетское посольство. Почти одновременно вместе с ответным посланием императора пришло (из Константинополя) письмо Изз ад-Дина Кей-Кавуса II с обещанием отдать половину своего царства, если султан Египта окажет ему помощь. *Makrizi*. Vol. I. Part. 1. P. 174–176. Новое посольство Византии прибыло в Египет вместе с послами Берке и Кей-Кавуса II в период до 7 июля 1263 г. *Tuzenгаузен В.* Сборник. I. С. 49/59.

⁹⁰ *Dölger F.* Regesten. № 1901. S. 79 (предположение, этот договор состоялся после взятия Константинополя 15 авг. 1261 г.); *Makrizi*. Vol. I. Part. 1. P. 217.

⁹¹ *Dölger F.* Regesten. №№ 1902, 1903, 1904, 1919.

⁹² *Morgan D. O.* The Mongols. P. 204.

⁹³ *Aksarayi*. S. 75–77.

Крым, который предоставил ему хан Золотой Орды.⁹⁴ В данном случае важно отметить, что выступление Изз ад-Дина было спровоцировано завершением переговоров византийцев с Хулагу о брачном договоре,⁹⁵ лишившем султана надежды на возвращение в Рум. Это, пожалуй, был самый серьезный конфликт Михаила VIII с Золотой Ордой.⁹⁶

В конце 1264–начале 1265 г. Мария Дипловатацина, незаконнорожденная дочь Михаила VIII, в сопровождении Феодосия Виллардуэна по прозвищу Принкип, архимандрита монастыря Пантократора, будущего патриарха Антиохии (1273–1283 или 1284),⁹⁷ отправилась на Восток.⁹⁸ Еще до того как деспина прибыла в Кесарию/Кайсери, вместе с ней ехал Евфимий (1258–1273), православный патриарх Антиохии.⁹⁹ Ее также сопровождали Саргис, епископ Эрзинджана, и ряд других епископов.¹⁰⁰ Дочь Михаила VIII должна была построить в Табризе церковь,¹⁰¹ поэтому она привезла с собой двух мастеров по росписи, услугами одного из которых позже, в 1285 г., воспользовался Бар Эбрей.¹⁰² Мария вышла замуж не за Хулагу, который умер 8 февраля 1265 г., а за его преемника Абаку. Армянские источники отмечают, что Абака мог жениться на Марии только при условии крещения.¹⁰³ Киракос Гандзакечи прямо пишет, что Абака был кре-

⁹⁴ Т. е. Солхат. См.: *Ibn Bibi*. S. 335 (= *Duda H.* S. 323. Прим. «е»). На S. 298 (= *Duda H.* S. 285) Ибн Биби утверждает, что султан получил Солхат и Судак на правах икта. *Pachym. I*. P. 300–313; *Greg. I*. P. 99–101; *Тизенгаузен В.* Сборник. I. С. 62–63, 189–192, 203, 662.

⁹⁵ *Pachym. I*. P. 301.15–16.

⁹⁶ Этот конфликт был вызван также тем, что Михаил VIII в течение года (с авг. 1263 г. по авг. 1264 г.) задерживал в Константинополе египетское посольство в Золотую Орду. Причиной этого, как сообщают египетские источники, был набег войск Берке на земли империи. Но сам набег Берке был вызван, скорее всего, контактами византийцев с державой Хулагу, а также выступлением Кей-Кавуса II. Султан Египта уладил конфликт. *Тизенгаузен В.* Сборник. I. С. 52–53 // 62; 124–125/126; *Закиров С.* Указ. соч. С. 52–53.

⁹⁷ Даты патриаршества даны по: *Fedalto G.* Le liste. P. 183.

⁹⁸ *Pachym. I*. P. 235.11–21; PLP № 21395.

⁹⁹ *Bar Hebraeus*. P. 445.

¹⁰⁰ *Киракос Гандзакечи*. С. 238. Это был тот самый епископ Саргис, который в 1278 г. погиб от руки Бишара.

¹⁰¹ *Bar Hebraeus*. P. XXVII.

¹⁰² *Idem*.

¹⁰³ *Киракос Гандзакечи*. С. 238; *Вардан*. История // История монголов по армянским источникам. Пер. и объяснения К. П. Патканова. СПб., 1873. Вып. I. С. 25.

щен,¹⁰⁴ но даже если это известие верно, Ильхан оставался, конечно, язычником (воспринимая крещение как своего рода магического обряд), толерантным по отношению к христианству.

Подобные явления заслуживают особого внимания. Дело в том, что в сознании людей той эпохи внешняя политика и конфессиональный фактор составляли нерасторжимое единство. Достаточно ясно это следует из фактов, приведенных в начале статьи: вассальная присяга сопровождалась подтверждением свободы исповедания веры. Султан Изз ад-Дин Кей-Кавус II был не только союзником Михаила VIII, но также имел связи с церковью: когда султан бежал в 1260 г. на византийскую территорию, он прибег к посредничеству Макария, митрополита Писидии.¹⁰⁵ В мае 1265 г., когда Изз ад-Дин еще находился в Византии, было организовано разбирательство по делу патриарха Арсения (1255–1259; 1261–1265), которого, в частности, обвиняли в том, что он совместно с султаном служил литанию, причем Кей-Кавус II восседал рядом с патриархом, когда тот, по обычаю, читал проповедь.¹⁰⁶ При рассмотрении этого вопроса важно было установить, был ли султан крещен. Чтобы показать, что он действительно христианин, Изз ад-Дин прислал императору свой энколпион (ковчег с мощами) и... соленую свиную ногу, которую он ел (мусульманам запрещена свинина).¹⁰⁷ Это убедило императора, но не епископов, членов комиссии по расследованию. В конце концов было решено, что «если истинно, [что] султан вне огады Христовой, тогда патриарх в этом случае не имеет ответственности, а все ложится на свидетеля, — был же им Макарий Писидийский»,¹⁰⁸ ибо именно этот митрополит свидетельствовал, что султан был крещен. Дядя султана по линии матери был греческим священником и выполнял в Румском султанате ответственные поручения Кей-Кавуса II.¹⁰⁹ Самое важное в этой ситуации то, что Михаил VIII долго пытался утвердить у власти этого чрезвычайно толерантного по отношению к православию султана, а когда это стало невозможно, сделал все от него зависящее, чтобы расположить к христианству (и даже крестить!) язычника Абаку.

Влияние церковных связей на восточную политику Византии трудно переоценить. Оно основывалось на двух реально складывавшихся обстоятельствах.

¹⁰⁴ *Киракос Гандзакецци*. С. 238.

¹⁰⁵ *Pachym. I*. P. 185.1–4.

¹⁰⁶ *Pachym. I*. P. 345.30–347.4.

¹⁰⁷ *Pachym. I*. P. 347.9–15.

¹⁰⁸ *Pachym. I*. P. 349.9–12.

¹⁰⁹ *Aksarayi*. S. 40.

Во-первых, византийский император имел право покровительства православной вере вне территории империи, и это право признавалось на Востоке. Оно выражалось не только в практических действиях (известны посольства Андроника II к султану Египта Малик Насиру Мухаммаду, целью которых было возвращение православным их церквей, обращенных в мечети или переданных другим неправославным христианам — яковитам и пр.),¹¹⁰ но и в титулатуре византийского императора. В сборнике Абу-л-Аббаса Ахмада Калкашанди (ум. в 1418 г.), где, в частности, содержатся формуляры писем мамлюкских султанов к христианским правителям, император Византии именуется «василевсом,¹¹¹... владыкой Румского царства, собирателем прибрежных стран, наследником древних кесарей, устраивающим пути философов и мудрецов, сведущим в делах своей веры, справедливым в своем царстве, возвеличивающим христианство, поддерживающим христианство,¹¹² единственным из царей веры Иисусовой, дающим право на троны и венцы...». ¹¹³ В 1287 г. Ильхан Аргун, решив отправить посольство на Запад, чтобы заключить военный союз с христианскими державами против мамлюков (а это придадо бы предприятию черты крестового похода), послал раббан Сауму, которому написал «приказы к царю греческому и французскому, то есть *ромейским царям* (курсив мой. — Д. К.)». ¹¹⁴ Иными словами, византийский император и король франков рассматривались Ильханом как наследники Вос-

¹¹⁰ Dölger F. Regesten. №№ 2240, 2289, 2311, 2317.

¹¹¹ البلاؤوس, [al-balâlâûs], что можно понять как искаженное «василевс». Перед нами вряд ли именование «Палеолог», хотя правильное написание имени династии знакомо Калкашанди: البلاؤوغس, [al-bâlâlûgis]. Шейх Абу-л-Аббас Ахмед ал-Калкашанди. Китаб субх ал-апа фи сина'ат ал-инша. Каир, 1915. Т. VIII. С. 45.

¹¹² В источнике для передачи понятия «христианство» употреблены два разных слова: النصرانية и المسيحية.

¹¹³ Ахмед ал-Калкашанди. Китаб. С. 44. В действительности формуляр относится к более раннему времени, поскольку дан с ссылкой на «ат-Тариф-би-л-мусталах аш-шариф» ал-Умари (1301–1348), составленный в 1340 г. Существует перевод на французский переписки мамлюкских султанов с христианскими правителями, выполненный Г. Ламменсом, см.: Lammen H. Correspondances diplomatiques entre les sultans mamlouks de l'Égypte et les puissances chrétiennes // Revue de l'Orient Chrétien. 1904. Vol. 9. P. 171–175. Здесь я привожу свой вариант перевода Калкашанди.

¹¹⁴ История мар Ябалахи. С. 79.

точной и Западной Римской империи соответственно и признавались в качестве таковых главами христианского мира.¹¹⁶ В силу этого высокого статуса византийский император выступал в качестве главного покровителя православия.

Во-вторых, Православная Церковь на Востоке нередко обладала большим политическим весом. Ее влияние проявлялось в разных формах. Нередко был высок личный авторитет епископов и восточных патриархов. В качестве примера можно привести Макария Писидийского или католикоса Авраама в 1297 г. При дворе правителя (султана, эмира или хана) существовал круг лиц или прямо исповедовавших христианство (Василики на службе у Изз ад-Дина, дядя этого султана), или сочувствовавших ему. Кроме того, само православное население в условиях сложившегося симбиоза с мусульманами и фактического отсутствия строгих правовых ограничений могло играть активную политическую роль. Именно такая ситуация сложилась в Малатье (Мелитине) в XIII в. В этом городе православное население было значительным, о чем свидетельствует акт от 1226 г. патриарха Германа (1223–1240).¹¹⁶ Когда в 1248 г. после битвы при Кёсе Даге сельджукская администрация в панике бежала из города, яковитский митрополит Дионисий (будущий патриарх Дионисий Ангур, 1252–1261) возглавил оборону Малатьи. Христиане и мусульмане, собравшись в главной церкви, дали клятву верности друг другу.¹¹⁷ Видимо, именно яковитам удалось найти общий язык с мусульманской общиной, однако ряд данных свидетельствует, что благоприятные условия существования распространялись и на православных. В 1258 г. в самый разгар борьбы в султанате между Кылыч-Арсла-

¹¹⁶ Аналогично у Калкашанди: «Переписка с царями неверных (которые) на северной стороне, — (начиная) от Рума и Франции, — разнообразных народов и сообществ их, а вера их — вера мелькитская». *Ахмед ал-Калкашанди*. Книга. С. 42. И здесь на первом месте стоят византийский император и франкский король. Таким образом, в дипломатической практике Востока нашла отражение старая византийская теория о признании за франками главенства на Западе, что выражалось, в частности, в разрешении династических браков с ними. *Константин Багрянородный*. Об управлении империей. Текст, пер., коммент. под ред. Г. Г. Литаврина, А. П. Новосельцева. М., 1991. С. 58.106–60.122.

¹¹⁶ *Papadopoulos-Kerameus A.* 'Ανάλεκτα τῆς Ἱεροσολυμιτικῆς Σταχυολογίας Πετρόπολις. 1897. Т. Δ'. Σ. 114–117; *Laurent V.* Les Régestes des actes des patriarches de Constantinople. Paris, 1971. Vol. 1. Fasc. 4: Les Régestes de 1208 à 1309. №№ 1235, 1240. P. 45–46.

¹¹⁷ *Bar Hebraeus.* P. XVI–XVII, 408.

ном IV и Кей-Кавусом II Али Бахадур, военачальник султана Изз ад-Дина, казнил в Малатье за поддержку Руки ад-Дина Кылыч Арслана IV ряд знатных лиц, в том числе православного священника Калоиоанна, двух его братьев Василия и Мануила и его сына кир Яври (может быть, кир Гавраса?),¹¹⁸ которых Бар Эбрей называет великими толкователями законов.¹¹⁹ Наряду с христианами были казнены и мусульмане: по-видимому, они выступили против Кей-Кавуса II совместно. Аналогичная ситуация имела место в Сивасе, когда христианский епископ города принял участие в мятеже против султана Бурхан ад-Дина Ахмада (1381–1398).¹²⁰

Мировоззрение правителя, для которого были характерны идеи религиозной терпимости, во многом складывалось под влиянием особой религиозной ситуации, сложившейся в Анатолии и на Кавказе в XIII в. Пример тому — судьба Изз ад-Дина, чьи родственники по матери (а возможно, и сама мать) были православными. Все это подкреплялось дружескими связями с духовенством, а также с христианскими правителями, которые как вассалы и союзники Ильхана обладали заметным влиянием при дворе монголов. Так, в 1295 г. Хетум II сделал попытку заступиться за католика мар Ябалаху,¹²¹ а в 1304 г. эмир Ириндин, дядя Ильхана Олджайту (1304–1316), выступил заступником несторианской церкви в Табризе.¹²² Нередко такими покровителями становились жены-христианки мусульманских правителей, а особенно жены-христианки язычников Ильханов. При Хулагу такой покровительницей была его жена — несторианка Докуз-хатун.¹²³ Покровительницей православия стала и Мария Дипловатацина. Бар Эбрей сообщает, что Ильхан Байду был чрезвычайно расположен к христианам, и объясняет это влиянием дочери Михаила VIII, с которой Байду был знаком длительное вре-

¹¹⁸ В 1256 г., согласно другому труду Бар Эбрея, в Малатье жил врач Михаил Бар Гаврас. *Bryer A. Byzantine Family: the Gabrades*. С. 979–1653 // *The Empire of Trebizond and the Pontos*. London, 1980. № III. P. 181 (13) (там же и ссылка на источник).

¹¹⁹ *Bar Hebraeus*. P. 427.

¹²⁰ *'Aziz Astarâbâdî. Vazm-u gazm*. Istanbul, 1928. S. 325–327. На это обстоятельство мне было указано Р. М. Шукуровым, за что я приношу ему свою благодарность.

¹²¹ История мар Ябалахи. С. 102–103.

¹²² Хотя, по идее, он к этому времени должен был стать мусульманином. Там же. С. 121.

¹²³ Там же. С. 106 (говорится о несторианской церкви, построенной по ее приказу); *Bar Hebraeus*. P. 444.

мя.¹²⁴ Стефан Орбелиан добавляет, что Мария воспитала Байду как своего сына. В 1295 г. по ее просьбе были отправлены в Константинополь жезл св. Григориса, внука св. Григория Просветителя, и чудотворный крест, захваченные монголами в Агвании.¹²⁵ Толерантность Байду по отношению к христианству сказалась на религиозной ситуации в Иконийском султанате. Аксарийи пишет: «Несколько дней спустя ¹²⁶ он (Байду. — Д. К.) послал по треугольнику земли дерзких послов во [все] стороны царства. Посланники разожгли такой огонь притязаний повсюду, что весь народ попал в пучину погибели. В большинстве областей державы и мест страны из-за множества разрушений не осталось людей и [они] укрылись по пещерам и крепостям от вреда неурядиц и смут. Блеск медресе потускнел, завийа и ханака,¹²⁷ которые были местом собрания и убежищем шейхов и подвижников, стали местом [пребывания] толпы нечестивых патриархов и бахшиев.¹²⁸ Места преклонения и михраб ¹²⁹ они сделали питейным домом, подвижники, бывшие народом тариката ¹³⁰ веры, были попораны монахами, чуть не прекратили возглашать азан и исполнять молитву, мечети чуть не превратили в капища идолов». ¹³¹ Здесь возможны, разумеется, риторические преувеличения, но ведь эти слова написаны очевидцем событий, который благодаря своему служебному положению мог знать, что же в действительности происходило в различных областях Рума и державы Ильханов.¹³²

¹²⁴ *Bar Hebraeus*. P. 505. Марко Поло вообще называет Байду христианином. *Marco Polo. The Book of ser Marco Polo the Venetian concerning the kingdoms and materials of the East/ Transl. with notes by... sir H. Yule. New York, 1929. Vol. II. P. 476–477. n. 1.*

¹²⁵ *Стефан Орбелиан*. С. 56–57.

¹²⁶ После восшествия на престол в январе 1295 г. *Qazwini. II. P. 145.*

¹²⁷ Завийа — обитель суфия. Ханаках (ханака) — место совместного проживания суфиев.

¹²⁸ О бахшиях см. прим. 11.

¹²⁹ Ниша в стене, обращенной в сторону Мекки, обозначающая направление (кибла), в котором обращены лица молящихся.

¹³⁰ Дословно «путь, дорога». Имеет два близких значения: метод богопознания и братство суфиев.

¹³¹ *Aksarayi. S. 185.*

¹³² Аксарайи служил в диване сельджукских султанов, был приближенным одного из самых могущественных вельмож султаната Муджир ад-Дина Эмиршаха. См.: *Стори Ч. А. Персидская литература (библиографический обзор). Переработал и дополнил Ю. Э. Врегель. М., 1972. Т. II. С. 1251.*

Если Мария, жена Абаки, столь длительное время пребывала при дворе Ильханов и сохранила свое влияние в монгольской державе и после смерти мужа, то это является показателем, что отношения между Византией и державой Ильханов оставались дружественными. Как показал А. Брайер, в 70-х гг. существовал союз между Византией, державой Ильханов, Западно-Грузинским царством и папством, с одной стороны, и Карлом Анжуйским, Египтом, Трапезундской империей и Восточно-Грузинским царством — с другой.¹³³ Эти связи частично были закреплены брачными договорами: дочь или племянница Михаила VIII (ее имя неизвестно — по всей видимости, незаконнорожденная), вышла замуж в 1267 г. за Давида VI Нарина (1243–1293), царя Западной Грузии, сына Русудан.¹³⁴ В свою очередь, в 1271 г. дочь Георгия I Великого Комнина (1266–1280) стала женой Дмитрия II (1273–1289), царя Восточной Грузии.¹³⁵ Что касается отношений с Золотой Ордой, то Михаил VIII с большой выгодой для себя воспользовался усилением хана Ногая и, заключив с ним брачный союз в 1270 г., обеспечил безопасность балканских владений империи.¹³⁶ Наконец, 8 мая 1281 г. между Михаилом VIII и султаном Египта Кала'уном был заключен договор, статья 11-ая которого предусматривала совместные действия против Карла Анжуйского.¹³⁷ Трудно судить, какими были отношения Византии и государства Ильханов в 80-х гг., но ряд косвенных данных (теплый прием посольства раббан Саумы в Константинополе в 1287 г., пребывание Марии Дипловатадины в Табризе) позволяют во всяком случае за-

¹³³ *Bryer A. The Fate of George Komnenos Ruler of Trebizond (1266–1280) // The Empire of Trebizond and the Pontos. № IV. P. 342–343.*

¹³⁴ Скорее всего, она была дочерью деспота Иоанна, брата Михаила VIII. *Kurşanskis M. L'usurpation de Théodora Grand Comnène // REB. 1975. Т. 33. P. 188–189.*

¹³⁵ *Каухчишвили С. Г. Грузинские источники по истории Византии. Тбилиси, 1974. Вып. I. С. 158/159; Bryer A. The Fate... P. 342–344.*

¹³⁶ *Pachym. I. P. 243.3–10; Dölger F. Regesten. № 1984a, S. 111. Уточнения в хронологии, см.: Failler A. Chronologie... (suite) // REB. 1981. Т. 39. P. 210–211.*

¹³⁷ *Dölger F. Regesten. № 2054b. S. 138. Я следую той нумерации пунктов договора, которая приведена в базовой работе, где подвергнуты изучению хронология и политические обстоятельства заключения этого соглашения: Canard M. Un traité entre Byzance et l'Égypte au XIIIe siècle et les relations diplomatiques de Michel VIII Paléologue avec les sultans mamlûks Baibars et Qalâ'ûn // *Idem. Byzance et les musulmans du Proche Orient. VR. London. 1973. № IV. P. 198–203, 209–223.**

ключить, что оба государства хранили дружбу, а в 90-х гг. XIII в. они вновь заключили прочный союз. Следует в связи с этим еще раз вернуться к тексту Пахимера.

«Он (т. е. Газан. — Д. К.) чеканил из чистого золота монету казанин¹³⁸ и издал множество полезных законов. Его заботило [соблюдение] справедливости во всем, и только ее он считал ценной более [всего].¹³⁹ Он сам, имея племянника Токту (αὐτανέσιον ἔχων Τουκτάν), к которому переходила власть в силу родства, когда был при смерти и заподозрил обстоятельства в отношении него, не [соответствующие им] собственным обычаям, пренебрег тем, что тот [был] в силу необходимости наследником на царство. Послав, он призывает своего брата, пребывающего где-то возле Индии с войском,¹⁴⁰ имя же ему Харбанда (Χαρπαντᾶς). Его называли погонщиком мулов,¹⁴¹ как это действительно случилось [с ним] по рождении, — об этом-то тотчас было объявлено, так что он приучил свое окружение признать [это назначение] как нечто законное.¹⁴² И, возведя его на царство, он дал приказания в течение трех лет безукоризненно придерживаться его договоров и законов в землях по сю сторону [границы],¹⁴³ а впоследствии

¹³⁸ Ильхан Газан действительно провел ряд экономических реформ в своем государстве, в том числе и монетную. См.: *Rasid ad-Din*. С. 270–273. Татаро-монголы в Азии и Европе. М., 1977. С. 247–250; *Карпов С. П.* Итальянские морские республики и Южное Причерноморье в XIII–XV вв.: проблемы торговли. М., 1990. С. 67. О монетах Газана см.: *Weiers M.* Die Mongolen in Iran/ Die Mongolen: Beiträge zu ihrer Geschichte und Kultur. Ed. von Weiers M., Veit V., Heissig W. Darmstadt, 1986. S. 302, 327–328.

¹³⁹ Дословно: «чтобы не ее, а нечто другое он считал более ценным»: ἔμελε δ' αὐτῷ καὶ δικαιοσύνης ἐπὶ πάντων, ὥστε μὴ ταύτης ἄλλο τι λογιζέσθαι προτιμότερον.

¹⁴⁰ Сведения точны: Харбанда (прозвище Ильхана Олджайту) действительно был послан Газаном в восточные области державы (Хорасан). *Rasid al-Din*. S. 124 (1298 г.), S. 140 (1302 г.).

¹⁴¹ Пахимер чуть-чуть ошибается: «خریند» следует переводить как «погонщик ослов» (ср. перевод: *Boyle J. A.* *Dynastic and Political History*. P. 398: «ass-herd»). Дословно фраза выглядит: ὄρεοκόμον εἶπῃ τις ἂν ἔκεῖνον: «его кто-нибудь мог бы назвать погонщиком мулов».

¹⁴² В тексте: φανέντως εὐθὺς τοιοῦτου, ὡς εἶθιστο σφίσι γεννωμένους ποιεῖν κατὰ τὴν νόμον. Досл.: «поступать согласно нечто законному», по смыслу — не выходить за рамки закона в отношении наследника, признавать назначение законным.

¹⁴³ Пахимер имеет в виду именно земли, подвластные Ильхану; здесь — владения все еще существовавшего Иконийского султаната. В данном

намеревался дать приказ [и войскам].¹⁴⁴ Это стало известным, когда были розданы по крепостям предписания (αὶ γραφαί), и властвующий вдоль [побережья] Евксина Кутлу-каим (Χουτλουχάιμ)¹⁴⁵ услышал о случившемся. Принял молву [об этом] перс Сулейман-паша (ὁ Σουλμάνιαξ Περσῆς),¹⁴⁶ который был мужем дочери Ходжа-бахши (Κουτζιμπαξί).¹⁴⁷ Об этом было донесено василевсу, смерть Газана стала очевидной (δῆλος) для его начальников (πρέσβεις) в городах. И поднялась у них великая печаль, и они просят василевса послать [посольство]. Впрочем, даже Амурий (Ἀμουρίος) неожиданно отвел войска назад, не зная из-за чего, — или из-за страха перед Харбандой (ведь тот желал сохранить договоры брата), как, вероятно, [Амурий] подозревал; или же домогаясь благосклонности василевса. И, отправив послов, просил у василевса местности — внутренней стороны рек вверх по Сангарю, вернее называемой Месонисием (Μεσονήσιον), — чтобы именно там внутри поселений жить под стражей. Однако прежде чем это было предпринято, некоторые из его людей, сделав вылазку, [разбившись] по отрядам, устроили плохую встречу ромеям, вышедшим на сбор плодов,¹⁴⁸ [поскольку] владения не охранялись.¹⁴⁹ Далее говорится об удачном набеге этих тюрков, которые перебили большую часть византийских наемников.¹⁵⁰

Сведения Пахимера уникальны. В восточных источниках нет данных о Токте, племяннике Газана. Вряд ли, конечно, Пахимер имел здесь в виду Токту (1291–1312), хана Золотой Орды, поскольку историк четко различает «восточных» и «северных» татар.¹⁵¹ Само нападение «Амурия» датируется осенью 1304 г. (смерть Газана — 11 мая

случае историк «смотрит» не из Константинополя, а из Табриза, что наводит на мысль о том, что источник Пахимера происходил из державы Ильханов или был составлен недалеко от нее.

¹⁴⁴ Имеются в виду военные действия против тюрков Анатолии.

¹⁴⁵ О монгольских именах в греческой (трапезундской) среде см.: Шукуров Р. М. Тюрки на православном Понте. С. 89–93. № 37. Имя Χουτλουχάιμ состоит из двух частей: тюрко-монг. Qutluγ (قتلغ) «счастливый, священный» и араб.-перс. قائم «стоящий, стоячий, прямой, существующий».

¹⁴⁶ Транскрибирую по: Zachariadou E. A. Observations. P. 266–267.

¹⁴⁷ Транскрипцию см.: Zachariadou E. A. Observations. P. 262–264.

¹⁴⁸ Я перевожу слово ὁ τρύγητος в архаичном значении как «сбор плодов», но не как «время сбора плодов, осень».

¹⁴⁹ Pachym. II. P. 458–460.

¹⁵⁰ Pachym. II. P. 460.

¹⁵¹ Pachym. II. P. 262–263.

1304 г.). «Амурий» Пахимера означает «эмир», под ним скрывается один из представителей династии Чобаногуллары в Пафлагонии.¹⁵² Важно отметить, что мир с Али, сыном «Амурия», был подписан византийцами к 1302 г.,¹⁵³ а в 1304 г. он даже пытался стать федератом империи, чтобы получить важную в стратегическом отношении область Месонисия. Сулейман-паша — основатель династии Джандаров-Исфендияров (в 1324 г. он захватил Синоп и основал эмират, покоренный османами в 1461 г.). Ходжа-бахши — приближенный хана Ногая и «наивысший из магов его»¹⁵⁴ после смерти своего сюзерена в 1299 г. отправился в Анатолию и, прибыв в Ираклию Понтийскую, крестился вместе с женой и домочадцами.¹⁵⁵ Его дочь, которая, следовательно, была христианской, была выдана в 1302 г. Андроником II замуж за Сулейман-пашу, чтобы тот не нападал на земли империи.¹⁵⁶ Андроник II пытался также использовать связи с Сельджукидами Рума: перешедший в христианство сын Кей-Кавуса II Мелик Константин жил в Константинополе. Вероятно, уже тогда он возглавлял отряд туркопулов, составленный из тюрок, бежавших в Византию вместе с Кей-Кавусом II.¹⁵⁷ В 1279–1280 гг., после смерти Изз ад-Дина Кей-Кавуса II в Крыму, его сыновья переправились в Анатолию. Старший из них, Мас'уд, стал в 1280 г. султаном.¹⁵⁸ Если он тождественен Мелику Масуру (Μελήκ Μασούρ) Пахимера,¹⁵⁹ то следует признать достоверным, что Мас'уд II во время

¹⁵² *Zachariadou E. A. Pachymeres on the «Amourioi» of Kastamonu // Romania and the Turks (c. 1300–1500). № II. P. 63–65.*

¹⁵³ *Pachym. II. P. 327–332.* Мир был заключен до битвы при Вафии (27 июля 1302 г., см.: PLP № 21013. S. 2, где приводится дата битвы) и по времени совпал с разливом Сангария (март 1302 г., см.: *Bryer A. David Komnenos and St. Eleuterios // АП. 1991. № 47. P. 184).*

¹⁵⁴ *Pachym. II. P. 345.*

¹⁵⁵ *Ibid. P. 345–346.*

¹⁵⁶ *Ibid. P. 345–347; Dölger F. Regesten. № 2244. S. 37.*

¹⁵⁷ *Pachym. II. P. 612–615; Savvides A. Late Byzantine and Western historiographers on Turkish mercenaries in Greek and Latin armies: the Turcoples / Tourkopouloi // The Making of Byzantine History. Studies dedicated to D. M. Nicol. London. 1993. № 7. P. 132; PLP № 17762. S. 193.*

¹⁵⁸ *Ibn Bibi. S. 334–336 (= Duda H. S. 322–323); Histoire des Seldjoudides. S. 41.*

¹⁵⁹ Вопрос очень сложен. См.: *Zachariadou E. A. Pachymeres on the «Amourioi» of Kastamonu. P. 65–70.* В PLP (№ 17233. S. 145) имя Μασούρ (как напечатано в *Pachym. II. 327. 17*) передано как Μασούτης, т. е. отождествление возможно. См. также: *Belke K. Paphlagonien und Honorias. Wien, 1996. S. 98–99.*

путешествия Андроника II в Нимфей (в 1290—1293 гг.) укрывался на византийской территории, спасаясь от тюрок Кастамону.¹⁶⁰

Новый союз между Византийской империей и державой Ильханов был оформлен в 1302 г. О византийском посольстве ко двору Ильхана Газана сообщают независимо друг от друга два историка — византийский (Георгий Пахимер) и персидский (Рашид ад-Дин). Пахимер пишет: «Итак, существовал чрезвычайный страх среди нас, вне Города (т. е. Константинополя. — *Д. К.*), [не было] ничего могущего противостоять непреодолимому натиску персов, из-за которого часть [людей] была убита, часть ушла в города и крепости на островах, а другие [отправились] в безопасные места за проливом, чтобы спастись. Оставшись в живых и устремившись [прочь], они испытывали крайнюю нужду из-за погибели от пришельцев извне. И вот василевс оказался в положении пытающегося остановить руками наплыв страхов, не надеясь на этих алан и собственных [воинов], колеблясь в отношении дрянных (*σαβροῖς*) наемников, он посылает к Газану, [правителю] восточных Татар, к хану, как они его называют, и предлагает заключить брачный союз и умоляет помочь ромеям, находящимся в крайне бедственном положении. Он же (т. е. Газан. — *Д. К.*) принимает просьбу и сверх того одобряет брачный союз (ибо он согласился на [брак] с незаконнорожденной дочерью, отцом которой признавался сам василевс). И он твердо дал обещания, что нападет на нечестивцев».¹⁶¹

Текст Рашид ад-Дина более краток. В нем рассказывается, что Ильхан Газан совершал путешествие в Курдистане, возле Биситуна. Назревала новая война с мамлюками, к Ильхану прибыли эмиры Сирии, бежавшие от султана Египта. «И также, — пишет Рашид ад-Дин, — в те края (т. е. в Курдистан. — *Д. К.*) прибыли послы василевса, падишаха Истанбула (*فاسليوس پادشاه استنبول*), с дарами и подарками и известили, что василевс желает пребывать под сенью падишаха ислама и свою дочь по имени Кумайя (*قومايي*) посылает в услужение. Падишах изволил их обласкать».¹⁶² Заслуживает

¹⁶⁰ *Pachym. II. P. 327—332.*

¹⁶¹ *Pachym. II. P. 402—403.*

¹⁶² *Rasid al-Din. S. 143.* Terminus post quem посольства — 26 августа 1302 г. *Idem. S. 140.* (у Дэльгера ошибочно — 1304 г.: *Dölger F. Regesten. № 2265. S. 43.*) При анализе этих событий А. Лайу, к сожалению, допустила ошибку: она пишет, со ссылкой на Б. Шпулера, что Газан послал посольство к Андронику II, добиваясь его нейтралитета в войне Ильхана с Египтом. *Laiou A. E. On Political Geography. P. 119; Spuler B. Die*

внимания тот факт, что в тексте Рашид ад-Дина оба государя (Ильхан Газан и Андроник II) наделены одинаковым титулом «падишах». Скорее всего, Византия рассматривалась Ильханами как равная им по рангу держава. По всей видимости, и Византия признавала высоким ранг державы Ильханов. Во всяком случае, употребляя в отношении Хулагу титул «архонт»¹⁶³ (что следует однозначно воспринимать как титул, более низкий по сравнению с императорским), в отношении потомков Хулагу (Аргуна и Газана) Пахимер использует уже более высокий титул «хан», без соотношения с византийской иерархией правителей.¹⁶⁴ Более того, сделанное Пахимером сопоставление Газана с Киром Великим, Дарием I и Александром Македонским (все трое правили Персией, и именно как цари-«василевсы» фигурируют в древнегреческой литературе) показывает, что держава Ильханов могла рассматриваться византийцами в качестве своего рода преемницы великого иранского царства,¹⁶⁵ а его владыка — как обладатель достоинства, равного царскому. Но в реальности византийцы считали, конечно, Ильханов правителями автономного, нехристианского и тем более невизантийского мира, следовательно — мира варварского. Именно поэтому было невозможно прямое родство между Палеологами и Хулагуидами, и замуж за Ильханов выдавали или предлагали внебрачных дочерей Михаила VIII и Андроника II. Тем не менее эти браки свидетельствуют, что статус монгольских ханов высоко оценивался в Константинополе. Вероятно, за ними признавалось и царское достоинство в качестве владык особого мира со своей дипломатической системой — *Rex Mongolica*. Именно поэтому, может

Mongolen. S. 101. Б. Шпулер говорит об обратном: что посольство послали византийцы, но я не могу согласиться с его тезисом о тесной связи Византии с Египтом в то время. В качестве доказательства Б. Шпулер ссылается на сообщение Макризи о посольстве Андроника II в Египет в ша'бана 700 г. Х. (т. е. в мае 1301 г.). На самом деле Византия просила открыть церкви, разрушенные чернью Александрии и Каира после занятия монголами Дамаска (факт знаменательный!). *Makrizi*. Vol. II. Partie II. P. 177–180.

¹⁶³ *Pachym. I*. P. 185.22.

¹⁶⁴ *Pachym. II*. P. 262.16, 327.22, 402.13, 456.11, 458.14, 459.16, 588.13.

¹⁶⁵ Интересно, что подобное восприятие монгольского государства в Иране как преемника Сасанидов не было чуждо самим Ильханам. В частности, Ильхан Ахмад (первый Ильхан-мусульманин) приказал отреставрировать арки Хосрова I Ануширвана (531–579) в Ктесифоне. *Weters M. Die Mongolen in Iran*. S. 313–314.

быть, Пахимер называет хана то архонтом, то василевсом (имея, правда, в виду правителя Золотой Орды).¹⁶⁶

Благодаря сообщению Рашид ад-Дина имеется возможность довольно четко определить дату посольства Византии: оно прибыло незадолго до 6 декабря 1302 г. Эффект посольства оказался поразительным: при одном слухе о союзе турки временно приостановили нападения на византийские земли. Эти соглашения, как видно, сохраняли силу в 1304 г. и, по завещанию Газана, должны были соблюдаться еще в течение трех лет, т. е. до 1307 г. (хотя сам брак осуществлен не был). Упомянутые Пахимером эмиры — Чобаногуллары, Джандарогуллары, Осман, — вассалы Ильхана: все они (даже Османбей) чеканили на своей территории монету Ильханов и были обязаны являться либо наместникам Ильхана в Анатолии, либо в Табриз.¹⁶⁷ Кутлу-каим (по всей видимости, монгольское должностное лицо в Пафлагонии) вряд ли случайно попал в текст Пахимера: в этой области (в Эфляни) располагались тимары монголов, находившиеся под непосредственной юрисдикцией Ильханов.¹⁶⁸

В то же время, в конце XIII в., Византия активизирует свои связи с христианскими государствами Востока — Киликийской Арменией, Трапезундом и Грузией. О браке дочери Михаила VIII с царем Давидом VI говорилось выше; другая дочь императора Евдокия в 1282 г. стала женой Иоанна II Великого Комнина (1280–1284/1285; 1285–1297).¹⁶⁹ В правление Андроника II ситуация изменилась: прежние византийско-трапезундские противоречия отошли в прошлое, среди двух грузинских царств наибольшее значение приобрело Восточно-Грузинское царство в правление Давида VIII и его брата Вахтанга III (1302–1308).¹⁷⁰ После брачного союза с трапезундским императором Византия поддерживала тесные связи именно с «восточной» ветвью

¹⁶⁶ Byzantinoturcica. Bd. II. S. 148–149.

¹⁶⁷ В отношении Османа см.: *Morgan D. O. The Mongols*. P. 207. О Сулейман-паше Джандароглу см.: *Aksarayl. S. 311–312* (1314 г.). О Музаффар ад-Дине Явлак Арслане Чобаноглу см.: *Ibn Bibi. S. 336–337* (= *Duda H. S. 324–325*).

¹⁶⁸ *Yücel Y. XIII–XV yüzyıllar Kuzey-Batı Anadolu Tarihi. Çobanogulları, Candarogulları beylikleri*. Ankara, 1980.

¹⁶⁹ *Панарет*. С. 62.9–16.

¹⁷⁰ В Западно-Грузинском царстве после смерти Давида VI в 1293 г. начинаются усобицы, продолжавшиеся вплоть до 20-х гг. XIV в. *Histoire de la Géorgie*. P. 610–611; 647. *Бердзенишвили Н. А. и др.* История Грузии. Тбилиси. 1962. Т. I. С. 244.

правлящей династии Грузии. Пахимер упоминает о большой любви Ильхана Газана к «вираам», но это утверждение не совсем соответствовало исторической истине: Давид VIII в 1295–1297 гг. как сторонник Байду отказывался лично явиться к Газан-хану и даже попытался опереться на помощь Токты, хана Золотой Орды.¹⁷¹ В 1301 г. Кутлу-шах сформировал в Грузии специальный отряд, который отправился на войну с мамлюками.¹⁷² Скорее всего, этот грузинский отряд¹⁷³ имеет в виду Пахимер, но трактовать эти действия как проявление особой милости Ильхана по отношению к Грузии нет оснований. Напротив, налицо типичная практика монголов: их администрация вмешивалась во внутренние дела подвластного государства,¹⁷⁴ использовала войска вассалов для внешнеполитических акций и т. п. Жесткий контроль Ильханов над Грузией способствовал установлению тесных связей между грузинскими и монгольскими должностными лицами: на высшем уровне, например, между Давидом VIII и Кутлу-шахом, между Кутлу-шахом и католикосом Авраамом. Характерно, что монгольские военачальники при грабеже церковей опасались грузинских князей, — следовательно, последние обладали определенным влиянием в государстве Ильхана. По всей вероятности, связи грузин при монгольском дворе использовались Византией (для получения достоверной информации, обеспечения доступа ко двору и т. п.). В противном случае хвалебный тон Пахимера трудно объяснить.

В 1305 г. Византия просила Харбанду в соответствии с имеющимся союзным соглашением (*κατὰ συμμαχίαν*) послать войска против тюрок, наступавших в юго-западных районах Малой Азии. И такая помощь действительно была оказана: Ильхан послал 40-тысячное войско, половину которого вел его племянник, дошедший до Икония/Коньи. Однако помощь запоздала: 24 октября 1304 г. эмир Сасан захватил Эфес.¹⁷⁵ Зимой 1305–1306 гг. было отправлено посольство в Грузию для заключения *συμμαχίαν*, т. е. военного союза.¹⁷⁶ Эти переговоры, которые велись, вероятно, с Восточно-Грузинским царством, оказались

¹⁷¹ Histoire de la Géorgie. P. 619–620.

¹⁷² *Rašid al-Din*. S. 130.

¹⁷³ Если следовать «Картлис цховреба», отряд был сформирован раньше, в 1298–1299 гг. Histoire de la Géorgie. P. 630–634.

¹⁷⁴ У Рашид ад-Дина сохранились сведения, что в 1298 г. подчиненные Кутлу-шаха разорили Грузию. *Rašid al-Din*. S. 119.

¹⁷⁵ *Pachym. II*. P. 588–589; *Dölger F. Regesten*. № 2280. S. 45.

¹⁷⁶ *Pachym. II*. P. 620; *Dölger F. Regesten*. № 2292. S. 47.

неудачными, но во время них или чуть позже Андроник II решил предложить Олджайту заключить союз, скрепленный браком (κῆδος). Император приказал деспине Марии, вдове Абаки, переехать со свитой в Никею: по всей видимости, планировалось ее участие в переговорах.¹⁷⁷ Помощь монгольского или грузинского войска была жизненно важна в то время для Византии, поскольку в это время уже вспыхнул мятеж каталанцев. Хотя брачный союз с Ильханом так и не был заключен, военный союз продолжал сохраняться: когда в 1306–1308 гг. Осман подступил к Никее, именно деспина Мария послала посольство к Ильхану с просьбой о помощи. Пахимер передает слух, что Олджайту в ответ выслал 30 000 воинов, но Осман действовал быстрее и подчинил крепость Трикоккию возле Никеи.¹⁷⁸ В то же время византийско-грузинские связи, несмотря на неудачу переговоров о браке, переживали подъем: известна серия посольств Византии к султану Египта, целью которых было вернуть Грузии принадлежащие ей до 1301 г. в Иерусалиме церковь и монастырь, превращенные в мечети, и обеспечить безопасность паломников к этим местам.¹⁷⁹ Равным образом активизировались связи с Трапезундской империей и Киликийской Арменией. В письме Григория Хиониада к Алексею II Великому Комнину говорится, что «послы твоей царственности ежегодно снаряжаются к божественнейшему самодержцу (т. е. к Андронику II. — *Д. К.*)».¹⁸⁰ Речь идет о периоде 1301–1305 гг. Примечательно, что самому Хиониаду, чтобы проехать в Табриз, пришлось три с лишним года ждать разрешения трапезундского императора. Этот случай хорошо показывает, что Трапезунд как связующий пункт с державой Ильханов был крайне важен для Византии: Хиониад не мог проехать через Западную Грузию, объятую в то время междоусобицами. Через земли Трапезундской империи в 1287 г. в Константинополь лежал путь посольства раббан Саумы.¹⁸¹ Сведения Пахимера показывают, что Андроник II надеялся на быстрый приход

¹⁷⁷ *Pachym. II. P. 620; Dölger F. Regesten. № 2280. S. 45.*

¹⁷⁸ *Pachym. II. P. 637–638.*

¹⁷⁹ *Dölger F. Regesten. №№ 2289 (1305–1306 гг.), 2311 (1308 г.), 2317 (1310 г.).*

¹⁸⁰ *Хиониад. Письма. С. 193.13–15.* Краткое изложение биографии Хиониада и литературы о нем см.: *Карпов С. П. Культура Трапезундской империи // Культура Византии. М., 1991. Т. III. С. 113–114.* Вероятно, эти частые визиты византийских послов были связаны с обеспечением караванной торговли. Я очень благодарен С. П. Карпову, обратившему мое внимание на это обстоятельство.

¹⁸¹ *История мар Ябалахи. С. 80.*

военной помощи монголов, что было возможно только при наличии хорошей связи с Табризом.

Наконец, имеются некоторые сведения и по истории Киликийской Армении. В 1297 г. Хетум II вместе со своим братом Торосом отправился в Константинополь. В их отсутствие Смбат (1297–1298), брат Хетума, венчался на царство и, когда вернулись Хетум и Торос, он отказался допустить братьев в страну. Хетум вернулся в Константинополь и, взяв у Андроника II много золота, отправился к Газану (вероятно, через Трапезунд). На обратном пути (сушей, через Кесарию/Кайсери) Хетум был схвачен Смбатом и ослеплен. Тогда Константин, брат Хетума, выступил против Смбата и сверг его. Константин правил один год, затем Хетум восстановил свою власть и выслал в Константинополь Константина и Смбата, царем же в 1306 г. поставил сына Тороса Левона IV.¹⁸² Эти сведения находят подтверждение в хронике Самуила Анийского, где также говорится о поездке Хетума и Тороса в Константинополь, а под 1295 г. добавлено, что Армения разделилась на две части; Киликия «взяла за образец греков».¹⁸³ Четко определена здесь и дата отправки Константина и Смбата в ссылку: 1302 г.¹⁸⁴ Примечательно, что в династической борьбе цари Киликийской Армении опирались на двух сюзеренов: Андроника II и Ильхана Газана. Решающее слово принадлежало Ильхану, но заложников отправляли в Константинополь. Даты — 1295 и 1302 гг. — в данной связи не случайны: первая из них — время усиления при Байду византийского влияния, связанного с положением при дворе деспины Марии; вторая — год заключения военного союза между Андроником II и Газаном. Интересно, что эти данные не являются чем-то исключительным. Например, в 1272 г. в Киликийской Армении вспыхнуло восстание греческих архонтов, поддержанное Евфимием, православным патриархом Антиохии. Царь Левон III (1269–1289) выслал патриарха в Константинополь, чтобы император рассудил их обоих.¹⁸⁵

¹⁸² Галстян А. Г. Армянские источники о монголах. М., 1962. С. 79–80.

¹⁸³ См. перевод Броссе: «L'Arménie se partagea en deux: la Cilicie se modela sur les Grecs, un petit nombre s'y refusa». *Samuel d'Ani*. P. 475. Это означает, что в Киликийской Армении возобладали провизантийские симпатии, в то время как Великая Армения осталась вне влияния Византии.

¹⁸⁴ *Samuel d'Ani*. P. 475–477.

¹⁸⁵ *Bar Hebraeus*. P. 449–450.

Рассмотрение исторического материала, касающегося отношений Византии с ее восточными соседями в 1250–1310 гг., позволяет сформулировать следующие выводы.¹⁸⁶

Система восточной политики Византии до прихода монголов базировалась на дружественных (в основном) отношениях между империей и Иконийским султанатом. Можно говорить именно о системе таких связей, поскольку они выражались в дружественных отношениях между главами государств (Михаил VIII — Изз ад-Дин Кей-Кавус II; Андроник II — Мас'уд II), в дружбе между сельджукскими и византийскими вельможами (Михаил Палеолог, до воцарения — бейлербей Тавташ; Михаил VIII — Василики); в использовании греков на службе у султана (Комнины, Маврозоми, Василики, Михаил Палеолог во время пребывания в Руме),¹⁸⁷ во влиянии Православной Церкви на территории Сельджукского султаната — как на личном уровне (Макарий Писидийский — Изз ад-Дин Кей-Кавус II), так и на общественном (например, в Малатье в 1240 – 1250-х г.). Эта система сложилась, по-видимому, еще во времена Комнинов на основе исторически сложившегося симбиоза православных и мусульман, характерного для всего общества сверху донизу (начиная с семьи султана и кончая дружескими отношениями между конфессиональными общинами городов).¹⁸⁸ Именно это обстоятельство придавало устойчивость дипломатической системе Византии. Более того, в Восточной Анатолии подобная практика была воспринята и во многом развита Трапезундской империей. Конец ей положило завоевание тюрками основной части малоазийских владений империи, а в Восточной Анатолии — османское завоевание в 1461 г. Важно подчеркнуть при этом, что в рассмотренной системе отношений фактор конфессионального противостояния часто играл второстепенную роль.

Симбиоз православных и мусульман оказывал значительное влияние на внешнеполитическую позицию государства Сельджукидов Рума прежде всего благодаря тому, что Иконийский султанат был державой, не имевшей моноэтничного характера. Иными словами, Сельджукиды

¹⁸⁶ Эти выводы во многом являются предварительными, поскольку затронутые здесь проблемы нуждаются в дальнейшем углубленном изучении.

¹⁸⁷ *Baltvet M. Romanie byzantine et Pays de Rûm Turc. Histoire d'un espace d'imbrication gréco-turque/ Cahiers du Bosphore. X. Istanbul, 1994. P. 47–49.*

¹⁸⁸ См. аналогичный вывод: *Idem. P. 85–89.*

в своей политике не опирались на какую-либо определенную этническую группу, самосознание которой включало бы в себя элемент конфессиональной нетерпимости. В этом отношении Иконийский султанат отличался от Османской империи, которая возникла именно как осознанно турецкое государство. В XIV–XV вв. ислам, пусть своеобразно понятый, являлся неотъемлемым компонентом этнического самосознания турок. Именно этим, по-видимому, следует объяснять антихристианский, «антивизантийский» пафос раннеосманских исторических произведений.¹⁸⁹ При отсутствии же четко осознанного идеологического противостояния при условии исторически сложившегося симбиоза православных и мусульман влияние Византии на Востоке в XIII–XIV вв., распространявшееся через православное население и церковь, не должно было встречать особых преград.

С приходом монголов в Малую Азию система византийской дипломатии стала и сложнее и разнообразнее. Помимо того что сохранились старые связи с династией Сельджукидов Рума, добавились дружественные отношения с монголами Ирана. Эти связи активизировались дважды: в 1260–1270-х и в 1290–1310-х гг. Причины этого были различными. В первом случае сложная внешнеполитическая обстановка диктовала необходимость союза с державой Ильханов как главного средства обеспечения безопасности восточных границ Византии и избавления ее от дипломатической изоляции на Востоке во время противоборства с Карлом Анжуйским. Во втором случае главным фактором, обеспечившим прочность союза двух держав, был всплеск активности тюркских племен, прорвавших пограничные рубежи малоазийских владений Византии. Причем в подавлении сепаратистских выступлений племен оказались заинтересованными и Ильханы. Одновременно Византия пыталась наладить систему отношений с пограничными тюркскими протогосударственными образованиями (договоры Андроника II с беями Чобаногуллары, Джандарогуллары в Пафлагонии). Однако отношения Византии с тюрками так и не оформились в законченную систему: слишком мало времени было отпущено историей империи, слишком неожиданным оказался для ее

¹⁸⁹ Если воспринимать буквально сведения Ашикпашазаде, Энвери, Ахмеди, Непри, то может возникнуть ложное впечатление, что борьба с «неверными» была основной деятельностью османских султанов. Вопрос о соотношении данных османских хроник с исторической реальностью нуждается в особом исследовании.

дипломатии, делавшей ставку на отношения с «цивилизированными» государствами, подъем тюркских племен. Наконец, в конце XIII в. активизируются связи Византии с Грузией, Киликийской Арменией и Трапезундской империей. Этот поворот в политике Византии был вызван не только ее стремлением после отвоевания Константинополя поддерживать свой престиж главы христианской ойкумены. Восстановление связей с названными тремя государствами стало во многом возможным благодаря союзу Византии и государства Ильханов. Трапезунд, Киликийская Армения и Грузия в этот период включены не только в круг византийских государств, но и в Рах Mongolica. Разумеется, предпосылкой для такого сближения являлось осознание и сугубо религиозного, и широкого культурного единства: не даром в свите деспины Марии были не только православные, но и армянские епископы-монофизиты. Но активизация этих связей произошла преимущественно по политическим мотивам. Для Византии было важно иметь постоянный контакт с державой Ильханов,¹⁹⁰ получать оттуда достоверную информацию, чтобы рассчитывать свои внешнеполитические акции. Использовала ли при этом Византия то влияние при монгольском дворе, которым обладали указанные три государства (учитывая феномен взаимопроникновения монгольского и армянского, монгольского и грузинского, монгольского и греческого (трапезундского) миров), сказать трудно, хотя такое предположение допустимо. Зато можно утверждать, что существовала обратная зависимость: правители Киликийской Армении и Трапезунда были обязаны учитывать сложившийся с 1264 г. союз между Ильханом и византийским императором. Вектор политической ориентации действовал безотказно: Иоанн II Великий Комнин, зять Михаила VIII, был одновременно верным вассалом Ильхана (в отличие от своего брата Георгия I); равным образом Хетум II, постоянный союзник Газана в войнах с мамлюками, пользовался поддержкой в Константинополе. Византия и монгольский Иран выступали как две великие державы, у которых имелись общие интересы в Руме, Грузии, Армении и Трапезундской империи, и именно эту ситуацию отразил Пахимер, рассматривавший Ильхана Газана в качестве приемника Александра Македонского, Кира и Дария, не соотнося при этом титул Ильхана с титулом византийского императора. Своеобразное

¹⁹⁰ Географически это не так просто: сухопутный путь через Малую Азию был долог и опасен, морской через Средиземное море находился в зависимости от мамлюков, владевших побережьем Палестины и Сирии, а также западных держав. Оставался только один — через Трапезунд.

«совмещение» византийского мира на Востоке и *Rex Mongolica* стало возможным потому, что каждая из этих систем занимала в государствах Малой Азии и Кавказа свою, особую нишу. Монголам принадлежало первенство в правовой,¹⁹¹ политической и военной¹⁹² областях. Византия же для Грузии, Киликийской Армении, а также в определенной мере для Трапезунда¹⁹³ была образцом в сферах культурной и конфессиональной, хотя существовала также — но уже на втором плане — и политическая иерархия государств, первое место в которой занимал константинопольский император.

Это предположение о совмещении византийского мира на Востоке и *Rex Mongolica* требует дополнительных объяснений. Во-первых, Византия во многом способствовала тому, что на протяжении 1260–1310 гг. и позднее сохранялся золотоордынско-египетский союз. Как показывают тексты Пахимера и Григоры, блестяще проанализированные двумя русскими учеными, византийцы отлично осознавали, что именно через Константинополь в Египет направлялся поток кыпчакских рабов, из которых набиралось мамлюкское войско.¹⁹⁴ Диплома-

¹⁹¹ Иллюстрацией такой подчиненности могут послужить два факта. В правление Ильхана Газана были проведены важные экономические реформы. В соответствии с ними были унифицированы стандарты мер и весов, в том числе и в соседних государствах, включая Трапезундскую империю. *Kurşanski M. The Coinage of the Grand Komnenos Manuel I // АП. 1978. Т. 35. Р. 27–37; Карпов С. П. Итальянские морские республики... С. 67.* Также при дворе Ильханов существовал монгольский верховный суд — яргу, — на котором по монгольским законам судили не только монголов, но и правителей подвластных государств. В частности, так были осуждены Муин ад-Дин Перване и император Трапезунда Георгий I Великий Комнин. *Bryer A. The Fate of George Komnenos. Р. 332–349;* есть много примеров, подобных этому (когда монголы судили сельджукских эмиров, грузинских или армянских царей).

¹⁹² Например, в Трапезундской империи был заимствован титул *quqci* — *χορτῆς* (его обладатель, возможно, стоял во главе военного отряда *quqci*). *Шукуров Р. М. Тюрки на православном Понте. С. 92–93.*

¹⁹³ Однако не следует забывать, что империя Великих Комнинов — такая же наследница Византии Комнинов (XI–XII вв.), что и Никейская империя, и Византия Палеологов.

¹⁹⁴ *Greg. I. Р. 101.20–107.10; Pachym. I. Р. 235.1–239.5; Успенский Ф. И. Византийские историки о монголах и египетских мамлюках // ВВ. 1926. Т. 24. С. 1–6; Вернадский Г. В. Золотая Орда, Египет и Византия в их взаимоотношениях в царствование Михаила Палеолога // СК. 1924. Вып. 1. С. 75–77.*

тическая связь между Золотой Ордой и государством мамлюков была невозможна без разрешения византийского императора. Не означает ли это, что Ильханы воспринимали Византию как члена враждебной коалиции? Чтобы ответить на этот вопрос, достаточно рассмотреть некоторые факты. В 1264 г., когда еще шла война между Хулагу и Берке, был решен вопрос о брачном договоре между Византией и Ильханом. Одновременно Михаил VIII согласился пропустить египетское посольство через Константинополь.¹⁹⁵ Несмотря на поворот политики Византии, брачный союз с Ильханом был сохранен и осуществлен в следующем, 1265 г.¹⁹⁶ В 1281 г. между Михаилом VIII и султаном Кала'уном был подписан договор, который разрешал египетским судам пользоваться проливами, — акция, нежелательная для Ильхана, поскольку тем самым восстанавливалось прямое сообщение между Египтом и Золотой Ордой.¹⁹⁷ Тем не менее трапезундский император Иоанн II Великий Комнин, который пришел к власти при поддержке промонгольских сил и был верным вассалом Ильхана, в 1282 г. отправляется в Константинополь, идя на унижение: смену формы императорского титула.¹⁹⁸ В 1287 г. через Константинополь было послано посольство раббан Саумы, который вез письмо Ильхана Аргуна к императору Андронику II. В этом же 1287 г. Туда-Менгу, хан Золотой Орды, отправил через Константинополь посольство в Египет, результатом которого было вторжение золотоордынских войск на территорию Ильхана.¹⁹⁹ Наконец, в 1305–1308 гг. византийцы с успехом просили Ильхана Олджайту о помощи. Но в 1304–1306 гг. Токта, новый хан Золотой Орды, неоднократно

¹⁹⁵ Об этом см. выше.

¹⁹⁶ Строго говоря, сам брак деспины Марии и Абаки был осуществлен во время перемирия между Берке и Ильханом в начале 1265 г. Однако уже в конце 1265 г. войска Абаки были разбиты Ногаем. *Закиров С.* Указ. соч. С. 16.

¹⁹⁷ *Canard M.* Un traité entre Byzance et l'Égypte. P. 197–224. Тем не менее Р. Амитай-Прейсс, изучив взаимоотношения монголов и мамлюков в 1260–1281 г., пришел также к выводу, что в период 50–60-х гг. XIII в. Византия была теснее связана с монголами Ирана, чем с Золотой Ордой. *Amitai-Preiss R.* Mongols and Mamluks. The Mamluk-Ilkhanid war, 1260–1281. Cambridge, 1995. P. 98.

¹⁹⁸ *Bryer A.* The Fate. P. 343. *Kuršanskis M.* Usurpation. P. 187–193; 208.

¹⁹⁹ *Тизенгаузен В.* Сборник. I. С. 67/69. Обмен посольствами между Египтом и Золотой Ордой, в которых обсуждался вопрос о войне с Ильханом, начался с 1282 г. Там же. С. 65–67/67–69; 81–82/103–104.

посылал посольства в Египет (все время через Константинополь), пытаясь возобновить старый союз с султаном, и не вина Византии, что этот союз не осуществился.²⁰⁰ На мой взгляд, эти факты четко свидетельствуют, что несмотря на долгую связь Византии с Золотой Ордой и Египтом, Ильханы не рассматривали империю как враждебное государство.

Во-вторых, отношения державы Хулагуидов и подвластных ей государств не всегда были устойчивыми. Западная Грузия довольно скоро вышла из-под действенного контроля Ильханов,²⁰¹ Трапезунд в правление Георгия I проводил внешнюю политику, не согласованную с интересами своего сюзерена. Восточная Грузия регулярно пыталась восстать и за помощью обращалась к Золотой Орде.²⁰² Самым трудным для монгольского Ирана был кризис 1277–1280 гг., когда Бейбарс вторгся в Анатолию, а предательство Перване Муин ад-Дина Сулеймана на короткое время отдало под власть Египта весь восток Малой Азии. Затем золотоордынский хан Менгу-Тимур совершил набег на Кавказ, и восстали Джакели, владельцы Самцхе. В этом же 1280 г. в руки Ильхана был предан Георгий I Великий Комнин.²⁰³ Несмотря на все кризисы и попытки вассальных государств добиться большей самостоятельности, Ильханам удалось подавить эти тенденции. Даже во время восстаний всегда находилась часть местной аристократии, продолжавшей ориентироваться на монгольский Иран. Именно поэтому я могу говорить о существовании *Rex Mongolica* (улуса Хулагу) и о тесных связях этого мира с Византией. Здесь же кроется ответ на вопрос, почему монголы Ирана не воспринимали империю как враждебное государство. Дело в том, что Ильханам было очень трудно обеспечить действенный контроль над подвластными территориями. Теоретически монгольское войско могло пройти через весь Румский султанат и вторгнуться в византийские владения в Малой Азии. Но Анатолия в это время — нестабильный регион, и любое открытие здесь крупномасштабных военных действий (а тем более попытка установить прочную власть) неизбежно вело к затяжной

²⁰⁰ В союзе отказали сами мамлюки, ссылаясь на то, что уже был заключен мир с Олджайту. Там же. С. 463.

²⁰¹ *Limper B.* Die Mongolen und die christlichen Völker des Kaukasus. Eine Untersuchung zur politischen Geschichte Kaukasiens im 13. und beginnenden 14. Jahrhundert. Diss. Köln. 1980. S. 162–163.

²⁰² *Limper B.* Op. cit. S. 163–169; 176–180.

²⁰³ *Makrizi.* Vol. 1. Part. 2. P. 135–146; *Kuršanskis M.* L usurpation. P. 191–193, 207–209; *Cahen Cl.* Op. cit. P. 285–289.

войне и образованию для Ильханов третьего театра военных действий (наряду с кавказским и сирийским). Поэтому в Малой Азии и Армении монголы предпочитали опираться на силы местных правителей, и только в 1308 г., в связи с участвовавшими восстаниями тюрок, Ильхан Олджайту решил ввести прямое монгольское правление. Равным образом для Византии с точки зрения безопасности восточных провинций был важен дружественный нейтралитет монголов Ирана. В то же время столь же важным для политики империи на Балканах были отношения с Золотой Ордой, а с точки зрения ситуации в Средиземном море — с Египтом.

Для «совмещения» византийского мира на Востоке и *Rex Mongolica* наряду с политическими контактами было также необходимо религиозное и культурное взаимодействие. Это иллюстрирует текст Пахимера, приведенный в начале статьи. В походе Ильхана Газана в 1299–1300 гг., когда его войска заняли Дамаск и почти достигли Иерусалима, выдающуюся роль играл зять Ильхана Кутлу-шах, главный военачальник Газана после казни эмира Навруза. Но Кутлу-шах не был монголом по крови — он был сыном атабека Лори Садуна Манкабердели и принадлежал, таким образом, к огрузинившейся ветви армянской династии Арцруни.²⁰⁴ Целый ряд армянских семей при грузинском дворе (таких как Закаряны-Мхаргрдзели или Орбелианы) верно служил Ильханам; возможно, что также на службе у Хулагуидов были трапезундские вельможные роды и греческие архонты Киликийской Армении.²⁰⁵ Со всем этим православным миром Кав-

²⁰⁴ *Limper B. Op. cit.* S. 172–173, 227–231. Кутлу-шах, по всей видимости, православный по вероисповеданию, был одним из главных покровителей христиан в эпоху гонений в начале XIV в. См.: *Стефан Орбелиан*. С. 60–61. Кутлу-шах был родственником и династии Хулагу, и Багратидов Восточной Грузии (и тем самым косвенно — Великих Комнинов). См.: *Bryer A. The Fate*. P. 344. Его карьера завершилась неожиданно: после неудачной для Газана битвы при Мардж ас-Суффар 19 апреля 1303 г., когда войска под командованием Кутлу-шаха потерпели поражение от мамлюков, разгневанный Ильхан сослал Кутлу-шаха в Гилан. *Boyle J. A. Dynastic and Political History*. P. 386–387.

²⁰⁵ В отношении трапезундцев это предположение основано на том, что три представителя династии Великих Комнинов имели монгольские именованья. *Шукуров Р. М.* Тюрки на православном Понте. С. 89–90 (где ссылки на литературу и источники). У армян и грузин, как правило, это было связано с восприятием монгольских традиций, которым были подвержены именно роды, длительное время служившие при дворе Ильхана. Кроме того, широко практиковалась система заложников. Предположение о грече-

каза и тем более с православными общинами Малой Азии поддерживала связь Византия.

Эта уникальная система, которую можно назвать «дипломатической обороной» восточных границ империи, позволила Византии в течение 50 лет избегать крупных военных столкновений на Востоке. Фактически дипломатия империи одержала блестящую победу. Она учитывала те внутренние процессы, которые происходили на Востоке, и использовала сильное влияние православного (и — шире — христианского) населения в Малой Азии, Сирии, Западном Иране, Армении и на Кавказе, политический вес и высокий статус Православной Церкви в этих регионах, активизацию (в связи с основанием в Иране немусульманской монгольской державы) внешней политики малых христианских государств, длительную традицию отношений с Сельджукским султанатом Рума. Дипломатия империи добилась того, что во второй половине XIII в. на Востоке не было силы, способной на враждебные действия против Византии. Кто мог выступить против нее? Сельджукский султанат, подчиненный монголами и распадавшийся на части? Монголы, заинтересованные в союзе с Византией? Трапезунд, Киликийская Армения, Грузия? Но они не имели даже общей границы с империей. Многие мероприятия Михаила VIII Палеолога, кажущиеся на первый взгляд ошибками (например, налогообложение акритов Вифинии и Пафлагонии, подрывавшее самостоятельную оборону этих областей), оказываются по-своему логичными, если учитывать особенности внешнеполитической ситуации той эпохи.

В конечном итоге эта дипломатическая победа оказалась ловушкой для империи. Ее дипломатия проглядела еще один фактор — тюркский. Начиная с середины XIII в. (а в особенности — с рубежа XIII–XIV вв.) в недрах тюркских племен Анатолии произошли перемены, сущность которых не изучена полностью до сих пор. Они поднимали восстания — одно за другим, — топившиеся монголами в крови, мигрировали, спасаясь от преследования, на запад, к границам Византии. Внутри этих племен или племенных союзов развертывались процессы седентаризации, стали появляться элементы государственных институтов. Все это привело к появлению протогосударственных образований, а затем — тюркских бейликов, занявших большую часть Западной и Центральной Анато-

ских архонтах Киликийской Армении основано на том факте, что войска Киликийской Армении часто использовались Ильханами в войнах с мамлюками.

лии.²⁰⁶ Только в Восточной Анатолии сохранились государства (например, Сивасский султанат) — преемники державы Ильханов и Сельджукидов Рума. В них тюркский элемент был менее заметен. Здесь традиционно властвовала бюрократия, организованная по старым арабо-персидским образцам. Подъем тюрков был столь мощным, что это «разбушевавшееся тюркское море» поглотило не только таджиков или хорезмийцев в анатолийских городах, но и автохтонное греческое население. Сп. Врионис сделал вывод, что с середины XIV в. мусульмане стали численно преобладать в Анатолии.²⁰⁷ Это время хронологически совпадает со временем окончательного установления системы тюркских бейликов. Вряд ли данное совпадение случайно: длительный процесс исламизации получил мощное ускорение благодаря тюркскому этническому давлению. Вместе с тем это означало, что исчезали те силы, на которые опиралась Византия на Востоке. Численно уменьшалось греческое православное население, стремительно утрачивала свои позиции (в основном на протяжении XIV–XV вв., как показывают данные *Notitiae Episcopatum*)²⁰⁸ Православная Церковь. Система обширных связей Византии с государствами Востока рухнула в конце первого десятилетия XIV в., когда в целом завершилось тюркское завоевание последних византийских земель в Анатолии. Вместе с этим отошла в прошлое и роль Византии как великой державы Востока; восточная политика империи уже никогда не достигала прежнего размаха. Слабость Византии и последовавшая гражданская война 1320–1328 гг. вообще пресекли преемственность в восточной политике империи. Возрождение прежней дипломатической практики связано с именем Иоанна VI Кантакузина (1347–1354), но ее ареал (преимущественно бассейн Эгейского моря) и цели этой политики были уже другими. По сути дела Кантакузин попытался использовать (но не остановить) турецкий натиск в интересах Византии.²⁰⁹ В результате православное население Малой Азии было фактически предоставлено самому себе и потому окончательно обречено на

²⁰⁶ *Lindner R. P. Nomads and Ottomans in Medieval Anatolia.* Blaminston, 1983.

²⁰⁷ *Vryonis Sp. Nomadization and Islamization in Asia Minor // Byzantina kai Metabyzantina. Studies on Byzantium, Seljuks and Ottomans.* Undena, 1981. № IV. P. 59.

²⁰⁸ *Vryonis Sp. The Decline...* P. 302–310.

²⁰⁹ Об отношении Кантакузина к туркам и к исламу см.: *Ballvet M. Romanie byzantine.* P. 113–122.

медленное угасание. Впрочем, какие-то связи с православным сообществом Востока как слабую тень былого влияния некогда могущественной империи Византия сохраняла вплоть до своей гибели.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

Источники

История мар Ябалахи. — История мар Ябалахи III и раббан Саумы / Исслед., пер. и примеч. Н. В. Пигулевской. М., 1958.

Киракос Гандзакеци. — *Киракос Гандзакеци.* История Армении. Пер. с древнеарм., предисл. и примеч. Л. А. Ханларян. М., 1976.

Памятники армянской агнографии. — Памятники армянской агнографии. Пер. с древнеарм., вступит. статья и примеч. К. С. Тер-Давтян. Ереван, 1973.

Панарет. — Μιχαήλ τοῦ Παναρέτου περὶ τῶν Μεγάλων Κομνηνῶν. Ἐκδ. Ὁ. Δαρψίδης // АП. 1958. Т. 22.

Рашид ад-Дин. — *Рашид ад-Дин.* Сборник летописей. Пер. А. К. Арендса, под ред. А. А. Ромаскевича, Е. Э. Бертельса, А. Ю. Якубовского. М.; Л., 1946. Т. III.

Стефан Орбелиан. — *Стефан Орбелиан.* История // История монголов по армянским источникам. Пер. и объяснения К. П. Патканова. СПб., 1873. Вып. I.

Тизенгаузен В. Сборник. I. — *Тизенгаузен В.* Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. СПб., 1884. Т. I.

Хиониад. Письма. — Παπαδόπουλος Ι. Β. Γρηγορίου Χιονιάδου τοῦ ἀστρονόμου ἐπιστολαί // Ἐπιστομικὴ Ἐπετηρὶς τῆς Φιλοσοφικῆς Σχολῆς. Πανεπιστήμιον Θεσσαλονικῆς, 1927. Т. I.

Aksarayi. — *Kerimuddin Mahmud Aksarayi.* Müsameret ül-ahbâr. Mogollar zamanında Türkiye selçukluları tarihi / Mukkademe ve haşiyelelerle tashin ve neşreden... O. Turan. Ankara, 1944.

Bar Hebraeus. — *Gregory Abu'l-Faraj known as Bar Hebraeus.* The Chronography. Translated from the syriac... by E. A. W. Budge. Amsterdam, 1976. Vol. I.

Histoire de la Géorgie. — Histoire de la Géorgie depuis l'antiquité jusqu'au XIXe siècle/ Traduite du géorgien par Brosset M. F. StPB. 1849.

Histoire des Seldjucides. — Histoire des Seldjucides d'Asie Mineure par un anonyme. Neš. F. Uzluğ. Ankara, 1952.

Duda H. — *Duda H. W.* Die Seltschukengeschichte des Ibn Bibi. Kopenhagen, 1959.

Juvaini. I. II. — '*Ala-ad-Din 'Ata-Malik Juvaini.* The History of the World-Conqueror/ Transl. from the text of Mirza Muhammad Qazvini by J. A. Boyle. Manchester, 1958. Vol. I, II.

Makrizi. — *Ahmad Taqi ud-din Makrizi.* Histoire des sultans Mamluks de l'Egypte. Trad. par M. Quatremere. Paris, 1837–1845. Vol. I–II.

Qazvini. I. II. — The Târikh-i-Ghuzida, or Selected History of Hamdu'lláh Mustaufi-i-Qazvini. Ed. and tr. by E. G. Brown. // E. J. W. Gibb Memorial Series. Leiden, 1913. Vol. XIV. (Persian text). Part. II (English tr.).

Rašid al-Din. — *Rašid al-Din Fadlallah b. 'Imad al-Daula Abul-Hair.* Geschichte Gazan-Hans, aus dem Tarih-i-Mubarak-i-Gazani / Hrsggb. nach Handschriften von Stambul, London, Paris und Wien... von K. Jahn // E. J. W. Gibb Memorial Series. New Series. London, 1940. Vol. XIV.

Samouel d'Ani. — *Samouel d'Ani.* Tables Chronologiques // Brosset M. F. Collection d'historiens Arméniens. Amsterdam, 1979. Vol. II.

С. Ф. Орешкова

ВИЗАНТИЯ И ОСМАНСКАЯ ИМПЕРИЯ: ПРОБЛЕМЫ ПРЕЕМСТВЕННОСТИ

Османская империя сложилась практически на той же территории, где до нее существовало Византийское государство. Византийские традиции, многие общественные и государственные институты явно прослеживаются в структурах османского общества и государства. Однако это не было прямой преемственностью. Шел более сложный процесс колонизации территории и подчинения населения новым этносом с его собственной культурой. Византийские институты и традиции стали использоваться при этом для общественной эволюции иной цивилизационной направленности.

Формирование нового государственного образования — османского бейлика, государства, а затем империи, происходило на протяжении XIII–XVI вв.¹ Истоки этого государства восходят к удю, ² пограничной области, пожалованной сельджукидскими султанами некоему Эртогрулу (отцу Османа), предводителю кочевого объединения в 400 шатров, происходившего из огузского племени кайя. Эртогрул получил

© С. Ф. Орешкова.

¹ См.: *Inalcik H.* The Ottoman Empire. The Classical Age 1300–1600. L. N. Y., 1973.

² Об уджах см.: *Inalcik H.* The Question of the Emergence of the Ottoman State // *International Journal of the Turkic Studies*. 1981/1982. Т. 2. № 2. P. 74–78; *Гусейнов Р. А.* Земли уджей // *Формы феодальной собственности и владений на Ближнем и Среднем Востоке*. М., 1979. С. 32–38.

³ *Sumer F.* Osmanlı devletinde kayılar // *Belleten*, 12, 1948. S. 576–615; *Köprülü F.* Kayı kabilesi hakkında yeni notları // *Belleten*, 8, 1944. S. 421–452.

район Сёгуда ⁴ (в бывшей византийской Вифинии, к тому времени уже находившейся под владычеством Сельджукидов Рума) для размещения своего племени, сбора дани с приписанных ему территорий и населения, обороны границы и дальнейших завоеваний в соседней стране «неверных».

Тюркская практика — отправлять беспокойные племена кочевников все далее на запад, была характерной чертой огузского миграционного движения начиная с XI в. Утверждаясь на новых территориях, тюркские султаны в столкновениях с коренного населения с кочевниками-завоевателями, как правило, становились на сторону горожан и земледельцев, доставлявших им основные доходы. Своих же соплеменников, «чтобы, с одной стороны, оградить города и села от соседства кочевых орд, и, с другой стороны, использовать для государственных целей военные качества кочевников... старались направить в пограничные области, где происходила «война за веру» с Византийской империей и грузинским царством Багратидов». Именно поэтому скопление крупных тюркских этнических масс и отуречивание произошло в районах, географически наиболее удаленных от Средней Азии (области, откуда шли тюрки). А именно — в Малой Азии и Азербайджане, где миграционное движение встретилось на своем пути с серьезным сопротивлением.⁵

Как малоазиатское сельджукидское государство было в свое время пограничной зоной государства «Великих сельджукидов», так и османский бейлик стал в начале XIV в. территориальной базой для ранее возглавлявшегося Эртогрулом «кочевого племени без корней, продававшего свою службу тому правителю, кто заплатит больше».⁶ Все казалось бы шло традиционно. Однако к XIII в. изменился сам состав «племен» и «кочевников», прибывавших в Малую Азию. Это уже не были прежние подвижные скотоводы и воины. В XIII в. в движение на запад, кроме кочевников, были вовлечены еще и различные иные социальные слои тех среднеазиатских, закавказских и иранских областей, которые подверглись нашествию монголов.

⁴ *Aşıkpaşazade. Tevarih-i Al-i Osman. Istanbul, 1913. S. 3–4.*

⁵ На наш взгляд, наиболее четко эта проблема сформулирована в неопубликованном черновом наброске работы В. В. Бартольда о восточных империях. (Архив АН СССР. Фонд 68, ед. хр. 118, лл. 5а–6а). См. о ней: *Умяков И. И.* Аннотированная библиография трудов академика В. В. Бартольда. *Туманович Н. Н.* Описание архива академика В. В. Бартольда. М., 1976. С. 265–269.

⁶ *Shaw St. History of the Ottoman Empire and Modern Turkey. T. I. Cambridge—L.—N. Y.—Melbourn, 1976. P. 13.*

С насиженных мест снимались многие ранее оседлые земледельцы и горожане. Они рассчитывали, что в Малой Азии, этой самой западной окраине мусульманского мира, сумеют спастись от монгольского разграбления, а потому плотность тюрко-мусульманского населения там уже в предмонгольский период значительно увеличилась. Поток переселений продолжался и позднее, в период завоевания и владычества Ильханов, но связан он был уже с монгольской политикой расселения в восточной и центральной Анатолии новых кочевых племен. Потому-то в послемонгольский период особенно явным стал разрыв в уровне социального развития двух частей Анатолии. На Востоке были сильнее родо-племенные и кочевые традиции, западнее же новые пришельцы являли собой в социальном, культурном, этническом и даже религиозном плане более разнородную массу, скорее склонную к оседлой жизни, чем к продолжению кочевничества.

Новые мигранты при размещении среди местного населения сохраняли на первых порах племенные формы социальной организации. Это были объединения вокруг удачливого полководца и бея племени, который и получал от того или иного сельджукидского правителя, монголов или их наместников землю, которая могла быть предоставлена в качестве икта (или какого-то иного пожалования лично бейу) или уджа (т. е. для расселения племени и дальнейших завоеваний). Взаимоотношения внутри этих объединений могли быть в различной степени продвинутыми в плане социального расслоения и порой очень отличаться от традиционнo племенных.

Племенное объединение Эртогрула-Османа с первых же шагов своего появления в Сёгуде начало осваивать предоставленную ему территорию, распределяя крепости, земли, города между своими соплеменниками, «теми, кто пришел вместе с ними». Завоевая новый район (а первым был Енишехир), Осман стал «раздавать деревни» своим воинам, а потому «собравшиеся к нему гази постоянно хотели воевать».⁷ Следовательно, здесь шла война не только «за веру», но и за землю. Осман и его соплеменники, получившие базу в Сёгуде, выступали как организаторы экспедиций и освоения новых территорий. В их распоряжении оказались не только 400 шатров собственного племени, но и непрекращающийся приток мусульманских переселенцев, вызванный демографической ситуацией на Ближнем Востоке в до- и постмонгольский период.⁸

⁷ *Aşıkpaşazade. Tevarih ... S. 20–23.*

⁸ *Köprülü M. F. Les Origines de l'Empire Ottoman. P. 1935; издано также по-турецки (см.: Osmanli Devletin Kuruluşu. Ankara, 1959). Имеется*

Характерно, что по отношению к Осману с первых лет его прихода к власти употребляется термин «гази», а не традиционно племенной тюркский термин «алп» (богатырь), что свидетельствовало о приобщении бея и его окружения к городской мусульманской культуре.⁹ Бей, однако, все еще был первым среди равных. Известно, что после смерти Османа его имущество делилось между сыновьями в присутствии знатных людей бейлика, собравшихся в дервишской обители Ахи Хасана. Распределяли одежду Османа, табуны коней, стары овец, но при этом подчеркивалось, что у Османа никакой казны и никаких богатств не было, «кроме завоеванных областей».¹⁰ При Османе же начинает формироваться начальная структура управления бейликом. Причем в старых османских хрониках на равных перечисляются пожалования отдельных областей (например, санджаков Караджа-хисар, Инегель, Яр-Хисар), доходов от довольно крупных населенных пунктов («дал в качестве тимара доход с Биледжика») и назначение на престижную военную должность (должность субаши — брату Гюндюзу).¹¹ Следовательно, уже тогда административный, военный и земельный режим формировались параллельно. Исходные моменты этого формирования относятся к первым десятилетиям XIV в. Сын же Османа Орхан (1324/1326–1360/1362) уже носил титул не бея, а султана, чеканил собственную монету, создал армию, обособленную от племенного ополчения и отрядов гази, перенес военные действия на Балканы.¹² И далее потребовалось менее ста лет (включая внутренние смуты, сокрушительное поражение 1402 г. на Востоке, неоднократные антиосманские крестовые походы европейских рыцарей и т. п.), чтобы превратить Османское государство в империю, державу мирового значения, сокрушившую Византию и подчинившую весь Балканский полуостров.

Мы видим быстрый переход от племенной организации полукочевников к общественной структуре, экономической базой которой становится земледельческое хозяйство, и государственной организации, которая на протяжении почти 500 лет будет определять пути эволюции огромного региона.

В турецкой историографии проблема истоков османской государственности и их освещения в европейской исторической науке долгие

русский перевод этой книги: *Кёпрюлю М. Ф.* Происхождение Османской империи (пер. А. М. Шамсутдинова). М., 1939.

⁹ *Кёпрюлю М. Ф.* Происхождение Османской империи. С. 69.

¹⁰ *Neşri M.* Kitab-ı cihan-nüma. Т. I. Ankara, 1941. S. 148–149.

¹¹ *Aşıkpaşazade.* Tevarih... С. 20–23.

¹² *Shaw St.* History of the Ottoman Empire... S. 15–16.

годы воспринималась весьма болезненно.¹³ Такая реакция в определенной степени была спровоцирована традицией европейской историографии, где, начиная с Х. А. Гиббонса,¹⁴ без должного использования сведений восточных источников утверждалась византийская преемственность в становлении османской державы и при этом подвергалась сомнению способность тюркского этноса к самостоятельному государственному и общественному творчеству. Современный турецкий историк Х. Иналджик, сформулировав эту европейскую точку зрения следующим образом: «возрождение Византийской империи в качестве мусульманского государства, осуществленное объединившимися с мусульманами и принявшими ислам греками Мраморноморского района», назвал ее «беспочвенной спекуляцией».¹⁵ Действительно, современный уровень наших знаний о становлении Османского государства, этнорелигиозных процессах, шедших в регионе, и византийско-османских отношениях заставляет нас более осторожно подходить к проблеме, учитывать не только внешнее сходство, но и пути эволюции, социальную значимость, а порой и новое содержание, наполняющее в османскую эпоху бывшие византийские институты и традиции. Значительный материал для подобных размышлений и сравнений дают, в частности, исследования по османской истории самого Х. Иналджика.¹⁶

Одна из главных проблем состоит в том, что общество и государство османов складывались как мусульманские институты. Уже при Османе большую роль в становлении бейлика и поднятии авторитета самого бея играл его тесть — шейх Эдебали. Первые везиры османских султанов также происходили из улемов (т. е. мусульманского духовенства). Эти первые османские администраторы приходили в бейлик

¹³ Начало этой традиции было заложено работами М. Ф. Кёпрюлю. См.: *Köprülü M. F. Bizans müesseselerinin Osmanlı müesseselerine tesiri nakkında bazı mülahazalar* // *Türk hukuk ve iktisat tarihi mecmuası*. Istanbul, 1931. №. 1. *Köprülü M. F. Les Origines de l'Empire Ottoman*. P. 1935.

¹⁴ *Gibbons H. A. The Foundation of the Empire*. Oxford. 1916.

¹⁵ *Inalcik H. The Ottoman Empire. The Classical Age*. С. 5.

¹⁶ *Inalcik H. The Problem of the Relationship between Byzantine and Ottoman Taxation* // *Akten des XI Internationalen Byzantinisten kongresses/München, 1960*. S. 237–242; *Inalcik H. Ottoman Methods of Conquest* // *Studia Islamica*. II. 1954. С. 103–129; *Inalcik H. Suleiman the Lawgiver and Ottoman Law* // *Archivum Ottomanicum*. I. Leiden, 1969. S. 105–137; *Inalcik H. Osmanlılarda Raiyyet Rüsümü* // *Belleten*, 1959. T. 23. S. 575–610; *Inalcik H. The Ottoman Empire. The Classical Age 1300–1600*. L. N. Y., 1973.

из старых административных центров Сельджукидской державы, а также из Ирана, Египта, Средней Азии. Они внедряли в жизнь и сознание османцев концепцию государственного устройства, сложившуюся на Ближнем Востоке еще в доисламский период, а затем воспринятую Омейядскими и Аббасидскими халифами, в частности, благодаря использованию последними для своих административных нужд персидских и христианских писцов. В XI–XII вв. эта концепция обогатилась еще и тюрко-монгольскими традициями. В ней теперь стала уживаться идея «переднеазиатского деспотизма» с «господствующей среди кочевников идеей родовой собственности, переносившейся и в область государственного права».¹⁷ Так, у османов это нашло воплощение в том, что завоеванные земли, как прежде уджи, стали считаться землями эмира, завоевателя, и рассматриваться как принадлежащие всему племени, народу, стране — арази-и эмирийе, арази-и мемлекет (или сокращенно — мири). Их не положено было продавать, дарить, жаловать в собственность (мюльк). Они могли предоставляться для хозяйственной эксплуатации и для удовлетворения нужд сподвижников султана, но при этом не представляли быть арази-и мемлекет. Современные исследователи считают, что такое отношение к земле отличало османское государство от всех иных мусульманских государств.¹⁸ Известно, что на практике были отступления — османские султаны жаловали земли, выдавая мюльк-наме, т. е. дарственные грамоты, отдававшие земли в полную собственность. Однако эти мюльки и даже вакфы, создававшиеся на их базе (т. е. передача новыми владельцами земель мусульманским благотворительным и религиозным организациям), не считались «истинными», так как находились на землях мири и потому их создание нарушало мусульманские предписания, касающиеся создания вакфов.¹⁹ Отсюда возможность конфискаций и ликвидаций даже вакуфной собственности, что в массовом порядке и провел, например, Мехмед Завоеватель (Фатих).²⁰ Следовательно, отступление от мусульманской практики здесь работало на большее самовластие султанов

¹⁷ См.: *Туманович Н. Н.* Описание архива академика В. В. Бартольда. С. 266.

¹⁸ *Gökbilgin T.* Un aperçu général sur l'histoire des institutions de l'Empire Ottoman au XVIe siècle // *Turcica*. Paris—Strasbourg, 1969. № 1.

¹⁹ См.: *Мутафчиева В. П.* Аграрные отношения в Османской империи през XV–XVI в. София, 1962. С. 88.

²⁰ *Inalcik H.* The Ottoman Empire. The Classical Age 1300–1600. С. 43–44.

в становлении нового земельного режима и государственной организации.

Главным творцом нового мусульманского государства было пришлое мусульманское население, среди которого преобладали огузо-тюркские элементы, ассимилировавшие в процессе миграции и государственного строительства, также и иные восточные (арабо-ирано-тюркские) вкрапления. Известно, что в Малой Азии и в селджукский и, особенно, османский период в процесс ассимиляции были включены и значительные массы ранее христианского, главным образом греческого, населения. Некоторые из представителей бывшей византийской аристократии, приняв ислам, стали родоначальниками известных родов беев-завоевателей (гази), утверждавших османскую власть в западной Анатолии и на Балканах. (Это семья Михал-оглу, Эвренос-оглу и др.). Были бывшие христиане и среди рядовых османских воинов, о чем имеется значительная литература.²¹ Однако очевидно, что этих ренегатов следует рассматривать как некий этнический компонент складывавшейся турецкой народности, констатируя, но не преувеличивая значение этих этнорелигиозных вливаний в историю этноса, региона и, как в дальнейшем увидим, выбора цивилизационного пути развития. Читателю, знакомому с историей России и российской государственности, должно быть понятным, что преувеличение значения этой проблемы сродни с норманской теорией или современным гумилевским увлечением тюрко-монгольским влиянием на становление русского этноса и российской государственности. Любая абсолютизация в этом плане неуместна и вызывает негативную реакцию национальных историографий. Вместе с тем бесспорно, что османское общество и государство строили себя, впитывая различные этнические компоненты и испытывая различные влияния, в том числе и влияние завоевываемых ими народов.

Как проследил американский ученый С. Врионис,²² знакомство османцев с византийской практикой государственного и общественного устройства могло осуществляться четырьмя следующими путями.

Первый — благодаря нахождению время от времени султанов, беев и их детей при византийских правителях в качестве заложников,

²¹ Библиографию проблемы см.: *Vryonis S. The Decline of Medieval Hellenism in Asia Minor and the Process of Islamization from the Eleventh through the Fifteenth Century.* Berkley. Los Angelos, L. 1971. P. 465.

²² *Ibid.* P. 466.

союзников или беглецов, спасающихся от придворных распри в своих дворах.²³

Второй — через брачные союзы султанов и их приближенных, бравших в жены или наложницы христианок. Так, известно, например, что Орхан был женат на дочери Иоанна Кантакузина.²⁴

Третий — в результате перехода христианских аристократов, знакомых с византийской социальной и государственной практикой, в ислам и на службу к тюркским беям (т. е. через тех самых беевгази, о которых речь шла выше).

Четвертый — используя в армии и при дворе гулямов-капыкулу, т. е. слуг-рабов христианского происхождения, что, однако, в массовом порядке более характерно для более позднего периода, начиная с XV в.

К указанному С. Врионисом следует добавить также бывших византийских чиновников, многие из которых (особенно после падения Константинополя) использовались османцами в качестве секретарей, проводивших переписи населения, территорий и различных возможных источников дохода в завоеванных османами областях, а также поступивших на службу в османское финансовое ведомство.²⁵

Итак, формировалось новое исламское государство, утверждавшее ближневосточные государственные традиции (в частности, такие, как деспотизм и империализм, последний в смысле гетерогенности государственного устройства, полиэтничности подданных и идеи постоянного территориального расширения) и использовавшее такие восточные институты, как султанат, везират, икта, гулямы и т. п., но явно испытывавшее и византийское влияние.

Известно, что турки принесли в Анатолию и Балканы многие институты и традиции, которые уже были привычны местным жителям.²⁶ Объясняется это тем, что многое из византийской практики было воспринято еще арабами при завоевании Сирии и Египта, затем включено в исламские предписания и они как таковые вместе с исламом были восприняты турками.²⁷ Это, кстати говоря, облегчало и для завоевателей понимание той общественной среды и поли-

²³ См.: Культура Византии. XII—первая половина XV в. М., 1991. С. 270, 356–366 и др.

²⁴ *Vrionis S.* The Decline of Medieval Hellenism. P. 466.

²⁵ *Inalcik H.* The Problem of the Relationship between Byzantine and Ottoman Taxation. P. 237–242.

²⁶ *Vrionis S.* The Decline of Medieval Hellenism. P. 465.

²⁷ *Ibid.* P. 463–465.

тической культуры, с которой они столкнулись в византийском регионе.

Постоянный приток населения и идеологический настрой на «войны с неверными» требовали от османских властителей совершенствования прежде всего военной организации бейлика. Уже при Орхане его брат и везир Алаэддин и мевлана Кара Халил начинают формировать нечто вроде полупрофессиональной армии: пешей—яя и конной—мюселлем.²⁸ Записывали в эти воинские подразделения турок-мусульман. Запись осуществлялась кадиями (мусульманскими судьями). Целью армии была война против неверных. Вступление в ряды этого воинства население считало очень выгодным. Хроники сообщают, что были люди, прибывшие уже после окончания записи, которые просили записать их запасными (ямаками) и даже пытались дать взятку кадию, чтобы все-таки быть записанными. Яя и мюселлемы объявлялись «приближенными повелителя» (хюнкярын хаслары), т. е. бея, Орхана, и это выделяло их из воинов племенного или бейликского ополчения — акынджи и азапов. Именно они начали носить белые колпаки, отличительную одежду османских воинов. Участие их в военных действиях оплачивалось по одному акче в день. Для обеспечения жизни в мирное время они получали участок земли, который освобождался от уплаты налогов.

Популярность такого войска свидетельствовала о многом. Во-первых, о том, что в бейлике было значительное количество людей, желавших «испоместиться» на землю и заняться крестьянским трудом. Во-вторых, османские власти, создавая такие армейские подразделения и давая их членам некоторые льготы (в данном случае налоговые и небольшой военный приработок), способствовали оседанию тюркского населения на землю и несколько облегчали ему этот

²⁸ О яя и муселлемах см.: *Aşikpaşazade*. Tevarih. С. 39–40; *Nesri M.* Kitab-i cihan-püta. Р. 152–156; *Хосейн*. Беда'и ул-века'и (Удивительные события). Изд. А. С. Тверитиновой и Ю. А. Петросян. М., 1961. Ч. 1. С. 48; *Хезарфен Х.* Телхис ал-бейан фи каваныни Ал-и Осман. Рукопись СПб филиала ИВ РАН, шифр 9–217, лл. 46 и последующие, а также исследование: *Шамсутдинов А. М.* Проблема становления османского государства по турецким источникам XIV–XV вв. // Османская империя: система государственного управления, социальные и этнорелигиозные проблемы. М., 1986. С. 32–33; *Орешкова С. Ф.* Государственная власть и некоторые проблемы формирования социальной структуры османского общества // Там же. С. 7–10; *Жуков К. А.* Османские хроники XV–XVII вв. о создании войска «яя ве мюселлем» // *Turcologica*. Л., 1986. С. 128–132.

процесс. В-третьих, наличие опоздавших, но стремящихся в такое войско, свидетельствовало, очевидно, о том, что приток нового тюрко-мусульманского населения в бейлик все еще не прекратился.

Традицию же сочетания крестьянских занятий и армейской службы османские правители явно позаимствовали у Византии. И это тем более объяснимо, что стратиги-акриты восточной византийской границы (а если рассматривать никейский период и несколько позднее, это примерно та же территория, где расположились османцы при Орхане) в значительной степени состояли из тюрков.²⁹ Следовательно, условия создания подобного войска местному населению, в том числе и тюрко-мусульманскому, были знакомы. И даже более того, известно, что, например, Михал-гази, бей-завоеватель, основатель одной из наиболее долго существовавших бейских фамилий, происходил из принявших ислам командиров греческой пограничной службы.³⁰

Очень скоро я и муселлемы утрачивают свое военное значение, как сказано в старых османских хрониках, становятся «непригодными» и заменяются новым войском (йени чери — янычарами). Действительно, подобные образования воинов-крестьян не годились для завоевательных целей, которые ставили перед собой османцы. Превратившись во вспомогательные войска, свою социальную роль они, однако, продолжали выполнять. Именно через эти подразделения значительные слои османского общества (как, кстати говоря, и других западных бейликов Анатолии)³¹ приобщались к земледельческому труду. Среди них в дальнейшем спонтанно развивался процесс социальной дифференциации, при котором рядовые воины становились обычной османской реацией, а командиры — владельцами тимаров. Однако этот процесс хотя и продолжался до XVII в.,³² оказался неким побочным явлением для становления османского общества.

Магистральной же линией развития османского общества в период XIV–XVI вв. было становление тимарской системы. О тимарах существует значительное количество исследований, где прослежива-

²⁹ *Литаерин Г. Г.* Византийское общество и государство в X–XII вв. М., 1977. С. 236–255; *Oikonomidès N.* L'Organisation de la frontière orientale de Byzance aux Xe–XIe siècles et la Taktikon de l'Escorial // XIVe Congrès intern. des études byzantines. Rapports. II Bucarest, 1971.

³⁰ *Inalcik H.* The Ottoman Empire. The Classical Age. P. II.

³¹ *Жуков К. А.* Эгейские эмираты в XIV–XV вв. М., 1988. С. 127–128.

³² *Орешкова С. Ф.* Государственная власть и некоторые проблемы формирования социальной структуры османского общества. С. 8–9.

ется генетическая связь этого института как с ирано-сельджукским икта, так и византийской пронией.³³ Нам представляется, что в этом принципиальную важность представляет лишь то, что вплоть до XVII в. османские авторы, наряду с термином «тимар», могли использовать и термин «икта».³⁴ Они, как известно, взаимозаменялись в переводах на турецкий язык сочинений сельджукского периода.³⁵ Следовательно, в сознании османцев генетическое родство этих институтов явно ощущалось. Реальные же факты показывают, что тимар как условное султанское пожалование воину-кавалеристу стал известен прежде всего на территории западной Анатолии и Балкан, т. е. там, где в поздневизантийский (последний предосманский) период распространялась и прония.³⁶ Множественность и разнотипность условных пожалований, объединенных в османское время в единую тимарскую систему,³⁷ свидетельствует о возможности различного генетического происхождения тех или иных форм султанских земельных пожалований. Главное же состоит в том, что тимар по своей сути не был леном, фьефом, бенефицием, вотчиной или поместьем в европейском смысле. В основе тимарных пожалований была земля (хотя могли быть и другие источники доходов), но тимариот мог распоряжаться лишь доходом, зафиксированным в его берате (жалованной грамоте) и представлявшем собой записанные в османском кануннаме налоги, собираемые с государственной земли, — арази-и эмирийе, арази-и мемлекет. В своих отношениях с крестьянством тима-

³³ *Dent J. Timar. Enzyklopadie des Islam. B IV. Leiden-L., 1934; Mutafçieva V. Sur la caractere du timar ottoman // Acta orientalia IX. 1959. С. 55–61; Cahen Cl. Pré-Ottoman Turkey. L., 1968. P. 181–183; Vryonis S. The Decline of Medieval Hellenism. P. 469–472; Barkan Ö. «Feodal» düzen ve osmanlı timar // Türkiye iktisat tarihi semineri. Metinler/Tartışmalar. Hacettepe Üniversitesi yayınları. T. 13. Ankara, 1975. P. 2–22; Beldiceanu N. Le timar dan l'Etat Ottoman (début de XIVe début du XVIe siècle). Wiesbaden, 1980; Мейер М. С. К вопросу о происхождении тимара // Формы земельной собственности и владения на Ближнем и Среднем Востоке. М., 1979. С. 110–120.*

³⁴ *Орешкова С. Ф. Османские источники второй половины XVII в. о султанской власти и некоторых особенностях социальной структуры османского общества // Османская империя: государственная власть и социально-политическая структура. М., 1990. С. 469–470.*

³⁵ *Vryonis S. The Decline of Medieval Hellenism. P. 469–470.*

³⁶ *Ibid. P. 468–469.*

³⁷ *Орешкова С. Ф. Османский феодализм: типологические наблюдения // Типы общественных отношений на Востоке в средние века. М., 1982. С. 111–132.*

риот выступал как рентополучатель и организатор-надсмотрщик, так как обязан был следить, чтобы земля была должным образом обработана, передана по наследству, продана или (в случае, если стала вымороченной) передана другому крестьянину-райату. Он следил и за своевременными сборами налогов с райата, но не мог увеличить свою долю дохода. Контроль государственного налогового ведомства и налоговое соподчинение рядового сипахи своему военному и территориально-административному начальству с годами не ослабевали, а еще более усиливались. Поэтому тимарная система как регламентирующая и консервирующая сила способствовала сохранению, а с веками — и застойности тех отношений, которые османцы застали на завоеванной ими территории.

Рентная база, которую османские власти использовали для создания тимарной системы и ускоренного формирования своего господствующего класса, сложилась задолго до османского завоевания, до того как появились османское общество и государство. Используя ее, османцы сумели сделать быстрый скачок в социальном развитии собственного общества. Как подробно проследил Х. Иналджик, османцы поступали следующим образом. После завоевания той или иной территории они проводили перепись (тахрир) населения, земель и других возможных объектов налогового обложения.³⁸ Переписи эти составлялись под наблюдением османского чиновника (эмина), но непосредственными исполнителями были писцы, часто христиане или ренегаты, которые фиксировали местную налоговую практику и разницу в уровне налогообложения различных завоеванных стран или областей. Роль этих писцов в составлении первоначальных кадастров и тем самым — в ознакомлении османских государственных деятелей с византийской и балканской практикой, можно сравнить с подобной же деятельностью греческих, коптских и персидских секретарей в администрации Омейядов.³⁹ Материалы переписей в дальнейшем утверждались как канун-наме отдельных санджаков (т. е. законодательные акты, издаваемые османскими султанами для каждой административной единицы).⁴⁰ Как констатирует Х. Иналджик, основная аграрно-налоговая структура османцев в Западной Анатолии и многое на Балканах было непосредственно смоделировано с византийских образцов. Он видит это в уровне налогообложения, спосо-

³⁸ *Inalcik H.* Ottoman Methods of Conquest. P. 103–129.

³⁹ См.: *Vrionis S.* The Decline of Medieval Hellenism. P. 471.

⁴⁰ *Barkan O. L.* XV–XVI asırlarda Osmanlı İmparatorlugunda zirai ekonominin hukuk ve malı esasları. Kanunnameler. T. I. İstanbul, 1945.

бе, по которому оценивался налог, категориях налогообложения и на первых порах даже в терминологии.⁴¹ Поскольку османские власти в основном сохраняли налоговую практику, которую они заставляли в завоеванных областях, то в первые века своего существования они по существу не имели однородной налоговой системы.⁴² В дальнейшем шла некоторая унификация канун-наме санджаков, причем образцом считался канун-наме санджака Худавендигяр (центр Бурса).⁴³

Местные (санджакские) канун-наме явились той основой османского законодательства, благодаря которой в османскую социальную структуру были включены отдельные моменты социальной практики завоеванных стран (помимо налогов, это некоторые элементы сельскохозяйственной культуры, организации ремесленного производства и т. п.). И именно этими законодательными актами юридически оформлялась тимарская система.

Наличие особого государственного законодательства — это особенность Османской империи, отличающая ее от других исламских стран. Существовало общемусульманское (шариатское) право, развитием и конкретизацией которого являлись фетвы шейх уль-ислама. В мусульманской юридической литературе (например, у Ибн Халдуна) высказывалось мнение, что шариат может дать основание для решения любых юридических проблем, а потому не требуется каких-либо особых законов, издаваемых правительством.⁴⁴

Будучи суннитами ханифитской правовой школы, считающейся наиболее гибкой из всех мусульманских мазхабов (школ, толков),⁴⁵ османцы пошли дальше и создали светское законодательство.⁴⁶ В нем, бесспорно, отразились не мусульманские нормы и формы организации общества и государства, а те обычаи и практика, с которыми османцы столкнулись прежде всего на территории бывшей Византии.

Законодательная деятельность османских султанов была вызвана к жизни, очевидно, тем, что османские завоеватели столкнулись с таким общественным устройством, которое они не могли осмыслить с помощью шариата, но достижениями которого они хотели и сумели воспользоваться для организации жизни своего общества.

⁴¹ *Inalcik H.* The Problem of the Relationship... P. 237–242.

⁴² *Vrionis S.* The Decline of Medieval Hellenism. P. 470.

⁴³ *Inalcik H.* Suleiman the Lawgiver. P. 125.

⁴⁴ См.: *Орешкова С. Ф.* Османские источники. С. 238–245.

⁴⁵ *Цветков П.* Исламизм. Ашхабад, 1912. С. 314–317.

⁴⁶ См.: *Inalcik H.* Suleiman the Lawgiver. P. 105–137.

Первые санджакские канун-наме были фиксацией того, что они считали нужным для собственного дальнейшего потребления. Это та рентно-налоговая база, которую они законодательно закрепили. Тимарная система в этом плане была для них той формой организации своего общества (тут и организация производства, административно-полицейский надзор за крестьянством, упорядочение налоговых сборов, создание армии, зависимой от султана, а потому более дисциплинированной, чем племенные ополчения), которую они сумели совместить с полученной ими в наследство от завоеванных народов рентно-налоговой базой. И не столь важно, рассматривали ли они тимар как разновидность икта или пронии. Важно другое, то, что они поняли родственность этих институтов. Бывших прониаров, пошедших на сотрудничество, они, как известно, записывали тимариотами, сохраняя таким образом их бывлой социальный статус.⁴⁷

Прония, действительно, получила значительное распространение в Византии того периода, когда эта держава начала постепенно завоевываться османами. Однако известно, что прония не была столь распространенным институтом, который определял бы общественное устройство державы, как это произошло с тимаром в османском государстве. И даже более того, с конца XIII в. в Византии утвердилось господство крупных светских и духовных землевладельцев. Слой же обладателей проний явно сокращался. То же происходило и в военной сфере, а именно — «отказ от политики опоры на «отечественные силы», от создания собственного мощного слоя мелких военно-служилых обладателей проний». Расчет делался на использование иноземных наемников.⁴⁸ В этих условиях, очевидно, следует говорить не о прямом заимствовании у византийцев каких-либо институтов и традиций, а об усвоении именно той практики, которая была им ближе, доступней и понятней. Уровень развития османского общества был таков, что им оказалась ближе прония, но поставили они ее в иные условия, условия по-восточному сильной государственной власти, контролирующей все и вся и тем консервирующей достигнутый уровень развития.

Известно, что османская держава утвердилась на территориях Западной Анатолии и Балкан и лишь потом сумела распространить свою власть на восточные турецкие бейлики. И если на Западе уровень

⁴⁷ Cahen Cl. A propos de quelques anciennes institutions ottomanes // *Mémorial mer Lütü Barkan*. P., 1980. P. 52.

⁴⁸ Культура Византии. XIII—первая половина XV в. С. 206–207.

развития тюркских бейликов был примерно одинаков⁴⁹, то восточнее «всюду возникали барьеры прошлого, жизнеспособные реликты общества бейликов».⁵⁰ Сохраняя тот же подход, что и на Западе, к включению в свое государство областей Восточной Анатолии, в своих первых санджакских канун-наме этого региона османские власти зафиксировали ту налогово-хозяйственную практику, которую застали здесь при завоевании государства Ак-Койюнулу.⁵¹ Однако известно, что местное население в начале XVI в. просило новые власти распространить на них ту практику налогов, султанских пожалований и льгот, которая сложилась к этому времени на западе Османской империи.⁵² Эта просьба была выполнена.⁵³ Для нас важно, что византийско-балканские традиции, усвоенные османским государством, были, следовательно, более привлекательны для населения, чем практика традиционно восточного полукочевого государства Ак-Койюнулу.

Район Восточной Анатолии и некоторые непосредственно прилегающие к нему области Закавказья и арабских стран оказались последними территориями, которые османские власти сумели в хозяйственном и социальном плане освоить по тимарному образцу. Огромные завоевания XVI в., приведшие под власть Османской империи весь Ближний Восток и Северную Африку, уже не сопровождались внедрением тимарной практики. Там, как и в некоторых пограничных европейских владениях османского государства, были введены особые вассально-данические отношения, а потому и внутреннее социальное развитие имело свою специфику.⁵⁴

Районы с тимарской системой (или «эялеты с хассами»,⁵⁵ как принято называть их в османских документах того времени) явились

⁴⁹ *Жуков К. А.* Эгейские эмираты... С. 116–130.

⁵⁰ *Werner E.* Die Geburt einer Großmacht/- Die Osmanen (1300–1481). Ein Beitrag zur Genesis des türkischen Feudalismus. В., 1972. С. 306.

⁵¹ См.: *Мустафаев Ш. М.* Некоторые вопросы аграрных отношений в доосманской Восточной Анатолии // Османская империя: государственная власть и социально-политическая структура. С. 7.

⁵² *Barkan Ö. L.* XV–XVI inc asırlarda Osmanlı İmparatorluğunda zirai ekonominin hukuk ve mali esasları. Kanunnameler. Т. I. İstanbul, 1946. Р. 63.

⁵³ Подробнее см.: *Мустафаев Ш. А.* Восточная Анатолия: от Ак-Койюнулу к Османской империи. М., 1994.

⁵⁴ Трактат Али Чауша из Софии, см.: Аграрный строй Османской империи XV–XVII вв. Документы и материалы. М., 1965. С. 92.

⁵⁵ Там же. С. 92–98.

тем регионом, на базе которого сложились османская государственность и османское общество.

В османских законах фиксировалось деление общества на две большие группы — реайа, т. е. податное сословие, и аскери — военные.⁵⁶ Для понимания эволюции общества и уровня его развития наибольший интерес представляют те процессы, которые шли в среде аскери. В османском понимании военные (аскери) представляли собой не профессиональную, а социальную категорию. Это некая господствующая общность завоевателей. Кроме различных категорий военных она включала чиновников складывавшегося государственного аппарата, улемов, служителей двора и вообще всех тех, кто не должен был платить налогов государству. Лишь принадлежность к аскери давала право получить в свое распоряжение то или иное султанское пожалование и, следовательно, приобщиться к рентно-налоговым поступлениям с реайи. Однако сама по себе эта принадлежность еще не означала обязательности получения таких пожалований. Среди аскери шел процесс дальнейшей социальной дифференциации.

Рядовые ополченцы, дети былой знати анатолийских бейликов, не получившие от османских властей подтверждения своего статуса предоставления тимара, а позднее и категории воинов-крестьян типа яя, муселлемов и некоторых иных подразделений такого типа, на протяжении XVI—XVII вв. последовательно исключались из категории аскери, что порождало социальную напряженность в обществе и неоднократно выливалось в восстания, происходившие под разными лозунгами — социального равенства, поддержки некоего претендента на османский трон, а то и вообще антиосманской борьбы, шмизма, а позднее и восстановления былой четкости в функционировании тимарной системы.

Среди оставшихся аскери также шла борьба, в которой на протяжении XV—начала XVII в. участвовали две основные силы. Это тимариоты-сипахи и так называемые капыкулу — букв. «рабы (августейшего) порога». Сипахи (т. е. воины-кавалеристы, получившие для обеспечения своей жизни и экипировки тимар) явно проигрывали в этой борьбе. Даже командиры их ополчения (а в Османской империи они были и административными управителями территории, где располагались тимары их подопечных) бейлербей и санджакбей зачастую стали назначаться из среды капыкулу. Неорганизованные,

⁵⁶ *Karpat K. An Inquiry in to the Social Foundations of Nationalism in the Ottoman State. From Social Estates to Classes, from Millets to Nations. Princeton, 1973. P. 2, там же библиография проблемы.*

разбросанные по стране, терявшие свои боевые качества и военное значение тимариоты постепенно превращались в подобие поздне-средневекового нищего европейского рыцарства.⁵⁷ Постоянные проверки, ограничения в доходах, а затем и сокращение того земельного фонда, который предназначался для этой категории османского общества, способствовали оттеснению сипахи от государственной структуры и вершения дел своей страны. Многочисленные памфлеты, или как принято называть в османистике — дидактические трактаты,⁵⁸ распространявшиеся во второй половине XVI—XVII в. и призванные обратить внимание султана и его окружения на положение сипахи и разрушение тимарной системы, свидетельствуют о том кризисе общества, который явно ощущался в это время основной массой османского населения. Неоднократные попытки султанских властей отдельными реформами вдохнуть жизнь в угасающую тимарную систему⁵⁹ означали, что общество было еще не готово к ее ликвидации и искало иных путей развития, чем те, которые предлагала ему среда, связанная с капыкулу.

Становление института капыкулу восходит ко времени Орхана. Это типично ближневосточный институт, утверждение которого не встретило благожелательного отношения в среде широких масс тюркомусульманского общества. Известно, например, что в одной из хроник XV в. Баязида обвиняли в том, что он опирался на кулов и тем нарушал традиции гази.⁶⁰

Формирование системы капыкулу начинается с создания «нового войска», более тесно связанного с беём-султаном и более мобильного, чем яя и муселлемы. По мусульманскому обычаю, султану шла пятая часть всей добычи, захваченной на войне, в том числе и рабов. На первых порах для нового войска использовали именно этих рабов.⁶¹ Позже для этой же цели стали отбирать детей у христианских подданных империи (девширме — набор, который иногда называют «налогом крови»). 10–12-летних мальчиков изолировали от родителей,

⁵⁷ *Мутафчиева В. П.* Състоянието на спахилъка през XV в. // Исторически преглед. София, 1952. № 3.

⁵⁸ *Тверитинова А. С.* Социальные идеи в турецких дидактических социально-экономических трактатах XVI—XVIII вв. М., 1960.

⁵⁹ *Гасратян М. А., Орешкова С. Ф., Петросян Ю. А.* Очерки истории Турции. М., 1983. С. 70–79.

⁶⁰ *Inalcik H.* The Ottoman Empire. The Classical Age. P. 65.

⁶¹ *Новичев А. Д.* Пенчик // Проблемы социальной структуры и идеологии средневекового общества. Вып. 2. Л., 1978.

обращали в ислам, отдавали на обучение турецкому языку и «рабскому служению» в мусульманские семьи разного материального достатка, а затем профессионально готовили в специальных школах-казармах при султанском дворе.⁶² К категории такого воинства относились янычары⁶³ и некоторые иные пехотные, вспомогательные, кавалерийские, а позднее и технические подразделения османской армии. Они получали денежное жалованье из казны (первоначально тоже по одному акче, как яя), а также пропитание, экипировку, вооружение и жили в специальных казармах.⁶⁴

При Баязиде I (1389–1402) их начали использовать не только для армейских нужд, но и в административном государственном и дворцовом управлении.⁶⁵ В течение первой половины XV в. к представителям капыкулу перешли все высшие должности в управленческом аппарате государства и даже посты командиров сипахийского ополчения. В 1453 г. впервые выходец из девширме становится великим везиром.

Как представители администрации они получали тимарные пожалования, но их тимары отличались от сипахийских как более крупным размером, так и степенью условности — не передавались по наследству, а были связаны с должностью, им не предлагалось жить в своем тимаре, а потому все хозяйственно-организационные функции и даже сбор ренты-налога производился ими не самостоятельно, а через управляющего или откупщика. В тимарах капыкулу, называемых хассами, арпалыками и т. п., складывался иной тип хозяйствования и отношений между рентоплательщиками и рентополучателями, чем у тимариотов-сипахи.⁶⁶ Владельцы хассов-арпалыков были более оторваны от сферы производства, от крестьянства и фактически выступали как некие рантье.

Земельный фонд, предназначенный для пожалований султанским воинам и управленцам, уже со второй половины XVI в. явно начинает

⁶² См.: *Хюсейн*. Беда-и ул века-и. 4. 1. 45 об.

⁶³ Подробнее см.: Мебде-и канун-и йеничери оджагы тарихи (История происхождения законов янычарского корпуса). Изд. текста, перевод с тур., введ., коммент. указ. И. Е. Петросян. М., 1987.

⁶⁴ *Uzunçarşılı İ. H.* Osmanlı devleti teşkilatında kapıkulu ocakları. Т. I–II. Ankara, 1943–1944.

⁶⁵ *Show St.* History of the Ottoman Empire and Modern Turkey. Т. I. P. 114.

⁶⁶ *Орешкова С. Ф.* Османский феодализм: типологические наблюдения. С. 126–129.

перераспределяться в пользу капыкулу. Это происходило как напрямую, когда отдельные тимары воинов-сипахи передавались дворцовым служителям или янычарским командирам, так и в результате изъятия бывших тимарных владений в государственный земельный фонд, так как на оплату жалованья численно быстро растущих капыкулу требовались дополнительные средства, а получить их можно было лишь за счет налогов, которые собирались в казну. В османском обществе этот процесс воспринимался как засилие «эдждеби» (чужаков, иностранцев),⁶⁷ а потому вызывал особое недовольство в Анатолии, где находились компактные этнические массы турок, чувствовавших свою оторванность от османской государственной структуры.⁶⁸

Из всего вышеизложенного можно сделать вывод, что османское общество и государство складывалось из очень разнородных элементов. Как писал известный французский исследователь К. Каэн в отношении земельного режима Анатолии, «из своеобразного сочетания общемусульманских, иранских, тюркских, монгольских и византийских влияний, отнюдь не нашедших в нем своего полного выражения», сложился земельный режим, который «отличался от режимов всех стран — как мусульманских, так и христианских, граничащих с ним в пространстве и времени, несмотря на все заимствования у них и определенное сходство с теми и другими в отдельных случаях».⁶⁹ Почти то же самое можно сказать и о всех иных институтах османской государственной и общественной жизни.

Главное же, с нашей точки зрения, в этой проблеме состоит в том, что османцы сумели взять все для себя подходящее и отвечающее уровню их развития в тех обществах, с которыми они сталкивались в процессе завоевания. В XIV–XV вв. они сделали большой скачок в своем общественном развитии, создали мощную империю и выработали структуру ее управления. В процессе государственного и общественного строительства они осуществляли унификацию социальных отношений, распространили некоторые достижения, выработанные ими на Западе Малой Азии и на Балканах, на свои восточные владения.

⁶⁷ Смирнов В. Д. Кучи бей Гомюрджинский и другие османские писатели XVII века о причинах упадка Турции. СПб. С. 135–136.

⁶⁸ Орешкова С. Ф. К вопросу о типологической характеристике социальных движений анатолийского населения Османской империи в начале XVII в. // Общественные движения и их идеология в добуржуазных обществах Азии. М., 1988. С. 129–141.

⁶⁹ Cahen Cl. Le Régime de la Terre et l'occupation turque en Anatolie // Cahiers d'histoire mondiale. 1955. Т. 2. Р. 361–362.

Однако сил для выполнения этой цивилизаторской миссии у них хватило лишь на период до конца XV в., а территориально — только на Малую Азию и некоторые близко прилегающие к ней районы. Арабский мир, колыбель ислама, сохранил свое своеобразие и, войдя в османское государство, способствовал усилению в нем роли шариата и боязни гяурских нововведений. Сохранение раннеклассовых черт в османской государственной структуре,⁷⁰ выразившееся в длительном использовании института капыкулу и все нараставшем отрыве государственного управления от общества и общественного развития, и исламский контроль за деяниями султана, который некоторые исследователи почему-то считают ограничением деспотизма,⁷¹ на самом деле порождали застойность и ощущение кризиса, который османским обществом начинает осознаваться уже с конца XVI в.

Османская государственная машина постепенно сужала свою социальную базу, отстраняя от государственной службы, от доли в государственных доходах (в том числе и земельно-рентно-налоговых), управления и армии отдельные слои османского общества, ранее имевшие ко всему этому прямое отношение. Вначале были отстранены беи-завоеватели и воины-крестьяне, затем сипахи-тимариоты, позднее же капыкулу, дольше других служившие государственным интересам.

Государство выступало как некий надобщественный институт, заинтересованный лишь в самосохранении, но не способствующий совершенствованию общества. Государство и общество избирали как бы разные векторы развития. Опорой государственной структуры постепенно становятся все более отсталые слои общества, нуждающиеся в государственной поддержке для сохранения своего статуса. Так, последний деспотический правитель страны, султан Абдул-Хамид II, уже во второй половине XIX в. как опору своего режима избирает курдских, черкесских и албанских феодалов, все еще сохранявших элементы родо-племенных отношений со своими подопечными. В этих условиях даже политика «европеизации», проводимая султанским режимом в XIX в., служила не столько интересам общества, сколько целям сохранения империи.

Имперская государственная структура восточного типа и ислам, выступавшие главными социально образующими факторами, спо-

⁷⁰ См.: *Орешкова С. Ф.* Османская автократия: опыт типологической характеристики // Государство в докапиталистических обществах Азии. М., 1987. С. 190–200.

⁷¹ *Петрушевский И. П.* Ислам в Иране в VII–XV веках. Л., 1966. С. 155.

собствовали на первых порах прогрессу тюрко-мусульманского общества. Впоследствии же именно они вели к замедлению темпов общественного развития, не позволяя совершенствованию того, что было приобретено этим обществом в период завоеваний и становления государства, отторгая тюрко-мусульманские массы от дальнейшего государственного строительства. Османская империя стала не тюркским государством, а некой структурой имперского типа, превращавшейся со временем в тюрьму для всех, в том числе и для турецкого, народов.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Чтобы подвести некоторые общие итоги, необходимо сделать краткий обзор наблюдений и выводов, полученных авторами труда. Как уже было сказано в предисловии, далеко не на все вопросы, упомянутые в нем, можно найти в следующем ниже обзоре вполне удовлетворительные ответы. И тем не менее материалы данной книги позволяют, на мой взгляд, осмелиться на ряд предварительных заключений, по крайней мере, по четырем проблемам: во-первых, какими были конкретные пути и формы взаимного влияния друг на друга Византии и современных ей стран и народов; во-вторых, в чем состояло принципиальное отличие системы отношений Византии с государствами и народами Запада и Востока от ее взаимосвязей со странами «византийского сообщества государств»; в-третьих, в чем заключалась специфика культурного взаимодействия империи с миром ислама по сравнению с ее связями со странами христианской ойкумены и, наконец, в-четвертых, почему культура Византии, восприимчивая во множестве культурные феномены окружающих народов, неизменно сохраняла относительную цельность и оригинальность.

Итак, предстоит обобщить специфику отношений Византии с тремя главными регионами, взаимодействие с которыми Византии было обусловлено самим ее геополитическим положением. Это христианский Запад, мусульманский Восток и вовлекаемый постепенно в «Византийское сообщество государств» славянский по преимуществу Север (болгары, сербы, русские). С точки зрения отечественной науки, последний регион представляется особенно важным. Но он в данном труде затронут только частично и только в очерках Г. Г. Литаврина, М. В. Бибикова и С. А. Иванова. Это, конечно, недостаток, но мы надеемся восполнить его в ближайшем будущем, так как предлагаемый вниманию читателя труд — лишь первый этап на

пути задуманного византинистами России изучения на новом витке науки широкой темы о месте Византии в истории мировых цивилизаций.

Что касается экономических, социальных и политических последствий контактов империи с окружающим миром, то соответствующие материалы в книге невелики: эта проблема поднята только в пяти очерках и рассмотрена к тому же в разных аспектах. Поэтому целесообразно обозреть эти очерки, не выделяя их в специальный раздел заключения.

Аннотирование первого (своего) очерка я считаю излишним: в нем дано представление о внешнеполитической ситуации, в которой происходило взаимодействие Византии с окружающим миром в центральную эпоху ее истории (VII–XII вв.). Поскольку в книге не нашли достаточного отражения отношения империи с арабами, венграми, протоболгарами, южными и восточными славянами и кочевниками Северного Причерноморья, я счел необходимым в своем вступительном очерке сделать краткий обзор этих сюжетов, высказав на этот счет сугубо личную точку зрения. Множественность затронутых в очерке проблем не позволяет, однако, кратко изложить его основные положения. Исключение я сделаю лишь относительно второго из упомянутых выше вопросов — об особенностях отношений империи со странами так называемого «Византийского сообщества государств», ибо только двое из авторов труда (Г. Г. Литаврин и В. А. Арутюнова-Фиданян) останавливаются на этой важной проблеме.

Начну обзор с очерка О. В. Ивановой об условиях межэтнического (а следовательно — и культурного) взаимодействия разноплеменного населения в пределах самой империи в VII–XII вв. Новое в подходе автора заключается в систематизации тех форм, путей и методов, благодаря которым происходила интеграция в состав подданных Византии, а затем и аккультурация многочисленных иноэтничных элементов, оказавшихся на ее территории. В этом длительном и сложном процессе огромное значение имели не только целенаправленная политика властей, но и совершавшееся постепенно, в повседневном общении сближение иноэтничных континентов с коренным населением империи.

Преимущественно на примере отношений с расселившимися в VI–VII вв. на землях Византии славянами Иванова выявляет целый арсенал как дипломатических и политических средств, так и военных акций имперской власти, которые обеспечили сначала установление мирных контактов со славянами, затем — договорных отношений с их знатной верхушкой и, наконец, распространение на славян всеобщих норм имперского правопорядка. Одной из главных забот

императора было при этом обеспечение изоляции живших в империи славян от родственного им этнического массива к северу от ее границ и уменьшение плотности их контингентов в самой Византии путем переселения части славян в Малую Азию и иноэтничных (неславянских) групп в места проживания крупных масс славянства в балканских провинциях.

Официальное крещение знаменовало при этом не начало интеграции, а ее завершение. Важную роль играли не только акции государства и деятельность миссионеров церкви, но и постепенное усвоение славянами новой веры в ходе их общения с местным населением. Во 2-й половине IX в. светские и церковные власти уже получили возможность восстановить церковную организацию на занятых славянами землях. Все это предопределило к X—XI вв. не только обретение славянами самосознания правоверных подданных императора, но и их аккультурацию и, наконец, этническую ассимиляцию.

Уровень общественного развития славян-язычников в эту эпоху исключал их заметное культурное влияние на население империи, помимо передачи грекам элементов своей массовой культуры, но несомненна их крупная роль в разрушении остатков позднеимперской системы власти на Балканах, в ликвидации в Византии демографического кризиса и связанного с ним экономического и военного упадка и в становлении в империи нового общественного строя.

Опыт общения со славянами на земле империи был затем использован ею в отношениях с другими славянскими и неславянскими народами Южной и Восточной Европы, хотя достигнутые при этом империей результаты не могли не иметь принципиально иных последствий.

В мировой историографии в наши дни идет дискуссия о масштабах и глубине культурной конвергенции между странами Западной Европы и Византией. Центральный пункт споров состоит в решении вопроса, воспринимали ли современники Византию как интегральную в целом часть единой христианской цивилизации или же видели в ней особый, принципиально отличающийся от западного (латинского) мир восточного христианства. Что при этом преобладало — общее или специфическое — и каковы были для обеих сторон последствия их взаимовлияний друг на друга.

При общем согласии с тезисом о том, что условия единой государственности обеспечивали наиболее полную культурную интеграцию подданных, авторы трех очерков (А. А. Чекалова, В. И. Уколова — О. Р. Бородин и А. В. Бармин) ставят вопрос о степени отчуждения христианского Востока и Запада в первые столетия после распада Римской империи и о формах взаимодействия культур образовавшихся

на ее развалинах государственных систем с культурой уцелевшей ее части — Восточноримской империи (Византии).

В первом очерке речь идет по преимуществу о характере общения населения восточной и западной частей самой империи в IV–VI вв., а во втором и третьем — о контактах Византии с «варварскими» королевствами Запада в VI–XI вв. Естественно, авторы не могли охватить все стороны этой обширной темы. Они оставили, в частности, в стороне такие вопросы, как формы и последствия контактов Восточноримской империи с германскими народами (готами, вандалами, гепидами, лангобардами) и церковные отношения Константинополя с тремя восточными центрами христианства (Александрийской, Антиохийской и Иерусалимской патриархиями), оказавшимися с середины VII в. во власти мусульман.

А. А. Чекалова подчеркивает в своем очерке, что для V–первой трети VII в. положение Византии между Востоком и Западом определялось ее местом между формирующимися западными «королевствами» и сасанидском Ираном. Других государств-соседей Византии на Западе и на Востоке тогда попросту не существовало. В V–VI вв. население некогда единой империи еще не ощущало резких отличий в привычном распорядке культурной жизни. Общими оставались вера, нормы права, социальная система, институты власти, государственный язык (латынь). Чиновники с равным успехом строили карьеру и там и тут. Однако признаки нарастающего отчуждения между Восточной и Западной империями проявились уже в доюстинианово время. В Константинополе, в сущности, перестали питать интерес к ходу событий в Риме, оказавшемся во власти «варваров». Правители империи отнюдь не отказались, однако, от прав на западные земли: войны Юстиниана I трактовались не как завоевание, а как возвращение западных провинций, которые отныне потеряли свой былой статус и имидж. Политическое и идеологическое влияние Константинополя было безраздельным — он представлял теперь столицу единственной империи как законной преемницы Римской в христианской ойкумене. Общий уровень образования и культуры оставался, как и прежде, более высоким на Востоке. Не выступая открыто против нового порядка, аристократическая элита на Востоке упорно сопротивлялась тенденциям к бюрократизации и романизации, исходящим из властных структур. Вынужденная смириться и служить в аппарате власти, она исподволь распространяла свое влияние на все стороны его деятельности. Особенно большим оно было в организации и в содержании образования. Именно местная культурная элита Восточной империи помешала ее превращению в чисто бюрократическое государство, именно она приобщила

пришлый правящий слой к античному эллинскому наследию. Греческий язык постепенно теснил латынь и в канцеляриях, и в общественной жизни. Но сознание самой этой элиты подверглось этатизации: главной ценностью она стала считать служение не обществу, а императорскому престолу.

Несмотря на появление на Западе «варварских» государств, вплоть до подъема Франкского королевства, Византия здесь воистину «разделяла и властвовала». Она рассматривала правителей бывших провинций империи как своих наместников, которые нередко сами в VI–VII вв. признавали патронат императора, чтобы получить от него регалии власти и титулы.

Что же касается «западных варваров», оказывавшихся в пределах империи, то империя активно привлекала к себе их знатную верхушку, открыв ей доступ в высшие слои общества. Влияние же самих «варваров» на империю захватывало в этот период лишь бытовую сферу культуры (появилась мода на штаны, сапоги, плащи, новые прически, виды мебели). Влиянию «варваров» было обязано также заметное огрубление нравов общества и упрощение как латыни, так и эллинской речи.

По мнению В. И. Уколовой и О. Р. Бородина, нередкая в историографии абсолютизация противостояния стран Запада с Византией некорректна — гамма культурных связей между ними оставалась всегда достаточно широкой. Более того: восприятие феноменов византийской культуры было порой тем интенсивнее, чем настойчивей в борьбе за престиж были претензии западных правителей. Такого рода притязания обязывали стать вровень с восточной империей. При сознании своей силы их раздражали культурное превосходство Византии и уверенность василевсов в беспорности своих прав на верховенство в христианской ойкумене. Особенно острыми поэтому были противоречия в идейной сфере, которые с середины VIII в. периодически усиливались. Хотя схизма 1054 г. реализовалась много позже, именно она обусловила обострение взаимной враждебности и послужила оправданием разгрома Византии крестоносцами в 1204 г.

В IX в. среди образованной элиты на Западе стало выражаться сожаление по поводу упадка «Вечного города» (Рима). Каролингское возрождение на Западе сопровождалось всплеском интереса к античности, а в связи с этим — и к культуре Византии. Образовалось два потока распространения античного наследия на Запад: один — из Византии (в основном через Южную Италию, многие жители которой ощущали себя византийцами) и другой — через арабское посредство. В XII в. местом встречи этих потоков стало Сицилийское королевство. Кроме того, влияние империи нашло отражение в придворном

церемониале, в развитии системы почетных титулов и подобающих им регалий, в церковном ритуале, в высокой моде, в архитектуре, в искусстве, в музыке, в быту. Именно византийское влияние дало импульс к созданию на Западе первых университетов. Серьезным препятствием к распространению византийской культуры даже в Италии являлся, однако, языковой барьер. Взаимные переводы были редкостью, особенно переводы с латыни на греческий. Если Анастасий Библиотекарь, личный секретарь папы Николая I, уже во второй половине IX в. перевел на латынь обширную хронику Феофана Исповедника, то появление в Византии (и только в конце XIII в.) первых переводов духовных и светских авторов с латыни на греческий связано в основном с именем эрудита Максима Плануда. Взаимное ознакомление латинян и греков с книжной культурой друг друга было в целом ограниченным вплоть до эпохи Ренессанса.

Нашло проявление византийское влияние в X–XII вв. и на низовом уровне: из Византии проникали на Запад, в народную среду, богословские ереси. Влиянию империи следует приписать и широкую популярность в Западной Европе культа Девы Марии.

Таким образом, согласно авторам двух первых очерков, в культурной сфере византийское влияние на народы Западной Европы было безусловно плодотворным и превосходило в V–IX вв. в несравнимо большей мере ответное влияние Запада на империю. Именно поэтому при всех отличиях, противоречиях и столкновениях между Востоком и Западом ход истории сводился к развитию единой системы христианской цивилизации в двух ее подсистемах (восточной и западной). Не склонные переоценивать масштабы этого процесса, авторы, однако, полагают, что воссоздание истории становления европейской цивилизации немыслимо без учета византийского вклада.

Известной корректировкой и развитием этого вывода являются заключения А. В. Бармина. Его очерк целиком посвящен пересмотру бытующих в науке теорий относительно схизмы церковей 1054 г. Автор приводит обширную аргументацию в пользу концепции об отнюдь не решительном разрыве церковей в 1054 г. и о тенденциозном под влиянием политических целей искажении хода событий, начиная с эпохи после 1204 г. вплоть до сего дня (в основном в литературе православных стран). Хотя Рим в полемике с Константинополем выдвигал на первый план вопрос о масштабах супрематии и о первенстве римского папы, в этой полемике не было, по мнению автора, никакой политической подоплеки. И после скандала 1054 г. имя папы упоминалось другими восточными патриархами, хотя они были теснее связаны с Константинополем. Да и в самой столице империи не было специального постановления о запрете упоминания

имени папы при богослужении, хотя эта практика и стала со временем обычаем. Развитая в XI в. идея пентархии также не была направлена против папства и не находилась в какой-либо связи со схизмой 1054 г.

Даже церковные западные авторы XII–XIV вв. обходили молчанием события 1054 г., не придавая им особого значения. Константинополь также не хотел обострения отношений: разрыв церковью произошел как раз во время острой нужды в единении перед общей норманнской угрозой. Может быть, на Западе даже не знали об отлучении Гумберта (оно было совершено патриархом уже после отъезда легата). Не случайно документы 1054 г. (в том числе грамоту отлучения патриарха Гумбертом, возложенную на престол св. Софии) не могли отыскать в архивах империи уже при Алексее I Комнине, т. е. едва через 30 лет. Возможно, и в актах об отлучении кардинала речь шла не о заблуждениях папы, а о юридической неправомерности посольства во главе с этим легатом. Нельзя забывать также, что поведение кардинала мало отвечало целям его миссии. Ошибочно приписывал он Кируларию и то, что уже давно стало на Востоке традицией (отказ от *filioque*). Превысил и патриарх свои полномочия...

Не оправдывают источники и утверждения о принуждении папством италийских греков к отправлению латинской литургии и о запрете властями империи латинянам в Южной Италии совершать мессу. Автор убежден, что говорить о борьбе папства с империей в 1054 г. нет оснований. Константин IX Мономах свидетельствовал свое уважение папе, и сам Гумберт с благодарностью отозвался о позиции василевса. Говоря о германском и византийском императорах, папа назвал их «двумя руками» римского первосвященника, с помощью которых он управляет миром христиан. (Замечу в скобках, что подобно заявлению папы вряд ли без раздражения могло быть воспринято и политиками империи, и ее патриархом. — Г. Л.).

Обе стороны и после 1204 г. молчаливо признавали единство христианского мира, хотя и сознавали разделяющие его на две ветви догматические, церковные и обрядовые отличия. Современники долго не догадывались, что в 1054 г. произошел разрыв церковью. Только на рубеже XII–XIII вв. схизму 1054 г. обе стороны поставили в центр обостряющейся полемики. (Замечу, однако, и здесь, что уже во второй половине XI в. среди грамотных простых прихожан в восточнохристианских странах, в том числе на Руси, обращались восходящие к обвинениям Кирулария списки-перечни «вин», т. е. прегрешений, латинян с запретами делить с ними трапезу, есть из одной посуды, вступать с ними в брак, принимать вместе с ними причастие, участвовать

в богослужении; более того — со ссылками даже не на схизму, а на захват Рима немцами и «незаконную» коронацию Оттона I в качестве «римского императора» в 962 г. «латинская» вера объявлялась столь же чуждой, сколь и монофизитская и «сарацинская»).

Поводы к самой схизме были, по мнению Бармина, сознательно раздуты с обеих сторон. Личностный фактор играл при этом далеко не последнюю роль. Глубинные причины событий 1054 г. автор усматривает в происшедшем задолго до 1054 г. культурно-мировоззренческом отчуждении, которое, однако, не изменило кардинально характера политических и культурных отношений двух христианских миров в течение полутора столетий.

Высокий авторитет византийской образованности в X–XII вв. в странах Запада и христианского Востока продемонстрирован в очерках Э. Г. Самодуровой и М. В. Бибикова. Поскольку роль византийской школы в организации обучения представителей восточно-христианских стран общепризнанна, постольку Самодурова видела главную задачу в уяснении механизма этого процесса и причин тяготения иноземцев к византийской образованности. Автор показала, что путешествие юношей в империю с целью приобщения к наукам было часто следствием инициативы светских и духовных властей соседних стран, а также личного стремления молодых людей к овладению тонкостями христианского богословия и сокровищами античного знания. Учительной роли империи способствовало сходство религиозных верований и культурной жизни в разных концах восточно-христианского мира. Обучение иноземцев-христиан совершалось и в столице, и в пограничных городах империи. С X в. особенно велика была при этом роль афонских монастырей. Георгий Агиорит назвал Афон «духовными Афинами и рассадником просвещения». Михаил Пселл пишет, что в Константинополе учились «кельты», арабы, персы, сирийцы, египтяне, эфиопы; жаждущие знаний прибывали из Западной Европы, из Багдадского халифата, из Египта и с Кавказа. Были среди них и латиняне, и армяне, и грузины. Они копировали, переводили и комментировали и богословские труды, и сочинения античных авторов. Преуспевших в науках иноземцев византийцы готовы были называть «истинными ромеями», хотя те стремились вернуться домой для выполнения своего долга перед родиной — пройдя курс обучения в империи, они становились там учителями и организаторами обучения.

Гораздо реже с целью обучения посещали империю молодые люди из Болгарии (Симеон) и с Руси (Иларион, Антоний). Предметом главного интереса были в данном случае не античное культурное наследие, а основы богословия, формы организации церковной и в особенности —

монастырской жизни. Огромную роль на Руси в организации начального образования играли, как и в Византии, монастыри. Широкая грамотность населения русских городов стала фактом уже в конце XI в., о чем свидетельствуют сотни берестяных грамот, обнаруженных при раскопках в Новгороде и других городах Северо-Западной Руси, однако это явление культурной жизни Руси трудно приписать прямому византийскому влиянию.

Впрочем, сами византийцы как учителя и проповедники лишь изредка надолго (Кирилл и Мефодий) или на краткое время выезжали за пределы империи с целью учительства и евангельской проповеди. Односложность нередких, но скудных по содержанию известий об обучении иноземцев у византийских учителей свидетельствует, по мнению автора, скорее не об исключительной, а об обыденной деятельности образованных византийцев в приобщении окружающих народов к своей высокой книжной культуре.

М. В. Бибиков рассмотрел проблему создания и распространения византийской книги на Западе и Востоке на примере «Изборника Святослава 1073 г.». Автор разделяет мнение о наличии связей между Византией и средневековыми странами Западной Европы в сфере книжной культуры, о близости техники и стиля копиистов и иллюминаторов при создании как латинской, так и греческой книги (иногда — в одном и том же скриптории). Автор считает, как и Уколова и Бородин, некорректными попытки некоторых ученых провести резкую грань в сфере единой христианской культуры.

Бибиков рассматривает историю эволюции текста «Вопросо-ответов» Анастасия Синаита, на основе которых формировался один из вариантов прототипа «Изборника». Автором учтено до 120 рукописей, большая часть которых изучена им в библиотеках Европы. Греческий прототип попал к славянскому переводчику уже как сложный памятник, имеющий много редакций и вариантов состава. Центрами его распространения были прежде всего Константинополь, а также Италия, Афон и Фессалия. Существовали, помимо старославянского, сделанного в Болгарии в эпоху Симеона и составляющего главный объект исследования М. В. Бибикова, его переводы на латынь, арабский, грузинский, армянский, сирийский и коптский языки. Иными словами, «Изборник Святослава» не является результатом только византийско-славянских отношений и славянской переводческой практики. Его создание было звеном в системе культурных отношений многих христианских народов Европы, христианского мира и всего Восточного Средиземноморья, Закавказья и Северной Африки. На греческих кодексах имеются славянские и латинские пометки; мадридский список в два столбца двуязычен (на латыни

и греческом). Одним словом, памятник читали и в оригинале — он был популярен среди христиан в целом.

Характер культурных связей Запада и Востока приобрел иную тональность после разгрома империи крестоносцами в 1204 г. При этом ярко проявилось отмеченное Уколовой—Бородиным противоречие: с одной стороны, культурный обмен в светской, официальной и бытовой сфере усилился при непосредственных военных и мирных контактах, с другой — он стал еще менее возможным в идеологизированных областях культуры, символизирующих взаимно главные духовные ценности стран-неприятелей (прежде всего — вероисповедание и политическая теория).

В очерке П. И. Жаворонкова исследуется положение Никейской империи между латинянами (завладевшими большей частью территории империи) и наступавшими на Никею с востока сельджуками. В Никейской империи, как и в других концах бывшей Византии после 1204 г., имел место взрыв ненависти к латинянам. Однако именно в «никейскую эпоху» — эпоху перехода к сословному обществу зрелого феодализма — в жизненную практику высших слоев империи вошли западные ордалии, рыцарские судебные поединки и турниры, отпущения грехов перед битвой. Утверждение западного обычая приносить присягу на верность императору сочеталось с идеей его ответственности за жизнь и благополучие своих подданных, за которых он должен быть готов умереть, как любой из его соотечественников (как сеньор за вассала). Существенно усилилось влияние Запада и в военной области. Возросла прослойка византийской знати, склонная поддерживать церковную унию с папством. Увеличилось и число бытовых реалий, проникших в жизнь византийцев с Запада вместе с множеством латинян, несших военную и гражданскую службу императору Никеи. Характерно, что латиняне-наемники сражались за императора греков против своих соплеменников, тогда как появление ромеев в той же роли у государей латинян расценивалось как измена православию и государственное преступление. Борьба греков за отвоевание Константинополя сопровождалась в Никее подъемом ромейского патриотизма и проявлениями в широких слоях населения растущего сознания своей этнической идентичности. Убежденные в чистоте своей веры, в богоизбранности своего царства и его жителей, ромеи и в эту тяжкую для них эпоху были не менее убеждены в превосходстве над «латинским» всего строя их жизни (таксиса), включая уровень культуры и образованности.

Наиболее значительным в последовавшую за Четвертым крестовым походом эпоху стало влияние латинян на империю в торгово-экономической области, что является также острой дискуссионной

проблемой в современной византистике. В очерке С. П. Карпова вскрыто значение активности Генуи и Венеции в Северном Причерноморье в XIV в., первую половину которого ознаменовал хозяйственный подъем, а середину — экономическая и демографическая катастрофа, охватившая огромную территорию от Китая до Атлантики. Введя в научный оборот новые материалы из итальянских архивов, автор показал, что благодаря торгово-предпринимательской деятельности Генуи и Венеции в зону экономического обмена, в которую входила Византия, был втянут и обширный регион в Северном и Восточном Причерноморье и в Приазовье, ставший, в свою очередь, торговым мостом между Востоком и Западом: торговые пути были замкнуты здесь в единый хозяйственный континуум. Крупные события в одном из его концов влекли за собой серьезные последствия для всех партнеров-участников хозяйственного и культурного обмена. Особенно наглядно это проявилось в годы грандиозного кризиса середины XIV в. Его удар пришелся и по Византии, входившей в рамки системы, где Причерноморье составляло часть южного торгового пояса Европы. Распад Монгольской державы отразился и на торговле итальянских республик — им приходилось теперь доплачивать посредникам, значение которых возросло и в Причерноморье. Прокачилась серия банкротств недавно процветавших компаний. Происходила постепенная стагнация венецианской торговли в Романии. Распад торговых трасс на сегменты предопределил переход к локальной торговле.

В. Г. Ченцова, анализируя просопографический материал об именах итальянских купцов, ставила целью выявить последствия торговли венецианцев для рынков Романии во 2-й половине XIV–XV в. и определить свою позицию по рассматриваемой проблеме, вызвавшей длительные споры в науке. Ряд выводов автора восполняет наблюдения Карпова о посреднической роли итальянского купечества на примере их деятельности в Эгейде и на прилегающих побережьях в XIII–XV вв. Одной из главных является мысль автора, что и по численности итальянских торговцев в этом регионе и по объему торговых операций их деятельность не была столь значительной, какой ее пытаются представить в литературе. В сущности, автор подкрепляет новейшую концепцию (особенно развиваемую Р.-И. Лили), что роль итальянского купечества в византийском мире в это время — скорее спасительная, чем наносящая какой-то заметный ущерб местному ремеслу и торговой активности купцов Византии: во всяком случае она не могла иметь роковых последствий для экономики империи. Напротив, благодаря итальянскому купечеству местная торговля была вовлечена тогда и в региональную и в международную.

(Не ставя в целом под сомнение эти заключения, замечу, однако, что они обязывают к особенно тщательному анализу причин неоднократно бурных, иногда вооруженных выступлений жителей Константинополя в конце XII в., громивших жилые кварталы итальянцев, их торговые помещения и склады товаров.)

В трех следующих очерках (Е. М. Ломизе, Б. Л. Фонкича и И. П. Медведева) рассмотрены культурные связи империи и Запада на их высшем уровне в Палеологовскую эпоху, характеризовавшуюся в Византии подъемом интеллектуальной жизни и расцветом искусств, а на Западе — наступлением эпохи Ренессанса. Противоречивый характер этого активного как никогда ранее взаимодействия стал в этот период османской экспансии особенно очевидным, как и его растущая зависимость от политической ориентации и самих деятелей культуры, и представляемых ими государств.

Е. М. Ломизе рассмотрел на примере деятельности варлаамитов и паламитов в XIV–XV вв. соотношение этих культурно-идеологических течений с так называемым «византийским латиномыслием». Раскрывая некоторые стороны византийско-латинских духовных связей второй половины XIV в. на элитном уровне интеллектуалов с обеих сторон и признавая верным мнение о том, что византийских противников Григория Паламы (варлаамитов) основательно рассматривают как вполне лояльных к Западу деятелей, если не как латинофилов, Ломизе уточняет, однако, что, во-первых, не все варлаамиты были латинофилами, хотя все латинофилы были противниками исихазма. Во-вторых, латинофильство как духовное течение в принципе не имело прямого отношения к полемике об исихазме в Византии: эта полемика была сугубо внутренним явлением, тогда как латинофильство было привнесено извне и нередко определяло политическую позицию его приверженцев. Победа исихазма привела к тому, что внутренняя оппозиция ему в Византии переродилась — поздние враги исихазма стали сторонниками религиозного латиномыслия. Они были по преимуществу светскими людьми, ставшими чуждыми православию как сторонники «латинства» и поэтому теряли политическое влияние в обществе и в целом не снискали доверия у подавляющего его большинства. Осталась глухой к их критике и патриархия, которая ко времени полемики об унии ни в чем не изменила своей резко антилатинской позиции.

Б. Л. Фонкич, исследовав творчество видного писателя-антиуниата Иоанна Евгеника, привел яркие свидетельства о непосредственной реакции византийцев и отчасти русских на падение Константинополя. Среди трех групп сочинений, которыми культурный мир отозвался на это событие («страдания», призывы к походу с целью

освобождения царственного града и описания его осады турками и падения), особенно важна для автора первая группа, и прежде всего труд Иоанна Евгеника «Монодия на падение Константинополя». Его плач был наиболее популярным. Он сразу же был переведен на русский язык и сыграл свою роль в становлении официальной идеологии на Руси.

Автор обнаружил полный список труда Евгеника и готовит его издание. Рассмотрел он и другие группы сочинений Иоанна Евгеника, который находился тогда сам в Константинополе и после его падения остался на свободе.

Падение древней столицы империи всколыхнуло весь христианский мир. Лишь теперь и в странах Западной Европы в полной мере осознали его единство и непреходящую ценность общих основ христианской цивилизации. Очерк И. П. Медведева посвящен откликам на падение Константинополя в греко-итальянской гуманистической публицистике XV в., в которой уже тогда было осознано всемирно-историческое значение этого события. Весть о нем ширилась по Европе, как пламя, сопровождаясь паникой, плачами, вспышкой ненависти к «Турку» и распространением мессиянских и эсхатологических настроений. Будучи оповещен, папа Пий II со скорбью заметил, что отныне с греческими науками будет, видимо, покончено.

Новое дыхание в странах Западной Европы обрела крестоносная публицистика. В обсуждение происшедшего включились гуманисты, особенно в Италии, где ощущалась прямая османская угроза. Однако активность гуманистов не нашла реальной поддержки у государей Европы. Движение вырождалось. Вопреки кличам непримиримых о невозможности согласия с турками стала высказываться идея мира религий. Стремясь к постижению некоего «всеобщего знания», гуманисты полагали, что оно лежит в основе всех религий.

И на бывших землях Византии, и на Западе предпринимались попытки идеализации турок («потомков троянцев»). В Византии еще до 1453 г. существовало туркофильское течение. Теперь же и среди гуманистов появились сочинители хвалебных од в честь султана. Прославляли его и средствами искусства. Выдвигали план создания исламо-христианской империи. Унию двух христианских церквей с исламом предлагали осуществить через мирное общение, взаимное изучение религий друг друга и совместные ученые беседы.

В целом, однако, и в западноевропейском обществе преобладала болезненная реакция на завоевание мусульманами столицы христианской империи. Но с ходом времени, вслед за расколом в греческом образованном мире (имели место и бегство с родины, и переход в католичество, и даже принятие ислама и поступление на службу

к султану), идея примирения с турками получила распространение и на Западе.

В заключение Медведев публикует — впервые в русском переводе — ряд откликов современников на Западе на падение Константинополя.

С. А. Иванов также впервые в отечественной историографии подвиг основательному рассмотрению такую своеобразную форму проявления византийской культуры, как юродство, являвшуюся в сущности маргинальной даже в низовой сфере духовной жизни населения империи. Чисто византийское по происхождению, юродство распространилось затем и на Западе, и в странах православного круга (в особенно близком к оригинальному виду на Руси). Однако юродство вне империи не было прямым подобием византийского при всем сходстве внешних проявлений. Восточное юродство обосновывалось в основном в городах, западное — в монастырях. На Западе юродствовали в стремлении искупить собственные грехи, не бросая вызова нравам общества и избегая искушений, на Востоке на этот путь святости становились из сознания греховности мира и помышляли о спасении душ грешников, провоцируя окружающих на свершение греха в целях испытания прочности веры и не боясь любых поношений в свой адрес. С другой стороны (и здесь налицо определенное противоречие), на Западе юродство было проникнуто социальным пафосом — юродивый выступал борцом за справедливость, тогда как в Византии оно было абсолютно асоциальным.

Таким образом, по существу на Западе не прижилось подлинное юродство. Там юродивый неизменно обращался к массам, в Византии он был отщепенцем, одиночкой. На Востоке юродство олицетворяло презрение к материальному миру, на Западе — стремление к его совершенствованию. По мнению автора, в этих антиномиях выразилось промежуточное положение византийской культуры.

Тезис о глубоком мировоззренческом отчуждении двух частей христианской ойкумены уже в VI–VII вв. нашел подтверждение и на материале о византийском и западном юродстве. Различия наблюдались здесь и в глубинном содержании феномена, и в его мотивах, целях и общественной роли. Мазохистская форма умерщвления плоти и подвижничества, известная религиям и Европы и Азии, получила классический вид только в Византии (а затем на Руси).

В связи с очерком С. А. Иванова считаю нужным высказать две ремарки: во-первых, представляется некорректным термин «промежуточная» применительно к византийской культуре, о яркой оригинальности которой свидетельствует и приводимый автором материал. Во-вторых, можно ли определить византийское юродство как

асоциальное и не выполнявшее «общественной функции», если справедлива мысль автора, что юродивый стремился главным образом к духовному спасению других и действовал в обществе подобно «соли, накладываемой на раны засыпающей совести»?

Контакты империи с народами Востока, формы мирных сношений и враждебных столкновений составляли здесь, в отличие от отношений с Западом, гораздо более многоцветную палитру, краски и оттенки которой непрерывно менялись, начиная с эпохи византийско-персидских войн и кончая османским завоеванием. Термин «Восток» авторы очерков употребляют ниже в двух смыслах: как синоним мусульманского мира и как географическое понятие, охватывающее и христианские общины в странах ислама. К сожалению, церковно-культурные отношения в пределах восточнохристианского мира в целом весьма слабо отражены в книге, несмотря на всю их важность. (Достаточно напомнить, что осуществленный в VIII в. в Багдаде Иоанном Дамаскином труд по систематизации христианского вероучения получил признание во всем христианском мире и стал популярен в церковных кругах на Западе едва ли не больше, чем на христианском Востоке.)

В целом в течение тысячелетней истории Византии она имела дело на Востоке с тремя главными сменявшими друг друга партнерами: с персами, арабами и тюркскими народами (сельджуками, туркоманами и турками-османами).

Как подчеркнула А. В. Чекалова, в ранневизантийский период империя имела в качестве партнера по культурному взаимодействию на Востоке только сасанидский Иран как единственное здесь цивилизованное государство. Периоды войн с ним сменялись длительными периодами добрососедских отношений. Имели место дружба между правящими дворами, даже практика взаимного усыновления наследников как средство обеспечения им трона через покровительство соседней державы. Политически признавалось равенство статуса двух государств. Несомненно близость воинской стратегии и тактики и вообще военного дела в обеих странах (недаром персы и ромеи взаимно служили в войсках друг друга). Сходной была и система податей — здесь персы многое брали у ромеев, в том числе и в сфере гражданского права.

Однако и ромеи проявляли интерес и к культуре, и к государственной системе Ирана. Знание персидского среди ученых людей в империи облегчало заимствование в литературе сюжетов из персидских легенд. Совершался обмен и в прикладном искусстве, и в быту (одежда, кухня, игры). На примерах дипломатического искусства персов империя активно усваивала их богатый опыт в отношениях с на-

родами Востока, используя его в последующем в контактах с арабскими халифами, сельджуками и Ильханами.

Преобладало все-таки при этом влияние византийцев: персы селили у себя пленных ромеев, мастеровых и художников, привлекали византийских врачей, изучали античных греческих авторов. Для Ирана была характерна терпимость в отношении к христианам. Даже жены шаха — христианки не меняли своей религии. Существовали в Иране и христианские церкви и монастыри. Влияние христиан было существенным и при дворе шаха, когда шах был заинтересован в дружбе с василевсом. Однако и преследования христиан имели место во время военных столкновений. Возможно, именно христианство, как монотеистическая религия, проложило в Иране дорогу другой монотеистической религии — исламу.

С VII по XI в., в течение полутысячелетия, главным партнером Византии на Востоке были арабы. Следы взаимного культурного влияния империи и Халифата друг на друга выявлены в целом достаточно убедительно, по крайней мере в сфере материальной культуры (как и в эпической поэзии и басенном эпосе). Неясным остается, однако, положение дел в определении степени, форм и глубины взаимных влияний в области письменной, высокой культуры, побуждающее исследователей к крайней осторожности при любых обобщениях на этот счет.

Автор очерка «Византия и Халифат в VII–X вв.» О. Г. Большаков подчеркивает, что начало контактов с арабами восходит ко времени формирования самой Восточноримской империи. Византийцы на первых порах, даже терпя поражения от арабов, не усматривали в них серьезной опасности как в народе, стоящем на низкой ступени общественного и культурного развития. Цели завоевания имперских земель арабы, склонные преувеличивать могущество ромеев, поставили отнюдь не сразу после принятия ислама. Уступая в VII в. византийцам в военном деле, арабы быстро совершенствовали свою организацию, учились у своего врага и наращивали силы. Идея священной войны за торжество ислама сплотила арабское общество, а политика терпимости к религии завоеванного христианского населения и сохранение имперских институтов управления обеспечили им спокойный тыл. Положение завоеванных вряд ли оказывалось хуже, чем под византийским господством. Монофизиты и иудеи были лояльны к властям арабов, правоверные христиане или эмигрировали, или смирялись и платили джизью за право сохранить свою веру.

Только с конца VII в. с обострением идеологической борьбы арабы стали искоренять на покоренных землях все атрибуты старой (имперской) власти. Арабский язык заменил греческий в делопро-

изводстве; была введена арабская налоговая система. Отчуждение захваченных арабами провинций от их бывшей метрополии углубилось, обретая необратимый характер. Ухудшилось и положение христиан в Халифате и усилилось их глухое противостояние власти агарян.

Войне с империей было придано в Халифате принципиальное, идеологическое значение — только с уничтожением империи связывалось представление об окончательной победе ислама. За 300 лет взаимных контактов арабов с византийцами едва треть этого срока была мирной. Находясь по преимуществу в обороне и никогда не нанося ответных ударов в направлении столиц Халифата (Дамаска и Багдада), империя все-таки не позволила арабам продвинуть свои границы севернее Тавра. Постепенно военные действия приобрели сезонный характер: они сводились либо к стычкам в пограничье, либо к глубоким, но кратковременным набегам на земли империи.

Византийская государственная система обнаружила при этом гораздо большую жизнестойкость. Расходы на масштабные войны с Византией становились непосильными для Халифата, особенно с началом его распада во второй половине IX в. В первой четверти X в. обе стороны попеременно еще наносили друг другу чувствительные удары, но со второй четверти этого столетия обнаружилось явное преобладание Византии. Войска империи стали глубоко проникать на земли раздробленного Халифата, но и ромеи, как до того арабы, не ставили эти земли под свое управление.

В обстановке политических распрей внутри Халифата и ожесточенных религиозных конфликтов между суннитами и шиитами (порой более острых, чем между мусульманами и христианами) арабское общество (включая духовенство) становилось равнодушным к идее джихада. Эпизодически она возрождалась (обычно в низах общества), но не находила реализации в серьезных акциях. Последний успех Халифата — принятие под его влиянием ислама булгарами на Волге.

Упадок Халифата выразился в оскудении и арабской литературы. Ущербными стали сведения арабских географов об окружающем мире, даже о местах арабско-византийских столкновений, не говоря уже о географическом положении самой Византии. Все чаще их описания сводились к простому заимствованию давно устаревших данных из трудов их предшественников. Характерно, что ученые арабы, побывавшие в плену у византийцев, с восторгом и явными преувеличениями описывали богатство, великолепие и мощь империи (особенно ее столицы). С одной стороны, официальные круги Халифата и империи взаимно демонстрировали надменность и презрение к державе

«неверных», а с другой — проявляли, как правило, уважение к противнику как к достойному и равному по рангу. (Отмечу в связи с этим, что более комфортно в этой ситуации чувствовали себя византийцы: арабы, как иноверцы, находились вне ойкумены, и признание равенства сил с ними в военной сфере не нарушало основ их доктрины «избранного» народа и «избранного» царства. Напротив, арабские авторы, говоря о пышных приемах императорских послов в Багдаде, старательно избегали сообщать о том, какова была при этом официальная формула титулования и императора и его посланников.)

Поразительна, однако, скудость известий арабских авторов о культурных связях с христианским миром, даже в сфере материальной культуры. Главная трудность при уяснении этого вопроса состоит в том, что среди немногочисленных сохранившихся памятников прикладного искусства VII–IX вв. трудно отличить сирийские от малоазийских и мусульманские от предмусульманских; кроме того, производственные центры, оказавшиеся под арабской властью, продолжали прежние производственные традиции, и византийские изделия (и местные и привозные) неотличимы от сиро-палестинских и северо-месопотамских. К тому же памятники мелкой пластики легко перемещались в обе стороны в виде добычи, товара или даров, и определить место их изготовления остается весьма проблематичным.

Крайне малое число сохранившихся предметов не позволяет проследить становление собственно мусульманского стиля, если на них нет арабских надписей. Порой, однако, недостаточно и надписей, так как они нередко наносились на изделия ремесленниками, работавшими в византийской технике.

Из империи везли дорогие ткани, золотую и серебряную посуду, золотую монету, лекарства, парчу, сложные замки, музыкальные инструменты, а также рабов. Арабы дорожили трудом (невольничьим и наемным) ромеев-ремесленников, медиков, специалистов по градостроительству, водоснабжению, агрономии. Особенно высоко ценились в Халифате византийские строители, механики, оружейники, химики. В первой четверти IX в. при арабском дворе не без влияния империи возник глубокий интерес к математике, геометрии и астрономии. Была широко налажена переводческая деятельность, но переводились по преимуществу античные авторы. Неизвестно, однако, какими путями их труды попадали в руки арабов: от жителей ли завоеванных областей или из самой Византии.

Мало знаем мы и о том, что «арабского» охотно заимствовали у мусульман византийцы. Известно, что императоры помышляли о возвращении ряда знаменитых христианских ценностей, попавших в руки арабов. Так, в 942–943 гг. император сумел вернуть храни-

впавший в Эдесе образ Нерукотворного Спаса, обменивая его на большое число арабских пленников.

Примечательно, что сами арабы о византийском культурном посредстве вообще не упоминают. Более того, по мнению ал-Масуди (первая половина X в.), византийцы не отличались ученостью — с утверждением христианской веры среди них будто бы исчезло знание и погребло все то, чего достигли древние греки и их предшественники. О. Г. Большаков обращает внимание на тот любопытный факт, что значительно более низкий исходный уровень арабской культуры сравнительно с византийской не помешал быстрому расцвету наук в Халифате. Причины этого автор очерка готов видеть в том, что слабо разработанная религиозно-философская система ислама в VII–X вв. еще была не в состоянии наложить на светскую мысль идеологические оковы. Такая система была разработана мусульманами в XI в., и, видимо, не случайно с тех пор резко замедлилось развитие наук и в странах ислама.

В заключение автор ставит интересный вопрос о том, почему имело место усвоение западноевропейским миром достижений арабской науки через Андалусию и почему до сих пор практически не известно ничего о знакомстве византийцев с арабской наукой? Что мешало этому: идеологические шоры или же «крестоносный барьер»?

В самом деле, хотя высокий авторитет византийской культуры, как и определенная учительная роль греков, традиционно признавались народами Востока и в VII–IX вв., идейно-конфессиональная вражда исключала, как показала Э. Г. Самодурова, прямой контакт учеников из мусульман с учителями-ромеями на почве самой империи. Приобщение представителей стран ислама к античному наследию — через посредство византийцев — происходило благодаря переводам с греческого на персидский и арабский и изучению трудов античных авторов вне империи, в своих странах, у местных христиан, и может быть — у ученых «ромеев», оказавшихся на чужбине. Во всяком случае, иметь таких учителей мечтали в IX в. и халифы, и арабские книголюбы.

Согласно исследованию М. В. Бибикова о формировании, распространении и культурной роли «Изборники 1073 г.», иначе обстояло дело в мусульманском обществе с памятниками христианской культуры: они так таковые выполняли свою функцию только в христианской культурной среде в целом как на Востоке, так и на Западе.

В экономической, социальной и политической сфере, как и в культурном взаимодействии, особенно заметной конвергенция была в тех соседних с Византией регионах, которые на длительное время оказывались включенными в пределы империи. Основательно результаты

ее длительных отношений с одним из таких регионов (армянским) рассмотрены в очерке В. А. Арутюновой-Фиданян. Решающее значение в отношениях с армянами имели три фактора: во-первых, множество армян всегда составляли значительную часть подданных империи (в Малой Азии они по численности едва уступали грекам), армянской по происхождению являлась и большая часть имперской элиты. Иммиграция армян на земли империи под давлением кочевников не прекращалась со времени византийско-персидских войн вплоть до XII в. Во-вторых, независимые и полузависимые армянские княжества были традиционными союзниками империи в борьбе с арабами, а затем — с сельджуками, и империя старалась сохранить здесь свое политическое влияние. Отразив натиск арабов, Византия стремилась, однако, возможно реже прибегать к силе в отношениях с местным населением, стараясь не завоевывать армянские земли, а включать их в состав империи мирным путем и без крайней необходимости не менять их внутреннюю структуру. Поэтому новые (армянские) провинции даже не именовались фемами — они составляли особые земли (хоры), где представители центральной власти делили полномочия с местными магнатами. Именно поэтому в армянских землях не было антивизантийских восстаний (подобных тем, которые армяне поднимали против арабского и сельджукского владычества), именно поэтому на этих землях имел место хозяйственный подъем под византийским господством и Византия в армянской историографии представляла в образе державы-защитницы и покровительницы, чему, несомненно, способствовала растущая угроза армянам со стороны сельджуков. В-третьих, наконец, культура Армении — страны не менее древнего христианства, чем Византия, но в его монофизитской форме, складывалась практически одновременно с византийской и обладала всегда ярко выраженной спецификой, несмотря на тесные контакты армян с империей.

Разделяя теорию Д. Оболенского о создании к 1000 г. усилиями имперской дипломатии «Византийского сообщества государств» с чертами их не только церковной и культурной, но и политической зависимости от империи, Арутюнова-Фиданян идет, однако, значительно дальше. Она выдвигает еще две идеи: во-первых, армянские земли составили постепенно сложившуюся контактную зону, которая, однако, являлась не просто пограничной территорией, где совершался интенсивный культурный обмен (так дело до сих пор представляют в литературе), а особый регион, в котором в X–XI вв. оформилась своеобразная структура, оказывавшая, в свою очередь, существенное влияние на общественную и культурную жизнь соседей, в том числе — на Византию; во-вторых, именно армянские земли были очагом

возникновения новых средневековых (феодалных) институтов, которые впоследствии широко распространились и на византийской территории, — таких, например, как феодальная вотчина, вассальные узы между магнатами и землевладельцами средней руки, рыцарский идеал императора-воина и защитника подданных и т. п.

Происходило проникновение в армянские земли также и греков — вместе с имперскими гарнизонами, размещаемыми по крепостям Армении, вслед за получением греческой знатью от императора поместий в этой земле. Утверждение имперского правопорядка, византийских ценностей общественной жизни, симфонии церкви и государства, увеличение численности армян-халкидонитов — все это предполагало, естественно, и усиление влияния ромейского таксиса на все сферы жизни армян, в том числе — на их культуру. Все это определило тот факт, что армянская контактная зона превратилась в уникальный регион взаимной религиозной терпимости — здесь имела место встреча трех конфессий: православия, халкидонитства грузинского толка и монофизитства. Это был регион, открытый для греческого и грузинского культурного влияния (здесь имел место синтез трех культур — особый феномен армянского халкидонитства — пример ранней средневековой религиозной терпимости). Имидж Византии в армянских землях стал, однако, тускнеть с успехами наступления на восточные рубежи сельджуков. Теперь в армянской историографии проводилась мысль о неразумной политике Византии в отношении армян (роспуск собственно армянского войска, бесталанность наместников империи), в результате чего произошло разрушение контактной зоны и край был поставлен под удар сельджуков. Отчуждение от Византии привело к концу XI в. к созданию совершенно негативного образа империи: ее обвиняли в забвении интересов армян.

По заключению П. И. Жаворонкова, Никейская империя в эпоху ее существования (т. е. с начала XIII в. до отвоевания Константинополя в 1261 г.) наиболее отчетливо, чем любой другой регион бывшей Византийской империи (как занятый латинянами, так и независимый от них), играла роль моста в культурном обмене между Востоком (прежде всего — сельджуками) и Западом (т. е. латинянами, обосновавшимися на территории империи). Особенно быстро возросло проникновение в греческую среду элементов не только западной, но и восточной культуры. Благодаря арабскому посредству вошло в широкий обиход индийское обозначение цифр. Усилился одновременно и приток в ромейские наемные войска выходцев с Востока, куманов (половцев) и туркоманов, достигавших высоких постов. Посредствующая в отношениях Востока и Запада роль Никеи отразилась и в формировании нового стиля в дипломатической практике

империи на Востоке: она вытягивала сельджуков в сферу своего политического влияния. Впрочем, политика «приручения» сельджуков таила и не всегда очевидную опасность (см. о ней в очерке Р. М. Шукурова).

Интенсивным заимствованием в общественном устройстве, государственным строе и в сфере культуры сопровождалось также иноземное (болгарское, сельджукское, османское) завоевание территорий империи. Завоеватели активно приспособляли существующие на захваченных территориях порядки к потребностям своей власти. Отношениям Византии с завоевателями, наступавшими с востока, и результатам взаимодействия с ними в XIII–XV вв. посвящены три очерка — Р. М. Шукурова, Д. А. Коробейникова и С. Ф. Орешковой. Решены, однако, поставленные в них проблемы по-разному. В первых двух идет речь о политическом влиянии империи на ее соседей на востоке, а в последнем — о влиянии Византии на их общественные и социальные институты.

Р. М. Шукуров в своем очерке выдвинул оригинальную гипотезу, согласно которой, стремясь к первенству среди правителей осколков Византии, никейский император опирался на сельджукских союзников — в том числе против Трапезунда. Он отнял у трапезундцев часть Пафлагонии, пользуясь пленением сельджуками императора Трапезунда Алексея I Великого Комнина, а во время осады султаном Синопа — также Ираклию Понтийскую и Амастриду. Так, с помощью сельджуков Ласкарис отразил претензии Великих Комнинов на верховенство, фактически позволив сельджукам овладеть этим важнейшим связующим две греческие империи городом-портом (Синопом), которым Никея могла бы владеть на Черном море. Для Никеи это был стратегический проигрыш в угоду тактическому успеху. В итоге Анатолия была расколота с катастрофическими последствиями для греков. Тут ранее был их оплот, позволявший доминировать в Малой Азии. Теперь же обе империи (Никейская и Трапезундская) были блокированы тюркменскими кочевыми племенами. Судьба северо-анатолийских земель Никеи была предрешена. Турки, располагая уже портом на Средиземном море (Антальей), обрели выход и к Черному. Теперь возникла прямая угроза и Константинополю — у турок возникла перспектива владычества во всей Малой Азии. Общая победа сельджуков и никейцев означала для первых триумф, а для вторых обернулась вскоре поистине «новым Манцикертом».

В известном смысле очерк Д. А. Коробейникова корректирует гипотезу Шукурова: последствия «ошибки» Феодора Ласкариса отнюдь не были роковыми в отношениях с сельджуками (а затем —

с монголами): далеко не все было потеряно империей после 1214 г. ни в XIII, ни даже в XIV в. Напротив, на обширном материале, с привлечением практически всех доступных источников (в том числе — восточных), автор демонстрирует чрезвычайную гибкость имперской дипломатии, сумевшей — при явном недостатке военных сил — на целое полувековье (вторую половину XIII в.) сохранить мир для ромеев в Малой Азии, играя на острых противоречиях между сельджуками Рума и монголами (Ильханами), между кочевыми тюрками и правительством Иконийского султаната, между Хулагидами и Египтом, который состоял в союзе с Золотой Ордой.

Опорой византийской «дипломатической обороны» на Востоке стала христианская диаспора в Малой Азии. Хотя в те времена политика и конфессия во внешнеполитических отношениях были связаны неразрывно, в данном случае имела место взаимная терпимость: религиозные отличия в отношениях империи с восточными соседями зачастую не играли ведущей роли. Сельджуки, как затем и Ильханы, активно привлекали на службу и христиан (писцов и чиновников, мастеров и художников, дипломатов и переводчиков), высоко оценивая их знания и профессиональное мастерство. Немало христиан было среди придворных ханов и султанов, среди слуг, домочадцев и жен в гаремах знати. Императоры добивались, чтобы им официально было предоставлено право покровительствовать Православной Церкви за пределами границ империи. Высокий авторитет императора как повелителя христианской ойкумены в целом до усиления тюрков широко признавался и сельджуками, и монголами. Византия не допускала обидного высокомерия в отношениях с Ильханами, рассматривая их как своего рода преемников Персидской державы, а Ильханы, в свою очередь, не демонстрировали своего военного превосходства над древней империей. Сходной была позиция и Трапезундской империи, игравшей также роль посредствующего звена в отношениях Запада, Никеи и Константинополя с Ильханами.

Положение стало быстро меняться со второй четверти XIV в., когда усилившиеся в Малой Азии тюрки приступили к созданию своего, ярко выраженного этнически («национального») государства. Увлечшись мирным симбиозом православия и ислама, политические деятели Византии и Рума, а затем Монгольского Ирана проглядели общую, внезапно вставшую во весь рост опасность, — усиление тюркских бейликов, в особенности — Османского.

Старые приемы византийской дипломатии в отношениях с ними оказались бессильными. Последовало завоевание тюрками основной части византийских владений в Малой Азии и освоение ими всех территорий бывшего Иконийского султаната. Правящие круги

Османской державы, в которой решительно преобладали турки, видели в Византии не только военного и политического, но и идеологически непримиримого врага (хотя идея симбиоза еще продолжала существовать на раннем этапе развития Османского бейлика). К середине XIV в. мусульмане уже численно преобладали в Малой Азии. А это означало, что исчезли и те силы, на которые опиралась Византия на востоке. Уменьшение православного населения сопровождалось и упадком церкви. Византия перестала быть великой восточной державой. Вскоре гражданская война в империи вообще пресекла преемственность в восточной политике. Попытки Иоанна VI Кантакузина восстановить положение, вовлекая турок во внутренние распри, имели катастрофические последствия. Подданные императора и вообще христиане Малой Азии оказались брошенными на произвол судьбы.

С. Ф. Орешкова проследила на примере османского общества влияние Византии на экономические, государственные и социальные институты завоевателей ее земель. В том огромном скачке, который османы сделали за полтора столетия пребывания в Малой Азии (примерно до середины XIV в.) в своем общественном развитии — от разлагающегося кочевого и полукочевого строя до организованного сильного государства — трудно переоценимую роль сыграли постоянные контакты с Византией и с попавшим под власть тюрок местным населением.

Удельный вес греков среди этого населения неуклонно падал. Постепенно в XIII в. сюда переселялось множество иных народов под власть беев в поисках спасения от монголов. Поток переселенцев не иссякал и в монгольский период. Разрыв в уровне был огромен: на востоке кочевники жили еще при родовом строе, а на западе разнородные массы уже обретали оседлость. Тут издавна была распространена и восточная форма военного земельного держания от казны — икта, а поэтому здесь всегда стремились к завоевательной политике. Административный, военный и земельный режимы османов формировались на этой основе одновременно.

Пути влияния проходили и через пребывание при османском дворе греков, и взрослых и детей (в разной роли), через брачные связи и наложниц, через знатных византийцев, перешедших в ислам и поступивших на службу к завоевателям, через слуг-рабов, через широкое использование византийских писцов и чиновников. Влияние империи шло и от арабов, которые уже заимствовали многое у Византии и вместе с исламом передали туркам. Укрепляя свои позиции, османы брали из тех систем и структур, с которыми имели дело, все, что отвечало их интересам, и прежде всего — от Византии.

Наиболее явственно это проявилось в трех сферах. Во-первых, в налоговой системе (османы заимствовали основные ее принципы — «квотацию» — учет при обложении имущественного состояния налогоплательщика, а также методы обложения, технику кадастров). Во-вторых, в соединении земельных пожалований с военной службой: характерно, что ранее всего этот институт утверждался у османов именно там, где была распространена византийская прония, хотя несомненно также родство османского тимара и с ирано-сельджукской иктой. Но османы сделали земельные держания от казны под условием несения военной службы всеобщей системой. Она не была абсолютно подобной системе проний, так как прония эволюционировала в сторону превращения в наследственную, а затем и в безусловную собственность, тогда как — при господстве в османской державе принципа всеобщей верховной собственности султана на все земли страны — тимары оставались мало подвижной формой условной собственности. Став временно основой могущества империи, тимар превратился затем в один из важнейших факторов последующего загнивания всей общественной и государственной системы. В-третьих, влияние империи проявилось в том, что османы утвердили в близких к византийским формам систему регламентации ремесла и торговли в городах, поставив под контроль рыночные цены, условия и масштабы производства.

Конечно, ни один из этих институтов не являлся прямым заимствованием: массу общих черт византийские институты в названных сферах имели задолго до османов с сасанидскими и арабскими. По сути дела, это были новые, уже собственно османские институты, лишь испытывавшие влияние византийских, но отнюдь их не воспроизводившие.

Подъем Османской державы был недолгим. В отличие от Византии и от ряда других стран ислама, завоеванных османами, их общество не было (хотя бы сравнительно с империей) открытым: незыблемость своих порядков они сделали своего рода религиозной догмой. Разделение общества на привилегированную мусульманскую часть и христианскую неполноправную, подчинение всех форм жизни предписаниям шариата, отказ от регулирования имущественных, общественных и личных отношений нормами права, восходившими к порядкам у гяуров, неминуемо вели к загниванию османского общества. Государство стояло над обществом, но было неспособно его совершенствовать. Признаки глубокого упадка проявились в обществе османов — могильщиков великой христианской империи — спустя едва столетие после падения Константинополя.

С. А. Иванов поставил в своем очерке об юродстве задачу сопоставления его оригинальной (византийской) формы не только с со-

ответствующей западной, о чем речь шла выше, но и с его восточными разновидностями. Раввинистическое юродство являлось, по мнению автора, переходным к его восточной версии, но восходило корнями скорее к предшествовавшей христианству эпохе. Ближе к христианской была хасидская разновидность. Близкими к византийским были некоторые черты и у мусульманского псевдо-безумия. Дервиши, как и юродивые в Византии, были свободными ото всех земных правил морали. И здесь «друзья бога» провоцировали против себя всеобщее поношение. Но и здесь трудно обнаружить византийское влияние. Исламское юродство в конце средневековья принимало самые дикие формы, и несмотря на это дервиши не теряли почтения у окружающих, тогда как в империи о святости юродивого узнавали обычно только под конец его жизни.

Как уже было сказано в моем очерке, с VII по XII в., в течение полутысячелетия, т. е. почти половины всего времени существования империи, главным партнером Византии на Востоке были арабы.

Приступая к наиболее общим предварительным заключениям на материале аннотированных выше очерков, напомню, что первой из отмеченных в начале обозрения основных проблем является проблема конкретных форм и методов взаимодействия империи с окружающим миром.

Прежде всего приводимый авторами материал позволяет различить две главные формы взаимных влияний — с одной стороны, усвоение элементов высших, фундаментальных ценностей культуры контактирующих сторон, как-то: религия, идейно-политическая доктрина верховной власти, научные познания, система и содержание образования, книжное дело, институты власти, нормы права, титулы и должности, формы сбора и передачи информации, воинская стратегия и тактика, придворный церемониал и т. п. Можно отнести к этой сфере обмена высшими формами культуры также ее идеологизированные материальные символы: короны, регалии высшей власти, иконы, реликварии и т. д. Достигалась передача этих ценностей и на путях военных действий (захваты, контрибуции и дани), и особенно плодотворно — в мирное время (договоры о мире, союзе и торговле, обмен посольствами и заложниками, династические браки, взаимное воспитание при иностранном дворе наследников престола, отправка своих миссионеров и священнослужителей к дружественному двору для организации церкви и ее управления, мастеров для возведения и украшения дворцов и храмов, богатые дары, содержащие, как правило, и изделия искусства и т. д.). С другой стороны, авторы указали и на примеры взаимного усвоения феноменов массовой культуры и предметов быта на низовом, народном уровне.

Соответственно с этим авторы определили два главных пути, по которым распространялись взаимные культурные влияния: прежде всего это государственная, официальная линия, нерасторжимо связанная с политическими отношениями сторон и касавшаяся главным образом сферы высокой культуры. Другой путь — это торговля и личные контакты представителей взаимодействующих культур самого разного статуса и положения в обществе (этот обмен касался в основном всех иных форм культурных заимствований по преимуществу в материальной сфере). Его результаты всегда были гораздо очевиднее того, каким образом этот обмен произошел. Чтобы объяснить данный феномен, приходится допустить, что в подавляющем большинстве случаев к данной форме культурного взаимодействия не были причастны высшие власти с обеих сторон и он не фиксировался документально — обмен происходил на индивидуальном уровне: через личное общение, рынок, паломничество, военную службу в империи, дарения, брак, плен и иные формы вольного или невольного пребывания носителей иноземной культуры на чужбине.

Разграничение это, однако, не абсолютно: обучение грамоте, книжный обмен, ознакомление с чужим (христианским или мусульманским) вероисповеданием и даже его тайное или открытое принятие, приобщение к научным знаниям, в том числе — к высоким духовным ценностям античности и религиозным учениям своего времени, обретение познаний и навыков в художественных ремеслах и т. д. — все это могло происходить и в результате общения частных лиц. И наоборот: по государственной линии вывозились за пределы империи и приобретались соседями, ближними и дальними, подлинные шедевры византийского прикладного искусства, становившиеся образцами для подражания при становлении собственных художественных ремесел (ткани, цветное стекло, смальта для мозаики, изделия из слоновой кости, расписная посуда, ювелирные украшения, предметы церковного культа). Недаром изделия византийского прикладного искусства ценили и берегли. И поныне распространенные по всему миру, они представлены в крупнейших музеях Европы, Азии, Африки и Америки. Официальной политикой византийского двора в сношениях с внешним миром были строгие ограничения на вывоз за пределы империи многих видов продуктов и сырья и особенно — изделий высокохудожественного византийского ремесла. Императорский двор использовал этот фонд в политических целях для даров и даней иноземным правителям и строго дозировал квоты на их продажу иноземцам (драгоценные металлы, шелковые ткани, парча, окрашенные в пурпур кожи, дорогие красители, оружие, предметы роскоши и т. д.). Так смыкались пути распространения византий-

ского влияния и по высокой, государственной линии и по бытовой — через вывоз дорогих изделий. Второй путь сплошь и рядом играл роль подготовительного этапа для перехода к усвоению фундаментальных ценностей культуры (включая смену религии).

Взаимными реципиентами элементов чужой культуры, в особенности в ее высокой сфере, были в то время в основном представители состоятельных и знатных слоев общества. Заимствовалось то, что соответствовало уровню их развития на данный момент и отвечало прежде всего соображениям престижности, а также эстетическому чувству, понятиям об удобстве и моде (спрос на привозимые с Руси дорогие меха, икру, мед, воск и тонкие льняные ткани предъявляла именно константинопольская знать; славянские вожди уже в VII–VIII вв. мечтали о приобретении у ромеев в первую очередь шелковых одеяний, тогда как рядовые славянские воины уносили также из своих набегов на земли империи сделанные византийцами сельскохозяйственные орудия).

Наиболее активным был при этом обмен на рынках крупных торговых центров, прежде всего — в столицах контактирующих стран, где обмен стимулировался государственной властью. Низы общества с обеих сторон были мало причастны к такому обмену, но и они взаимно заимствовали и адаптировали элементы массовой чужой культуры в пограничных регионах, которые обычно обозначаются в современной историографии как «контактные зоны».

При всем убеждении правящих и образованных кругов Византии в VII–VIII вв. в превосходстве своей цивилизации над восточной (мусульманской) и западнохристианской (латинской) они не стремились к собственно культуртрегерской роли вне границ империи. Византия никому не навязывала за пределами своих границ ни свой порядок, ни свои правовые нормы. Особенно снисходительна и осторожна она была в своих отношениях с отдаленными народами, в союзе с которыми или в мире оказывалась заинтересованной (аланы, моравы, печенеги). Если в отношении враждебных народов властители и дипломаты империи могли проявлять — по обстоятельствам — как миролюбие и снисхождение, так и презрение и высокомерие (часто определяемые в литературе как гордыня и «византийская ксенофобия»), то к иноплеменникам в самой империи, прежде всего к знатым, чуждым поначалу идеалам византийской культуры, однако стремящимся обрести статус полноправных и сделать карьеру, ее власти проявляли терпимость и предупредительность. Их охотно принимали на службу, заключали с ними соглашения и договоры, наделяли на определенных условиях землей. Власть не прибегала при этом, как правило, к прямому насилию, но создавала такие условия, которые

предопределяли превращение иноэтничных лиц и групп в законопослушных подданных, полноправных членов царства «ромейского таксиса». Эта позиция не исключала, однако, часто устанавливавшегося в империи негласного наднаора за иностранцами. Последующая ассимиляция таких лиц, особенно тогда, когда они являлись в империи без семей, происходила уже во втором и третьем поколениях.

Позиция Византии в сношениях с Западом, с языческими народами к северу и северо-западу от своих границ (принявшими затем крещение от империи) и с миром ислама отличалась существенными особенностями. Важное значение имели уже условия внешнеполитических контактов, которым сопутствовал культурный обмен. Даже в периоды военного противостояния со странами Запада и Востока взаимодействие культур не прерывалось полностью, но менялся характер взаимного восприятия ее элементов: он становился выборочным — отвергались идеологизированные (связанные с конфессией или официальной политической доктриной) феномены культуры врага. В целом, однако, рамки культурной конвергенции становились неизмеримо более широкими в условиях мира.

В отношениях с Западом факторы взаимного «притяжения» и «отталкивания» проявлялись особенно явственно. Империя неизменно стремилась утвердить, как это ни было порой далеко от реальной оценки собственных сил, свой престиж, свое политическое и культурное превосходство. Заимствуя отдельные элементы культуры Запада, она решительно отвергала его духовные ценности — прежде всего «латинскую веру» (исключение составляла эпоха поздней империи, но и тогда глубоким влиянием итальянских гуманистов был затронут лишь узкий слой византийских интеллектуалов). Позиция имперских правящих кругов осталась и в XV в. такой же, какой она была в начале XII в. Предельно ясно она выражена в данной связи Анной Комнин: говоря об Иоанне Итале и его приверженцах как о носителях «латинской» и «эллинской» ереси, принцесса пишет, что они, долго живя на Западе, «понахватались там чудных и вредных идей».

Страны Запада долго находились под обаянием римской идеи и сознания величия прямой наследницы Рима — Византии. Огромное влияние на сознание людей оказывала та очевидная истина, что Восточноримская (Византийская) империя была в сущности единственным древнейшим государством на всем Европейском континенте. Окружающие империю варвары были долго убеждены в том, что ее права на высший престиж среди всех соперничающих сил абсолютно бесспорны, а уровень ее культуры несоизмеримо выше. В IV–VIII вв. именно на землях Восточной империи состоялись все семь Вселенских соборов христианской церкви, здесь была осуществлена и пер-

вая систематизация христианского богословия с опорой на античную логику и диалектику. Сознание этого также возвышало авторитет имперского духовенства, долго слывшего хранителем чистоты догматов, обладателем ключей к божественной истине. Вплоть до середины VIII в. эти представления в менталитете европейцев были трудно изживаемой традицией.

Впрочем, отношение к Византии всех вступающих с нею в контакт народов всегда было двойственным: высокая духовность восточно-христианской веры, налаженная система образования и эстетическая безупречность шедевров византийского искусства, отмеченных печатью античных традиций, пленяли сердца и умы иноземцев, в том числе живущих в странах Западной Европы, но их отвращала официально проводимая Византией в жизнь римская имперская доктрина, которая утверждала высший суверенитет императора Константинополя в христианской ойкумене в целом и культивировала идею превосходства «богоизбранного народа» над всеми другими народами-единоверцами. Государи стран Запада постепенно переходили от сомнений в праве Византии на римское наследство к отрицанию претензий константинопольского императора на высший престиж, затем к основанию собственных империй (Каролингской, Германской) и, наконец, к агрессии и завоеванию царства «ромеев».

Культурные заимствования Запада у Византии не прекращались никогда и превосходили ответное влияние, хотя и оно постепенно возрастало, как об этом пишут Уколова, Бородин, Бармин и Жваворонков. Отличие от позиции Бармина состоит при этом в том, что он, с одной стороны, готов признать культурно-мировоззренческое отчуждение Запада от христианского Востока весьма значительным уже в раннесредневековую эпоху, а с другой — не усматривает в схизме 1054 г. выражения острых противоречий между латинским Западом и христианским Востоком, а в претензиях папы «управлять всем христианским миром» не видит никакой политической подоплеки.

В целом культурные заимствования Запада у Византии были, сравнительно с принявшими от империи крещение славянскими странами и с мусульманским миром, относительно более редкими и спорадическими, но диапазон этих заимствований, как подчеркивают Уколова и Бородин, был в то же время гораздо более широким и разнообразным. Элементы античного культурного наследия и здесь преобладали, однако дело не ограничивалось ими: внимание западных теологов привлекали и раннехристианская патристика Восточной церкви, и труды ее выдающихся деятелей (Иоанн Дамаскин), и ее религиозная музыка и литургия, и книжная культура, и инсигнии власти, и почетная титулатура, и т. п.

Признание превосходства широкой образованности «ромеев» и восхищение совершенством изделий их художественных ремесел не мешало одновременному конструированию иноземцами негативного образа империи. Так, во время правления императоров Македонской династии, когда наметился быстрый подъем экономики, военной мощи и культуры империи, среди господствующих кругов окружающей империи стран получил распространение миф о Византии как слабом государстве, а о ее подданных как о неспособных постоять за себя. Эту мысль высказывали и Симеон Болгарский, и Лиутпранд, и Святослав, и норманны, и крестоносцы. Характерно, что поносили при этом именно то, в чем значительно уступали византийцам. Так, Святослав, если верить Льву Диакону, с презрением называл ромеев ремесленниками, живущими трудом рук своих, тогда как русы, будучи храбрыми воинами, полагаются лишь на силу оружия. Сицилийские норманны, вторгшиеся на Далматинское побережье в 1185 г., предлагали ромеям перед битвой, по словам Никиты Хониата, немедленно сложить оружие, так как они привыкли держать не щит, а грифельную доску и не избавились донныне от страха перед плетью учителя, поровшего их за нерадение. Вряд ли можно сомневаться в том, что здесь отразились не только раздражение превосходством византийцев в мастерстве и культуре, но и комплекс неполноценности, независимо от того, был ли он вполне осознан или только маскировался напускной бравадой. Теми же причинами объяснялись и беспримерная грубость и дерзость, которые позволяли себе в 1091 г. крестоносные вожди при встрече в Константинополе с Алексеем I Комнином, достаточно искусным политиком и полководцем, чтобы дать им отпор, если бы это тогда отвечало интересам империи.

Только гуманисты Запада, начиная с середины XIV в., стремились решительно изменить имидж империи в латинском мире, превознося ее всеми доступными им средствами как хранительницу античного знания. Узнав о взятии Константинополя турками, гуманисты Италии скорбели, ибо закат «греческой учености» станет, по их представлениям, тяжким ударом для всего христианского мира.

Особую главу в истории отношений Византии с внешним миром составляют ее связи со славянскими странами, расположенными к северу от ее границ (Болгария, Сербия, Русь). Большинство этих стран до второй половины IX в., а некоторые — до конца X в. оставались языческими. В качестве своей важнейшей задачи по отношению к ним империя рассматривала обращение жителей этих стран в христианство и организацию на их земле церкви, подчиненной Константинопольской патриархии. Именно в этом состояла одна из важнейших исторических миссий Византии. Крещение названных стран было

продиктовано с обеих сторон глубокими политическими (хотя и по-разному мотивированными) причинами. Последствия крещения, а вместе с тем и вступления Болгарии, Сербии и Руси в круг цивилизованных стран трудно переоценимы: не только основные устойчивые культуры неофитов, но и весь распорядок их общественной и частной жизни претерпели коренные перемены, о которых здесь излишне говорить.

Осуществляя крещение, правители империи стремились не только устранить военную опасность со стороны страны-неофита, но и подчинить ее своему влиянию, а при непосредственном соседстве — и инкорпорировать при благоприятных условиях в состав империи (так это и случилось с Болгарией и Сербией через полтора столетия после крещения). Господствующая верхушка готовой принять христианство стороны, уже затронутая влиянием христианской культуры, не менее тщательно взвешивала вероятные последствия смены религии для судеб престижа и полномочий своего высшего правителя и для положения государства на международной арене, в том числе для характера дальнейших отношений с самой империей.

С приобщением к христианству в период с 60-х гг. IX в. до конца X в. обширного славянского региона к северу от границ Византии почти четырехкратно расширилась в Европе подчиненная Константинопольской патриархии зона господства восточной ветви христианства. Д. Оболенский определил ее как «Византийское сообщество государств», связанных узами не только церковной и культурной, но и политической зависимости с ее центром («крестной матерью») — Византией. Определение это вполне согласуется с политической теорией и с менталитетом византийских светских и духовных правителей, но оно не согласуется с исторической действительностью: ни одна из стран «сообщества» в Европе (если только она не была завоевана империей силой оружия) не находилась реально в политической зависимости от империи даже при чисто теоретическом и этикетном признании высшего авторитета императора в христианской ойкумене. Доктрина политического верховенства императора Византии в «сообществе» осталась такой же «церемониальной фикцией» для внутреннего использования в императорском дворце на Босфоре, какой была и идея господства империи в христианской ойкумене в целом. Неофиты жадно и творчески плодотворно заимствовали достижения византийской культуры. Неофитов-славян не интересовало античное культурное наследие — они воспринимали от империи прежде всего основы христианского вероучения, нормы организации церкви и правила монастырской жизни. Они признавали непререкаемый авторитет Византии в вопросах веры (не случайно в странах, приняв-

ших христианство от империи, не предпринималось — в сущности до нового времени — собственных изысканий в сфере теологии: русские иерархи в XIV в. советовали спорящим по конфессиональным проблемам сторонам отправиться за решением вопроса «к грекам»). Но что касается экономических, политических и престижных вопросов, то едва через четверть века (Болгария) или полвека (Русь) члены «сообщества» не колеблясь поднимали оружие против империи для защиты своих интересов.

На фоне этих общих суждений о содержании употребляемого в науке понятия «Византийское сообщество государств», заслуживает специальной оценки особый характер отношений империи с двумя государственно-политическими системами внутри «сообщества» — с Арменией и Русью. Отношения Византии с Арменией являются сюжетом специального очерка Арутюновой-Фиданян. Автор включает Армению в соответствии с теорией Д. Оболенского в состав «сообщества»: армяне также испытали мощное влияние византийской цивилизации. Автор права и в том, что этот регион обладал ярко выраженной спецификой в пределах «сообщества». Во-первых, само христианство имело здесь ясно выраженные особенности: правоверные ортодоксы-халкидониты не составляли здесь, сравнительно с монофизитами, большинства. Во-вторых, заметной спецификой обладал этот регион и в общественно-политическом отношении, причем не только во время независимости от империи, но и в периоды нахождения его в составе Византийской империи. И в том и в другом случае бесспорна длительная политическая зависимость Армении от Византии, как это убедительно показано в очерке. Однако в отличие от В. А. Арутюновой-Фиданян, я не разделяю убеждения Д. Оболенского о том, что политическая власть империи простиралась на всех членов «сообщества». Большинство из них (и прежде всего Русь) сохраняло всегда абсолютную политическую независимость от Византии.

Ярко выраженная специфика имелась и здесь, но она, сравнительно с таким членом «сообщества», как Армения, имела прямо противоположный «знак»: совершенно независимая от империи Русь была (причем — именно поэтому) в течение почти тысячелетия наиболее дружественной империи страной среди других членов «сообщества». Преследуя собственные политические интересы и используя затруднения империи, Русь вынудила ее к крупному вкладу в утверждение своего имиджа на мировой арене в период упрочения Древнерусского государства как крупной европейской державы. Заключив почетный династический союз с правящим в империи домом, получив от нее христианство, а вместе с ним и изобретенную в Ви-

зантии письменность на родном для славян языке и другие феномены высокой культуры, Русь испытала, как до нее Болгария в первое полустолетие после крещения, бурный расцвет культуры и искусства. Используя богатый опыт древней христианской державы, правители Руси укрепили центральную власть и систему управления огромной страной с разным уровнем развития ее регионов, с этнически разнородным населением и с крайне трудными коммуникациями. Находясь достаточно далеко от границ Византии, чтобы совершенно не опасаться ее покушений на свой государственный суверенитет, и достаточно близко, чтобы заставить империю уважать свои интересы, Русь усматривала огромные выгоды в том, чтобы не только сохранять, но и демонстрировать перед другими странами и народами Европы и Азии свои тесные связи с древней империей в качестве ее друга и союзника. Поэтому в течение почти столетия князья Руси удерживали в Византии по выгодному для себя договору крупное воинское соединение в качестве союзного империи войска. Именно поэтому культурные связи Византии с Русью оказались особенно тесными и плодотворными, а традиции отношений с восточно-христианским миром особенно длительными и прочными.

Перейду теперь к третьей проблеме — к отношениям империи со странами Востока, прежде всего с персами, исповедовавшими зороастризм, и с приверженным исламу арабским, сельджукским и турецким миром. Поскольку религия и политика в средние века составляли неразрывное идеологическое единство и поскольку вероисповедание оказывало обычно непосредственное влияние на характер отношений соседних государств, постольку и в данном случае безусловное взаимное неприятие религиозных духовных ценностей стимулировало длительное враждебное противостояние сторон. Однако решающую роль, как показали авторы соответствующих очерков, играл при этом, как правило, политический, а не конфессиональный фактор. Он оказывал влияние на отношения империи и с христианскими, и с мусульманскими странами. Джихад далеко не всегда являлся главным мотивом войн мусульман против империи, а еще реже походы против них войск империи мотивировались целями борьбы за торжество веры Христовой.

Более того, даже в периоды военных столкновений культурное взаимодействие не прекращалось полностью, особенно со стороны, враждебной Византии. В связи с этим Ж. Дагрон определил отношение арабов к Византии как позицию «врага интимного и неприятеля восхищенного». Разумеется, различие религий являлось существенным барьером на пути конвергенции культур на уровне ее высших, идеологизированных сфер. Не случайно Византия стала для персов,

арабов и латинян передаточным звеном прежде всего античного культурного наследия, идеологически одинаково чуждого и латинянам и мусульманам — обе стороны не разделялись в данном случае идейными противоречиями, так как античные языческие представления не составляли идейной опасности ни для мусульманской, ни для христианской религиозной доктрины.

А. А. Чекалова приводит бесспорные факты взаимного влияния персов и византийцев (несмотря на зороастризм первых и христианство вторых) на организацию жизни двора, структуру власти, военное дело, литературу, музыку, материальную культуру, обычаи и быт обеих сторон. Особый интерес представляет приводимый автором материал, позволяющий определить одно из принципиальных отличий в идеологической позиции Византии к христианским странам Запада, с одной стороны, и к иноверным странам Востока — с другой. В отношении к единоверному Западу Византия не поступилась ни единым догматом в своей религиозной системе (судьба двух попыток унии с папством хорошо известна), не признавала она и не признала до конца и идейно-политического равенства своего «единственного Божьего царства на земле» с любой другой христианской державой (и даже империей) в Западной Европе.

Между тем в отношениях с Ираном, Арабским халифатом и Иконийским султанатом византийские идеологи не видели в незыблемой имперской доктрине непреодолимого препятствия к фактическому признанию политического равенства между империей и названными державами иноверцев. Византийский император и при урегулировании конфликтов, и в периоды мира оказывал обычно шаху Ирана, арабскому халифу и Ильханам знаки высшего внимания и уважения как равным по авторитету. Не случайно и то, что византийцы проявляли гораздо большую терпимость в отношении к мусульманам, чем к «латинянам». Богословских трактатов против последних «ромеи» создали несравнимо больше, чем против агарян. Да и идеологическая опасность со стороны ислама не представлялась правящим кругам империи слишком серьезной: переход в мусульманство сколько-нибудь значительного числа христиан был мало вероятен.

По всей видимости, в отношениях с Ираном и арабами на имперскую идейно-политическую доктрину воздействовал не выражаемый открыто, но подразумеваемый византийскими политическими деятелями фактор различия вер, хотя проявлялся он парадоксальным образом. Иран византийцы не могли изначально, по природе, несмотря на древность Персидской державы и высокие параметры ее цивилизации, признать соперником империи по престижу и положению на

международной арене (в отличие от христианских стран Запада). Престижное «снисхождение» к шаху, а затем к халифу и султану считалось допустимым потому, что оно было вынесено «за скобки» христианской ойкумены — касалось царств, находящихся вне ее пределов. Дружба при таких условиях имела свои четкие границы. Не случайно между византийским и персидским (как и арабским и турецким) дворами не заключались до второй половины XIV в. династические браки, несмотря на взаимную веротерпимость. Вынужденные уступки мусульманам в политической сфере, вызванные военным поражением, идеологи Византии редко воспринимали трагически, находя утешение в сфере конфессиональной, где их позиция была непреклонной (в поражении усматривали следствие не превосходства нечестивого врага, а наказания Господнего за грехи ромеев).

Обращаясь к византийской учености, арабы постоянно и глубоко интересовались по преимуществу сохранным византийцами античным культурным наследием. Арабское посредство в передаче на Запад античного знания было едва ли не более значительным, чем само византийское. Имеются, однако, данные о том, что арабы, враждебные религиозному учению византийцев и равнодушные к их политической доктрине, охотно заимствовали у ромеев их естественнонаучные познания (в медицине, химии, механике, математике, астрономии). Несомненно, условия для таких заимствований не исчезали никогда — они осуществлялись через находившихся всегда при мусульманских дворах образованных греков (беглецов, заложников, служащих, мастеров, архитекторов, художников, пленных, рабов и слуг, жен и наложниц и т. д.). Конечно, заимствования не касались при этом, как сказано, основ христианской византийской цивилизации и были ограниченными даже в неидеологизированных сферах книжной культуры. Наиболее активным обмен был все-таки в области материальной культуры (Константин Багрянородный любил изящный кубок арабской работы, подаренный ему митрополитом Кизика), в особенности в пограничных зонах, где в контакты вступали рядовые жители с обеих сторон.

Наконец, четвертая проблема — почему в процессе взаимодействия с культурами других стран и народов (как восточных и северных, так и западных) культура Византии, во-первых, обнаружила гораздо большую устойчивость и, во-вторых, не чуждаясь в течение многих веков восприятия элементов чужой и отдавая (вольно или невольно) еще больше своих культурных ценностей, не утрачивала никогда присущей ей оригинальности. Ответ на первую часть вопроса сравнительно прост: общепризнанно, что почти до конца XII в. культура Византии (как и ее искусство) обладала среди других культур Европы

и стран Средиземноморья в целом более высоким уровнем и недолимым эстетическим обаянием для современников. Что же касается второй части вопроса, то очерки позволяют, на мой взгляд, сделать на этот счет, по крайней мере, ряд предположений.

Касаясь вопроса об особенностях византийской культуры, С. А. Иванов определил ее в своем очерке как «промежточную», обладающую чертами и западной и восточной. При кажущейся очевидности этого наблюдения его нельзя признать корректным: культура Византии отнюдь не была переходной — она была ярко оригинальной. Заимствования византийцами высоких элементов западной культуры начались только с конца XIV в. и только византийскими интеллектуалами, когда они заметили отставание темпов развития своей культуры от западной.

Несмотря на далеко еще не выясненный процесс становления самой византийской культуры, обычно в качестве главных системообразующих факторов, обусловивших специфику византийской культуры, признаются восточное христианство, античное культурное наследие и римская государственность. Однако встает неизбежный вопрос: какой из этих трех факторов имел решающее значение? Что касается особенностей восточного христианства, то сами современники с обеих сторон, как показал Бармин, несмотря на «схизму» 1054 г., не считали религиозные различия определяющими духовное и культурное отчуждение двух христианских миров.

Примерно то же самое следует сказать и о греко-римском античном наследии. Для византийской христианской культуры характерна в целом не столько прямая преемственность, сколько преобразующая рецепция языческого античного наследия. Ее масштабы были в Византии несоизмеримо большими, чем на Западе, но к рецепции элементов античного наследия не был совсем не причастен и мир Запада (и не только он).

Решающим среди факторов, обусловивших относительную однородность культуры Византии, являлось, по всей вероятности, государство. Именно от него во многом зависели судьбы как античного культурного наследия, так и самого христианства. Именно оно в значительной мере определяло пределы отбора и адаптации античного наследия. Государственная власть обеспечила также и самую победу христианства, сделала его государственной религией, подавила ереси, создала единую церковную организацию и превратила церковь в своего верного союзника, нуждающегося в постоянной опеке государства. Его роль была столь велика, что в IX–XI вв. дискуссии в образованных кругах шли в основном не о религиозных проблемах, а о природе высшей власти, ее функциях и о месте василевса в обществе.

Доктрина римской государственности и сакрализованная идея «единственного Божьего царства на земле» — Римской империи — легли в основу политической жизни ее подданных и стали одним из важнейших факторов самосознания византийцев, второй их натурой, эстечником их нравственной силы и патриотизма, неотъемлемым элементом их мировосприятия до конца существования империи. Свое государство они называли «Романией», Константинополь чтили как «Новый Рим», а себя считали «римлянами» (ромеями).

Именно государство, применяя (прежде всего ради достижения политических целей) широкий арсенал имеющихся у него средств, объективно обеспечило единство культурной жизни общества в ее основных проявлениях. Важное значение имели при этом: непрерывно утверждаемое центральной властью господство города над деревней, единство системы управления, принципов комплектования армии, налогообложения, всеобщего права и судопроизводства, государственного языка и письменности, церковной организации и самого восточнохристианского вероисповедания и т. п. Чрезвычайную роль, наконец, играла и культурная гегемония Константинополя — законодателя мод и вкусов. Казавшиеся принципиально мало совместимыми разноликие феномены различных культур, проникая на имперскую почву, обретали на ней некое общее, при всем богатстве локальных оттенков, «византийское выражение».

Редкие случаи предпочтения, отдаваемого чужеземным культурным феноменам перед соответствующими собственными, природными элементами и аксессуарами культуры, встречали резкое осуждение в обществе. Приверженность же привычным, устоявшимся формам жизни, преданность идеалам и духовным ценностям своей империи и своей церкви, щепетильный традиционализм почитались и как добродетель и как естественная норма жизни добропорядочно-го подданного из любой социальной среды.

Таким образом, можно, по всей вероятности, заключить, что, во-первых, основные политические и конфессиональные устои византийского общества составили некое гармоничное единство, достигнутое за столетия проживания населения в лоне единой имперской системы и нашедшее выражение также и в единстве культуры этого общества, и что, во-вторых, в связи с этим сформировался особый психологический тип византийского подданного — «romeя», обладающего иммунитетом против восприятия чужой культуры в ущерб собственной.

Государственная власть Византии в существенной мере регулировала и отношения своих подданных с иностранцами. При всей подозрительности к чужеземцам в целом она не препятствовала их посе-

щениям городов империи, даже ее столицы, хотя и не содействовала активному общению подданных с иноземцами, в особенности — выездам ромеев за рубежи империи. Так или иначе, но византийцев за границей было всегда многократно меньше, чем иностранцев в пределах империи. Византийцами, выезжавшими надолго или навсегда за пределы отечества, были прежде всего служители церкви и миссионеры, строители храмов и художники-монументалисты, дипломаты и купцы, а также политические изгнанники. Поскольку и церковников-ромеев было в иных странах весьма мало, а послов и купцов империя предпочитала принимать, чем отправлять сама, можно, видимо, заключить, что лично соприкоснуться с миром чужой культуры имело возможность отнюдь не большое число византийцев. Напротив, всегда и подолгу немало иноземцев проживало в Византии. Одних иноземных воинов-наемников всегда в империи насчитывалось несколько тысяч, состав которых непрерывно менялся и пополнялся. В Константинополе и других крупных городах имелись целые кварталы, населенные иноплеменниками, пользовавшимися официально предоставленным им юридическим статусом (так, в столице империи были кварталы сирийцев, арабов, латинян, русов, евреев, армян и др.). Иностранцы вольно или невольно становились носителями полюбившихся им культурных ценностей, навыков и познаний, усвоенных в империи. Чрезвычайно показателен тот факт, что надолго обосновавшиеся в качестве господ на землях Византии после Четвертого крестового похода латиняне, хотя и оказали некоторое культурное влияние на местное общество, в конечном счете полностью «огречились».

Разная глубина византийского культурного влияния на различные народы определялась переменами на международной арене, геополитическим положением вступающей в контакт с империей страны, мерой активности обеих взаимодействующих сторон: сама империя (ее правящие круги) проявляла далеко не одинаковую заинтересованность в установлении длительных контактов с теми или иными народами. Зависела интенсивность контактов с Византией и от окружающих ее стран: как правило, правители этих государств стремились к договорным, выгодным и политически и экономически отношениям с империей. Права на это им приходилось добиваться и силой оружия, и ответными крупными уступками империи. На масштабы рецепции большое влияние оказывал и уровень развития самих контрагентов, зрелость их собственной культуры, способной к восприятию и адаптации в интересах своего общества высоких параметров византийской цивилизации. Византия в течение многих веков оставалась для окружающих ее стран идущим далеко впереди

ориентиром на пути к обретению лучшего качества жизни, политического авторитета, расцвета культуры и искусства. Она оставалась для всех и наставницей и соперницей. Учительная роль Византии как для мира христиан, так и для иноверцев сохранялась и при подражании достижениям византийской культуры и искусства, и при стремлении эти достижения превзойти.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- АДСВ — Античная древность и средние века
ВВ — Византийский временник
ВИ — Вопросы истории
ВО — Византийские очерки
ВОН — Вестник общественных наук
ЖМНП — Журнал Министерства народного просвещения
ЗВОРЮ — Записки Восточного отделения Русского археологического общества
ЗРВИ — Сборник Радова Византологического института
ИОРЯС — Известия Отделения русского языка и словесности Академии наук
ИРАИК — Известия Русского археологического института в Константинополе
ИСССР — История СССР
ИФЖ — Историко-филологический журнал Арм. АН
КПП — Киево-Печерский патерик
ПВЛ — Повесть временных лет
ПЛДР — Памятники литературы Древней Руси
ПС — Палестинский сборник
ПСРЛ — Полное собрание русских летописей
СА — Советская археология
СОРЯС — Сборник Отделения русского языка и словесности Академии наук
ТОДРЛ — Труды Отделения древнерусской литературы АН СССР
AASS — Acta Sanctorum
AB — Analecta Bollandiana
ΑΠ — Ἀρχαῖον Πόντου
BCH — Bulletin de correspondans hellénique
BF — Byzantinische Forschungen
BMGS — Byzantine and Modern Greek Studies
BS — Byzantinoslavica
BSOAS — Bulletin of the School of Oriental and African Studies
Byz. — Byzantion
BZ — Byzantinische Zeitschrift
DOP — Dumbarton Oaks Papers
ΕΕΒΣ — Ἐπετηρὶς Ἐταιρείας Βυζαντινῶν Σπουδῶν

EO	—	Écho d'Orient
JÖB	—	Jahrbuch der österreichischen Byzantinistik
JÖBG	—	Jahrbuch der österreichischen byzantinischen Gesellschaft
MB	—	Μεσαιωνική Βιβλιοθήκη (Bibliotheca Graeca medii aevi) / Ed. C. N. Sathas. Venetia, Paris, 1974, 1876, vol. IV, V
NE	—	Νέος Ἑλληνομνήμων
PG	—	Migne J. P. Patrologiae cursus completus. Series Graeca
PL	—	Migne J. P. Patrologiae cursus completus. Series Latina
OCP	—	Orientalia Christiana Periodica
PP	—	Past and Present
REA	—	Revue des études arméniennes
REB	—	Revue des études byzantines
RESEE	—	Revue des études Sud-Est Européennes
RSBN	—	Rivista di Studi Bizantini e Neoellenici
SI	—	Studia Islamica
SM	—	Scripta minora
TM	—	Travaux et Mémoires

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Г. Г. Литаврин</i>	
Вместо предисловия	5
<i>Г. Г. Литаврин</i>	
Геополитическое положение Византии в средневековом мире VII–XII вв.	11
<i>О. В. Иванова</i>	
О путях интеграции иноплеменников в Византийской империи в VII–X вв.	48

ВИЗАНТИЯ И ЗАПАД

<i>А. А. Чекалова</i>	
Византия между державой Сасанидов и варварскими королевствами Запада в IV–первой половине VII в.	81
<i>В. И. Уколова, О. Р. Бородин</i>	
Византия и Запад: культурные отношения в VII–XII вв.	105
<i>А. В. Бармин</i>	
Столкновение 1053–1054 гг.	140
<i>З. Г. Самодурова</i>	
Роль византийской школы в организации системы обучения в окружающих империю странах в VII–XII вв.	160
<i>М. В. Бибиков</i>	
Византийская рукописная книга на Западе и на Востоке	193
<i>П. И. Жаворонков</i>	
Западные и восточные реалии в социально-политической и духовной жизни Никейской империи	207
<i>С. П. Карпов</i>	
Кризис середины XIV в.: недооцененный поворот?	220
<i>В. Г. Ченцова</i>	
Венецианские купцы в Романии в XIII–XV вв.	239
<i>Е. М. Ломизе</i>	
Варлаамизм и византийское латиномыслие. Просопографические наблюдения	262
<i>Б. Л. Фонкич</i>	
Иоанн Евгеник и его «Монодия на падение Константинополя» ...	270

И. П. Медведев

Падение Константинополя в греко-итальянской
гуманистической публицистике XV в. 293

С. А. Иванов

Византийское юродство между Западом и Востоком 333

ВИЗАНТИЯ И ВОСТОК

О. Г. Большаков

Византия и халифат в VII–X вв. 354

В. А. Арутюнова-Фиданян

Византия и Армения в X–XII вв.: зона контакта 380

Рустам Шукуров

«Новый Манцикерт» императора Феодора I Ласкариса 409

Д. А. Коробейников

Византия и государство Ильханов в XIII–начале XIV в.:
система внешней политики империи 428

С. Ф. Орешкова

Византия и Османская империя: проблемы преемственности 474

Г. Г. Литаврин. Заключение 495

Список сокращений 535

Директор издательства:

О. Л. Абышко

Главный редактор:

И. А. Савкин

Художественный редактор:

О. А. Грызлова

Редактор:

Л. А. Абышко

Корректоры:

Л. Ю. Румянцева

Н. П. Дралова

Оригинал-макет

Н. И. Пашковская

ИЛ № 064366 от 26. 12. 1995 г.

Издательство «Алетейя»:

193019, Санкт-Петербург, пр. Обуховской обороны, 13

Телефон издательства: (812) 567-2239

Факс: (812) 567-2253

E-mail: aletheia@spb.cityline.ru

Сдано в набор 20. 11. 1997 г. Подписано в печать 15. 02. 1999 г. Бумага офсетная.
Формат 60×88¹/₁₆. Печать офсетная. Объем 34 п. л. Тираж 1300 экз. Заказ № 3527

Отпечатано с готовых диапозитивов
в Академической типографии «Наука» РАН
199034, Санкт-Петербург, 9 линия, 12

Printed in Russia